

Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

**НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

№ 2 (78)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2025

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 2 (78). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2025. – 307 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (зам. главного редактора) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М.А. Вахрушина –
д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации);
Ю.Р. Вишневецкий – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab.,
Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф.
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов –
д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН);
Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н., проф.
(ННГУ им. Р.Е. Алексеева); О.В. Лебедева – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н.,
проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН);
М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена,
Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф.
(Институт социально-политических исследований РАН); И.Э.Петрова – д.соц.н., проф.
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); Н.В. Рыбаков –
к.соц.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф.
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.А. Судьин – д.соц.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); М.Л. Теодорович – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Г. Фролов – к.э.н., доц. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва);
Н.И. Яшина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.Н. Яшин – д.э.н., проф.
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2025

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK
OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD
SOCIAL SCIENCES

No. 2 (78)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2025

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 2 (78). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2025. – 307 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief

S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Lebedeva – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; S.V. Ledyeva – PhD, Assistant Prof.; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; I.E. Petrova – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Puryшева – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; N.V. Rybakov – Cand. Sc (Sociology), Assoc. Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; S.A. Sudyin – D.Sc. (Sociology), Prof.; M.L. Teodorovich – D.Sc. (Sociology), Prof.; Yu.V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; V.G. Frolov – Cand. Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.; N.I. Yashina – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Новоспасская Е.Д., Трофимов О.В.</i> Оценка готовности предприятий ОПК исполнить государственный оборонный заказ	9
<i>Голубева А.Н., Кисляков А.Н.</i> Адаптивная сетевая модель персонализации образовательного процесса.....	16
<i>Горбунова Н.Е., Энговатова А.А.</i> Механизмы взаимодействия университетов и бизнес-структур в современной экономике	26
<i>Захаров И.В., Плехова Ю.О., Захаров В.Я.</i> Устойчивость экономических систем: общее в концептуальных подходах	37
<i>Ильин С.А., Дигилина О.Б.</i> Экономическая эффективность проектов и показатели качества энергосистем: анализ взаимозависимостей.....	48
<i>Каримов Б.Н., Яшин С.Н.</i> Влияние концепции открытых инноваций на достижение технологического суверенитета.....	58
<i>Лапаев Д.Н.</i> Многокритериальная оптимизационная модель сравнительной оценки состояния экономических систем	65
<i>Теньковская Л.И.</i> Влияние ключевой ставки Центрального банка РФ на котировки акций ПАО «Сбербанк».....	71
<i>Чеботарёв В.С., Назарычев Д.В., Морозов О.Л., Ионов В.А.</i> Значение инновационного развития логистики на водном транспорте для экономики России на современном этапе	80
<i>Шинкевич А.И., Кудряцева С.С., Лубнина А.А.</i> Моделирование структурообразующих характеристик транспортно-логистических систем.....	85

Социологические науки

<i>Вишневский Ю.Р.</i> Искажения и некорректные интерпретации данных демографической статистики и социально-демографических исследований и их негативное влияние на установки молодежи.....	92
<i>Григорьева И.А., Галкин К.А.</i> Активности работающих и неработающих пожилых мужчин и женщин.....	103
<i>Кириенко В.В., Клейман В.В.</i> Традиции и новации в современном белорусском обществе (опыт межпоколенного социологического анализа)	113
<i>Ростовская Т.К., Васильева Е.Н.</i> Экономическая активность родителей несовершеннолетних детей: по результатам регионального исследования	120
<i>Леонова И.С., Дурожайе Д.</i> Ценностная готовность студентов к работе в новых социально-экономических реалиях – теоретический обзор	128
<i>Мансуров В.А., Семенова А.В.</i> Профессиональная династия как инструмент воспроизводства профессиональной группы врачей в современной России	140
<i>Осадчая Г.И., Юдина Т.Н.</i> Роль семьи и место работы в структуре ценностей москвичей	155
<i>Рябова Т.Б.</i> Преимущество поколений в социальных представлениях россиян в контексте возрастной стереотипизации	165
<i>Широкалова Г.С., Шкурин Д.В.</i> Роль семьи в процессе подготовки студенческой молодежи к трудовой деятельности.....	172
<i>Безрукова О.Н., Вержбицкая Е.Л.</i> «Не тот отец, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил»: образ вовлеченного приемного отца в представлениях юношей-студентов.....	184
<i>Бочаров В.Ю.</i> Оценка рабочими современного наукоемкого предприятия состояния баланса времени между работой и семьей	194
<i>Вараева Н.В.</i> Семья или карьера: образы семейной и работающей женщины в представлении молодежи.....	199
<i>Дунаева Н.И., Баринаева О.А., Курзюкова Ю.Ф.</i> Представления современных студентов о семье и семейных ценностях	207
<i>Киенко Т.С., Плехотнюк Ю.Н.</i> Домашний труд и забота о семье в структуре социальной активности пожилых мужчин и женщин: особенности, барьеры и ресурсы	215

<i>Соснило А.И., Гайдамака В.В.</i> Гендерное неравенство в оплате труда в РФ	224
<i>Рыбаков Н.В., Ходеева Н.А., Бедный Б.И.</i> О перспективах развития индустриальной аспирантуры (по материалам фокусированного интервью с работодателями)	232

Педагогические науки

<i>Барыбина Н.В., Булат Р.Е.</i> Педагогический ресурс дисциплины «Иностранный язык» в формировании способностей выпускников к межкультурному взаимодействию	240
<i>Воробьев Г.А., Фомина Т.П.</i> Возможности учебного курса «Вероятность и статистика» для развития математической грамотности школьников	251
<i>Гребенев И.В., Малятина А.А.</i> Информационная поддержка школьного физического эксперимента	258
<i>Жакиенова А.А.</i> Профессионально-ценностные установки будущих педагогов: определение, структура и условия формирования	266
<i>Наумкин Н.И., Святкина М.А.</i> Обучение школьников элементам 3D-моделирования и аддитивным технологиям в системе дополнительного образования	277
<i>Родионов М.А., Бородин В.А.</i> Условия обучения эвристическим методам в процессе формирования исследовательской деятельности школьников	284
<i>Солнцев А.В., Гребенев И.В., Любашевский Д.Е.</i> Совершенствование образовательных программ для подготовки кадров в атомной отрасли с учетом актуальных учебных курсов организаций отрасли ДПО	296
<i>Цвентарная О.В.</i> Возможности использования речевок для формирования навыков выживания при террористических и экстремистских угрозах у детей дошкольного возраста	301

CONTENTS

Economic sciences

Novospasskaya E.D., Trofimov O.V. Assessment of the readiness of defense industry enterprises to fulfill the state defense order	9
Golubeva A.N., Kislyakov A.N. Adaptive network model of educational process personalization.....	16
Gorbunova N.E., Engovatova A.A. Mechanisms of interaction between universities and business structures in the modern economy	26
Zakharov I.V., Plekhova Yu.O., Zakharov V.Ya. Resilience of economic systems: common in conceptual approach	37
Ilyin S.A., Digilina O.B. Economic efficiency of projects and quality indicators of energy systems: analysis of interdependencies	48
Karimov B.N., Jashin S.N. Achieving technological sovereignty – the concept of open innovation	58
Lapaev D.N. Multicriteria optimization model of comparative assessment of the state of economic systems	65
Tenkovskaya L.I. Influence of the key rate of the central bank of the Russian Federation on the quotations of shares of PJSC Sberbank	71
Chebotaev V.S., Nazarychev D.V., Morozov O.L., Ionov V.A. The importance of innovative development logistics in water transport for the Russian economy at the present stage.....	80
Shinkevich A.I., Kudryavtseva S.S., Lubnina A.A. Modeling of structure-forming characteristics of transport and logistics systems	85

Sociological sciences

Vishnevsky J.R. Distortions and incorrect interpretations of demographic statistics and socio-demographic research data and their negative impact on youth attitudes	92
Grygoryeva I.A., Galkin K.A. The activity of working and non-working older men and women	103
Kiriyenko V.V., Kleiman V.V. Traditions and innovations in modern Belarusian society (experience of intergenerational sociological analysis)	113
Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N. Economic activity of parents of minor children: according to the results of a regional study	120
Durojaye D., Leonova I.S. Value readiness of students to work in new socio-economic realities – a theoretical review.....	128
Mansurov V.A., Semenova A.V. Professional dynasty as a factor of reproduction of professional group of doctors in modern Russia	140
Osadchaya G.I., Yudina T.N. Family and work in the system of values of Muscovites	155
Riabova T.B. The succession of generations in the Russians' social views in the context of age stereotyping.....	165
Shirokalova G.S., Shkurin D.V. The role of the family in the process of preparing students for work activity	172
Verzhbitskaya E.L., Bezrukova O.N. «It is not the father who gave birth, but the one who fed, nourished and taught goodness»: the image of an involved foster father in the views of male students	184
Bocharov V.Yu. Modern high-tech enterprise workers assess the state of work-family balance	194
Varaeva N.V. Family or career: images of a married and working woman in the representation of young people	199
Dunaeva N.I., Barinova O.A., Kurzyukova Y.F. Modern students' ideas about family and family values	207
Kienko T.S., Plahotniuc Yu.N. Household work and family care in the structure of social activity of older men and women: features, barriers and resources.....	215
Sosnilo A.I., Gaidamaka V.V. Gender inequality in labor remuneration in Russia	224
Bednyi B.I., Rybakov N.V., Khodeeva N.A. On the prospects for the development of industrial postgraduate education (based on a focused interview with employers)	232

Pedagogical sciences

Barybina N.V., Bulat R.E. The pedagogical potential of the discipline «foreign language» in developing graduates' abilities for intercultural interaction	240
Vorobyov G.A., Fomina T.P. The possibilities of the training course «probability and statistics» for the development of mathematical literacy of schoolchildren	251
Grebennev I.V., Malyatina A.A. Information support of school physics experiment	258
Zhakyenova A.A. Professional value system of future teachers: definition, structure and conditions of formation	266
Naumkin N.I., Svyatkina M.A. Training schoolchildren in elements of 3d modeling and additive technologies in the system of additional education	277
Rodionov M.A., Borodina V.A. Conditions for teaching heuristic methods in the process of forming students' research activities.....	284
Solntsev A.V., Grebennev I.V., Lyubashevsky D.E. Improvement of educational programs for personnel training in the nuclear industry, taking into account current training courses of the industry's enterprise organizations	296
Tsvetnaya O.V. Cheats as a means of forming survival skills in terrorist and extremist dangers in preschool children	301

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338

DOI 10.52452/18115942_2025_2_9

ОЦЕНКА ГОТОВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ОПК ИСПОЛНИТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБОРОННЫЙ ЗАКАЗ

© 2025 г.

Е.Д. Новоспасская, О.В. Трофимов

Новоспасская Екатерина Дмитриевна, аспирант
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
agor80@yandex.ru

Трофимов Олег Владимирович, д.э.н.; проф.; ректор
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
agor80@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 04.06.2025**Статья принята к публикации 11.06.2025*

В условиях турбулентности внутренних и внешних факторов, различных рисков исполнение заданий государственного оборонного заказа невозможно без обеспечения готовности системы контрактных обязательств. При этом принято различать два аспекта в отношении понимания готовности исполнения государственного оборонного заказа: возможность сохранить все договорные обязательства на весь период исполнения контрактов со стороны каждого участника; возможность выявить и устранить любые факты нецелевых использований бюджетных ресурсов. В статье исследована эволюция организационно-технологической и институциональной структур российского ОПК. Предложена методика оценки экономической надёжности предприятий оборонно-промышленного комплекса исполнить государственный оборонный заказ, базирующаяся на учете четырех критериев: сохранение всех договорных обязательств, выявление фактов нерационального использования ресурсов, выявление рисков нерационального использования ресурсов, выявление резервов роста эффективности использования ресурсов. Для определения степени рациональности размещение государственного оборонного заказа на промышленных предприятиях предложено использовать коэффициент рациональности, рассчитываемый как среднегармоническое коэффициента экономической эффективности и коэффициента достижения запланированных целей и задач.

Ключевые слова: государственный заказ, ОПК, промышленное предприятие, готовность предприятия, контроль.

Введение

В условиях турбулентности внутренних и внешних факторов, различных рисков исполнение заданий государственного оборонного заказа невозможно без обеспечения готовности системы контрактных обязательств [1].

При этом принято различать два аспекта в отношении понимания готовности исполнения ГОЗ.

Во-первых, готовность должна предполагать возможности сохранить все договорные обязательства на весь временной период исполнения контрактов со стороны каждого участника: государственного заказчика (в вопросах финансирования ГОЗ), головного исполнителя (в вопросах производства качественной, отвечающей всем предъявляемым требованиям военной и специальной техники).

Во-вторых, готовность должна предполагать возможности выявить и устранить любые факты

нецелевых использований бюджетных ресурсов, выделяемых на выполнение ГОЗ, в процессах оформления и исполнения контрактов.

Процессы исполнения всех требований государственных оборонных заказов сторонами-участниками соответствующих договоров регламентируется пятой главой ФЗ № 275 «О государственном оборонном заказе» [2]. В соответствии с указанным нормативным правовым документом, чтобы обеспечить исполнение договоров в системе государственного оборонного заказа, к компетенциям Правительства Российской Федерации отнесены следующие вопросы:

- установление/регулирование сроков размещения задач ГОЗ при его утверждении;
- ограничение максимальной прибыли при расчете сметной стоимости товаров по договорам государственных оборонных заказов;
- регулирование объемов мер по оказанию государственной поддержки предприятиям и

	2005 год	2010 год	2015 год	2020 год	2025 год
Стратегическая направленность государственного регулирования системы ГОЗ	Реализация основ – 2010 Оптимизация состава и структуры ОПК, включая интегрированные структуры		Реализация основ – 2020 Развитие производственно-технологической и институциональной структуры ОПК		Формировании государственной программы вооружений на 2025–2034 годы, предусматривающей существенное увеличение выпуска ВВСТ
Схематический принцип функционирования ОПК	Оборонно-промышленный комплекс Разработка и производство комплексов и систем вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), изделий двойного и гражданского назначения 				Современное государственное управление российским ОПК выступает институциональным феноменом в виде гибридных структур, сочетающим монополию в потреблении и вертикально-интегрированную монополию в производстве, по сути, опосредованную через форму квазирыночных отношений. Последующее развитие институциональной структуры ОПК, вероятно, может быть ориентировано на стирание институциональных границ между формированием и размещением ГОЗ и его исполнением заказчиками
Количество функционирующих интегрированных структур и объемы их деятельности	16 интегрированных структур, 24% от общего объема промышленной продукции ОПК	55-60 интегрированных структур, 45% от общего объема промышленной продукции ОПК	35-40 интегрированных структур, 17% от общего объема промышленной продукции ОПК	Дальнейшее укрупнение интегрированных структур и формирование межгосударственных институциональных структур	формируются новые условия в российской экономике, которые могут привести к трансформации типов воспроизводства инновационно-инвестиционных процессов и созданию новых интегрированных структур в ОПК

Рис. 1. Совершенствование и развитие организационно-технологической и институциональной структур ОПК.
Источник составлено авторами по материалам [3]

организациям, ранее отказывавшимся от выполнения работ/выпуска продукции/оказания услуг в рамках договоров ГОЗ, хотя были обязаны это сделать;

- особенности организации обслуживания вооружения и военной техники;
- регламентировать объемы авансовых платежей по государственным контрактам в размерах, не превышающих объемы финансирования указанных договоров в текущем финансовом году.

Готовность системы ГОЗ может быть обеспечена посредством контроля и надзора.

Для этого в России организована специальная иерархическая система, регламентирующая организационные взаимодействия внутри субъектов и между ними посредством разграничения полномочий и инструментария их осу-

ществления. Функции контроля и надзора в системе ГОЗ разделяются на федеральные и отраслевые.

Теоретико-методологические подходы

Главным направлением регламентации функционирования системы государственного оборонного заказа выступает нормативное правовое обеспечение: федеральные законы и подзаконные акты, ведомственные приказы, указания, распоряжения и т.п.

На рисунке 1 проиллюстрирована эволюция организационно-технологической и институциональной структур российского ОПК.

Институциональная траектория современной системы управления ОПК стартовала с мас-

штабных административных реформ 2004 года, упразднивших ставшую неэффективной иерархическую систему управления. Ее сменили крупные отраслеобразующие интегрированные структуры, в результате которых была сформирована современная ведомственно-корпоративная система управления ОПК.

До 2005 года в организационно-технологической и институциональной структуре российского ОПК ставилась задача формирования интегрированных структур на базе технологической кооперации (так называемое «ядро» предприятий ОПК – ограниченное число предприятий; прежде всего интеграция конструкторских бюро с серийными заводами с целью концентрировать производство вооружений и военной техники на ограниченном количестве предприятий) [4].

В период 2005-2010 гг. приоритетной была задача развития сложившегося «ядра» предприятий ОПК в направлении их диверсификации и развития межотраслевой кооперации. К концу 2010 года была создана двухконтурная ведомственно-корпоративная структура управления ОПК: на верхнем уровне находились профильные департаменты Минпромторга России и межведомственные координационные органы, а нижний уровень – крупные холдинговые компании и госкорпорации [5].

К 2015 году трансформировались основы организационно-технологической и институциональной структур ОПК: в качестве задач выступили создание производственной инфраструктуры, специализированных производств, инновационных бизнес-структур и технопарков как рамки для функционирования ОПК.

В период 2016–2020 гг. реализовывалась национальная программа «Развитие оборонно-промышленного комплекса», ориентированная на внедрение новой стратегической бизнес-модели функционирования предприятий ОПК и их вовлечение в гражданский сектор экономики [6].

«По данным Военно-промышленной комиссии к августу 2023 года количество вооружений, поставляемых в российскую армию, превысило её текущие потребности¹».

В настоящее время формируются иные условия в российской экономике, которые могут привести к трансформации типов воспроизводства инновационно-инвестиционных процессов и созданию новых институциональных структур в ОПК [7, 8].

Для обеспечения результативного функционирования в современных условиях хозяйственного механизма военных производств необходимо учесть следующие особенности [9]:

- отказ от традиционных методов планирования бизнес-процессов в сфере ГОЗ в пользу

более масштабного применения стратегических методов планирования [6, 10];

- расширение внешнеторговых операций по продаже оборонных технологий и технологий двойного назначения;

- трансформация отношений собственности: имеет место рост удельного веса смешанной и частной собственности в общем объеме.

На этапе заключения государственных контрактов готовность исполнения заданий ГОЗ обеспечивается контролем уровня конкретизации каждого положения контракта, разработку проекта контракта, его согласования, а затем подписание. Цель конкретизации – обоснование необходимости и целесообразности совершения отдельных операций. В отношении проекта контракта контроль оправдан по следующим позициям: расчет объемов бюджетного финансирования, обоснование условий выполнения контракта и оценка рисков; готовность обеспечивается результативной работой экспертных комиссий – зависит от состава экспертов и применяемых технологий и методик экспертизы.

На стадии исполнения государственных контрактов следует осуществлять контроль по следующим направлениям:

- управления проектами, реализуемыми в рамках ГОЗ;

- детерминирование проблем реализации государственных контрактов, обоснование критериев и процедур принятия соответствующих управленческих решений;

- обоснование мер корректирующего воздействия в случае их необходимости;

- обоснование решений о применении штрафных и иных санкций в случае оправданности их использования;

- оценка эффективности исполнения заданий ГОЗ: с точки зрения достижения планируемых результатов, с одной стороны, а также эффективности расходования всех видов производственных, временных и финансовых ресурсов.

В системе ГОЗ существуют определенные проблемы, связанные с разнонаправленностью интересов различных участников этой системы.

Системой ГОЗ к организациям и предприятиям предъявляются дополнительные требования, обусловленные необходимостью обеспечения надежности кооперации.

«Экономическая надежность предприятия (организации) – это такое экономическое состояние, при котором обеспечивается его эффективное устойчивое развитие, рациональное использование всех видов ресурсов и удовлетворение всех заинтересованных сторон в условиях разумного экономического риска» [9].

В отношении содержания понятия готовности (как одного из элементов экономической

Рис. 2. Направления анализа готовности предприятий оборонно-промышленного комплекса исполнить государственный оборонный заказ (составлено авторами)

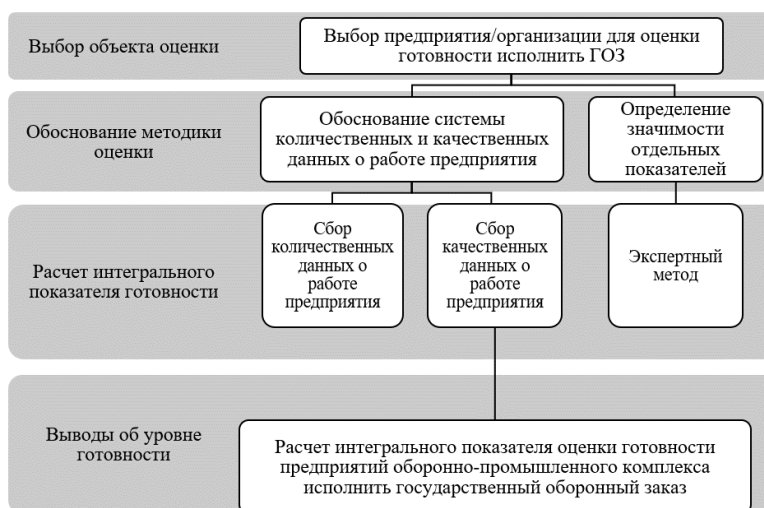

Рис. 3. Алгоритм оценки готовности предприятий оборонно-промышленного комплекса исполнить государственный оборонный заказ (составлено автором)

надежности) предприятия исполнить задания ГОЗ были обоснованы 2 аспекта: сохранение всех договорных обязательств в течение всего периода исполнения заданий в рамках ГОЗ и выявление и устранение фактов нерационального использования ресурсов. Именно эти вопросы и должны анализироваться. На рисунке 2 отражены направления анализа готовности предприятий оборонно-промышленного комплекса исполнить государственный оборонный заказ.

Также на этом рисунке отражена различная значимость этих двух направлений. Значимость основывается на экспертном методе оценки.

При анализе и прогнозировании уровня готовности большую значимость имеет выявление фактов нерационального использования ресурсов и их рисков; при этом важно не только выявлять факты нерационального использования

ресурсов, но и резервы роста эффективности их использования. Такие резервы могут быть как явными, так и неявными.

На рисунке 3 отражен процесс оценки готовности предприятий оборонно-промышленного комплекса исполнить государственный оборонный заказ.

В качестве концептуальной основы комбинированной методики оценки экономической надёжности предприятий оборонно-промышленного комплекса исполнить государственный оборонный заказ может выступить разработанный автором метод оценки экономической готовности предприятий ОПК.

Расчет коэффициента готовности организации целесообразно проводить суммированием значений по каждому критерию с учетом весовых коэффициентов:

$$E_{\text{готовн}} = P_1 * k_1 + (1 - P_2) * k_2 + (1 - P_3) * k_3 + P_4 * k_4,$$

где $E_{\text{готовн}} \geq 1$, P_1 – критерий «сохранение всех договорных обязательств в течение всего периода исполнения заданий в рамках ГОЗ»; P_2 – критерий «выявление фактов нерационального использования ресурсов в ходе анализа процесса исполнения ГОЗ»; P_3 – критерий «выявление рисков нерационального использования ресурсов в ходе анализа процесса исполнения ГОЗ»; P_4 – критерий «выявление резервов роста эффективности использования ресурсов»; k_1, k_2, k_3, k_4 – весовые коэффициенты критериев соответственно для P_1, P_2, P_3, P_4 .

По умолчанию значение коэффициентов может быть приняты следующее: $k_1=0.45$, $k_2=0.25$, $k_3=0.25$, $k_4=0.05$; сумма этих коэффициентов равна 1.

Подобное значение коэффициентов принято на основе экспертной оценки с учетом важности соответствующего параметра для готовности предприятия исполнить государственный заказ.

Однако, на основе экспертных оценок уровень значимости коэффициентов может быть иным.

Рассмотрим более подробно критерии P_1, P_2, P_3, P_4 .

P_1 – критерий «сохранение всех договорных обязательств в течение всего периода исполнения заданий в рамках ГОЗ» – данный критерий может быть рассчитан на основе экстраполяции сложившейся за последние три года тенденции изменения показателя, рассчитываемого как отношение объема фактически исполненных договорных обязательств к запланированному:

$$P_1 = \frac{1}{3} \sum_{i=1}^3 \frac{DO_{\text{факт исп}}}{DO_{\text{план}}},$$

где $DO_{\text{факт исп}}$ – объем фактически исполненных договорных обязательств; $DO_{\text{план}}$ – объем запланированных договорных обязательств; i – порядковый номер года (за последние три года).

Если значение показателя P_1 превышает 1, то предприятие стабильно выполняет взятые на себя обязательства.

Если $P_1 \in [0.85; 1)$ – предприятие, в целом, можно отнести к исправному контрагенту.

Если $P_1 < 0.85$, то предприятие не является исправным контрагентом.

P_2 – критерий «выявление фактов нерационального использования ресурсов в ходе анализа процесса исполнения ГОЗ» – данный критерий может быть рассчитан на основе экстраполяции сложившейся за последние три года тенденции изменения показателя, рассчитываемого как отношение выявленного объема нерационального использования ресурсов к общему объему использованных ресурсов:

$$P_2 = \frac{1}{3} \sum_{i=1}^3 \frac{Z_{\text{нерац}}}{Z_{\text{общ}}},$$

где $Z_{\text{нерац}}$ – выявленный объем нерационального использования ресурсов; $Z_{\text{общ}}$ – общий объем использованных ресурсов; i – порядковый номер года (за последние три года).

Если значение показателя $P_2 = 0$, то предприятие стабильно функционирует, в его деятельности не выявлены факты нерационального использования ресурсов.

Если $P_2 \in (0; 0.05]$ – предприятие, в целом, можно отнести к исправному контрагенту.

Если $P_2 > 0.05$, то предприятие не является исправным контрагентом.

P_3 – критерий «выявление рисков нерационального использования ресурсов в ходе анализа процесса исполнения ГОЗ» – данный критерий может быть рассчитан на основе экстраполяции сложившейся за последние три года тенденции изменения показателя риска нерационального использования ресурсов в ходе анализа процесса исполнения ГОЗ:

$$P_3 = \frac{1}{3} \sum_{i=1}^3 R_{\text{нерац}},$$

где $R_{\text{нерац}}$ – риск нерационального использования ресурсов в ходе анализа процесса исполнения ГОЗ; i – порядковый номер года (за последние три года).

Если значение показателя $P_3 = 0$, то предприятие стабильно функционирует, в его деятельности не выявлены риски нерационального использования ресурсов в ходе анализа процесса исполнения ГОЗ.

Если $P_3 \in (0; 0.05]$ – предприятие, в целом, можно отнести к исправному контрагенту.

Если $P_3 > 0.05$, то предприятие не является исправным контрагентом.

P_4 – критерий «выявление резервов роста эффективности использования ресурсов» – данный критерий может быть рассчитан на основе экстраполяции сложившейся за последние три года тенденции изменения показателя, рассчитываемого как отношение объема произведенной продукции с вовлечением в хозяйственный резервов к плановому уровню производства:

$$P_4 = \frac{1}{3} \sum_{i=1}^3 \frac{V_{\text{факт с рез}}}{V_{\text{план}}},$$

где $V_{\text{факт с рез}}$ – объем произведенной продукции с вовлечением в хозяйственный резервов; $V_{\text{план}}$ – плановый объем производства; i – порядковый номер года (за последние три года).

Если значение показателя P_4 превышает 1, то предприятие стабильно выявляет и вовлекает в хозяйственный оборот резервы роста эффективности.

Если $P_4 \approx 1$ – предприятие, в целом, можно отнести к исправному контрагенту.

Если $P_4 < 0.9$, то предприятие не является исправным контрагентом.

Основным методом, обеспечивающим военную безопасность, выступает рациональное размещение государственного оборонного заказа на промышленных предприятиях. При этом рациональность будет, в первую очередь, определяться показателями экономической эффективности расходования ресурсов на обеспечение военной безопасности, а, во-вторую, достиганием запланированных целей и задач в сфере ГОЗ и соблюдением запланированных сроков.

Для определения степени рациональности размещения государственного оборонного заказа на промышленных предприятиях целесообразно использовать формулу:

$$K_{\text{рац}} = \sqrt{K_{\text{экон эф}} * K_{\text{соотв планам}}}$$

где $K_{\text{рац}}$ – коэффициент рациональности размещения государственного оборонного заказа на промышленных предприятиях; $K_{\text{экон эф}}$ – коэффициент экономической эффективности расходования ресурсов на обеспечение военной безопасности; $K_{\text{соотв планам}}$ – коэффициент достижения запланированных целей и задач в сфере ГОЗ и соблюдения запланированных сроков.

Заключение

Таким образом, комбинированная методика оценки экономической надёжности предприятий оборонно-промышленного комплекса исполнить государственный оборонный заказ с использованием двух методов: экспертных оценок и экстраполяции – позволит выявить риски в системе определения эффективности размещения государственных заказов на конкретных предприятиях ОПК.

Примечание

1. Медведев заявил, что поставки в армию превысили ее потребности в оружии. РБК (28 августа 2023). Дата обращения: 29 августа 2023. Архивировано 29 августа 2023 года.

Список литературы

1. Sekerin V.D., Burlakov V.V., Dzyurdzya O.A. et al. Peculiarities of forecasting competitiveness of innovations for industrial enterprises // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. Vol. 5. № 3S. P. 54–60
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14.
3. Головецкий Б.Н. Совершенствование организационно-экономического механизма государственного регулирования производства военной продукции и размещения государственного оборонного заказа // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. Т. 8. № 2. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/32E_VN216.pdf (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/32EVN216
4. Козин М.Н. Государственный оборонный заказ: теория и практика управления рисками. Вольск: ВВВУТ (ВИ), 2012. 220 с.
5. Шувалов С.С. Государственные закупки как механизм стимулирования модернизации российской экономики. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2015. 50 с.
6. Кохно П.А., Артемьев А.А. Инструменты госзаказа. Тверь: Тверской государственный университет, 2024. 214 с.
7. Секерин В.Д., Кузнецова О.С. Разработка стратегии управления инновационным проектом // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Экономика. 2013. № 1(20). С. 129–134.
8. Доронин С.Н., Рыхтикова Н.А., Васильев А.О. Госзакупки: законодательная основа, механизмы реализации, рискориентированная технология управления. М.: Инфра-М, 2013. 232 с.
9. Регламентированные закупки в России: как повысить стимулирующую роль расходов бюджетов и регулируемых компаний. Доклад НИУ ВШЭ. Интернет – ресурс. URL: https://tender-rus.ru/site/data/uploaded/_.pdf (дата обращения: 01.08.2024).
10. Ефремов А.А., Соппа И.В., Семенова В.В. Влияние цифровых инновационных технологий на трансформацию жизненного цикла промышленного предприятия // Экономические науки. 2023. № 225. С. 13–18.

ASSESSMENT OF THE READINESS OF DEFENSE INDUSTRY ENTERPRISES TO FULFILL THE STATE DEFENSE ORDER

E.D. Novospasskaya, O.V. Trofimov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In conditions of turbulence of internal and external factors and various risks, the fulfillment of tasks of the state defense order is impossible without ensuring the readiness of the contractual obligations system. At the same time, it is customary to distinguish between two aspects regarding the understanding of the readiness to fulfill a state defense order: the ability to maintain all contractual obligations for the entire period of contract execution on the part of each participant; the ability to identify and eliminate any facts of misuse of budgetary resources. The article examines the evolution of the organizational, technological and institutional structures of the Russian defense industry. A methodology for assessing the economic reliability of enterprises of the military-industrial complex to fulfill a state defense order is proposed, based on four criteria: the

preservation of all contractual obligations, the identification of facts of irrational use of resources, the identification of risks of irrational use of resources, and the identification of reserves for increasing resource efficiency. To determine the degree of rationality of placing a state defense order at industrial enterprises, it is proposed to use the rationality coefficient, calculated as the average harmonic coefficient of economic efficiency and the coefficient of achievement of planned goals and objectives.

Keywords: government order, the military industrial complex, industrial enterprise, enterprise readiness, control.

УДК 332.05

DOI 10.52452/18115942_2025_2_16

АДАПТИВНАЯ СЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

© 2025 г.

А.Н. Голубева, А.Н. Кисляков

Голубева Анна Николаевна, главный специалист-эксперт отдела цифровой трансформации
Министерства образования Владимирской области, аспирант Владимирского филиала РАНХиГС
suz_school_1@mail.ru

Кисляков Алексей Николаевич, д.э.н.; к.т.н.; доцент Владимирского филиала РАНХиГС
ankislyakov@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 01.01.2025**Статья принята к публикации 21.04.2025*

Поднимается проблема дефицита кадрового обеспечения и сроков подготовки квалифицированных специалистов для экономики региона и страны в целом, рассматривается адаптивная модель организации на региональном уровне персонализации образовательного процесса, позволяющая сократить срок подготовки специалистов, за счет предоставления возможности обучающимся общеобразовательных организаций осваивать образовательные программы среднего профессионального образования с применением сетевой формы взаимодействия, электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Описываются основные принципы и механизмы работы модели, перспективы ее применения в системе образования, а также ее преимущества для региональной экономики. Для предложения мероприятий по наполнению рынка труда квалифицированными специалистами проведен анализ системы общего и среднего профессионального образования, определены точки роста синергетического эффекта в целях развития социально-экономической системы региона. Предложена модель организации образовательного процесса в общеобразовательных организациях, позволяющая в условиях цифровой трансформации образования сократить период подготовки специалистов для экономики региона. Принципиальное отличие предложенной модели сокращения сроков подготовки специалиста заключается в инновационном подходе к процессу организации образовательной деятельности.

Ключевые слова: экономика, кадры, профориентация, образование, сетевая форма, трудоустройство, персонализация, технологии.

Введение

В настоящее время в России активно обсуждается проблема дефицита трудовых ресурсов, дисбаланса кадровой обеспеченности в различных регионах и отраслях. Современное образование не может быть оторвано от тенденций и направлений развития общества в целом и таких его составляющих, как цифровизация экономики и устойчивое развитие региона. Образование всегда являлось драйвером развития региональной экономики и остается одним из ключевых стратегических направлений инвестиций в экономику знаний. Экономические пространства регионов России настолько разнообразны, что система образования одного региона может существенно отличаться от системы образования другого. Умение прогнозировать векторы развития экономики позволяет своевременно направить усилия системы образования на удовлетворение потребностей рынка труда и экономики в целом.

В XXI веке цифровая экономика стала ведущим фактором мирового развития. Лидерами цифрового развития являются США, Китай, Япония, Республика Корея, страны Северной

Европы [1]. Влияние цифровой экономики способствовало поляризации рынка труда: часть работников приобретает все более высокую квалификацию и обеспечивает разработку новых цифровых технологий и устройств и их внедрение в экономику, другая часть работников использует эти цифровые устройства в профессиональной деятельности [2].

В рамках реализации комплекса мер по самоопределению обучающихся общеобразовательных организаций в выборе специализации и последующего трудоустройства на территории Российской Федерации осуществляется реализация профильного обучения на базе среднего общего образования. Использование достижений индустрии информационных технологий позволяет организовать предпрофильную подготовку обучающихся общеобразовательных организаций и подготовку квалифицированных кадров с учетом региональных особенностей субъектов Российской Федерации.

Адаптивная сетевая модель представляет собой инновационный подход к организации образовательного процесса, который позволяет учитывать индивидуальные особенности и по-

требности каждого обучающегося. Она основана на использовании современных методов обучения при использовании цифровых технологий и сервисов.

В работе приводятся обоснования необходимости перехода на новый уровень организации образовательного процесса в условиях цифровой трансформации при реализации предпрофильной подготовки и профильного обучения.

Цель исследования состоит в предложении инновационного подхода к процессу организации подготовки и переподготовки специалистов на основе персонализации образовательного процесса в условиях цифровой трансформации образования.

Материалы и методы исследования

Россия в последние десятилетия находится в догоняющем положении по сравнению с рядом зарубежных стран, задающих основные тренды в части разработки и внедрения цифровых технологий. Это связано с набором факторов, включающих недостаточную развитость информационно-коммуникационной инфраструктуры, низкую скорость передачи данных по цифровым каналам связи и ограниченное количество высококвалифицированных специалистов в IT-сфере. Одна из основных причин нехватки кадров в IT – реактивный рост отрасли, в то время как подготовка квалифицированного специалиста занимает минимум 4 года. Удовлетворить отрасль IT необходимым количеством специалистов сейчас сложно, в итоге спрос превышает предложение. Вместе с тем цифровизация отраслей экономики изменяет структуру спроса на трудовые ресурсы в целом.

Исследователи отмечают высокую долю специалистов невостребованных направлений [3], которые были подготовлены за последние 5–7 лет. Минобрнауки в декабре 2022 года сообщило, что 47% выпускников вузов России не работают по специальности [4]. В этих условиях требуется новый адаптивный формат управления и организации деятельности системы образования [5].

Развитие системы профориентационной работы в регионах обусловлено необходимостью достижения целей эффективного развития региональной экономики и обеспечения ее квалифицированными кадрами, востребованными в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе, в том числе представителями IT-специальностей. Важную роль в развитии профориентации играет государство. Профориентация рассматривается учеными как «основа государственной кадровой политики» [6, с. 7].

Проблема современной системы профориентации обучающихся заключается в том, что основные профориентационные мероприятия проводятся в старших классах и направлены не на индивидуальное профконсультирование, а на массовый охват обучающихся. Своевременное массовое информирование обучающихся общеобразовательных организаций о профессиях, которые будут актуальны и востребованы ближайшие годы, должно начинаться существенно раньше. Профессиональное просвещение в творческом формате для младших школьников – первая ступень организации профориентационной работы. Ранняя профориентация школьников позволит к 8–9-му классу сформировать у обучающихся представление об интересующих их профессиях и направлениях деятельности [7], а предпрофильная подготовка в 8–9-м классах должна быть направлена на решение вопроса о выборе направления последующего обучения с учетом особенностей личности обучающегося, создавая тем самым трудовой потенциал региона.

Выбор направления последующего обучения обучающимися общеобразовательных организаций должен осуществляться на основе диагностики уровня готовности к профессиональному самоопределению. Диагностико-рекомендательный этап в профориентации предполагает выдачу рекомендаций о пригодности или непригодности к определённой профессии на основе анализа требований профессии к человеку и качеств самого человека с помощью тестов. Прохождение профориентационных тестов позволяет рекомендовать профили обучения, наиболее подходящие по психологическому типу личности. Эффективная профконсультация базируется на модели Ф. Парсонса, в которой выделяются три основных условия построения индивидуальной траектории после школьного обучения. В первую очередь это изучение требований профессии к соискателю, во вторую – исследование личных качеств соискателя с помощью тестов, на основании чего осуществляется сопоставление требований профессии с личными качествами человека и выдача рекомендации. От эффективности построения профориентационной работы в общеобразовательных организациях зависит не только наполнение рынка труда высококвалифицированными работниками, но и время, затрачиваемое на подготовку или переподготовку специалистов.

Долговременное сокращение численности трудоспособного населения требует активного вовлечения «потенциальной рабочей силы», в состав которой входит молодежь в возрасте 15–19 лет [8]. Следовательно, для развития экономики необходимо создавать условия для обу-

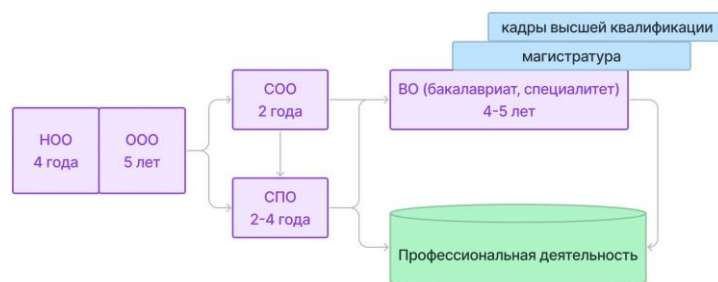

Рис. 1. Уровни образования

чения молодежи и привлечения ее в экономику региона в возможно короткие сроки.

Особенностью современной системы образования является предопределенность сроков получения базового образования. Подготовка специалиста начинается с 7 лет, продолжается 9 или 11 лет в общеобразовательной организации, затем обучающийся делает выбор о продолжении обучения в образовательной организации профессионального образования со сроком обучения от 2 до 4 лет или продолжает образование в высшем учебном заведении со сроком обучения от 4 до 8 лет. Таким образом, минимальный период подготовки специалиста составляет 11 лет. Схема, представленная на рисунке 1, отражает не только уровни образования, определенные законодательством, но и возможные альтернативы продолжения обучения, позволяющие приобрести навыки того уровня образования, которого будет достаточно для занятий профессиональной деятельностью.

Первый вопрос, на который необходимо найти ответ в сложившейся ситуации дефицита специалистов, в том числе в IT-сфере, это вопрос о сокращении периода обучения. Насколько реально сократить период обучения без ущерба качеству подготовки и какие ресурсы необходимо привлечь?

Профориентационное тестирование школьников начинается с 9-го класса и позволяет определить профессиональные интересы, склонности и способности обучающегося. Результаты тестирования могут быть использованы для рекомендаций по выбору предметов и курсов, которые помогут развить навыки и способности, необходимые для выбранной профессии. Если на уровне общеобразовательной организации обучающемуся будет предложен курс, позволяющий освоить базовые знания по выбранной профессии, то овладение профессией начнется на несколько лет раньше. Большинство курсов по освоению цифровых профессий имеют такой базовый уровень для специалистов без опыта. Указанный подход позволит сократить период подготовки специалистов.

В условиях дефицита трудовых ресурсов подготовка специалистов должна осуществляться на ступени основного общего образования. Для предоставления обучающимся возможности осознанного выбора будущей профессии необходимо познакомить школьников с наиболее востребованными специальностями и осуществить построение индивидуальной траектории развития на основе профориентационного тестирования и предложений рынка труда на территории постоянного проживания. Система общего образования должна обеспечивать условия для реализации обучающимися своих интересов, способностей и планов дальнейшего развития в профессиональной деятельности.

Основная идея обновления общего образования была заложена в Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования [9] и состояла в том, что образование должно стать более индивидуализированным, функциональным и эффективным. В Концепции ставилась задача создания системы специализированной подготовки (профильного обучения), в том числе с учетом реальных потребностей рынка труда, и введения гибкой системы профилей обучения, в том числе путем кооперации старшей ступени школы с учреждениями начального, среднего и высшего профессионального образования. Однако учреждения профессионального образования не имеют материальной возможности приобретать, содержать и своевременно обновлять оборудование, механизмы и программные комплексы, внедряемые и используемые на современном производстве. В связи с этим реализация кооперации общего образования с учреждениями профессионального образования в части учета реальных потребностей рынка труда не могла быть осуществлена без участия хозяйствующих субъектов, в том числе будущих работодателей.

На законодательном уровне осуществление взаимодействия нескольких организаций при организации образовательного процесса было зафиксировано в Порядке организации и осуществления образовательной деятельности при

сетевой форме реализации образовательных программ [10]. Сетевая форма реализации образовательных программ осуществляется при взаимодействии нескольких организаций, обладающих ресурсами, необходимыми для осуществления обучения, проведения учебной и производственной практики. Сетевая форма организации образовательного процесса позволяет проходить обучение на оборудовании, используемом в реальном производстве, при поддержке наставника с производства. В данном случае результат кооперации принесет выгоду всем участникам взаимоотношений: образовательная организация осуществит реализацию своего функционала в части обеспечения усвоения содержания образования на базовом уровне; «будущий работодатель» подготовит специалистов для работы на своем оборудовании, в результате чего сможет пригласить специалиста, которого не будет необходимости «переучивать», а обучающийся сможет «попробовать» себя в профессии, еще до окончательного принятия решения о выборе модели обучения. Организация профориентационных мероприятий и сетевого взаимодействия на основе анализа данных рынка труда позволит предложить обучающемуся построение индивидуальной траектории обучения по моделям «школа – СПО – работодатель» или «школа – вуз – работодатель» с наиболее перспективным в части последующего трудоустройства направлением специализации и индивидуальных предпочтений. Модель «школа – СПО – вуз – работодатель» не будет рассматриваться в данной работе, поскольку не отвечает цели построения модели с кратчайшим периодом подготовки специалиста. Указанные выше модели не только являются личностно ориентированными, но и позволят обеспечить преемственность между общим и профессиональным образованием. Сетевая форма взаимодействия может занять определяющее положение в качестве связующего звена между различными уровнями образования и работодателями. Ученые солидарны в том, что сетевая модель «является значительным условием результативности и эффективности профильного обучения» [11, с. 15], которое в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом среднего общего образования реализуется во всех общеобразовательных организациях.

Необходимо отметить, что в настоящее время на базе большинства общеобразовательных организаций при реализации профильного обучения используется только внутришкольная модель. Согласно данным по форме федерального статистического наблюдения ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей обра-

зовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2023/24 учебного года лишь 7% обучающихся по программам среднего общего образования обучались по программам, реализуемым с использованием сетевой формы. В случае организации профильного обучения по варианту сетевой модели общеобразовательные организации все чаще взаимодействуют с вузами и учреждениями дополнительного образования.

Профессиональное самоопределение у большинства подростков происходит стихийно в результате получения информации о специальностях, которые реализует выбранный вуз или СПО. Часто самоопределение абитуриентов обусловлено не желанием получить определенную специальность, а получить бесплатно какое-либо высшее или среднее профессиональное образование [12]. При этом низкий уровень осведомленности о возможных вариантах продолжения обучения приводит к тому, что часть студентов не завершают обучение по выбранному направлению или не продолжают профессиональную деятельность по полученной специальности.

В целях выявления факторов, наиболее сильно влияющих на принятие решения о продолжении обучения после 9-го и 11-го классов, нами в 2022 и в 2023 годах проводился опрос «Что влияет на мой выбор». В анкете были представлены варианты наиболее распространенных факторов, которые обучающиеся указывали как «особо влияющие» на их самоопределение, а также варианты, которые должны учитываться при выборе специальности.

Опрос проводился среди обучающихся общеобразовательных организаций Владимирской области. В 2022/23 учебном году в опросе приняли участие 1058 и 412 обучающихся 9-го и 11-го классов соответственно. В 2023/24 – 1093 и 386. На рисунке 2 представлены результаты опроса.

В ходе исследований выявлено, что обучающиеся в наименьшей степени обладают информацией о том, к какой специальности они «подходят» по своему психотипу. Более 60% респондентов не сопоставляли свое поведение в повседневных ситуациях с выбираемой специальностью. Всего 56% обучающихся 9-го классов (78% в 11-м классе) имеют представление о перспективах профессионального развития по выбранному направлению обучения. Обучающиеся 9-х классов (47%) в меньшей степени имеют представление о возможных вариантах трудоустройства. На вопрос «Считаете ли Вы, что Ваши родители оказывают сильное влияние

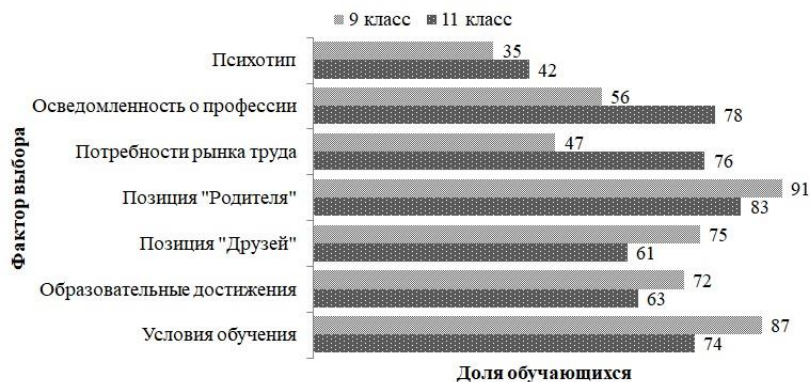

Рис. 2. Что влияет на выбор траектории обучения

Рис. 3. Семигранник факторов выбора траектории обучения

на Ваш выбор?» более 80% опрошиваемых ответили утвердительно. При этом влияние друзей на принимаемое решение в большей степени ощущают на себе девятиклассники (75%). При ответе на вопрос «Считаете ли Вы, что Ваши образовательные достижения достаточны для поступления на выбранное направление?» обучающиеся 9-х классов (72%) оказались более оптимистически настроены по сравнению с одиннадцатиклассниками (63%). Более 87% респондентов отметили, что для них имеют значение условия получения образования при выборе специальности. Под условиями обучения в первую очередь понимается близкое территориальное расположение образовательной организации, реализующей программы профессионального образования. Обучающиеся в большей степени выбирают не профессию, а возможность поступления в ближайшую образовательную организацию.

По результатам опроса построен семигранник (рис. 3) факторов, которые выпускники отметили как приоритетные в выборе образовательной организации, в которой они планируют продолжить обучение.

Учет всех перечисленных факторов позволит построить алгоритм действий по достижению главной цели профессионального самоопределения – сформировать у обучающегося эмоциональную готовность самостоятельно и осознанно планировать и реализовывать перспективы своего развития.

Поскольку «региональное подчинение» имеют образовательные организации, реализующие программы среднего профессионального образования, провести в кратчайшие сроки модернизацию системы подготовки кадров возможно на региональном уровне при сетевой форме взаимодействия общеобразовательных организаций, СПО и хозяйствующих субъектов (предприятий).

Результаты и обсуждение

На рисунке 4 представлена модель построения траектории профессионального самоопределения обучающегося на уровне общего образования.

Первым этапом траектории является ознакомление с имеющимися в настоящее время профессиями и специальностями, с их «требованиями к человеку». Данный этап предлагается проводить для всех обучающихся с 1-го по 8-й класс. Вторым этапом является исследование личностных качеств обучающегося посредством проведения диагностических процедур и анализа образовательных достижений. Данный этап предлагается проводить в начале 8-го класса. Следующий этап – сопоставление требований «специальности» и «возможностей» обучающегося, а также предложение вариантов последующего обучения (СПО или 10–11-й класс) с учетом анализа рынка труда. Проведение третьего этапа предлагается обеспечить за счет применения технологии искусственного интел-

Рис. 4. Адаптивная модель траектории профессионального самоопределения обучающегося

лекта. В случае принятия обучающимся 8-го класса на основе полученных результатов решения о продолжении обучения по программе СПО обучающийся получает возможность выбора: продолжить обучение по традиционной траектории – освоить общеобразовательную программу 8–9-го классов без освоения компонентов профессионального образования или в дополнение к программе 8–9-го классов освоить модули профессионального образования по «ускоренной» модели (адаптивной сетевой модели). Второй и третий этапы построения траектории профессионального самоопределения обучающегося предлагается повторить перед 10-м классом. На основе полученных результатов проводится распределение по профилям обучения и формирование индивидуального учебного плана каждого будущего десятиклассника. При проектировании индивидуального учебного плана огромную роль играет методическое обеспечение образовательного процесса, а также наличие договоров сетевого взаимодействия, расширяющих возможности преподавания профильных предметов с учетом полученных результатов. Реализация указанных выше этапов должна сопровождаться постоянным мониторингом рынка труда для корректировки выдаваемых предложений.

Таким образом, наиболее подходящей моделью организации профориентации школьников можно считать трехфакторную модель Ф. Парсонса с предоставлением рекомендаций на основе анализа рынка труда, в первую очередь региона проживания.

Особенностью построения индивидуальной траектории профессионального самоопределения является максимально обоснованное принятие взвешенного решения о выборе будущей профессии на основе анализа данных об обучающемся, об имеющихся и «будущих» профессиях, об имеющихся программах обучения и запросов работодателей. Профессиональная перспектива, построенная на основе анализа и сопоставления данных, должна иметь достаточное количество вариантов профессионального самоопределения. Вместе с тем предлагаемые

варианты для самоопределения должны предоставлять возможность ознакомления с иными направлениями, указывая обучающемуся, какие компетенции ему необходимо усилить для более гармоничного «входа» в специальность. Для расширения возможностей по самоопределению построенные варианты траекторий обучения должны предоставлять возможность прохождения краткосрочных программ для развития необходимых компетенций.

Таким образом, основными принципами построения адаптивной модели персонализации образовательного процесса являются:

- индивидуализация обучения, поскольку модель позволяет учитывать индивидуальные потребности и особенности обучающегося;
- гибкость и адаптивность, так как траектория обучения изменяется в соответствии с требованиями обучающегося, предложений образовательных организаций (СПО и вуз) и потребностей регионального рынка труда;
- обратная связь – модель предоставляет возможность получать обратную связь от обучающегося и оценивать его прогресс, что помогает корректировать образовательный процесс и улучшать результаты;
- использование современных технологий – применение технологии искусственного интеллекта при проектировании образовательного трека.

Развитие цифровых технологий и программного обеспечения, в том числе в сфере психологии, позволяет осуществлять диагностическое тестирование обучающихся с предоставлением результатов диагностики в режиме реального времени. Фиксация результатов диагностики в цифровом портфолио обучающегося позволит проводить сопоставление полученных результатов с имеющимися предложениями по обучению и трудоустройству. На региональном уровне анализ данных по сопоставлению черт личности обучающихся с имеющимися вакансиями на рынке труда и вариантами продолжения обучения позволит проводить более грамотную политику социально-экономического разви-

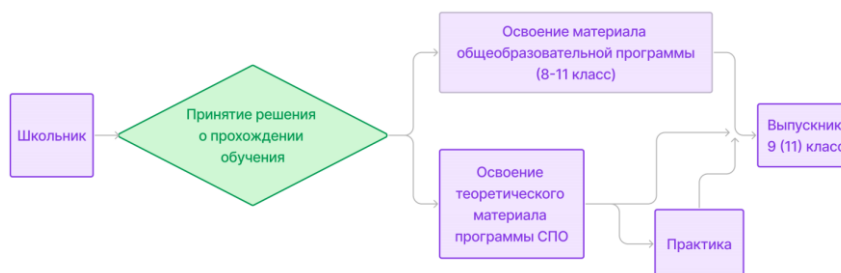

Рис. 5. Адаптивная сетевая модель построения образовательного пространства школьников

тия региона. Равномерное распределение обучающихся по различным областям профессиональной деятельности без ущемления их прав и свобод позволит избежать «перенасыщения» региона невостребованными специалистами.

Раннее профессиональное самоопределение обучающегося позволит внедрить в систему общего образования компоненты профессионального образования. Вербальное описание предлагаемой модели организации образовательного процесса на региональном уровне можно сформулировать следующим образом: с 8-го класса школьникам предоставляется возможность освоения части программы СПО с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий (далее – ЭО и ДОТ) на основании договора о сетевом взаимодействии. После освоения базового теоретического курса обучающийся продолжает получение образования в СПО. Возможны два варианта организации обучения в СПО:

- 1) группа студентов проходит обучение по сокращенной программе, созданной специально для школьников, усвоивших теоретический материал на базе дистанционного курса;
- 2) зачисление обучающихся происходит с учетом уже освоенного базового материала на 2–3-й курс.

На рисунке 5 изображено графическое представление предлагаемой модели построения образовательного процесса обучающегося. На региональном уровне формируется адаптивная модель организации образовательного процесса, когда будущий студент еще в школе «модульно» накапливает «багаж» знаний, а по окончании общеобразовательной организации в случае необходимости может пройти те модули, которых ему необходимы для получения документа о получении профессии (специальности) непосредственно в СПО. Прохождение практических занятий можно организовать либо во время длительных летних каникул, либо непосредственно в процессе продолжения обучения в СПО. Таким образом, подготовка специалиста может занять не 11–13 лет, а 10–11. Документ о профессиональном образовании студент, за-

вершивший обучение в СПО, в таком случае сможет получить уже в 17–20 лет. Учитывая, что рабочая смена лиц в возрасте от 16 до 18 лет всего на 1 час меньше специалиста старше 18 лет [13], экономика региона в короткие сроки получает новые более мотивированные и заинтересованные кадры, отвечающие запросам предприятий.

Вместе с тем если обучающийся в процессе освоения дисциплин и прохождения практики в сетевой форме придет к выводу о смене направления обучения, то продолжение обучения может проходить как по традиционной модели, так и переподготовке по другим направлениям. Разумеется, это увеличит сроки подготовки, но даст возможность адаптироваться к реальному положению вещей на рынке труда региона с учетом среднесрочной перспективы.

Основную роль в сокращении сроков обучения в предлагаемой модели играет персонализация образования и предоставление возможности прохождения материала в удобное для обучающегося время в комфортном для него темпе. Персонализация образовательного процесса невозможна в традиционной системе организации образовательного процесса. В целях создания возможностей для формирования индивидуальной образовательной траектории обучающихся с использованием цифровых сервисов и платформ государственных информационных систем, совершенствования процессов использования ЭО и ДОТ необходимо обеспечить создание ресурса, отвечающего потребностям работодателей и соискателей (выпускников колледжей и общеобразовательных организаций).

Цифровая трансформация образования в области сетевого взаимодействия позволяет выстроить гибкую модульную структуру реализации образовательных программ. При этом необходимо проводить развитие региональной цифровой образовательной инфраструктуры для решения задач насыщения рынка труда квалифицированными кадрами. Обеспечение комплексного использования цифровых технологий в управлении системой образования региона и интеграция цифровой образовательной среды

Рис. 6. Информационные потоки построения индивидуальной траектории обучения

между уровнями образования позволит сократить период обучения в организациях, реализующих программы как общего, так и среднего профессионального образования.

Согласно тенденции развития общества и законодательства в сфере цифровой трансформации образования [14–17] внедрение цифровых технологий для построения индивидуальной образовательной траектории на основе реализации проекта «цифрового помощника ученика» к 2030 году обеспечит не менее 80% обучающихся возможностью эффективного планирования траектории реализации личностного потенциала. Проект «Цифровое портфолио ученика» соединит различные информационные ресурсы, сервисы, позволит учесть текущие достижения и более четко сформировать «портрет» будущего специалиста.

Ускорение темпов внедрения сквозных цифровых технологий в экономику региона требует разработки программ подготовки кадров не только с сокращением сроков обучения, с возможностью проведения повышения квалификации без отрыва от производства, но и подготовки специалистов, обладающих «профессиональной мобильностью» [18], представляя различные вариации для профессионального самоопределения и самореализации.

Профессиональная мобильность молодежи зависит от эффективности взаимодействия общеобразовательных организаций, организаций СПО и работодателей. Профессиональная мобильность может быть обеспечена за счет «модульного» освоения предметных (смежных)

областей. В соответствии с указанными в «цифровом портфолио» компетенциями на основе современных технологий будут формироваться предложения по «горизонтальной профессиональной мобильности» [19, с. 407] и развитие «личного бренда» и «технического стека» в понимании специалистов уровня СПО.

Организация персонализации образовательного процесса с использованием ЭО и ДОТ и фиксацией результатов в электронном формате может положить начало кардинальному изменению системы образования – отказу от документа об образовании в «традиционном» формате и приведет к разработке механизмов, обеспечивающих реализацию «профессиональной мобильности», когда прохождение программ, курсов, дисциплин, практик и стажировок в различных организациях будет фиксироваться в цифровом портфолио. Фиксация достижений освоения «модулей» позволит не только приобретать знания для определенной деятельности, но и работодателям принимать на работу квалифицированных специалистов, обладающих необходимым и достаточным набором «модулей» для занятия профессиональной деятельностью по текущему направлению, что позволит в кратчайшие сроки адаптировать уровень подготовки специалистов под нужды рынка труда.

При организации накопления информации в личном кабинете обучающегося (наполнении электронного портфолио) необходимо описать правила и приемы использования возможностей информационной инфраструктуры системы образования региона и смежных ведомств, кото-

рые позволят посредством межведомственного взаимодействия решать задачи передачи сведений с использованием единого сервиса доступа к данным.

Заключение

Сквозные технологии, проникая во все аспекты жизни общества, несомненно, меняют наше представление о моделях и результатах получения образования. Сетевые модели взаимодействия участников образовательных отношений в условиях дефицита педагогических кадров с использованием ЭО и ДОТ становятся неотъемлемой частью современной организации образовательного процесса. Поэтому в условиях развития цифровых образовательных сервисов возможна организация подобной адаптивной сетевой модели интенсивной формы обучения и профориентации школьников в целях сокращения периода подготовки кадров, в том числе проходящих обучение и переподготовку по программам среднего профессионального образования.

Таким образом, адаптивная сетевая модель персонализации образовательного процесса является перспективным механизмом построения персонализированного образовательного процесса в целях обеспечения не только индивидуального развития обучающегося, но и в целях наполнения региональной экономики квалифицированными специалистами, востребованными на предприятиях региона. Модель позволяет учесть индивидуальные потребности и особенности каждого обучающегося, повысить эффективность обучения за счет выстраивания трека развития с фиксацией целевых установок на каждом этапе обучения.

Региональная система образования стоит перед необходимостью согласованного определения полномочий по разработке единой системы требований к общему, профессиональному и дополнительному образованию и формированию компетенций обучающихся в течение всего периода обучения, способствующих его успешной, продуктивной и ответственной деятельности в выбранной профессии.

Для обеспечения эффективного построения индивидуальной траектории развития обучающегося необходимо обеспечить интеграцию информационных систем различных министерств и ведомств, что, несомненно, приведет к изменению не только регионального, но и федерального законодательства в сфере информационных технологий. Для организации информационного обмена необходимо разрабатывать новые подходы взаимодействия и анализа данных.

Список литературы

1. Черных С.И., Байбулатова Д.В. Национальный проект (программа) «Цифровая экономика Российской Федерации»: проблемы целеполагания и финансирования // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2023. № 2. С. 19–38. DOI: 10.24412/2071-6435-2023-2-19-38.
2. Белоусов Ю.В. Цифровая экономика: понятие и тенденции развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 26–43. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-26-43.
3. Сизова И.Л., Елагина Е.Д., Орлова Н.С. Дефицит (квалифицированных) кадров на рынке труда в России: современные риски // Социальное пространство. 2023. Т. 9. № 3. DOI: 10.15838/sa.2023.3.39.6.
4. Минобрнауки сообщило, что почти 50% выпускников вузов России работают не по специальности // Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)»: офиц. сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16597511> (дата обращения: 20.11.2023).
5. Дигилина О.Б., Тесленко И.Б. Трансформация рынка труда в условиях цифровизации // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. № 4-2. С. 166–180. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-166-180.
6. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 320 с.
7. Плотноков Н.П., Плотнокова Л.В. Ранняя профориентация младших школьников // Совершенствование качества образования: Сборник статей XX (XXXVI) Всероссийской научно-методической конференции, Братск, 28 февраля – 3 марта 2023 года. Братск: Братский государственный университет, 2023. С. 197–202.
8. Баскакова М.Е. Потенциальная рабочая сила современной России: социально-демографический портрет и уровень образования // Социально-трудовые исследования. 2022. № 3 (48). С. 105–117. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-105-117.
9. Приказ Минобрнауки РФ от 18.07.2002 № 2783 «Об утверждении Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Приказ Минобрнауки России № 882, Минпросвещения России № 391 от 05.08.2020 «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Ломакина Т.Ю., Васильченко Н.В. Профильное обучение: 20 лет спустя // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. Т. 1. № 1 (97). С. 7–23. DOI: 10.24412/2224-0772-2024-97-7-23.
12. Меренков А.В., Мокерова Ю.В., Смирнова О.Г. Профессиональное самоопределение выпускников школ в современных условиях // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2015. № 2 (140). С. 107–117.

13. Информация Роструда «Особенности трудоустройства несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Приказ Минцифры России от 18.11.2020 № 600 «Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации «Цифровая трансформация» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Распоряжение Правительства РФ от 18.10.2023 № 2894-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, и признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 02.12.2021 № 3427-р» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Ковалева А.И. Профессиональная мобильность // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-mobilnost> (дата обращения: 15.01.2024).

19. Соложнина Н.А. Профессиональная мобильность как важный компонент квалификационной структуры выпускника учреждения среднего профессионального образования // Молодой ученый. 2021. № 26 (368). С. 406–409.

ADAPTIVE NETWORK MODEL OF EDUCATIONAL PROCESS PERSONALIZATION

A.N. Golubeva, A.N. Kislyakov

Vladimir Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article raises the problem of the shortage of personnel and the time required to train qualified specialists for the economy of the region and the country as a whole, considers an adaptive model of organization at the regional level of personalization of the educational process, which reduces the time required for training specialists by enabling students of general education organizations to master educational programs of secondary vocational education using a network form of interaction, e-learning and distance learning educational technologies. It describes the basic principles and mechanisms of the model, the prospects for its application in the education system, as well as its advantages for the regional economy. To propose measures to fill the labor market with qualified specialists, an analysis of the system of general and secondary vocational education was carried out, and points of growth of a synergetic effect were identified in order to develop the socio-economic system of the region. A model of the organization of the educational process in educational institutions is proposed, which makes it possible, in the context of the digital transformation of education, to shorten the period of training specialists for the region's economy. The fundamental difference between the proposed model of reducing the time required for specialist training lies in the innovative approach to the process of organizing educational activities.

Keywords: economics, personnel, career guidance, education, online form, employment, personalization, technology.

УДК 330.341

DOI 10.52452/18115942_2025_2_26

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ И БИЗНЕС-СТРУКТУР В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

© 2025 г.

Н.Е. Горбунова, А.А. Энговатова

Горбунова Наталья Евгеньевна, аспирант экономического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
ngorbunova000@gmail.com

Энговатова Александра Андреевна, к.э.н.; доцент экономического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
alexengovatova@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 25.11.2024**Статья принята к публикации 15.04.2025*

Научное знание является основой развития инноваций, поэтому среди ключевых акторов процесса инновационного развития выделяются в первую очередь университеты, которые представляют собой площадки аккумулирования знаний, а также необходимых для проведения исследований трудовых ресурсов. Другим значимым участником являются бизнес-структуры, которые осуществляют перевод исследований и разработок в воспринимаемый рынком продукт. В условиях реализации стратегии импортозамещения и запроса на технологический суверенитет России требуется акселерация инновационного роста в стране. Однако кооперация российских вузов и предпринимательства на сегодняшний день ограничена, а генератором инновационной активности по большей части выступает государство. Имплементация элементов международного опыта государств с наивысшим показателем инновационного роста позволит увеличить уровень инновационной активности. Таким образом, целью исследования является разработка рекомендаций по усовершенствованию механизма взаимодействия университетов и бизнеса в России на основе анализа теоретических моделей и ведущих международных практик. В работе использованы общетеоретические методы, такие как анализ, синтез, абстрагирование, а также эмпирические методы, включая изучение и анализ международного опыта в сфере взаимодействия вузов и бизнеса. Новизна исследования заключается в разработке адаптированной к российским реалиям модели взаимодействия университетов и бизнеса на основе концепции «Живых лабораторий» (Living Labs). Ключевыми особенностями исследования являются акцент на региональную специфику, применение механизма горизонтального взаимодействия между участниками модели, а также раскрытие шагов для внедрения модели, включая этапы разработки и коммерциализации инноваций. Практическое внедрение предложенных авторами рекомендаций позволит обеспечить качественный рост взаимодействия университетов и бизнес-структур на различных уровнях.

Ключевые слова: экономика знаний, взаимодействие университетов и бизнеса, инновационное развитие, открытые инновации, живые лаборатории.

Введение

На текущем этапе научно-технологического развития России одной из ключевых задач является разработка инструментов, позволяющих обеспечить масштабное развитие инноваций в стране, в первую очередь для достижения технологического суверенитета. Основой для развития инноваций является научное знание. Знание, как считает И.Н. Тюкавкин, представляет собой продукт сознательной и мыслительной деятельности определённого индивида по познанию окружающего мира [1]. Знания могут быть представлены в виде полученного трудовыми ресурсами образования, их навыками и опытом, а также объектами авторского и интеллектуального права.

Современный этап характеризуется интенсивным развитием «экономики знаний», кото-

рая представляет собой такую экономическую систему, в которой знания применяются эффективно и представляют собой фактор производства наравне с трудом, землей и капиталом. Следовательно, в условиях развития экономики знаний и их превращения в движущую силу экономического роста взаимодействие между «органами» высшего образования (университетами) и наиболее активными экономическими агентами (предпринимателями) играет важнейшую роль.

Основываясь на указанном, руководство Российской Федерации концентрирует внимание на использовании потенциала университетов для развития инноваций [2]. Это отражено в ряде государственных документов стратегического планирования. Например, в Концепции технологического развития на период до 2030 года отмечена необходимость кооперации и усиления

взаимодействия научно-исследовательской и производственно-технологической деятельности [3]. Однако до настоящего времени нерешенной остается проблема эффективного механизма взаимодействия бизнеса и вузов, учитывающего характерные особенности современной России.

Целью данной работы является разработка рекомендаций по усовершенствованию механизма взаимодействия университетов и бизнеса в России на основе анализа теоретических моделей и ведущих международных практик.

Достижение поставленной цели предполагает постановку и решение следующих теоретических и практических задач:

- 1) определение роли университета в инновационном развитии;
- 2) анализ международной практики организации сотрудничества бизнеса и университетов;
- 3) выявление главных недостатков современных механизмов сотрудничества вузов и коммерческих структур, принятых в России;
- 4) разработка типовой модели взаимодействия университетов и бизнеса, возможной к внедрению на базе российского университета.

Новизна исследования заключается в том, что разработанная модель взаимодействия между акторами инновационного развития на основе концепции «Живых лабораторий» адаптирована к российским реалиям. В рамках нее выделяются три уровня взаимодействия (макро-, мезо- и микроуровни), а также предложен структурированный подход к процессам разработки и внедрения инноваций. Ключевыми отличиями данного исследования являются акцент на региональные особенности, горизонтальное взаимодействие между акторами (вместо традиционного вертикального), а также разработанные шаги для реализации модели на практике, включая этапы разработки и внедрения инноваций.

В исследовании применены общетеоретические методы, такие как анализ, синтез, абстрагирование, а также эмпирические: изучение и анализ ведущего международного опыта в сфере организации взаимодействия вузов и предпринимателей. Используются табличные и графические формы представления рассматриваемых процессов и явлений.

Роль взаимодействия вузов и предпринимателей

Позиция австрийского и американского экономиста Й. Шумпетера состоит в том, что предпринимательское сообщество наравне с университетами играет решающую роль в развитии инновационной экономики, экономики знаний. Предприниматель исполняет универсальную

функцию в экономике, подрывая старые способы производства использованием новых изобретений, открытием новых рынков и источников сырья, таким образом представляя собой движущую силу экономического развития [4].

Поэтому в условиях растущей интенсивности инновационного развития человечества аспект взаимовыгодного сотрудничества между бизнесом и университетами приобретает все более значимый характер. Как пишет Н.Э. Овчинникова, возрастающая роль высшего образования в экономике способствует формированию новых стратегий в университетах, которые могут включать в себя реакцию на глобальные проблемы, а также новые подходы к организации учебного процесса как «открытой» системы, то есть его интеграции в производственные процессы в экономике [5]. Другими словами, всё более высокие требования экономической системы к знаниям, которыми обладают трудовые ресурсы, закономерно приводят к совершенствованию содержания и росту качества образования и к переориентации учебного процесса на запросы бизнеса, в результате чего университет сам становится активным субъектом национальной экономики.

Концепция «третьей миссии» университетов наряду с предоставлением образовательных услуг и проведением научных исследований демонстрирует их роль во внедрении инновационных технологий в экономику, региональном развитии и трансформации рынка труда [6]. Вследствие этого очевидна необходимость выхода университетов за рамки исследовательской и академической работы и концентрация на построении взаимовыгодных отношений с бизнесом. С другой стороны, подчеркивается заинтересованность предпринимательского сообщества в подготовке кадров, чьи компетенции отвечают требованиям инновационной экономики.

Данное взаимодействие можно разделить на несколько ключевых направлений, среди которых:

- 1) Повышение качества человеческого капитала с учётом потребностей рынка труда;
- 2) Формирование предпринимательских качеств и готовности привносить инновации в работу бизнеса.

По первому направлению, заинтересованность в повышении уровня образования, которое влияет на качество человеческого капитала, объясняется тем, что на текущем этапе последний представляет собой не просто характеристику рабочей силы, но и фактор производства, который может заменять собой другие факторы и, как следствие, делать бизнес более рентабельным и прибыльным [7]. Соответственно,

университеты должны получать от бизнеса информацию о том, какими навыками и способностями должен обладать соискатель при рекрутировании, с какими проблемами сталкиваются компании, принимающие на работу выпускников университетов без опыта работы.

Согласно мнению Н.В. Кузнецовой, бизнес требует от молодых специалистов не только общепрофессиональных знаний и специальных компетенций (так называемых *hard skills*, или «жестких навыков»), закрепленных в образовательных стандартах, но и таких «мягких навыков» (англ. *soft skills*), как способность к работе в группе, коммуникативные навыки, способность к обучению и переобучению, гибкость, ответственность и т.д. [8]. Важность непрерывного повышения навыков как работающих граждан, так и молодых специалистов в области цифровой экономики отражена и в Национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года, в которых закреплена необходимость формирования «системы непрерывного обновления работающими гражданами своих профессиональных знаний и приобретения ими новых профессиональных навыков, включая овладение компетенциями в области цифровой экономики» [9]. Таким образом, молодой квалифицированный специалист становится главным источником инноваций для бизнеса.

В данном контексте представляется обоснованным предположение авторов Дж.У. Мэйера, Дж. Боли, Г.М. Томаса и Ф. Рамиреса о том, что сотрудничество между университетами и бизнесом должно начинаться ещё на этапе разработки учебных планов и программ по изучаемым курсам, а не на более поздней стадии производственной практики [10].

Другими словами, коммерческие организации, заинтересованные в привлечении молодых кадров, должны сотрудничать с университетами ещё на этапе разработки курсов и образовательных программ. Стратегическое взаимодействие между университетами и бизнесом в таком случае становится фундаментом развития экономики знаний, поскольку как академическая, так и предпринимательская среда могут подстраиваться под постоянные изменения во внешнем мире и новые открытия. Как пишет С.В. Грищенко, в такой структуре взаимодействия образование выполняет функцию подготовки рабочей силы в соответствии с требованиями бизнеса и прогрессирующими характеристиками конкурентоспособности экономики [11].

По второму направлению речь идёт не столько о предпринимательстве в прямом смысле слова, сколько о предпринимательском

мышлении, способности разрабатывать и внедрять социальные и коммерческие проекты, готовности заниматься инновационной деятельностью и о навыке превращать идеи в рыночные продукты, приносящие бизнесу прибыль [6]. Как пишут Б.Ю. Сербиновский, Б.Б. Сербиновский, Л.М. Егорова, университеты должны сами стимулировать инновационную деятельность в университетской среде, выступать в качестве драйвера инновационного развития или бизнес-инкубатора, чтобы прививать будущим сотрудникам коммерческих компаний умение мыслить нестандартно и создавать новые продукты [12].

Анализируя возможности сотрудничества университетов и бизнеса, исследователи Г. Торп и Б. Голдстейн сформировали концепцию «предпринимательского университета» [13]. Данное учебное заведение остаётся серьёзным исследовательским институтом, как и «классические» академические университеты. Однако предпринимательский университет не перенимает у бизнеса его методы ведения дел и ценности. Драйвером для инновационного развития внутри университета являются собственные традиции, культура и ценности, чаще всего связанные с научными изысканиями и поиском научной истины. В большинстве случаев предпринимательский университет не является «акселератором», то есть площадкой для создания инновационных компаний и стартапов, несмотря на проведение исследований, преимущественно ориентированных на практику. Как пишет К.А. Торрес, такую работу студенты могут проводить вне стен университета в рамках бизнес-структуры, сотрудничающей с университетом [14].

В то же время предпринимательский университет обладает такими важнейшими характеристиками, как признание значения социальных и гуманитарных наук для инноваций, поскольку именно данный пласт знания способствует решению в академической среде глобальных проблем, стоящих перед мировой экономикой. Именно понимание законов социально-экономического развития и специфики мировых экономических систем, взаимосвязи между экономикой и политикой может помочь будущим студентам принести пользу коммерческим структурам, а бизнесу – достичь успеха в современной «глобализованной» экономике. Как считает К. Мок, предпринимательский университет должен концентрироваться на решении глобальных проблем, имея в своем распоряжении крупные финансовые и интеллектуальные ресурсы [15].

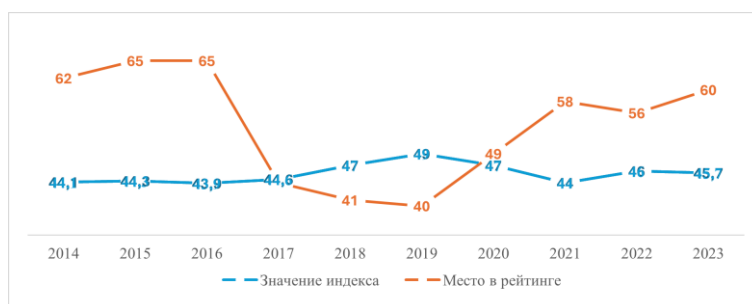

Рис. 1. Динамика результатов России по критерию «Сотрудничество университетов и бизнеса» в Глобальном инновационном индексе, 2014 – 2023 гг.
Источник: [16]

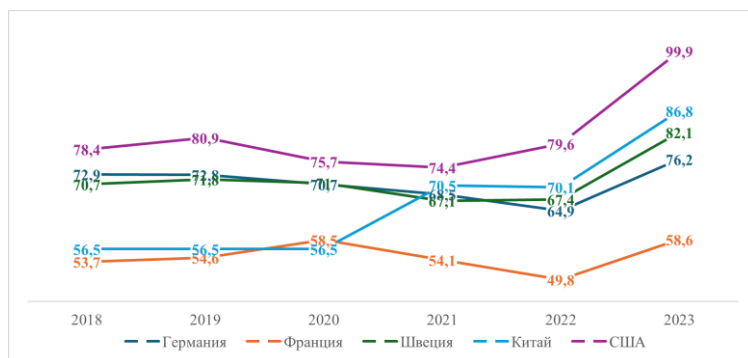

Рис. 2. Динамика результатов ключевых стран по критерию «Сотрудничество университетов и бизнеса» в Глобальном инновационном индексе, 2018 – 2023 гг.
Источник: [16]

Состояние взаимодействия университетов и бизнес-структур

Глобальный инновационный индекс (ГИИ) ежегодно рассчитывается Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) на основе 81 показателя. Одним из показателей, входящих в ГИИ, является критерий «Сотрудничество университетов и бизнеса», который позволяет косвенно оценить степень кооперации между двумя видами общественных институтов. Как показано на рис. 1, по итогам 2023 года Россия заняла 60-е место в рейтинге стран с показателем 45,7 единиц по критерию «Сотрудничество университетов и бизнеса».

Наиболее успешным государством с точки зрения развития динамики сотрудничества вузов и предприятий, согласно данным, представленным на рис. 2, за последние шесть лет оказался Китай. В Китае распространена практика участия университетов в капитале стартапов. Однако в Поднебесной венчурные предприятия могут принадлежать вузам или контролироваться вузами полностью. В отличие от американских реалий, университетские стартапы создаются на инвестиции самих вузов, а не венчурных фондов при достаточно незначительной поддержке университета. Список предприятий, выделившихся из структуры китайского вуза,

включает в себя такие известные корпорации, как Lenovo и Huawei [17].

Второй лидер по показателю «Сотрудничество университетов и бизнеса» – США. Американские университеты в меньшей степени зависимы от центрального (федерального) правительства, чем европейские или российские, и именно по этой причине бизнес активно участвует в управлении ими: представители крупных корпораций принимают непосредственное участие в разработке образовательных программ. Так, например, Американский университет Кеттеринга вырос из корпоративного учебного заведения автомобильного «гиганта» General Motors.

В США, как и в России, достаточно распространена такая форма взаимодействия между вузами и предприятиями, как создание технопарков и наукоградов при участии академических университетов. Данная практика позволяет ускорить развитие региона, а также привлечь к сотрудничеству компании, нуждающиеся в квалифицированных трудовых ресурсах. Как правило, центральным звеном технопарка является университет.

Рассматривая европейские страны, выделим один из эффективных механизмов сетевого взаимодействия университетов и предпринимателей как на национальном, так и на региональном уровнях – «Живые лаборатории» (от англ.

Living Labs). Крупнейшая в регионе некоммерческая организация, занимающаяся продвижением «Живых лабораторий», Европейская сеть «Живых лабораторий» (англ. European Network of Living Labs) определяет данный феномен как инновационные экосистемы, существующие физически и предполагающие совместное создание и развитие инноваций при участии бизнеса, научно-исследовательских центров, государства и простых граждан [18].

Примером использования лабораторий в качестве инструмента регионального развития может служить проект Lighting Metropolis, основанный в Дании и нацеленный на решение проблемы освещения улиц в г. Копенгагене и в других городах страны. В рамках «Живой лаборатории» происходит тестирование «умных» световых технологий с точки зрения их использования в городе. «Живая лаборатория» Lighting Metropolis занимается более чем 20 проектами в сфере городского освещения, имеет суммарное финансирование в размере 7.3 млн евро от региональных и частных источников. Примером проекта этой «Живой лаборатории» является тестирование биологического действия освещения в медицинском центре. Применение LED-освещения с «умной» системой управления позволило использовать светотерапию для улучшения самочувствия и восстановления режима сна пациентов [19].

Другая «Живая лаборатория», также действующая в сфере урбанистики, называется StreetLab и развивается во Франции. Лаборатория была создана на базе офтальмологической клиники Quinze-Vingts и имеет своей целью создание комфортных условий и инфраструктуры для жизни слабовидящих людей. Помимо коммерческой компании Quinze-Vingts, в проекте также участвуют архитектурное бюро ВТР Consultants, Университет Пьера и Марии Кюри, Федерация слепых и слабовидящих людей Франции и Институт Зрения как представители общественности, а также государственное финансовое учреждение Фонд депозитов и консигнаций Франции. Муниципалитет Парижа выделил для «Живой лаборатории» специальную зону Rapammes для тестирования технологий, обеспечивающих безопасное передвижение по городу слепых и слабовидящих людей. По итогам тестирований была разработана технология MOST-VR, позволяющая людям с наследственными заболеваниями сетчатки использовать виртуальную реальность для осуществления повседневной жизнедеятельности в городе.

«Живые лаборатории» представляют собой инновационные экосистемы, где бизнес, научно-исследовательские центры, государство и

простые граждане совместно создают и развивают инновации. Ключевой особенностью «Живых лабораторий» является предоставление всем заинтересованным лицам доступа к возможностям, связанным с инновациями. Сетевая форма взаимодействия бизнеса и университетов, реализующаяся в рамках «Живых лабораторий» в частности и четырехзвенных спиралей в целом, имеет горизонтальную структуру и предлагает ряд преимуществ по сравнению с вертикальной системой, характерной для России. Элементами «Живых лабораторий» являются коммерческие компании, университеты, представители государственной и муниципальной власти и общественности. При этом во всех основных подразделениях инновационной инфраструктуры России отсутствует вовлеченность пользователей, которая является важнейшим элементом в развитии инновационных продуктов. Таким образом, можно сделать вывод, что «Живая лаборатория» является новой и самодостаточной формой инфраструктурного подразделения, обладающей значительным потенциалом в стимулировании инноваций.

Взаимодействие бизнеса и университетов в России

Социально-экономические условия, в которых развивается взаимодействие между университетами и бизнесом в России, нельзя назвать исключительно благоприятными. Двигателем сотрудничества бизнеса и университетов остаётся государство, проводящее инновационную политику на национальном уровне.

Для реализации такой политики в России создаются специальные институты, расположенные по большей части в Москве и Московской области: АО «Российская венчурная компания», осуществляющее инвестиции в высокотехнологичные проекты, а также фонд «Сколково», занятый коммерциализацией новейших технологий. Инновационные проекты подобного масштаба сосредоточены в первую очередь в Центральной России, в то время как в регионах понимание стратегии инновационного развития, места университетов и бизнеса в ней, возможных механизмов их сотрудничества развито в меньшей степени. Поскольку стратегия инновационного развития, как и финансирование, идут от федеральных институтов, на региональном уровне, играющем подчинённую роль, наблюдается слабое взаимодействие между университетами и предпринимательством, а иногда и соперничество за бюджетные поступления и финансирование в условиях нехватки частных инвестиций.

Не менее важная особенность условий, в которых происходит сотрудничество российских коммерческих структур и вузов, заключается в том, что университеты на текущем этапе сложно назвать движущей силой построения в стране экономики знаний [20]. В особенности это утверждение касается региональных университетов, которые позиционируются как достаточно академичные, обособленные от рынка структуры. Более того, вузы в субъектах Российской Федерации характеризуются значительной степенью неоднородности в том, что касается качества подготовки студентов, интеграции в экономику региона, участия в различных проектах регионального развития – эти факторы затрудняют не только межвузовское взаимодействие, но и сотрудничество с локальным бизнесом из-за разнородности стандартов.

В дополнение к сказанному выше, И.Г. Дежина отмечает, что вузовские научные разработки довольно редко оказываются востребованными среди коммерческих предприятий, вследствие чего университеты рассматривают бизнес скорее как заказчика кадров, чем как партнёра по инновационной деятельности [21].

Барьеры, затрудняющие кооперацию вузов и предпринимателей, существуют во многих странах, что подчеркивается многими авторами [22–25]. В одном из проведенных исследований выявлено более 50 характерных для развитых стран факторов, которые в общей сложности были разделены на 5 групп [26]. Однако все становится сложнее по отношению к развивающимся странам [27], в частности, среди основных барьеров выделяются:

- низкий спрос на результаты проведенных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;
- недостаточное финансирование;
- проблемы с поиском потенциальных партнеров;
- чрезмерная бюрократизация [28];
- низкий уровень заинтересованности в проведении отечественных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ [22, 29];
- вопросы по оценке интеллектуальной собственности;
- малый период планирования;
- отсутствие стимулов к внедрению результатов инновационной деятельности в хозяйственный оборот [30].

При этом одним из важных элементов является большая географическая удаленность до возможных объектов сотрудничества, а также низкое количество связанных с производством инноваций акторов [22].

Результаты

Систематизировав полученные результаты, мы можем выделить, что в условиях действующих барьеров взаимодействия между вузами и предпринимателями государство вынуждено быть «акселератором» формирования и внедрения инноваций. Дополнительным осложняющим фактором выступает уникальная географическая ситуация в стране, которая требует реализации регионального подхода при формировании механизма развития инноваций. Исходя из указанных условий, представляется, что на данном этапе развития научно-технологического взаимодействия применима форма организации работы в рамках модели «Живой лаборатории».

«Живая лаборатория» представляет собой практическое воплощение модели четырёхзвенной спирали, разработанной Э. Караяннисом и Э. Григориадисом. Её ключевыми элементами являются: представители бизнеса как сторона, заинтересованная в дальнейшей коммерциализации разрабатываемого инновационного решения (может быть как одна компания, так и несколько), университет (либо несколько вузов) как технологический консультант и главный разработчик инновации, государство (в виде федеральной, региональной и муниципальной исполнительной власти) как регулирующий и контролирующий орган и, наконец, общественность, которая может самоорганизовываться в различные фонды, центры, федерации и агентства, работающие над решением социально-экономических проблем. Особенностью модели «Живой лаборатории» по сравнению с классической четырёхзвенной спиралью является наличие платформы – конкретного места, где собираются участники лаборатории.

Графическая интерпретация модели взаимодействия в рамках «Живой лаборатории», применимой в России, представлена на рис. 3.

Для структуризации указанного взаимодействия нами предложено его разделение на макро-, мезо- и микроуровень в зависимости от действующих акторов и решаемых задач.

1) На макроуровне происходит организация деятельности при участии всех акторов и заинтересованных групп, включая государственные и муниципальные органы. На этом уровне осуществляется работа с городской инфраструктурой и органами власти, то есть взаимодействие платформы с внешними акторами.

2) На мезоуровне осуществляется основное сотрудничество между вузами и предприя-

Рис. 3. Модель взаимодействия в рамках «Живой лаборатории» в России
Источник: составлено авторами

Рис. 4. Уровни взаимодействия компонентов «Живой лаборатории»
Источник: составлено автором на основе [31]

тиями: формирование «дорожной карты», выбор пилотных проектов, проведение совместных мероприятий и дискуссий. Данный уровень фактически отведён только под взаимодействие по линии бизнес–университет без заметного вмешательства государственных органов и представителей общественных групп.

3) На микроуровне происходит непосредственный контакт конечного потребителя (представителей общественности) с созданными в рамках «Живой лаборатории» нововведениями. Именно ради удовлетворения потребностей участников микроуровня функционирует «Живая лаборатория», поэтому на данной стадии важно получить обратную связь от конечного потребителя и контролировать практическое внедрение инновации.

Графическая интерпретация функционирования «Живой лаборатории» в разрезе различ-

ных уровней взаимодействия представлена на рис. 4.

Однако структуру, предложенную выше, не стоит воспринимать как нарушение основополагающего принципа функционирования «Живой лаборатории», который заключается в непрерывном взаимодействии всех участников. Выделение мезоуровня необходимо для решения проблемы излишнего контроля со стороны государства при недостатке свободного взаимодействия бизнеса и университетов. В российских реалиях типовая модель «Живой лаборатории» должна предполагать возможность открытого и равноправного диалога между вузами и предприятиями. В то же время конечные пользователи инновации также должны включаться в процесс разработки на протяжении всего процесса, однако ключевое внимание им уделяется всё же на микроуровне [31].

Рис. 5. Инфраструктура «Живой лаборатории» в России
Источник: составлено авторами

Рис. 6. Процесс разработки и внедрения инноваций на базе «Живой лаборатории»
Источник: составлено авторами

В структуре «Живой лаборатории» можно выделить три типа инфраструктуры, которые присутствуют на пути перевода идеи в продукт в том или ином институциональном контексте: научная и трансляционная инфраструктура, инфраструктура поддержки трансфера технологий, обеспечивающая инфраструктура.

На рис. 5 представлен перечень ключевой инфраструктуры, обеспечивающей работу в рамках «Живой лаборатории».

В рамках формирования типовой модели «Живой лаборатории» немаловажной является систематизация процесса разработки и внедрения инновации как фактора ключевой деятельности проекта. Это позволит построить роли участников формируемой системы на каждом отдельном этапе проводимых исследований.

Для целей настоящего исследования процесс разработки и внедрения инновации разделен нами на 5 этапов, обозначенных на рис. 6, а именно: фундаментальные исследования, прикладные исследования, разработка и развитие, технологический трансфер, вывод на рынок.

На первом этапе ключевая роль отдается университетам как субъектам, способным обеспечить расширение знаний о процессах в определенной научной области, обеспечить понимание фундаментальных процессов, выявить задел на будущие прикладные изыскания, представ-

ить выводы, имеющие значение и ценность для общества в целом.

На втором этапе происходит расширение количества участников за счет внедрения дополнительных заинтересованных сторон, среди которых помимо представителей университетов активизируются корпорации, государственные органы и другие. На данном этапе обеспечивается улучшение понимания выделенной проблематики, а также разработка практического решения.

На третьем этапе в результате взаимодействия указанных акторов проводятся дополнительные аналитические и лабораторные исследования для проверки результатов прошлого этапа, а также создание прототипа.

Четвертый этап характеризуется расширением участия бизнес-структур с учетом работы университета в качестве центра трансфера технологий. На данном этапе проводится оценка и защита технологий, создание интеллектуальной собственности, а также подготовка финального прототипа.

На финальном этапе реализуется оценка вклада отдельных исследователей, маркетинговая политика, проводится поиск финансирования, обеспечивается лицензирование и создается финальный продукт.

Процесс работы модели «Живой лаборатории» также можно структурировать на шесть основных этапов: подготовка, уточнение, им-

плементация, мониторинг, исправление и распространение [32].

Таким образом, приведённая модель «Живой лаборатории» позволяет решить проблему избыточного контроля со стороны государственной власти и недостатка прямого взаимодействия между университетом и бизнесом, так как сотрудничество может быть не только навязанным сверху, но и осуществляться в горизонтальном формате между всеми участниками лаборатории на трёх уровнях. Ни коммерческие компании, ни вузы в рамках модели «Живой лаборатории» не становятся объектами инновационного процесса, они являются активными субъектами, извлекающими пользу из взаимодействия с другими акторами. Сотрудничество на базе «Живой лаборатории» формирует процесс достижения взаимовыгодных результатов, постоянного экспериментирования, обмена мнениями, тестирования идей и взаимного обучения, в котором рождается наиболее подходящий инновационный продукт и/или решение социально значимой проблемы [31].

Примером успешной реализации подобной модели может служить одна из очень немногочисленных «Живых лабораторий» в России – «Живая лаборатория Томска», образованная в 2017 году на базе Томского государственного архитектурно-строительного университета. Совместно с нидерландским архитектурным бюро LEVS Architecten, конструкторским бюро «Стиль», муниципальными властями и жителями города была создана территория «Живой лаборатории», занявшая несколько улиц, для развития комфортной городской среды и тестирования технологий «умного города» в российских реалиях. Студенты Томского государственного архитектурно-строительного университета при участии горожан создали дизайн-проект реконструкции и обновления улиц при участии бизнеса в лице конструкторских бюро и при надзоре со стороны муниципалитета. При этом конечный результат могли оценить все конечные потребители (жители Томска) и высказать при этом свои пожелания и идеи [32].

Заключение

В контексте проведенного исследования авторы приходят к следующим выводам:

– роль университета во взаимодействии с бизнесом можно назвать двойственной, поскольку, с одной стороны, университет как среда аккумулирует работников интеллектуального труда, которые призваны сохранять исследовательскую культуру и развивать научно-технический потенциал университета и страны,

а с другой стороны, университет представляет собой «производителя» интеллектуальных ресурсов для бизнеса и интеллектуальных услуг. Взаимодействие между университетом и бизнес-структурами позволяет будущим выпускникам стать востребованными специалистами на рынке труда, а коммерческим предприятиям – найти таких специалистов. Таким образом, роль такого взаимодействия в экономике можно определить как гармонизацию рынка труда в долгосрочной перспективе;

– введение стратегии предпринимательского университета позволяет гармонизировать отношения между образовательными учреждениями и бизнес-структурами. В первую очередь это касается решения таких проблем, как несоответствие требований бизнеса к квалификации студентов и позиции высших учебных заведений по данному вопросу, невозможность университетом оперативно перераспределять имеющиеся ресурсы и недостаток возможностей, выражающийся в нехватке специалистов или материальных средств. Тесное сотрудничество в рамках составления учебных планов и подготовки студентов, взаимное инвестирование и создание общих проектов могут стать способом решить проблемы взаимодействия между университетами и бизнесом;

– основываясь на проведенном анализе, выделяется значительный пласт международной практики, свидетельствующей о потенциале использования кооперации вузов и предпринимателей для инновационного развития. В этой связи представляется, что потенциал развития кооперации указанных акторов в России реализован в недостаточной степени;

– ключевыми характерными условиями взаимодействия университетов и бизнеса в России являются: доминирующая роль государства, особый формат поддержки инновационного процесса (в виде инвестиционных фондов и кластерных проектов) и слабое сотрудничество между вузами и предпринимателями на региональном уровне – все эти особенности до сих пор сохраняются в национальной экономике;

– бизнес и университеты играют скорее подчинённую роль, слабо взаимодействуя друг с другом и находясь «под опекой» государственных органов, основные совместные проекты расположены в Центральной России, в то время как региональные вузы слабо интегрированы в национальную инновационную систему, из-за чего сотрудничество с бизнесом довольно ограничено;

– для организации надлежащего уровня взаимодействия требуется обеспечение учета актуальных условий, характерных для Российской

Федерации. Проведенное исследование показывает, что результаты, достигнутые за счет кооперации вузов и предпринимателей в разных странах, связаны с имплементацией различных механизмов и моделей взаимодействия рассматриваемых акторов. В частности, преодоление недостаточного сотрудничества бизнес-сферы и университетов в регионах возможно за счёт «Живых лабораторий» (Living Labs), которые к тому же позволяют задействовать потребителей в инновационном процессе от выдвижения гипотезы до коммерциализации продукта.

Список литературы

1. Тюкавкин И.Н. Экономика знаний // Вестник СамГУ. 2014. № 6 (117). С. 145–150.
2. Варшавский А. Проблемы науки и ее результативность // Вопросы экономики. 2011. № 1. С. 151–157.
3. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко и др. М.: Изд-во «Эксмо», 2008. 864 с.
5. Овчинникова О.П., Овчинникова Н.Э. Роль современного университета в инновационном развитии региона // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2018. № 2 (62). С. 154–163.
6. Михальченкова Н.А. Взаимодействие современных вузов и бизнеса: к вопросу о сущности и роли предпринимательских университетов // Вопросы управления. 2016. № 6 (43). С. 126–131.
7. Shultz T. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. New York: Free Press, 1970. 272 p.
8. Кузнецова Н.В. Компетентностный подход к профессиональной подготовке управленческих кадров: требования работодателей // Инновационный вестник Регион. 2013. № 4 (34). С. 64–68.
9. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Meyer J.W., Boli J., Thomas G.M., Ramirez F. World society and the nation-state // American Journal of Sociology. 1997. № 103 (1). P. 144–181.
11. Гриненко С.В. Информационно-коммуникационные технологии в системе взаимодействия профессионального образования и рынка труда. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2008. 152 с.
12. Сербиновский Б.Ю., Сербиновский Б.Б., Егорова Л.М. Инновационная модель и интегрированная информационная среда в управлении университетом нового типа / М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Южный федеральный ун-т». Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009. 225 с.
13. Thorp H., Goldstein B. Engines of Innovation: The Entrepreneurial University in the Twenty-First Century. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2010. 184 p.
14. Torres C.A. The state, privatization and educational policy: a critique of neo-liberalism in Latin America and some ethical and political implications // Comparative Education. 2002. № 38. P. 365–385.
15. Mok K. Globalization and education restructuring: University merging and changing governance in China // Higher Education. 2005. № 50. P. 57–88.
16. The Global Innovation Index [Электронный ресурс] // WIPO official website. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/
17. Акрамова Ш.Г. Углубление сотрудничества университетов и промышленности: опыт Китая // Бюллетень науки и практики. 2016. № 9 (10). С. 89–94.
18. What are Living Labs [Электронный ресурс] // European Network of Living Labs official website. URL: <https://enoll.org/about-us/what-are-living-labs/>
19. Lighting Metropolis. Project description [Электронный ресурс] // Lighting Metropolis official website. URL: <http://lightingmetropolis.com/project-description/>
20. Ботот С., Сатински Д. Модель тройной спирали в региональном развитии Великобритании, США и России // Инновации. 2011. № 4. С. 43–46.
21. Дежина И.Г. Особенности российской «тройной спирали» отношений между государством, наукой и бизнесом // Инновации. 2011. № 4. С. 47–55.
22. Юревич М.А. Кооперация университетов и бизнеса как фактор формирования технологического суверенитета // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 4. С. 47–60.
23. Valentín E.M.M. University – industry cooperation: A framework of benefits and obstacles // Industry and Higher Education. 2000. № 14 (3). P. 165–172.
24. Sjö K., Hellström T. University – industry collaboration: A literature review and synthesis // Industry and Higher Education. 2019. № 33 (4). P. 275–285.
25. Ćudić B., Alešnik P., Hazemali D. Factors impacting university – industry collaboration in European countries // Journal of Innovation and Entrepreneurship. 2022. № 11 (1). P. 1–24.
26. Nsanzumuhire S.U., Groot W. Context perspective on university – industry collaboration processes: A systematic review of literature // Journal of Cleaner Production. 2020. Vol. 258. Article 120861.
27. Kleiner-Schaefer T., Schaefer K.J. Barriers to university – industry collaboration in an emerging market: Firm-level evidence from Turkey // The Journal of Technology Transfer. 2022. № 47. P. 872–905.
28. Шабаева С.В., Кекконен А.Л. Практическое исследование сотрудничества вузов и бизнеса в России и странах ЕМСОУ // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 112. С. 93–100.
29. Вольчик В.В., Кривошеева-Медянцева Д.Д. Институты, ресурсы и национальная инновационная система, или Почему не получается инновационный суп // Journal of Institutional Studies. 2014. Т. 6. № 4. С. 54–64.
30. Усманов М.Р., Шушкин М.А., Назаров М.Г., Крылов П.А. Барьеры, препятствующие эффективному взаимодействию российских университетов и

бизнес-компаний // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 1. С. 83–93.

31. Living Lab. Methodology Handbook description [Электронный ресурс] // User Engagement for Large Scale Pilots in the Internet of Things. URL: [https://www.](https://www.northwalescollaborative.wales/wp-content/uploads/2020/10/Living-lab-methodology-handbook_r.pdf)

[northwalescollaborative.wales/wp-content/uploads/2020/10/Living-lab-methodology-handbook_r.pdf](https://www.northwalescollaborative.wales/wp-content/uploads/2020/10/Living-lab-methodology-handbook_r.pdf)

32. Малько А., Козлова Л., Гладкова Е., Тумуреева М. Живая лаборатория в Иркутске // Проект Байкал. 2022. Т. 19. № 71. С. 104–110.

MECHANISMS OF INTERACTION BETWEEN UNIVERSITIES AND BUSINESS STRUCTURES IN THE MODERN ECONOMY

N.E. Gorbunova, A.A. Engovatova

Lomonosov Moscow State University

Scientific knowledge is the foundation for the development of innovation. That's why universities stand out among the key players in the process of innovation development. They are platforms for accumulating knowledge and providing the human resources for research. Another significant participant is business, which translates research and development into products that are perceived by the market. The implementation of the import substitution strategy and the pursuit of technological sovereignty in Russia requires accelerating innovative growth. However, cooperation between universities and business is currently limited in Russia, and the government plays a major role in generating innovation activity. Implementing elements of international experience from countries with high rates of innovation growth can help increase the level of innovation activity in Russia. The purpose of this study is to propose recommendations for improving the interaction between universities and businesses in Russia. The study will be based on an analysis of theoretical models and best international practices. The work will use general theoretical methods, such as analysis and synthesis, as well as empirical methods, such as studying international experience in university-business interactions. The novel aspect of the research is the development of an adapted model of university-business collaboration based on the "Living Labs" concept. Key features of the proposed model include a focus on regional specificity, a mechanism for horizontal collaboration between participants, and steps for implementing the model, including innovation development and commercialization stages. The practical implementation of the recommendations would ensure a significant improvement in the collaboration between universities and business organizations at various levels.

Keywords: knowledge-based economy, interaction between universities and business, innovative development, open innovations, Living Labs.

УДК 338

DOI 10.52452/18115942_2025_2_37

УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ОБЩЕЕ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ

© 2025 г.

И.В. Захаров, Ю.О. Плехова, В.Я. Захаров

Захаров Илья Владимирович, к.э.н.; докторант
Санкт-Петербургского государственного экономического университета
ilya-zakh@yandex.ru

Плехова Юлия Олеговна, д.э.н.; проф.; директор Института экономики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
uplekhova@iee.unn.ru

Захаров Владимир Яковлевич, д.э.н.; профессор Института экономики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zaharov48@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 07.02.2025**Статья принята к публикации 23.04.2025*

Представлен обзор наиболее цитируемых концепций устойчивого развития, разработанных международными и национальными центрами, которые занимаются обеспечением устойчивости развития экономических систем разного масштаба. *Цель статьи:* идентифицировать и обсудить ключевые характеристики ядра современной парадигмы устойчивого развития систем, что позволяет создавать надежные методы измерения их устойчивости. Под ядром современной парадигмы понимаются общие черты различных концепций устойчивого развития, относительно которых достигнут консенсус. Анализируются причинно-следственные связи между основными компонентами концепций: системы, шоки, устойчивость и ее детерминанты, стратегии реагирования и их результаты. Выявлены особенности поведения сложных экономических систем; рассмотрены характеристики шоков и их влияние на экономические системы разного размера, возраста, характера деятельности и эффективности; предложено общее определение устойчивости систем. Рассматриваются ключевые черты доминирующей концепции 3D потенциалов устойчивости; подтверждается необходимость анализа причинно-следственных связей в рамках теории управления изменениями; обосновывается последовательность действий при разработке стратегий устойчивого развития; выделяются общепризнанные характеристики устойчивых экономических систем.

Показана прямая корреляция между динамикой российского ВВП и динамикой устойчивости российских домохозяйств в постсоветский период; идентифицированы особенности стратегий реагирования домохозяйств на разных этапах жизненного цикла трансформационного шока.

Ключевые слова: экономические системы, шоки, устойчивое развитие, концепции, потенциалы, стратегии реагирования, домохозяйства.

Введение

Согласно данным Института кризисного управления, в 2023 году от стихийных бедствий пострадали более 93 млн человек; экономический ущерб, по оценкам, составил более 250 млрд долларов, что выше средних показателей за предыдущие 20 лет. Жертвами кражи личных данных стали почти 350 млн человек, средняя стоимость нарушения в 2023 году составила 4.45 млн долларов, увеличившись по сравнению с 2020 годом более чем на 15% [1].

Потрясения и кризисные ситуации происходят все чаще и становятся все менее предсказуемыми; впервые за 30 лет внезапные шоки в 2020–2023 гг. составили большинство кризисных ситуаций, учитываемых Институтом кризисного управления [1]. Компании сталкиваются

с все более интенсивными шоками, а уверенность их руководителей в способности преодолеть кризисы выше, чем реальная готовность предприятий к ним [2].

Считается, что термин «устойчивость» (resilience) появился в естественных науках. Сегодня этот термин используется в самых разнообразных дисциплинах, таких как здравоохранение, психология, инженерия, экология, социология, политология и экономическое развитие.

В современной научной литературе существуют две концепции устойчивого развития, которые по-разному называются в английском языке: (sustainable development и resilient development), но одинаково звучат и пишутся на русском языке («устойчивое развитие»), что нередко вызывает путаницу при использовании этих концепций. Чтобы исключить ошибки, мы

называем эти два подхода к устойчивому развитию S-устойчивость и R-устойчивость. Концепция S-устойчивости утверждает, что для повышения благосостояния людей необходимо наращивать мощность биосферы нашей планеты быстрее, чем потребляются природные ресурсы. R-устойчивость понимается как способность системы сохранять свое развитие при столкновении с потрясениями. У этих двух концепций общая цель: поддержание способности экономических систем развиваться в долгосрочной перспективе в турбулентной среде [3].

Наша работа посвящена анализу концепций R-устойчивого развития, внимание к которым усилилось после кризиса 2008–2009 гг. и еще больше – после кризиса COVID-19. В этой статье R-устойчивое развитие мы будем называть в дальнейшем устойчивым развитием системы, а R-устойчивость – устойчивостью системы.

Широкое разнообразие концептуальных подходов к определению и измерению устойчивости, как показали исследования, обусловлено объективными причинами: разнообразием размеров и свойств сложных экономических систем; доступных им ресурсов и возможностей; типов шоков и их интенсивности; стратегий реагирования на шоки. Поэтому не существует единого определения устойчивости, ее ключевых свойств и детерминант. Математики считают, что анализ поведения сложных систем требует использования нескольких концепций, необходимых для того, чтобы описать развитие этих систем. Количество концепций устойчивого развития экономических систем быстро росло в последние два десятилетия, но при многих различиях между подходами мы находим в разных теоретических моделях устойчивого развития значительные совпадения, свидетельствующие об уровне достигнутого консенсуса и образующие, как мы полагаем, ядро современной парадигмы устойчивого развития экономических систем. Цель нашей статьи: идентифицировать и обсудить ключевые характеристики «сердцевины» современной парадигмы устойчивого развития систем, что позволяет создать более надежные системы измерения их устойчивости. Методы исследования: обзор ключевых, наиболее часто используемых концепций устойчивого развития, созданных международными и национальными центрами, которые занимаются управлением устойчивостью развития экономических систем разного масштаба.

В статье рассматриваются каждый из основных компонентов концепций устойчивого развития в совокупности их характеристик: системы и контексты; шоки (потрясения, стрессоры); определение устойчивости экономических си-

стем; потенциалы устойчивости к шокам и стратегии реагирования на шоки; причинно-следственные связи между ключевыми компонентами концепций; анализируются динамика и детерминанты устойчивости российских домохозяйств в постсоветский период.

Ключевые компоненты концепций устойчивого развития экономических систем

В 2012 г. Бене и др. [4] выделили такие компоненты концепции устойчивости экономических систем, как: а) поглощающий потенциал, нацеленный на предотвращение и минимизацию потерь («стабильность» системы); б) адаптационный потенциал, обеспечивающий «гибкость» системы и возврат ее к дошоковому состоянию благодаря инкрементальной настройке; в) трансформационный потенциал, позволяющий проводить кардинальные изменения и наращивать возможности, необходимые для выхода на новую траекторию развития. Необходимые размеры этих потенциалов и соотношение между ними зависят от интенсивности и продолжительности шоков. Этот подход был поддержан и расширен в концепциях FSIN, FAO, USAID, JRC и других.

Был сделан вывод, что исследователи устойчивого развития систем ищут ответы на следующие взаимосвязанные вопросы: устойчивость кого, чего и с какой целью? устойчивость к чему, каким потрясениям? что мы понимаем под устойчивостью, какими свойствами она обладает? посредством чего, с помощью каких ресурсов и действий обеспечивается устойчивость развития (стратегии реагирования на шоки)? с какими конечными результатами и в интересах кого? Ответы на эти вопросы определяют содержание основных компонентов концепций и инструментов устойчивого развития и их взаимозависимость [5]. В концепциях чаще всего выделяются такие ключевые компоненты устойчивости: целевые группы, системы и контекст; шоки и стрессы, потенциалы устойчивости, стратегии реагирования и конечные результаты [6].

Устойчивость кого, чего и с какой целью: целевые группы населения, системы, их контексты

Практически все основные концепции устойчивого развития едины в определении самой общей конечной цели (мегацели) устойчивого развития – повышение благосостояния людей и основного способа ее достижения – наращивание потенциала устойчивости систем.

Концепции устойчивости фокусируются на самых разных субъектах, от благополучия которых зависит устойчивость развития и благосостояние национальной экономики в целом: домохозяйства, местные сообщества, компании, города и регионы, продовольственные системы, отрасли, рынки или рыночные системы. При всех различиях между этими субъектами их объединяет то, что во многих концепциях они рассматриваются как сложные, адаптивные, самоорганизующиеся, экономические системы. Эти системы разного размера и уровня сложности, с разными возможностями для устойчивого развития и стратегиями поведения, взаимосвязаны (их описывают в литературе как иерархические, вложенные, пересекающиеся) и обладают некоторыми общими свойствами. Мы называем эти системы экономическими, потому что они являются частью национальной экономики и занимаются производством, распределением и потреблением товаров и услуг.

Характеристики устойчивости и детерминанты устойчивого развития проявляются по-разному в системах разного уровня (масштаба) и сложности; чем выше размер и сложность системы, тем труднее измерить ее устойчивость и влияние детерминант на ее развитие. Отчасти поэтому большинство концептуальных подходов сосредоточено на локальном уровне, например на уровне домохозяйств. Важнее то, что домохозяйства являются самым хрупким элементом в системе устойчивого развития национальных экономик, а устойчивость всей системы определяется устойчивостью ее слабого звена. Национальные экономики переходят к более адресной поддержке людей.

Понимание особенностей сложных (имеющих много измерений и уровней) систем является основой управления устойчивостью их развития. Устойчивость развития сложной системы является динамической характеристикой, которая генерируется самой системой; система в своем развитии проходит через множество неустойчивых равновесных состояний.

Признается, что поведение сложной системы невозможно полностью контролировать. Система постоянно находится в движении (обновлении), в ней развивается множество сетей сложных взаимодействий, которые трудно увидеть; в процессе взаимодействия сетей система обучается и самоорганизуется. Сложные системы, находящиеся в состоянии неэффективного равновесия, нуждаются во встрясках, которые повышают их эффективность [7]. Следует учитывать, что кардинальная трансформация таких систем может привести к потере некоторых, ранее созданных полезных функций (связей),

нам не видимых, и это вызывает сопротивление изменениям и конфликты. В сложных системах небольшие возмущения могут и привести к качественно неожиданным способам поведения, возможны неуправляемые каскадные реакции, порождающие непредвиденные последствия. Рост сложности и взаимозависимости систем в процессе глобализации усиливает риски появления непредсказуемых шоков с каскадными эффектами.

Нередко вмешательства в сложную систему с целью повышения ее устойчивого развития сосредоточены на ближайших проблемах и быстрых решениях, но не затрагивают коренных причин неустойчивости. Необходимо направить вмешательства на те места в системе, в которых небольшие изменения способны привести к фундаментальным изменениям в поведении всей системы [8].

Мы видим, что давление внешней среды на экономические системы усиливается, поэтому в концепции устойчивого развития вводится анализ контекстуальных факторов и «фоновых переменных» (природных, геополитических, социальных, культурных, экономических, технологических и исторических).

Устойчивость к чему: шоки и ландшафт рисков

Шок (потрясение, кризисная ситуация) – это событие, часто неожиданное, которое оказывает сильное воздействие, положительное или отрицательное, на безопасность и благосостояние экономической системы. С момента своего возникновения шок оказывает краткосрочное и долгосрочное воздействие, которое со временем может усиливаться или ослабляться; он способен оказывать положительное влияние на одних участников системы, отрицательное – на других и не влиять – на третьих.

Негативные шоки разрушают потенциал устойчивости системы, связь между шоками и устойчивостью системы, как правило, нелинейная. Во многих концепциях устойчивого развития предметом анализа являются шоки внешние и внутренние, природные и созданные людьми, индивидуальные и ковариативные (общие), «тлеющие» и непредсказуемые.

Свойства шоков:

- природа (тип) шока;
- продолжительность;
- масштаб (охват);
- скорость развития;
- интенсивность воздействия, измеряемая размером предполагаемого или фактического ущерба;

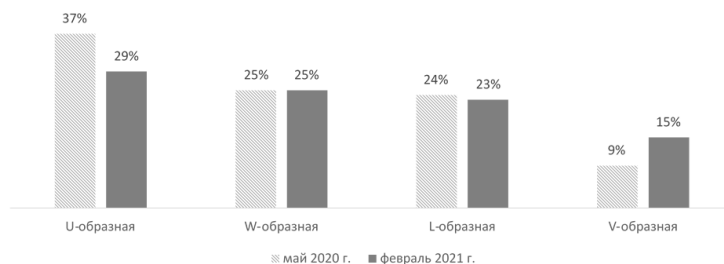

Рис. 1. Ожидания инвесторов относительно формы восстановления экономики США, % к числу опрошенных (май 2020 г. и февраль 2021 г.).
Источник: [9, 10]

– частота и предсказуемость (вероятность появления);

– количество шоков и сложные (не всегда очевидные) взаимодействия между шоками.

От свойств шоков зависит способность системы предвидеть и преодолевать их. Считается, что на уровне рыночных систем чаще других реализуются следующие формы (геометрии) шока:

– V-образный: быстрое восстановление («отскок»), созданы возможности для роста;

– U-образный: дошоковая траектория роста восстанавливается, но произошли необратимые экономические потери;

– L-образный: дошоковая траектория роста не возобновляется, экономические потери растут, инвестиции и производительность снижаются (самый опасный сценарий);

– W-образная: еще одно падение после первоначального восстановления.

Пандемия COVID-19 стала вынужденным экспериментом по проверке устойчивости рыночных систем разных стран. Согласно данным компании БКГ, большая часть инвесторов ожидала U-образного восстановления экономики США (рис. 1).

Шоки воздействуют на одни отрасли промышленности сильнее, чем на другие. К характеристикам отраслей, которые могут усилить или смягчить воздействие экономического шока, относят: возможности сохранить и нарастить производство и поставки в условиях сбоев в цепочках поставок; чувствительность к изменениям спроса и поведения потребителей; способность преодолеть обострение финансовых ограничений в краткосрочном и долгосрочном периоде [11, 12]. Отрасли, производящие и экспортирующие инвестиционные товары длительного пользования (машины и оборудование), страдают больше других во время экономического спада. Они, как и домохозяйства, нуждаются в государственной поддержке.

Шоки по-разному влияют на компании разного возраста, размера и производительности. Молодые (до 5 лет) и небольшие (до 50 чело-

век) компании, которые в развитых странах играют ключевую роль в создании рабочих мест (создают до половины новых рабочих мест), инновациях и экономическом росте, особенно чувствительны к экономическим потрясениям. Они более подвержены потрясениям, т.к. у них слабее рыночные позиции, ниже производительность и меньше финансовых ресурсов для того, чтобы выдержать бурю и инвестировать в будущий рост [13, 14].

В некоторых случаях они могут быть более устойчивыми благодаря своей гибкости.

Последствия экономического кризиса 2008–2009 гг. сильно различались в регионах одной и той же страны и между странами. В некоторых регионах стран Евросоюза наблюдалось быстрое возвращение к докризисному уровню занятости и производства; многие регионы ЕС оказались в устойчивой стагнации, процесс восстановления был более длительным. Столицы были более устойчивы, чем окружающие регионы; устойчивость региона тесно связана с устойчивостью окружающих регионов [15].

Определения устойчивости экономических систем

Самое общее определение устойчивости, которое выражает ее предназначение и не вызывает возражений в научной среде, можно сформулировать следующим образом: это способность системы выживать (обеспечивать безопасность) и процветать (повышать благосостояние) в непредсказуемой, постоянно изменяющейся среде. Множество разнообразных определений устойчивости отражают ориентацию тех или иных концепций устойчивого развития на определенные виды шоков, субъектов управления (систем), стратегий реагирования (ресурсов и способов их использования) и желаемых конечных результатов.

Вот несколько из наиболее цитируемых результатов и стратегий реагирования, используемых в определениях устойчивости экономических систем [6, 16, 17]:

– *результаты устойчивого развития систем*: устойчивость или улучшение функционирования системы; сохранение и восстановление важнейших базовых структур и функций систем без потери работоспособности, способность функционировать во время стрессовых ситуаций и после них; восстановление до прежнего уровня благосостояния системы после шока; не только восстанавливаться после потрясений, но и продолжать существовать и развиваться; эффективно снижать как величину, так и продолжительность отклонения от целевых уровней производительности системы; снижение хронической уязвимости системы и обеспечение ее инклюзивного роста;

– *стратегии реагирования*: распределять и использовать ресурсы и внедрять инновации для решения проблем при столкновении с потрясениями; предвидеть шоки, своевременно и эффективно поглощать их, адаптироваться и восстанавливаться; противостоять сбоям при приемлемых параметрах деградации и времени восстановления, а также при разумных затратах и рисках; создать потенциал системы, достаточный для предотвращения глубоких и негативных последствий шоков; общий потенциал устойчивости системы включает в себя поглощающий, адаптационный и трансформационный потенциалы, каждый из которых выражает стратегию реагирования.

Мы видим, что одни исследователи понимают устойчивость системы как ее способность возвращаться в «нормальное состояние» после шока; другие – как способность выйти из шока сильнее, чем раньше, перейти на более высокую траекторию развития; третьи – как способность предвидеть, подготовиться и не допустить кризис. Одни исследователи рассматривают устойчивость как результат поведения системы; другие – как процесс развития потенциала устойчивости системы, которому присущ жизненный цикл с традиционными стадиями: внедрение, рост, зрелость и, наконец, снижение потенциала устойчивости или его обновление под воздействием шока. Мы присоединяемся к тем исследователям, которые считают, что эволюция представлений об устойчивом развитии идет в направлении создания общей, системной, проактивной концепции устойчивого развития.

Нежелательная устойчивость. Исследователи различают желательную и нежелательную устойчивость экономических систем. Первая расширяет возможности для наращивания благосостояния систем в долгосрочной перспективе; вторая повышает их уязвимость к будущим шокам.

К ключевым видам нежелательной устойчивости исследователи относят: зависимость от

пройденного пути, препятствующая инновациям; институциональная инерция как сопротивление изменениям; блокирующие механизмы, приводящие к росту барьеров для трансформационных изменений; социальные и технологические ловушки, возникающие из-за недостаточности ресурсов и несогласованности действий; неадекватная адаптация, приводящая к противоположному результату [18].

Нежелательная устойчивость может возникнуть в ситуации, когда сила шока такова, что потенциал устойчивости системы оказался недостаточным для возвращения ее на дошоковый уровень без внешней помощи. Эксперты ОЭСР признают, что без эффективных мер государственной политики рыночные силы сами по себе не способны обеспечить устойчивый рост экономических систем в турбулентной среде.

Потенциал устойчивости экономической системы и стратегии реагирования на шоки

Признается, что метастратегией работы с шоками является наращивание общего потенциала устойчивости систем, примерно две трети концепций устойчивого развития используют этот подход. Сформировалось согласованное представление, и оно стало ведущим направлением в концептуальных подходах, о том, что устойчивость системы является результатом развития и взаимодействия трех ее способностей или потенциалов устойчивости, каждый из которых отражает одну из трех стратегий реагирования на шоки: поглощающего потенциала, адаптационного потенциала и трансформационного потенциала [19]. Этот подход впервые был предложен в работе Кристофера Бене, Рэйчел Вуд и др. в 2012 г. и представлен авторами следующим образом (рисунок 2) [4]. Эти три стратегии (подход 3D) описывают разные глубины преобразований в системе и динамику затрат на них в ответ на шоки разной продолжительности и интенсивности.

Поглощающий потенциал – это способность системы предвидеть, предотвратить шок или смягчить (минимизировать) его воздействие; обеспечить защиту от потерь без существенных изменений в поведении системы. Показано, что подготовка к шоку в большей степени влияет на успешность работы с кризисом, чем действия по его преодолению. Некоторые исследователи считают, что способность системы предвидеть и предотвратить шоки следует выделить в отдельный упреждающий потенциал [21, 22]. Поглощающий потенциал системы измеряется размером нанесенного шоком ущерба. Он иден-

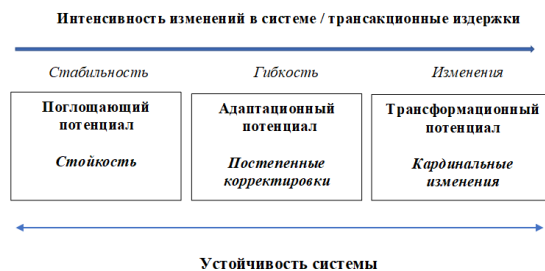

Рис. 2. Концептуальный подход 3D к устойчивости систем.
Источник: [4, 20]

тифицирует чувствительность системы к шокам. Разрушительное воздействие шока не должно лишить систему способности к восстановлению. Если интенсивность шока превышает возможности сопротивления (стойкости) системы, ее поведение становится гибким, система меняется.

Адаптационный потенциал – это способность системы провести изменения, которые позволят ей быстро вернуться к дошоковому состоянию без серьезных потерь (совершить «отскок назад»); его ключевой индикатор – скорость (время) восстановления.

Трансформационный потенциал – это способность системы кардинально измениться, «создать себя заново», работая на пределе сил, чтобы перейти на более высокую и устойчивую траекторию развития и успешно работать в будущей «новой нормальности» с ее еще неизвестными сильными шоками [12, 23].

При низкой продолжительности и интенсивности предсказуемого шока наилучшей стратегией является наращивание поглощающего потенциала системы; при средней продолжительности и интенсивности шока – наращивание адаптационного потенциала; при высокой продолжительности и интенсивности непредсказуемого шока – наращивание трансформационного потенциала [17].

Как видим, в этом подходе используются три ключевых индикатора устойчивости систем: степень ущерба, скорость восстановления, степень восстановления и выход на новую траекторию развития.

Некоторые исследователи отдают предпочтение несколько иному разделению потенциала устойчивости системы на три его составляющие, предлагая рассматривать адаптационный, упреждающий и поглощающий потенциалы (подход *Three As*). Они полагают, что трансформационный потенциал является более общей и целостной способностью системы, которая определяет ее возможности адаптироваться, предвидеть и поглощать потрясения, формируя общий результат ее действий [21, 24].

Потенциал устойчивости системы является функцией доступных ей активов (капиталов и ресурсов); традиционно в концепциях рассматриваются пять видов капитала: природный, физический, человеческий, финансовый и социальный, к которым при необходимости добавляются технологический (инновационный), экологический, политический (государственная поддержка) и институциональный капиталы.

Поглощающий, адаптационный и трансформационный потенциалы взаимосвязаны, границы между ними размыты, а распределение между ними капиталов и ресурсов зависит от других детерминант устойчивого развития системы. Следовательно, стратегии повышения устойчивости системы должны формироваться и оцениваться в контексте каждой кризисной ситуации.

Причинно-следственные связи между ключевыми компонентами концепции устойчивого развития экономических систем

Идентификация причинно-следственных связей позволяет оценить результаты реализации различных программ повышения устойчивости систем. В основании большинства концепций устойчивого развития лежит теория управления изменениями. В соответствии с теорией управления изменениями, основные концептуальные модели устойчивого развития включают в себя три компонента:

- 1) *дошоковое*, или «нормальное», состояние системы, которое описывается показателями ее потенциала устойчивости, благосостояния и подготовленности к шокам;
- 2) *изменения*: стратегии реагирования;
- 3) *послешоковое*, или «новое», состояние системы, описываемое теми же показателями потенциала ее устойчивости, благосостояния, безопасности и уязвимости к будущим шокам [25] (рис. 3).

При определении стратегий устойчивого развития в концептуальных подходах обосновывается следующая последовательность действий:

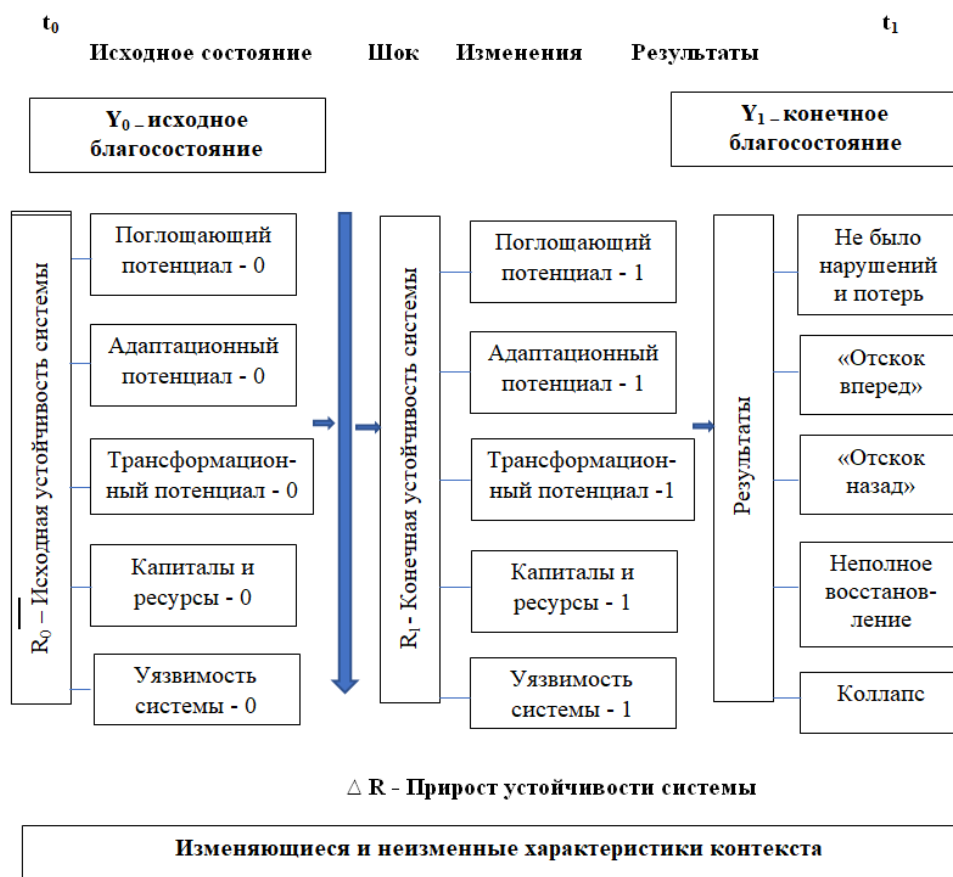

Рис. 3. Концептуальные рамки устойчивости экономических систем.

Источник: адаптировано авторами из [5, 20, 26]

– определить людей и системы, устойчивость развития которых необходимо обеспечить, их характеристики, взаимодействия между системами; желаемые результаты в области их благополучия;

– определить шоки, которым могут быть подвержены эти системы, оценить характеристики этих шоков в данном контексте и потенциальные связи между ними;

– измерить сегодняшнее (дошоковое) состояние систем и траектории его развития по отношению к этим шокам: уровень благосостояния; потенциал устойчивости (поглощающий, адаптационный и трансформационный потенциалы), обеспечивающие его капиталы и ресурсы; подготовленность к шокам и уязвимость (ex ante);

– определить характеристики систем и их контекстов, влияющие на устойчивость их развития (детерминанты устойчивого развития), желаемые траектории развития и стратегические разрывы, идентифицировать риски и шансы;

– разработать и реализовать стратегии реагирования на шоки для достижения желаемых результатов развития;

– измерить результаты реализации стратегии и оценить степень достижения поставленных

целей: уровень благосостояния, потенциал устойчивости, подготовленность к будущим шокам (ex post), отслеживая их отклонение от базовых оценок.

Экономические системы могут повысить свою устойчивость, заранее устраняя критически важные уязвимости, которые создают риски, превышающие потенциал устойчивости экономических систем.

Шоки, потрясения следует рассматривать как благоприятные возможности и использовать их для выхода на новую, более высокую и устойчивую траекторию развития. Как показывают исследования, экономические системы, которым это удастся, обладают некоторыми общими характеристиками [27, 28]. К общепризнанным характеристикам устойчивых экономических систем относятся:

– *избыточность*: создание резервных мощностей (ресурсов) сглаживает колебания в спросе и предложении;

– *разнообразие*: наличие нескольких подходов (с разными профилями рисков) к решению возникающих проблем благодаря использованию разнообразных ресурсов и компетенций делает систему менее эффективной, но более гибкой и устойчивой к шокам;

Рис. 4. Динамика изменения уровня совокупного семейного дохода (по данным RLMS–HSE) и величины валового внутреннего продукта (ВВП), по данным Росстата, %
Источник: [29]

– *модульность*: высокоинтегрированные системы уязвимы для лавинообразных (каскадных) последствий шока; модульная система, в которой организационные единицы объединены различными способами, обеспечивает большую устойчивость;

– *способность постоянно изменяться (адаптироваться)* при появлении новых проблем и возможностей, на которые не существует единственного правильного ответа;

– *осмотрительность*: мы не можем точно предсказать ход событий во время шока и их влияние на систему, но мы можем предвидеть вероятные неблагоприятные сценарии и проверить устойчивость системы в этих обстоятельствах.

В литературе не раз отмечалась низкая отдача от инвестиций в повышение устойчивости систем, например в развитие резервных мощностей. Пандемия COVID-19, вызвавшая огромные затраты по ликвидации ее последствий, в очередной раз продемонстрировала несостоятельность этих упреков.

Устойчивость российских домохозяйств в постсоветский период

В исследовании использовались данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE) и концептуальные рамки, разработанные FAO и ОЭСР; устойчивость домохозяйств оценивалась по динамике их общих денежных доходов.

Показано, что Россия относится к странам, в которых динамика ВВП оказывает прямое воздействие на устойчивость домохозяйств (коэффициент корреляции Пирсона 0.95); эта связь усиливается в период быстрого экономического роста (корреляция 0.97) и становится статистически незначимой в период флуктуации (рисунк 4) [29].

В кризис реальные денежные доходы домохозяйств составили 43% от уровня 1991 г., ре-

альная заработная плата – 27% [30], что означало резкое снижение потенциала устойчивости домохозяйств; в 1998 году 9 из 10 жителей страны оказались за чертой бедности; столько же не верили, что правительство способно преодолеть кризис; вскоре в стране появилось новое правительство и был избран новый президент.

На этапе быстрого экономического роста стремительно увеличивался адаптационный потенциал домохозяйств: их денежные доходы к 2007 году выросли в три раза и на треть превысили предкризисный уровень [30]; вдвое снизилась доля семей с доходами ниже прожиточного уровня и продолжала снижаться в последующие годы до 14–18%. В рецессию 2014–2016 гг. и позже рост трансформационного потенциала домохозяйств замедлился.

Выявлены детерминанты потенциала устойчивого развития домохозяйств, которые оставались значимыми на всех этапах жизненного цикла страны (шока): во-первых, это высокая занятость и высокая квалификация членов семьи (доля работающих и имеющих высшее образование); во-вторых, невысокие, но устойчивые доходы пенсионеров (доля доходов пенсионеров в семейном бюджете). Стратегии развития домохозяйств, нацеленные на рост занятости и человеческого капитала их членов, а также государственная политика поддержки пенсионеров важны во все времена.

Значимость других стратегий реагирования зависела от стадии жизненного цикла шока. В кризис для домохозяйств были более значимы стратегии: работа на более устойчивых государственных предприятиях, пользующихся поддержкой правительства; продажа продуктов личного подсобного хозяйства; сглаживание потребления по ценам и качеству товаров; продажа валюты и драгоценностей; стремление воспользоваться поддержкой родственников, друзей и государства.

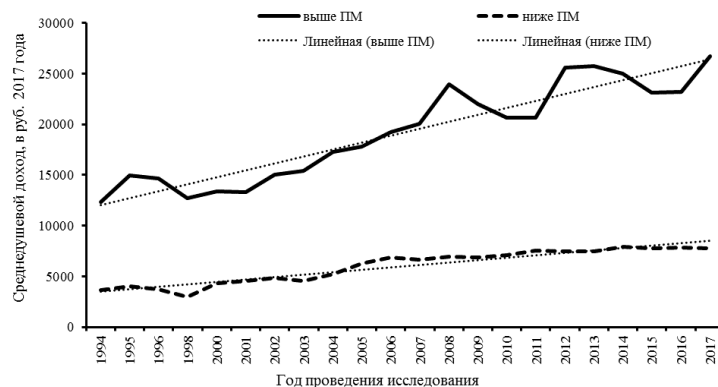

Рис. 5. Динамика изменения уровня среднедушевого дохода в семьях, имеющих доход выше и ниже официально установленного уровня прожиточного минимума (по данным RLMS-HSE), руб. 2017 года
Источник: [29]

Во время экономического роста снизилась значимость стратегий поведения, доминирующих в период кризиса, и выросла значимость стратегий: переход на работу на частные предприятия; повышение занятости на работах с более высокой отдачей и быстрым ростом доходов; рост качества и уровня потребления.

Показано, что снижение доли домохозяйств с доходами ниже прожиточного минимума сопровождается усилением неравенства в устойчивости между бедными и более обеспеченными семьями на всем протяжении трансформационного шока (рис. 5).

Это происходит потому, что возможности и ресурсы, формирующие устойчивость развития домохозяйств, перераспределяются от наименее обеспеченной группы населения к более обеспеченным, что снижает подготовленность нашей страны к будущим шокам. Правительство стремится этого не допустить, заблаговременно создавая механизмы наращивания устойчивости наиболее уязвимых групп населения.

Заключение

Многолетний опыт работы с шоками, каждый из которых чем-то похож на другие, но и всегда уникален, показывает, что организации склонны недооценивать срочность, масштаб и затраты на действия, необходимые для того, чтобы справиться с кризисной ситуацией и преуспеть в дальнейшем; реакция на спады часто бывает оборонительной, запоздалой и недостаточной. Одной из причин этого является недостаточность надежных, проверяемых и достоверных данных о том, что работает (а что нет) в программах по повышению устойчивости развития экономических систем.

В исследованиях последних двух десятилетий много сделано для обоснования действий,

направленных на повышение устойчивости сложных систем; стали очевидны контуры новой парадигмы устойчивого развития, а методы измерения стали более точными, но, как признают сами исследователи, ландшафт рисков меняется быстрее, чем мы реагируем на эти изменения. Мы недостаточно знаем о взаимосвязях между шоками и о взаимодействии различных экономических систем; о взаимодействии потенциалов устойчивости систем и стратегий реагирования на шоки; неприемлемо мало количество исследований, посвященных причинно-следственным связям в измерении устойчивости.

Будущие исследования могут быть сосредоточены на конкретных практиках, которые реализуются во время кризиса; на том, как эти практики развиваются во времени и как они взаимодействуют друг с другом. Будущие исследования должны дать более полное представление о детерминантах устойчивости в различных контекстах. Новые эмпирические данные позволят упрочить теоретические основания устойчивости экономических систем и ускорить их адекватную операционализацию.

По мере того, как будет усиливаться взаимодействие экономических систем, разнообразие шоков и стратегий реагирования на них, исследования устойчивого развития будут становиться все более междисциплинарными, в исследовательские команды все в большей степени будут вовлекаться специалисты из разных отраслей знаний и сфер деятельности.

Список литературы

1. ICM Annual Crisis Report 2023. July 2024. URL: https://crisisconsultant.com/wp-content/uploads/2024/07/ICM-Annual-Crisis-Report-for-2023_Issued-July-31-2024.pdf (дата обращения: 05.02.2025).
2. Deloitte CxO Sustainability Report: The Disconnect between Ambition and Impact. 2022. URL: <https://>

www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/2022-deloitte-global-cxo-sustainability-report.pdf (дата обращения: 5.02.2025).

3. Устойчивое развитие экономики России: Монография / Кол. авторов; под ред. М.Ю. Малкиной, В.Я. Захарова. М.: РУСАЙНС, 2022. 172 с.

4. Béné C., Wood G.R., Newsham A., Davies M. Resilience: new utopia or new tyranny? Reflection about the potentials and limits of the concept of resilience in relation to vulnerability reduction programmes. Institute of Development Studies Working Paper. 2012. Vol. № 405.

5. Our Resilience Approach to relief, recovery and development. Mercy Corps, 2016. URL: <https://www.mercycorps.org/sites/default/files/2019-11/ResilienceApproach.pdf> (дата обращения: 2.02.2025).

6. Bahadur A., Pichon F. Resilience Measurement Frameworks and Approaches: A Bird's Eye View. Overseas Development Institute. Working Paper, May 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/317000638_RESILIENCE_MEASUREMENT_FRAMEWORKS_AND_APPROACHES_A_Bird's_Eye_View (дата обращения: 25.01.2025).

7. Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса: Пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. 768 с.

8. Meadows D. Leverage Points: Places to Intervene in a System // Solutions. 2010. Vol. 1. Issue 1. P. 41–499.

9. BCG's COVID-19 Investor Pulse Check #14. Conducted February 6–7, 2021. URL: <https://web-assets.bcg.com/35/00/e75a8f4a480497736f47f5a694ed/covid-19-investor-pulse-14-210212.pdf> (дата обращения: 28.01.2025).

10. BCG's COVID-19 Investor Pulse Check # 5. Conducted May 15–17, 2020. URL: <https://image-src.bcg.com/Images/COVID-19-Investor-Pulse-5-200615tm9-250946.pdf> (дата обращения: 30.01.2025).

11. Симачев Ю.В. и др. Оценка влияния кризиса, связанного с пандемией COVID-19, на отрасли российской экономики и их посткризисное развитие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/461122686.pdf?ysclid=m6guiscwvxu452037592> (дата обращения: 05.02.2025).

12. OECD. Strengthening Economic Resilience Following the COVID-19 Crisis: A Firm and Industry Perspective. OECD Publishing, Paris. 2021. URL: <http://doi.org/10.1787/2a7081d8-en> (дата обращения: 20.01.2025).

13. OESD. SME and Entrepreneurship Outlook 2021. OESD Publishing, Paris, 2021. URL: <https://doi.org/10.1787/97a5bbfe-en> (дата обращения: 22.01.2025).

14. Bartik A.W., Bertrand M., Cullen Z. et al. The impact of COVID-19 on small business outcomes and expectations // PNAS. July 28, 2020. 117 (30). 17656–17666. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3570896 (дата обращения: 15.01.2025).

15. Pontarollo N. and Serpieri C. A composite policy tool to measure territorial resilience capacity. EUR 29200 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2018. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC111389> (дата обращения: 16.01.2025).

16. Core Indicators for Resilience Analysis: Toward an Integrated Framework to Support Harmonized Met-

rics. Rome, Italy, 2020. URL: https://www.fsinplatform.org/sites/default/files/paragraphs/documents/CoreIndicators_Resilience_Analysis_Publication.pdf (дата обращения: 17.01.2025).

17. The resilience of EU Member States to the financial and economic crisis: What are the characteristics of resilient behaviour? EUR 29221 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2018.

18. Dornelles A. et al. Towards a Bridging Concept for Undesirable Resilience in Social-ecological Systems // Global Sustainability, E20. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/343103272_Towards_a_bridging_concept_for_undesirable_resilience_in_social-ecological_systems (дата обращения: 18.01.2025).

19. OECD Guidelines for Resilience Systems Analysis. OECD Publishing. 2014. URL: https://www.oecd.org/en/publications/guidelines-for-resilience-systems-analysis_b0017c2c-en.html (дата обращения: 23.01.2025).

20. Constanas et al. A common analytical model for resilience measurement: A general causal framework and some methodological options. FSIN. 2014. URL: https://www.researchgate.net/publication/282575446_A_common_analytical_model_for_resilience_measurement (дата обращения: 1.02.2025).

21. Bahadur A., Peters K., Wilkinson E. et al. The 3As: Tracking Resilience across BRACED. ODI: London, UK, 2015. URL: www.odi.org/publications/9840-3as-tracking-resilience-across-braced (дата обращения: 2.02.2025).

22. Hynes W., Trump B., Love P., Linkov I. Bouncing forward: a resilience approach to dealing with COVID-19 and future systemic shocks // Environ. Syst. Decis. 2020. **40** (2). P. 174–184. URL: https://www.researchgate.net/publication/341629032_Bouncing_forward_a_resilience_approach_to_dealing_with_COVID-19_and_future_systemic_shocks (дата обращения: 29.01.2025).

23. OECD COVID-19 and a New Resilient Infrastructure Landscape, 2021. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/covid-19-and-a-new-resilient-infrastructure-landscape-d40a19e3> (дата обращения: 15.01.2025).

24. Choptiany J.M.H. et al. The Market Systems Resilience Index: A Multi-Dimensional Tool for Development Practitioners to Assess Resilience at Multiple Levels // Sustainability. 2021. **13** (20). URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/20/11210> (дата обращения: 20.01.2025).

25. Constanas M., Frankenberger T., Hoddinott J. Resilience Measurement Principles: Toward an Agenda for Measurement Design. Technical Series № 1. Resilience Measurement Technical Working Group FSIN: Rome, Italy, 2014. URL: https://www.fsinplatform.org/sites/default/files/paragraphs/documents/FSIN_TechnicalSeries_1.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

26. RIMA-II: Resilience Index Measurement and Analysis – II. FAO: Rome, Italy. 2016. URL: www.fao.org/resilience/resources/resources-detail/en/c/416587/ (дата обращения: 05.02.2025).

27. Reeves M., Fæste L., Whitaker K. and Abraham M. Reaction, Rebound, Recession, and Reimagination / Boston Consulting Group, BCG Henderson Institute, March 23 2020. URL: <https://www.bcg.com/publications/2020/covid-19-reaction-rebound-recession-reimagination> (дата обращения: 06.02.2025).

28. Reeves M., Fæste L., Deegan T. Transform for Resilience: An Imperative for Good Times Too / Boston Consulting Group, BCG Henderson Institute, July 14, 2021. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2021/transform-for-resilience-in-good-times> (дата обращения: 03.02.2025).
29. Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М. Измерение устойчивости домохозяйств: 1994–2017 гг. // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 1. С. 55–86.
30. Овчарова Л.Н., Попова Д.О. Доходы и расходы домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // Мир России. 2013. № 3. С. 3–34.

RESILIENCE OF ECONOMIC SYSTEMS: COMMON IN CONCEPTUAL APPROACHES

I.V. Zakharov¹, Yu.O. Plekhova², V.Ya. Zakharov²

¹Saint Petersburg State University of Economics

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article presents an overview of the most cited concepts of resilient development, developed by international and national centers that deal with the resilience of economic systems of different scales. The aim of the article: to identify and discuss the key characteristics of the core of the modern paradigm of resilient development of systems, which allows creating reliable methods for measuring their resilience. The core of the modern paradigm is understood as the common features of the various concepts of resilient development on which consensus has been reached.

The paper analyzes cause-effect relationships between the main components of the concepts: systems, shocks, resilience and its determinants, response strategies and their results. The peculiarities of the behavior of complex economic systems are identified; the characteristics of shocks and their impact on economic systems of different size, age, nature of activity and efficiency are considered; a general definition of systems resilience is proposed. The key features of the dominant concept of 3D resilient capabilities are considered; the necessity of the analysis of cause-effect relationships within the framework of the theory of change management is confirmed; the sequence of actions in the development of resilient development strategies is substantiated; the generally recognized characteristics of resilient economic systems are highlighted.

The article shows a direct correlation between the dynamics of Russian GDP and the dynamics of resilience of Russian households in the post-Soviet period; it reveals the peculiarities of households' response strategies at different stages of the life cycle of a transformation shock.

Keywords: economic systems, shocks, resilient development, concepts, capabilities, response strategies, households.

УДК 338.27:621.311

DOI 10.52452/18115942_2025_2_48

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЕКТОВ И ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ЭНЕРГОСИСТЕМ: АНАЛИЗ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЕЙ

© 2025 г.

С.А. Ильин, О.Б. Дигилина

Ильин Сергей Александрович, аспирант кафедры политической экономики
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва
Murz11k@mail.ru

Дигилина Ольга Борисовна, д.э.н.; профессор кафедры политической экономики
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва
o.b.digilina@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 07.04.2025**Статья принята к публикации 30.04.2025*

В статье систематизированы существующие подходы и методы, используемые для оценки экономической эффективности энергетических проектов, с особым вниманием к роли стоимости капитала на каждом этапе развития отрасли, оценки показателей качества энергосистем, производительности, формируемой стоимости. Определяется, что стоимость капитала играет ключевую роль в оценке экономической эффективности энергетических проектов на всех этапах их развития, а позиции авторов по вопросу минимизации системных затрат и внедрения инноваций эволюционируют от фокуса на экономическую эффективность в 1990-е годы до интеграции цифровых технологий и устойчивого развития в 2020-е годы. При этом сохраняется неопределённость методологии анализа выявленных взаимозависимостей: чаще всего авторами не указываются конкретные методы и подходы, используемые для оценки, не раскрываются механизмы анализа влияния стоимости капитала на экономическую эффективность, на качество эксплуатации энергосистем. Цель исследования заключается в разработке и применении комплексной методики для анализа взаимозависимостей между стоимостью капитала, экономической эффективностью и качеством эксплуатации энергосистем, с учетом современных трендов цифровизации и устойчивого развития. В статье проанализировано влияние стоимости капитала на экономическую эффективность и качество эксплуатации энергосистем в условиях приватизации и реструктуризации, автоматизации и внедрения информационных технологий, устойчивого развития и экологичности, а также цифровой трансформации и искусственного интеллекта; разработана и апробирована комплексная методика анализа взаимозависимостей между стоимостью капитала, экономической эффективностью и качеством эксплуатации энергосистем, учитывающая исторические этапы развития отрасли и современные тенденции цифровизации и устойчивого развития; предложены практические рекомендации по улучшению методологических подходов к анализу взаимозависимостей, обеспечивающих обоснованную оценку экономической эффективности и качества эксплуатации энергосистем с учетом стоимости капитала.

Ключевые слова: энергосистемы, взаимозависимости показателей, стоимость капитала, экономическая эффективность, качество эксплуатации энергосистем.

Введение

Анализ экономической эффективности проектов и показателей качества энергетических систем представляет собой сложный процесс, требующий учета множества факторов, включая инвестиционные ограничения, технические параметры, риски, результативность хозяйственной деятельности и др., а также поэтапно сформировавшихся взаимозависимостей. Эти взаимозависимости начали складываться с 1990-х годов и продолжают развиваться по настоящее время:

– в период 1990-х годов приватизация и реструктуризация энергетической отрасли являются ключевыми событиями. Авторы фокусируют внимание на снижении издержек и повышение эффективности энергокомпаний через оценку экономической эффективности с ис-

пользованием стоимости капитала. В этот период категория стоимости капитала помогает оценить долгосрочную прибыльность инвестиционных проектов и принимать обоснованные решения о финансировании. Осуществляется расчет процентных ставок по займам, дивидендов акционеров и других финансовых затрат, необходимых для привлечения инвестиций. Для расчета используются такие показатели, как чистая приведенная стоимость (NPV), внутренняя норма доходности (IRR). То есть, по сути, капитал выступает инструментом оценки экономической эффективности этих процессов [1];

– в начале 2000-х годов упор в исследованиях смещается на интеграцию информационных технологий, на автоматизацию процессов в энергетике, с акцентом на минимизацию затрат по результату автоматизации. Стоимость капи-

тала выступает важным элементом при оценке эффективности внедрения инноваций и автоматизации процессов [2]. При этом учитываются капитальные вложения в ИТ-инфраструктуру, программное обеспечение и обучение персонала; эффективность автоматизации оценивается через снижение операционных затрат, увеличение производительности и улучшение качества обслуживания клиентов [3]. В создаваемых моделях энергосистем расчет стоимости капитала выступает аспектом финансового анализа и стратегического планирования;

– 2010-е годы характеризуются активным исследованием вопросов устойчивого развития и экологичности энергосистем [4]. Стоимость капитала начинает играть важную роль в контексте минимизации углеродного следа и использования возобновляемых источников энергии. Инвестиции в экологически чистые технологии требуют значительных начальных вложений, поэтому оценка экономической эффективности таких проектов в этот период основывается на учете долгосрочных выгод, таких как снижение затрат на эксплуатацию и обслуживание, учете получаемых государственных субсидий и налоговых льгот [5];

– в 2020-е годы акцент делается на цифровую трансформацию и искусственный интеллект в управлении энергосистемами [6]. Внедрение инноваций становится ключевым фактором для достижения конкурентоспособности и устойчивости, включая вопросы минимизации затрат и повышения эффективности [7]. Стоимость капитала продолжает оставаться значимым фактором, особенно при внедрении инновационных технологий и создании интеллектуальных сетей (smart grids). Оценка экономической эффективности включает анализ возврата на инвестиции (ROI) от внедрения цифровых решений, а также потенциальную экономию за счет оптимизации производственных процессов и сокращения потерь электроэнергии.

Таким образом, стоимость капитала играет ключевую роль в оценке экономической эффективности энергетических проектов на всех этапах их развития, а позиция авторов по вопросу минимизации системных затрат и внедрения инноваций эволюционировала от фокуса на экономическую эффективность в 1990-е годы до интеграции цифровых технологий и устойчивого развития в 2020-е годы.

При этом сохраняется неопределённость методологии анализа выявленных взаимозависимостей. Чаще всего авторами не указываются конкретные методы и подходы, используемые для оценки, не раскрываются механизмы анализа влияния стоимости капитала на экономиче-

скую эффективность, на качество эксплуатации энергосистем.

Гипотеза исследования: недостаточная прозрачность методологии анализа взаимозависимостей и отсутствие детализированного описания механизмов влияния стоимости капитала на экономическую эффективность проектов и качество эксплуатации энергосистем снижают достоверность и воспроизводимость результатов исследования.

Цель исследования заключается в разработке и применении комплексной методики для анализа взаимозависимостей между стоимостью капитала, экономической эффективностью и качеством эксплуатации энергосистем, с учетом исторических этапов развития отрасли и современных трендов цифровизации и устойчивого развития.

Для достижения целей были поставлены следующие задачи:

– систематизировать существующие подходы и методы, используемые для оценки экономической эффективности энергетических проектов, с особым вниманием к роли стоимости капитала на каждом этапе развития отрасли;

– проанализировать влияние стоимости капитала на экономическую эффективность и качество эксплуатации энергосистем в условиях приватизации и реструктуризации (1990-е годы), автоматизации и внедрения информационных технологий (начало 2000-х годов), устойчивого развития и экологичности (2010-е годы), а также цифровой трансформации и искусственного интеллекта (2020-е годы);

– разработать комплексную методику анализа взаимозависимостей между стоимостью капитала, экономической эффективностью и качеством эксплуатации энергосистем, учитывающую исторические этапы развития отрасли и современные тенденции цифровизации и устойчивого развития;

– предложить практические рекомендации по улучшению методологических подходов к анализу взаимозависимостей, обеспечивающих обоснованную оценку экономической эффективности и качества эксплуатации энергосистем с учетом стоимости капитала.

Материалы и методы

В процессе исследования выявлено и оценено несколько теоретико-методологических позиций по вопросу.

Подход 1. Реконструкция и модернизация энергетических систем способствуют улучшению экономической эффективности проектов, представляя собой инструменты обеспечения

Таблица 1

**Пример расчета достигаемой экономической эффективности
при реконструкции и модернизации энергетических систем**

Показатель	До модернизации	После модернизации
Потери электроэнергии	12%	8%
Время устранения аварий	24 ч	12 ч
Частота аварий	10 в год	5 в год
Операционные расходы	10 млн руб.	8 млн руб.
Выручка	80 млн руб.	84 млн руб.
Экономия на потерях электроэнергии		32 млн руб.
Экономия на операционных расходах		2 млн руб.
Дополнительная выручка		4 млн руб.
Общая выгода		38 млн руб.
Капитальные затраты на модернизацию		120 млн руб.
Срок окупаемости		3.16 года

Источник: разработано авторами

экономической эффективности, способствуя снижению операционных расходов, увеличению прибыли и улучшению финансовых показателей компаний. Это направление активно изучалось как российскими, так и зарубежными учеными. Рассмотрим некоторых ключевых авторов и их работы. Ю.М. Хлебалин рассматривает практические примеры модернизации и реконструкции энергосистем в России, анализирует экономические выгоды таких мероприятий; предлагает детальный экономический анализ реконструкции и модернизации энергосистем, добавляя финансовые показатели компаний [8]. Д.А. Дороничев, Г.Ю. Гусак, продолжая направление оценки экономической эффективности реконструкции и модернизации энергосистем, делают акцент на систематизации анализируемых экономических показателей [1]. Аналогичной позиции придерживаются и зарубежные авторы, демонстрируют актуальность темы реконструкции и модернизации энергосистем для повышения их экономической эффективности: Р. Кеннет определяет экономические преимущества модернизации энергосистем, делая акцент на снижении операционных расходов и увеличении прибыли [9]; Дж. Джан, Дж. Чен систематизируют результаты экономического анализа реконструкции и модернизации электросетей, включая оценку воздействия формируемой производительности сетей и определяемой в результате финансовой устойчивости [10]. Р. Сингх, С. Гупта рассматривают способы улучшения экономической эффективности энергосистем посредством их модернизации, внедрение новых технологий и совершенствование эксплуатационных процессов [11]. Рассмотрим на примере.

Предположим, имеется распределительная сеть протяжённостью 500 км, находящаяся в эксплуатации несколько десятилетий и требующая обновления для соответствия современ-

ным требованиям энергоэффективности и надежности. Основные показатели до модернизации, предполагающей замену старых кабелей на новые, установку современного оборудования для автоматического управления сетью и внедрение системы мониторинга и диагностики: потери электроэнергии в сети 12%; среднее время устранения аварий 24 часа; частота аварий 10 в год; операционные расходы, включая ремонт и техническое обслуживание 10 млн рублей в год; выручка от реализации электроэнергии 80 млн рублей в год. Планируемые показатели после модернизации: потери электроэнергии в сети 8%; среднее время устранения аварий 12 часов; частота аварий 5 в год; операционные расходы 8 млн рублей в год; выручка от реализации электроэнергии 84 млн рублей в год (таблица 1).

Таким образом, модернизация распределительной сети позволяет существенно сократить потери электроэнергии, уменьшить операционные расходы и увеличить общую выручку компании. Срок окупаемости проекта составляет менее четырёх лет, что делает его экономически целесообразным.

Подход 2. Много научных работ связано с оценкой взаимозависимости достижения высоких показателей качества энергосистем и снижением затрат на их эксплуатацию и поддержание: это направление рассматривается в трудах Н.А. Пахомовой [12], К.С. Дегтярева, А.М. Залиханова [13], которые анализируют влияние высокого уровня качества энергосистем на снижение затрат на эксплуатацию и поддержку, В.П. Кузнецова [14], делающего акцент на улучшение финансовых результатов предприятий. Среди иностранных ученых, придерживающихся этого направления, можно выделить М. Смита, приводящего примеры влияния высоких стандартов качества энергосистем на сокращение операционных затрат из практики

различных стран [15]; Х. Вана и В. Суна, рассматривающих пути улучшения качества энергосистем как средства снижения затрат на техническое обслуживание и поддержание их работоспособности [16]; С. Боде, А. Шефера, показывающих экономический результат поддержания высоких стандартов качества энергосистем в своей стране [17]. Используем данные того же примера, что и в первом подходе, но добавляем два дополнительных критерия для оценки качества энергосистемы: индекс надёжности электроснабжения (SAIDI) и коэффициент готовности (Availability Factor, AF-коэффициент). Выполним оценку экономической эффективности проектов во взаимосвязи с показателями качества энергосистем второго подхода.

1. Рассчитаем снижение потерь электроэнергии до модернизации: 12% от общего объема передачи; и после модернизации: 8% от общего объема передачи; с расчетом общей экономии 4% от общего объема передачи. Если общий объем передаваемой электроэнергии составляет 400 ГВт·ч в год, то потери до модернизации 48 ГВт·ч (12% от 400); потери после модернизации 32 ГВт·ч (8% от 400); экономия 16 ГВт·ч. При средней цене продажи электроэнергии 2 руб./кВт·ч экономия в денежном выражении составляет: $16 \text{ ГВт·ч} \times 2 \text{ руб./кВт·ч} = 32 \text{ млн руб./год}$.

2. Определим динамику индекса SAIDI: снижение составляет 15 мин/год (до модернизации 30 мин/год – после модернизации 15 мин/год). Индекс SAIDI показывает среднее время отключения потребителя в минутах в течение года. Снижение индекса повышает надежность системы и уменьшает убытки от «недоотпуска» электроэнергии. Экономический эффект от улучшения надёжности можно рассчитать как снижение убытков от штрафов и компенсаций клиентам, которые могут составлять до 0.5–1% от общей выручки. Штрафы и компенсации до модернизации 0.75% от выручки (0.75% от 80 млн руб. = 600 тыс. руб.); штрафы и компенсации после модернизации 0.375% от выручки (0.375% от 84 млн руб. = 315 тыс. руб.). Экономия на штрафах и компенсациях составляет 0.375% от выручки (285 тыс. руб.).

3. Определим динамику коэффициента готовности (AF-коэффициента), который в случае положительной динамики отражает уменьшение времени недоступности системы и, соответственно, увеличение времени бесперебойной работы, что ведет к росту доходов от продаж электроэнергии. Улучшение коэффициента готовности: до модернизации 99.95%; после модернизации 99.998%. Сравнительное повышение коэффициента готовности 0.048%. Увеличение

времени работы на 0.048% означает дополнительную генерацию энергии, а соответственно и рост выручки на 384 тыс. руб. при продаже дополнительной энергии по рыночной цене.

4. Суммарная экономия включает: экономию на потерях 32 млн руб., снижение штрафов 285 тыс. руб., экономию на операционных расходах 2 млн руб. и дополнительную выручку 384 тыс. руб. Капитальные затраты на модернизацию составляют 120 млн руб.

5. Срок окупаемости модернизации (в т.ч.: капитальные затраты) ≈ 3.46 года ($120 \text{ млн руб.} / 34.669 \text{ млн руб./год}$), экономия и выгода: 34.669 млн руб./год, срок окупаемости: $120 \text{ млн руб.} / 34.669 \text{ млн руб./год} \approx 3.46$ года). Итоговые значения расчета отражены в таблице 2.

Отличие двух подходов в том, что первый подход оценивает экономический эффект модернизации через экономические показатели, такие как снижение потерь электроэнергии, сокращение операционных расходов и увеличение выручки, что делает его адаптивным для краткосрочного анализа эффективности инвестиций – непосредственно связывает экономические выгоды с вложениями. Второй подход добавляет качественные показатели, такие как индекс SAIDI и коэффициент готовности, которые оценивают надежность и стабильность функционирования системы, позволяя учитывать влияние модернизации на достижение высокого уровня качества энергосистем, что важно для долгосрочного планирования и оценки удовлетворённости потребителей.

Подход 3. Надежность и стабильность энергосистем как основа успешного выполнения проектов, связанных с производством, передачей и потреблением электроэнергии. В теоретико-методологическом обосновании точки зрения существенного взаимодействия между повышением качества энергосистем и снижением затрат на эксплуатацию и поддержание систем придерживаются: А.А. Полуботко [18]; И.М. Валеев, С.В. Житников, анализирующие значение высокой надежности энергосистем для обеспечения бесперебойного функционирования промышленных предприятий и успешной реализации производственных проектов [19]; А.Ф. Дьяков [20]. Среди иностранных ученых – Д. Макдональд [21]; П. Зауэр и М. Пай, оценивающие динамику и стабильность энергосистем в контексте интеграции возобновляемых источников энергии, и их влияние на выполнение проектов [22] и др. Авторы сходятся во мнении, что надежность и стабильность энергосистем являются критически важными условиями для успешного, а соответственно эффективного, выполнения проектов в энергетике. Эти харак-

Таблица 2

Пример расчета достигаемой экономической эффективности во втором подходе

Показатель	До модернизации	После модернизации
Потери электроэнергии	12%	8%
Время устранения аварий	24 ч	12 ч
Частота аварий	10 в год	5 в год
Индекс SAIDI	30 мин/год	15 мин/год
Коэффициент готовности	99.950%	99.998%
Операционные расходы	10 млн руб.	8 млн руб.
Выручка	80 млн руб.	84 млн руб.
Экономия на потерях электроэнергии		32 млн руб.
Экономия на штрафах и компенсациях		285 тыс. руб.
Экономия на операционных расходах		2 млн руб.
Дополнительная выручка		384 тыс. руб.
Общая выгода		34 669 тыс. руб.
Капитальные затраты на модернизацию		120 млн руб.
Срок окупаемости		3,46 года

Источник: разработано авторами

теристики обеспечивают бесперебойное функционирование энергосистем, снижают риски аварий и перебоев в подаче электроэнергии, что, в свою очередь, способствует своевременному завершению проектов и достижению запланированных экономических показателей.

Третий подход к оценке экономической эффективности реконструкции и модернизации энергетических систем отличается от первых двух тем, что он фокусирует внимание на комплексном анализе надежности и стабильности энергосистем, что является основой успешной реализации проектов в области производства, передачи и потребления электроэнергии. В дополнение к показателям, рассмотренным ранее, третий подход включает анализ индексов: а) коэффициента надежности (Reliability Index, RI) и б) коэффициента стабильности (Stability Index, SI), где первый измеряет вероятность отказа системы в определенный момент времени, выраженный долями единицы; второй определяет способность системы сохранять работоспособность в случае возникновения сбоев и аварий.

При выполнении оценки экономической эффективности реконструкции и модернизации распределительной сети с учетом коэффициентов надежности и стабильности в расчет закладываются исходные показатели:

– основные показатели до модернизации: RI = 0.01; SI = 0.97; потери электроэнергии составляют 12%; среднее время устранения аварий 24 ч; частота аварий в год 10; индекс SAIDI 30 мин/год; коэффициент готовности 99.95%; операционные расходы 10 млн руб.; выручка: 80 млн руб.;

– основные показатели после модернизации: RI = 0.005; SI = 0.999; потери электроэнергии 8%; среднее время устранения аварий 12 ч; частота аварий 5 в год; индекс SAIDI 15 мин/год;

коэффициент готовности 99.998%; операционные расходы 8 млн руб.; выручка 84 млн руб.

Расчет экономической выгоды с учетом надежности и стабильности выполняется поэтапно.

1. Оценивается изменение надежности системы: увеличение коэффициента надежности (RI) с 0.01 до 0.005; повышение коэффициента стабильности (SI) с 0.97 до 0.999.

2. Анализируется финансовая выгода с позиции снижения риска отказов системы и улучшения управления неопределенностью, с позиции привлекательности распределительной системы для инвесторов и потребителей. Увеличение выручки возможно за счет снижения затрат на предотвращение сбоев и аварий. Использование эффективных методов резервирования и распределения ресурсов позволяет минимизировать затраты на поддержание системы в стабильном состоянии.

3. Считается экономическая выгода от уменьшения затрат на устранение сбоев: за счет сокращения расходов на восстановление системы и повышения управляемости рисками; за счет снижения операционных расходов; вследствие повышения качества обслуживания и привлечения дополнительных потребителей (в условиях свободной конкуренции). Развитие интегрированных систем управления и автоматизации позволяет оптимизировать внутренние процессы и повысить эффективность управления ресурсами (таблица 3).

Вывод: третий подход к оценке экономической эффективности реконструкции и модернизации энергетических систем фокусируется на комплексе параметров, связанных с надежностью и стабильностью системы, что является критической частью успешного выполнения проектов в области энергетики. Подчеркивается важность инвестиций в инфраструктурные и

Таблица 3

Пример расчета достигаемой экономической эффективности в третьем подходе

Показатель	До модернизации	После модернизации
RI-коэффициент	0.01	0.005
SI-коэффициент	0.97	0.999
....		
Экономия на потерях электроэнергии		32 млн руб.
Снижение затрат на управление кризисами и профилактику сбоев		28 млн руб.
Дополнительная выручка от повышения качества обслуживания		10 млн руб.
Итоговая экономия и прирост выручки		79 млн руб.
Срок окупаемости		3.1 года
Оценка экономического эффекта от повышения надежности: – изменение коэффициента надежности (RI) с 0.01 до 0.005		вероятность отказа системы снижается на 0.006 единиц ~ 0.7 млн руб./год
– ежегодная экономия на предотвращении сбоев		~ 0.7 млн руб./год
Влияние стабилизации системы на доходы: – увеличение коэффициента стабильности (SI) с 0.97 до 0.999		Рост устойчивости системы к сбоям, уменьшается риск длительного отключения
Экономия от совершенствования риск-менеджмента		~ 28 млн руб./год
Экономия от внедрения инновационных решений и интеграции информационных систем в управление системой		17 млн руб./год
Привлечение новых клиентов и укрепление отношений с крупными партнерами		~10 млн руб./год

Источник: разработано авторами

информационные решения по улучшению качества обслуживания и снижению рисков сбоев и аварий, что в конечном итоге увеличивает доходность организации, тем самым формируется долгосрочная экономическая устойчивость компании.

Подход 4, который фокусирует внимание на взаимодействии различных участников процесса производства (таких как производители, поставщики, операторы распределительных сетей, регулирующие органы и конечные пользователи), передачи и потребления электроэнергии, а также на согласовании и синхронизации их действий, представлен в трудах значительного числа авторов. Е.Ю. Сапцына, Р.Б. Абеуов детально рассматривают механизмы координации и синхронизации в энергетических системах, а также их влияние на показатели качества и эффективности [23]; И.И. Исмоилов, Е.И. Грачева оценивают влияние синхронизации действий участников энергетических систем на повышение их эффективности и улучшение качественных показателей [24]. Среди иностранных ученых к этой позиции можно отнести труды Д. Хилла и Д. Карниадакиса [25]; С. Люти и М. Вайбеля [26]. Авторы утверждают, что эффективная координация и синхронизация действий всех участников энергетических систем являются необходимыми условиями для достижения высоких показателей качества и эффективности. Они подчеркивают, что согласованные действия операторов, производителей, потребителей и других субъектов системы, например государ-

ства, позволяют минимизировать потери, совершенствовать использование ресурсов и обеспечивать надежное и качественное энергоснабжение, устойчивость всей энергетической инфраструктуры.

Этот подход включает в себя рассмотрение взаимозависимости между участниками цепи, такими как производственные мощности, транспортные компании, операторы распределительных сетей, операторы передачи электроэнергии, регуляторы и конечные пользователи, включая: согласование действий различных субъектов экономики; синхронизацию процессов производства, транспортировки и распределения электроэнергии; оценку рисков и неопределённостей, возникающих вследствие нестабильных связей участников цепочки; оптимизацию процессов и внутренних факторов для достижения максимальной эффективности. 1. Экономическая выгода может быть представлена через синхронизацию действий производителей и операторов энергосистем – производители могут получать скидки на электроэнергию, если они обеспечивают стабильное производство и распределение продукции в соответствии с требованиями оператора энергосистемы; операторы энергосистем могут предлагать производителям тарифы на основе их потребности в ресурсах и планировании производства. 2. Экономическая выгода достигается за счёт совершенствования закупок электроэнергии и снижения затрат на поддержание производственной инфраструктуры. 3. Экономическая выгода дости-

гается за счёт формирования и реализации совместных планов ремонта и замены оборудования, позволяя поддерживать высокий уровень сервиса. 4. Экономическая выгода проявляется в снижении затрат на эксплуатацию и повышение качества услуг. 5. Экономическая выгода заключается в снижении налогов и использовании бюджетных средств для повышения конкурентоспособности.

Подход 5. Качественные показатели энергетических систем могут влиять на конечную стоимость и продолжительность выполнения проектов. Позиция находит отражение в работах ряда отечественных и зарубежных исследователей. В.М. Степанов, В.С. Косырихин [27] рассматривают важность влияния качественных показателей энергетических систем на финальную стоимость, включая экономические и технические аспекты, и длительность реализации проектов; С.Н. Найден оценивает, каким образом высокое качество энергетических систем может способствовать снижению затрат и ускорению выполнения проектов [28]. Среди зарубежных авторов приверженцами данной позиции выступают Т. Овербай, П. Хайнс [29], исследующие влияние качества энергетических систем на итоговую стоимость и временные рамки проектов; Ю. Сонг, Х. Фенг, предлагающие стратегии улучшения этих показателей [30]. Авторы систематизируют индикаторы качества энергетических систем и их роль в определении длительности и стоимости проектов, а также предлагают методы для их улучшения; подчеркивают, что качественные показатели энергетических систем оказывают существенное влияние на конечную стоимость и продолжительность выполнения проектов. При этом высокий уровень качества обеспечивает надежную и стабильную работу систем, что позволяет избежать дополнительных затрат, связанных с устранением неполадок или заменой оборудования. Пятый подход фокусируется на качественных показателях энергетических систем, таких как надёжность, стабильность и интеграция этих характеристик в проекты. Основная идея заключается в том, что качественные показатели, такие как безопасность, экологическая устойчивость, технологическая стабильность и сохранение конкурентоспособности, оказывают значительное влияние на конечную стоимость и длительность выполнения проектов. Подразумевается создание сложных структурированных планов, в которых учитывается взаимодействие участников; производство, передача по сетям, распределение и потребление электроэнергии.

Чтобы сопоставить пятый подход к оценке с четырьмя предыдущими, рассмотрим основные

отличительные моменты: 1) усиленный акцент на сочетании качества и функциональности; 2) интеграция и синхронизация действий различных участников цепи; 3) включение современных ИТ-технологий, автоматизации процессов, цифрового анализа и моделирования; 4) формирование новых организационных схем, распределения обязанностей; 5) наличие строгого плана управления проектами, регулярный контроллинг. Пятый подход отличается от предыдущих тем, что он больше ориентируется на интеграции качественных параметров и стратегической устойчивости системы, акцентирует внимание на долгосрочном позиционировании компании в конкурентоспособности, экологической устойчивости, социальной ответственности и технологических инновациях.

Результаты исследования

Для разработки комплексной методики анализа взаимозависимостей между стоимостью капитала, экономической эффективностью и качеством эксплуатации энергосистем необходимо учесть ключевые элементы каждого подхода, описать общие принципы построения методики, определить основные шаги анализа, а также продемонстрировать применение методики на примере расчета.

Основные шаги методики классические.

1. Идентификация ключевых переменных: стоимость капитала, экономическая эффективность, качество эксплуатации, показатели надежности и устойчивости энергосистем.
2. Сбор данных и исходных значений: по каждому параметру, включая финансовую информацию, технические характеристики, параметры надежности и экологического поведения системы.
3. Выбор математических моделей и инструментов для проведения анализа.
4. Анализ взаимозависимостей с использованием статистических методов для выявления связей между параметрами.
5. Формулировка гипотез и интерпретация результатов.
6. Создание отчетов и документированных результатов анализа, включая таблицы, графики и пояснения. Пример применения методики будет основан на той же схеме, которую использовали ранее (рисунок).

Методика анализа взаимозависимостей между стоимостью капитала, экономической эффективностью и качеством эксплуатации энергосистем позволяет выявить связи между этими факторами и предложить пути оптимизации, повышения эффективности и улучшения качества обслуживания. Применение этой методики поможет компаниям добиваться устойчивых положительных результатов в долгосрочных

Исходные данные:		Модернизация:	Кап. затраты:
Энергетика	мощность производства: 100 МВт потери электроэнергии: 12% средн. время устранения аварий: 24 ч частота аварий: 10 в год индекс SAIDI: 30 мин/год коэффициент готовности: 99.95% операционные расходы: 10 млн руб выручка: 80 млн рублей	мощность производства: 110 МВт снижение потерь электроэнергии: 8% уменьшение времени устранения аварий: 12 ч индекс SAIDI: 15 мин/год коэффициент готовности: 99.998% операционные расходы: 8 млн руб-лей	160 млн руб.
Передача	Длина линий электропередачи: 500 км Операторы: – линии электропередачи: 300 км – распределительные сети: 280 км	увеличение спроса: 1.5 млн чел. дополнительная выручка: 70 млн руб.	
Распределение	численность населения: 1 млн чел. средний уровень потребления: 450 ГВт·ч		
Расчет экономического эффекта модернизации:			
Снижение потерь электроэнергии: до модернизации: 12% → 8% технологическая выгода: 6 МВт /год экономическая выгода: 32 млн руб.		Улучшение качества обслуживания: улучшение индекса SAIDI: с 30 мин/год до 15 мин/год повышение коэффициента готовности: с 99.95% до 99.998% экономическая выгода: 40 млн руб.	
Уменьшение операционных расходов: до модернизации: 10 млн руб. после модернизации: 8 млн руб. экономическая выгода: 2 млн руб.		Общий экономический эффект: суммарная выгода: 125 млн руб./год экономическая эффективность модернизации = 92% по сравнению с изначальной ситуацией	
Повышение выручки: до модернизации: 80 млн руб. после модернизации: 84 млн руб. дополнительная выручка: 4 млн руб. эффект: 38 млн руб.		Оценка срока окупаемости: капитальные затраты: 160 млн руб. ежегодная выгода: 125 млн руб. срок окупаемости: 3.5 года	

Рис. Апробация комплексной методики анализа взаимозависимостей стоимости капитала, экономической эффективности, качества эксплуатации энергосистем
Источник: разработано авторами

проектах, поддерживая конкурентоспособность и устойчивость в изменяющихся условиях рынка.

Заключение

Каждый из рассмотренных подходов имеет свои сильные стороны и ограничения. Выбор подходящего подхода зависит от конкретных целей проекта, имеющихся ресурсов, временных ограничений и ожидаемых результатов. Первый подход хорош для оценки непосредственной финансовой отдачи от модернизации, поскольку он ориентирован на количественную оценку снижения затрат и увеличения доходов. Акцентируется на снижении затрат и повышении эффективности за счет прямых мер, таких как модернизация оборудования и улучшение внутренних процессов. Основной целью является максимизация возврата на инвестиции и повышение внутренней эффективности. Внимание уделяется преимущественно внутренним пока-

зателям эффективности и минимизации операционных расходов. Второй подход дополняет первый качественной составляющей, позволяя учесть улучшение надёжности и стабильности системы, что также оказывает положительное влияние на финансовое состояние компании благодаря снижению штрафов и компенсаций, а также увеличению доступности системы для потребителей. Включает оценку качества системы через показатели надёжности и устойчивости, такие как индекс SAIDI и коэффициент готовности. Ориентация на качественные характеристики системы, такие как безопасность и доступность услуг. Третий подход фокусируется на изучении взаимодействия и координации действий различных участников цепи электропередачи и распределения. Усиление внимания на сотрудничестве и синхронизации действий участников цепи, таких как производители, поставщики, операторы и конечные пользователи. Основная цель – оптимизация процес-

сов и повышение эффективности через эффективное управление взаимодействием. В четвёртом подходе оценивается интеграция современных технологий и информационных систем в процессы управления и мониторинг; инновационные методы управления, информационные технологии и стратегические партнерские отношения. Большое внимание уделяется развитию внешних рынков и международной конкуренции. Пятый подход к оценке экономической эффективности отличается от предыдущих тем, что он больше ориентируется на интеграции качественных параметров и стратегической устойчивости системы. Он акцентирует внимание на долгосрочном позиционировании компании в конкурентоспособности, экологической устойчивости, социальной ответственности и технологических инновациях. Каждый подход обладает своими преимуществами и недостатками, что зависит от конкретной ситуации и поставленных задач. Выбор подхода зависит от конкретных целей, сроков реализации проектов, а также особенностей экономической среды и конкуренции.

Наиболее эффективным может быть комбинированный, комплексный подход, сочетающий элементы нескольких подходов, исходя из уникальных характеристик конкретного проекта и ситуации.

Список литературы

1. Дороничев Д.А., Гусак Г.Ю. Современные тенденции в повышении эффективности функционирования электроэнергетики: от реструктуризации к инновациям // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2-2. С. 86–94.
2. Алханова Е.Ю., Бирюкова Л.В. Цифровизация бизнеса в России: возможности и проблемы // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2021. № 1 (105). С. 21–27. DOI: 10.38161/2618-9526-2021-1-021-027.
3. Информационные технологии в электротехнике и электроэнергетике: Материалы XIII Всероссийской научно-технической конференции, Чебоксары, 3 июня 2022 года. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2022. 528 с.
4. Кари К.Л., Сирпа С. Устойчивое развитие и глобальные вызовы современности // Устойчивое развитие: экологические, экономические и социальные аспекты: Сборник научных статей по результатам международной конференции, СПб., 12–14 мая 2021 года / Под ред. Е.В. Викторовой. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. С. 11–39.
5. Ланьшина Т.А., Логинова А.Д., Стоянов Д.Е. Переход крупнейших экономик мира к углеродной нейтральности: сферы потенциального сотрудничества с Россией // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. Т. 16. № 4. С. 98–125. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-04-05.
6. Андрищенко Ю.А., Платонова К.П. Цифровая экономика и искусственный интеллект в энергетике // Современные тенденции развития инвестиционного потенциала в России: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23 марта 2021 года. М.: Государственный университет управления, 2021. С. 115–117.
7. Братышкин В.А. Искусственный интеллект в управлении энергетическими системами // Менеджер vs искусственный интеллект: вместо или вместе?: Материалы студенческой научной конференции, Москва, 29 октября 2020 года. М.: Российский университет дружбы народов, 2020. С. 18–21.
8. Хлебалин Ю.М. Эффективность модернизации и реконструкции действующих ТЭЦ // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4. № 3 (61). С. 238–243.
9. Kenneth R. Economic Benefits of Energy System Modernization // IEEE Transactions on Power Systems. 2018. July. Vol. 33. № 4. P. 4257–4265.
10. Zhang J., Chen J. Reconstruction and Modernization of Electricity Grids: Economic Analysis // International Journal of Electrical Power & Energy Systems. 2019. November. Vol. 112. P. 1–10.
11. Singh R., Gupta S. Modernization of Power Systems for Improved Economic Efficiency // Proceedings of the IEEE PES General Meeting. Denver, CO, USA. August 2019. P. 1–5.
12. Пахомова Н.А. Оценка современного состояния электроэнергетической системы России // Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Россия молодая». Кемерово: Кузбасский государственный технический университет, 2016. С. 535.
13. Дегтярев К.С., Залиханов А.М., Соловьев А.А., Соловьев Д.А. К вопросу об экономике возобновляемых источников энергии // Энергия: экономика, техника, экология. 2016. № 10. С. 10–20.
14. Кузнецов В.П., Гарина Е.П. Изучение решений по развитию продукта в промышленности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3-3. С. 134–141.
15. Smith M. The Impact of High Quality Energy Systems on Operational Costs // IEEE Transactions on Industry Applications. 2020. May/June. Vol. 56. № 3. P. 2538–2546.
16. Wang X., Sun W. Quality Improvement in Energy Systems: A Path to Reduced Maintenance Costs // International Journal of Electrical Power & Energy Systems. 2020. September. Vol. 120. P. 1–8.
17. Bode S., Schäfer A. High-Quality Energy Systems as a Driver for Lower Operating Expenditures // Proceedings of the IEEE Power & Energy Society General Meeting. 2021. October. Montreal, Canada. P. 1–6.
18. Полуботко А.А. Системная надежность региональных электросетей // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. Т. 7. № 36 (129). С. 64–68.
19. Валеев И.М., Житников С.В. Обеспечение системной надежности качества электроэнергии на

предприятиях с непрерывными технологическими процессами // Вестник Технологического университета. 2016. Т. 19. № 21. С. 127–130.

20. Дьяков А.Ф. Проблемы надёжности и безопасности Единой энергетической системы России в рыночных условиях // Вести в электроэнергетике. 2021. № 5 (115). С. 72–84.

21. McDonald J. Reliability and Stability of Power Systems: Key Factors for Project Success // IEEE Transactions on Power Systems. 2020. Vol. 35. № 2. March/April. P. 1025–1034

22. Sauer P., Pai M. Power System Dynamics and Stability with Renewable Integration. John Wiley & Sons, 2021. 512 p.

23. Сапцына Е.Ю., Абеуов Р.Б. Алгоритм синхронизации энергорайона с сетью энергосистемы // XVI Всероссийская открытая молодежная научно-практическая конференция «Диспетчеризация и управление в электроэнергетике». Казань: ООО «Издательско-полиграфическая компания «Бриг», 2022. С. 209–211.

24. Исмоилов И.И., Грачева Е.И. Повышение управляемости энергетическими системами и улучшение качества электроэнергии // Вестник Казанско-

го государственного энергетического университета. 2022. Т. 14. № 1 (53). С. 3–12.

25. Hill D., Karniadakis D. Coordination and Synchronization in Complex Energy Systems. Springer, 2020. 400 p.

26. Lüthi S., Weibel M. Synchronized Actions in Energy Systems: Enhancing Performance and Quality // IEEE Transactions on Smart Grid. 2022. Vol. 13. № 1. January. P. 672–681.

27. Степанов В.М., Косырихин В.С. Выбор технико-экономических показателей функционирования электроэнергетических систем и электросетевых объектов // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2016. № 12-3. С. 164–175.

28. Найден С.Н. Юбилейные торжества: 60 лет системных исследований в энергетике // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 3. С. 197–204. DOI: 10.14530/se.2020.3.197-204.

29. Overbye T., Hines P. Impact of Power System Quality on Project Costs and Timelines // IEEE Transactions on Power Systems. 2022. Vol. 37. № 3. May/June. P. 1876–1885.

30. Song Y., Feng X. Energy System Quality and Its Influence on Project Execution Time and Cost. Springer, 2020. 450 p.

ECONOMIC EFFICIENCY OF PROJECTS AND QUALITY INDICATORS OF ENERGY SYSTEMS: ANALYSIS OF INTERDEPENDENCIES

S.A. Ilyin, O.B. Digilina

Peoples' Friendship University of Russia

The article systematizes existing approaches and methods used to assess the economic efficiency of energy projects, with special attention to the role of the cost of capital at each stage of industry development, the assessment of energy system quality indicators, productivity, and generated cost. It is determined that the cost of capital plays a key role in assessing the economic efficiency of energy projects at all stages of their development, and the authors' positions on the issue of minimizing system costs and introducing innovations are evolving from a focus on economic efficiency in the 1990s to the integration of digital technologies and sustainable development in the 2020s. At the same time, the uncertainty of the methodology for analyzing the identified interdependencies is determined: most often, the authors do not indicate specific methods and approaches used for assessment, do not disclose the mechanisms for analyzing the impact of the cost of capital on economic efficiency, on the quality of operation of energy systems. The purpose of the study is to develop and apply a comprehensive methodology for analyzing the interdependencies between the cost of capital, economic efficiency and quality of operation of energy systems, taking into account modern trends in digitalization and sustainable development. The article analyzes the impact of the cost of capital on the economic efficiency and quality of operation of energy systems in the context of privatization and restructuring, automation and implementation of information technologies, sustainable development and environmental friendliness, as well as digital transformation and artificial intelligence; a comprehensive methodology for analyzing the interdependencies between the cost of capital, economic efficiency and quality of operation of energy systems has been developed and tested, taking into account the historical stages of development of the industry and modern trends in digitalization and sustainable development; practical recommendations are proposed for improving methodological approaches to the analysis of interdependencies that provide a reasonable assessment of the economic efficiency and quality of operation of energy systems taking into account the cost of capital.

Keywords: energy systems, interdependencies of indicators, cost of capital, economic efficiency, quality of operation of energy systems.

УДК 330.34

DOI 10.52452/18115942_2025_2_58

ВЛИЯНИЕ КОНЦЕПЦИИ ОТКРЫТЫХ ИННОВАЦИЙ НА ДОСТИЖЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

© 2025 г.

Б.Н. Каримов, С.Н. Яшин

Каримов Булат Наилевич, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономики и маркетинга
в здравоохранении Академии постдипломного образования

Федерального научного клинического центра специализированных видов медицинской помощи
и медицинских технологий ФМБА России, Москва

bulat_karimov@mail.ru

Яшин Сергей Николаевич, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой менеджмента
и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jashinsn@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.04.2025

Статья принята к публикации 28.04.2025

Достижение технологической независимости в рамках отечественной инновационной системы становится приоритетной задачей для России в период действия экономических ограничений, препятствующих инновационному прогрессу страны. Особую значимость в данном контексте приобретает парадигма открытых инноваций и возможности, которые она предоставляет. Целью статьи является обоснование, на основе критического анализа и синтеза представленных в специальной литературе подходов к управлению инновациями, обеспечению технологического суверенитета и технологического лидерства, авторской концепции влияния открытых инноваций на достижение технологического суверенитета в рамках национальной инновационной системы. Исследование раскрывает многоаспектное воздействие открытых инновационных процессов на обретение технологического суверенитета, рассматривая структурные и функциональные компоненты, а также критерии результативности национальной инновационной системы. Обоснована целесообразность внедрения представленной методологии использования открытых инноваций как инструмента обеспечения и поддержания технологической самостоятельности экономики страны.

Ключевые слова: открытые инновации, технологический суверенитет, национальная инновационная система, цепочка создания ценности, управление знаниями, исследования и разработки; результаты инновационной деятельности.

Введение

Сегодня российская экономика столкнулась с масштабными ограничениями со стороны недружественных государств. Западные санкции фактически перекрыли доступ к передовым технологическим разработкам, которыми владеют крупнейшие компании этих стран. Прекратились совместные проекты в области фундаментальной и прикладной науки, а получение высокотехнологичных компонентов и материалов, критически важных для инновационного развития, стало крайне затруднительным.

В сложившейся ситуации достижение технологической независимости становится приоритетной целью для страны. Необходимо сформировать новую модель инновационного развития, которая позволит создавать стратегически важные технологии внутри страны, опираясь на собственные производственные цепочки. Эта сложная задача может быть решена только через эффективное функционирование национальной инновационной системы (НИС), кото-

рая должна стать основным инструментом обеспечения технологического суверенитета России.

Концепция национальной инновационной системы (НИС) появилась около сорока лет назад, в 80-е годы XX века. За это время академическое сообщество предложило множество трактовок данного понятия, каждая из которых освещает различные аспекты его функционирования, организации и целевого назначения.

Целью статьи является обоснование, на основе критического анализа и синтеза представленных в специальной литературе подходов к управлению инновациями, обеспечению технологического суверенитета и технологического лидерства, авторской концепции влияния открытых инноваций на достижение технологического суверенитета в рамках национальной инновационной системы.

Научная новизна работы состоит в аргументации концепции влияния открытых инноваций на достижение технологического суверенитета в рамках национальной инновационной систе-

мы, включающей взаимосвязанные функциональный, структурный аспекты и аспект эффективности, позволяющей сформировать объективные условия для активизации, диверсификации и устойчивого увеличения финансово-экономической результативности реализации инновационных процессов в Российской Федерации, обеспечения на данной основе дополнительных возможностей для достижения технологического лидерства в широком круге отраслей.

Теоретико-методологические подходы

Концепция национальной инновационной системы впервые была сформулирована в трудах К. Фримена, который представил её как целостный комплекс взаимодействующих государственных и частных институциональных структур, совместная деятельность которых направлена на генерацию, освоение и диффузию инновационных технологических решений [1]. В дальнейшем эта концептуальная основа получила развитие в работах О.Г. Голиченко, определившего НИС как совокупность взаимосвязанных организаций разных форм собственности и механизмов их взаимодействия, которые обеспечивают процессы создания, хранения и практического применения новых знаний и технологий, формируя тем самым фундамент для эффективного сотрудничества между научным сообществом, производственным сектором и социумом [2].

Б.-А. Лундвалл [3] предлагает дифференцированный подход, разграничивая узкую и широкую трактовки НИС. В свою очередь, Р. Нельсон [4] рассматривает НИС как институциональный ансамбль, определяющий инновационный потенциал государства.

Несмотря на отсутствие унифицированного определения, исследователи сходятся во мнении, что НИС характеризуется целенаправленностью, институциональной структурой и уникальными национальными особенностями взаимодействия её элементов. Многообразие компонентов НИС позволяет выделить три ключевых аспекта её анализа: структурный, функциональный и эффективностный.

Рассматривая структурный аспект национальной инновационной системы, можно выделить его основную направленность на изучение различных элементов инновационной архитектуры. В фокусе структурного анализа находятся организации национального масштаба: предприятия, образовательные учреждения, научно-исследовательские центры, государственные органы и механизмы регулирования. Важно отметить, что инновационное поведение участни-

ков системы формируется под влиянием культурных особенностей страны, её законодательной базы и сложившихся практик [4]. В рамках структурного подхода первостепенное значение приобретает выявление основных факторов и механизмов, которые определяют успешность генерации, имплементации и диффузии инновационных разработок в условиях конкретной страны. В свою очередь, функциональное измерение НИС фокусируется на исследовании различных видов деятельности и операционных процессов, осуществляемых ключевыми акторами системы в ходе формирования, трансфера и практической реализации новых знаний [5]. Функциональность в данном контексте определяется как совокупность действий, направленных на достижение целей НИС. К ключевым функциям относятся: формирование технологических рынков, выстраивание коммуникационных связей, совершенствование образовательных программ, обеспечение защиты интеллектуальной собственности, аккумуляция ресурсов и трансфер знаний [6].

Рассматривая аспект эффективности НИС, необходимо учитывать её комплексную природу, где большая часть компонентов и участников имеет глубокие социальные корни. В рамках данной системы основные координационные процессы реализуются не через традиционные рыночные механизмы, а посредством комплекса институциональных структур, сетевых взаимодействий и политических рычагов. Этот подход охватывает несколько существенных аспектов: оценку результативности системы в целом, мониторинг эффективности входных и выходных потоков, идентификацию структурных барьеров, препятствующих прогрессу НИС, а также формирование системы целевых метрик и критериев для объективной оценки достигнутых результатов [7].

Важно подчеркнуть, что хотя каждый из описанных аспектов НИС – структурный, функциональный и эффективностный – развивается как самостоятельное направление исследований, только их комплексное рассмотрение позволяет сформировать целостное представление о национальной инновационной системе. Такой интегрированный подход необходим для глубокого понимания того, как концепция открытых инноваций влияет на НИС и способствует достижению технологического суверенитета.

В современном мире даже крупнейшие промышленные корпорации утратили возможность единоличного владения знаниями и эксклюзивными компетенциями. Современное пространство знаний представляет собой мозаику, где каждый участник – будь то компании различно-

го масштаба, университеты или исследовательские центры – вносит свой уникальный вклад в общую картину инновационного развития.

Произошедшие изменения способствовали преодолению организационных границ в инновационной деятельности, что привело к формированию парадигмы «открытых инноваций». Данное понятие было введено в научный оборот Г. Чесборо, который охарактеризовал его как комплексный подход к управлению потоками знаний, нацеленный на интенсификацию внутриорганизационных инновационных практик и расширение спектра возможностей для коммерциализации инноваций во внешней среде [8].

Парадигма открытых инноваций предполагает двусторонний процесс: организации могут как извлекать выгоду из использования сторонних технологий, так и получать прибыль, предоставляя доступ к собственным разработкам. В целях освоения внешних технологических разработок организации задействуют широкий спектр механизмов взаимодействия: от приобретения лицензий до создания партнерских объединений для совместных исследований и привлечения специализированных агентств, осуществляющих глобальный поиск редких экспертов. Дополнительными каналами получения доступа к передовым технологиям выступают поглощение инновационных предприятий, а также развитие коллаборации с профессиональными объединениями, клиентским сообществом и отраслевыми специалистами на принципах открытого программного обеспечения. Все эти разнообразные подходы формируют экосистему открытых инноваций, где различные механизмы взаимно дополняют и усиливают друг друга, стимулируя общее инновационное развитие.

Эффективность внедрения открытых инноваций в организациях определяется множеством внешних условий. Ключевыми факторами успеха являются: постоянное поступление знаний извне, наличие высококвалифицированных кадров, достаточное финансирование, развитая правовая система и механизмы защиты интеллектуальной собственности. Примечательно, что большинство этих факторов непосредственно связано с национальной инновационной системой.

Г. Чесборо [8] демонстрирует эту взаимосвязь на примере США послевоенного периода. Он показывает, как структурные изменения в американской НИС способствовали формированию разветвленной системы знаний благодаря расширению доступа к высококвалифицированным специалистам, активному развитию венчурного финансирования и появлению передовых научных разработок. Исследователь под-

черкивает, что эволюция НИС послужила ключевым фактором, стимулировавшим распространение практики открытых инноваций в американской экономике.

В отличие от классической интегрированной инновационной модели, представленной в работах Э. Чандлера [9], парадигма открытых инноваций демонстрирует инструменты эффективного сочетания внутреннего инновационного потенциала компаний с возможностями внешней среды. Принимая во внимание ключевую позицию инновационных предприятий в структуре НИС и их определяющую роль в реализации государственных инициатив по обеспечению технологической независимости, концепция открытых инноваций заслуживает детального изучения в контексте исследования НИС. Основываясь на этом, нами была сформирована теоретическая модель, иллюстрирующая воздействие открытых инноваций на процесс достижения технологического суверенитета в рамках НИС (рис.).

С точки зрения функционального подхода открытые инновации существенно интенсифицируют развитие НИС посредством усиления сетевых взаимодействий между участниками. Такое взаимодействие способствует более интенсивному распространению инноваций и формированию разветвленных инновационных цепочек создания ценности.

Ключевой особенностью открытых инноваций является использование межорганизационных партнерств и кооперационных сетей для обмена знаниями между участниками инновационного процесса. По сути, концепция открытых инноваций представляет собой особый механизм выстраивания связей между инновационно активными организациями. Эволюционный сдвиг от модели закрытых к открытым инновациям обозначил кардинальное изменение в инновационной парадигме – от доминирования отдельных корпораций к превалированию сетевых экосистем.

Фундаментальные работы Дж. Марча продемонстрировали значительные преимущества инновационных сетей в управлении как имплицитными, так и эксплицитными потоками знаний, одновременно подтверждая позитивное воздействие сетевой интеграции на инновационную эффективность организаций [10]. Развивая данную концепцию, Г. Чесборо и К. Шварц акцентируют внимание на двойственном характере использования сетевых структур компаниями: как для абсорбции внешних компетенций, так и для монетизации собственных незадействованных технологических активов [11].

Значимость межорганизационных сетевых структур как ключевого механизма имплемен-

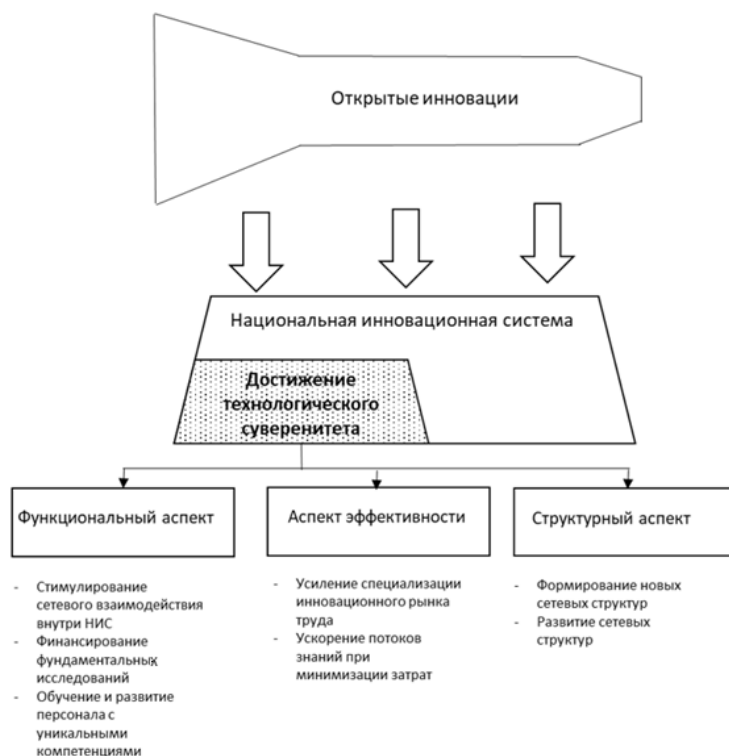

Рис. Концепция влияния открытых инноваций на достижение технологического суверенитета в рамках национальной инновационной системы

тации открытых инноваций демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. При этом необходимо учитывать, что подобная эволюция не может происходить стихийно в условиях НИС, где преобладают принципы закрытых инноваций. Современная эра открытых инноваций предполагает существенную интенсификацию развития инновационных сетевых экосистем, что обуславливает необходимость качественного усиления кооперационных связей между всеми компонентами национальной инновационной системы.

Эта позиция полностью соответствует базовым принципам концепции НИС, согласно которым разнонаправленные усилия участников системы способствуют развитию различных форм кооперации и сетевого взаимодействия. В контексте обеспечения технологического суверенитета особую значимость приобретает укрепление государственно-частного партнерства через выстраивание эффективных связей между ключевыми участниками инновационного процесса.

Парадигма открытых инноваций подчеркивает необходимость масштабной государственной поддержки фундаментальной науки. В современных условиях наблюдается тенденция: компании сокращают долгосрочные инвестиции в исследования и разработки, концентрируясь на прикладных инновациях с более быстрой

отдачей. Показательно, что многие известные корпоративные исследовательские центры прошлого века были либо существенно реорганизованы, либо полностью закрыты [12].

Базовые научные изыскания сохраняют свою определяющую роль в генерации инновационных прорывов и обогащении совокупного интеллектуального капитала общества. В развитых экономиках государственное финансирование фундаментальной науки стало неотъемлемым элементом инновационной политики. Парадигма открытых инноваций формирует новую архитектуру распределения исследовательских компетенций между бизнесом, государственным сектором и научным сообществом, где корпоративный сектор все реже выступает площадкой для проведения фундаментальных исследований.

В данном контексте государственные структуры в рамках НИС призваны обеспечить бесперебойное функционирование механизмов поддержки фундаментальных исследований и их эффективную интеграцию с прикладными разработками инновационных компаний.

Человеческий капитал, формируемый системой образования и профессиональной подготовки в контексте НИС, выступает критическим фактором успешного инновационного развития. Человеческий и социальный капитал выступает фундаментальным связующим элементом от-

крытой инновационной системы. Наличие высококвалифицированных кадров является критическим условием для реализации концепции открытых инноваций, поскольку обеспечивает эффективную циркуляцию знаний между организациями и повышает их способность к освоению инноваций.

Модернизация образовательных программ и систем профессионального развития способствует укреплению поведенческих компонентов открытых инноваций: формирует культуру сетевой коллаборации, катализирует развитие внутрикорпоративного предпринимательства, расширяет экспертизу в сфере технологического лицензирования и организации исследовательской деятельности.

Создание и сохранение высококвалифицированного человеческого капитала невозможно без государственных гарантий доступного и высококачественного образования на каждой ступени образовательной системы. В контексте достижения технологического суверенитета особую значимость приобретает развитие системы непрерывного образования и послевузовского обучения как основы формирования человеческого капитала нового типа. Следовательно, образовательная политика становится краеугольным камнем государственной стратегии развития открытых инноваций.

При анализе воздействия открытых инноваций на НИС результативность системы оценивается через призму реализации заявленных задач и достижения основного предназначения. Научное сообщество идентифицировало широкий спектр детерминант, влияющих на эффективность функционирования инновационных систем. В частности, Т. Роеланд [13] выделяет критическую значимость механизмов передачи знаний, в то время как М. Портер [14] делает акцент на институциональных аспектах, включающих результативность исследовательской деятельности и развитость межорганизационных сетевых коммуникаций.

Сторонники концепции открытых инноваций указывают на возможность получения ценных знаний из источников, выходящих за рамки традиционных инновационных предприятий и государственных структур [15]. Современные инструменты, включая интернет-сообщества и блоги, открывают новые каналы получения значимой информации.

Особого внимания заслуживает ситуация в высокотехнологичных секторах оборонной промышленности, где наблюдается высокий средний возраст сотрудников, причем значительная часть высококвалифицированного персонала, включая исследователей, приближается

к пенсионному возрасту. Разработка эффективных механизмов интеграции квалифицированных кадров в инновационную деятельность способна значительно усилить потенциал НИС в обеспечении технологической независимости.

Углубление специализации неразрывно коррелирует с увеличением производственных объемов и расширением торговых операций, что в конечном итоге укрепляет конкурентоспособность национальной экономики. В период господства закрытых инноваций преимущества специализации ограничивались внутренними возможностями отдельных инновационных корпораций. При этом небольшие инновационные компании регулярно сталкиваются с дефицитом производственных ресурсов, что увеличивает уровень рисков и снижает эффективность рыночного внедрения инновационных разработок.

Крупные корпорации, напротив, демонстрируют большую эффективность в использовании существующих технологических решений, чем в генерации инновационных идей, и более адаптированы к инкрементальным улучшениям, нежели к радикальным инновациям. Это создает предпосылки для естественной дифференциации функций между организациями различного масштаба в процессах создания и коммерциализации знаний.

Концепция открытых инноваций обеспечивает оптимальное использование преимуществ подобной специализации. Инновационное разделение труда позволяет организациям фокусироваться на конкретных сегментах инновационных цепочек создания ценности. Такой подход способствует повышению конкурентоспособности как отдельных элементов цепочки, так и национальной инновационной экосистемы в комплексе.

Государственное регулирование традиционно фокусируется на стимулировании обмена знаниями для усиления интеграционных процессов и оптимизации функционирования НИС. В эру закрытых инноваций организации демонстрировали сдержанность в обмене знаниями, особенно с внешними контрагентами. Однако парадигма открытых инноваций трансформировала трансфер знаний в стратегический актив: компании используют его для трансформации бизнес-моделей, экспансии в новые сферы деятельности или извлечения прибыли из неактивных технологических активов.

Данная тенденция усиливается благодаря расширению сети инновационных медиаторов, катализирующих глобальную диффузию знаний. Эти посредники выполняют роль коннекторов между инновационными предприятиями и глобальным инновационным сообществом,

способствуя расширению возможностей компаний через доступ к контекстно-зависимым имплицитным знаниям.

Рост эффективности технологических рынков минимизирует потребность в операциях M&A как инструменте доступа к технологическим активам. Как следствие, существенно расширяются возможности для выгодных транзакций в сфере инноваций и сопутствующих прав интеллектуальной собственности. Организации получают доступ к коммерческому использованию технологий без масштабных инвестиций времени и ресурсов в создание производственных мощностей, каналов дистрибуции и маркетинговой инфраструктуры.

Следовательно, модель открытых инноваций обеспечивает трансфер знаний при минимальных транзакционных затратах, что способствует повышению результативности НИС в контексте достижения технологической независимости.

В структурном измерении эволюция НИС под воздействием открытых инноваций проявляется преимущественно через становление и развитие инновационных сетевых структур и механизмов их эффективного взаимодействия. Множественные связи между компонентами системы являются отличительной чертой НИС. Исследователи рассматривают НИС как сеть, обеспечивающую создание, распространение и применение знаний [4].

Однако традиционные сети НИС ориентированы преимущественно на работу с формализованными знаниями. Концепция открытых инноваций расширяет этот подход, подчеркивая важность использования компаниями разнообразных источников для инновационной деятельности. Эффективность данной модели в значительной степени определяется непрерывным поступлением знаний из внешней среды – как от классических партнеров (академического сектора, клиентов, контрагентов), так и от иных организационных структур и независимых экспертов.

Для НИС особую значимость приобретают имплицитные знания, генерируемые этими источниками. В условиях экономики знаний ключевыми компетенциями становятся навыки выявления, оценки и привлечения релевантных знаний, а также формирования диверсифицированных каналов их трансфера.

Формирование многофункциональных цифровых платформ, интегрирующих различные бизнес-сегменты и аккумулирующих многообразие знаний, практического опыта и профессиональных компетенций в виртуальном пространстве, становится действенным механизмом получения социальных знаний. Основное достоинство подобных сетевых экосистем заключается в

их способности активизировать рассредоточенные локальные знания, применимые как для преодоления текущих вызовов, так и для идентификации перспективных возможностей.

Формирование сетей, нацеленных на коммерческую реализацию знаний, приобретает первостепенную важность. Процесс коммерциализации технологических решений представляет собой многогранное взаимодействие различных стейкхолдеров: клиентов, поставщиков, конкурентов и прочих участников цепочки создания ценности. У. Ванхавербеке разрабатывает теорию систем ценностей [16], принципиально отличающихся от классических исследовательских сетей тем, что они реализуют коммерциализацию инноваций в партнерстве с организациями, располагающими необходимым потенциалом для рыночного продвижения инновационных продуктов и сервисов.

Коммерческие сети отличаются более комплексной структурой управления, что существенно дистанцирует их от билатеральных партнерских отношений, характерных для исследовательских объединений. В этих условиях компании должны инициировать и координировать интегрированные сети создания ценности для поддержки своих инновационных инициатив.

Эволюция коммерческих сетей оказывает существенное воздействие на НИС, создавая мощные стимулы и повышая экономическую отдачу для всех участников цепочки создания ценности в проектах технологического суверенитета. Это позволяет НИС переориентироваться с традиционной кооперации между научно-образовательными институтами на развитие сетей коммерциализации, критически важных для успешного рыночного запуска инновационных продуктов.

Заключение

Резюмируя исследование воздействия открытых инноваций на обеспечение технологической независимости в рамках национальной инновационной системы, необходимо акцентировать внимание на трех фундаментальных аспектах.

Первое: изучение роли открытых инноваций в достижении технологического суверенитета требует комплексного подхода, охватывающего все измерения НИС – структурное, функциональное и результативное. Только подобный интегральный анализ обеспечивает полноценное понимание трансформационного эффекта открытых инноваций.

Второе: парадигма открытых инноваций формирует качественно новые механизмы управления знаниями. Это достигается посред-

ством интеграции носителей уникальных компетенций и создания динамичных высокопрофессиональных исследовательских коллективов, что значительно усиливает инновационный потенциал системы.

Третье: концепция открытых инноваций способствует результативному внедрению сетевых и платформенных моделей бизнеса. Это обеспечивает сбалансированное достижение различных стратегических приоритетов: инновационного прогресса, укрепления национальной безопасности через технологический суверенитет и генерации экономической ценности в рамках производственных цепочек.

Список литературы

1. Оганесян Т., Розмирович С., Медовников Д. Рождение национальной инновационной системы // Эксперт. 2010. № 36 (720) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://expert.ru/expert/2010/36/rozhdenie_innovacionoi_sistemy/ (дата обращения: 26.06.2024).
2. Голиченко О.Г. Национальная инновационная система России: состояние и пути развития / Отделение общественных наук РАН, Российский науч.-исслед. ин-т экономики, политики и права в науч.-технич. сфере. М.: Наука, 2006. 396 с.
3. Lundvall B.-A. (Ed.) National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. London – New York: Pinter Publishers, 1992.
4. Lundvall B.-A. National innovation system-analytical concept and development tool. DRUID Tenth Anniversary Summer Conference, Copenhagen, 2005.
5. Bergek A., Staffan J., Bo C. et al. Analysing the functional dynamics of technological innovation systems: a scheme of analysis // Res. Policy. 2008. № 37 (3). P. 407–429.
6. Liu X.L., White S. Comparing innovation systems: a framework and application to China's transitional context // Res. Policy. 2001. № 30 (7). P. 1091–1114.
7. Niosi J. National systems of innovations are «x-efficient» (and x-effective): why some are slow learners // Res. Policy. 2002. № 31 (2). P. 291–302.
8. Chesbrough H., Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology. Boston – Mass: Harvard Business School Press, 2003.
9. Chandler A.D., Hikino T. Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism. Cambridge – Mass: Belknap Press, 1990.
10. March J.G. Exploration and exploitation in organizational learning // Org. Sci. 1991. № 2 (1). P. 71–87.
11. Chesbrough H., Schwartz K. Innovation business models with co-development partnerships // Res. Technol. Manage. 2007. № 50 (1). P. 55–59.
12. Chesbrough H. Open Business Models: How to Thrive in the New Innovation Landscape. Boston – Mass: Harvard Business School Press, 2006.
13. Roeland T., Hertog P.d. Assessing the Knowledge Distribution Power of National Innovation Systems // OECD Conference on New S&T Indicators for the Knowledge-Based Economy OECD. Paris, 1996.
14. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations. New York: Free Press, 1990.
15. Krogh G. von, Spaeth S., Lakhani K.R. Community, joining, and specialisation in open source software innovation: a case study // Res. Policy. 2003. № 32 (7). P. 1217–1241.
16. Vanhaverbeke W., Cloudt M., Open Innovation in Value Networks // In: H. Chesbrough, W. Vanhaverbeke, J. West (Eds.) Open innovation: Researching a New Paradigm. Oxford: Oxford University Press, 2006.

ACHIEVING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY – THE CONCEPT OF OPEN INNOVATION

B.N. Karimov¹, S.N. Yashin²

¹Academy of Postgraduate Education of the Federal Scientific Clinical Center for Specialized Types of Medical Care and Medical Technologies

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Achieving technological independence within the framework of the domestic innovation system is becoming a priority task for Russia during the period of economic restrictions that hinder the country's innovative progress. The paradigm of open innovation and the opportunities it provides are of particular importance in this context. The purpose of the article is to substantiate, based on a critical analysis and synthesis of approaches presented in the specialized literature to innovation management, ensuring technological sovereignty and technological leadership, the author's concept of the impact of open innovation on achieving technological sovereignty within the national innovation system.

The study reveals the multidimensional impact of open innovation processes on the acquisition of technological sovereignty, considering the structural and functional components, as well as the criteria for the effectiveness of the national innovation system. The expediency of introducing the presented methodology of using open innovations as a tool for ensuring and maintaining the technological independence of the country's economy is substantiated.

Keywords: open innovation, technological sovereignty, national innovation system, value added chain, knowledge management, research and development; results of innovation activities.

УДК 338.001.36

DOI 10.52452/18115942_2025_2_65

МНОГОКРИТЕРИАЛЬНАЯ ОПТИМИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

© 2025 г.

Д.Н. Лапаев

Лапаев Дмитрий Николаевич, д.э.н.; проф.; заместитель директора по научной работе
Образовательно-научного института экономики и управления
Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
lapaev@nntu.ru

*Статья поступила в редакцию 10.04.2025**Статья принята к публикации 29.04.2025*

В статье разработана оптимизационная, детерминированная, динамическая модель сравнительной оценки состояния экономических систем по совокупности показателей. В головную часть заложены принципы, методы и методики многокритериального выбора. В зависимости от специфики целеполагания реализуются три трека: формирование паретовского множества, многокритериальное ранжирование либо выбор лучшей альтернативы. Согласно модели, эффективное множество формируется на основании методики паретовского выбора. Ранговая структура выявляется с помощью метода ранжирования. Лучшая система определяется посредством анализа тонкой структуры. Чтобы перейти к будущему моменту времени, необходимо произвести надлежащее прогнозирование состояния. В модели предусмотрен элемент корректировки, предназначенный для обеспечения целедостижения. Приведены результаты модельных экспериментов. Предложенная оптимизационная модель займет подходящее место в теории и методологии принятия решений в экономике и будет востребована при формировании научного аппарата компаративного анализа широкого многообразия экономических систем на различных уровнях иерархии при исследовании сложных задач оценки устойчивости, безопасности, инновационности, эффективности, финансового состояния и пр. базовыми стейкхолдерами в лице руководителей (представителей) министерств, ведомств и департаментов, собственников, менеджеров, инвесторов, кредиторов и иных участников экономических отношений.

Ключевые слова: экономическая система, оптимизационная модель, принцип Парето, эффективное множество, ранг, структура, устойчивость, безопасность, инновационность, эффективность.

Введение

Решение актуальных научно-практических задач исследования устойчивости, безопасности, инновационности и эффективности [1–12] заключается в нахождении предпочтительной экономической системы (варианта/альтернативы) либо в упорядочении – установлении относительной ценности сравниваемых систем. При этом под экономическими системами понимается широкий круг систем (как объектного, так и проектного типов) на макро-, мезо- и микроуровнях: страны и их объединения, федеральные округа, регионы, муниципалитеты, отрасли, виды экономической деятельности, предприятия, организации, интегрированные структуры, подразделения, бизнес-единицы, проекты, портфели, программы и пр. В современных реалиях оценку состояния осуществляют различные заинтересованные стороны (стейкхолдеры): представители профильных государственных, региональных и муниципальных органов, собственники, менеджеры, инвесторы, кредиторы и иные участники экономических отношений [2].

Комплексную оценку состояния экономических систем, как правило, обеспечивает использование совокупности показателей [2–6]. Сложность такого выбора, как известно, обусловлена противоречивостью показателей. Для раскрытия неопределенности разработан соответствующий научно-методический аппарат. Методики и алгоритмы многокритериального упорядочения альтернатив и точечного выбора известны [2–6]. В данной статье реализована их интеграция в рамках единой модели.

Описание модели

Модель многокритериальной сравнительной оценки состояния экономических систем приведена на рисунке. На переднем плане изображен блок, отражающий сопоставление альтернатив на актуальную дату. Представлены принципы, методы и методики многокритериального выбора [2–6]. Достигая собственных целей $\Pi = \{\Pi_i\}$, $i = \overline{1, I}$, некая заинтересованная сторона задает совокупность сравниваемых вариантов $S = \{S_i\}$, $i = \overline{1, I}$, и показателей $K = \{K_j\}$, $j = \overline{1, J}$. В

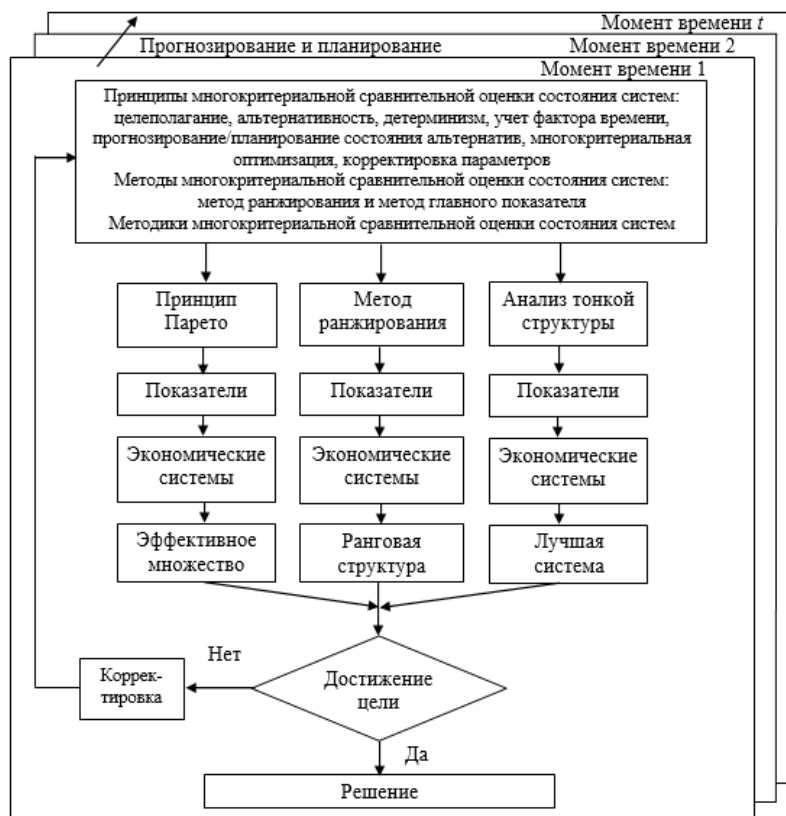

Рис. Модель многокритериальной сравнительной оценки состояния экономических систем

зависимости от специфики целеполагания в модели задействуются три трека: формирование эффективного (паретовского) множества, многокритериальное ранжирование либо выбор единственной (лучшей) альтернативы [2–6].

Согласно модели, эффективное множество (первый ранг/протоструктура) формируется на основании методики, реализующей принцип Парето [13–17]. Ранговая структура выявляется с помощью метода ранжирования, предусматривающего сквозное применение принципа Парето. Лучшая система в идеале определяется по итогам анализа тонкой структуры, но может потребоваться выделение главного показателя. Для перехода к будущему периоду предстоит дать прогноз (план) состояния на перспективу.

В силу особенности целеполагания авторская модель принадлежит к оптимизационному (экстремальному) типу. Это детерминированная модель, не учитывающая фактор неопределенности, а также динамическая модель, характеризующая развитие сопоставляемых экономических систем. Важным компонентом модели выступает блок корректировки, отвечающий за целедостижение.

В [18] когнитивный диссонанс определен как интеллектуальный конфликт, наблюдаемый, когда уже сложившимся мнениям и представ-

лениям противостоит новая информация. По мере решения оптимизационных задач возможно расхождение априорного видения стейкхолдером состава и количества рангов на стадии постановки задачи с результатами модельных экспериментов. Устранение когнитивного диссонанса достигается посредством корректирующих воздействий.

Можно варьировать состав систем, коэффициентов, совокупность принципов и методов оптимизации, научно-методический аппарат прогнозирования/планирования, дату компаративного анализа, начальную цель. Весьма результативным приемом здесь выступает снижение размерности задачи посредством исключения показателей, а также изменение начальных областей их значений. При этом недопустимы манипуляции в интересах выхода на желаемый результат вопреки оптимизационным расчетам.

Моделирование

Положим, что подлежат компаративному анализу десять экономических систем S_1 – S_{10} по трем показателям K_1 – K_3 . Рассмотрим начнем с левого классического трека авторской модели (см. рис.). Предварительно сформируем сортированный массив посредством построчного

$\begin{pmatrix} 10 & 7 & 5 & 4 & 2 & 3 & 9 & 8 & 1 & 6 \\ 6 & 1 & 7 & 10 & 9 & 3 & 2 & 8 & 5 & 4 \\ 9 & 10 & 5 & 7 & 4 & 3 & 2 & 6 & 8 & 1 \end{pmatrix}$	
Неоптимальны (слева от оптимальных)	Оптимальны (крайние правые системы)
5, 7, 10	6 4 1
Остаток 2, 3, 8, 9	

Итерация 1

$\begin{pmatrix} 6 & 1 & 8 & 9 & 3 & 2 & 4 & 5 & 7 & 10 \\ 6 & 1 & 7 & 10 & 9 & 3 & 2 & 8 & 5 & 4 \\ 1 & 8 & 6 & 2 & 3 & 4 & 7 & 5 & 10 & 9 \end{pmatrix}$	
Неоптимальны	Оптимальны
1, 6, 7 1-3, 6, 8 1, 6	10 4 9
Остаток 5	Решение 4, 5, 9, 10

*

$\begin{pmatrix} 8 & 3 & 2 & 5 & 7 \\ 7 & 3 & 2 & 8 & 5 \\ 5 & 7 & 3 & 2 & 8 \end{pmatrix}$	
Неоптимальны	Оптимальны
	7 5 8
Остаток 2 и 3, доминирует 2	Решение 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10

$\begin{pmatrix} 10 & 7 & 5 & 2 & 3 & 9 \\ 7 & 10 & 9 & 3 & 2 & 5 \\ 9 & 10 & 5 & 7 & 3 & 2 \end{pmatrix}$	
Неоптимальны	Оптимальны
10 7, 10	9 5 2
Остаток 3	Решение 2, 3, 5, 9

5*

$\begin{pmatrix} 2 & 3 & 9 & 8 \\ 9 & 3 & 2 & 8 \\ 9 & 3 & 2 & 8 \end{pmatrix}$	

Итерация 2

$\begin{pmatrix} 6 & 1 & 8 & 9 & 3 & 2 & 4 & 5 & 7 & 10 \\ 6 & 1 & 7 & 10 & 9 & 3 & 2 & 8 & 5 & 4 \\ 9 & 10 & 5 & 7 & 4 & 3 & 2 & 6 & 8 & 1 \end{pmatrix}$	
Неоптимальны	Оптимальны
9 6	10 4 1
Остаток 2, 3, 5, 7, 8	

**

$\begin{pmatrix} 6 & 1 & 8 & 9 & 3 & 2 & 4 & 5 & 7 & 10 \\ 4 & 5 & 8 & 2 & 3 & 9 & 10 & 7 & 1 & 6 \\ 1 & 8 & 6 & 2 & 3 & 4 & 7 & 5 & 10 & 9 \end{pmatrix}$	
Неоптимальны	Оптимальны
2-5, 8 8	10 6 9
Остаток 1, 7 (несравнимы)	Решение 1, 6, 7, 9, 10

4*

$\begin{pmatrix} 6 & 1 & 8 & 3 & 2 & 7 \\ 6 & 1 & 7 & 3 & 2 & 8 \\ 1 & 8 & 6 & 2 & 3 & 7 \end{pmatrix}$	
Неоптимальны	Оптимальны
1, 6 1	7 8
Остаток 2, 3 (несравнимы)	Решение 2, 3, 7, 8

6*

упорядочения номеров 1–10 исследуемых вариантов по мере возрастания значений коэффициентов. Эффективные системы обозначим жирным шрифтом.

Расчет начнем с ситуации максимизации показателей. Руководствуясь рекомендациями [2], на итерации 1 найдем оптимальные и неоптимальные альтернативы, а также остаток. Обратимся к итерации 2.

Доминирует система 8. Множество эффективных экономических систем (протоструктуру) запишем в виде $M_{эф} = \{S_1, S_4, S_6, S_8\}$.

Рассмотрим разнонаправленные показатели: требуется минимизировать K_1 и K_3 и максимизировать K_2 . Приведем сортированный массив в соответствие с новыми условиями (*).

Имеем $M_{эф} = \{S_4, S_5, S_9, S_{10}\}$.

Положим, что необходимо минимизировать K_1 и максимизировать K_2 и K_3 . Корректируем массив, итерации 1, 2 (**, ***).

Получим $M_{эф} = \{S_1, S_2, S_4, S_5, S_7, S_8, S_{10}\}$.

В завершение рассмотрим ситуацию минимизации показателей (4*).

Здесь $M_{эф} = \{S_1, S_6, S_7, S_9, S_{10}\}$.

Обратимся к среднему треку многокритериальной оптимизационной модели (см. рис.). При максимизации показателей получено эффективное множество экономических систем (первый ранг) $M_{эф} = \{S_1, S_4, S_6, S_8\}$. Остается сопоставить альтернативы S_2, S_3, S_5, S_7, S_9 и S_{10} .

Переходим к рангу 2. Следуя [2], выделяем оптимальные и неоптимальные варианты, а также остаток (5*).

Имеем ранг 2 – $M_{2р} = \{S_2, S_3, S_5, S_9\}$ и ранг 3 – $M_{3р} = \{S_7, S_{10}\}$. Ранговая структура синтезирована в полном объеме.

При максимизации второго показателя и минимизации двух других получено $M_{эф} = \{S_4, S_5, S_9, S_{10}\}$. Подлежат сравнению альтернативы S_1 – S_3 и S_6 – S_8 (6*).

Находим $M_{2р} = \{S_2, S_3, S_7, S_8\}$ и $M_{3р} = \{S_1, S_6\}$. Итого три ранга.

При минимизации первого показателя и максимизации двух других $M_{эф} = \{S_1, S_2, S_4, S_5, S_7, S_8, S_{10}\}$. Требуется исследовать варианты S_3, S_6 и S_9 (7*).

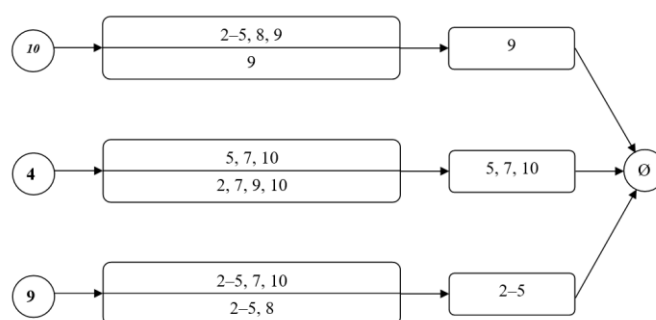
Получим $M_{2р} = \{S_3, S_6\}$ и $M_{3р} = \{S_9\}$.

$\begin{pmatrix} 6 & 9 & 3 \\ 6 & 9 & 3 \\ 9 & 3 & 6 \end{pmatrix}$		$\begin{pmatrix} 8 & 3 & 2 & 4 & 5 \\ 4 & 5 & 8 & 2 & 3 \\ 8 & 2 & 3 & 4 & 5 \end{pmatrix}$	
Неоптимальны	Оптимальны	Неоптимальны	Оптимальны
9	3 6	4 8	5 3
	Решение 3, 6	Остаток 2	Решение 2, 3, 5
7*		8*	

$$\begin{pmatrix} 10 & 7 & 5 & 4 & 2 & 3 & 9 & 8 & 1 & 6 \\ 6 & 1 & 7 & 10 & 9 & 3 & 2 & 8 & 5 & 4 \\ 9 & 10 & 5 & 7 & 4 & 3 & 2 & 6 & 8 & 1 \end{pmatrix}$$

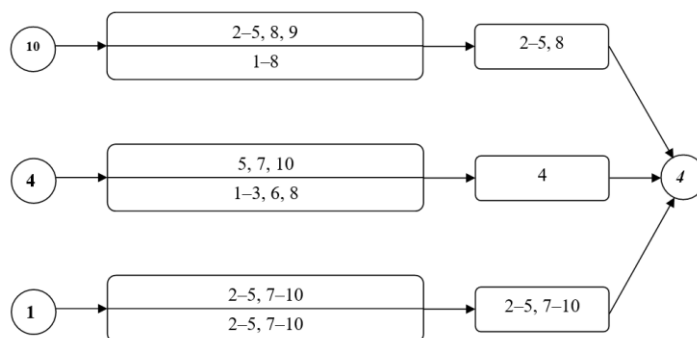
9*

$$\begin{pmatrix} 6 & 1 & 8 & 9 & 3 & 2 & 4 & 5 & 7 & 10 \\ 6 & 1 & 7 & 10 & 9 & 3 & 2 & 8 & 5 & 4 \\ 1 & 8 & 6 & 2 & 3 & 4 & 7 & 5 & 10 & 9 \end{pmatrix}$$

10*

$$\begin{pmatrix} 6 & 1 & 8 & 9 & 3 & 2 & 4 & 5 & 7 & 10 \\ 6 & 1 & 7 & 10 & 9 & 3 & 2 & 8 & 5 & 4 \\ 9 & 10 & 5 & 7 & 4 & 3 & 2 & 6 & 8 & 1 \end{pmatrix}$$

11*

В ситуации минимизации показателей $M_{эф} = \{S_1, S_6, S_7, S_9, S_{10}\}$. Предстоит сопоставить альтернативы S_2 – S_5 и S_8 (8*).

Здесь $M_{2p} = \{S_2, S_3, S_5\}$ и $M_{3p} = \{S_4, S_8\}$.

Остается задействовать правый трек оптимизационной модели (см. рис.). Анализ начнем с максимизации показателей (9*).

Следуя рекомендациям [4], определяем крайние правые опорные варианты с номерами 6, 4 и 1 (жирное начертание).

По показателю K_2 система 6 уступает прочим, а по K_3 – альтернативам 1 и 8. С улучшением обоих показателей переходим к множеству $M_6 = \{S_1, S_8\}$.

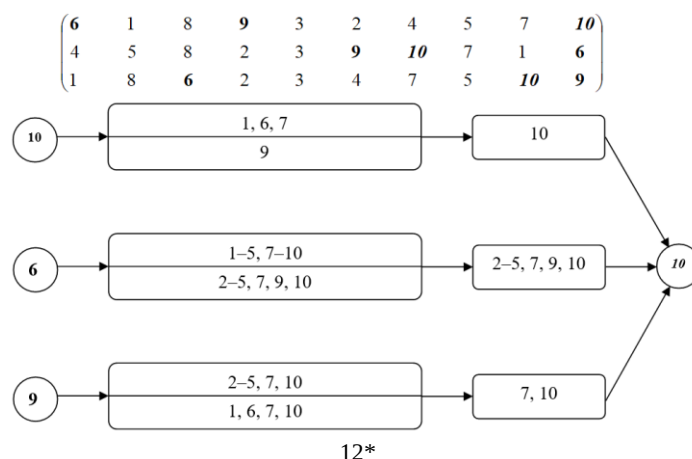
По показателю K_1 система 4 уступает вариантам 1–3, 6, 8 и 9, а по K_3 – 1–3, 6 и 8. Имеем $M_4 = \{S_1, S_2, S_3, S_6, S_8\}$.

По показателю K_1 система 1 уступает альтернативе 6, а по K_2 – вариантам 2–5 и 7–10. Здесь $M_1 = \{S_1\}$.

Синтезируем точечное решение (проструктуру) $M_T = \{S_1, S_8\} \cap \{S_1, S_2, S_3, S_6, S_8\} \cap \{S_1\} = \{S_1\}$ (обозначено курсивом).

Обратимся к ситуации минимизации показателей K_1 и K_3 и максимизации K_2 (10*).

Пересечений нет. Остается принять за главный один из коэффициентов. По K_1 и находим $M_T = \{S_{10}\}$. Опорные варианты здесь и далее

отмечены жирным шрифтом, а точечное решение – дополнительно курсивом.

Рассмотрим минимизацию K_1 и максимизацию K_2 и K_3 (11*).

Пересечение имеется и $M_T = \{S_4\}$.

Минимизация показателей (12*).

Здесь $M_T = \{S_{10}\}$. Таким образом, проход всех треков модели завершен, ее сущность ясна.

Заключение

Изложенная оптимизационная модель займет подобающее место в теории и методологии принятия решений в экономике и будет востребована при формировании научного аппарата компаративного анализа широкого многообразия экономических систем на различных уровнях иерархии при исследовании сложных задач оценки устойчивости, безопасности, инновационности, эффективности, финансового состояния и пр. базовыми стейкхолдерами в лице руководителей (представителей) министерств, ведомств и департаментов, собственников, менеджеров, инвесторов, кредиторов и иных участников экономических отношений.

Список литературы

1. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России: Монография / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: Анкил, 2013. 683 с.
2. Лапаев Д.Н. Многокритериальное принятие решений в экономике: Монография. 2-е изд. Нижний Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2016. 281 с.
3. Лапаев Д.Н., Лапаева О.Н. Многокритериальное сравнение альтернатив в экономике: Монография. Нижний Новгород: Волжск. гос. инж.-пед. ун-т, 2011. 215 с.
4. Лапаева О.Н. Многокритериальная оценка экономического состояния предприятий и отраслей промышленности и выбор предпочтительных альтернатив: Монография. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2015. 145 с.

тернатив: Монография. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2015. 145 с.

5. Лапаева О.Н. Многопроекционная оценка состояния промышленных экономических систем: Монография. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2018. 371 с.
6. Лапаева О.Н. Многопроекционная сравнительная оценка альтернатив в экономике: Монография. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2017. 210 с.

7. Митякова О.И. Проблемы устойчивого развития экономики России на основе инновационных преобразований: Монография. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2009. 245 с.
8. Модернизация и экономическая безопасность России: в 6 т. / Под ред. В.А. Цветкова. М., СПб.: Нестор-История, 2016. Т. 6. 708 с.
9. Преодолевая пределы роста. Основные положения доклада для Римского клуба: Монография / Под ред. В.А. Садовниченко. М.: МГУ, 2023. 99 с.

10. Экономическая безопасность регионов России: Монография / Под ред. С.Н. Митякова. 3-е изд. Нижний Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2019. 299 с.
11. Экономическая безопасность России в новой реальности: Монография / Под ред. А.Е. Городецкого. М.: Ин-т экономики РАН, 2021. 325 с.
12. Экономическая безопасность России: теоретическое обоснование и методы регулирования: Монография / Под ред. А.Е. Городецкого. М.: Ин-т экономики РАН, 2023. 361 с.

13. Парето В. Компендиум по общей социологии: Пер. с итал. М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2007. 511 с.

14. Парето В. Трансформация демократии: Пер. с итал. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 154 с.
15. Парето В. Учебник политической экономии: Пер. с франц. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 472 с.

16. Подиновский В.В., Ногин В.Д. Парето-оптимальные решения многокритериальных задач. М.: Физматлит, 2007. 256 с.
17. Экономико-математический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.И. Данилов-Данильян. М.: ИНФРА-М, 2003. 688 с.

18. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2009. 568 с.

**MULTICRITERIA OPTIMIZATION MODEL OF COMPARATIVE
ASSESSMENT OF THE STATE OF ECONOMIC SYSTEMS*****D.N. Lapaev***

Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

The article develops an optimization, deterministic, dynamic model of comparative assessment of the state of economic systems based on a set of indicators. The main part includes principles, methods and techniques of multi-criteria selection. Depending on the specifics of goal setting, three tracks are implemented: formation of a Pareto set, multi-criteria ranking or selection of the best alternative. According to the model, the effective set is formed based on the Pareto selection technique. The rank structure is revealed using the ranking method. The best system is determined by analyzing the fine structure. In order to move to a future point in time, it is necessary to make an appropriate forecast of the state. The model provides an adjustment element designed to ensure goal achievement. The results of model experiments are given. The proposed optimization model will take its rightful place in the theory and methodology of decision-making in economics and will be in demand in the formation of a scientific apparatus for comparative analysis of a wide variety of economic systems at various levels of hierarchy in the study of complex problems of assessing sustainability, security, innovation, efficiency, financial condition, etc. by basic stakeholders represented by heads (representatives) of ministries, agencies and departments, owners, managers, investors, creditors and other participants in economic relations.

Keywords: economic system, optimization model, Pareto principle, efficient set, rank, structure, stability, security, innovation, efficiency.

УДК 336.76; 338.27

DOI 10.52452/18115942_2025_2_71

ВЛИЯНИЕ КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РФ НА КОТИРОВКИ АКЦИЙ ПАО «СБЕРБАНК»

© 2025 г.

Л.И. Теньковская

Теньковская Людмила Игоревна, к.э.н.; доц.; аналитик фондового рынка
ПАО «Московская биржа ММВБ-РТС»
tenkovskaya.lyudmila@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 11.04.2025**Статья принята к публикации 29.04.2025*

Для российской экономики проблемой является высокая инфляция, так как с целью замедления темпов ее роста Центральный банк РФ существенно повышает ключевую ставку. В нашей стране большие процентные ставки негативно воздействуют на экономическую ситуацию, потому что ограничивают кредитование и снижают экономическую эффективность коммерческих банков, что вызывает падение котировок акций банковского сектора. Однако при низком уровне безработицы на фоне высоких процентных ставок котировки акций банковского сектора держатся на максимальных уровнях, сформировавшихся в пределах экономического цикла. Цель научного исследования – разработка и апробация методологии прогнозирования котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» в зависимости от ключевой ставки Центрального банка РФ, учитывающей уровень безработицы в России и цикличность экономического развития. Разработанная методология предполагает применение следующих научных методов: анализ, синтез, графический, табличный, ADF-тест, KPSS-тест, корреляционный и регрессионный анализ, метод центрированного скользящего среднего, экономико-математическое моделирование и прогнозирование. В ходе научной работы установлено, что котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» не уменьшаются из-за высокой ключевой ставки Центрального банка РФ при низком уровне безработицы в России.

Ключевые слова: котировки акций, банковский сектор, Центральный банк РФ, ПАО «Сбербанк», ключевая ставка, уровень безработицы, экономические циклы, методология, моделирование, прогнозирование.

Введение

В представленной научной статье выдвигается гипотеза о том, что ключевая ставка Центрального банка РФ до сих пор оказывает негативное влияние на котировки акций ПАО «Сбербанк»: повышение процентной ставки снижает стоимость акций компании. Дело в том, что в прошлом на основе зависимости от процентной ставки центрального банка можно было сделать прогноз котировок акций банковского сектора. Однако в настоящее время описанная негативная связь не прослеживается. Так, котировки акций ПАО «Сбербанк» долгое время находились на высоких уровнях, несмотря на жесткую денежно-кредитную политику Центрального банка РФ. Целесообразно установить причины данного явления.

Тема настоящего исследования является актуальной, потому что предполагает раскрытие новой информации о методологии и результатах прогнозирования котировок акций банковского сектора на основе влияния процентной ставки центрального банка.

Цель научного изыскания – разработать и апробировать методологию прогнозирования котировок обыкновенных акций ПАО «Сбер-

банк» в зависимости от ключевой ставки Центрального банка РФ.

Задачи научной проработки: изучить теоретические аспекты прогнозирования котировок акций банковского сектора; разработать методологию прогнозирования котировок акций ПАО «Сбербанк»; сделать прогноз котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» в зависимости от ключевой ставки Центрального банка РФ с использованием разработанной методологии.

Научная новизна данной исследовательской работы: разработана и апробирована методология прогнозирования котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» в зависимости от ключевой ставки Центрального банка РФ, учитывающая цикличность экономики и уровень безработицы в России.

Практическая значимость приведенного научного труда заключается в том, что его результаты могут быть полезны инвесторам для создания инвестиционных стратегий, топ-менеджерам компании ПАО «Сбербанк» для эффективного корпоративного управления, государственным служащим для реализации экономической политики.

Теоретические аспекты прогнозирования котировок акций банковского сектора

Практика показала, что ключевая ставка Центрального банка РФ воздействует на котировки акций ПАО «Сбербанк»: когда процентная ставка снижается, стоимость акций увеличивается; во время повышения процентной ставки котировки акций снижаются. Исходя из этой закономерности, целесообразно заключить, что прогноз котировок акций ПАО «Сбербанк» может быть сделан в зависимости от денежно-кредитной политики Центрального банка РФ.

Во-первых, обратимся к научной литературе, которая отражает взаимосвязь монетарной политики центральных банков и эффективности деятельности коммерческих банков. Мировое сообщество относит Россию к категории развивающихся государств. Установлено, что в нашей стране, как и в других развивающихся странах, во времена подъема в экономике заемщики возвращают кредитные средства коммерческим банкам, укрупняется и стабилизируется банковский сектор, потому что улучшается внешняя среда, в частности, процентные ставки находятся на низком уровне [1]. Напротив, большая доля невозвращенных кредитов отрицательно сказывается на прибыльности коммерческих банков [2]. Чаще всего это происходит потому, что кредитные ресурсы становятся более дорогими, так как центральные банки повышают процентные ставки для подавления инфляции. Теоретически они нацелены на процентную ставку прежде всего для обеспечения стабильности финансовой системы [3]. Фактически, мягкая денежно-кредитная политика позитивно сказывается на котировках акций банковского сектора, а жесткая монетарная политика оказывает отрицательное воздействие на стоимость приведенных инвестиционных активов.

Во-вторых, посмотрим на частные случаи практического использования процентных ставок центральными банками разных стран. В Иране было ограничено регулирование центральным банком и банковским сектором процентной ставки и обменного курса национальной валюты. В результате пострадала инвестиционная деятельность: на фоне инфляции разрослись спекуляции; отсутствовала взаимосвязь между фондовым рынком и процентной ставкой [4]. В Египте монетарная политика позитивна для экономической активности, но только в долгосрочной перспективе. Кроме того, она способствует улучшению номинальных показателей экономического роста, а не реальных величин [5]. В Пакистане банковский сектор не влияет на экономический подъем. Однако рост

валового внутреннего продукта расширяет кредитование и активизирует Государственный банк Пакистана делать его более доступным [6]. В России санкциями западных стран, которые ослабили курс российского рубля и вынудили Центральный банк РФ поднять ключевую ставку, была ограничена международная инвестиционная деятельность [7]. В Швейцарии процентные ставки имеют связь с хозяйственной системой, в особенности со сферой недвижимости [8]. В связи с этим для экономики данной страны полезны низкие процентные ставки, которые легко достигаются за счет ограниченного роста инфляции благодаря крепкому швейцарскому франку – валюте-убежищу [9]. Помимо всего прочего, банковский сектор Швейцарии в своей деятельности опирается на состояние фондового рынка, поэтому влияет на него [10]. В странах Запада центральные банки имеют высокую степень надежности и доверия, поэтому их отклонения от правил монетарной политики бывают оправданны: в краткосрочном периоде низкие процентные ставки существуют при высокой инфляции [11]. В международной экономике ожидаются последствия ввода цифровых валют: расширение области применения монетарной политики; уменьшение потребности в депозитах; увеличение процентных ставок; сокращение предложения кредитов; снижение риска и прибыльности коммерческих банков [12; 13]. Итак, денежно-кредитная политика центральных банков часто бывает связана с реальной экономикой и фондовым рынком. Однако такая связь является неоднозначной. В частности, нельзя утверждать, что высокая ключевая ставка Центрального банка РФ снизит экономическую эффективность ПАО «Сбербанк» и негативно отразится на котировках акций данной компании.

В-третьих, для того чтобы понять, исследовалось ли воздействие ключевой ставки Центрального банка РФ на котировки акций ПАО «Сбербанк», изучим существующие методологии их прогнозирования. В процессе экономико-математического моделирования временные ряды котировок акций ПАО «Сбербанк» исследуются на стационарность с применением теста Дики–Фуллера [14]. С целью точного прогнозирования во временных рядах котировок акций ПАО «Сбербанк» обнаруживаются и корректируются выбросы следующими методами: опорных векторов, Z-score, изолирующего леса, множественного вменения, винсоризации [15]. Даны рекомендации по выявлению тенденций и сезонности в котировках акций ПАО «Сбербанк»: для расчетов задействовать пакет Prophet в Python [16]. С целью предвидения будущих

значений стоимости акций ПАО «Сбербанк» широко используется корреляционно-регрессионный анализ. С помощью этого метода определено воздействие на котировки акций ПАО «Сбербанк» финансовых показателей компаний, фондовых индексов, внешнеэкономических факторов [17; 18]. Предсказание цены анализируемых инвестиционных активов может основываться на ее высокой волатильности, устанавливаемой посредством среднеквадратического отклонения [19]. Снижение котировок акций банков в периоды банковских кризисов прогнозируется с помощью инструментов машинного обучения: моделирования, эволюции и динамики временного ряда, локальных тенденций, лагированных переменных, дополнительных переменных (например, инфляции, процентной ставки, цен на акции, цен на жилье) [20]. Как правило, при расчете будущих значений котировок акций банковского сектора учитывается цикличность экономического развития: выделяются фазы снижения и повышения показателя. В частности, цена акций ПАО «Сбербанк» зависит от состояния глобальной финансовой системы, что выяснилось на этапе экономического кризиса 2008 года [21]. В это время коммерческие банки имели высокую концентрацию, власть и влияние на другие сферы экономики [22]. В условиях валютного кризиса 2014 года для ПАО «Сбербанк» негативными факторами являлись санкции западных стран: ограничения на иностранные инвестиции, заимствования и платежные системы [23–25]. В 2020 году на котировки акций ПАО «Сбербанк» негативно повлияла пандемия коронавируса COVID-19, остановившая экономическую активность в мире и обрушившая фондовые рынки всех стран [26–28]. Однако нужно отметить, что во время пандемии усилилась цифровизация банковской сферы, это поддержало стоимость приведенных инвестиционных активов [29]. Следующий кризис коснулся российской хозяйственной системы в 2022 году в период военной операции России на Украине: западные санкции обрушили котировки акций ПАО «Сбербанк», поскольку затруднили международную деятельность [30]. В настоящее время ПАО «Сбербанк» отчитывается о хорошей прибыльности благодаря использованию финансовых инновационных технологий и активному кредитованию [31–34]. Ограничивают рост котировок акций ПАО «Сбербанк» геополитические риски, высокие процентные ставки [35]. Считается, что позитивное воздействие на ПАО «Сбербанк» окажут цифровизация и приватизация исследуемой компании [36–41]. Таким образом, прогнозирование котировок акций бан-

ковского сектора, в частности компании ПАО «Сбербанк», является распространенным явлением в российской и зарубежной научной литературе. Оно учитывает и воздействие ключевой ставки Центрального банка РФ на котировки акций ПАО «Сбербанк». Признается тот факт, что высокая процентная ставка Банка России негативно отражается на кредитовании физических и юридических лиц, поэтому снижает экономическую эффективность ПАО «Сбербанк». В таком случае необходимо выяснить, можно ли в будущем строить прогнозы котировок акций ПАО «Сбербанк» в зависимости от ключевой ставки Центрального банка РФ.

Методология прогнозирования котировок акций ПАО «Сбербанк»

Прогнозирование котировок акций ПАО «Сбербанк» основано на влиянии ключевой ставки Центрального банка РФ и уровня безработицы в России. Статистические данные о представленных показателях получены с сайта <https://ru.investing.com> за период октябрь 2006 года – ноябрь 2024 года. Временные ряды показателей за февраль 2009 года – ноябрь 2024 года поделены на отрезки, охватывающие экономические циклы, начинающиеся и заканчивающиеся экономическими кризисами. Деление необходимо для учета цикличности экономического развития. Короткие временные ряды проверены на стационарность с помощью ADF-теста, KPSS-теста.

В пределах выделенных экономических циклов построены уравнения парной линейной регрессии и полиномиальной регрессии, отражающие соответственно сформировавшуюся линейную и нелинейную связь ключевой ставки Центрального банка РФ и котировок акций ПАО «Сбербанк». Данные уравнения прошли оценку по параметрам: коэффициент корреляции; коэффициент эластичности; ошибка аппроксимации; коэффициент детерминации; t -статистика; F -статистика.

С целью отражения одновременного воздействия ключевой ставки Центрального банка РФ и уровня безработицы в России на котировки акций ПАО «Сбербанк» построено уравнение множественной линейной регрессии за долгосрочный отрезок времени (октябрь 2006 года – ноябрь 2024 года), поскольку корреляционно-регрессионный анализ в пределах экономических циклов не позволяет рассчитать уравнения множественной линейной регрессии с приведенными факторами из-за мультиколлинеарности независимых факторов. В долгосрочном периоде мультиколлинеарность отсутствует.

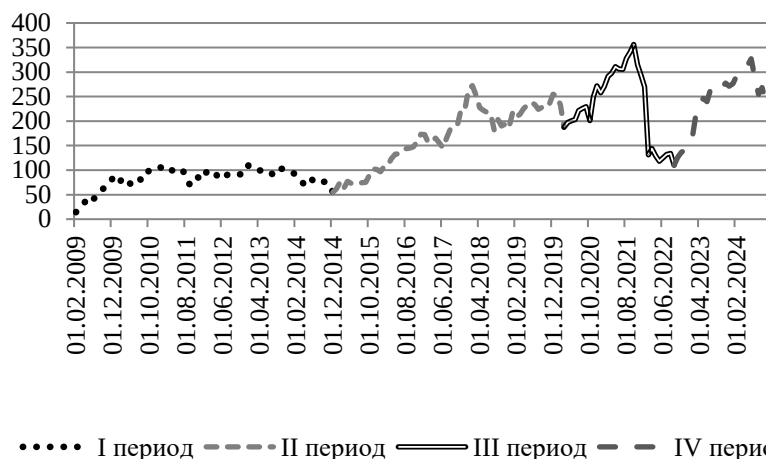

Рис. 1. Котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», российские рубли за акцию.
Источник: https://ru.investing.com/equities/sberbank_rts.

Многолетние временные ряды представленных индикаторов прошли проверку на стационарность с помощью ADF-теста, KPSS-теста. Уравнение множественной линейной регрессии оценено по параметрам: средняя ошибка аппроксимации; коэффициенты эластичности; множественный коэффициент корреляции; коэффициент детерминации; t -статистика; F -статистика.

Для изучения связей между показателями выбран корреляционный и регрессионный анализ, потому что котировки акций ПАО «Сбербанк» реагируют на изменения ключевой ставки Центрального банка РФ и уровня безработицы в России моментально. Рассчитанные уравнения регрессии позволяют сделать прогноз котировок акций ПАО «Сбербанк» в зависимости от ключевой ставки Центрального банка РФ и уровня безработицы в России.

Результаты моделирования влияния ключевой ставки Центрального банка РФ на котировки акций ПАО «Сбербанк»

Научное исследование предполагает прогнозирование котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» в зависимости от ключевой ставки Центрального банка РФ, поскольку замечено, что ее рост вызывает падение стоимости приведенных инвестиционных активов. Считается, что высокие процентные ставки ограничивают кредитование и снижают прибыльность коммерческих банков. Для достижения поставленной цели проанализирован временной ряд с фактическими данными о котировках обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» за период февраль 2009 года – ноябрь 2024 года – отрезок времени, в котором финансовая система отдельных стран глобализована.

Представленный временной ряд поделен на более короткие отрезки, соответствующие экономическим циклам (рис. 1):

I периода (включает февраль 2009 года – декабрь 2014 года – время мирового финансового кризиса 2008–2009 годов, восстановления экономики, валютного кризиса в России);

II этапа (охватывает декабрь 2014 года – март 2020 года – период валютного кризиса в России, экономического роста, кризиса в мировой экономике на фоне пандемии коронавируса Covid-19);

III интервала (относится к марту 2020 года – сентябрю 2022 года – пандемия коронавируса COVID-19, подъем в мировой экономике, крах российского фондового рынка на фоне специальной военной операции России на Украине);

IV фазы (вмещает сентябрь 2022 года – ноябрь 2024 года – кризис в российской экономике из-за санкций западных стран и военной операции, восстановление хозяйственной системы в России).

Короткие временные ряды котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» проверены на стационарность с помощью расширенного теста Дики–Фуллера и KPSS-теста: тестирование показало, что все временные ряды стационарны и могут быть использованы для экономико-математического моделирования (табл. 1).

Для прогнозирования котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» в пределах выделенных экономических циклов рассчитаны уравнения парной линейной регрессии и полиномиальной регрессии, отражающие воздействие ключевой ставки Центрального банка РФ на стоимость представленных инвестиционных активов.

Построены уравнения парной линейной регрессии соответственно I и II периодов, отражающие линейную связь изучаемых показателей:

Таблица 1

Результаты ADF-теста, KPSS-теста							
Показатели (фактические данные)	Периоды	Расширенный тест Дики–Фуллера				KPSS-тест	
		Тест с константой		Тест с константой и трендом		Тестовая статистика	р- уровень
		Тестовая статистика	р- уровень	Тестовая статистика	р- уровень		
Котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», российские рубли за акцию	I	–3.311	0.014	–2.175	0.503	0.634	0.024
Решение по процентной ставке ЦБ РФ, %		–2.443	0.130	–1.956	0.625	0.793	< 0.01
Котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», российские рубли за акцию	II	–1.859	0.352	–1.230	0.903	1.481	< 0.01
Решение по процентной ставке ЦБ РФ, %		–0.872	0.798	–2.227	0.474	1.541	< 0.01
Котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», российские рубли за акцию	III	–0.627	0.862	–1.098	0.928	0.324	> 0.10
Решение по процентной ставке ЦБ РФ, %		0.515	0.987	0.802	1.000	0.669	0.017
Котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», российские рубли за акцию	IV	–2.521	0.110	–0.886	0.956	0.724	< 0.01
Решение по процентной ставке ЦБ РФ, %		0.400	0.983	–2.952	0.146	0.937	< 0.01

Источник: рассчитано автором

$$y = 173.3318 - 10.8114 \cdot x, \quad (1)$$

$$y = 393.3901 - 24.4572 \cdot x. \quad (2)$$

Построены уравнения полиномиальной регрессии соответственно III и IV периодов, учитывающие нелинейную связь между исследуемыми индикаторами:

$$y = 263.3386 - 9.1531 \cdot x + 0.0797 \cdot x^2, \quad (3)$$

$$y = 51.4675 + 20.975 \cdot x - 0.4227 \cdot x^2. \quad (4)$$

Здесь y – котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», российские рубли за акцию; x – ключевая ставка Центрального банка РФ, % (ранее – ставка рефинансирования ЦБ РФ).

Необходимо отметить, что временной ряд ключевой ставки Центрального банка РФ III периода сглажен с помощью метода центрированного скользящего среднего для улучшения качества экономико-математической модели.

Представленные уравнения регрессии оценены на предмет статистической значимости и надежности (табл. 2). Оценка показала, что эти уравнения могут быть использованы для прогноза, потому что имеют хорошее качество.

Расчеты показали, что между котировками обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» и ключевой ставкой Центрального банка РФ действительно существует связь: в I – III периодах связь отрицательная – с повышением ключевой став-

ки котировки акций снижаются; в IV периоде связь положительная – с повышением ключевой ставки котировки акций повышаются. Необходимо выяснить причину, по которой котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» повышаются, несмотря на жесткую денежно-кредитную политику Банка России. С этой целью стоит найти связь между котировками обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», ключевой ставкой Центрального банка РФ, уровнем безработицы в России. Дело в том, что, скорее всего, при низком уровне безработицы возврат кредитных ресурсов гарантирован в большей степени.

Поэтому исследуются временные ряды с фактическими статистическими данными о котировках обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», ключевой ставке Центрального банка РФ, об уровне безработицы в России за долгосрочный период времени, охватывающий октябрь 2006 года – ноябрь 2024 года. Такой временной интервал выбран, потому что можно построить качественное уравнение множественной линейной регрессии с задействованием данных этого периода. Представленные временные ряды проверены на стационарность и могут быть использованы для экономико-математического моделирования (табл. 3).

Таблица 2

Оценка уравнений парной линейной регрессии и полиномиальной регрессии котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» и ключевой ставки Центрального банка РФ

Индикаторы		Порядковый номер уравнения			
		1	2	3	4
Коэффициент корреляции R		-0.820	-0.888	-	-
Коэффициент эластичности E		-1.089	-1.333	-	-
Ошибка аппроксимации A, %		14.34	17.83	-	-
Коэффициент детерминации R ²		0.672	0.789	0.600	0.895
Критерии Стьюдента	t _{табл.}	2.291	2.291	-	-
	t _b	11.890	15.210	-	-
	t _a	22.420	25.870	-	-
Критерии Фишера	F _{расч.}	141.275	231.275	-	-
	F _{табл.}	3.978	3.978	-	-
t-статистика	β ₀	-	-	15.701 (p-уровень 0)	6.125 (p-уровень 0)
	β ₁	-	-	-7.076 (p-уровень 0)	19.156 (p-уровень 0)
	β ₂	-	-	5.202 (p-уровень 0)	-20.594 (p-уровень 0)
F-статистика		-	-	44.228 (p-уровень 0)	217.369 (p-уровень 0)

Источник: рассчитано автором

Таблица 3

Результаты ADF-теста, KPSS-теста (октябрь 2006 года – ноябрь 2024 года)

Показатели (фактические данные)	Расширенный тест Дики-Фуллера				KPSS-тест	
	Тест с константой		Тест с константой и трендом		Тестовая статистика	p-уровень
	Тестовая статистика	p-уровень	Тестовая статистика	p-уровень		
Котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», российские рубли за акцию	-1.892	0.336	-3.895	0.012	3.295	< 0.01
Решение по процентной ставке ЦБ РФ, %	-1.543	0.512	-1.222	0.905	0.299	> 0.10
Уровень безработицы в России, %	-0.891	0.792	-3.659	0.025	3.012	< 0.01

Источник: рассчитано автором

Построено уравнение множественной линейной регрессии, которое отражает зависимость котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» (в российских рублях за акцию) (y) не только от ключевой ставки Центрального банка РФ (в %) (x₁), но и от уровня безработицы в России (в %) (x₂):

$$y = 441.2926 - 6.3869 \cdot x_1 - 43.3156 \cdot x_2. \quad (5)$$

Оценка уравнения множественной линейной регрессии показала: мультиколлинеарность факторов отсутствует – между независимыми факторами нет коэффициента корреляции ≥ 0.700 ; средняя ошибка аппроксимации A=43.92%; коэффициенты эластичности: E₁=-0.403, E₂=-1.590; множественный коэффициент корреляции R=0.716; коэффициент детерминации R²=0.512; критерии Стьюдента показывают статистическую значимость коэффициентов регрессии: t_{табл.}=2.2447; t₀=19.918, t₁=4.980, t₂=14.948; критерий Фишера отражает статистическую надежность уравнения регрессии: F_{табл.}=3.0369; F_{расч.}=112.898.

Полученная пятая экономико-математическая модель была использована для прогнозирования котировок обыкновенных акций ПАО «Сбер-

банк» в IV периоде с целью объяснения позитивного влияния жесткой денежно-кредитной политики на акции банковского сектора (рис. 2).

Рисунки 2, 3 демонстрируют, что жесткая денежно-кредитная политика Банка России не снижает котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» при низком уровне безработицы в нашей стране, так как высокая занятость помогает справляться с возвратом денежных средств, полученных в заем от коммерческих банков по высоким процентным ставкам.

Обсуждение и заключение

Итак, представленное научное исследование говорит о том, что котировки акций ПАО «Сбербанк» действительно можно спрогнозировать на основе влияния ключевой ставки Центрального банка РФ. Однако такое возможно в том случае, когда ключевая ставка Центрального банка РФ оказывает не прямое, а обратное воздействие на котировки акций ПАО «Сбербанк». В ситуации нарушения этой связи для предсказания стоимости акций ПАО «Сбербанк» целесообразно опираться не только на

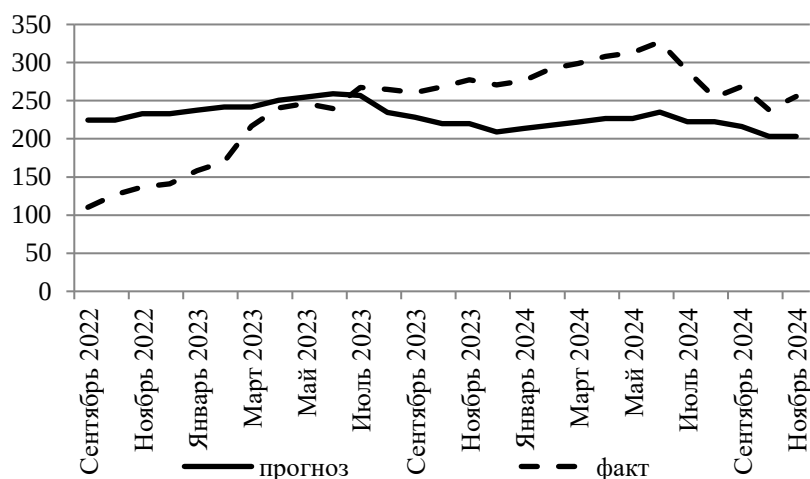

Рис. 2. Котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» в IV периоде, российские рубли за акцию
Источники: https://ru.investing.com/equities/sberbank_rts; рассчитано автором

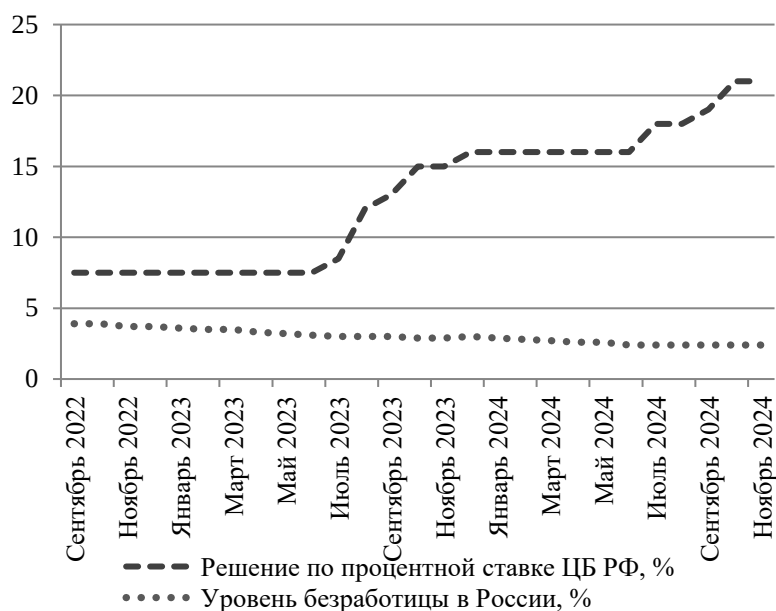

Рис. 3. Факторы котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк»
Источники: <https://ru.investing.com/economic-calendar/russian-interest-rate-decision-554>;
<https://ru.investing.com/economic-calendar/russian-unemployment-rate-556>;
https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/; https://rosstat.gov.ru/labour_force

статистические данные о процентной ставке Центрального банка РФ, но и на значения уровня безработицы в России. Дело в том, что низкий уровень безработицы или высокая занятость населения позволяют возвращать кредиты коммерческим банкам, взятые под довольно-таки большие проценты. Высокая занятость населения предполагает получение относительно больших доходов, которые и обеспечивают возврат заемных средств с процентами.

Приведенная научная проработка свидетельствует о том, что цель достигнута – разработана и апробирована методология, позволяющая предсказывать котировки акций ПАО «Сбербанк» в зависимости от ключевой ставки Цен-

трального банка РФ и уровня безработицы в России. Дело в том, что в нашей стране имеет место высокая инфляция, поэтому Банк России часто повышает процентную ставку, что негативно сказывается на кредитовании. Поэтому коммерческие банки болезненно реагируют на высокие процентные ставки. Улучшить экономическую ситуацию может низкий уровень безработицы, указывающий на способность населения возвращать заемные средства.

Теоретические аспекты прогнозирования котировок акций банковского сектора показали, что ранее изучалось воздействие процентной ставки центрального банка на стоимость акций коммерческих банков. Однако совокупное влия-

яние ключевой ставки Центрального банка РФ и уровня безработицы в России на котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» ранее не исследовалось. Разработанная методология как раз и предполагает оценку и учет указанных факторов. Сделанный прогноз котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» на основе предложенной методологии показал, что высокие процентные ставки при низком уровне безработицы не снижают котировки акций коммерческих банков.

Представленная научная работа имеет значение для дальнейших исследований. Так, работая в данном направлении, можно установить конкретные уровни ключевой ставки Центрального банка РФ и безработицы в России, при которых котировки акций ПАО «Сбербанк» держатся на высоких значениях в пределах экономических циклов. Предложенная методология прогнозирования котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» значима для науки, поскольку помогает решить проблемы инвестирования на российском фондовом рынке.

Список литературы

- Goyal S., Singhal N., Mishra N. et al. The impact of macroeconomic and institutional environment on NPL of developing and developed countries // *Future Business Journal*. 2023. № 9. 45. DOI: 10.1186/s43093-023-00216-1.
- Iqbal S., Nosheen S. Moderating impact of non-performing loans on the relationship between sustainable development goals and the financial performance of banks // *Future Business Journal*. 2023. № 9. 46. DOI: 10.1186/s43093-023-00224-1.
- Ullah S., Ullah A., Zaman M. Nexus of governance, macroeconomic conditions, and financial stability of banks: a comparison of developed and emerging countries // *Financial Innovation*. 2024. № 10. 30. DOI: 10.1186/s40854-023-00542-x.
- Sadeghi A., Marzban H., Samadi A.H. et al. Financial intermediaries and speculation in the foreign exchange market: the role of monetary policy in Iran's economy // *Journal of Economic Structures*. 2022. № 11. 13. DOI: 10.1186/s40008-022-00271-x.
- El Husseiny I.A. The relative effectiveness of fiscal and monetary policies in promoting Egypt's output growth: an empirical investigation using an ARDL approach // *Journal of Economic Structures*. 2023. № 12. 4. DOI: 10.1186/s40008-023-00298-8.
- Mushtaq S. Causality between bank's major activities and economic growth: evidences from Pakistan // *Financial Innovation*. 2016. № 2. 7. DOI: 10.1186/s40854-016-0024-y.
- Andreff W., Andreff M. Multinational companies from transition economies and their outward foreign direct investment // *Russian Journal of Economics*. 2017. Vol. 3 (4). P. 445–474. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.12.008.
- Vonlanthen J. Interest rates and real estate prices: a panel study // *Swiss Journal of Economics and Statistics*. 2023. № 159. 6. DOI: 10.1186/s41937-023-00111-0.
- Bacchetta P., Benhima K., Renne J.P. Understanding Swiss real interest rates in a financially globalized world // *Swiss Journal of Economics and Statistics*. 2022. № 158. 16. DOI: 10.1186/s41937-022-00095-3.
- Birchler U.W., Facchinetti M. Can Bank Supervisors Rely on Market Data? A Critical Assessment from a Swiss Perspective // *Swiss Journal of Economics and Statistics*. 2007. № 143. P. 95–132. DOI: 10.1007/BF03399235.
- Canetg F. Strategic deviations in optimal monetary policy // *Swiss Journal of Economics and Statistics*. 2021. № 157. 3. DOI: 10.1186/s41937-021-00071-3.
- Jun J., Yeo E. Central bank digital currency, loan supply, and bank failure risk: a microeconomic approach // *Financial Innovation*. 2021. № 7. 81. DOI: 10.1186/s40854-021-00296-4.
- Baeriswyl R., Reynard S., Swoboda A. Retail CBDC purposes and risk transfers to the central bank // *Swiss Journal of Economics and Statistics*. 2024. № 160. 7. DOI: 10.1186/s41937-024-00124-3.
- Смирнова И.В., Клянина Л.Н. Определение порядка интегрируемости экономических временных рядов // *Инженерный вестник Дона*. 2016. № 2 (41). С. 42.
- Золотова Т.В., Волкова Д.А. Методы интеллектуальной обработки данных для коррекции атипичных значений котировок акций // *Статистика и экономика*. 2022. Т. 19. № 2. С. 4–13. DOI: 10.21686/2500-3925-2022-2-4-13.
- Орлова И.В. Использование пакета Prophet в прогнозировании временных рядов // *Фундаментальные исследования*. 2021. № 3. С. 94–102.
- Боченина М.В., Нерадовская Ю.В., Мартюхин И.Ю. К вопросу о торговой стратегии на фондовом рынке России // *Вестник Российского университета кооперации*. 2020. № 4 (42). С. 16–20.
- Теньковская Л.И. Прогноз котировок акций ПАО «Сбербанк» с применением корреляционно-регрессионного анализа // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2023. Т. 9. № 1. С. 148–166. DOI: 10.21684/2411-197X-2023-9-1-148-166.
- Теньковская Л.И. Волатильность котировок акций ПАО «Сбербанк» в условиях глобальных экономических кризисов // *Общество, экономика, управление*. 2022. Т. 7. № 4. С. 34–43. DOI: 10.47475/2618-9852-2022-17406.
- Coffinet J., Kien J.N. Detection of rare events: A machine learning toolkit with an application to banking crises // *The Journal of Finance and Data Science*. 2019. Vol. 5 (4). P. 183–207. DOI: 10.1016/j.jfds.2020.04.001.
- Sruthi R., Shijin S. Investigating liquidity constraints as a channel of contagion: a regime switching approach // *Financial Innovation*. 2020. Vol. 6. 24. DOI: 10.1186/s40854-020-00185-2.
- Gonçalves M.P., Reis P.M.N., Pinto A.P. Bank Market Power, Firm Performance, Financing Costs and Capital Structure // *International Journal of Financial Studies*. 2024. Vol. 12 (1). 7. DOI: 10.3390/ijfs12010007.

23. Gurvich E., Prilepskiy I. The impact of financial sanctions on the Russian economy // *Russian Journal of Economics*. 2015. Vol. 1 (4). P. 359–385. DOI: 10.1016/j.ruje.2016.02.002.
24. Lepskiy A., Suevalov A. Application of the belief function theory to the development of trading strategies // *Procedia Computer Science*. 2019. Vol. 162. P. 235–242. DOI: 10.1016/j.procs.2019.11.280.
25. Meshkova T.A., Moiseichev E.I. Russia's experience of foresight implementation in global value chain research // *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 2016. Vol. 5. 9. DOI: 10.1186/s13731-016-0039-7.
26. Kien C.D., That N.H. Innovation Capabilities in the Banking Sector Post-COVID-19 Period: The Moderating Role of Corporate Governance in an Emerging Country // *International Journal of Financial Studies*. 2022. Vol. 10 (2). 42. DOI: 10.3390/ijfs10020042.
27. Ekinci C., Ersan O. Impact of the COVID-19 Market Turmoil on Investor Behavior: A Panel VAR Study of Bank Stocks in Borsa Istanbul // *International Journal of Financial Studies*. 2024. Vol. 12 (1). 14. DOI: 10.3390/ijfs12010014.
28. Fasano F., La Rocca M., Sánchez-Vidal F.J. et al. How Local Finance and Enforcement Shaped SME Credit Choices before and during the COVID Crisis // *International Journal of Financial Studies*. 2024. Vol. 12 (1). 10. DOI: 10.3390/ijfs12010010.
29. van Zeeland I., Pierson J. Changing the whole game: effects of the COVID-19 pandemic's accelerated digitalization on European bank staff's data protection capabilities // *Financial Innovation*. 2024. Vol. 10. 29. DOI: 10.1186/s40854-023-00533-y.
30. Ullah M., Sohag K., Khan S., Sohail H.M. Impact of Russia–Ukraine conflict on Russian financial market: Evidence from TVP-VAR and quantile-VAR analysis // *Russian Journal of Economics*. 2023. Vol. 9 (3). P. 284–305. DOI: 10.32609/j.ruje.9.105833.
31. Tarawneh A., Abdul-Rahman A., Mohd Amin S.I., Ghazali M.F. A Systematic Review of Fintech and Banking Profitability // *International Journal of Financial Studies*. 2024. Vol. 12 (1). 3. DOI: 10.3390/ijfs12010003.
32. Osei L.K., Cherkasova Y., Oware K.M. Unlocking the full potential of digital transformation in banking: a bibliometric review and emerging trend // *Future Business Journal*. 2023. Vol. 9. 30. DOI: 10.1186 /s43093-023-00207-2.
33. Istaiteyeh R., Milhem M.M., Najem F., Elsayed A. Determinants of Operating Efficiency for the Jordanian Banks: A Panel Data Econometric Approach // *International Journal of Financial Studies*. 2024. Vol. 12. 12. DOI: 10.3390/ijfs12010012.
34. Mikhaylov A., Dinçer H., Yüksel S. Analysis of financial development and open innovation oriented fintech potential for emerging economies using an integrated decision-making approach of MF-X-DMA and golden cut bipolar q-ROFSs // *Financial Innovation*. 2023. Vol. 9. 4. DOI: 10.1186/s40854-022-00399-6.
35. Saliba C., Farmanesh P., Athari S.A. Does country risk impact the banking sectors' non-performing loans? Evidence from BRICS emerging economies // *Financial Innovation*. 2023. Vol. 9. 86. DOI: 10.1186/s40854-023-00494-2.
36. Gorshkov V. Cashless payment in emerging markets: the case of Russia // *Asia and the Global Economy*. 2022. Vol. 2. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.aglobe.2022.100033.
37. Dehnert M. Sustaining the current or pursuing the new: incumbent digital transformation strategies in the financial service industry // *Business Research*. 2020. Vol. 13. P. 1071–1113. DOI: 10.1007/s40685-020-00136-8.
38. Martyanova E.V., Polbin A.V. General equilibrium model with the entrepreneurial sector for the Russian economy // *Russian Journal of Economics*. 2023. Vol. 9 (2). P. 109–133. DOI: 10.32609/j.ruje.9.105790.
39. Kosareva N., Polidi T. Assessment of gross urban product in Russian cities and its contribution to Russian GDP in 2000–2015 // *Russian Journal of Economics*. 2017. Vol. 3 (3). P. 263–279. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.09.003.
40. Radygin A., Simachev Y., Entov R. The state-owned company: «State failure» or «market failure»? // *Russian Journal of Economics*. 2015. Vol. 1 (1). P. 55–80. DOI: 10.1016/j.ruje.2015.05.001.
41. Abramov A., Radygin A., Chernova M. State-owned enterprises in the Russian market: Ownership structure and their role in the economy // *Russian Journal of Economics*. 2017. Vol. 3 (1). P. 1–23. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.02.001.

INFLUENCE OF THE KEY RATE OF THE CENTRAL BANK OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE QUOTATIONS OF SHARES OF PJSC SBERBANK

L.I. Tenkovskaya

PJSC Moscow Exchange MICEX-RTS

High inflation is a problem for the Russian economy, since the Central Bank of the Russian Federation significantly increases the key rate in order to slow down its growth. In our country, high interest rates have a negative impact on the economic situation, because they limit lending and reduce the economic efficiency of commercial banks, which causes a drop in stock prices in the banking sector. However, with a low level of unemployment against the background of high interest rates, stock prices in the banking sector remain at the maximum levels formed within the economic cycle. The purpose of the scientific research is to develop and test a methodology for forecasting quotes of ordinary shares of PJSC Sberbank depending on the key rate of the Central Bank of the Russian Federation, taking into account the unemployment rate in Russia and the cyclicity of economic development. The developed methodology involves the use of the following scientific methods: analysis, synthesis, graphical, tabular, ADF test, KPSS test, correlation and regression analysis, centered moving average method, economic and mathematical modeling and forecasting. Thus, in the course of scientific work it was established that the quotes of ordinary shares of PJSC Sberbank do not decrease due to the high key rate of the Central Bank of the Russian Federation with a low level of unemployment in Russia.

Keywords: stock quotes, banking sector, Central Bank of the Russian Federation, Sberbank PJSC, key rate, unemployment rate, economic cycles, methodology, modeling, forecasting.

УДК 336

DOI 10.52452/18115942_2025_2_80

ЗНАЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЛОГИСТИКИ НА ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2025 г.

В.С. Чеботарёв, Д.В. Назарычев, О.Л. Морозов, В.А. Ионов

Чеботарёв Владислав Стефанович, д.э.н.; проф.; главный научный сотрудник
кафедры экономики и менеджмента

Волжского государственного университета водного транспорта, Н. Новгород
vschebotarev@rambler.ru

Назарычев Дмитрий Валерьевич, к.э.н.; доц.; начальник кафедры финансов, налогов и кредита
учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям

Нижегородской академии МВД России
dnazarychev@mail.ru

Морозов Олег Леонидович, к.э.н.; заместитель начальника
Нижегородской академии МВД России (по научной работе)
morozoole@yandex.ru

Ионов Владимир Алексеевич, к.ю.н.; доц.; доцент кафедры экономики и права
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Павловский филиал)
ionovva@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.04.2025

Статья принята к публикации 30.04.2025

Цель настоящей работы заключается в систематизации факторов инновационного развития логистики на водном транспорте и определении ее значения для экономики России на современном этапе. В статье исследованы направления инновационного развития логистики на водном транспорте России на современном этапе развития страны. Дана характеристика отдельных составных частей отечественной транспортной логистики. Обозначены основания возрастающей потребности использования речных и морских маршрутов в транспортно-логистическом обслуживании как товарообращения между субъектами Российской Федерации, так и межгосударственного торгового оборота хозяйствующими структурами. Отмечено, что в рыночных условиях экономики преобладающими механизмами инновационного совершенствования логистики на водном транспорте, уровня ее конкурентной устойчивости и продвижения ее сервисов на рынках сбыта, с учетом общепринятой практики, должны стать логистические центры. Приведены примеры и факторы, определяющие значение инновационного развития логистики на водном транспорте.

Ключевые слова: логистика на водном транспорте, инновационное развитие, транспортно-логистическая сеть, логистический центр, товародвижение, товарооборот, экономические связи, обеспечение безопасности, инвестиционная привлекательность, судоходство.

Введение

Современная экономика Российской Федерации характеризуется исключением из государственных функций всеобъемлющего регламентирования функционирования экономических бизнес-структур, которое, в свою очередь, привело к их автономному определению алгоритмов, направлений, реестров, периодов и способов доставки товаров и элементов сервисного обеспечения. При этом процессы разгосударствления и реструктуризации водного транспортного отраслевого рынка дают возможность организациям и предприятиям, представляющим оферты по осуществлению логистической, справочной, консультационной и иной поддержки, которая требуется при перемещении материальных и нематериальных про-

дуктов производства водным транспортом, без ограничений продвигать свои предложения в зависимости от имеющегося спроса участников рыночных отношений [1, с. 100]. Данные обстоятельства стали базисом для формирования и востребованности указанного рынка услуг.

Тема настоящей статьи в последнее время становится все более актуальной в свете смены основных ориентиров в экономическом воззрении и в том или ином ракурсе неоднократно становилась предметом исследования в научных трудах известных ученых в области экономики и управления на транспорте: К.О. Анисимова, Е.О. Антипова, И.В. Беломестнова, В.И. Жмачинского, И.П. Каравашкина, В.Н. Кострова, А.Н. Мацуева, С.С. Чеботарева и других.

Однако их подходы зачастую ограничивались рассмотрением мер государственной под-

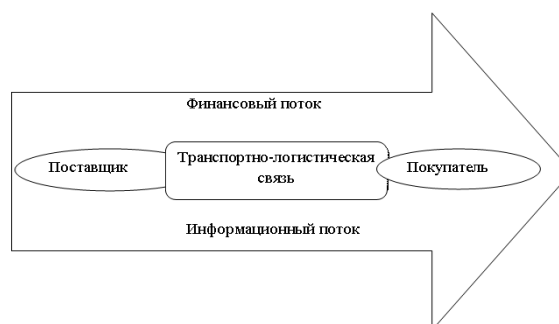

Рис. Атрибуты материального потока

держки либо оценкой соответствующего потенциала, в связи с чем меры инновационного развития данной сферы остались без должного внимания со стороны научного сообщества. При этом до настоящего времени не выработано достаточно четких научно-методических подходов к оценке значения инновационного развития логистики на водном транспорте для экономики России на современном этапе.

Отечественные механизмы, объединяющие совокупность действий по торговле различными видами продукции и сервисами, их транспортировке и доставке речными и морскими маршрутами, между потребителями и организациями по продажам и продвижению своих товаров, а также предприятиями, их производящими, базируются и эволюционируют на существующей системе транспортной логистики, которая включает в себя:

- алгоритмы и обеспечивающие инженерные объекты и сооружения, с помощью которых происходит непосредственное предоставление данного сервисного обслуживания и осуществляются контакты с поставщиками;
- логистических провайдеров, действующих в том числе по договорам транспортной экспедиции;
- репозиторий правовых актов, регламентирующих предоставление такого рода обслуживания и инновационное преобразование имеющихся технических возможностей, инженерной структуры и складских объектов.

Развитие национальной транспортно-логистической сети на водном транспорте является условием для достижения стратегических задач и целей, поставленных в распоряжении Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» [2].

Таким образом, цель настоящей работы заключается в систематизации факторов инновационного развития логистики на водном транспорте и определении ее значения для экономики России на современном этапе. Достижение ука-

занного ориентира определяет научную новизну исследования.

Методология

Авторами проведен обзор научной литературы и электронных источников информации по теме исследования, определяющих модернизацию и стратегическое развитие транспортной системы России. В процессе исследования авторами использовался широкий спектр общенаучных методов и приемов, в том числе системный подход к рассмотрению вопросов инновационного развития логистики на водном транспорте и его значения для экономики страны на современном этапе. Информационную базу исследования составили нормативно-правовые акты Российской Федерации, монографии, диссертации, научные статьи и другие публикации ведущих ученых-экономистов, а также электронные ресурсы сети Интернет. Эмпирическую основу исследования составили статистические данные, характеризующие развитие водного транспортного комплекса, аналитические данные, опубликованные в научных журналах и монографиях, примеры судебной практики, а также собственные материалы авторов.

Результаты и обсуждение

Во время осуществления сервисного сопровождения по доставке продуктов производственной деятельности необходимость использования перевозок, в том числе на водном транспорте, генерируется косвенно через первоначальную потребность ее удовлетворения путем использования возможностей логистизации. В условиях рыночных отношений логистика на водном транспорте формируется под влиянием объективной потребности в транспортных услугах [1, с. 101]. В связи с этим исследование и модернизация технологий развития транспортно-логистического комплекса и инфраструктуры водных перевозок представляется первостепенной задачей в современных условиях. Объективной характеристикой любой логистической, как и транспортно-логистической, системы является материальный поток с его неотъемлемыми атрибутами, представленными на рисунке.

Учитывая материальную составляющую, потребность в транспортно-логистическом обслуживании как товарообращения между субъектами Российской Федерации, так и экономики страны в целом, согласно исследованиям Ю.А. Максимовой [1, с. 54] распределяется на две составляющих:

1) спрос на транспортно-логистическое обслуживание внешнего товарооборота, связанного с глобальными грузопотоками и более протяженными маршрутами доставок;

2) востребованность в транспортной логистике для осуществления внутреннего товародвижения, которое отличается незначительными партиями товарной продукции и более короткими маршрутами ее доставки с гораздо более возрастающей долей спроса на услуги перевозок на водном транспорте. Например, в 2024 году в Приволжском федеральном округе речными судами перевезено почти 50% общего объема грузов, доставляемых по рекам России [3].

Сервисное обеспечение по формированию алгоритма, осуществлению подотчетного сопровождения доставки товарной массы на внешнем контуре от производителя до конечного покупателя, регулированию прохождения продукцией всех этапов по маршрутам следования и нахождения на промежуточных пунктах хранения при использовании водного транспорта нуждается в современном транспортно-логистическом комплексе с повышенной проходимостью судов по морским и речным отрезкам пути, разнообразным перечнем фраховых услуг и логистических цепочек по целому ряду причин:

- в период осуществления экспортных и импортных торговых операций все более востребованным становится экспедирование по так называемому мультимодальному принципу с использованием всего спектра разновидностей транспорта;

- при увеличивающихся внешних торговых оборотах все более востребована модернизированная транспортная логистика, способная отработать и систематизировать каналы распределения товарной продукции;

- существующие в настоящее время правила вывода продукции на общемировые рынки сбыта свидетельствуют о тренде на увеличение перечня сервисного обслуживания при сопровождении грузопотоков;

- с учетом существенной продолжительности пути и времени дистрибуции становится необходимым использование зарубежных транспортно-логистических портов-хабов;

- зарубежные торговые контакты невозможны без совершенствования законодательных актов, современной логистической базы и соответствующего оборудования для осуществления надзорных и контрольных функций при перемещении продуктов производства через государственную (таможенную) границу.

Совершенствование функционирования коммуникационных систем на водном транспорте в

регионе на основе логистического подхода является многоаспектной проблемой.

Расширение региональных экономических связей ведет к необходимости интеграции частных организаций, обеспечивающих транспортную логистику в различных акваториях, и федеральных структур в глобальные логистические объединения [4, с. 44]. В нашей стране этим происходящим изменениям придается важное значение. При этом, на взгляд авторов, нельзя забывать и об имеющейся опасности радикальной монополизации указанной отрасли экономики, причем не только зарубежными, но и российскими консорциумами.

На фоне проведения специальной военной операции и складывающейся с 2022 года тенденции ухода из Российской Федерации крупных иностранных организаций, напрямую связанных с функционированием транспортно-логистического комплекса нашей страны, в том числе на водном транспорте, возникает объективная угроза передачи объектов основных фондов аффилированным с зарубежными собственниками лицам. Это, в свою очередь, может привести не только к продолжению фактического контроля и использования иностранными структурами объектов отечественной транспортной логистики, но и к выводу доходов от их эксплуатации в юрисдикции недружественных стран.

Показательным примером может являться поданный в августе 2024 года иск Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Арбитражный суд города Москвы с требованием признать незаконной сделку по продаже российских логистических парков, принадлежащих британской «Рейвен Проперти Груп Лимитед» – крупнейшего владельца складов в России (почти 2 млн м² рыночной стоимостью до 130 млрд руб.), в том числе на объектах водной логистики, – ее аффилированным местным топ-менеджерам. Истец обосновал, что сделка была недействительной (ничтожной) притворной, а ее основная цель заключалась в неправомерном выводе за рубеж около 3 млрд руб. и получении контроля над российскими стратегическими предприятиями – объектами складской, водной и иной транспортной инфраструктуры [5].

Несмотря на отсутствие в открытом доступе удовлетворенного иска, указанные построенные или приобретенные активы уже перешли под управление государством в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом еще до подачи апелляции, что позволило обеспечить соблюдение национальных интересов в области безопасности и повысить надежность объектов транспортно-логистичес-

Таблица

Положительные стороны и риски автоматизации логистических центров

Положительные стороны	Риски
Интенсификация обслуживания судов и сокращение сроков погрузочно-разгрузочных работ	Потребность в дополнительном финансировании для приобретения и ввода в эксплуатацию современных электронных вычислительных систем и программного обеспечения
Рост операционной прибыли и рентабельности за счет уменьшения текущих, повседневных расходов логистического центра	Необходимость в модификации алгоритмов деятельности по существующим договорным отношениям с партнерами и дистрибутивных каналов
Укрепление безопасности и антитеррористической защищенности	Запрос на подготовку специально обученного персонала для работы с инновационным оборудованием
Возможность бесперебойной эксплуатации	Необходимость защиты от несанкционированного доступа

кой инфраструктуры на объектах водного транспорта.

Значимым упущением будет, если не упомянуть определяющий фактор государственного участия при осуществлении полномочий соответствующими федеральными структурами по обеспечению безопасности и антитеррористической защищенности на водном транспорте, совершенствованию транспортно-логистических комплексов и их составляющих, что, безусловно, приведет к оптимизации речных и морских перевозок, а также стабилизации инвестиционного климата и росту инновационных разработок в этой сфере.

При этом существует объективная необходимость анализа и оценки практики применения действующих нормативных правовых актов, а также совершенствования законодательства в сфере обеспечения безопасности судоходства.

В рыночных условиях экономики преобладающими механизмами инновационного совершенствования логистики на водном транспорте, уровня ее конкурентной устойчивости и продвижения ее сервисов на рынках сбыта, с учетом общемировой практики, должны стать логистические центры [1, с. 112].

Именно они призваны проводить мониторинг всего перечня сервисного обеспечения и товарной продукции, необходимых для полного цикла торговых операций. Затем на основе проведенного анализа целесообразно готовить соответствующие предложения по инновационным изменениям в процессах транспортно-логистического сопровождения доставки продукции по таким принципам, как мультимодальность, «от порога до порога», «полный комплект услуг», «выполнение строго в назначенное время» и тому подобное. Особое значение при этом должно уделяться автоматизации и алгоритмизированным проектам, имеющим как положительные стороны, так и риски, представленные в таблице.

Внедрение автоматизации и робототехники кардинально меняет операционную деятельность морских и речных портов, повышая ско-

рость и качество обработки грузов, но требует значительных инвестиций и изменения подходов к созданию логистических центров [3].

Одним из таких будет создаваемый на территории Нижегородской области новый речной порт на Волге, который станет мультимодальным логистическим центром, где внутренний водный транспорт будет взаимодействовать с другими видами транспорта. Он вместе с компаниями-резидентами войдет в состав особой экономической зоны «Кулибин» [6].

Заключение

Таким образом, значение инновационного развития логистики на водном транспорте, по мнению авторов, можно определить следующими факторами, позволяющими констатировать достижение поставленной во введении цели и сформулировать результаты исследования.

Во-первых, это повышение экономической и инвестиционной привлекательности и безопасности перевозок, осуществляемых судами морского и речного флота. Оно, в свою очередь, достигается повсеместным внедрением современных информационных технологий, таких как искусственный интеллект, Интернет вещей и алгоритмы обработки массивов больших данных, которые позволяют с максимальной точностью спрогнозировать спрос, оптимизировать маршруты и снижать риски транспортировки [7, с. 391].

Совершенствование безопасности перевозок основывается на объединении защитных механизмов, таких как IT-технологии, алгоритмы управления безопасностью и экологической устойчивостью, блокчейн и автоматизированные системы мониторинга, которые способствуют снижению рисков и повышению общего уровня безопасности логистических операций [7, с. 392].

Кроме этого, необходимо также не забывать про угрозу использования объектов транспортно-логистической инфраструктуры иностранными собственниками либо аффилированными с ними лицами из недружественных стран. Государством должна обеспечиваться безопасность

и надежность применения экономическими бизнес-структурами логистики на водном транспорте для формирования и повышения востребованности указанного рынка услуг.

Во-вторых, это обеспечение стабильного эволюционного роста водной транспортной отрасли путем использования инновационных методик, которые обуславливают сокращение необоснованных финансовых потерь, с одной стороны, и расширение перечня источников прибыли и пополнения доходной части бюджетов транспортных предприятий и организаций, с другой стороны, что ведет к повышению общей эффективности логистических операций [7, с. 393].

При этом одними из таких перспективных инновационных разработок по форсированной востребованности логистики на водном транспорте являются автоматизация процессов и кастомизация услуг.

Использование современных алгоритмизированных проектов предоставляет возможность решать технологические задачи практически без человеческого присутствия, а это становится определяющим при увеличении масштабов перевозок населения и товарной продукции. Внедрение инновационных технологий направлено на создание более гибких и персонализированных решений [7, с. 392].

В-третьих, это выход на новый качественный уровень морских и речных коммуникационных связей между субъектами Российской Федерации. Данный фактор является определяющим для исключения искусственного территориального разделения и стимулирования роста различных секторов экономики как всего государства в целом, так и его регионов [8, с. 68].

Это возможно только при принятии неотложных мер, направленных на модернизацию транспортной и обеспечивающей инфраструктуры, в том числе портов и причалов, на внутренних водных путях, а также на устранение

проблем, связанных с оптимизацией процесса досмотра и сокращения времени простоя судов. Кроме того, необходима разработка и реализация дополнительных мер по ликвидации лимитирующих участков на внутренних водных путях для увеличения их пропускной способности.

Список литературы

1. Максимова Ю.А. Логистический подход как эффективный способ реализации региональной стратегии развития транспортного комплекса: Дис. ... канд. эконом. наук. М., 2010.
2. О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2025).
3. <https://portsinfo.ru/ports-news/innovatsii/170811-kak-tehnologicheskie-innovatsii-revoljutsioniziruyut-operatsii-v-morskikh-portakh-i-logistike> (дата обращения: 14.04.2025).
4. Сундуков Е.Ю. Логистический подход к совершенствованию функционирования транспортного комплекса региона (на примере Республики Коми): Дис. ... канд. эконом. наук. Сыктывкар, 2005.
5. Определение по делу № А40-191119/24-138-983 от 16 августа 2024 г. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d7041415-ece7-4283-9444-2738c19afba6> (дата обращения: 27.02.2025).
6. <https://tass.ru/ekonomika/23073545> (дата обращения: 03.03.2025).
7. Чеботарев С.С., Юсупов Р.М., Бондарь И.В. Основные направления применения инноватики при оптимизации логистических процессов на водном транспорте // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 5А. С. 387–396.
8. Чеботарёв В.С., Назарычев Д.В., Морозов О.Л., Почакаева О.В. Влияние логистики на водном транспорте субъектов Российской Федерации на региональную экономику: инновационные направления // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2024. № 4 (50). С. 68–71.

THE IMPORTANCE OF INNOVATIVE DEVELOPMENT LOGISTICS IN WATER TRANSPORT FOR THE RUSSIAN ECONOMY AT THE PRESENT STAGE

V.S. Chebotarev¹, D.V. Nazarychev², O.L. Morozov², V.A. Ionov³

¹Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod

²Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

³Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article examines the directions of innovative logistics development in Russian water transport at the current stage of the country's development. The characteristics of the individual components of domestic transport logistics are given. The reasons for the increasing need for the use of river and sea routes in transport and logistics services for both commodity circulation between the subjects of the Russian Federation and interstate trade turnover by economic entities are outlined. It is noted that in the market economy, logistics centers should become the predominant mechanisms for innovative improvement of logistics in water transport, the level of its competitive stability and the promotion of its services in sales markets, taking into account global practice. Examples and factors determining the importance of innovative logistics development in water transport are given.

Keywords: Logistics in water transport, innovative development, transport and logistics network, logistics center, commodity movement, trade turnover, economic relations, security, investment attractiveness, shipping.

УДК 338.12

DOI 10.52452/18115942_2025_2_85

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИХ ХАРАКТЕРИСТИК ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

© 2025 г.

А.И. Шинкевич, С.С. Кудрявцева, А.А. Лубнина

Шинкевич Алексей Иванович, д.э.н.; д.т.н.; проф.; заведующий кафедрой логистики и управления
Казанского национального исследовательского технологического университета
ashinkevich@mail.ru

Кудрявцева Светлана Сергеевна, д.э.н.; доц.; профессор, кафедры логистики и управления
Казанского национального исследовательского технологического университета
sveta516@yandex.ru

Лубнина Алсу Амировна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры логистики и управления
Казанского национального исследовательского технологического университета
alsu1982@ya.ru

*Статья поступила в редакцию 31.03.2025**Статья принята к публикации 28.04.2025*

В условиях трансформации мировой системы хозяйствования, переориентации цепочек поставок, реализации политики по достижению углеродной нейтральности, становится уместным говорить об изменении структурных характеристик транспортно-логистических систем, играющих ключевую роль в организации логистических процессов предприятий промышленности и организаций сферы услуг. Цель статьи заключается в выявлении взаимосвязь между структурообразующими характеристиками транспортно-логистических систем на основе экономико-математических моделей применительно к мировой и российской транспортной отрасли. Задачами статьи являются: сформировать динамические данные по структурным характеристикам транспортно-логистических систем на разных уровнях управления; представить характеристику структурообразующих элементов транспортно-логистических систем в мировой системе хозяйствования; провести моделирование структурообразующих элементов транспортно-логистической системы России. На основе моделирования сделаны выводы: применительно к мировой транспортно-логистической системе показана статистически значимая взаимосвязь между грузооборотом транспорта и выбросами в атмосферу загрязняющих веществ, однако для транспортно-логистической системы России обозначенная тенденция не подтвердилась, что может косвенно указывать на результативность и эффективность реализации политики по достижению углеродной нейтральности и сокращению углеродного следа в транспортной отрасли; установлена обратная взаимосвязь между ростом грузооборота, долей дорог с совершенным покрытием и выбросами загрязняющих атмосферу веществ, что указывает на необходимость дополнительных инвестиций в совершенствование дорожной инфраструктуры в следствие роста материальных потоков, доставляемых транспортом; определена положительная связь между грузооборотом транспорта, плотностью автомобильных дорог и долей автомобильных дорог, не отвечающих нормативам, что, с одной стороны, указывает на повышение эксплуатационных характеристик транспортно-логистической инфраструктуры, с другой стороны, обращает внимание на проблему ее износа. Изложенные в статье результаты моделирования могут иметь практическое применение при формировании аналитических документов и стратегий развития транспортной сферы.

Ключевые слова: транспортно-логистическая система, грузооборот, выбросы загрязняющих атмосферу веществ, плотность автомобильных дорог, доля транспортных услуг в общем объеме экспорта услуг, индекс эффективности логистики, транспортно-логистическая инфраструктура, логистический сервис.

Введение

Проблематика развития транспортно-логистической инфраструктуры в период активного развертывания моделей трансформации цепочек поставок повышает интерес и актуальность к такому направлению исследования, как переориентация или «разворот» логистических потоков в мировой системе хозяйствования. Применительно к производственно-хозяйственной системе российской экономики данный переход озаглавлен со сдвигом цепочек поста-

вок с западного направления к восточному. Данные аспекты позволяют говорить не только о трансформации цепочек поставок, но и об изменении структурных характеристик транспортно-логистических систем, играющих ключевую роль в организации логистических процессов предприятий промышленности и организаций сферы услуг.

Вопросы развития и совершенствования транспортно-логистической системы являются объектом изучения на разных уровнях управления. В частности, на федеральном уровне в Рос-

сийской Федерации принята Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года [1], основные задачи реализации которой сводятся к следующим:

- увеличение связанности пространства территорий и повышение уровня их транспортной доступности;
- рост количества и скоростных характеристик при доставке и транзите грузовых потоков;
- совершенствование мультимодальных технологий в области логистики;
- цифровая трансформация транспортно-логистических систем;
- формирование низкоуглеродного трека транспортно-логистических систем;
- расширение экспорта транспортно-логистических услуг;
- увеличение мощности транзитного потенциала государства;
- внедрение логистических инноваций на транспорте и т.п.

Развитие транспортно-логистической инфраструктуры имеет системную основу и опирается непосредственно на промышленную отрасль экономики в части таких вопросов, как:

- совершенствование дорожной, инженерно-технологической и энергетической систем;
- развитие кластеров, зон свободной торговли, особых экономических зон, промышленных парков и т.д.;
- кадровое обеспечение транспортно-логистической системы;
- развитие сети транспортно-логистических центров, обеспечивающих сокращение транзакционных издержек и т.п. [2, 3].

В рамках настоящего исследования под транспортно-логистической системой мы будем понимать совокупность взаимосвязанных системных элементов транспортно-логистической системы, обладающих наличием функциональных связей, которые обеспечивают транспортировку, хранение, распределение материальных потоков, а также сопутствующих их информационных и финансовых потоков. Транспортно-логистическая система образуется такими структурными характеристиками, как транспортно-логистическая инфраструктура, логистический сервис, информационное сопровождение материальных потоков, специализированные функциональные комплексы и машинно-технологические станции, координация участников цепочек поставок [4]. Основное назначение транспортно-логистических систем заключается в оптимизации логистических потоков в цепочках поставок.

Цель статьи заключается в выявлении взаимосвязь между структурообразующими харак-

теристиками транспортно-логистических систем на основе экономико-математических моделей применительно к мировой и российской транспортной отрасли. Объектом исследования в статье выступают мировые и российские транспортно-логистические системы, предметов – совокупность их структурообразующих характеристик.

Цель статьи раскрывается в следующих задачах:

- 1) сформировать динамические данные по структурным характеристикам транспортно-логистических систем на разных уровнях управления;
- 2) представить характеристику структурообразующих элементов транспортно-логистических систем в мировой системе хозяйствования;
- 3) провести моделирование структурообразующих элементов транспортно-логистической системы России.

Методика исследования

При написании статьи для достижения ее цели и задач использовались данные мировой статистики в области транспорта, опубликованные на сайте Всемирного Банка [5], а также данные официальной российской статистики, представленные по транспортной отрасли на сайте Росстата [6].

Применительно к мировой транспортно-логистической системе объем выборки включал 110 государств, образующих крупные и средние экономики мира. Временной период исследования исчислялся 2010-2023 гг.

В качестве объектов для моделирования на уровне мировой транспортно-логистической системы использованы следующие с условными обозначениями:

- T1 – грузооборот воздушного транспорта, млн т км;
- T2 – доля транспортных услуг в общем объеме экспорта услуг, процент;
- T3 – выбросы оксида углерода от транспорта, млн т;
- T4 – индекс эффективности логистики, индекс.

В качестве объектов для моделирования на уровне национальной (на примере Российской Федерации) транспортно-логистической системы использованы следующие с условными обозначениями:

- A1 – выбросы загрязняющих атмосферу веществ от транспорта, тыс т;
- A2 – грузооборот транспорта, млрд т км;
- A3 – удельный вес дорог с совершенным покрытием, процент;

Таблица 1

Корреляционная матрица структурообразующих элементов транспортно-логистических систем в мировой системе хозяйствования (рассчитано авторами)

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение	T1	T2	T3	T4
T1	13996.2	33805.2	1.00	-0.09	0.93 *	0.10
T2	20.6	10.8	-0.09	1.00	-0.12	-0.19
T3	514.7	1131.7	0.93*	-0.12	1.00	-0.02
T4	3.1	0.7	0.10	-0.19	-0.02	1.00

* статистически значимое значение коэффициента корреляции при $P \leq 0.05$.

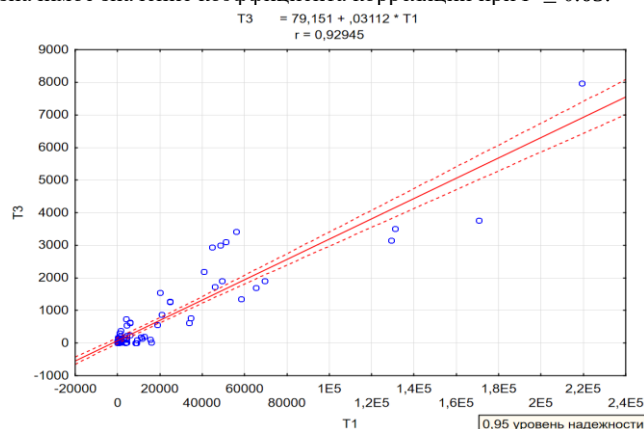

Рис. 1. Коррелятограмма грузооборота транспорта и выбросов загрязняющих атмосферу веществ (рассчитано и составлено авторами)

A4 – плотность автомобильных дорог, км дорог на 1000 км² территории;

A5 – доля автомобильных дорог, не отвечающих нормативным требованиям, процент.

Инструментарием моделирования выступил программный комплекс Statistica, в частности, такие его модули, как дескриптивная статистика, корреляционный анализ, построение коррелятограмм.

Характеристика структурообразующих элементов транспортно-логистических систем в мировой системе хозяйствования

Дальнейшее развитие и совершенствование функциональных особенностей транспортно-логистических систем на разных уровнях управления ставит в необходимость выявления взаимосвязи между их структурными характеристиками, что может быть положено в основу разработки программ и транспортных стратегий, поскольку взаимосвязь между эффективностью логистики и состояние транспортно-логистической инфраструктуры, уровня логистического сервиса и т.п. определяет дальнейшие векторы транспортной сферы и, как следствие, развитие промышленности, сферы услуг и экономической системы в целом [7, 8].

Моделирование структурообразующих характеристик транспортно-логистических систем на уровне государств позволило проанализиро-

вать связи между ними. В среднем по миру по итогам 2023 г. грузооборот воздушного транспорта составил 13996.2 млн т км; доля транспортных услуг в общем объеме экспорта услуг – около 20%; выбросы оксида углерода от транспорта – 514.7 млн т; индекс эффективности логистики составлял 3.1 (справочно: диапазон варьирования данного показателя исчисляется от 1–5).

Корреляционный анализ позволил выявить достоверные статистические результаты взаимосвязи между величиной грузооборота воздушного транспорта и выбросами оксида углерода, где коэффициент корреляции составил 0.92 (при уровне статистической значимости $P \leq 0.05$).

Корреляционная матрица структурообразующих элементов транспортно-логистических систем в мировой системе хозяйствования сведена в таблицу (табл. 1).

Таким образом, на примере мировой системы хозяйствования еще раз показана высокая положительная взаимосвязь между грузооборотом транспорта и выбросами загрязняющих атмосферу веществ, что наглядно представлено на коррелятограмме, что соотносится с результатами аналогичных исследований, проведенных рядом авторов [9–11] (рис. 1).

Следует обратить внимание, что на основе анализируемых данных не определена взаимосвязь между индексом эффективности логистики и другими структурообразующими характеристиками транспортно-логистических систем,

Таблица 2

**Динамика показателей, характеризующих состояние транспортно-логистической системы России
(составлено авторами)**

Период/Показатель	A1	A2	A3	A4	A5
2010	2426.4	4 751.7	65.8	39	45.0
2011	2248.0	4 914.4	65.8	43	44.6
2012	2107.3	5 055.6	63.3	54	41.7
2013	2219.9	5 083.6	62.7	58	43.9
2014	1931.3	5 080.0	62.4	60	43.4
2015	1885.4	5 108.1	62.3	61	44.8
2016	1846.9	5 198.4	62.3	62	46.5
2017	1795.9	5 488.0	62.4	62	46.8
2018	1783.2	5 635.5	62.1	63	47.2
2019	1876.2	5 678.2	62.0	64	48.0
2020	1604.7	5 401.1	62.1	64	47.2
2021	1675.6	5 712.8	62.0	65	47.0
2022	1365.3	5 582.1	62.1	65	46.3
2023	1438.7	5 550.9	62.0	66	45.6
Спарклайн					

что может являться следствием следующих оснований: во-первых, частично отдельные характеристики транспортно-логистических систем уже включаются в состав индекса эффективности логистики и, следовательно, могут демонстрировать высокую мультиколлинеарность; во-вторых, индекс эффективности логистики – сравнительно «молодой» показатель, который рассчитывается только с 2007 г. с периодичностью 1 раз в 2–3 года, и на примере стран мира демонстрирует низкую волатильность данного показателя, что может затруднять его сравнительный анализ с другими характеристиками транспортно-логистических систем.

Моделирование структурообразующих элементов транспортно-логистической системы России

Применительно к транспортно-логистической системе России следует отметить, что в период 2010–2023 гг. наблюдается снижение выбросов загрязняющих атмосферу веществ от транспорта при росте его грузооборота, а также сокращении удельного веса дорог, не отвечающих нормативам, что можно расценивать как положительную динамику для данной отрасли хозяйствования, демонстрируя рост эффективности транспортно-логистической сферы в целом. С другой стороны, эксплуатация транспортно-логистической инфраструктуры, с позиции статистического анализа, позволяет говорить о необходимости повышения уровня мобилизации использования потенциала данной отрасли, поскольку при росте плотности автомобильных дорог, удельный вес дорог с совершенным покрытием сократился с 65.8% в 2010 г. до 62% к 2023 г. (табл. 2).

Дескриптивная статистика динамики показателей, характеризующих состояние транспортно-логистической системы России показывает незначительную асимметрию, при которой среднее значение было больше, чем медиана рядов распределения для выбросов загрязняющих атмосферу веществ от транспорта, грузооборота транспорта и удельного веса дорог с совершенным покрытием; напротив, для плотности автомобильных дорог и доли автомобильных дорог, не отвечающих нормативным требованиям, отмечалось превышение медианного значения над средним, что указывает на то, что значение данных показателей в определенные временные периоды превышало средний уровень (табл. 3).

Корреляционный анализ структурообразующих характеристик транспортно-логистической системы России показал большее количество взаимосвязанных между собой показателей данной отрасли. Так, выявлена взаимосвязь между грузооборотом транспорта и выбросами загрязняющих атмосферу веществ, однако она является отрицательной величиной («минус» 0.81), т.е. рост грузооборота транспорта сопровождается сокращением выбросов от эксплуатации транспорта, что может свидетельствовать о результативности реализации целей по достижению углеродной нейтральности на транспорте и сокращению углеродного следа. В то же время, выявлена отрицательная связь между ростом грузооборота и долей дорог с совершенным покрытием («минус» 0.76), что может быть объяснено указанным ранее снижением показателя по эксплуатации дорожной инфраструктуры (A3 – удельный вес дорог с совершенным покрытием), что и вылось следствием противоречивости указанной тенденции (рис. 2).

Таблица 3

Дескриптивная статистика динамики показателей, характеризующих состояние транспортно-логистической системы России (рассчитано авторами)

Показатель	Среднее	Медиана	Минимум	Максимум	Размах	Станд. отклонение	Коэф. вариации
A1	1872	1862	1365	2426	1061	304	16
A2	5303	5300	4752	5713	961	312	6
A3	63	62	62	66	4	1	2
A4	59	62	39	66	27	8	14
A5	46	46	42	48	6	2	4

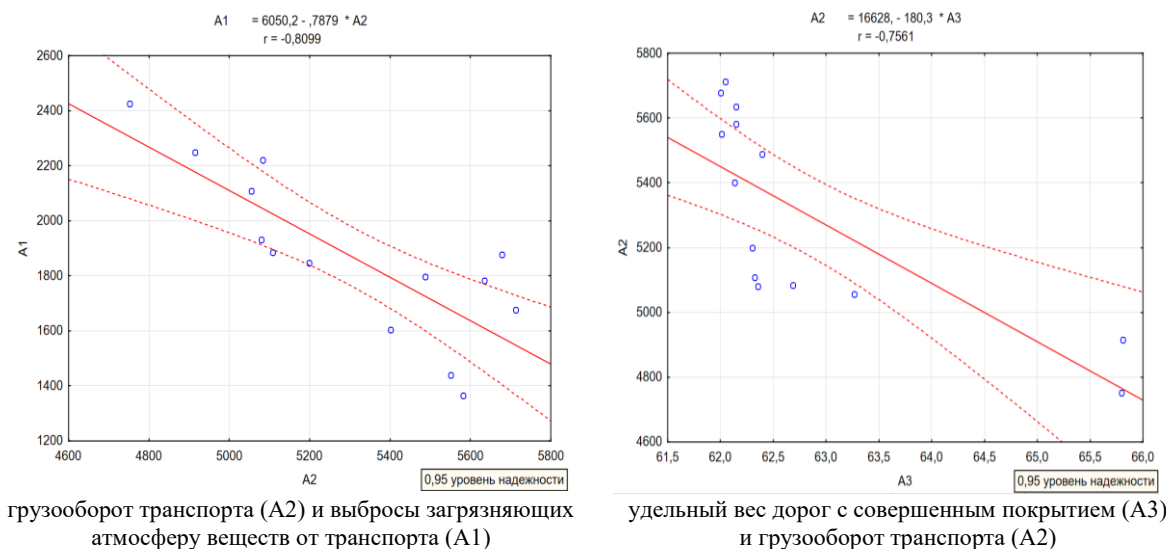

Рис. 2. Коррелятограмма грузооборота транспорта, выбросов загрязняющих атмосферу веществ и удельного веса дорог с совершенным покрытием (рассчитано и составлено авторами)

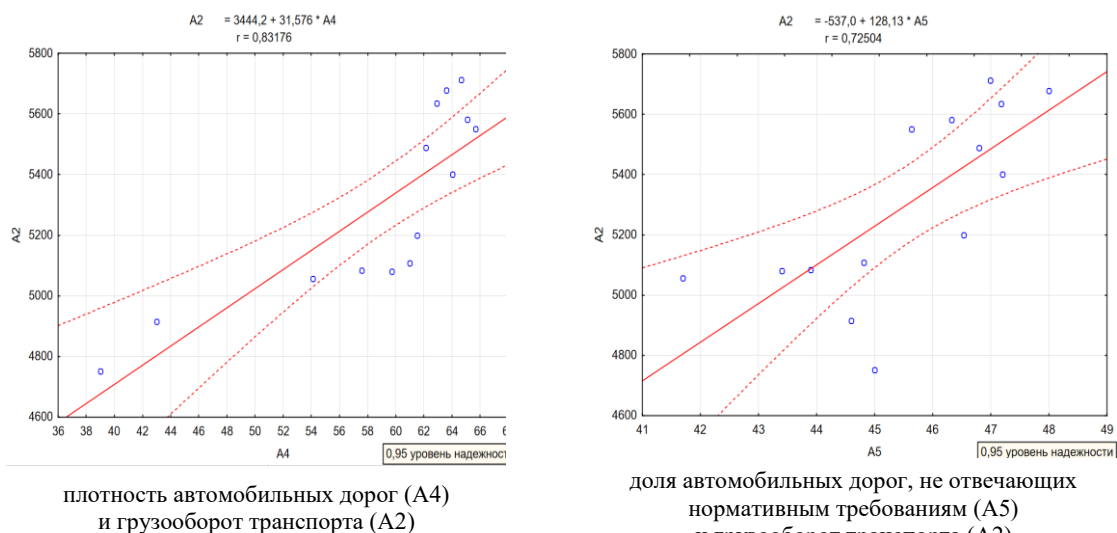
Обращает на себя внимание, присутствие высокой статистически значимой взаимосвязи между плотностью автомобильных дорог и грузооборотом транспорта (коэффициент корреляции составил 0.83). В то же время, рост грузооборота транспорта сопровождается нестабильностью динамики использования транспортно-логистической инфраструктуры, для которой характерна нестабильная динамика доли автомобильных дорог, не отвечающих нормативам (с 2010–2012 гг. данный показатель снижался с 45% до 41.7%, затем к 2019 г. увеличился до 48% и в последующем сокращался до 45.6% к концу 2023 г.), что отразилось на обнаружении статистически значимой положительной связи между ростом грузооборота транспорта при росте доли автомобильных дорог, не отвечающих нормативам (коэффициент корреляции составил 0.73). Следовательно, увеличение грузооборота ведет к повышению интенсивности использования автомобильных дорог, снижая уровень их качества в плане соответствия установленным нормативам к эксплуатации, что, в конечном счете, требует дополнительных инвестиций на восстановление дорожной инфраструктуры и ее совершенствование (рис. 3).

Высокая статистически значимая взаимосвязь (при уровне статистической значимости $P \leq 0.05$) применительно к структурообразующим элементам транспортно-логистической системы России отмечена для выбросов загрязняющих атмосферу веществ от транспорта и удельного веса дорог с совершенным покрытием (коэффициент корреляции составил 0.76) и плотностью автомобильных дорог («минус» 0.86).

Заключение

Резюмируем в заключении статьи выводы исследования, которые можно суммировать следующим образом:

1) применительно к мировой транспортно-логистической системе показана статистически значимая взаимосвязь между грузооборотом транспорта и выбросами в атмосферу загрязняющих веществ, однако для транспортно-логистической системы России обозначенная тенденция не подтвердилась, что может косвенно указывать на результативность и эффективность реализации политики по достижению углеродной нейтральности и сокращению углеродного следа в транспортной отрасли;

плотность автомобильных дорог ($A4$)
и грузооборот транспорта ($A2$)

доля автомобильных дорог, не отвечающих
нормативным требованиям ($A5$)
и грузооборот транспорта ($A2$)

Рис. 3. Корреляграмма грузооборота транспорта, плотности автомобильных дорог и доли автомобильных дорог, не отвечающих нормативам (рассчитано и составлено авторами)

2) установлена обратная взаимосвязь между ростом грузооборота, долей дорог с совершенным покрытием и выбросами загрязняющих атмосферу веществ, что указывает на необходимость дополнительных инвестиций в совершенствование дорожной инфраструктуры в следствие роста материальных потоков, доставляемых транспортом;

3) определена положительная связь между грузооборотом транспорта, плотностью автомобильных дорог и долей автомобильных дорог, не отвечающих нормативам, что, с одной стороны, указывает на повышение эксплуатационных характеристик транспортно-логистической инфраструктуры, с другой стороны, обращает внимание на проблему ее износа.

Уместным является сказать, что представленные в статье результаты моделирования обладают теоретической и практической значимостью для развития транспортно-логистической отрасли в целом. Теоретическая значимость исследования состоит в разработке концептуальных оснований по проведению ретроспективного анализа транспортно-логистических систем на разных уровнях управления; практическая значимость раскрывается в методических разработках и моделях оценки взаимосвязи между составляющими структурными характеристиками транспортно-логистических систем. Изложенные в статье результаты моделирования могут иметь практическое применение при формировании аналитических документов и стратегий развития транспортной сферы.

Список литературы

1. Транспортная Стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/7enY>

F2uL5kFZlOOpQhLl0nUT91RjCbeR.pdf (дата обращения: 02.11.2024).

2. Белов В.И., Бакланов В. Характеристика транспортного комплекса России на современном этапе развития страны // *Juvenis Scientia*. 2018. № 11. С. 25–27.

3. Липкович И.Э., Егорова И.В., Петренко Н.В., Сабитов Л.С., Киямов И.К. Параметрическая характеристика организационно-технологических человеко-машинных систем на примере уборочно-транспортного комплекса // *АгроЭкоИнфо*. 2023. № 2 (56).

4. Наконечная О.А., Стома А.Ю., Замякина А.В. Транспортно-логистический комплекс как фактор развития экономики региона // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022. № 8 (90). С. 187–189.

5. Всемирный Банк. URL: <http://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 01.11.2024).

6. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2024).

7. Кудрявцева С.С. Трансформация интеллектуальных ресурсов в капитал при формировании нового качества экономического роста: Дис. ... канд. экон. наук. Самара: Самарский государственный экономический университет, 2010. 172 с.

8. Каценко В.В. Глобальная транспортно-логистическая система: современные тренды, вызовы развития и совершенствования // *Инновации и инвестиции*. 2023. № 7. С. 57–60.

9. Барсегян Н.В., Кудрявцева С.С., Сопин В.Ф. Методические основы оценки дифференциации устойчивости развития наилучших доступных технологий на мезоуровне // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2022. Т. 24. № 6 (110). С. 127–134.

10. Shinkevich A.I., Kudryavtseva S.S., Simaeva E.P., Stolyarova A.N., Kharisova G.M., Petrova E.V. Transport and communication space development in open innovation model // *Espacios*. 2018. Т. 39. № 9. С. 27–36.

11. Аллахвердиев Э.М., Мустафаев Т.Г. Транспортно-логистический комплекс ЕАЭС после введения ограничительных мер со стороны европейского союза // *Инновации и инвестиции*. 2023. № 7. С. 432–435.

MODELING OF STRUCTURE-FORMING CHARACTERISTICS OF TRANSPORT AND LOGISTICS SYSTEMS***A.I. Shinkevich, S.S. Kudryavtseva, A.A. Lubnina****Kazan National Research Technological University*

In the context of transformation of the global economic system, reorientation of supply chains, implementation of policies to achieve carbon neutrality, it becomes appropriate to talk about changes in the structural characteristics of transport and logistics systems that play a key role in organizing logistics processes of industrial enterprises and service organizations. The purpose of the article is to identify the relationship between the structure-forming characteristics of transport and logistics systems based on economic and mathematical models applicable to the global and Russian transport industry. The objectives of the article are: to generate dynamic data on the structural characteristics of transport and logistics systems at different management levels; to present the characteristics of the structure-forming elements of transport and logistics systems in the global economic system; to model the structure-forming elements of the transport and logistics system of Russia. The following conclusions were made based on the modeling: a statistically significant relationship between freight turnover and emissions of pollutants into the atmosphere was shown for the global transport and logistics system, however, for the transport and logistics system of Russia, this trend was not confirmed, which may indirectly indicate the effectiveness and efficiency of implementing the policy to achieve carbon neutrality and reduce the carbon footprint in the transport industry; an inverse relationship was established between the growth of freight turnover, the share of roads with perfect pavement and emissions of pollutants into the atmosphere, which indicates the need for additional investment in improving the road infrastructure due to the growth of material flows delivered by transport; a positive relationship was determined between freight turnover, road density and the share of roads that do not meet standards, which, on the one hand, indicates an increase in the performance characteristics of the transport and logistics infrastructure, on the other hand, draws attention to the problem of its wear and tear. The modeling results presented in the article can have practical application in the formation of analytical documents and strategies for the development of the transport sector.

Keywords: transport and logistics system, freight turnover, emissions of air pollutants, road density, share of transport services in total volume of services exports, logistics efficiency index, transport and logistics infrastructure, logistics service.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2025_2_92

ИСКАЖЕНИЯ И НЕКОРРЕКТНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ

© 2025 г.

Ю.Р. Вишневский

Вишневский Юрий Рудольфович, д.филос.н.; проф.; сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
j.r.vishnevsky@urfu.ru

*Статья поступила в редакцию 07.11.2024**Статья принята к публикации 15.04.2025*

Исследуемая проблема обусловлена потребностью в формировании позитивных профамильных и прородительских установок студенческой молодежи в реализации национальных проектов «Демография» и «Молодежь и дети». Акцентируется антигуманная и антироссийская направленность пропаганды «планирования семьи», трансгендерства, чайлдфри, однополых браков**. Анализируются разнообразные варианты искажений и некорректных интерпретаций данных демографической статистики и социально-демографических исследований, раскрываются их предпосылки и механизм, выявляется их возможное негативное воздействие на формирование этих установок молодежи. Материалы статьи реализуют социально-защитную функцию социологии молодежи, показывая, на основе обобщения мнений студентов, несостоятельность распространенных в СМИ и общественном мнении стереотипов о «нежелании современной молодежи создавать семью, становиться родителями», о массовом «распаде семей в России». Эмпирическая база исследования – данные VIII (2020) и IX (2024) этапов мониторинга социокультурного развития студентов Свердловской области и федеральных исследований РОС «Культурное наследие и связь поколений» (2022) и «Студенчество России о семье» (2024).

Ключевые слова: демографическая статистика (брачность, разводимость, рождаемость, аборт, возраст вступления в брак и рождения первого ребенка, многодетность) и социально-демографические исследования, их некорректная интерпретация.

Введение

В России с середины 2010-х гг. нарастает вторая волна депопуляции. В итоге усиливается естественная убыль населения. В 2020–2022 гг. под влиянием COVID-19 и изменившейся геополитической ситуации произошло и снижение миграционного прироста.

Своеобразным ответом на растущие угрозы демографической безопасности России (шире – её национальной безопасности) является современная государственная демографическая политика, нацеленная, по словам Президента РФ В.В. Путина, на «фундаментальный нравственный выбор» – «поддержку семей с детьми», на то, чтобы «большая многодетная семья» стала «нормой, философией жизни общества, ориентиром всей государственной стратегии», на достижение «устойчивого роста рождаемости» [1]. С социологической точки зрения особо значим жизнеутверждающий характер («мы выбираем

жизнь») такой демографической политики, видение России как «оплота традиционных ценностей», осмысление связи снижения рождаемости «с общемировыми социальными, экономическими, технологическими, культурными и ценностными изменениями», понимание изменений установок в молодежной среде («Молодые люди получают образование, строят карьеру, налаживают свой быт, а рождение детей откладывают на потом») [1]. Акцент на том, что «не только экономика, качество социальной сферы влияют на рождаемость», но и «в огромной степени те жизненные ориентиры, которые закладываются в семье, формируются культурой, образованием, просвещением» [1], определяет особую значимость изучения и корректировку этих жизненных ориентиров в сторону формирования просемейных и прородительских установок.

В научном плане демографы и социологи, даже фиксируя демографические вызовы и

угрозы [2–4], как правило, соотносят их с влиянием структурных факторов, с «эхом 1990-х» и, опираясь на данные статистики и социально-демографических исследований (и федеральных, и региональных), стремятся найти более эффективные и оптимальные пути реализации новой государственной стратегии.

Примечательны обоснованные в Национальном демографическом докладе – 2023 г. три основные особенности регулирования брачного, репродуктивного и самосохранительного поведения в части обеспечения демографической безопасности России:

1. «Создание благоприятного образа многодетной семьи как центрального ориентира и объекта государственной политики народосохранения»; «формирование мотивации к многодетности в молодёжной среде»; «формирование и становление института студенческой семьи как ресурса социально-экономического и демографического развития»;

2. «Формирование самосохранительного поведения мужчин и укрепление социодемографического потенциала мужского населения как основного ресурса обеспечения национальной безопасности»; «формирование социальной нормы/модели ответственного отцовства, повышение статуса мужчины в семейной сфере, обеспечивающего межпоколенную трансляцию и формирующего преемственность российских традиционных ценностей»;

3. «Решение национально значимой задачи здорового долгожительства, направленной на создание условий для укрепления здоровья и развития человеческого потенциала на протяжении жизни» [3, с. 5–7].

Наши многолетние социологические исследования подтверждают актуальность указанных задач. Решение серьезных стратегических задач, намеченных в национальном проекте «Демография» [5], во многом зависит от объективной интерпретации данных статистики и социально-демографических исследований о фамилистских и репродуктивных ориентациях людей, особенно молодых. Между тем и в СМИ, да и в научной литературе достаточно распространены искаженные или просто неверные интерпретации этих данных и ориентаций. Будоражат общественное мнение и разного рода необоснованные, а порой и провокационные, предложения (типа: «запретить аборт», «рожать в 18–19 лет», «провести специальную демографическую операцию» и т.д.).

Сказываются и негативные последствия мощной попытки навязать России и россиянам (особенно после развала СССР) псевдолиберальную прозападную идеологию «планирова-

ния семьи» (первоначально звучавшую более откровенно – «контроль над рождаемостью»). Фальшивая завеса защиты «прав женщины на рождение желанного ребенка», «права каждого ребенка быть желанным» лишь прикрывала её подлинные цели [6; 7]:

- обязательное сексуальное образование для детей;
- развитие гомосексуализма;
- изменение налоговой политики в пользу бездетных людей;
- уменьшение или ликвидация пособий на детей и семью;
- поощрение позднего вступления в брак и большей разницы в возрасте между детьми;
- ограничение или ликвидация бесплатного здравоохранения;
- сдерживание развития государственного жилья, приспособленного к нуждам семьи;
- финансовая поддержка стерилизации, контрацепции и абортов;
- проведение абортов и стерилизации по желанию;
- распространение контрацепции вне сети служб здравоохранения.

Такая четкая антирепродуктивная позиция получила наукообразное «подкрепление» в теориях «устойчивого развития», в футурологических концепциях «пределов роста». Наиболее типичной в российских условиях была монография «Проблемы экологии России» [8]. Основная ее направленность – против «стереотипа», «поддерживаемого государством», «о необходимости роста населения» [8, с. 186]. В условиях «перехода от командной к рыночной системе хозяйства» рекомендуется «стратегия стабилизации населения» (а первым ее шагом – «прекращение поощрения многодетности»), что обосновывается экономическими причинами («страна не в состоянии обеспечить демографическую компенсацию»¹ [8, с. 306]). На перспективу же, по мнению авторов, «задача заключается не в снижении прироста и не в стабилизации населения в будущем, а в его значительном сокращении» [8, с. 312]. Для этого нужно «осознание людьми Земли» «необходимости перехода к однодетной семье» [8, с. 313].

Подобные идеи получили (особенно в «лихие 1990-е» в России) весомое организационно-институциональное обеспечение (РАПС (Российская ассоциация планирования семьи), ее отделения, центры, клиники) и оказывали (в том числе и через чиновников и властные структуры разного уровня) негативное влияние на демографическую политику и общественное мнение, деформируя традиционные семейные ценности россиян и их преемственность новы-

ми поколениями. Представляется, что когда сегодня мы говорим о «демографической яме 1990-х», эхо которой (как в свое время «эхо Великой Отечественной войны») циклично будет сказываться еще многие годы, было бы ошибочным обвинять в ней только несостоявшихся родителей и забывать о «заслугах» тех, кто стремился и призывал, чтобы «яма была глубже».

Ныне приверженность россиян традиционным семейным ценностям закреплена законодательно, новая атака на них (в форме пропаганды трансгендерства, чайлдфри (childfree – свободные от детей) – люди, сознательно отказавшиеся иметь детей, однополых браков и т.д.) фактически провалилась². В этих условиях особую значимость приобретает выявление некорректных, неточных, неверных интерпретаций данных статистики и социально-демографических исследований, которые (нередко даже вопреки желанию авторов) могут нанести вред формированию просемейных и прородительских установок молодежи, что и определило основную проблему данной статьи.

Теоретические основания и методы исследования

Методология нашего исследования опирается на самореализационную теорию культуры Л.Н. Когана и теорию саморегулирования и самоактуализации В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок, позволившие глубже понять процесс формирования и развития субъектности молодежи и – на этой основе – обосновать поворот к субъект-субъектному подходу в социологии молодежи [9, гл. 2; 10, гл. 1]. Серьезно обогатили социологию молодежи идеи Е.Л. Омельченко о молодежи как «будущем, живущем в настоящем» [11] – ее темпоральный статус стал рассматриваться более широко и не сводиться к традиционному «молодёжь – наше будущее». Углубилось и понимание социальных рисков (Ю. Зубок, Н. Смакотина, В. Чупров): наряду с обычно выделяемыми рисками для общества, идущими от молодежи, ее поведенческих практик и инноваций, в конечном счете предполагающими отказ от каких-то традиционных норм, ценностей, было предложено видеть и риски для общества от недооценки инновационного потенциала молодежи, невнимания к ее самореализации, оптимальной социализации [12, 13]. Среди этих рисков нами и рассматривались приписываемые молодежи репродуктивные и фамильные установки, отличные от ее реальных установок.

Методика исследования предусматривала изучение контента статей по демографии в

СМИ (регулярно – с июня 2023 г. по июнь 2024 г. – в «Аргументах и фактах», «Комсомольской правде», «Советской России», ситуативно – в других изданиях, в частности обзор «Газеты пишут» в журнале «Демограф Weekly» [14]). При этом основной ориентир – не контент-анализ этих статей, а выявление разных вариантов некорректной интерпретации данных статистики и результатов социально-демографических исследований молодежи, их классификация и анализ. В анализе акцентировались механизмы, ведущие к такой некорректной интерпретации. Особое внимание уделялось возможному их негативному влиянию на установки молодежи.

Материалы статьи реализуют социально-защитную функцию социологии молодежи, показывая на основе обобщения мнений студентов несостоятельность распространенных в СМИ и общественном мнении стереотипов о «нежелании современной молодежи создавать семью, становиться родителями», о массовом «распаде семей в России». Эмпирическая база исследования – данные VIII (2020) ($n=2000$); [9] и IX (2024; $n=2000$) этапов мониторинга социокультурного развития студентов Свердловской области и федеральных исследований РОС «Культурное наследие и связь поколений» (2022, рук. Н.В. Дулина; $n=9751$) [15], «Студенчество России о семье» (2024, рук. Г.С. Широкалова, $n=8522$, в т.ч. студенты УрФУ = 297³).

Результаты и обсуждение

Возможность некорректных интерпретаций демографической статистики и данных социально-демографических исследований порой заложена уже в их теоретико-методологических основаниях. Нельзя, например, недооценивать огромный вклад теории «человеческого капитала» (Human capital) в обоснование значимости потенциала каждого человека и – особенно – вложений в его развитие (в образование, здравоохранение, культурный досуг). Но до сих пор зачастую игнорируется простая истина: для эффективных вложений «в человека» нужно прежде всего, чтобы этот «человек» был. Теории «человеческого капитала» и ее реализации в социальной политике срочно нужна демографическая переориентация. Возможно, стоит вернуться к идее «демографической компенсации», но с совершенно иной целевой установкой – не «сокращение населения», а его рост, не «однородная», а многодетная семья как норма. Представляется, что предложения о значительном повышении размера маткапитала (особенно на вторых-третьих детей) и пособий на детей идут в данном направлении. По крайней мере,

Таблица 1

Статистика браков и разводов в России в 2001–2022 гг.

Годы	Браки (тыс.)	Разводы (тыс.)	На 1000 человек населения		Соотношение коэффициентов разводимости и брачности
			браков	разводов	
2001	1001.6	763.5	6.9	5.3	0.77: 1
2005	1006.6	604.9	7.4	4.2	0.57: 1
2010	1215.1	639.3	8.5	4.5	0.53: 1
2015	1161.1	611.6	7.9	4.2	0.53: 1
2020	770.9	564.7	5.3	3.9	0.73: 1
2021	923.6	644.2	6.3	4.4	0.73: 1
2022	1053.8	682.9	7.2	4.7	0.65: 1

Составлено по [7; с. 50] (округление численности и сопоставление коэффициентов осуществлено нами. – Ю.В.)

это больше, чем сейчас, компенсирует постоянно растущие затраты семей на рождение и воспитание ребенка.

Непосредственным поводом нашего исследования явились несколько статей накануне и по итогам Первой Всероссийской конференции «Демографическая политика современной России: как добиться роста вопреки прогнозам» (Москва, 2023, 25 апреля) [16, 17]. В них очень заинтересованно обсуждалась основная проблема конференции, но обнаружилось и немало некорректных интерпретаций. Это убедило нас в двух важных моментах: с одной стороны, в задачи авторов и участников дискуссии явно не входила компрометация современной демографической политики России, с другой – она реально происходила. В одной из статей [16] фиксируется, что «многочисленные пособия и льготы за рождение детей кардинально ситуацию не меняют». «Низкая рождаемость» объясняется рядом причин: многолетней «пропагандой по культуре», ТВ, рекламой сексуальной раскрепощенности; «перемещением жителей сельской местности в города»; ростом уровня образования и «тягой женщин к высокому месту в обществе»; изменением роли женщины – «вчера, прежде всего, – домохозяйка, мать», сегодня – конкурент с мужчиной на рынке труда; опасениями впасть в бедность; ростом тревожных настроений в обществе; сокращением числа женщин от 30 до 39 лет (на которых приходится почти половина рождаемости). Некорректным в данном случае является смешение разных причин – ситуативных и исторически необратимых. Ведь если следовать логике автора, то для роста рождаемости надо вернуть большую часть населения России в сельскую местность, а женщинам вернуть роль домохозяек и извлечь их с рынка труда. Столь же некорректно во второй статье [17] объявление «порочной практикой» «желания молодых россиянок сперва получить высшее образование, сделать карьеру, добиться материального благополучия и лишь потом подумать о том, чтобы стать матерью».

Соответственно, возникла исследовательская задача – выявить разнообразие типов некорректных интерпретаций и проанализировать их.

Начнем с *катастрофических* интерпретаций современного состояния и перспектив развития брачно-семейных отношений. В самом начале Года семьи в «Аргументах и фактах» была опубликована подборка статей о российской семье. Информация о ней вынесена на титульную страницу – «Будущее во браке. 73% семей в России распадаются. Что может их спасти: брачный договор, разница в возрасте или обилие детей?» [18]. «73% семей в России распадаются» – эта хлесткая журналистская интерпретация означает: из каждых 4 семей 3 распадаются. Понятно, насколько такая «статистика» приобретает антимотивационный смысл для молодых людей, решающих сложнейшую личностную проблему (имеющую огромный социальный смысл) – создание своей семьи. Самое главное, что подобные или более «спокойные» (каждая вторая-третья семья распадается) варианты оценок получили широкое распространение и утвердились в общественном мнении. Не менее значимо и то, что они опираются на данные статистики браков и разводов, ежегодно фиксируемые Росстатом и его региональными подразделениями. Но (и это приводит к некорректной интерпретации) осуществляется ошибочное сравнение несопоставимых данных – числа браков и разводов за текущий год (в научных целях иногда сравниваются – и тоже некорректно – коэффициенты брачности и разводимости на 1000 человек). О механизме такого сравнения говорит и в целом интересная и содержательная публикация в «Российской газете» «Мама, папа и сколько «Я» [19], где статистика браков и разводов подана в аналогичном сопоставлении. Представим данные статистики за 2001–2022 гг., используя это сопоставление (табл. 1).

Итак, ежегодно у нас должны были бы распасться от каждой второй до 3 из каждых 4 семей. Такими темпами в России бы к 2024 г. явно не могло бы остаться 42 млн семей, что не означает и готовности как-то приукрашивать брачно-разводную ситуацию, придающую семейной структуре России тревожные, проблемные оттенки (рис. 1).

Рис. 1. Количество семей в России. 2024 г.

(цит.по: [https://kolokolrussia.ru/i/upload/549-](https://kolokolrussia.ru/i/upload/549-8801470174090_3a24ab378bcf6ebaadaaac3762362129.jpg)

8801470174090_3a24ab378bcf6ebaadaaac3762362129.jpg)

Рис. 2. Влияние браков и разводов

на количество существующих семей

Браки и разводы некорректно соотносить между собой, они по-разному характеризуют существующие семьи: браки – на сколько % их число выросло, разводы – на сколько % оно сократилось (рис. 2). Да и к «1000 человек населения» у них разное отношение: браки уменьшают число холостых и незамужних, разводы – число состоящих в браке.

Но стереотип оказался устойчивым: спустя несколько номеров в том же еженедельнике и вновь с анонсом на титульном листе появляется статья «С разводом полный караул. Примерно 70% браков в России распадаются. Почему семья трещит по швам. Поможет ли уменьшить число разводов усложнение этой процедуры и увеличение размера алиментов? Или всё же государству надо найти ответ на квартирный вопрос? Ведь как отмечают психологи, маленькая квартира – убийца семьи» [20].

Говоря о разводах, нельзя, однако, упускать два процесса, наложившие с сер. XX в. четкий отпечаток на структуру семьи, характер внутрисемейных отношений, и – что особенно важно в рамках нашего анализа – на представления современной молодежи о семье, факторах ее прочности. Это, прежде всего, *нуклеаризация*, рост доли нуклеарных семей (*nuclear family* – ядерных, *супружеских* или *партнёрских* семей) – семей из родителей и их детей, еще не создавших своих семей. В традиционных (расширенных) семьях из видов внутрисемейных отношений (родительство, супружество, родство) приоритетным является родительство, и молодая семья расширяет семью своих родителей. В нуклеарных семьях молодые супруги с момента возникновения своей семьи живут (или, в реальных условиях, стремятся жить) отдельно, что и превращает отдельное жилье в важный фактор ее благополучия. Супружество в этих семьях становится приоритетным. Второй процесс – становление *биархатной* семьи (*би* – два + греч. *arche* – власть; двоевластие), где супружеские отношения характеризуются равным участием и равной ответственностью, где на

этой основе меняются полоролевые функции.

О реальных приоритетах студенчества в понимании сущности и назначения современной семьи (и, соответственно, об их недооценке во многих дискуссиях по проблемам семьи) говорят, в частности, результаты недавнего федерального исследования РОС «Студенчество России о семье». Студентам было предложено выразить согласие/несогласие с рядом суждений (табл. 2).

Итак, в приоритетах – традиционное понимание брака как союза мужчины и женщины (хотя то или иное воздействие либеральной пропаганды еще испытывает почти каждый пятый респондент), любовь, взаимоуважение и взаимопонимание супругов, их равное участие в домашних делах и в воспитании детей, стремление найти определенный баланс между семьей и карьерой (но и неготовность жертвовать семейным благополучием ради карьеры). Среди реальных проблем – высокая доля сомневающихся в необходимости официальной регистрации брака, достаточно массовое неприятие брачного договора, крайне незначительная ориентация на многодетную семью (хотя она (6%) в 1.5 раза выше, чем реальная доля этих семей) и распространенность мнения (у двух из каждых трех респондентов), что семья может быть счастливой и без детей.

Еще одним источником некорректных интерпретаций нередко выступает *статистика динамики роста (убыли) населения и основанные на ней прогнозы*. Типична в данном отношении статья «Вперед в XIX век?» [21]. В ней акцентируется «пессимистический сценарий» Росстата («другие, по мнению авторов, в нашей стране практически не сбываются») и утверждается, что «вторую половину XXI века Россия встретит имея лишь 130.6 млн человек постоянного населения». И хотя в конце статьи мимоходом упоминается «демографическая яма», но упреки в основном обращены к нынешнему населению России, особенно к молодежи – за низкую рождаемость.

Таблица 2

С какими утверждениями Вы согласны? (% студенты УрФУ, n = 297)

Утверждения	Согласен		
	Нет	Отчасти	Да
Основой семьи должны быть любовь и взаимоуважение	0	7	93
Мужчина должен активно участвовать в воспитании ребенка, уходе за ним	1	6	93
Воспитание детей – равное право и обязанность родителей	3	9	88
Брак – это союз мужчины и женщины	7	11	82
Карьера такая же важная часть жизни, как и семья, и для мужчины, и для женщины	4	20	76
Мужчины наравне с женщинами должны вести домашнее хозяйство	4	27	69
Семья может быть счастливой и без детей	9	24	67
Трудоспособные дети после 18 лет должны заботиться о нетрудоспособных родителях	5	33	62
Брак должен быть официально зарегистрированным	14	29	57
Ребенка трудно вырастить счастливым без отца	25	33	42
Государство оказывает достаточную помощь семьям с детьми	12	55	33
Брачный договор укрепляет семью	32	42	26
Карьера – важная часть жизни современного человека, она должна быть на первом месте	32	48	20
В семье должно быть 3 и более детей	78	16	6

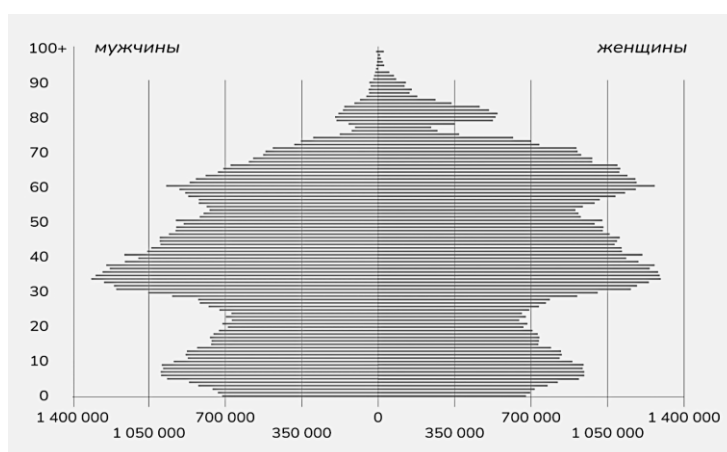

Рис. 3. Половозрастная структура России на 1 января 2022 г. (Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 01.01.22: Статбюллетень. М.: Росстат, 2022. С. 10)

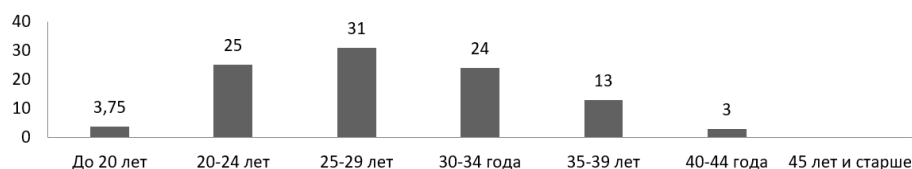

Рис. 4. В каком возрасте рожают в России (по данным Росстата за 2018–2023 гг., % [17])

Однако анализ одной из последних половозрастных пирамид России позволяет серьезно переадресовать эти упреки (рис. 3).

Самый большой провал в численности женщин приходился в 2022 г. на ранние репродуктивные возрастные группы (15–19, 20–24), и основной вклад в поддержание уровня рождаемости вносили более старшие по возрасту группы (рис. 4).

Проявляется то, что демографы-профессионалы уже давно выявили как первопричину «демографической ямы» и её последствий («эхо»): «Число женщин репродуктивного возраста в России падает с 2010 г. с ускорением – это эхо демографического кризиса 1990-х, – отмечает А. Ракша (признан иногентом) [22]. – С 1987 по 1999 число родившихся в РСФСР,

Таблица 3

Численность женщин Свердловской области по возрастным группам и группам репродуктивности (дорепродуктивная, репродуктивная и пострепродуктивная) на 1 января 2018 и 2024 гг.

Группы	2018		2024	
	Численность	%	Численность	%
Всего	2332320	100	2269402	100
0–4 года	145068	6.22	102700	4.53
5–9 лет	132356	5.67	138871	6.12
10–14 лет	109134	4.68	111422	4.91
<i>Дорепродуктивный</i>	<i>386558</i>	<i>16.57</i>	<i>352993</i>	<i>15.15</i>
<i>Репродуктивный</i>	<i>1010124</i>	<i>43.30</i>	<i>974971</i>	<i>42.95</i>
15–19	97813	4.19	111722	4.92
20–24	98886	4.24	101215	4.45
25–29	140759	6.04	97212	4.28
30–34	189962	8.14	136379	6.01
35–39	174331	7.47	186498	8.22
40–44	165815	7.11	175886	7.75
45–49	142558	6.11	166059	7.32
<i>Репродуктивный</i>	<i>1010124</i>	<i>43.30</i>	<i>974971</i>	<i>42.95</i>
<i>Пострепродуктивный</i> (50 лет и старше)	<i>935638</i>	<i>40.12</i>	<i>941438</i>	<i>41.90</i>

Расчет наш. – Ю.В. Рассчитано по: Численность населения Свердловской области по возр. гр. 2018–2024 гг.
xlsx <https://66.rosstat.gov.ru/>

а потом в Российской Федерации сократилось вдвое: с 2.5 до 1.25 млн человек в год. В 90-е и начало нулевых рождалось мало девочек, которые сейчас выросли и могут родить. В 2030 г. женщин основного детородного возраста будет на 40% меньше, чем в 2010».

Механизм некорректной интерпретации в данном случае проявляется в фиксации реального факта без учета причинно-следственных связей. Это особенно относится к общим коэффициентам рождаемости и смертности (в расчете на 1000 человек населения) или суммарной рождаемости (на 1 женщину). Характерна публикация [23], включавшая и сравнение демографических показателей за предшествующий период нынешнего президентства В.В. Путина (2017–2023): сокращение населения – на 1.6 млн человек, снижение рождаемости (на 1000 человек) – на 2.8 (с 11.5 до 8.7). Нередко это происходит при межрегиональных сравнениях. Таково сравнение регионов с самой высокой рождаемостью (число родившихся в 2023 г. на каждую тысячу человек) (Чечня – 19.7; Тува – 16.9; Ингушетия – 15.0; Дагестан – 13.1; ЯНАО – 12.9; Алтай – 12.8; Ненецкий АО – 12.1) и самой низкой рождаемостью (Саратовская обл. – 6.6; Владимирская обл. – 6.4; Тульская обл. – 6.4; Рязанская обл. – 6.0; Ленинградская обл. – 6.0; Мордовия – 5.9; Смоленская обл. – 5.8) [14].

Казалось бы, эти коэффициенты объективно отражают реальную ситуацию. Но некорректность таких интерпретаций – в манипулировании цифрами без глубокого демографического анализа той самой *средней 1000 человек населения*, на основе которой осуществляется расчет,

без учета возрастной структуры этой «тысячи» и численности женщин (по разным возрастным группам – дорепродуктивный, репродуктивный, пострепродуктивный) в сравниваемые годы и на сравниваемых территориях.

Для правильного понимания – такие сравнения необходимы, они позволяют выделить наиболее проблемные регионы, корректировать государственную демографическую политику. Но важна не столько фиксация проблемы, а социальный-демографический анализ ее причин и факторов.

Покажем его значимость на примере Свердловской области, где за 2017–2023 гг. рождаемость сократилась в 1.4 раза (с 53583 человек за 2017 г. до 38529 человек за 2023 г.). Многие объясняют динамику возрастной структуры женщин Свердловской области на 1 января 2018–2024 гг. (табл. 3).

Заметно основное различие в этой структуре: численность женщин в возрастной группе от 25 до 34 лет (а именно эти группы в последние годы – по мере повышения возраста вступления в брак и рождения первого ребенка – вносят сегодня наибольший вклад в рождаемость) за эти 6 лет сократилась только в одном регионе на 97130 человек. Понятно, что такое сокращение связано не только с «демографической ямой 1990-х», но её влияние имеет решающее значение. Выясняется – сохранись в 2023 г. рождаемость на уровне 2017 г., ее снижение было бы большим. Нынешнее поколение женщин рождает даже чуть больше своих мам.

Кстати, одна из наиболее частых некорректных интерпретаций данных демографической

Таблица 4

Динамика браков в РФ по возрастам (возрастным группам) женихов и невест в 2000–2022 гг., %

Годы		Возрастные группы			
		До 18	18–24	25–34	35 и более
2000	Жених	0.4	45	33.8	20.6
	Невеста	3.3	57	23.7	16
2010	Жених	0.1	30.7	46.5	22.7
	Невеста	1	45.7	37.1	16.2
2015	Жених	0.1	21.3	52.2	26.4
	Невеста	0.8	34.5	44.2	20.5
2020	Жених	0.1	18.7	48.4	32.8
	Невеста	0.5	31.1	40.8	27.6
2022	Жених	0.1	17.8	43.9	38.2
	Невеста	0.4	28.9	37.0	33.7

Расчет наш. – Ю.В. Рассчитано по: [7; с. 52–53]

Таблица 5

Для чего нужна семья?* (%)

Предназначение семьи	2020	2024
Для психологической поддержки	77	72
Для общения, совместного досуга	70	72
Для воспитания и развития детей	48	63
Для рождения детей	40	60
Для регулярных сексуальных отношений	21	12
Чтобы соответствовать общепринятым нормам	6	4
Для совместного бизнеса	6	4

*Вопрос поливариантен, поэтому сумма ответов превышает 100%.

статистики и социально-демографических исследований – соотношение низкой рождаемости с тем, что «нынешняя молодежь не спешит создавать семьи и обзаводиться детьми» [13].

Она, действительно, не спешит «создавать семью» (табл. 4).

Тренд нарастает уже не одно десятилетие. К 2022 г. перестали быть сколько-нибудь заметным явлением – и для женихов (сокращение в 4 раза), и для невест (сокращение в 8 раз) – браки до 18 лет. Лишь один из шести женихов и менее трети невест вступают сегодня в брак до 25 лет. Некорректность интерпретации этого тренда (проявляющегося и в других развитых странах) можно выразить формулой: *откладывание* рождения (ради получения высшего образования, карьерного роста и материального благополучия) = *отказ* от рождения. У такого откладывания немало негативных моментов: медико-физиологические проблемы поздней беременности, сокращение продолжительности репродуктивного периода у женщин... Это, конечно, приводит и к снижению рождаемости. Но основная причина такого снижения не в этом: оно произошло бы и при сохранении более ранних возрастов вступления в брак и рождения первенца и последующих детей. Сказывается, как уже отмечено выше, сокращение численности женщин в репродуктивном возрасте.

И любые призывы «перестать плодить женщин с высшим образованием», «забывших про

свое предназначение: рожать и сохранять домашний очаг», или – в более облегченном варианте – утвердить «правильную систему ценностей для женщин: семья и дети на первом месте, образование – уж как получится» [24] не смогут переломить указанный тренд. Подобные призывы выглядят анахронизмом для социума, нацеленного на качественное повышение своего интеллектуального, профессионального, образовательного потенциала. Но самое главное – они не имеют ничего общего с реальными фамилистическими и родительскими установками самой молодежи. Вот как ответили – якобы «забывшие о репродуктивной функции семьи» – студенты вузов Екатеринбурга на вопрос «Для чего нужна семья?» в рамках VIII (2020) и IX (2024) этапов многолетнего мониторинга (1995–2024) [9] (табл. 5).

Понятен приоритет коммуникативной функции семьи – в их самостоятельной семье взаимопонимание, взаимоуважение между супругами должны быть определяющими. Но за 4 года почти в 1.5 раза выросла доля тех, кто считает важными, значимыми репродуктивную и воспитательную функции.

Достаточно значима и готовность студентов стать – в перспективе – родителями. За 4 года она даже возросла (табл. 6). Именно поэтому неправомерно абсолютизировать ответы «нет» и тем более применять их ко всей молодежи – «поколение чайлдфри».

Таблица 6

Планируют ли когда-нибудь стать родителями?		
Варианты ответов	2020	2024
Да	83	89
Нет	16	9
Я уже родитель (мать, отец)	1	1
Затруднились с ответом	-	2

Таблица 7

Распределение ответов студентов на вопрос о престижности быть родителем в России (%)

Год	Да	Скорее да, чем нет	Затрудняюсь ответить	Скорее нет, чем да	Нет
2020	22	33	26	12	7
2024	36	44	11	6	3

Таблица 8

Среднее предпочитаемое число детей

Год	Ожидаемое	Желаемое	Желаемое в идеальных условиях
2020	1.77	1.90	2.20
2024	1.80	1.80	2.00

Таблица 9

Представления студентов о многодетности

-3	Диапазон оценок	+3	Индекс
Ленивая	Трудолюбивая		0.92
Пассивная	Активная		0.83
Конфликтная	Дружная		0.61
Нестабильная	Стабильная		0.38
Несчастливая	Счастливая		0.37
Бедная	Богатая		-0.07

Важный позитивный момент – в студенческой среде (по крайней мере, мы можем судить об этом по результатам локального исследования) усиливается убежденность: в современной России быть родителем престижно (табл. 7).

Средний возраст предполагаемого родительства (учтены ответы респондентов, ответивших «да» на вопрос «Планируете ли Вы когда-нибудь стать родителем?») повысился за 4 года с 26.5 лет (2020; $n = 1658$) до 28.4 лет (2024; $n = 1778$), что отразило устойчивость тренда на вступление в брак и рождение первого ребенка в более позднем возрасте.

Изучая репродуктивные планы студентов, мы выясняли и планируемое (желаемое, ожидаемое, желаемое в идеальных условиях) число детей в их будущих семьях (табл. 8).

Оно за 4 года по ряду параметров несколько снизилось. Но было выше реального суммарного коэффициента рождаемости в Свердловской области [8, с. 275]. Если в планах уральского студенчества многодетность пока привлекает лишь немногих, то в оценке ими этого перспективного феномена заметны очень важные изменения. На IX этапе мониторинга была использована методика группы А.П. Багировой по изучению представлений о многодетности (табл. 9).

Уже исходное исследование (2023, объект – население Свердловской области с доходами

ниже прожиточного уровня) выявило складывающийся в регионе позитивный образ многодетной семьи [3; с. 281–284]. В представлениях студентов этот образ становится еще более ярким. При всей своей прожективности и определенной идеализации (ведь два из трех наших респондентов, как и в целом нынешняя молодежь России, росли в однодетных семьях) он явно контрастирует с приписываемой этому поколению убеждению: «Каждый новый ребенок – это шаг к бедности» [25]. Конечно, проблему бедности (особенно бедности многодетных семей) нужно решать. И тут мы (не по форме, а по сути!) согласны с мнением экономиста А. Зубца: «Чтобы повысить рождаемость, государство должно «покупать» детей, причем дорого» [26]. Но нужно видеть и другую сторону многодетности – формирование трудолюбивых и активных детей, ощущение дружелюбия и взаимопонимания, устойчивости и счастья.

Эта противоречивость в оценке многодетности подводит к еще одному варианту некорректной интерпретации данных демографической статистики – *игнорированию некоторых позитивных данных*. Прежде всего, это относится к статистике прерывания беременности (абортов), особенно в возрастном разрезе. А тут положительные тренды налицо. Только за 2000–2022 гг. общее число аборт в России сократи-

лось в 4.25 раза (с 2138.8 тыс. до 503.8 тыс., на 100 родов со 168.7 до 39) [4, с. 232], хотя и сегодня не рождаются до 0.5 млн уже зачатых детей, а значит, существуют серьезные возможности дальнейшей оптимизации работы по убеждению беременных женщин (и их ближайших родственников!!!) отказаться от аборта. Причем – в свете недавней дискуссии об абортах – демографическая политика в данном вопросе должна опираться именно на убеждение, на другие методы *soft power* («мягкой силы») и исключить возврат к «запрету на аборт». Тут мы солидарны с позицией В.И. Матвиенко: «Никакие запреты, никакая кампанейщина, никакое давление, никакая криминализация законодательства в данной сфере не могут и не смогут решить эту проблему» [27].

Еще в 2010 г. доля абортотворцев у женщин в возрасте до 18 лет составляла 21.2% от их общего числа (в т.ч. до 14 лет – 0.6%, 15–17 лет – 20.6%). К 2022 г. она сократилась до 3.7% – почти в 6 раз (соответственно – до 0.2% и до 3.5%) [4, с. 232]. Если вспомнить, какой острой проблемой в СССР (да и в РСФСР) в 1960–1970-е гг. была беременность девочек-подростков (часто завершавшаяся абортотворством), а моя деятельность в сфере теории и практики социологии молодежи начиналась именно в те годы, то заметно серьезное (не только количественное, но и качественное) изменение ситуации. Оно, может быть, ситуативно – применительно к данной возрастной группе (начальный период репродуктивного возраста женщин) – привело к снижению уровня рождаемости, но, за счет укрепления репродуктивного здоровья женщин, создало предпосылки для его роста у женщин более старших возрастов и повышения верхней границы репродуктивного возраста.

Заключение

Завершая анализ, подчеркнем: мы далеки от абсолютизации реальности негативного влияния рассмотренных некорректных интерпретаций на профамильные и прородительские установки молодежи, речь, скорее, идет о косвенном влиянии – через стереотипы общественного и молодежного сознания. К тому же инструмент наших опросов не предусматривал ни фиксации такого негативного влияния, ни определения его степени. Задача исследования – скорее предупредить об опасности. Но демографическая ситуация в России и на ближайшую перспективу настолько сложная, что развить и поддержать в молодежной среде пробивающиеся ростки ценности семьи и родительства – важный вклад науки (социологии и демографии) в достижении намеченных задач государственной демографической политики.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 24-48-10012, <https://rscf.ru/project/24-48-10012/>.

Примечания

****Движения ЛГБТ, чайлдфри запрещены в РФ.**

1. С позиций экономики известно, что прирост населения на 1% требует для сохранения прежнего уровня жизни, существовавшего до прироста, увеличение валового национального продукта на 2% [8, с. 186].

2. В рамках обсуждения закона об ответственности за пропаганду отказа от деторождения отметим: речь идет именно о пропаганде (навязывании) этих идей, а не о решении конкретных людей (как показывают исследования, зачастую ситуативном) не иметь детей. Критика идеологии «планирования семьи» не отменяет важности и необходимости для каждого человека планирования перспектив создания его семьи, перспектив рождения и числа будущих детей. Кстати, с точки зрения традиционных ценностей, языковая практика закрепила слово «дети» как множественное число, и словосочетание «один дети» звучит абсурдно.

3. Поскольку глубокий и всесторонний анализ результатов исследования еще предстоит и будет (как всегда) проведен большим коллективом представителей региональных отделений РОС, мы ограничимся лишь данными по студентам УрФУ, подчеркнув их репрезентативность в масштабе общего массива участников и близость общим результатам по характеру и направленности оценок и ответов.

4. Характерно, что она появляется в беседе журналиста с гендиректором ВЦИОМ В. Федоровым, где подчеркнуто, что две трети россиян (67%), опрошенных центром, назвали семью самой важной для себя ценностью, что «в целом настроения у людей позитивные». К чести социолога-профессионала – в вопросе журналиста.

Список литературы

1. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 15.10.2024).
2. Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 256 с.
3. Ростовская Т.К., Шабунова А.А. [и др.] Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2023 / Отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. Вологда: Вологодский научный центр, 2024. 336 с.
4. Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 701 с.
5. Демография. Национальный проект России, инициативы нацпроекта и возможности для граждан. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya/> (дата обращения: 15.10.2024).
6. Антиженщина: планирование семьи как фашизм. URL: https://ivan4.ru/news/society/antizhenshchina_planirovanie_semi_kak_fashizm/ (дата обращения: 12.10.2024).

7. Столетняя война против семьи и деторождения: Международная федерация «планирования семьи» отметила юбилей. URL: https://ivan4.ru/news/semeynye_tsennosti/stoletnyaya_voyna_protiv_semi_i_detorozhdeniya_mezhdunarodnaya_federatsiya_planirovaniya_semi_otmeti/ (дата обращения: 12.11.2016).
8. Лосев К.С., Горшков В.Г., Кондратьев К.Я. и др. Проблемы экологии России = Russia in environmental crisis / Отв. ред. В.И. Данилов-Данильян, В.М. Котляков. М.: Федеральный экологический фонд РФ, 1993. 348 с.
9. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995–2020 гг.): Монография / Под общ. ред. Ю.Р. Вишнеvского. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 372 с.
10. Студент 1995–2016 гг.: Динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: Монография / Под общ. ред. Ю.Р. Вишнеvского. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.
11. Согомонов Ю. Молодежь как будущее, живущее в настоящем // НГСценарии. Интернет-версия, 2017, 25 апреля.
12. Смакотина Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты. М.: МИЭМ, 1999. 257 с.
13. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. 2-е изд. М.: Наука, 2003. 161 с.
14. Газеты пишут // Демоскоп Weekly. № 1045-1046. 1–14 октября 2024. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01045/gazeta01.php> (дата обращения: 14.10.2024).
15. Баева Е.С., Балясов А.А., Барков С.А. [и др.] Культурное наследие и связь поколений: Монография / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2023. 406 с.
16. Костиков В. Народ – недород. Почему пропаганда многодетности пока не может затормозить убыль населения России // Аргументы и факты. 2023. № 23.
17. Рожать или подождать. Нужно ли женщине забыть об образовании и карьере ради материнства // Аргументы и факты. 2023. № 30.
18. Будущее во браке // Аргументы и факты. 2024. № 9. 28 февраля. С. 3, 32–33.
19. Мама, папа и сколько «Я». Совет экспертов: Какую семью мы будем укреплять в Год семьи? // Российская газета. 2024. 24 января.
20. С разводом полный караул // Аргументы и факты. 2024. №22. 24 мая – 4 июня. С. 32–33.
21. Вперед в XIX век? // Советская Россия. Отечественные записки. 2024. № 3.
22. Демограф оценил возможность «демографической спецоперации» в России. URL: <https://radiokp.ru/> (дата обращения: 15.10.2024).
23. Как изменилась Россия за последние годы // Советская Россия. 2024. 21 марта.
24. Аракелян Е. Вы не думайте, Вы рожайте // Комсомольская правда. 2023. 29 ноября. С. 4–5.
25. Костиков В. Тень рожденья. Почему нынешняя молодежь не спешит создавать семьи и обзаводиться детьми // Аргументы и факты. 2023. № 35.
26. Кривякина Е. История с демографией. Только цифры // Комсомольская правда. 2024. 3 июля.
27. Запрет и плод. Валентина Матвиенко подвела черту под дискуссией об абортах, которые предлагали запретить // Аргументы и факты. 2023. № 49.

DISTORTIONS AND INCORRECT INTERPRETATIONS OF DEMOGRAPHIC STATISTICS AND SOCIO-DEMOGRAPHIC RESEARCH DATA AND THEIR NEGATIVE IMPACT ON YOUTH ATTITUDES

J.R. Vishnevsky

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

The problem studied in the article is caused by the need to form positive pro-family and pro-parental attitudes of student youth within the framework of the implementation of the national projects "Demography" and "Youth". The anti-human and anti-Russian orientation of the propaganda of "family planning", transgenderism, childfreeism, and same-sex marriages is emphasized. The article analyzes various variants of distortions and incorrect interpretations of demographic statistics and socio-demographic research data, reveals their prerequisites and mechanism, and identifies their possible negative impact on the formation of these attitudes. The materials of the article implement the social and protective function of the sociology of youth, showing - on the basis of a generalization of students' opinions - the inconsistency of stereotypes common in the media and public opinion about the "unwillingness of modern youth to start a family, become parents", about the mass "breakup of families in Russia". The empirical basis of the study is data from the VIII (2020) and IX (2024) stages of monitoring the socio-cultural development of students in the Sverdlovsk region and Federal studies of the Russian Society of Sociologists "Cultural Heritage and the Connection of Generations" (2022), "Students of Russia about the Family" (2024).

Keywords: demographic statistics (marriage, divorce, birth rate, abortions, age at marriage and first childbirth, large families) and socio-demographic studies, their incorrect interpretation.

УДК 316.4

DOI 10.52452/18115942_2025_2_103

АКТИВНОСТИ РАБОТАЮЩИХ И НЕРАБОТАЮЩИХ ПОЖИЛЫХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

© 2025 г.

И.А. Григорьева, К.А. Галкин

Григорьева Ирина Андреевна, д.соц.н.; главный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург
soc28@yandex.ru

Галкин Константин Александрович, к.соц.н.; старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург
kgalkin1989@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 15.10.2024**Статья принята к публикации 16.04.2025*

В исследовании рассматривается значимость *различных* занятий для работающих и неработающих людей старшего возраста, а также их влияние на качество жизни и социальное благополучие. Основная цель исследования – определить различия в подходах мужчин и женщин старшего возраста к выбору занятий и их роли в повседневной жизни. Исследование основывается на полуструктурированных интервью с респондентами из различных регионов, включая Санкт-Петербург и Республику Карелия.

Применяются методы количественного анализа закодированного нарратива интервью с информантами, что было выполнено с использованием программы для качественного анализа текста QDA Miner. Анализируются две ключевые группы: продолжающие трудовую деятельность и вышедшие на пенсию, чтобы понять, как эти обстоятельства влияют на их предпочтения и поведение. Результаты демонстрируют отсутствие значительных различий между пожилыми мужчинами и женщинами в практиках активности, но значительная разница выявлена между наборами активностей работающих и неработающих.

Ключевые слова: интервью; различия в занятиях работающих и неработающих пожилых, роли бабушки/дедушки; активности; занятость; здоровье.

Введение

Открытие новых перспектив жизни и новых способов ее осмысления всегда связано с человеком, который не подчиняет свое сознание авторитетной традиции, а делает предмет размышления собственным духовным и жизненным опытом. Но этот опыт должен быть все же созвучен общим умунастроениям, свидетельствовать о том, что «резонировало» бы в душах. Каждый человек на свободно выбранных основаниях строит внутренне согласованную (консистентную) систему взглядов, выражающих собственную жизненную позицию. В современном сложном и быстро меняющемся мире, текущем, как называл это З. Бауман [1], проблематизируются оценки и социальные отношения, которые прежде считались почти безусловными или, по крайней мере, общепринятыми. В частности, это принятие обязательности границ пенсионного возраста и преобладающие роли старшего поколения в семье (60+), которые, как правило, описывались как роли бабушек и дедушек. Такая, сугубо поколенческая оптика в настоящее время выглядит слишком эссенциалистской, но она была привычна даже в со-

циологии. В то же время нуждается в разработке на российском материале подход «активного старения», в котором акцентируется важность трудовой занятости пожилых и разнообразия их активностей.

Концепция активного старения¹, начиная с её появления в Мадридском международном плане и последующего развития, внесла значительные изменения в подход к изучению старения. Она способствует более широкому пониманию старения как процесса, в котором важны *не столько биологические аспекты, но и социальные, психологические и экономические факторы. Активное долголетие* подразумевает поддержание высокого уровня активности, что может включать как физическую и внутрисемейную активность, так и разные формы участия в общественной жизни.

Концепция способствовала отходу от медико-биологических детерминант возраста к его пониманию как социального конструкта, который варьируется в зависимости от культурно-исторического контекста страны и региона [2, 3]. Важно учитывать индивидуальное отношение человека к своему возрасту и его собственное конструирование этого возраста [4].

Кроме того, в рамках разработки политики активного долголетия наблюдаются проблемы, связанные с развитием социальной политики, а именно трансляция мер «сверху вниз» без обратной связи от разных групп пожилых и пенсионеров, а также социологических исследований, которые могли бы подтвердить или опровергнуть популярность предлагаемых программ. Это также приводит к недостаточной гибкости программ и их неспособности учитывать потребности пожилых людей в зависимости от их культурных и региональных особенностей. Исследователи подчёркивают, что создание гибкой политики с учётом всех региональных, культурных и инфраструктурных особенностей конкретных мест – ключевой приоритет в реализации мер по активному старению [5].

Анализируя подходы к политике активного долголетия, авторы выделяют два ключевых аспекта, связанных с пересмотром «универсальных» методологий и учетом индивидуальных предпочтений участников. Эти аспекты отражают как необходимость адаптации глобальных индексов под локальные условия, так и значимость личного восприятия определенных занятий пожилыми людьми.

Первый аспект касается стандартов, на которых базируется концепция активного долголетия. Индекс активного долголетия (ИАД), используемый для измерения уровня активности в разных странах, часто подвергается критике за использование единых параметров в странах с различными культурными и социальными условиями, что может приводить к искажению результатов и необъективным оценкам [6, 7]. Например, активное участие в семейных обязанностях, которое в некоторых культурах считается важным и значимым элементом жизни пожилых людей, может быть недооценено или даже интерпретировано как фактор, снижающий общий уровень активности. С другой стороны, общественная деятельность, такая как волонтерство, может быть высоко оценена в некоторых странах, тогда как в других обществах акцент ставится на традиционных семейных ролях [8].

Исследования на основе данных SHARE (Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe) предоставляют важные эмпирические свидетельства о различиях в восприятии активности. Например, волонтерство и регулярная физическая активность оказывают благоприятное влияние на уровень удовлетворенности жизнью и общее качество жизни пожилых людей. В то же время чрезмерная вовлеченность в уход за членами семьи может не только снижать субъективное благополучие, но и увеличи-

вать физическую и эмоциональную нагрузку [9]. Эти результаты подчеркивают необходимость пересмотра подходов к измерению активности, включая разработку индексов, более чувствительных к локальным контекстам и различным формам участия.

Второй аспект связан с восприятием занятий самими людьми старшего возраста и их индивидуальными подходами к выбору активности. Для одних информантов участие в волонтерских программах является способом укрепления социальных связей, возможностью самореализации и способом расширить круг общения. Для других, особенно тех, кто сталкивается с проблемами здоровья, такие программы могут восприниматься как дополнительная нагрузка, что снижает их мотивацию к участию [10]. Эти различия особенно ярко проявляются в контексте физической активности: регулярные занятия физкультурой могут восприниматься как способ улучшения здоровья и повышения жизненного тонуса, однако для некоторых пожилых людей они становятся недостижимыми из-за физических ограничений или отсутствия подходящих условий.

Отсутствие консенсуса в понимании активного долголетия и активности социальными службами, уполномоченными реализовывать эту политику, и самими пожилыми подтверждают многие исследования. В частности, в российском контексте сложно говорить о наличии устойчивых паттернов активного старения, так как в разных регионах страны и в зависимости от культурных представлений о ролях пожилых людей наблюдаются значительные различия. Также следует отметить, что существующие гендерные различия в активностях пожилых людей, которые оказываются достаточно значимыми и на сегодняшний день, изучены слабо. Например, от пожилой женщины в России по-прежнему ожидается выполнение роли бабушки, в то время как от пожилого мужчины – сохранение социальной активности, включая участие в профессиональной сфере [11].

Семейная роль пожилых требует осмысления в связи с трансформацией современной семьи, малочисленностью домохозяйств и растущим спросом на услуги нянь в крупных городах, а также зачастую финансовой необходимостью продолжения трудовой деятельности. Следовательно, современный подход к изучению ролей пожилых женщин и мужчин должен быть дифференцированным и учитывать не только культурные традиции, но и личностные установки, связанные с восприятием возраста и активности. На основе собранных данных исследуются активности работающих и неработающих пожилых мужчин и женщин. Основным вопросом заключается в изучении изменений заня-

тий в зависимости от профессионального статуса, занятости/незанятости в момент проведения исследования и пола. Новизна исследования заключается в изучении взаимодействия активностей с гендерными аспектами, а также в применении количественного анализа текстов интервью для выявления наиболее частотных тем.

Работающие и неработающие пожилые в стареющей России

Глобальный тренд старения из-за увеличения продолжительности жизни, многочисленности поколения послевоенного «беби-бума» и снижения рождаемости уже сложился. В России он аналогичен развитым странам Европы. В этой ситуации роли старшего поколения переосматриваются, традиционные могут уступать место новым. Но, в отличие от Европы, интерес к пожилым в российской социологии меньше, чем к молодежи, и он односторонний, в основном в аспекте «кризиса старения». Рост интереса к пожилым в последние годы пока не привел к теоретической концептуализации старения. Исследования, посвященные ему, рассматривают данный процесс эссенциалистски. К анализу редко привлекается подход Т. Парсонса, который ушел от объективистского взгляда на болезнь и предложил к рассмотрению понятие «роль больного» и разные способы обыгрывания этой роли, в том числе «роль пациента», как не единственно возможную. Видимо, подобным образом можно посмотреть и на «роль пожилого», спектр обыгрывания которой тоже широк. Этот социологический подход или гипотеза в последние годы все чаще находит подтверждение у биологов, отмечающих, что процесс старения является более контролируемым, чем считалось прежде, когда он рассматривался как биологическая заданность [12, 13].

В отечественных исследованиях постоянно говорится о плохом здоровье российских пожилых. Но насколько плохое здоровье пожилых, если период дожития постоянно растет? Или есть маркетинговый интерес к тому, чтобы переместить пожилых из активной жизни в состояние пациентизации? Это медицинский маркетинг под маской заботы? Мы считаем, что в отношении пожилых в полной мере реализовался *управленизм* М. Фуко. А именно, в 1990-е годы возникло понятие «уязвимая группа», и пенсионеры, без всякого разбора, были обозначены в законодательстве именно так [14]. Уязвимость, трудная жизненная ситуация, отсутствие ресурсов, плохое здоровье и бедность – постоянные характеристики пожилых. Проблемы со здоровьем особо подчеркиваются, и плохое здоровье – главный аргумент против повыше-

ния пенсионного возраста. Однако исходить только из средней продолжительности жизни просто неправильно [15, 16].

При этом статусная лестница социально-возрастных групп все заметнее переворачивается из-за гипостазирования значения интеграции в цифровой мир, в чем пожилые заметно уступают молодым [17]. Ресурсы собственности, высокооплачиваемой занятости и социального статуса перетекают к молодежи, хотя в истории всегда старший возраст приносил не изытия, а приобретения.

Современное представление о старости напоминает не «программу организации досуга», а новую концепцию «самоменеджмента», воплощенную в «успешной старости», «активной старости», которую мы не видим как неолиберальный проект перманентной занятости [7]. В рамках различных проектов характеру старения не всегда уделяется должное внимание с точки зрения самих пожилых людей. Государственные службы, как правило, самостоятельно регламентируют аспекты активного долголетия, выделяя лишь определённые направления, например, в России активная старость традиционно акцентируется на необходимости сохранения и поддержания здоровья и досуге [18]. Другим аспектам активного долголетия, таким как развитие специальных программ для поддержания социальной активности пожилых людей, не уделяется должного внимания. Как следствие, в некоторых регионах страны наблюдается осязаемый недостаток возможностей для пожилых людей в плане путешествий, занятости и реализации других активностей.

В современных условиях важно подчеркнуть, что *профессиональная занятость не должна навязываться*, однако мотив «уступить место молодым» любым способом, начиная со своего рабочего места и заканчивая использованием времени своей жизни исключительно на заботу о внуках, не может быть единственно одобряемым сценарием. Для пожилых женщин он особенно привычен, а их заинтересованным родственникам зачастую кажется естественным. Однако такой «статусно-ролевой съезд» вниз для многих очень болезнен [19].

Неработающие пожилые люди воспринимают старение как источник проблем и изоляции, что отражается в текстах интервью в их более простой и негативно окрашенной лексике, а также в пассивных метафорах и сравнениях [20]. Безусловно, восприятие старения как исключительно источника проблем и изоляции не является единственным критерием, через который пожилые люди осмысливают свой возраст. Однако этот стереотип глубоко укоренён в сознании многих, что подтверждается данными

многочисленных исследований. Помимо социальной изоляции, на восприятие старения влияют такие факторы, как финансовые ограничения, недостаток средств для реализации активностей значительно ограничивает возможности пожилых людей участвовать в социально значимых мероприятиях или заниматься туризмом [21]. Проблемы со здоровьем, особенно соматические ограничения, такие как трудности с передвижением, оказывают сильное влияние на самооценку и восприятие возраста [22]. Эти ограничения создают дополнительные барьеры для социальной интеграции. Однако, социальная изоляция, как показано в исследованиях, является одним из ключевых факторов, формирующих негативный образ старости [23]. Пожилые люди часто воспринимают себя как находящиеся в предельно ограниченной жизненной ситуации, лишённой возможностей для развития и активного участия в жизни общества.

Исследования показывают, что отсрочка наступления старшего возраста через продолжение трудовой деятельности, участие в волонтерских инициативах и укрепление социальных связей способствует сохранению когнитивной активности, эмоционального благополучия и физической формы [24, 25]. Такой подход требует переосмысления с учетом индивидуальных потребностей, включая возможность гибкой занятости, адаптацию рабочих задач под физические возможности, развитие дистанционных форм работы, а также создание инклюзивной и комфортной социальной среды, поддерживающей независимость и чувство самореализации. Индивидуальные представления об активностях зависят от пола, профессионального статуса и возраста пожилых людей, что существенно влияет на их предпочтения и изменяет характер участия [26]. Например, мужчины старшего возраста чаще фокусируются на занятиях, связанных с профессиональной деятельностью, в то время как женщины уделяют больше внимания социальной активности и семейным обязанностям. Эти факторы формируют разнообразные стратегии участия, начиная от занятий спортом и заканчивая вовлечением в культурные и волонтерские инициативы.

Методы

Это исследование является частью большого проекта, посвящённого изучению феномена «отложенного старения», который включает комплексный анализ социальных, экономических и культурных аспектов, связанных с изменением восприятия старения. Мы использовали данные фокусированных интервью, закодированных в программе QDA Miner Light. Интер-

вью были собраны в Санкт-Петербурге и Республике Карелия. Основным критерий при отборе информантов – их способность активно участвовать в социальной жизни и исполнять роль дедушки или бабушки, что позволило описать широкий спектр активностей. Формально это «молодые пожилые» или люди 3-го возраста, как их обозначил английский исследователь П. Ласлетт, однако существует много вариантов периодизаций. Анализ данных проводился с привлечением нескольких исследователей, обладающих разными профессиональными бэкграундами, что обеспечило методическую валидность исследования. QDA Miner Light предоставляет широкие возможности для анализа качественных данных, что позволило эффективно закодировать и интерпретировать результаты интервью. Программа позволяет выгружать данные для дальнейшего анализа, что расширяет возможности подготовки аналитических отчётов.

Итак, мы разделили собранные интервью на 2 массива: на работающих и не работающих пожилых, далее массив текстов интервью был закодирован. Были использованы инструменты QDA: Chat; World cloud; Coding overview; Quotation matrix; инструменты вкладки Retrieve. Затем был проведен анализ на частотность слов и словосочетаний (Advego) и встречающихся кодов, которые относились к ролям бабушек и дедушек в жизни пожилых людей. Наиболее часто встреченные коды: мотивы для смены работы; мотивы для продолжения занятости; повышение квалификации; значимость профессиональной занятости; рефлексия о профессии; активность для себя текущая; значение активности; дача/сельское хозяйство; активность прошлая; информированность об активностях; поддержка здоровья (разное); роль бабушки/дедушки. Затем была проанализирована частота кодов отдельно по массивам интервью с работающими и не работающими пожилыми людьми.

Анализ наиболее «тяжелых» кодов и цитат в этих кодах (QDA):

- 16 кодов – по занятости;
- 8 – по включенности в мир ИКТ;
- 17 – по здоровью.

Анализ различий в социальных ролях и активностях пожилых мужчин и женщин

Рассматривая различия в социальных ролях и активностях пожилых людей, следует отметить, что «дедушек» в России всегда было намного меньше, что наглядно показывает таблица ожидаемой продолжительности жизни. К сожалению, это то, чего мы достигли в увеличении периода дожития (табл. 1, Росстат). В

Таблица 1

Таблица ожидаемой продолжительности жизни²

Период дожития	Для мужчин, достигших 60 лет	Для женщин, достигших 55 лет
2005	13.26	22.85
2006	13.89	23.32
2007	14.20	23.77
2008	14.28	23.88
2009	14.52	24.23
2010	14.58	24.23
2011	15.14	24.85
2012	15.38	25.05
2013	15.73	25.36
2014	15.86	25.52
2015	15.96	25.62
2016	16.08	25.80
2017	16.46	26.14
2018	16.56	26.28
2019	16.86	26.56
2020	15.20	24.99
2021	14.42	23.22
2022	16.71	26.08

этой таблице хорошо видно неравное гендерное положение, во-первых, с преимуществом женщин. И во-вторых, неравное положение мужчин усугубляется тем, что пенсионная система не должна быть выстроена так, чтобы период дожития после выхода на пенсию был длиннее, чем трудовой стаж. Эта ситуация и тем, и другим концом бьет по женщинам, которые постоянно жалуются на неравенство: им наравне с мужчинами не платят на рынке труда. Но трудовой стаж у них, как правило, намного меньше, чем у мужчин, а период дожития заметно длиннее, что хорошо видно из таблицы 1. Поэтому вообще им платит пенсию не государство или СФР/ПФР, а платят мужчины, у которых стаж намного больше, а период дожития короче. И это не метафора, а реальная дискриминация, но на такое проявление неравенства почему-то никто из экспертов не обращает внимания. Важным контекстом для понимания этих различий служат данные официальной статистики. Согласно данным за 2023 год, ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) мужчин в России составляет 68 лет, тогда как у женщин – 78 лет³. Разница в 10 лет указывает на необходимость дифференцированного подхода в разработке программ активного долголетия.

В целом «отложенное старение», да и «активное старение» оказались не самыми популярными сценариями старения в России [27], поскольку неразрывно связаны с социально ориентированной активностью, в первую очередь с трудовой занятостью. Подсознательно люди думают, что позитивное отношение к более длительной занятости может быть замечено властью и привести к новому повышению пенсион-

ного возраста. Мы уже отмечали, что возможностью продуктивно реализовать поздний возраст, имея профессиональную занятость или активную общественную работу, то есть не переходя границу «социальной старости», пользуются в основном высококвалифицированные специалисты, как мужчины, так и женщины [28].

В то же время уход с работы осознается, как необходимость попрощаться с надеждами на будущее, наступление старости. Самое простое решение – «принять неизбежно», считать не только биологическое/физиологическое старение естественным процессом, но и социальное, хотя снижение социального статуса и потеря многих активностей оказывается и самым травмирующим. Возможно, в последние два года государство, столкнувшееся с серьезным дефицитом кадров в ряде отраслей, скорректирует через СМИ риторику возраста и старения, но пока это малозаметно.

Мифы деторождения, заботы о детях и внуках как смысла существования женщины очень устойчивы и в настоящее время поддерживаются государством, поэтому кажутся наиболее правильным выбором. Мы же, конечно, предлагаем не только продолжение работы, но и «длинный выходной» для реализации права на собственную жизнь, по смыслу похожий на «социальный год», который принято давать молодежи после школы в некоторых западных странах. Возможно, такой выходной нужен, чтобы открыть новую, неожиданную перспективу, которая позволяет увидеть старение в ранее недоступном ракурсе и осознать, что за любое собственное решение надо платить, и не только деньгами, а разными другими способа-

Таблица 2

**Распределение количества слов пожилых людей по переменной SEX (ПОЛ)
в кодах, характеризующих активности пожилых**

Основной параметр оценки	Подраздел	Мужчины (%)	Женщины (%)
1. Трудовая занятость	Мотивы для смены работы	1.8	7.2
	Мотивы для продолжения занятости	5.4	3.0
	Повышение квалификации	9.17	8.0
	Значимость профессиональной занятости	0.8	2.0
2. Социальная активность и участие	Активность для себя текущая	28.3	19.0
	Активность внешняя	13.1	14.8
	Значение активности	3.4	4.8
	Дача и сельское хозяйство	6.8	6.8
	Активность прошлая	13.8	13.0
	Информированность об активностях	0.4	0.5
3. Здоровье	Поддержка здоровья (разное)	5.7	6.5
4. Отношения с родственниками и друзьями	Роль бабушки и дедушки	11.4	14.7

Таблица 3

Восприятие возраста пожилыми

Обсуждаемые вопросы и темы	Характерные ответы пожилых
Для некоторых людей «пожилой» звучит оскорбительно. Сравнение с тем, кто старше или младше, через это сравнение определение своего возраста. Атрибуты и маркеры пожилого возраста: внешний вид, походка, тележка для продуктов, палки для скандинавской ходьбы, трость	<i>Пожилая – я бы не сказала. Я еще и крашусь, и мажусь, я себя не чувствую пожилой. Как же назвать-то? Я не знаю (16, не работ.).</i> <i>Когда я иду, бывает, во дворе разговаривают, я смотрю на себя и смотрю на него. Вот он пожилой. Вот просто пожилой человек. Да, одежда, естественно. Походка. Внешний вид. Вот так, наверное (21, не работ.)</i>

ми: собственными ценностями, временем, неодобрением близких.

Основное различие между двумя группами связано с типами активности. Работающие пожилые люди активно вовлечены в трудовую деятельность и внешнюю активность, хотя времени у них, казалось бы, меньше. А неработающие больше вовлечены в активности для себя, которые, как правило, связаны с сельским хозяйством, воспитанием внуков и работами по даче. Значимым для обеих групп выступает код: «Роль бабушки/дедушки», что показано в таблице 2.

Анализ по переменной AGE (ВОЗРАСТ) показывает усиление с возрастом рефлексий пожилых людей о ролях бабушки и дедушки, активности для себя текущей и активности прошлой и значимости профессиональной занятости. Усиление интереса к роли прародителей происходит в возрастном диапазоне от 73 лет до 86. Для неработающих пожилых тоже заметен рост значения поддержки здоровья в их активности. И нас, исследователей, удивило в процессе работы отторжение самих пожилых от идентификации «пожилые». Заметно, что женщины оценивают себя, свою сохранность и

«презентабельность» гораздо выше, чем мужчины своих же лет (табл. 3).

Проведённый анализ показал, что пожилые мужчины в большей степени вовлечены в активности, направленные на самореализацию и личное развитие, такие как хобби и физические тренировки, в то время как женщины чаще участвуют в социальных и семейных активностях. Женщины активно включены в поддержание связей с родственниками, участие в воспитании внуков и общественной жизни, что подчёркивает различие в гендерных ролях на этапе поздней зрелости. Женщины также склонны рефлексировать о прошлых активностях и их значении, что подтверждается количеством соответствующих нарративов (рис. 1).

Применение инструмента «Облако кодов» для всех кодов массива интервью позволило выявить основные темы, наиболее часто встречающиеся у мужчин и женщин (рис. 2, 3).

Количественный анализ нарративов показывает, что современные пожилые люди, независимо от пола, демонстрируют схожие практики активности, однако наблюдаются различия в мотивации и контексте активности. Мужчины и

Рис 1. Сравнение по процентам встречающихся слов в блоке «Социальная активность и участие»

охранения на 2020–2025 годы» среди основных задач отмечается важность распространения информации об ориентированных на человека системах здравоохранения, функционирующих на основе цифровых технологий и индивидуализации. Уже пришло время, когда каждый человек имеет свои медицинские данные сохраненными в личном кабинете на портале «Государственные услуги». Конечно, пока есть определенные опасения об их сохранности. Но рано или поздно появятся цифровые возможности обработки медицинских данных в нужном контексте, например моделирования продолжительности жизни и возможности корректировать поведенческие привычки. Будет всеобъемлющая медицинская информация о человеке.

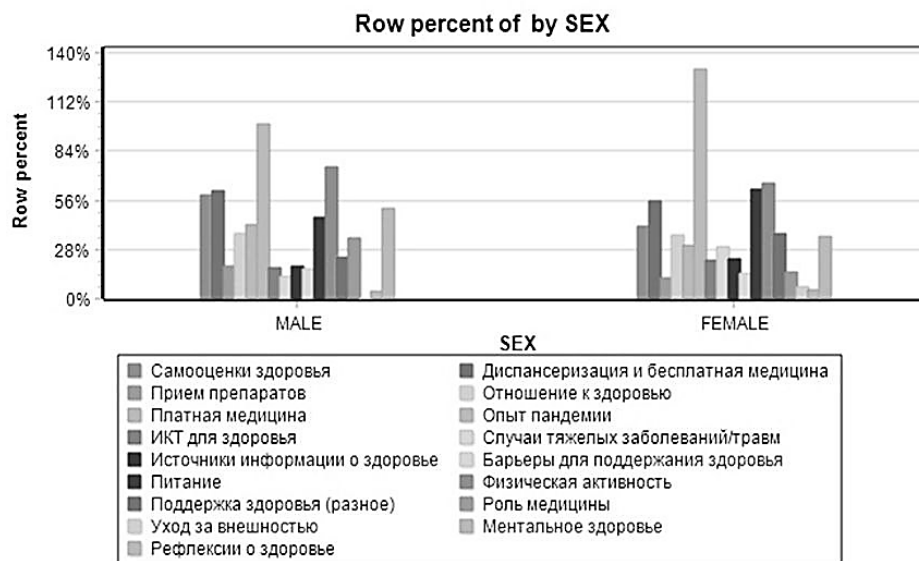

Рис. 4. Сравнение по процентам слов в описании здоровья пожилых мужчин и женщин

доступная, легко анализируемая и передаваемая, в случае необходимости. Казалось, что это приведет к антитехнократическому сдвигу, расстановка сил изменится, и в центре внимания будет здоровье каждого человека. Но, несмотря на рост доли населения, использующего электронные услуги (от 68% до 80% за 2019–2023 гг.), наименее охвачены э-услугами пожилые, которые, по общему мнению, в них в наибольшей степени нуждаются. В течение 2021–2022 гг. количество пользователей Интернета в возрасте 70–79 лет выросло на 0.9%, и это довольно медленно, если исходить из необходимости данных услуг пожилым [29].

В контексте здоровья пожилых женщин было выявлено, что они чаще упоминали о своём опыте пандемии и её влиянии на их здоровье. Мужчины больше рефлексировали на тему самооценки здоровья и физической активности. Общие активности по поддержанию здоровья и использованию ИКТ оказались схожими для обеих групп.

Но интернет-пространство, построенное на модели индивидуализма и ориентации на быстро меняющуюся среду, практически не учитывает потребности пожилых. Так подкрепляется стереотип о старости, не нуждающейся в э-услугах. Здесь мы сталкиваемся с несколькими уровнями проблем: учет потребностей пожилых в мобильных приложениях, цифровая грамотность пожилых, чтобы уметь воспользоваться предоставленными возможностями, необходимость цифровизации многих сервисов, предоставляющих услуги пожилым, высокий порог для входа. Для петербуржцев предпенсионного и пенсионного возраста уже начал работать

сервис «Активное долголетие»: vk.cc/ctRqeG. Но, по мнению опрошенных нами пожилых, он им не интересен или не слишком полезен. Для включенных в интернет-пространство данный сервис не несет ничего нового. Для слабо владеющих э-технологиями доступ туда затруднен. Кроме того, пожилые не понимают, почему доступ не прямой, а через приложение «ВКонтакте», что создает дополнительный барьер для регулярного использования [30]. Мы считаем необходимым обратить пристальное внимание разработчиков на отрасль занятости онлайн. В настоящее время важным выступает учет занятости пожилых людей на различных цифровых платформах. Цифровая трудовая занятость позволяет более гибко настраивать рабочий график, развивать самозанятость и заработок в Интернете, что может быть актуально для заинтересованных пожилых людей [31].

Заключение

Меняющиеся общества предполагают и меняющихся индивидов, многие из которых ценят возможности активности выше, чем адаптацию к «заданным» социальным рамкам. Тем не менее существенным барьером для отложенного старения и продления взрослости являются привычные для российского населения институциональные нормы пенсионного возраста и постулаты медицины, которые играют роль «границ отсечения», слишком рано отделяя «взрослых» от «пожилых» и здоровых от больных пожилых. Растущая продолжительность жизни, формирующая в изменяющемся мире множественные гибкие и разнообразные сцена-

рии старения, приводит к сдвигу привычных возрастных границ и их восприятия, причем разному на разных уровнях социума. Если на индивидуальном уровне люди, особенно высокообразованные и профессионально успешные, могут обновлять принятые сценарии, то ближний социальный круг может относиться к этому неодобрительно. Российское общество в целом подвержено влиянию СМИ, которые до сих пор транслируют традиционную точку зрения. Что же касается государства, то его позиция весьма противоречива. С одной стороны, повышается пенсионный возраст, но нет четко выраженной поддержки занятости пожилых. С другой стороны, государство поддерживает миграцию для заполнения пустующих рабочих мест, а не создает стимулы для более длительной занятости пожилых людей. Стоило бы больше говорить, например, о возможностях подъема карьеры в 60+, что интересно было отмечено С. Барковым с коллегами [32].

Пожилые женщины всё чаще совмещают роль бабушки с профессиональной деятельностью и социальной активностью. Важно учитывать, что хотя роль бабушки остаётся значимой для женщин, она становится частью интеграции в общественную жизнь, а не доминирующим занятием.

Примечания

1. В российском варианте принято использовать термин «долголетие», хотя он не всегда звучит уместно.
2. <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>
3. <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/944830743.pdf>

Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность: Пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. 240 с.
2. Галкин К.А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 239–252.
3. Колосницына М.Г., Хоркина Н.А. Государственная политика активного долголетия: о чем свидетельствует мировой опыт // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 4. С. 27–46.
4. Polivka L. Neoliberalism and postmodern cultures of aging // Journal of Applied Gerontology. 2011. V. 30. № 2. P. 173–184.
5. Principi A. et al. The active ageing index and policy making in Italy // Ageing & Society. 2023. V. 43. № 11. P. 2554–2579.
6. Boudiny K. 'Active ageing': from empty rhetoric to effective policy tool // Ageing & Society. 2013. V. 33. № 6. P. 1077–1098.
7. Парфенова О.А., Галкин К.А. Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 1. С. 200–223.
8. Formosa M. Activity theory as a foundation for active ageing policy: The Maltese experience // EXLIBRIS Biblioteka Gerontologii Społecznej. 2020. № 1 (18). Old age-international perspective – theory and practice. P. 13–24.
9. Lakomý M. The effect of roles prescribed by active ageing on quality of life across European regions // Ageing & Society. 2023. V. 43. № 3. P. 664–688.
10. Zaidi A., Howse K. The policy discourse of active ageing: Some reflections // Journal of Population Ageing. 2017. V. 10. P. 1–10.
11. Григорьева И.А., Сизова И.Л. Траектории старения женщин в современной России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27. № 2. С. 109–135.
12. Kirkwood T.B.L. Why and how are we living longer? // Experimental physiology. 2017. V. 102. № 9. P. 1067–1074.
13. Khalyavkin A.V. Phenoptosis as genetically determined aging influenced by signals from the environment // Biochemistry (Moscow). 2013. V. 78. P. 1001–1005.
14. Григорьева И.А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 5–18.
15. Галкин К.А. Особенности социальных неравенств в здоровье пожилых людей в России и Европе: обзор исследований // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47. № 1. С. 14–22.
16. Михалева А.В. Влияние медиализации на здоровье пожилых людей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. № 2-1. С. 130–140.
17. Григорьева И.А., Петухова И.С. Интернет-практики пожилых: 10 лет развития и изучения // Государство и граждане в электронной среде. 2019. № 3. С. 78–90.
18. Голубева Е.Ю., Данилова Р.И. Здоровый образ жизни как часть стратегии активного долголетия // Успехи геронтологии. 2011. Т. 24. № 3. С. 380–384.
19. Федеральный закон «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» от 02.08.1995 № 122-ФЗ (последняя редакция). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7370/ (дата обращения: 09.10.2024).
20. Видясова Л.А. Активное и отложенное старение в оценках пожилых (по данным пилотного исследования в Санкт-Петербурге) // Журнал исследований социальной политики. 2023. Т. 21. № 3. С. 485–502.
21. Синавская О.В. Российская пенсионная система в контексте демографических вызовов и ограничений // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21. № 4. С. 562–591.
22. Григорьева И.А., Биккулов А.С. Старость, здоровье, активное долголетие и смысловой контекст их упоминания в социальных сетях // Успехи геронтологии. 2015. Т. 28. № 2. С. 354–359.
23. Козырева П.М. и др. Социальная изоляция и одиночество в пожилом возрасте // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 4 (40). С. 46–63.
24. Lemon B.W., Bengtson V.L., Peterson J.A. An exploration of the activity theory of aging: Activity types

and life satisfaction among in-movers to a retirement community // *Journal of Gerontology*. 1972. V. 27. № 4. P. 511–523.

25. De São José J. M. et al. A critique of the Active Ageing Index // *Journal of Aging Studies*. 2017. V. 40. P. 49–56.

26. Walker A. A strategy for active ageing // *International Social Security Review*. 2002. V. 55. № 1. P. 121–139.

27. Саралиева З.Х., Судьин С.А., Егорова Н.Ю. Качество жизни пожилых vs социальная политика в России // *Вопросы управления*. 2023. Т. 17. № 2. С. 58–69.

28. Grigoryeva I.A., Parfenova O.A., Vidasova L.A. Factors Influencing Social Participation of Older People in Russia: Study of Practices of Delayed Ageing // *Changing Societies & Personalities*. 2024. Vol. 8. Iss. 1: Social Participation as a Factor That Changes Societies and Personalities. P. 14–36.

29. Распределение населения в возрасте 15 лет и старше, являющегося активными пользователями сети Интернет, по возрастным группам, по субъек-

там Российской Федерации – 2021–2022: Стат. сб. Федеральная служба гос. статистики. М.: Росстат, 2021. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html (дата обращения: 26.09.2024).

30. Равчик М.И., Татур Е.М. Проблематика учета потребностей пожилых людей при проектировании цифровых сервисов (на примере сервиса «Активное долголетие») // *Управление информационными ресурсами: Материалы XX Международной научно-практической конференции*, Минск, 29 марта 2024 года. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2024. С. 143–144.

31. Равчик М.И., Григорьева И.А. Приоритетные потребности старшего поколения в социальных (электронных) услугах // *Успехи геронтологии*. 2024. № 3. С. 170–176.

32. Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В. Трудоустройство людей в пожилом возрасте: социальные императивы и ограничения в современной России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2022. Т. 22. № 1. С. 97–112.

THE ACTIVITY OF WORKING AND NON-WORKING OLDER MEN AND WOMEN

I.A. Grigoryeva, K.A. Galkin

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, a Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

This study examines the importance of classes for working and non-working older people, as well as their impact on quality of life and social well-being. The study is based on semi-structured interviews with respondents from various regions, including St. Petersburg, Petrozavodsk, Tyumen, Salekhard and the Republic of Karelia, which allows us to identify regional peculiarities in the perception of classes. The main purpose of the study is to identify differences in the approaches of older men and women to the choice of activities and their role in everyday life. Methods of quantitative analysis of the encoded narrative of interviews with informants are used, which was performed using the QDA Miner program for qualitative text analysis. Special attention is paid to two key groups: those who continue to work and those who have retired, in order to understand how these circumstances affect their preferences and behavior. The results demonstrate the absence of significant differences between older men and women in activity practices, however, age plays an important role in the formation of preferences, manifests itself in changes in the types of activities and their intensity, due to physical and social changes accompanying the aging process.

Keywords: older; interviews; roles of grandparents; activities; employment; health.

УДК 316.733

DOI 10.52452/18115942_2025_2_113

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ (ОПЫТ МЕЖПОКОЛЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

© 2025 г.

В.В. Кириенко, В.В. Клейман

Кириенко Виктор Васильевич, д.соц.н.; профессор кафедры социально-гуманитарных
и правовых дисциплин
Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого, Республика Беларусь
kirienko@gstu.by
Клейман Вадим Валерьевич, старший преподаватель кафедры экономики
Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого, Республика Беларусь
kleiman@gstu.by

*Статья поступила в редакцию 10.01.2025**Статья принята к публикации 24.04.2025*

Необходимость обеспечения устойчивого развития в условиях современных глобальных социально-экономических, нравственно-ориентационных общественных трансформаций все более настойчиво ставит вопрос о корректировке межпоколенных механизмов передачи социального опыта. Задача заключается в том, чтобы, формируя новые, соответствующие новым вызовам времени социальные алгоритмы, не утратить базовые, традиционные социокультурные нормативы и, наоборот, сохраняя традиционные социокультурные черты, не утрачивать способность развиваться.

В условиях стремительных геополитических изменений с каждым днем повышается актуальность изучения условий, предпосылок формирования и проявления социально-экономических, духовно-нравственных и геополитических алгоритмов поведения молодого поколения. В рамках рабочей гипотезы исследования авторы предположили, что оценка социальных событий у представителей разных возрастных категорий будет определяться межпоколенными факторами, зафиксированными на ментальном уровне. Для проверки этой гипотезы базовые и инструментальные ценности, индикаторы самочувствия, социальная оценка исторических событий, геополитические предпочтения молодого поколения «детей» представлены в сопоставлении с аналогичными показателями представителей старших поколений «отцов» и «дедов». Одна из задач социологического исследования представляла собой анализ исторической логики и исторической правды в выстраивании значимости исторических событий для судьбы белорусского народа. Для проверки рабочих гипотез исследуемые трансгенерационные процессы были подвергнуты анализу социологическими методами.

Ключевые слова: преемственность поколений; межпоколенные процессы; трансгенерационные факторы; ментальные характеристики; социологические методы; поколения «детей», «отцов», «дедов»; генетическая память; сценарии жизни.

Введение

Преемственность поколений является важнейшим социальным законом жизни человечества, благодаря которому общество получает возможность развиваться, одновременно удерживая в коллективной, в том числе и семейно-родовой, памяти приобретенные, зачастую выстраданные и оплаченные кровью прежних поколений, знания и навыки. Межпоколенные связи в обществе являются стовальным хребтом, обеспечивающим естественные процессы социализации, включение новых поколений в сложнейшие внутрисемейные и внутрисемейные отношения, формирующие базовые смыслообразующие ценности и инструменты организации межличностного взаимодействия. С учетом стремительных геополитических изменений с каждым днем повышается актуальность изуче-

ния условий, предпосылок формирования и проявления социально-экономических, духовно-нравственных и геополитических алгоритмов поведения молодого поколения. Трансгенерационные факторы представляют собой особую форму социально-психологических отношений, благодаря которым каждое новое поколение наследует опыт предков, получая в наследство генетическую память, сценарии жизни и стили поведения старших поколений. В своем экзистенциальном содержании трансгенерационные процессы в значительной степени бессознательные, оформленные в передаваемых от поколения к поколению родовых (семейных) историях, преданиях, мифах, архетипах, выполняющих роль смысловых межпоколенных кодов. В этом смысле каждое новое поколение не вольно самостоятельно выбирать, какие черты характера и модели поведения ему перенимать от родителей, а от

каких отказываться, это «считывается» им еще с детства. Опыт прошлых поколений не отпускает как ныне живущих, так и их потомков.

Теоретико-методологические основы исследования

Идеи о существовании неотрефлексированных форм межпоколенных связей существуют столько же, сколько существует и наука об обществе. Теоретические основы механизмов передачи родовых кодов от старших поколений молодому поколению на системной методологической основе начали интенсивно исследоваться со второй половины XX века. Теоретико-методологическую базу для исследования этих процессов составили идеи ученых, работающих на стыке социологии и психологии: Зигмунда Фрейда, Карла Гюстава Юнга, Эриха Берна.

Зигмунд Фрейд в своих трудах сформулировал принципиальное положение о том, что индивидуальный опыт каждого человека несет в себе отпечаток коллективного опыта, приобретенного предшествующими поколениями: «Если психические процессы одного поколения не передавались бы другому, не продолжались бы в другом, каждому пришлось бы вновь учиться жизни, что исключало бы всякий прогресс и развитие» [1]. Развивая идею З. Фрейда о межпоколенном наследовании социального опыта, Карл Гюстав Юнг ввел в научный оборот понятие «коллективного бессознательного», аккумулированного в архетипических образах, моделях, мифах, сказках, художественных произведениях, осуществляющих передачу от поколения к поколению накопленного человеческого опыта [2]. Близкие идеи о роли фактора семейной истории в судьбе человека развил основатель трансактового анализа Эрик Берн. Описывая варианты воздействия семьи на формирование личности ребенка, он ввел в научный оборот понятие «сценарий», определяемый как «постепенно развертывающийся жизненный план, который формируется еще в раннем детстве в основном под влиянием родителей. Этот психический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора» [3]. В его трактовке, эта предписывающая, по сути дела фатальная установка на бессознательное принятие ребенком «образа» своей будущей взрослой жизни – судьбы «победителя», «побежденного» или «неудачника». При этом источники, формирующие жизненные сценарии, в понимании Э. Берна, находятся не только в родительской семье, но и в коллективном опыте и коллективной памяти далеких предков.

Исходя из изложенной выше методологии, рабочая гипотеза исследования строилась на предположении, что «вилка» между оценками социальных событий у «детей», «родителей» и «прародителей» будет определяться межпоколенными факторами, зафиксированными на ментальном уровне [4]. Для проверки этой гипотезы базовые и инструментальные ценности, индикаторы самочувствия, социальные оценки исторических событий, геополитические предпочтения молодого поколения – «детей» в работе представлены в сопоставлении с аналогичными показателями представителей старших поколений: «отцов» и «дедов». Оригинальность представленного авторского материала заключается в том, что трансгенерационные процессы, как правило, исследуемые психологами и психоаналитиками, в исследовании подвергнуты анализу социологическими методами. Выборочная совокупность социологической части исследования в 2021 г. составила 1190, в 2022 г. – 1005 белорусских респондентов. При отборе респондентов была использована пропорциональная квотная выборка, формируемая с учетом репрезентативности по половозрастным, социально-экономическим, социокультурным, территориальным, профессионально-статусным характеристикам генеральной совокупности. Для анализа общих и различающихся показателей социального самочувствия, паттернов поведения выборочной совокупности, в том числе и предпочтительных геополитических векторов развития белорусского государства, в исследовании были выделены возрастные группы респондентов: 19–29 лет – «дети», 40–49 лет – «родители» и старше 60 лет – прародители, «дедушки».

История творится на наших глазах столь стремительно, что еще совсем недавно сформулированный для молодого поколения слоган «Спасибо деду за Победу» уже уступил новому – «Спасибо прадеду за Победу». Абсолютное большинство современного молодого поколения по объективным причинам уже лишено возможности личного общения с непосредственными участниками и свидетелями поколения Победителей.

С присущей для белорусов толерантностью в стране очень долго обходили «острые углы» военной правды о жертвенных потерях, положенных на алтарь Победы, а значимость событий Великой Отечественной войны рассматривали через путь к Победе. Хотя мы сердцем и понимали, что праздник День Победы «со слезами на глазах», но Победа была оправдывающим мотивом жертвенности, ее ценой. Спустя какое-то время у советского общества все более обострялась необходимость в оправдании

огромных людских потерь, положенных на алтарь Победы. В проникновенных словах песни Б. Окуджавы, написанной для кинофильма «Белорусский вокзал», очень четко «запротоколирована» историческая правда восьмидесятых годов двадцатого столетия как попытки оправдания и примирения с колоссальными человеческими потерями: «А нынче нам нужна одна победа, / Одна на всех – мы за ценой не постоим». Самим солдатам Победы, их женам, матерям, детям солдат-Победителей эту драматическую максиму было понять трудно, но все-таки необходимо. Суровая правда жизни заключается в том, что на поле боя солдаты отдавали свои жизни за свою Родину, за свои семьи, за своих детей, жен и матерей. Поэт-фронтовик Михаил Львов, в поэтической форме примиряя равные солдатские права на жизнь и на смерть, с фотографической точностью изложил эту правду в емких стихотворных строках:

Чтоб стать мужчиной, мало им родиться.
Чтоб стать железом, мало быть рудой.
Ты должен переплавиться, разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.
Какие бури душу захлестнули!
Но ты – солдат и все сумеи принять:
От поцелуя женского до пули,
И научись в бою не отступать.
Готовность к смерти – тоже ведь оружие,
И ты его однажды примени...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.

Трудно найти силы для оправдания гибели защитников Родины на поле боя. Но совершенно противоестественно, когда война забирает жизни детей, женщин, стариков, «виновных» разве только в том, что родились на своей земле.

В соответствии с теоретическими посылами трансгенерационных теорий, пережитая нацией, этносом, семьей, но незалеченная, «невывплаканная» родовая травма несет в себе передаваемое из поколения в поколение коллективно переживаемое чувство вины, стыда, боли, унижения. Эти, травмирующие социум, чувства передаются следующим поколениям до тех пор, пока они не будут завершены социально-психологическими методами. Невыстраданная, неоплаканная родовая травма потенциально способна стать частью исторической, социокультурной идентичности нации. Каждое поколение оставляет своим потомкам не только право, но и обязанность достойно распорядиться общей исторической памятью. Нынешнему и последующим поколениям белорусов предстоит найти, как, каким образом, без малейшей фальши, будет «снята» родовая травма белорусов, невыплаканная боль за жертвы детей, женщин,

стариков, безвинно погибших в Хатыни, Озарицах, Тростинце, Але, Красном Береге.

Результаты исследования

С целью уточнения содержания и объема исторической памяти, исторической идентичности молодого поколения белорусов, понимания того, с какими историческими событиями они связывают судьбу белорусского народа, в анкете был сформулирован вопрос: «В Беларуси 2022 год объявлен Годом исторической памяти. Отметьте 5 наиболее важных позитивных и 5 наиболее негативных исторических событий в судьбе белорусского народа» – с перечнем в «меню подсказок» 21 исторического события, выстроенного в хронологической последовательности. Полученные результаты представлены на рисунках 1, 2.

При формулировке самого вопроса и «меню подсказок» исторических событий, оказавших влияние на судьбу белорусского народа, мы исходили из того, что респонденты должны оценить их последствия в качестве позитивных, негативных либо нейтральных. Анализ полученных результатов показал, что рабочая гипотеза исследования подтвердилась: одни исторические события участники социологического исследования оценили в качестве положительно повлиявших на судьбу белорусского народа, другие – в качестве отрицательных, а в оценке значимости третьих – мнения респондентов оказались «размытыми». Итак, приведенные на рисунке 1 оценки молодыми людьми значимости исторических событий свидетельствуют о том, что рейтинг значимых позитивных событий для судьбы белорусского народа, с большим отрывом от остальных, возглавили два объединяющих современных белорусов исторических события: победа в Великой Отечественной войне – так посчитали 77% всех молодых респондентов – и освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, которое как позитивно значимое событие определили 70% опрошенных. Из предложенных в «меню подсказок» удаленных исторических событий 60% молодых респондентов как позитивно значимое назвали факт отмены крепостного права в 1861 г. Чуть меньшее, но также значительное количество респондентов (42%) в качестве позитивных для белорусского народа указали на принятие Конституции Республики Беларусь в 1994 г., подписание договора о создании Белорусско-российского союзного государства в 1999 г., воссоединение белорусского народа в 1939 г. (39%) и издание белорусским первопечатником Ф. Скориной первой книги на белорусском языке в 1517 г. (39%).

Рис. 1. Рейтинг исторических событий, оказавших положительное влияние на судьбу белорусского народа

Рис. 2. Рейтинг исторических событий, оказавших негативное воздействие на судьбу белорусского народа, в оценке молодежи Гомельской области

И в теории, и в практике известно, что историческая национально-ментальная идентификация определяется драматическими событиями не в меньшей мере, чем событиями позитивными. Белорусские послевыборные события 2020 г. показали, что молодежь есть молодежь и во все времена представляет собой пассионарный слой, разогревающий общество, блокирующий губительные для общества застой и стагнацию. Но пассионарность по своей сути является внутренне противоречивым феноменом. По определению Л. Гумилева, «пассионарность как огонь: она греет и сжигает. Тяжко, когда ее мало, страшно, когда ее много; оптимальная точка где-то посередине, но задержаться на ней, увы, нельзя, потому что всегда идет процесс либо накала, либо охлаждения» [5].

Представленная на рисунке 2 иерархия негативных событий для судьбы белорусского народа показывает, что «родовой травмой» для граждан Беларуси остается чернобыльская коллективная травма – 8 из 10 респондентов указали на нее как на значимое трагическое событие в судьбе белорусского народа. Межпоколенный характер восприятия чернобыльской трагедии подтверждается тем, что большая часть респондентов родились уже после Чернобыльской аварии. Несмотря на принимаемые государством меры по реабилитации, возвращению к жизни пострадавших территорий, для жителей Гомельской области, в том числе и поколения «детей», принявших на себя львиную долю последствий произошедшей рукотворной катастрофы, эти события надолго остаются незаживающей раной [6; 7].

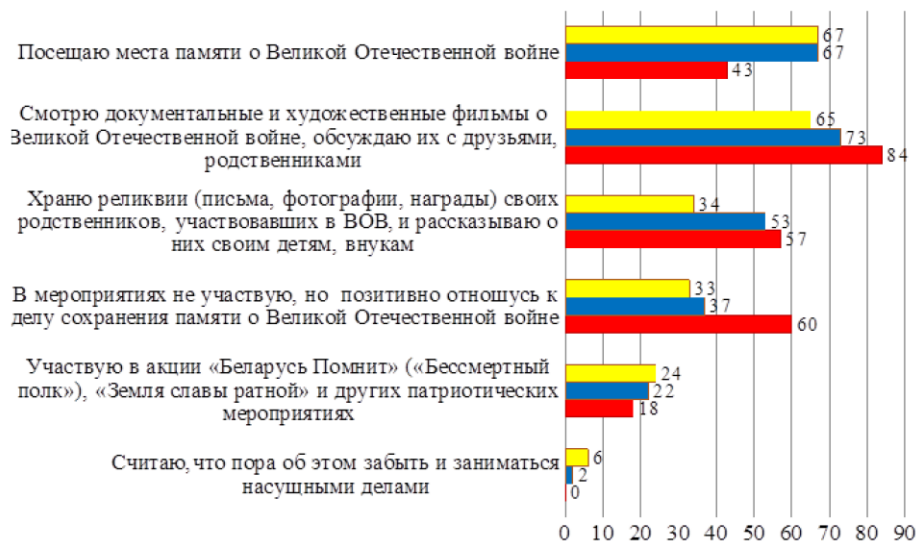

Рис. 3. Распределение ответов респондентов трех поколений на вопрос «Как Вы относитесь к сохранению памяти о Великой Отечественной войне?»

К историческим событиям, трагически повлиявшим на судьбу белорусского народа, белорусские респонденты, вполне прогнозируемо, отнесли:

- начало Второй мировой войны в 1939 г. (71%);
- начало Великой Отечественной войны в 1941 г. (69%);
- попытку государственного переворота в 2020 г. (55%);
- Беловежские соглашения о распаде СССР в 1991 г. (27%).

Следует отдельно отметить, что такие исторические события, как Грюнвальдская битва в 1410 г. и битва под Оршей в 1514 г., несмотря на то, что они в «меню подсказок» анкеты занимали две первые строчки, были отнесены к незначимым событиям для судьбы белорусского народа.

Один из результатов авторского исследования заключается в подтверждении ранее установленного факта о том, что процесс формирования и проявления базовых, неотчуждаемых характеристик национально-этнического менталитета реализуется как на бессознательном уровне, так и через механизмы исторической идентификации, сопоставления и сравнения ментальных индикаторов собственного поколения с ментальными индикаторами старших поколений [4]. Сложность, противоречивость формирования исторической памяти как составной части национального менталитета у молодых белорусов подтверждает положение о том, что в нем присутствует и иррациональные элементы, зачастую предопределяющие нелогичные связи исторических событий. Так, образование БССР в 1919 г. обозначили как позитивно значимое событие всего 31% опрошен-

ных и столько же (31%) образование СССР в 1922 году. Но при этом, если среди респондентов старшей возрастной группы 60+ более половины (56%) негативно оценили подписание Беловежских соглашений, то среди младшей возрастной группы таких оказалось только 27%.

Одна из задач социологического исследования заключалась в изучении предметно-деятельных индикаторов памяти как о героических подвигах, так и о жертвах Великой Отечественной войны в оценке представителей трех поколений: «детей», «отцов» и «дедушек». Для реализации этой цели в анкете был сформулирован вопрос: «Как Вы относитесь к сохранению памяти о Великой Отечественной войне?»

Представленные на рисунке 3 результаты анкетного опроса свидетельствуют о том, что в целом респонденты заинтересованно относятся к сохранению памяти как о трагических, так и о героических событиях в судьбе белорусского народа. Это положение подтверждают полученные в исследовании данные об оценке респондентами младшей возрастной группы этого исторического события. Только 6% молодых людей, что соответствует величине статистической погрешности, выбрали вариант ответа «Считаю, что пора об этом забыть и заниматься насущными делами». Абсолютное большинство молодых белорусов помнят и деятельно поддерживают память об этом историческом событии. Так, одним из самых распространенных способов поддержания памяти о героических и трагических событиях в жизни советского народа у респондентов (65%) является просмотр документальных и художественных фильмов о Великой Отечественной войне, их обсуждение с друзьями, коллегами, родственниками. Этот

приоритет подтверждает один из главных постулатов трансгенерационной теории о том, что формирование коллективного исторического кода, коллективной памяти осуществляется через эмоционально насыщенные художественные произведения – книги, фильмы, живописные и музыкальные произведения. Так исторические события легче усваиваются и четче запечатлеваются в памяти. На посещение памятных мест, связанных с Великой Отечественной войной, как форму сохранения исторической памяти указало две трети (67%) респондентов младшей возрастной группы. Каждый четвертый молодой респондент ответил, что он участвует в акциях «Беларусь помнит» (белорусский вариант российского «Бессмертного полка»), «Земля славы ратной» и других патриотических мероприятиях [7].

Заключение

История прошлых поколений не отпускает ныне живущих потомков. Но историческая память не способна передаваться от одного поколения к другому автоматически. Ввиду того, что носителей, участников героических и драматических событий в судьбе белорусского народа с каждым годом становится все меньше, сами методы межпоколенной передачи исторической памяти должны приводиться в соответствие с новыми социальными реалиями.

Особое внимание следует обратить на тот факт, что только треть опрошенных молодых людей (34%) ответили, что в их семьях хранятся семейные реликвии (письма, фотографии, награды) своих родственников, участвовавших в Великой Отечественной войне, и о них старшие представители рода рассказывают своим детям и внукам. Также отметим и тот факт, что уже сегодня в половине семей, по самым различным причинам, в том числе и потому, что в так называемых неполных семьях отсутствует отец, не осуществляется процесс передачи этой

священной информации через самый главный канал социальной трансляции исторической памяти – «от отца к сыну». Не сложно спрогнозировать, что в будущем удельный вес этого способа трансляции не только исторических событий как таковых, но семейно-значимых преданий о Великой Отечественной войне будет сокращаться. А полноценно заменить семейно-родовую форму сохранения и трансляции исторической памяти о трагических и героических событиях в судьбе белорусского народа внесемейным социальным институтам, в том числе государственным и общественным, вряд ли будет возможно. Даже самый лучший учебник истории не сравнится с «живой» памятью, основанной на рассказах дедов-прадедов. Учебники по истории, школьные уроки могут и должны систематизировать исторические знания, но учебники не смогут, да и не должны заменять живой, межпоколенный канал «преданий о старине глубокой» от отца к сыну [4].

Список литературы

1. Фрейд З. Тотем и табу: в 2 кн. Кн. 1 // «Я» и «Оно»: Труды разных лет: Пер. с нем. Тбилиси: Метран, 1991. 350 с.
2. Юнг К. Г. Архетип и символ: Пер. с нем. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб.: Университет. кн.; М.: Аст, 1992. 399 с.
4. Кириенко В.В. Белорусская ментальность: история, современность, перспективы. Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. 319 с.
5. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. СПб.: Кристалл, 2002. 578 с.
6. Кириенко В.В., Клейман В.В., Злотников А.А. Студенческая молодежь: ментальные особенности, идентичность, образ жизни. Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2015. 281 с.
7. Кириенко В.В., Клейман В.В. Гомельская область на рубеже веков. Ментальные характеристики. Социокультурные процессы. Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2021. 204 с.

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN MODERN BELARUSIAN SOCIETY (EXPERIENCE OF INTERGENERATIONAL SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

V.V. Kiriienko, V.V. Kleiman

Sukhoi State Technical University, Gomel, Republic of Belarus

The need to ensure sustainable development in the context of modern global socio-economic, moral and orientational social transformations increasingly raises the question of adjusting intergenerational mechanisms for the transfer of social experience. The task is to formulate new social algorithms that correspond to the new challenges of the time, without losing basic, traditional sociocultural norms, and vice versa, while maintaining traditional sociocultural features, without losing the ability to develop.

In the context of rapid geopolitical changes, the relevance of studying the conditions, prerequisites for the formation and manifestation of socio-economic, spiritual, moral and geopolitical algorithms of behavior of the younger generation increases every day. As part of the working hypothesis of the study, the authors suggested that the assessment of social events among representatives of different age categories will be determined by intergenerational factors recorded at the mental level. To test this hypothesis, basic and instrumental values, indicators of well-being, social assessment of historical events, geopolitical preferences of the younger generation of “children” are presented in comparison with similar indicators of representatives of the older generations of “fathers” and “grandfathers”. One of the tasks of the sociological research was the analysis of historical logic and historical truth in building the significance of historical events for the fate of the Belarusian people. To test the working hypotheses, the transgenerational processes under study were analyzed by sociological methods.

Keywords: continuity of generations; intergenerational processes; transgenerational factors; mental characteristics; sociological methods; generations of «children»; «fathers»; «grandfathers»; genetic memory; life scenarios.

УДК 316.4

DOI 10.52452/18115942_2025_2_120

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2025 г.

Т.К. Ростовская, Е.Н. Васильева

Ростовская Тамара Керимовна, д.соц.н.; проф.; заместитель директора по научной работе
Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва
rostovskaya.tamara@mail.ru

Васильева Екатерина Николаевна, д.соц.н.; доц.; главный научный сотрудник
Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва
vasilevaen@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 22.01.2025**Статья принята к публикации 29.04.2025*

Современная социальная и семейно-демографическая политика ориентирована на формирование в России семейно-ориентированной среды, т.е. среды, в которой семья будет чувствовать себя комфортно, что позволит акторам эффективно реализовать репродуктивные планы (рожденное число детей будет соответствовать планируемому и желаемому числам детей). Сегодня в Российской Федерации численность населения снижается, в некоторых регионах особенно интенсивно, поэтому для разработки управленческих решений необходимо исследовать региональную специфику условий реализации репродуктивных планов населения, а также оценить экономические показатели жизни населения, структуру трудовой занятости родителей, имеющих несовершеннолетних детей. Поддержка многодетных и детных семей сегодня является важнейшей задачей, артикулированной на государственном уровне, поэтому целесообразно определить потребности многодетных и детных семей, виды помощи, в которой семьи нуждаются. Российские семьи ориентированы на самостоятельное достижение благополучия; важно понимать, какие практики ими осуществляются в повседневной жизни, а какие в сложившихся условиях реализовать не получается, что снижает доходы и материальной достаток семьи. Цель исследования – систематизировать экономические практики и действия, направленные на интенсификацию экономической активности членов детных российских семей (на примере Волгоградской области). Методологической базой исследования являются концепции благополучия семьи и интенсификации экономической активности акторов, т.к. материальное положение семьи рассматривается как значимый показатель реализации репродуктивного поведения. Важный показатель, исследуемый в работе, – число несовершеннолетних детей в семье. Для достижения поставленной цели проанализированы данные опроса городского населения Волгоградской области. Выборка квотная (квотирующие признаки – численность населения в региональном центре и малых городах области, социально-демографический состав населения и структура занятости населения ($n=1170$)). Исследование проведено в феврале–марте 2023 г. методом анкетного опроса. В результате систематизированы практики интенсификации экономической активности населения Волгоградской области, выявлены ресурсы повышения материального благополучия, являющегося основой для реализации репродуктивных планов мужчин и женщин, членов детных и многодетных семей.

Ключевые слова: семья, экономическое поведение, экономическая активность, неформальная занятость, репродуктивное поведение, демография.

Введение

В инструментарий исследования репродуктивных установок акторов традиционно вводятся два вопроса: «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые для этого условия?» (один вариант ответа) и «Сколько всего детей, включая имеющихся, Вы собираетесь иметь?» (один вариант ответа). Анализ полученных ответов на указанные вопросы показывает потребность в детях, включая два компонента «желаемое число детей» и «планируемое число

детей». По данным исследования, проведенного под руководством Т.К. Ростовской в 2020 году, среднее желаемое число детей среди мужчин и женщин – 2,4, планируемое число детей – 2, т.е. первый показатель в среднем у россиян выше, чем второй [1]. Демографическая ситуация была бы благоприятной, если бы желаемое число детей воспроизводилось или если бы на свет появились все дети, рождение которых было запланировано, однако есть третий показатель – статистика по рождению детей, которая свидетельствует о том, что рожденное число детей ниже не только ожидаемого, но и планируемого

числа детей. В итоге, т.к. не все репродуктивные планы акторов реализуются, средний суммарный коэффициент рождаемости в России по базовому прогнозу Росстата в 2025-м составит 1.33 [2].

Систематизировав полученные данные по возрастным группам мужчин и женщин, выявлено, что показатели существенно отличаются у мужчин и женщин [3], а наиболее высокое желаемое число детей – 2.6 – у мужчин 40–50 лет. Важно, что у мужчин 40–50 лет также наиболее высокое число планируемых к рождению детей – 2.1 [1]. Тем не менее не все планы реализуются, причин может быть много – репродуктивное здоровье, развод, влияющие на то, что отложенные репродуктивные планы не будут выполнены и др. Можно предположить, что наиболее высокие репродуктивные планы в 40–50 лет объясняются тем, что к этому периоду жизни мужчины получают стабильный доход и оценивают его как достаточный для содержания второго и/или последующего ребенка, к этому же времени повышается уровень дохода женщин [4]. В связи с этим целью нашего исследования является систематизация стратегий реализации экономической активности членов российских семей (на примере Волгоградской области) в зависимости от числа несовершеннолетних детей в семье, что позволит оценить ресурсы повышения материального благополучия, являющегося основой для реализации репродуктивных планов.

Методология и эмпирическая база научного исследования

Труды Г. Беккера и его соавторов [4, 5] стали основой международных исследований влияния дохода на брачное и репродуктивное поведение акторов. Г. Беккером было обосновано, что количество детей в современном мире постепенно переходит в качество, что в каждого ребенка вкладывается все больше ресурсов, поэтому число рождений сокращается. В современной России также проводятся исследования влияния материальных факторов на репродуктивные установки [6], наиболее перспективным является вывод З.Х. Саралиевой, С.А. Судына: «преобладание того или иного аспекта ценности детей в конкретном обществе имеет культурную и экономическую детерминацию, носит устойчивый характер и не подвержено заметным колебаниям на протяжении десятилетий» [7], который позволяет рассматривать рост экономического благополучия российских семей как фактор более полной реализации репродуктивных планов, в то же время если среднее желаемое коли-

чество детей снизится и составит в среднем 1, экономические факторы нельзя будет рассматривать как перспективные для решения демографических проблем, поэтому необходима работа по сохранению традиционных семейных ценностей. Проблема исследования требует комплексного рассмотрения, т.к. в некоторых регионах России суммарный коэффициент рождаемости выше, чем в среднем по стране, а уровень жизни ниже, например в Республике Тыва [8]. Важными для реализации нашего исследования являются работы, в которых исследуется специфика человеческого капитала мужского населения в регионах [9], факторы изменения репродуктивного поведения мужчин и женщин [3; 10].

Методологической базой исследования являются концепции благополучия семьи Т.К. Ростовской [11; 12] и интенсификации экономической активности акторов Е.Н. Васильевой [13; 14]. На основе концепции Т.К. Ростовской формируются показатели благополучия семьи, где материальные факторы рассматриваются в комплексе с психологическими, коммуникативными и иными условиями жизнедеятельности семьи. Интенсивность экономической деятельности определяется в нашей работе как трехуровневая система экономического поведения, в которой в зависимости от числа реализуемых актором экономических практик и действий (трудовые, управленческие, инновационные) изменяется интенсивность его экономической активности, при этом интенсивность увеличивается в процессе как реализации однопорядковых практик (труд по совместительству на сопоставимых должностях), так и разнопорядковых действий (выполнение на едином рабочем месте трудовых и управленческих, трудовых и инновационных и т.д. задач).

На основании указанных подходов был разработан инструментарий исследования экономической активности и в феврале–марте 2023 г. в Волгоградской области был проведен опрос городского населения, выборка сформирована квотная: региональный центр и малые города области, социально-демографический состав населения и занятость населения ($n=1170$, из них 677 – без детей, 493 – с детьми; у 79 человек – три и более детей), метод – анкетный опрос. При обобщении результатов исследования авторы опирались на перечисленные в работе исследования, а также на исследование динамики занятости в подсобных хозяйствах [15]. Волгоградская область занимает промежуточную позицию в рейтинге российских регионов по уровню дохода, население, проживающее в регионе, преимущественно русское, суммарный коэффициент рождаемости по итогам

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы относитесь к возможности работать на двух и более работах?», %**

Варианты ответа	Есть ли на Вашем содержании несовершеннолетние дети?				Всего
	Без детей	С детьми	Из них		
			Один-два ребенка	Трое и больше	
Лучше иметь одну высокооплачиваемую работу	32.2	30.9	32.7	21.9	31.6
Если совмещать несколько работ возможно, то делать это необходимо	6.8	7.7	6.8	13.7	7.2
Если это необходимо для выживания, то возможно совместить несколько работ	27.6	21.5	21.7	19.2	25.0
Лучше самому создавать рабочие места	6.5	6.5	7.2	2.7	6.5
Это выше человеческих сил	12.1	15.0	14.7	13.7	13.4
Я работаю на нескольких работах	14.1	17.0	15.7	27.4	7.9
Другое	0.7	1.4	1.2	1.4	1.0
Итого	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

2022 г. составлял 1.14 [16, с. 41]. По итогам исследования выявлено, что выборка исследования сопоставима по параметрам с распределением российских домохозяйств по числу детей [17, с. 273].

Индикаторы экономической активности населения

Выявление интенсификации трудовых практик осуществлялось при ответе респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к возможности работать на двух и более работах?», выявлено, что мнение женщин и мужчин различается несущественно. Вариант ответа «Если это необходимо для выживания, то возможно совместить несколько работ» выбрали 25.1% женщин и 24.8% мужчин, а наиболее распространённый вариант ответ «Лучше иметь одну высокооплачиваемую работу» – 35.5% женщин и 27.0% мужчин; вариант «Я работаю на нескольких работах, это необходимость» выбрали 8.4% женщин и 7.4% мужчин.

Возраст респондентов влияет на результаты опроса следующим образом: менее всего готовы совмещать несколько работ 35–44-летние респонденты – вариант ответа «Если это необходимо для выживания, то возможно совместить несколько работ» выбрали 18.2% акторов данной возрастной группы, в целом по выборке 25.0%. В то же время именно 35–44-летние чаще всего совмещают несколько работ – вариант «Я работаю на нескольких работах, это необходимость» выбрали 9.8%, в целом по выборке 7.9%.

Существенно влияет на практики совмещения трудовой деятельности число детей в семье (табл. 1, в анкете было три варианта ответа «Я работаю на нескольких работах...», в таблице они сгруппированы). С ростом количества числа детей в семье родители вынуждены интен-

сифицировать экономическую активность для сохранения уровня доходов семьи. На вопрос «Как бы Вы охарактеризовали Ваше материальное положение?» 35.0% членов многодетных семей выбрали вариант «Денег хватает на питание, одежду и мелкую бытовую технику, но купить сейчас телевизор, холодильник или стиральную машину было бы затруднительно», при 43.6% в целом по выборке.

Предпринимательскую деятельность мы рассматриваем как экономическую активность высшего уровня, т.к. интенсивность определяется совмещением трудовых, управленческих и инновационных действий; рисковый характер данного типа экономического поведения не получил широкого распространения в российском обществе [12]. Мужчины чаще занимаются предпринимательской деятельностью, чем женщины: «Да, я открыл собственное дело, активно работаю» выбрали 11.9% мужчин и 6.2% женщин; вариант ответа «Нет, предпринимательство не для меня» отметили 40.6% мужчин и 57.4% женщин. Наибольший опыт работы в данной сфере имеют респонденты в возрасте старше 65 лет, их них 17.8% выбрали вариант «Открывал дело, но пришлось закрыть», а также в возрасте 25–44 лет: вариант «Открывал дело, но пришлось закрыть» выбрали 15.9%, вариант «Да, я открыл собственное дело, активно работаю» выбрали 12.5%, респонденты в возрасте младше и включая 24 года и 25–34 лет чаще всего выбирали вариант «Собираюсь заняться предпринимательством в будущем» – 34.8% и 27.0% соответственно. Зависимость реализации предпринимательских практик от количества несовершеннолетних детей, находящихся на содержании у акторов, прослеживается – 11.0% родителей многодетных семей выбрали данный вариант, 8.8% в целом по выбор-

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Вам приходилось заниматься предпринимательством?», %

Варианты ответа	Есть ли на Вашем содержании несовершеннолетние дети?				Всего
	Без детей	С детьми	Из них		
			Один-два ребенка	Трое и больше	
Да, я открыл собственное дело, активно работаю	8.7	8.9	8.5	11.0	8.8
Мои близкие родственники открыли дело, я им помогаю	8.3	12.0	11.8	12.3	9.8
Нет, предпринимательство не для меня	53.6	45.5	47.3	35.7	50.7
Открывал дело, но пришлось закрыть	9.3	17.4	16.4	23.3	12.7
Собираюсь заняться предпринимательством в будущем	19.4	15.8	15.5	17.7	17.9
Другое	0.7	0.4	0.5	0.0	0.1
Всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Укажите, есть ли в Вашем подчинении коллеги по работе?», %

	Есть ли на Вашем содержании несовершеннолетние дети?				Всего
	Без детей	С детьми	Из них		
			Один-два ребенка	Трое и больше	
Да, 1–2 человека	14.9	16.0	16.4	13.7	15.4
Да, я начальник (отдела, профорг и т.д.)	9.6	14.4	12.3	24.7	11.5
Я занимаю серьезную руководящую должность	5.0	8.7	6.5	20.5	6.5
Нет	70.5	60.9	64.8	41.1	66.6
Всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

ке, также статистически значимые выводы получены по варианту ответа «Открывал дело, но пришлось закрыть» (табл. 2).

Реализация управленческих практик оценивалась в ходе ответа на вопрос: «Укажите, есть ли в Вашем подчинении коллеги по работе?» Мужчины чаще занимают управленческие позиции – 40.0%, женщины – 27.6%. Наиболее благоприятный для реализации управленческих практик возраст 35–44 года – 37.9% и 55–65 лет – 37.8%. Выявлено, что на экономическую активность акторов влияет число и наличие несовершеннолетних детей, так опыт управленческой деятельности имеют 58.9% многодетных родителей (из них руководят 1–2 сотрудниками 13.7%; отделом – 24.7%, имеют серьезную руководящую должность – 20.5%), 35.2% – одно- и двухдетных родителей, 29.5% – тех, у кого нет детей (табл. 3).

Полученные данные сопоставимы с данными, полученными Т.А. Гурко на основе анализа базы данных Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (РПН-2022), Федеральной службы государственной статистики и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2004, 2013 и 2022) [10, с. 68, табл. 2]. По данным, представленным Т.А. Гурко, жизненные цели мужчин, планирующих иметь детей, показывают больший потенциал развития интенсивности экономической активности, они

ориентированы на достижения, например, «получать высокую заработную плату за свою работу» хотят 64% планирующих иметь детей, 34% – не планирующих иметь детей; стремления к карьерному росту – 65% и 51%; иметь собственное дело хотят 53% и 46%; иметь собственное хорошее жилье – 93% и 85% соответственно. Таким образом, выше показатели по всем индикаторам.

Еще одним индикатором интенсивности экономической активности населения является самозанятость¹, позволяющая сочетать трудовые и управленческие практики (самоменеджмент). По результатам исследования выявлено, что самозанятость необходимо исследовать углубленно, т.к. на основе открытых вопросов сделан вывод, что она может быть как добровольной, так и вынужденной стратегией, например, такие сферы занятости, как курьерская доставка, работа продавцом в онлайн-магазинах, проектная работа, ведение социальных сетей, целенаправленно выводятся работодателями в самозанятость, что ведет к развитию precarious занятости [18], которая не может быть основой для эффективной реализации репродуктивных планов.

Неформальные источники доходов российских семей

В анкете были открыты вопросы, которые позволили систематизировать экономические

неформальные практики детных семей, в том числе занятость в подсобных хозяйствах. П.М. Козырева, А.Э. Низамова, А.И. Смирнов на основе анализа данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за 1994–2021 гг. делают вывод о снижении продолжительности работы горожан и сельчан в подсобных хозяйствах. В то же время необходимо дальнейшее исследование данного феномена в зависимости от числа несовершеннолетних детей у респондентов, т.к., по данным проведенного исследования, многодетные родители работают не только на своих приусадебных участках, но и готовы зарабатывать деньги, помогая знакомым. Мужчины из малых городов Волгоградской области часто отмечают, что зарабатывают деньги «калымом»:

– *Занимался фото- и видеомонтажом, а также съемками, за которые получал деньги;*

– *Продажа рыбы, раков, которых ловлю. Также занимаясь охотой, в разрешенный период, продаю дичь. Ремонтирую машины, начиная от легковых, заканчивая грузовыми. Многие решаются прокачать машину полностью, что в голову взбредет клиенту, какой он хочет видеть машину, то и творю. Мало кто занимается этим, именно где я живу, и это очень хороший заработок.*

– *Продаю все, что можно, было даже, что рыбную чешую, перья;*

– *На авто возжу молодоженов на свадьбах;*

– *Продажей игровых валют в онлайн-играх;*

– *Я делаю ремонт под ключ, а также закупая необходимое и делаю столы, стулья, разнообразные полочки для дома. Имею дополнительный доход.*

В региональном центре такие экономические практики, как заработок на онлайн-играх, дополнены новыми:

– *Делаю проекты ландшафтного дизайна друзьям и знакомым;*

– *Ищу и перепродаю антиквариат. Перепродажа коллекционных монет;*

– *Продаю skins (образы героев компьютерных игр);*

– *Создал проект игровых серверов для Minecraft, CS Source, CS GO и продавал платные услуги.*

Наиболее распространенные практики мужчин – перепродажа машин (покупка неисправной техники, ее ремонт и продажа); мойка машин, официальная и неофициальная работа в такси; ремонтные услуги – от решения задачи «разрушить сарай» до квалифицированных работ (укладка плитки, ремонт велосипедов, машин, квартир, оргтехники, сантехники, сварка

металлоконструкций и т.д.). Практики как мужчин, так и женщин – продажа излишков продуктов, выращенных в приусадебном хозяйстве; грибов и смородины (примеч. – смородина золотистая), собранных в лесопосадках; разнос газет, листовок и т.д. При наличии профильного образования – разработка сайтов, а также организация тренировок – спортивных для друзей и знакомых, постановка танцев в школе на выпускной и т.д. Некоторые отмечают, что разбираются в криптовалюте, оформляют трейдинг.

Многодетные отцы отмечают, что готовы задержаться на работе и сделать дела за начальника или коллег, если будет не только премия, но и расчёт наличными по устному договору, формальные подработки мужчин – разработка рационализаторских предложений на производстве, оформление презентаций для начальства.

Женщины через специальные сервисы продают вещи, из которых дети выросли, игрушки, обменивают вещи. А также, имея несовершеннолетних детей, подрабатывают аниматорами, фотографией, уборкой помещений у частных предпринимателей; разводят кошек и собак; занимаются выпечкой, приготовлением пищи и напитков для друзей и знакомых, фудфлористикой, вышивают, вяжут, шьют; забирают соседских детей из школы и приводят домой; выгуливают собак; работают в кол-центрах, в магазинах без оформления («один день работы в магазине 1200 рублей, пришел – есть деньги, заболел ребенок – нет денег»), тайными покупателями; активно оказывают следующие услуги друзьям и знакомым – массаж, ногтевой сервис, покраска волос; при наличии медицинского образования – услуги сиделки на неполный день; уколы, капельницы по назначению врача и т.д. Практики разнообразные:

– *Продавала раньше вязанные чехлы на телефоны. Вязала сама на спицах, первыми покупателями были родственники, а там уже друзья родственников, тогда не как сейчас – чехлы на телефоны мало продавались. И телефоны были не сенсорные, а кнопочные. Многим нравились оригинальные и мягкие чехлы, с разными рисунками. Сейчас вяжу на заказ;*

– *Помогаю на дачах, прививаю растения;*

– *Продаю сувениры, сделанные своими руками;*

– *Проводила опрос среди граждан, сама участвовала в опросах. Зарегистрирована на YouThink – это интернет-ресурс, позволяющий зарабатывать до 400 рублей за одну анкету;*

– *Пишу стихи, песни для мероприятий, поздравлений.*

При наличии специального образования женщины пишут курсовые работы, рефераты, решают задачи и чертят чертежи студентам; подраба-

тывают репетиторами; делают переводы на иностранные языки; ведут коммерческие аккаунты в социальных сетях; ведут бухгалтерские отчеты индивидуальных предпринимателей; помогают составить иски, заявления и иные юридические документы; оказывают услуги психолога, логопеда, рисуют (в том числе нейрографика); осуществляют транскрибирование.

Детные родители отмечали, что не отказываются от разовых подработок или могут во время отпуска, если есть с кем оставить детей, поехать на сезонную работу:

- *Работала возжатой в лагере;*
- *Работала на Чемпионате мира по футболу;*
- *Администратор в сезон в Сочи, хостес.*

Таким образом, можно утверждать, что как мужчины, так и женщины, имея детей, решаясь на рождение третьего и последующих детей, ориентированы на интенсификацию экономической активности, для этого используют как разовые формы заработка, так и постоянные подработки, включая неформальную занятость как источник доходов. Интенсивность трудовой деятельности, реализация управленческих и инновационных практик (рационализаторские предложения на производстве, предпринимательство) становятся инструментом сохранения или восстановления благополучия детных российских семей.

Заключение

Материальное благополучие многодетных, детных российских семей является одним из приоритетов государственной семейно-демографической политики, на повышение доходов российских семей направлены меры социальной поддержки. К ограничениям выборки можно отнести то, что в нее не вошли многодетные семьи из числа неблагополучных, тех, в которых родители планируют рождение детей с целью получения пособий и льгот, а также то, что число многодетных семей в выборке недостаточно для формулировки обоснованных выводов, в то же время выборка исследования соответствует распределению российских домохозяйств по числу детей [17, с. 273]. Семьи с несовершеннолетними детьми, вошедшие в выборку, реализуют репродуктивные планы опираясь на традиционные семейные ценности, сформированные установки на рождение ребенка/детей. Выявлено, что наличие несовершеннолетних детей способствует интенсификации экономических практик родителей и влияет на систему действий по повышению экономической активности. Родители несовершеннолетних детей в большей степени ориентированы на

карьерный рост, в большей степени, чем бездетные семьи, готовы совмещать трудовую занятость по основной работе с официальной работой по совместительству и неформальной занятостью, готовы к предпринимательской деятельности. В то же время интенсификация деятельности – это принятие большего числа решений, большие временные затраты и т.д., поэтому необходима разработка управленческих решений по поддержке благополучных детных и многодетных семей, т.к. если семьи с большим количеством детей неэффективно справляются с возросшей нагрузкой, то их практики тиражироваться не будут. Интенсификация не может рассматриваться как модельное (типичное) поведение, акторы ориентированы избегать напряженности труда, т.к. не всегда напряженность ведет к увеличению доходов [19].

В Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации отметил: «Мы серьезно упростили процедуру заключения социального контракта. Приоритет здесь также имеют многодетные семьи»². Программа социального контракта включает следующие пункты: «получатели помощи берут на себя определенные обязательства, например: трудоустроиться, открыть своё дело, наладить личное подсобное хозяйство»³. Сегодня программа социального контракта ориентирована в основном на восстановление благополучия, что не позволяет благополучным многодетным и детным семьям ею воспользоваться. В рамках программы выплачиваются компенсации за обучение, стипендии на период обучения и т.д.⁴. Тем не менее важно, что программа ориентирована на интенсификацию экономического поведения, помощь в выработке стратегий изменения экономического поведения родителей несовершеннолетних детей. В то же время необходимо учитывать, что интенсификация экономической активности может приводить к проблемам со здоровьем, для формирования благополучия вклад в трудовую деятельность должен соответствовать затраченным усилиям.

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлено, что детные и многодетные родители прикладывают большее количество усилий, по сравнению с семьями без детей или/и с детьми, достигшими совершеннолетнего возраста. Данные выводы в отношении благополучных многодетных семей могут рассматриваться как основа для разработки новых гипотез с целью дальнейшего изучения влияния наличия несовершеннолетних детей на интенсификацию экономической активности родителей. В то же время можно сформулировать противоположную гипотезу, что неблагополучные

многодетные семьи могут рассматривать рождение детей как стратегию получения дополнительных доходов, следовательно, повышение числа детей не стимулирует интенсификации экономической активности родителей. По результатам данного исследования, мужчины, планирующие рождение детей или имеющие детей, и женщины, имеющие детей, демонстрируют более активную жизненную позицию, эффективнее выстраивают экономические, карьерные стратегии, ставят более амбициозные цели. В то же время государственная система контролирует вывод неформальной занятости в формальный сектор с целью эффективного обеспечения налоговых поступлений, в этом случае необходимо принимать взвешенные управленческие решения, которые позволят повысить доходы детных и многодетных семей в формальном секторе экономики. В этом отношении речь идет о совершенствовании политики занятости, корректировке размеров прожиточного минимума, минимальной оплаты труда и иных показателей в соответствии с индексами реальной инфляции. Перспективным направлением проведенного исследования является анализ региональной специфики реализации экономической активности детных и многодетных семей для последующего сравнительного анализа и формулировки обобщенных управленческих решений.

Примечания

1. Данные доступны на следующих ресурсах: ЕМИСС «Количество samozанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД) (I2)» [Электронный ресурс] // ЭМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61226?ysclid=Iwnvhtseg75899126> (дата обращения: 10.12.2024).
2. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 2024, 29 февраля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 30.05.2024).
3. Что такое социальный контракт и как его заключить [Электронный ресурс] // Госуслуги. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/add_support/102193 (дата обращения: 30.05.2024).
4. Как можно распорядиться средствами из социального контракта [Электронный ресурс] // Госуслуги. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/add_support/102194 (дата обращения: 30.05.2024).

Список литературы

1. Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности: Монография / Отв. ред. Т.К. Ростовская. М.: Проспект, 2022. 264 с.
2. Росстат опубликовал демографический прогноз до 2046 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (дата обращения: 10.12.2024).

3. Arkhangel'skii V.N., Kalachikova O.N. Women and men: differences in fertility and reproductive behavior indicators // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021. V. 14. № 5. P. 165–185.
4. Денисова И.А., Карцева М.А. Гендерные аспекты бедности в России: абсолютный и многокритериальный подход // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 2. С. 138–155.
4. Беккер Г.С. Экономика семьи // В кн.: Беккер Г.С. Человеческое поведение: Экономический подход / Пер. с англ.; [Сост., науч. ред. пер., авт. послесл. Р.И. Капелюшников]. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 381–486.
5. Becker G.S., Landes E.M., Michael R.T. An Economic Analysis of Marital Instability // *Journal of Political Economy*. December 1977. Vol. 85. № 6. P. 1141–1187. URL: <https://www.jstor.org/stable/1837421> (дата обращения: 10.12.2024).
6. Архангельский В.Н., Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 5. С. 3–24.
7. Саралиева З.Х., Судьин С.А. Многопоколенная семья в фокусе социологических исследований (опыт нижегородских социологов) // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 4. С. 86–95.
8. Ростовская Т.К., Натсак О.Д., Ягодка Н.Н., Еламанова А.С. Современные исследования тувинской семьи: проблемно-тематический и методологический анализ // *Новые исследования Тувы*. 2024. № 4. С. 238–258.
9. Козырева Г.Б., Белая Р.В. Человеческий капитал и социальная незащищенность мужского населения региона // *Региональная экономика: теория и практика*. 2020. Т. 18. № 8 (479). С. 1510–1530.
10. Гурко Т.А. Репродуктивные намерения и поведение мужчин // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2024. № 1 (73). С. 66–73.
11. Ростовская Т.К., Калачикова О.Н. Ценность первого зарегистрированного брака как детерминанта благополучной молодой семьи: социологический анализ // *Logos et Praxis*. 2022. Т. 21. № 1. С. 54–65.
12. Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A. Transition to a new technological paradigm as a determinant of the population welfare growth in Russian regions // *Economy of Regions*. 2022. Т. 18. № 3. С. 623–637.
13. Васильева Е.Н. Факторы формирования экономической и инновационной активности молодежи в современных условиях (на материале Волгоградской области) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2014. № 4. С. 153–160.
14. Васильева Е.Н. Формирование экономической активности молодежи в современной России: региональный аспект: Дис. ... д-ра соц. н. Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2016. 404 с.
15. Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Изменения уровня занятости и продолжительности работы в подсобных хозяйствах в постсоветский период // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Т. 20. № 3. С. 415–424.
16. Ростовская Т.К., Шабунова А.А. [и др.] Демографическое самочувствие регионов России.

Национальный демографический доклад 2023 / Отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. Вологда: Вологодский научный центр, 2024. 336 с.

17. Rostovskaya T., Kuchmaeva O., Vasilieva E. Institutional Factors in Reproductive Decision-Making Among Large Families in Russia // *Changing Societies & Personalities*. 2024. V. 8. № 2. P. 267–290. DOI: 10.15826/csp.2024.8.2.274.

18. Тощенко Ж.Т. Публичный и приватный жизненный мир прекариата: основные черты и ориенти-

ры // *Социологические исследования*. 2021. № 11. С. 24–36.

19. Dufour M., Russell E. Why isn't Productivity More Popular? A Bargaining Power Approach to the Pay/Productivity Linkage in Canada // *International Productivity Monitor*. 2015. Vol. 28. P. 47–62. URL: https://www.academia.edu/13624010/Why_Isnt_Productivity_More_Popular_A_Bargaining_Power_Approach_to_the_Pay_Productivity_Linkage_in_Canada (дата обращения: 10.12.2024).

ECONOMIC ACTIVITY OF PARENTS OF MINOR CHILDREN: ACCORDING TO THE RESULTS OF A REGIONAL STUDY

T.K. Rostovskaya, E.N. Vasilieva

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology Russian Academy of Sciences

Modern social and family demographic policy is focused on the formation of a family-oriented environment in Russia, that is, an environment in which family feels comfortable, which will allow actors to effectively implement reproductive plans (the number of children born will correspond to the planned and desired number of children). Nowadays, the population in the Russian Federation is declining, especially intensively in some regions, therefore, in order to develop management solutions, it is necessary to study specific regional conditions for implementing reproductive plans of the population and to assess the economic indicators of the population, employment structure of parents with minor children. Today, support for large families and families with children is the most important task articulated at the state level so it is advisable to identify the needs of large families and families with children and types of assistance that families need. Russian families are focused on achieving well-being on their own, it is important to understand which practices they carry out in everyday life, and which practices cannot be implemented in the current conditions, what can reduce the income and material wealth of the family. The purpose of the study is to systematize economic practices and actions aimed at intensifying the economic activity of members of Russian families with children (on the example of the Volgograd region). The methodological basis of the research is the concepts of family well-being and the intensification of economic activity of actors, since the financial situation of the family is considered as significant indicator of the realization of reproductive behavior. An important indicator studied in the work is the number of minor children in the family. To achieve the goal, data from a survey of the urban population of the Volgograd region were analyzed. The sample is quota-based (the quota criteria are the population in the regional center and small towns of the region, the socio-demographic composition of the population and the employment structure of the population (n=1170)). The study was conducted during February and March in 2023 using a questionnaire survey. As a result, the practices of intensifying the economic activity of the population of the Volgograd region have been systematized, and resources for improving material well-being have been identified, which is the basis for implementing the reproductive plans of men and women, members of families with children and large families.

Keywords: family, economic behavior, economic activity, informal employment, reproductive behavior, demography.

УДК 316.354:351/354

DOI 10.52452/18115942_2025_2_128

ЦЕННОСТНАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ К РАБОТЕ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

© 2025 г.

И.С. Леонова, Д. Дурожайе

Леонова Ирина Сергеевна, д.соц.н.; PhD (Университет Гранады, Испания); доц.;
профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
irina.leonova@unn.ru

Дурожайе Долапо, аспирант (Нигерия) факультета социальных наук
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
dolapo.durojaiye@outlook.com

*Статья поступила в редакцию 10.01.2025**Статья принята к публикации 18.04.2025*

Быстро меняющиеся социально-экономические реалии определяют запрос на сотрудников, готовых ориентироваться и эффективно работать в условиях неопределенности. Статья посвящена теме ценностной готовности студентов колледжей к работе в современных условиях и соответствию их личных и профессиональных ценностей новым требованиям рынка труда. Ценностная готовность трактуется авторами как способность к быстрой адаптации, этичное поведение и приверженность общественному благу – компетенции и качества, которые становятся все более важными для выпускников, стремящихся к успеху в мире, определяемом технологическим прорывом и социальными изменениями. На основании анализа отечественной и зарубежной литературы авторы выделяют факторы, влияющие на ценностную готовность выпускников колледжей, проблемы ее становления и преимущества, которые она влечет. По итогам литературного обзора авторы предлагают стратегии повышения ценностной готовности студентов колледжей. Исследование имеет практическую значимость, так как дает профессиональному сообществу педагогов, работодателям и государственным деятелям лучшее понимание подготовки будущих кадров.

Ключевые слова: ценностная готовность, социально-экономические изменения, студенты, рабочее место, ценности, адаптация, адаптивность, инновационность.

Мир претерпевает быстрые и глубокие изменения, обусловленные глобализацией, технологическим прогрессом и демографическими изменениями [1]. Эти преобразования меняют характер работы, требуют новых навыков и меняют ожидания, возлагаемые на сотрудников [2]. Четвертая промышленная революция, характеризующаяся конвергенцией цифровых, физических и биологических технологий, разрушает традиционные отрасли и создает новые. В то же время мировая экономика борется с последствиями изменения климата, нехватки ресурсов и социального неравенства. Эти сложные и взаимосвязанные проблемы требуют не только квалифицированной, но и адаптивной, инновационной и социально ответственной рабочей силы.

На этом фоне возникает понятие ценностной готовности как фактора, определяющего ресурсность выпускников колледжей в новой социально-экономической реальности. Ценностная готовность относится к согласованию личных и профессиональных ценностей человека с требованиями и ожиданиями современного ра-

бочего места, включает целый ряд атрибутов: адаптивность, обучение на протяжении всей жизни и приверженность социальной ответственности [3]. Исследования показывают, что ценностная готовность является сильным предиктором удовлетворенности работой, карьерного успеха и общего благополучия [4]. Более того, работодатели все чаще отдают приоритет согласованию ценностей при найме и продвижении сотрудников, признавая их влияние на организационную культуру и производительность [5].

Целью данной статьи является вклад в теоретическое осмысление ценностной готовности студентов к выходу на рынок труда в современных социально-экономических условиях. Для этого видится необходимым осуществить обзор литературы по теме, определить ключевые теоретические рамки и рекомендации по повышению ценностной готовности студентов. Результаты исследования могут внести вклад в текущую дискуссию о значении высшего образования в формировании будущих профессионалов через выявление переменных, влияющих на ценностную готовность, барьеры, возможности его развития.

Междисциплинарная перспектива исследования ценностной готовности позволяет обращаться к теоретическим основам психологии, социологии, педагогики и организационного поведения. Ценностная готовность относится к способности и ориентированности человека на достижение успеха в быстро меняющемся ландшафте трудовой жизни. Ценностная готовность выходит за рамки приобретения технических навыков и знаний, делая акцент на развитии гибкого и адаптируемого мышления, которое позволяет людям развиваться и проявлять себя в условиях перемен и неопределенности [6]. Центральное место в концепции ценностной готовности занимает понятие ценностной конгруэнтности, которое понимается как совместимость между ценностями индивида и ценностями его рабочего окружения. Исследования показали, что конгруэнтность ценностей связана с более высокими уровнями удовлетворенности трудовой деятельностью, организационной приверженности и производительности труда.

Ценностная готовность все чаще признается в качестве важнейшего фактора, определяющего успех отдельных лиц и организаций на современном рабочем месте. По мере того как характер работы продолжает меняться, работодатели ищут у кандидатов технические навыки и предварительную демонстрацию соответствия ценностям, адаптивности и приверженности обучению на протяжении всей жизни. Ценностная готовность позволяет людям справляться со сложными этическими проблемами, эффективно работать в различных командах и внедрять инновации в условиях неопределенности. Кроме того, ценностная готовность имеет важное значение для построения доверия и укрепления позитивных отношений с коллегами, клиентами и заинтересованными сторонами. В условиях глобальной экономики, характеризующейся быстрыми изменениями и растущей сложностью, ценностная готовность стала ключевым отличительным признаком для отдельных лиц и организаций, стремящихся преуспеть в новом социально-экономическом пространстве.

Современное рабочее место характеризуется набором новых требований к навыкам и компетенциям, необходимым для успеха работника и организации в целом. Эти требования обусловлены быстрым технологическим прогрессом, глобализацией и меняющейся демографической ситуацией, которые трансформируют характер работы и ожидания, возлагаемые на сотрудников. Чтобы преуспеть в этой новой реальности, люди должны обладать целым рядом когнитивных, социальных и технологических навыков, которые позволяют им адаптироваться к изме-

нениям, решать сложные проблемы и эффективно сотрудничать с другими людьми.

Составляющие ценностной готовности

Личные ценности – это руководящие принципы, которые формируют индивидуальное поведение и процессы принятия решений человека. Ценности представляют собой глубоко укоренившиеся убеждения и служат ориентиром в сложных ситуациях. Личные ценности формируются под влиянием множества факторов, включая семейное происхождение, культурные нормы и индивидуальный опыт. В контексте ценностной готовности личные ценности – честность и ответственность имеют решающее значение для успеха на современном рабочем месте. Люди, обладающие этими ценностями, с большей вероятностью будут демонстрировать этическое поведение, строить конструктивные отношения с коллегами и вносить свой вклад в создание эффективного рабочего климата [7].

Профессиональные ценности – это стандарты и принципы, которыми руководствуются при поведении и принятии решений в конкретном профессиональном контексте. Они формируются нормами, ожиданиями и этическими кодексами конкретной профессии и часто формализуются в процессе обучения и социализации. Профессиональные ценности, такие как компетентность и ответственность, имеют важное значение для успеха на современном рабочем месте. Люди, которые воплощают эти ценности, с большей вероятностью выполняют высококачественную работу, возьмут на себя ответственность за свои действия и расставят приоритеты в пользу потребностей клиентов и заинтересованных сторон [8].

Адаптивность и гибкость являются ключевыми компонентами готовности к созданию ценности в условиях быстрых технологических изменений и меняющихся требований к работе [9]. Приспособляемость – это способность человека принимать изменяющиеся условия, осваивать новые навыки и как следствие адаптировать свое. Гибкость, с другой стороны, относится к готовности человека принять изменения и взять на себя новые роли и обязанности [10]. Исследования показали, что адаптивность и гибкость положительно связаны с трудоустройством, карьерным успехом и устойчивостью перед лицом невзгод [11–13]. Способность к адаптации и устойчивость имеют решающее значение для процветания в быстро меняющейся и неопределенной рабочей среде. Адаптивность – способность человека приспосабливаться к новым ситуациям, осваивать новые навыки

и модифицировать свое поведение в ответ на изменяющиеся требования. Устойчивость, с другой стороны, обозначает способность человека оправляться от невзгод, поддерживать свое благополучие и продолжать эффективно работать перед лицом стресса и проблем. Исследования показали, что адаптивность и жизнестойкость положительно связаны с удовлетворенностью работой, карьерным успехом и общим благополучием.

Критическое мышление и умение решать проблемы являются важными навыками для решения сложных и непредсказуемых задач современного рабочего места. Критическое мышление включает способность анализировать информацию, оценивать аргументы и выносить обоснованные суждения. Решение проблем, с другой стороны, включает способность их выявлять и определять, генерировать и оценивать решения, а также реализовывать эффективные стратегии. Исследования показали, что навыки критического мышления и решения проблем высоко ценятся работодателями и положительно связаны с производительностью труда, инновациями и эффективностью лидерства [14].

Инновации и креативность имеют решающее значение для стимулирования организационного роста и конкурентоспособности на современном рабочем месте. Инновации включают создание и внедрение новых идей, продуктов или услуг, которые создают ценность для заинтересованных сторон. Креативность, в свою очередь, порождает оригинальные и полезные идеи, которые расходятся с устоявшимися моделями мышления. Исследования показали, что инновациям и творчеству способствует целый ряд индивидуальных и организационных факторов, включая внутреннюю мотивацию, готовность к риску и благоприятную рабочую среду.

Сотрудничество и социальный интеллект необходимы для эффективной работы в многообразных командах и построения позитивных отношений с коллегами и заинтересованными сторонами. Сотрудничество – это совместные усилия в достижении общей цели, объединение знаний и ресурсов, использование сильных сторон членов команды. Социальный интеллект заключается в понимании и управлении социальными взаимодействиями, адаптации к различным социальным контекстам, в построении и поддержании позитивных отношений. Различные исследователи установили, что сотрудничество и социальный интеллект положительно связаны с производительностью труда, эффективностью команды и успехом руководства.

Цифровая и технологическая грамотность имеют решающее значение для успеха в быстро

цифровизирующейся рабочей среде. Цифровая грамотность относится к способности использовать цифровые инструменты и технологии для доступа, управления, интеграции, оценки и создания информации. Технологическая грамотность – способность понимать, оценивать и использовать технологии для решения проблем и создания ценности. Цифровая и технологическая грамотность положительно связаны с трудоустройством, производительностью труда и карьерным ростом.

В дополнение к новым требованиям к рабочему месту современная рабочая среда тоже характеризуется набором ключевых ценностей, которые необходимы для успеха. Эти ценности отражают меняющиеся ожидания работников, работодателей и общества в целом и формируются такими факторами, как глобализация, социальная ответственность и поиск смысла и цели в работе. Чтобы преуспеть на развивающемся рабочем месте, люди должны привести свои личные и профессиональные ценности в соответствие с этими новыми нормами и приоритетами.

Честность и этика лежат в основе доверия, подотчетности и ответственного поведения на рабочем месте. Честность – это соответствие между ценностями, словами и действиями человека, а также соблюдение моральных и этических принципов. Этика относится к стандартам добра и зла, которые направляют поведение и принятие решений в профессиональном контексте. Было доказано, что честность и этика имеют важное значение для построения позитивных отношений, поддержания репутации и формирования культуры доверия и уважения в организациях.

Обучение на протяжении всей жизни и ориентация на саморазвитие тоже являются жизненно важными ценностями для адаптации к меняющимся требованиям современного рабочего места. «Пожизненный» означает постоянное стремление к знаниям, навыкам и личностному росту на протяжении всей карьеры. Ориентация на саморазвитие – это проактивный и самостоятельный подход к обучению и развитию, который позволяет людям взять на себя ответственность за свой собственный рост и продвижение. Исследования показали, что ориентация на обучение на протяжении всей жизни и саморазвитие положительно связаны с трудоустройством, карьерным успехом и удовлетворенностью работой.

Кроме того, *принятие многообразия и инклюзивности* является ключевой ценностью для стимулирования инноваций, творчества и социальной сплоченности на современном рабочем месте. Многообразие относится к разнообразию индивидуальных различий, таких как пол, этни-

ческая принадлежность, возраст и культурное происхождение, которые характеризуют группу или организацию. Инклюзия – это степень, в которой люди чувствуют, что их ценят, уважают и интегрируют в рабочее место. Было доказано, что инклюзивность и многообразие положительно связаны с эффективностью организации, вовлеченностью сотрудников и удовлетворенностью работой.

И, наконец, *устойчивое развитие и социальная ответственность* становятся все более важными ценностями для организаций и отдельных лиц на современном рабочем месте. Устойчивое развитие относится к способности удовлетворять потребности настоящего времени не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять их собственные потребности. Социальная ответственность – это обязанность организаций и отдельных лиц действовать на благо общества и окружающей среды. Доказано, что устойчивое развитие и социальная ответственность положительно связаны с репутацией организации, вовлеченностью сотрудников и лояльностью потребителей.

Теоретические основы ценностной готовности

Теория основных человеческих ценностей Ш. Шварца основывается на структуре, определяющей десять универсальных ценностей, которые признаются в разных культурах, и объясняет их динамические взаимосвязи [7]. Согласно этой теоретической рамке, ценности – это конструкты, основанные на убеждениях, направляющие поведение, отношения и процессы принятия решений индивидов. Десять основных ценностей организованы в круговую структуру, отражающую их совместимость и конфликты: самоуправление, стимулирование, гедонизм, достижение, власть, безопасность, конформизм, традиция, доброжелательность и универсализм. Эти ценности подразделяются на четыре измерения более высокого порядка: открытость к изменениям, самосовершенствование, сохранение и самотрансценденция. Теория базовых общечеловеческих ценностей может стать действенным инструментом в понимании ценностной готовности студентов колледжа. Она может помочь определить конкретные ценности, которые наиболее важны для успеха на современном рабочем месте, и направить разработку обучающих мероприятий для укрепления этих ценностей. Например, такие ценности, как самоуправление, самоконтроль и нацеленность на достижения, тесно связаны с новыми требованиями к критическому мышлению, адаптив-

ности и инновациям на рабочем месте. Делая акцент на этих ценностях в учебной программе и предоставляя студентам возможности практиковать и развивать их, учебные заведения могут повысить ценностную готовность студентов.

Более того, фокус теории на динамических отношениях между ценностями может помочь студентам ориентироваться в потенциальных конфликтах и компромиссах, с которыми они могут столкнуться на рабочем месте. Например, противоречие между ценностями конформизма и самоуправления может возникнуть, когда от людей требуется придерживаться организационных норм, в то же время от них ожидается критическое мышление и инновации. Повышая осведомленность учащихся об этих ценностных противоречиях и предоставляя им стратегии для их преодоления, педагоги могут способствовать более тонкому пониманию ценностной готовности. Кросс-культурная валидация теории может помочь подготовить студентов к глобальному и разнообразному характеру современного рабочего места. Признавая универсальность основных человеческих ценностей, а также признавая их культурные различия, учащиеся могут развить более инклюзивное и адаптируемое мышление [7]. Это, в свою очередь, может повысить их способность эффективно сотрудничать с другими людьми из разных культур и ориентироваться в сложностях глобальной экономики.

Теория профессиональных типов личности и рабочей среды Дж. Холланда крайне важна для понимания выбора профессии и профессионального поведения [15]. Дж. Холланд утверждает, что людей можно разделить на шесть различных типов личности: реалистический, исследовательский, художественный, социальный, предприимчивый и конвенциональный (RIASEC). Каждый тип личности связан с определенными характеристиками, предпочтениями и ценностями, которые влияют на карьерные интересы и рабочую среду. Теория также утверждает, что рабочая среда может быть классифицирована на шесть соответствующих типов, и люди ищут среду, которая соответствует их типам личности. Считается, что степень соответствия между типом личности человека и его рабочей средой является ключевым фактором, определяющим удовлетворенность работой, стабильность и производительность.

Теория Дж. Холланда имеет значительные последствия для понимания ценностной готовности и выбора карьеры студентами колледжей. Определив свои доминирующие типы личности, учащиеся могут получить представление о своих ценностях, интересах и предпочтениях, связанных с работой. Это самосознание может по-

мочь им принимать обоснованные решения о своем карьерном пути и развивать более четкое представление о своей профессиональной идентичности. Кроме того, понимание характеристик различных рабочих сред может помочь студентам оценить свое соответствие потенциальной карьере и организации, тем самым повышая их ценностную готовность.

Исследования показали, что люди, которые выбирают карьеру, соответствующую их типам личности, как правило, испытывают большее удовлетворение работой, стабильность карьеры и профессиональный успех [16; 17]. Согласовывая свои ценности и интересы со своим выбором карьеры, студенты могут повысить свои шансы найти приносящую удовлетворение и значимую работу. Это согласование особенно важно в контексте новых требований к рабочему месту, которые требуют от людей способности к адаптации, мотивации и вовлеченности в свою работу.

Кроме того, теория Холланда может служить ориентиром для образовательных вмешательств и практик карьерного консультирования, направленных на формирование ценностной готовности у студентов колледжей. Учащиеся получают возможность изучить свои типы личности и узнать о различных рабочих средах, а преподаватели, в свою очередь, – помочь им развить более полное понимание своих карьерных возможностей и принимать обоснованные решения. Карьерные консультанты могут использовать структуру RIASEC, чтобы помочь студентам определить потенциальные карьерные пути, сформировать реалистичные ожидания в отношении мира труда и культивировать ценности и навыки, необходимые для успеха в выбранных ими областях.

Социально-когнитивная теория карьеры (SCCT) объясняет, как люди развивают карьерные интересы, делают выбор профессии и достигают успеха в карьере [18]. Опираясь на социально-когнитивную теорию Бандуры (1986), SCCT утверждает, что личностные, поведенческие и экологические факторы взаимодействуют, формируя развитие карьеры [19]. Теория подчеркивает роль убеждений в самоэффективности, ожиданий результатов и личных целей в управлении карьерным поведением. Самоэффективность относится к вере человека в свою способность выполнять определенные задачи или поведение, в то время как ожидания результата – это убеждения о последствиях такого поведения. Личные цели – это намерения заниматься определенной деятельностью или достигать определенных результатов. SCCT предполагает, что эти когнитивные личностные переменные, наряду с контекстуальной поддержкой и барьерами, влияют на развитие карьерных интересов, выбор академических и карьерных

вариантов, а также на достижение карьерного успеха. SCCT позволяет раскрыть роль самоэффективности и ожиданий результатов в ценностной готовности студентов колледжа. Согласно этой теории, убеждения в самоэффективности являются ключевым фактором, определяющим поведение и результаты, связанные с карьерой. Учащиеся с высокой самоэффективностью с большей вероятностью изучают более широкий спектр вариантов карьеры, ставя перед собой сложные задачи, и проявляют настойчивость перед лицом встречающихся препятствий. В контексте ценностной готовности самоэффективность может влиять на убеждения студентов относительно их способности развивать навыки, знания и ценности, необходимые для успеха на современном рабочем месте. Например, учащиеся с высокой самоэффективностью в адаптивности могут с большей вероятностью принять изменения, новые вызовы и постоянно обновлять свои навыки.

Ожидания результатов тоже играют важную роль в формировании ценностной готовности студентов колледжей. SCCT утверждает, что люди с высокой самоэффективностью с большей вероятностью будут делать карьеру и применять поведенческую модель, которая, по их мнению, приведет к положительным результатам. В контексте ценностной готовности ожидания результатов могут влиять на восприятие учащимися плюсов и минусов, связанных с развитием конкретных ценностей и навыков. Например, студенты, которые считают, что культивирование сильной трудовой этики и стремление к обучению на протяжении всей жизни приведут к успеху в карьере и самореализации, могут быть более мотивированы к поведению, которое соответствует этим ценностям.

SCCT также подчеркивает важность контекстуальной поддержки и барьеров в формировании карьерного роста. В контексте ценностной готовности благоприятная образовательная среда, предоставляющая возможности для развития навыков, исследования ценностей и реального опыта, может повысить самоэффективность учащихся и позитивные ожидания результатов, даже несмотря на то, что такие барьеры, как отсутствие доступа к ресурсам, дискриминация или отсутствие поддержки в социальных сетях, могут препятствовать развитию ценностной готовности. Образовательные практики, основанные на SCCT, могут помочь повысить ценностную готовность студентов колледжей.

Факторы, влияющие на ценностную готовность студентов

Личностные факторы могут играть значительную роль в формировании ценностной го-

товности у студентов. Эти факторы включают в себя индивидуальные характеристики, опыт и социальный статус, которые влияют на убеждения, отношение и поведение студентов, связанные с карьерным ростом и работой. Понимание влияния личностных факторов на ценностную готовность имеет решающее значение для разработки эффективных образовательных мероприятий и систем поддержки, способствующих успеху учащихся на современном рабочем месте. Семейное происхождение и воспитание оказывают сильное влияние на ценностную готовность учащихся. Родители и воспитатели играют важнейшую роль в формировании ценностей, убеждений и установок детей через процессы социализации. Исследования показали, что социально-экономический статус семьи, образование родителей и родительские ожидания могут влиять на карьерные устремления учащихся, уровень образования и трудовые ценности. Например, учащиеся из более высоких социально-экономических слоев могут иметь более широкий доступ к ресурсам и возможностям, которые способствуют развитию навыков и ценностей, соответствующих требованиям современного рабочего места. Кроме того, родительская поддержка и поощрение могут повысить самооценку учащихся и ожидания положительных результатов, связанных с карьерным ростом.

Индивидуальный опыт и воздействие различных контекстов и точек зрения тоже могут сформировать ценностную готовность у студентов колледжа. Такой опыт, как программы обучения за рубежом, стажировки и общественная работа, могут расширить кругозор студентов, бросить вызов их возможным предубеждениям и способствовать развитию адаптивности, культурной компетентности и социальной ответственности. Исследования показали, что студенты, которые участвуют в экспериментальном обучении, сообщают о большем приобретении личных и профессиональных навыков, а также о большей ясности в отношении своих карьерных целей и ценностей [20]. Кроме того, знакомство с различными точками зрения через взаимодействие со сверстниками, наставниками и преподавателями может помочь студентам развить мышление, что имеет важное значение для успеха на все более разнообразном и взаимосвязанном рабочем месте.

Еще одним важным фактором, который может повлиять на ценностную готовность студентов колледжа, являются *личностные качества*. Это относится к относительно стабильным моделям мыслей, чувств и поведения, которые отличают людей друг от друга. С карьер-

ной адаптивностью, успехом и благополучием связаны несколько личностных черт, таких как добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость опыту. Например, учащиеся с высоким уровнем добросовестности, как правило, более целеустремленны, дисциплинированы и настойчивы, что может способствовать развитию сильной трудовой этики и приверженности обучению на протяжении всей жизни. Точно так же учащиеся, которые открыты опыту, могут с большей вероятностью искать новые вызовы, принимать изменения и развивать более широкий набор навыков и интересов. Исследования показали, что личностные черты взаимодействуют с контекстуальными факторами, формируя карьерный рост и результаты, связанные с работой [21]. Учащиеся с определенными личностными чертами могут с большей вероятностью искать и извлекать пользу из определенного образовательного опыта или систем поддержки. Кроме того, соответствие между личностными качествами и характеристиками рабочей среды может повлиять на удовлетворенность работой, производительность и текучесть кадров. Понимание роли личности в ценностной готовности может помочь педагогам и карьерным консультантам адаптировать свои действия и рекомендации к уникальным потребностям и сильным сторонам отдельных учащихся.

Образовательные факторы тоже играют решающую роль в формировании ценностной готовности студентов колледжей. Обучение в колледже предоставляет студентам уникальную возможность развить навыки, знания и ценности, необходимые для успеха на современном рабочем месте. Учебная программа и педагогика, профориентация и консультирование, внеклассные мероприятия и стажировки могут существенно повлиять на ценностную готовность студентов. Учебная программа и педагогика являются важнейшими компонентами образовательного опыта, формирующими ценностную готовность учащихся. Содержание и структура учебных программ могут влиять на развитие у студентов критического мышления, навыков решения проблем и коммуникативных навыков. Исследователи установили, что учебные программы, которые делают акцент на активном обучении, экспериментальном образовании и междисциплинарных подходах, могут повысить вовлеченность, мотивацию и развитие навыков учащихся [22]. Проблемно ориентированное обучение и обучение на основе кейсов могут помочь учащимся развить способность анализировать сложные ситуации, работать совместно и применять знания в реальных условиях. Интеграция ценностно-ориентированного обра-

зования в учебную программу может помочь студентам развить более глубокое понимание своих личных и профессиональных ценностей, этических аспектов своей будущей работы. Педагогические подходы, способствующие рефлексии, диалогу и моральным рассуждениям, могут помочь учащимся прояснить свои ценности, развить чувство цели и культивировать приверженность социальной ответственности. Преподаватели могут использовать технологии и цифровые инструменты обучения для создания более персонализированного, гибкого и инклюзивного обучения, которое соответствует различным стилям обучения и потребностям.

Профориентация и консультирование тоже могут помочь студентам развить ценностную готовность и принимать обоснованные карьерные решения. Консультанты могут помочь студентам изучить их интересы, ценности и навыки, а также согласовать их с потенциальными карьерными путями. Исследования показали, что учащиеся, получающие всестороннюю профориентацию и консультирование, сообщают о большей решительности в выборе карьеры, самооэффективности и удовлетворенности своим выбором профессии [23]. Консультанты по вопросам карьеры тоже могут помочь студентам сориентироваться в проблемах и возможностях современного рабочего места, предоставляя информацию о тенденциях рынка труда, стратегиях поиска работы и возможностях нетворкинга. Они могут помочь студентам в развитии таких навыков и компетенций, необходимых для успеха в карьере, как адаптивность, устойчивость и самостоятельное обучение. Обеспечивая благоприятную и вдохновляющую среду для карьерного роста и принятия решений, услуги по профориентации и консультированию могут помочь учащимся развить сильное чувство цели и ценностную готовность.

Внеклассные мероприятия и стажировки являются еще одной ценной возможностью экспериментального обучения для повышения ценностной готовности студентов. Участие в студенческих организациях, общественных проектах и лидерских ролях может помочь студентам развить такие важные навыки, как работа в команде, общение и управление проектами. Этот опыт также может познакомить учащихся с различными точками зрения, бросить вызов их предположениям и способствовать развитию чувства гражданской активности и социальной ответственности. Стажировки и другие виды обучения на рабочем месте дают студентам возможность применить свои знания и навыки в реальных условиях, получить практический опыт и построить профессиональные связи. Ис-

следования показали, что студенты, участвующие в стажировках, сообщают о большей удовлетворенности работой, карьерной самооэффективности и возможности трудоустройства [24]. Стажировки также могут помочь студентам прояснить свои карьерные цели, развить более сильную трудовую этику и познакомиться с организационной культурой и нормами. Кроме того, стажировки и другие возможности экспериментального обучения могут помочь студентам развить способность к адаптации и гибкость, необходимые для достижения успеха в быстро меняющемся рабочем месте. Предоставляя студентам возможность принимать новые вызовы, учиться на ошибках и получать обратную связь от профессионалов в своей области, этот опыт может способствовать развитию устойчивости, самосознания и мышления роста.

Социокультурные факторы играют значительную роль в формировании ценностной готовности студентов колледжей. Эти факторы охватывают более широкий социальный, культурный и технологический контекст, в который встраиваются студенты, и влияют на их убеждения, взгляды и поведение, связанные с карьерным ростом и работой. Понимание влияния социокультурных факторов на ценностную готовность имеет важное значение для создания инклюзивной и благоприятной образовательной среды, способствующей успеху учащихся на современном рабочем месте. Культурные ценности и нормы оказывают мощное влияние на ценностную готовность учащихся. Культура относится к общим убеждениям, ценностям, обычаям и поведению, которые характеризуют определенную группу или общество. Культурные ценности и нормы могут формировать карьерные устремления, отношение к работе и удовлетворенность работой. Например, коллективистская культура, в которой особое внимание уделяется групповой гармонии и взаимозависимости, может способствовать развитию у учащихся чувства социальной ответственности и командной работы. Напротив, индивидуалистические культуры, которые отдают приоритет личным достижениям и автономии, могут поощрять учащихся развивать более конкурентное и предпринимательское мышление. Кроме того, культурные ценности и нормы могут влиять на восприятие учащимися смысла и цели работы. В некоторых культурах работа может рассматриваться в первую очередь как средство финансовой стабильности и социального статуса, в то время как в других она может рассматриваться как источник личной самореализации и вклада в общество. Педагоги и консультанты по вопросам карьеры должны быть настроены на куль-

турный фон и ценности своих учеников и предоставлять поддержку и рекомендации с учетом культурных особенностей, которые помогают им ориентироваться в сложностях современного рабочего места.

Влияние сверстников и социальные сети являются важными факторами, формирующими ценностную готовность учащихся. Сверстники служат важными образцами для подражания, источниками информации и социальной поддержкой для студентов, когда они справляются с проблемами колледжа и карьерного роста. Исследования показали, что студенты, которые имеют позитивные и поддерживающие отношения со сверстниками, сообщают о большей академической мотивации, вовлеченности и настойчивости [25]. Сверстники могут влиять на карьерные устремления студентов, поведение при поиске работы и стратегии налаживания связей. Социальные сети, как онлайн, так и офлайн, предоставляют студентам доступ к ценным ресурсам, информации и возможностям, которые могут повысить их ценностную готовность. Например, студенты, участвующие в профессиональных организациях, сетях выпускников или программах наставничества, могут получить представление об отраслевых тенденциях, вакансиях и карьерных советах. Платформы социальных сетей, такие как LinkedIn, тоже могут помочь студентам создать свой профессиональный бренд, продемонстрировать свои навыки и достижения, а также связаться с потенциальными работодателями. Однако сверстники и социальные сети могут оказывать и негативное влияние на ценностную готовность учащихся. Например, учащиеся, которые подвергаются негативному отношению или поведению сверстников, такому, как прокрастинация или отстраненность, могут с большей вероятностью перенимать подобные модели. Учащиеся из неблагополучных семей могут иметь ограниченный доступ к социальному капиталу и сетям, которые могут обеспечить ценную поддержку и возможности для карьерного роста. Педагоги и учебные заведения должны стремиться к созданию инклюзивной и справедливой учебной среды, обеспечивающей всем учащимся доступ к позитивному влиянию сверстников и социальным сетям.

Стратегии повышения ценностной готовности студентов колледжа

Интеграция ценностного образования в учебную программу может стать важнейшей стратегией повышения ценностной готовности студентов колледжей. Ценностное образование

относится к эксплицитному преподаванию и изучению ценностей, этики и моральных рассуждений в академическом контексте. Высшие учебные заведения могут помочь студентам развить сильное чувство личных и профессиональных ценностей, навыки и склонности, необходимые для решения этических проблем на рабочем месте путем интеграции ценностного образования. Один из подходов к интеграции ценностного образования заключается в использовании тематических исследований, симуляций и ролевых игр, которые ставят учащихся перед реальными этическими проблемами. Эти экспериментальные учебные задания могут помочь учащимся практиковаться в принятии этических решений, развивать эмпатию и восприятие перспективы, а также исследовать последствия своих действий. Другой подход заключается во внедрении ценностно ориентированных тем в существующие курсы и программы. Например, курс по деловой этике может быть интегрирован в программу менеджмента, а курс по экологической устойчивости может быть включен в учебную программу по инженерным специальностям. Интеграция ценностного образования в учебную программу требует развития и поддержки со стороны преподавателей. Педагоги должны обладать знаниями, навыками и ресурсами для эффективного обучения и моделирования этичного поведения, для создания безопасной и инклюзивной среды в классе, способствующей открытому диалогу и размышлениям. Это может включать в себя подготовку преподавателей по этической теории, педагогическим стратегиям и методам оценки, а также признание и поощрение выдающихся достижений в ценностном образовании.

Поощрение эмпирического обучения и обучения на рабочем месте. Эмпирическое обучение относится к процессу обучения через непосредственный опыт и рефлекссию, в то время как обучение на рабочем месте включает интеграцию академического обучения с практическим опытом работы. Эти подходы могут помочь студентам преодолеть разрыв между теорией и практикой, развить соответствующие навыки и компетенции, познакомиться с реалиями рабочего места. Одной из распространенных форм экспериментального обучения являются стажировки, которые предоставляют студентам возможность работать в профессиональной среде, применять свои знания и навыки, а также создавать свои профессиональные связи. Стажировки могут оказать положительное влияние на готовность студентов к карьере, удовлетворенность работой и потенциал заработка. Тем не менее

качество и структура стажировок могут сильно различаться, и учреждениям необходимо обеспечить, чтобы этот опыт был значимым, справедливым и соответствовал академическим целям.

Другой формой обучения на рабочем месте является *кооперативное обучение (co-op)*, в котором периоды академического обучения чередуются с опытом работы на полную ставку. Совместные программы могут предоставить студентам более обширный и захватывающий опыт работы, а также возможности для размышлений и интеграции с академическим обучением. Совместное участие может повысить академическую успеваемость студентов, их карьерную самоэффективность и результаты трудоустройства.

Поощрение экспериментального обучения и обучения на рабочем месте требует прочных партнерских отношений между учебными заведениями и работодателями. Эти партнерства могут помочь обеспечить актуальность, значимость и соответствие опыта обучения потребностям отрасли, а также предоставить студентам доступ к наставникам, ресурсам и возможностям трудоустройства. Учебные заведения могут поддерживать экспериментальное обучение путем предоставления финансирования, материально-технического обеспечения и академических кредитов, а также путем интеграции мероприятий по анализу и оценке.

Поощрение самоанализа и личностного развития является еще одной важной стратегией повышения ценностной готовности студентов колледжа. Саморефлексия относится к процессу исследования собственных мыслей, чувств и опыта с целью обретения самосознания и понимания. Личностное развитие включает постоянный рост и совершенствование своих знаний, навыков и качеств для достижения личных и профессиональных целей. Эти процессы необходимы, чтобы помочь учащимся прояснить свои ценности, развить свою идентичность и привести свое поведение в соответствие со своими целями и стремлениями. Один из подходов к поощрению самоанализа и личностного развития заключается в использовании рефлексивного письма, ведения дневника и разработки портфолио. Эти задания могут помочь студентам осмыслить свой опыт, изучить свои ценности и убеждения, задокументировать свой рост и достижения. Другой подход заключается в предоставлении услуг наставничества, коучинга и консультирования, которые поддерживают личностное и профессиональное развитие студентов. Эти услуги могут помочь обучающимся ориентироваться в проблемах, ставить цели и разрабатывать планы действий для достижения

своих целей.

Поощрение самоанализа и личностного развития требует создания поддерживающей культуры учреждения. Она включает устранение системных барьеров и неравенства, которые могут ограничивать доступ учащихся к ресурсам, возможностям и поддержке.

Укрепление партнерских отношений между промышленностью и научными кругами относится к отношениям сотрудничества между учебными заведениями и работодателями, которые предназначены для поддержки обучения студентов, развития рабочей силы и обмена знаниями. Эти партнерства могут принимать различные формы, включая научно-исследовательское сотрудничество, разработку учебных программ, стажировки и кооперативы, наставничество и консультирование, а также карьерные услуги. Одним из ключевых преимуществ партнерства между промышленностью и научными кругами является возможность предоставить обучающимся практико-ориентированный подход к обучению, который является актуальным, значимым и соответствует потребностям отрасли. Сотрудничая с работодателями, учебные заведения могут гарантировать, что их программы и учебные планы актуальны, отвечают требованиям рынка и эффективны в подготовке студентов к работе. Отраслевые партнеры тоже могут предоставить студентам доступ к наставникам, состоявшимся профессионалам и дать информацию о возможностях трудоустройства, что может поддержать их карьерный рост и переход. Развитие партнерских отношений между промышленностью и научными кругами требует стратегического и скоординированного подхода, в котором участвуют многочисленные заинтересованные стороны, включая преподавателей, администраторов, службы карьеры и отраслевых партнеров. Учреждениям необходимо установить четкие цели, ожидания и критерии успеха, а также предоставить ресурсы и стимулы для поддержки сотрудничества. Им также необходимо устранять потенциальные барьеры и проблемы – различия в организационной культуре, приоритетах и сроках. Эффективные партнерские отношения требуют постоянного общения, доверия и взаимной выгоды, стремления к постоянному совершенствованию и адаптации.

Заключение

В данном теоретическом обзоре исследуется концепция ценностной готовности студентов и ее значение на современном рабочем месте. Предложены стратегии повышения ценностной

готовности студентов, включая интеграцию ценностного образования в учебную программу, содействие экспериментальному обучению и обучению на рабочем месте, поощрение самоанализа и личностного развития, содействие партнерству между промышленностью и научными кругами. Выводы имеют значение для политики и практики высшего образования и развития трудовых ресурсов. На институциональном уровне колледжи и университеты должны уделять первоочередное внимание ценностной готовности как ключевому результату обучения и интегрировать ее в учебные программы. Это может включать пересмотр академических программ, чтобы включить в них больше междисциплинарных и экспериментальных возможностей обучения, а также предоставить студентам больше возможностей для самоанализа, этических рассуждений и личностного развития.

На государственном уровне видится необходимым признать важность ценностной готовности в контексте меняющихся условий на рабочем месте и оказывать поддержку инициативам, способствующим ее развитию, осуществлять инвестиции в услуги по профориентации и консультированию, внедрять программы обучения на рабочем месте и развивать партнерства между промышленностью и научными кругами, создавая стимулы для учреждений и работодателей к росту сотрудничества в вопросах образования и профессиональной подготовки. Педагогам и специалистам по профориентации важно применять интегративный подход к развитию обучающихся с акцентом на академическую и на карьерную готовность, включать ценностно ориентированное образование в преподавание и консультирование. Работодатели должны признать важность согласования ценностей в своей практике найма и управления талантами, тесно сотрудничать с учебными заведениями для вовлечения студентов.

Несмотря на то, что в теоретическом обзоре представлен достаточно полный анализ ценностной готовности студентов колледжей, есть несколько областей, которые требуют дальнейшего изучения. Существует потребность в более масштабной эмпирической проверке конкретных факторов и опыта, способствующих развитию ценностной готовности в различных группах учащихся и институциональных контекстах. Это предполагает проведение лонгитюдных исследований, изучение влияния различных учебных и внеклассных мероприятий на результаты ценностной готовности. Во-вторых, существует потребность в дополнительных исследованиях взаимосвязи между ценностной

готовностью и карьерными результатами: удовлетворенность работой, производительность и продвижение по карьерной лестнице. Необходимо проведение исследований с выпускниками и работодателями для оценки влияния согласованности ценностей, направленных на достижение успеха и благополучия на рабочем месте, а также изучение посреднических и модулирующих факторов, влияющих на эти отношения. В-третьих, существует необходимость в дополнительных исследованиях межкультурных и международных аспектов ценностной готовности, учитывая растущую глобализацию и разнообразие рабочей силы: проведение сравнительных исследований сходства и различий в ценностной готовности в разных странах и культурах, изучение влияния обучения за рубежом и программ международного обмена на ценностное развитие студентов. Необходимы дополнительные исследования эффективности различных стратегий и мероприятий для повышения ценностной готовности студентов, особенно в контексте ускоряющегося перехода к удаленной и цифровой работе, а также проведение экспериментальных и квазиэкспериментальных исследований сопоставления результатов различных педагогических и программных подходов, изучение использования технологий и онлайн-платформ для ценностно ориентированного образования и развития карьеры.

Ценностная готовность к работе в новых условиях является важнейшей компетенцией выпускников на рабочем месте, и учебные заведения должны играть жизненно важную роль в содействии ее развитию. Интегрируя ценностное образование в учебную программу, способствуя практическому обучению и обучению на рабочем месте, поощряя самоанализ и личностное развитие, способствуя партнерству между промышленностью и научными кругами, колледжи и университеты могут подготовить студентов к вызовам и возможностям современного мира труда. По мере того как ландшафт высшего образования и трудоустройства продолжает развиваться, крайне важно, чтобы исследователи, преподаватели и государство работали вместе, чтобы углубить наше понимание и практику ценностной готовности, а также обеспечить, чтобы все студенты имели возможность развивать навыки, знания и ценности, необходимые для успеха в личной и профессиональной жизни.

Список литературы

1. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Crown, 2017. 192 p.
2. Леонова И.С. Управление социально-психологическим возрастом персонала при внедрении ин-

- новаций: роль организационной культуры // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2021. Т. 46. № 1. С. 58–69.
3. Leonova I.S., Zakharova L.N., Saralieva Z.Kh. Subjective well-being as an indicator of the quality of labor life of senior personnel and condition of acceptance of innovation // *Эффективность труда и качество трудовой жизни XXI века: Сборник научных статей* / Под ред. Р.В. Карапетяна. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2020. С. 211–223.
4. Sagiv L., Schwartz S.H. Value priorities and subjective well-being: direct relations and congruity effects // *Eur. J. Soc. Psychol.* 2000. V. 30. № 2. P. 177–198.
5. Kristof-Brown A.L., Zimmerman R.D., Johnson E.C. Consequences of Individuals' Fit at Work: A Meta-Analysis of Person-Job, Person-Organization, Person-Group, and Person-Supervisor Fit // *Pers. Psychol.* 2005. V. 58. № 2. P. 281–342.
6. Леонова И.С. Управление личностной вовлеченностью в трудовую деятельность персонала ординарных и инновационных компаний // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2021. Т. 82. № 2. С. 47–52.
7. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the content and structure of values? // *Journal of Social Issues*. 1994. V. 50. P. 19–45.
8. Noordegraaf M. Reconfiguring Professional Work: Changing Forms of Professionalism in Public Services // *Admin. Soc.* 2016. V. 48. № 7. P. 783–810.
9. Захарова Л.Н., Саралиева З.Х., Леонова И.С. Субъективное благополучие на рабочем месте как социальное действие: возможности управления и самоуправления // В кн.: *Социология в оценке и анализе развития современного общества: Монография*. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 67–105.
10. Барков С.А. Личные качества как фактор успеха в постиндустриальных социально-экономических реалиях // *Вестник Московского университета*. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 2. С. 178–192.
11. Zacher H. Individual difference predictors of change in career adaptability over time // *J. Vocat. Behav.* 2014. V. 84. № 2. P. 188–198.
12. Захарова Л.Н., Савичева А.В. Трудовые намерения студентов индустриальных колледжей с разным уровнем психологической готовности к работе в инновационной компании // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2022. № 2 (66). С. 148–156.
13. Старовойтова Л.И., Аришина Э.С., Хамзина Д.Р. Формирование ценностного отношения студентов социального, педагогического и технического университетов к профессиональной деятельности // *ЦИТИСЭ*. 2020. № 2 (24). С. 160–169.
14. Reeves T.D., Honig S.L. A classroom data literacy intervention for pre-service teachers // *Teach. Teach. Educ.* 2015. V. 50. P. 90–101.
15. Holland J.L. Making vocational choices: A theory of vocational personalities and work environments // *Psychological Assessment Resources*. 1997. 303 p.
16. Tracey T.J.G., Robbins S.B. The interest-major congruence and college success relation: A longitudinal study // *J. Vocat. Behav.* 2006. V. 69. № 1. P. 64–89.
17. Wille B., Wiernik B.M., Vergauwe J. et al. Personality characteristics of male and female executives: Distinct pathways to success? // *J. Vocat. Behav.* 2018. V. 106. P. 220–235.
18. Lent R.W., Brown S.D., Hackett G. Toward a Unifying Social Cognitive Theory of Career and Academic Interest, Choice, and Performance // *J. Vocat. Behav.* 1994. V. 45. № 1. P. 79–122.
19. Brown S.D., Lent R.W. Career Development // *Annual Review of Psychology*. 2019. V. 70. P. 1–28.
20. Parker P., Khapova S. N., Arthur M.B. The intelligent career framework as a basis for interdisciplinary inquiry // *J. Vocat. Behav.* 2009. V. 75. № 3. P. 291–302.
21. Попова О. В. Место и роль установки в трудовом поведении современной российской молодежи // *Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения: Сборник материалов Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 13–14 апреля 2018 года*. СПб.: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2018. С. 759–762.
22. Prince M. Does Active Learning Work? A Review of the Research // *J. Eng. Educ.* 2004. V. 93. № 3. P. 223–231.
23. Whiston S.C., Brecheisen B.K., Stephens J. Does treatment modality affect career counseling effectiveness? // *J. Vocat. Behav.* 2003. V. 62. № 3. P. 390–410.
24. Knouse S.B., Tanner J.R., Harris E.W. The Relation of College Internships, College Performance, and Subsequent Job Opportunity // *J. Employ. Couns.* 1999. V. 36. № 1. P. 35–43.
25. Dennis J.M., Phinney J.S., Chuateco L.I. The Role of Motivation Parental Support and Peer Support in the Academic Success of Ethnic Minority First-Generation College Students // *J. Coll. Stud. Dev.* 2005. V. 46. № 3. P. 223–236.

VALUE READINESS OF STUDENTS TO WORK IN NEW SOCIO-ECONOMIC REALITIES – A THEORETICAL REVIEW

I.S. Leonova, D. Durojaye

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Rapidly changing socio-economic realities determine the demand for labour resources ready to navigate and work effectively in conditions of uncertainty. The article is devoted to the topic of college students' value readiness to work in modern conditions, the correspondence of their personal and professional values to the new requirements of the labour market. Value readiness is interpreted by the authors as the ability to adapt quickly, ethical behaviour and commitment to the public good – competences and qualities that are becoming increasingly important for graduates striving

for success in a world defined by technological breakthroughs and social changes. Based on the analysis of domestic and foreign literature, the authors highlight the factors influencing the value readiness of college graduates, the problems in its formation and the benefits it entails. The authors propose strategies to improve the value readiness of college students. The study has practical relevance as it provides a better understanding to educators, employers, and government officials regarding the preparation of a workforce that is ready to perform effectively.

Keywords: value readiness, socio-economic changes, students, workplace, values, adaptability.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2025_2_140

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДИНАСТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОСПРОИЗВОДСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ ВРАЧЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2025 г.

В.А. Мансуров, А.В. Семенова

Мансуров Валерий Андреевич, гл.н.с.; д.филос.н.; проф.; заведующий сектором социологии профессий и профессиональных групп Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва;

Президент Российского общества социологов

mansurov@isras.ru

Семенова Анна Валерьевна, к.филос.н.; в.н.с.; сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва

annaSem1962@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.10.2024

Статья принята к публикации 28.04.2025

Поскольку профессиональная деятельность врачей является важнейшей составляющей системы, отвечающей за здоровье нации, решение острых демографических проблем, можно признать эту профессиональную группу базовой, а ее воспроизводство экзистенциально важным для обеспечения жизнеспособности нашего общества. В связи с этим представляется важным и актуальным изучение такого инструмента воспроизводства профессиональной группы врачей, как профессиональная династия. Данное исследование было проведено сектором социологии профессий и профессиональных групп Института социологии ФНИСЦ РАН на базе вторичного анализа эмпирических данных о различных аспектах специфики некоторых профессиональных групп (2019–2024 гг.). В качестве основного метода анализа данных использовался качественно-количественный контент-анализ. Цель нашего исследования – выяснить роль профессиональных династий врачей в профессиональной ориентации членов этих династий. В результате анализа выяснен механизм формирования профессионального мировоззрения семей-династий, отношения к выбору профессии врача и различных компонентов воздействия на выбор профессии врача, устойчивость, осознанность и ответственность этого выбора. Показано, что профессиональная династия играет большую роль в процессе профориентации младших поколений семьи, генерируя особые формы передачи накопленного культурного, профессионального и репутационного капитала.

Ключевые слова: профессиональная династия, профессиональная группа, профессиональная ориентация, выбор профессии, врачи.

Введение

Социальная структура современного общества включает огромное множество профессиональных групп. Но среди этих групп есть базовые, расширенное воспроизводство которых, как количественное, так и качественное, экзистенциально важно для жизнеспособности общества, его дальнейшего существования и развития. Одной из таких групп и является профессиональная группа врачей, поскольку именно профессиональная деятельность этой группы является важнейшей составляющей системы, отвечающей за здоровье нации, решение демографических проблем, которых в современной России, к сожалению, более чем достаточно. Представляется важным и актуальным изучить один из значимых инструментов воспроизводства профессиональной группы врачей – профессиональную династию с точки зрения ее роли в профессиональной ориентации молодых поколений врачебных династий.

Цель и задачи исследования

Цель исследования – выяснить роль профессиональных династий врачей в профессиональной ориентации членов этих династий. Для достижения этой цели необходимо ответить на следующие исследовательские вопросы:

Что и каким образом влияет на формирование отношения к профессии врача молодых членов профессиональной династии?

Как возникает мотивация к выбору профессии врача у молодого поколения династии?

Каковы механизмы поддержки профессионального выбора?

Что делает профессиональный выбор осознанным, ответственным и устойчивым?

Методология и методика исследования

Теоретически исследование относится к социологии профессий. При разработке методики

мы отталкивались от теоретических подходов и исследовательских практик, представленных в статье В.А. Мансурова, О.В. Юрченко «Социология профессий. История, методология и практика исследований» [1]. Мы опирались на опыт исследований по данной тематике, представленный в следующих работах: В.А. Мансуров, Е.Ю. Иванова, Е.М. Колесникова и др. «Профессиональные династии как социальный ресурс и социально-культурный капитал: направления исследования» [2], В.А. Мансуров, Р.М. Валиахметов, Ю.В. Ермолаева и др. «Профессиональные династии: воспроизводство профессиональных групп» [3]. Конкретно данная методика уже была апробирована авторами ранее при аналогичном исследовании профессиональной группы инженеров [4].

Данное исследование основано на результатах вторичного анализа имеющихся эмпирических материалов, а именно углубленных автобиографических интервью с российскими врачами, проведенных в рамках исследования различных профессиональных групп (инженеры, учителя, дипломаты), в число которых входили и врачи. Проводилось в 2019–2024 гг. силами исследовательской группы Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством д.филос.н. В.А. Мансурова.

Интервью имели полуформализованный вид, практически все содержательные вопросы были открытыми, чтобы никак не влиять на объем и количество ответов респондентов, не подсказывать возможные варианты ответа, а лишь направлять беседу в логике раскрытия заданной тематики, поставленных общих и одинаковых для всех вопросов. Это позволило получить необходимые для нашей цели мнения опрашиваемых в максимально «чистом» виде, устранив излишнее влияние интервьюеров и самого исследовательского документа на содержательную и эмоциональную наполненность ответов. Открытые вопросы, соответствующие нашей тематике, были обработаны при помощи качественно-количественного контент-анализа, где особое внимание уделялось не статистическим распределениям, а содержательному контенту, что позволило выявить и зафиксировать все значимые для задач исследования нюансы мнений респондентов. В качестве единицы анализа выступало законченное высказывание респондента по интересующей нас тематике.

Если говорить более подробно о методе анализа данных, то поскольку исследование проводилось в рамках качественной стратегии, в центре нашего внимания находился конкретный человек и его субъективное мнение о коммуникативных взаимодействиях в семье, образе жизни его ближайшего окружения в плане его про-

фессиональной ориентации – осознанного выбора профессии врача и устойчивого стремления к достижению поставленной цели. Нас интересовало и более абстрактное мнение респондентов о таком явлении, как профессиональная династия. В этой связи из текстов интервью были отобраны все высказывания, содержащие соответствующие мнения и факты, затем они для более структурированного анализа были распределены по смысловым блокам, в рамках которых и проводилась интерпретация выявленных мнений, направленная на то, чтобы понять изучаемый феномен, выявить общую картину явления через субъективные мнения конкретных людей – наших экспертов, их личный опыт.

Всего было проинтервьюировано 19 врачей, интервью длились от 40 минут до полутора часов в зависимости от степени коммуникабельности респондента и его заинтересованности в предложенной тематике. При изложении в текстовом виде объем полученных текстов составил 234 страницы. В выборке в достаточной мере (для качественного исследования) были репрезентированы все интересующие нас группы респондентов. Это достаточная представленность различных групп в зависимости от стажа работы – от молодых специалистов со стажем до 10 лет до ветеранов со стажем более 30 лет (до 10 лет – 4 человека, от 10 до 20 лет – 8 человек, от 20 до 30 лет – 4 человека, старше 30 лет – 3 человека). Среди опрошенных было [4] 5 мужчин, 14 женщин, рядовых работников и руководителей – от ординаторов до главных врачей. Представлены различные специализации: педиатр-неонатолог, дерматовенеролог, хирург, стоматолог, физиотерапевт, невролог-нейрохирург, рентгенолог, психотерапевт, педиатр, акушер-гинеколог, кардиолог. Два респондента имеют ученую степень кандидата медицинских наук. Двое – победители региональных конкурсов «Лучший врач года». Если говорить о географической локализации экспертов, то это Москва и Московская область, Омск, Тюмень, Уфа, Екатеринбург и Ижевск.

Все респонденты являются членами профессиональных династий (в разных поколениях), как вертикальных (дед – отец – сын), так и горизонтальных (сестра – брат), что позволяет предположить, что их мнение основано на собственном жизненном опыте. Как было выяснено в интервью, они привержены своей профессии: не собираются менять ее ни на какую другую и повторили бы свой выбор вновь, если бы вернулись в свою молодость. Исходя из вышеизложенного, мы обоснованно можем считать их экспертами в изучаемых нами вопросах.

Результаты анализа данных

Для упорядочивания процесса анализа данных сначала были выделены и зафиксированы все те высказывания экспертов, которые соответствовали по своему содержанию цели нашего исследования, иными словами, освещали те или иные аспекты роли профессиональных династий в профессиональной ориентации членов этих династий, а также их мнение о профессиональных династиях. Затем вся совокупность этих высказываний была распределена по тематическим блокам, в рамках которых и проходил последующий анализ. Поскольку мы действуем в рамках качественной стратегии, данные, иллюстрирующие наш анализ, представлены не в таблицах частотных распределений, а в виде наборов высказываний. При этом мы следовали постмодернистской традиции качественных исследователей (например, А. Страусс и Д. Корбин), когда результаты представляются в качестве «многоголосого текста» (multivoices text) в сочетании с аналитическим интерпретативным текстом [4; 5, с. 20]. Таким образом на суд читателя предлагается «живой опыт» во всем его многообразии, который затем структурируется и интерпретируется. В основе данного подхода лежит философский принцип представления достоверного отчета с минимальным влиянием исследователя (за исключением отбора и структурирования данных). То есть, качественный исследователь нацелен на точность описания при представлении результатов и их анализе. Обычно это имеет вид наборов цитат из интервью с небольшими комментариями исследователя. Обилие иллюстративного материала направлено на создание наиболее полного ощущения того, что исследуемый феномен представляет собой в реальности. Нам важны не только самые типичные высказывания о фактах и мнениях, но и значимые для респондентов частные детали.

Поскольку формирование личности начинается с самого раннего детства, когда закладывается система ценностей, нравственные ориентиры, поведенческие образцы, первый тематический блок содержит высказывания экспертов, касающиеся их детских впечатлений об атмосфере в семье и различных событиях, связанных с профессиональной деятельностью родителей и других родственников в качестве врачей. В рамках данного тематического блока были зафиксированы следующие высказывания:

– В детстве мать часто брала на смену в больницу, потому что не с кем было оставить и там был душ (мужчина, стаж 26 лет);

– Нас всегда приветливо принимали на работе и как-то любили детей и внуков сотрудников, и мне это нравилось (женщина, стаж 35 лет);

– Я часто с удовольствием бывала на работе у мамы, и сейчас своих детей тоже беру на работу и все им показываю, чтобы они видели и понимали, что я делаю, как и для чего (женщина, стаж 20 лет);

– Учитывая, что почти все родственники – врачи, я часто бывал как на работе у мамы, так и у других родственников. Я тогда был еще мал, и было такое наивное желание быть, как они, надеть белый халат и все такое. Тогда я не особо это осознавал, конечно, просто хотелось (мужчина, стаж 3 года);

– Все детство у меня было в окружении врачей. Одна бабушка – врач, другая – медсестра, мама – врач. Соответственно круг общения – врачебный. Все семейные обеды и праздники проходили с обсуждением пациентов. Все детство так и прошло. Но бывая у них на работе и видя все это, я никогда не хотела быть врачом. Когда видела этот объем работы, то понимала, как это тяжело. И до определенного возраста была очень категорично настроена против. Детство, в общем, было счастливое, но в окружении врачей. Везде дома поглаженные белые халаты висели. Ходила с мамой на вызовы, потому что не с кем было оставить, на больничный уйти ей было невозможно. Можно сказать, работала с ней. И вот тогда я как раз думала, что никогда не буду врачом, и до 10 класса была в этом уверена. Это был негативный детский опыт, поэтому мой ребенок ко мне на работу не ходит (женщина, стаж 12 лет);

– Моя бабушка, папа и мама – все стоматологи. И в садике мне все говорили: «Ты будешь стоматологом». А я кричала, что нет, никогда, только не зубы, только не медицина. В детстве я всегда ходила к родителям на работу. Помню, всегда к папе в кресло садилась и мультики смотрела. Никогда не боялась, что больно будет. У меня не было страха стоматологов, как у большинства детей. Потому что папа у меня профессионал, когда анестезию детям ставил, никогда не показывал иголки, потому что даже взрослые боятся уколов. Папа говорил: «Сейчас мы тебе вареньицем помажем». Я вот это с детства помню – вареньице. Я же знала: что папа делает, то не страшно. Бабушка же работала в неотложке. Она приходит с ночного дежурства, а я спрашиваю: «Бабуль, ну что? Сколько сегодня человек было?» А она отвечает: 30, 40. Я говорю: «Бабуль, а ты спала?», а она отвечает, что нет. Человек даже поспать не успевает, и это ее жизнь. Про папу могу сказать, что он выбрал профессию врача, по-

тому что бабушка часто брала его с собой на работу, и он спокойно сидел в кабинете, общался с детьми. Бабушка, когда детей успокаивала в зубоврачебном кресле, какую-то сказку рассказывала, а папа маленьким все слушал, и когда в садик приходил, всех собирал в кружок и сказки рассказывал, то есть уже тогда он умел наладить контакт с детьми. Когда пришло время поступать, он, не задумываясь, пошел в стоматологию и стал детским стоматологом (женщина, стаж 3 года);

– Меня никогда не спрашивали, кем я буду. Мне всегда говорили: ты тоже будешь врачом. Бабушка работала медсестрой в детском саду, поэтому все первые годы – это кабинет бабушки в детском саду, и я такой привилегированный ребенок в саду, потому что там бабушка работает. Потом в 5 лет родители поехали в интернатуру в Чистополь, оба работали в участковой больнице, и я там тоже постоянно была, потому что не с кем было оставить. Потом в 7 лет в Тюмени мамин поликлиника, и я тоже там свой человек. Поэтому кроме как в медицине, я себя больше нигде не видела (женщина, стаж 21 год);

– Я часто сидела с мамой в больнице, мне очень нравилось, потому что меня все вниманием окружали, медсестры давали кучу всего мне играть. Я считала, что сижу рядом с мамой, молчу, слушаю и помогаю вести прием. Настольная книжка в детстве (5 лет) был мамин учебник по детским инфекциям, потому что там было много ярких красочных картинок. Все это было для меня очень значимо, и мне нравилось (женщина, стаж 5 лет);

– Мы жили недалеко от больницы, и обычно к нам часто приходили друзья мамы с папой с работы. Ну и если что-то случалось, всегда вызывали маму. Мама вообще у нас практически на работе жила. Помню, я была маленькой, все время на нее обижалась, что ее не вижу. А папа у нас на работе перенес два инфаркта и вот на работе практически и умер. Они себя полностью отдали медицине. Они лечили, врачевали, помогали людям, никогда не отказывали никому. Для меня суть профессии врача именно во врачевании, это самоотверженность и помощь людям. Именно родители и бабушка привили мне такие ценности. Это просто впитывалось с атмосферой в семье, даже неосознанно (женщина, стаж 17 лет);

– Я с детства видела отца, который все время связан с медициной. Я ходила к нему на работу, видела его в палате, его студентов. Я к этому привыкла. У меня других мыслей потом и не возникало. Мне нравилось, как он лечит людей, как к нему относятся, как все его очень

уважают, и все это очень мне нравилось (женщина, стаж 44 года);

– Вокруг меня всегда были люди из медицины. У меня родители – врачи, бабушка была врачом, у них было много друзей, родственников, которые бывали у нас в гостях. Маленькой я ходила на парад 7 ноября с маминной больницей. Это было очень хорошо и приятно. У нас была большая библиотека в доме, и большую часть ее составляла именно медицинская литература. Мне было очень интересно читать ее, я читала и большую медицинскую энциклопедию, и учебники какие-то старые. Мне это было интересно. В школе у нас был такой предмет ОПК, и папа сказал, что надо на этом ОПК ходить в больницы и там работать. Такой у меня был первый опыт работы в больнице. Я помогала медсестрам ухаживать за больными, помогала санитаркам и такая важная ходила, что я помогаю, работаю в больнице. Мне это было очень нужно, очень значимо, может быть, определило дальнейший мой путь. А папа хотел, чтобы я присмотрелась к медицине и решила: нужно ли мне это или нет? (женщина, стаж 17 лет);

– У папы я была пару раз, потому что куда-то деть меня было, и то только в ординаторской, чтобы я не видела операций, ничего, детям в стационаре делать нечего. У мамы я тоже была пару раз, но у нее наркологический диспансер, наркоманы, впечатления те еще (женщина, стаж 5 лет);

– Родителей (оба медики) я практически не видела, они постоянно работали, росла с бабушками (женщина, стаж 5 лет);

– Бывала на работе у мамы, мне было интересно (женщина, стаж 10 лет).

Как видим, уже с раннего детства эксперты тесно соприкасались с профессиональной деятельностью родителей в том или ином формате: это и посещения места работы, и ощущение особой атмосферы в семье, и знакомство со специализированной литературой, постоянные разговоры вокруг о медицине. Абсолютное большинство высказываний носят позитивный характер по отношению к занятию старшего поколения, демонстрируют зарождение и укрепление интереса к профессии врача, принятия базовых профессиональных ценностей, передаваемых родителями, возникновение уже на данном этапе у большей части экспертов стойкого стремления заниматься тем же, что любимые и значимые для них люди. Эксперты подчеркивают значимость своих детских впечатлений для выбора своего дальнейшего жизненного пути.

В то же время присутствуют и негативно окрашенные высказывания, связанные с посто-

янной занятостью родителей, осознанием сложности их труда и где-то внешней неприглядностью того, с чем приходится сталкиваться на работе. Тем не менее это в дальнейшем не отвратило наших экспертов от выбора профессии врача, но выбор этот оказался максимально осознанным, в силу знакомства еще ребенком с проблемными сторонами врачебной деятельности. Здесь можно сказать, что любовь, уважение и благодарность к своим родным перевесили все видимые сложности и побудили выбрать тот образ жизни и тот путь, которым шли их любимые родственники.

Следующий тематический блок раскрывает проблему осознанного выбора профессии врача нашими экспертами на этапе окончания школы. В него вошли следующие высказывания:

– Я всегда видела себя медиком, другие профессии не рассматривала, хотя и занималась разным творчеством, но мне нравилась медицина. У нас был в семье круг медиков разных специализаций – мама, бабушка, сестра бабушки, ее дети, племянники. Мне бабушка рассказывала, как лечила, и мама всегда говорила, что ей нравится в медицине, рассказывала, как работала в военных лазаретах, интересно было послушать. И родители очень рады были, что я выбрала хирургию (женщина, стаж 35 лет);

– Я хотела быть врачом начиная с детского сада, лечила всех – зверей, родителей, бабушек и дедушек. Я всегда слушала разговоры врачебные, они всегда вокруг были, я заканчивала специальный медицинский класс (10-11 классы) для подготовки, также были репетиторы. Родители, бабушка и дедушка были рады, что я шла в медицинский (женщина, 20 лет);

– Мама сказала, что хочет видеть дочь в белом халате, и дочь как отличница решила не подводить своих родителей. Именно мама захотела, чтобы я стала зубным врачом, это был ее выбор (женщина, стаж 23 года);

– Родители настроили, сказали: «Иди лучше врачом» (мужчина, стаж 27 лет);

– Я точно решил стать врачом в классе пятом. Мне было интересно на уроках биологии, заинтересовала анатомия, и начал сам изучать, помимо школьной программы, и решил, что пойду только на врача. Отец видел меня экономистом, и я даже год отучился, но ушел. Мама отговаривала, говорила, что тяжело и физически, и морально, все эти дежурства, многочасовые операции и не окупается труд, но я все равно пошел в мед (мужчина, стаж 3 года);

– Не было такого, чтобы мама настаивала или что-то говорила об этом. Все знали, что я с детства была категорична, и это не обсуждалось. Я же ходила к репетиторам по ино-

странным языкам. Я сама не могу понять, почему я в десятом классе передумала, но никто на это не повлиял. Выбор же специализации был нашим общим решением (женщина, стаж 12 лет);

– Родители не навязывали, но говорили «было бы хорошо». Мы на одном языке разговаривали, были понятны все термины (женщина, стаж 5 лет);

– Сначала я не хотела идти в медицину, но, посоветовавшись с родителями, решила, что все-таки врач – это врач. У тебя есть корочка, понятно, чем ты будешь заниматься, у тебя всегда будет место работы, ты всегда будешь обеспечен. Папа все время говорил, что врач – это профессия, которая будет всегда нужна, и везде я буду всегда при деле, не важно, какая ситуация в стране, врачи всегда нужны (женщина, стаж 3 года);

– Я с детства определилась с профессией. Видела своих родителей и хотела стать, как они, врачом. Выбор был свободный, родители не давили. Но я думаю, что профессия родителей в любом случае накладывает отпечаток на выбор профессии детьми. Если бы родители были другой профессии, я в большей степени уверена, что пошла бы в ту профессию. Но раз они врачи, то я как бы хорошо знала эту профессию, другие для меня – темный лес. Вот брату, например, папа очень хотел свой опыт передать, поэтому на него было больше влияние. Но это и хорошо – если что-то не понятно, он папе позвонит и спросит, это хорошая поддержка. Жалко, что они в моей специальности не разбираются, чтобы что-то спросить у них (женщина, стаж 5 лет);

– Я изначально хотела пойти куда-то в искусство, а потом в 9 классе пошла ставить брекет, и мама сказала: «Чем тебе не искусство? Это та же архитектура, правильно все выставить». И я об этом задумалась, и, наверное, с этой подачи мамы я пошла в медицинский. А до этого я боялась и не хотела, потому что сложная профессия, но все-таки решила, что искусство так искусство, только с другой стороны, через медицину. Я сейчас очень горжусь, что мама меня подтолкнула таким хитрым образом, и я оказалась в медицине и сейчас я не жалею (женщина, стаж 3 года);

– Мама в 7 лет привела меня в наш университет в главный корпус и сказала мне: «Ты будешь здесь учиться». И я знала класса с восьмого, что меня интересует медицина и, скорее всего, я буду врачом. В глубине души я была не против этого, но надо же показать свой норов. И я заявила, что буду дизайнером. Родители посмеивались и говорили: «Хорошо, в 10 классе решим». И вот в десятом классе я подумала,

что знаю хорошо только это, и почему бы не медицина? (женщина, стаж 5 лет);

– Ни в детстве, ни в юности я не представляла никакой другой профессии, кроме врачебной. И сын мой так же смотрел на дедушку с уважением, с любовью и не представлял другой профессии для себя. Мой отец был ярким представителем своей профессии и образцом для нас (женщина, стаж 44 года);

– Если бы я не захотела быть доктором, я бы не пошла. Никто меня туда насильно не тянул. Мне всегда говорили: «Что хочешь, то и делай». Никогда в жизни у нас в семье не было никакого принуждения: «Нет, ты будешь доктором! Нет, у нас династия!» Но я не представляла для себя другой специальности. И мама сказала: «Иди на стоматологию. У тебя получится». Я никак по-другому свою жизнь не представляла, потому что я, действительно, не хотела больше никем быть. Я себя больше не представляю никем. Это все с детства: белые халаты, больничные коридоры. В этом растешь и после школы приходишь и делаешь уроки в кабинетах, где доктора работают (женщина, стаж 5 лет);

– Когда я закончила школу и пришла домой с аттестатом вся радостная, папа меня спросил: «Куда ты будешь поступать, какие у тебя мысли по этому поводу?» Никто не давил, я сама решала. Я ему сказала, что знаешь, как-то странно эти вопросы слышать от тебя, потому что я других профессий не знаю, их не существует для меня. Я знаю одну-единственную профессию – врач. Я хочу быть врачом, хочу помогать людям (женщина, стаж 17 лет);

– Мама не хотела, чтобы я шла в медицинский институт, потому что это очень тяжело. Она меня больше в педагогику направляла (женщина, стаж 20 лет).

К моменту выпуска из школы, как видно из высказываний, не все подошли полностью определившимися со своим выбором профессии, но большая часть. Но и у колеблющихся это, скорее, был всплеск подростковых метаний, которые достаточно быстро по здравому размышлению закончились выбором профессии врача. Во всех высказываниях экспертов явно видно сильное влияние на их решение семьи: как общей атмосферы в семье, окружающей их с самого детства, привлекательности и значимости образцов поведения близких и значимых людей, благодаря чему у них не было сомнений в однозначном выборе профессии врача, другие для них просто не существовали, так и в результате мягкого и умного (в большинстве случаев), но где-то и более настойчивого, влияния их родителей-врачей. Правда, в

двух случаях родители даже были против, поскольку не хотели для ребенка такой трудной и тяжелой профессии, но устремление детей в медицину оказалось сильнее. Примечательно, что большинство экспертов отрицают давление на них родителей в выборе профессии, утверждая, что они были полностью свободны в своем решении. В то же время для них было важно, как и для всех нас в детстве, получить одобрение близких людей. А в большинстве описанных случаев родители, действительно, были довольны и одобряли выбор своего ребенка.

Большую роль в уверенном и твердом выборе профессии сыграло то, что эксперты получили в семье очень много информации о профессии врача – из постоянных разговоров в доме, посещения мест работы родных, чтения имеющейся в доме специальной литературы. Это делало профессию врача близкой и понятной, в то время как другие профессии для них лежали в области неизведанного и потому, как эксперты сами говорят, для них просто не существовали и даже где-то пугали как что-то неизвестное.

Высказывания следующего тематического блока касаются подготовки экспертов к поступлению в медицинские вузы и поддержки их в этом семьями. Были зафиксированы по данной тематике следующие высказывания:

– Мы очень рано определились, и я уже с седьмого класса ездила к преподавателям предметов, которые надо было сдавать при поступлении (женщина, стаж 35 лет);

– Занимался с репетиторами (мужчина, стаж 3 года);

– Родители нашли репетиторов, и я с ними два года занималась (женщина, стаж 21 год);

– Папа у меня был репетитором и еще других мне нашел (женщина, стаж 17 лет);

– Когда я в средней школе решила стать медиком, то отец меня поддержал и помогал во всем (женщина, стаж 44 года);

– Я готовилась где-то года за два до экзаменов, и для меня это было очень сложно, потому что объем той информации, которая должна быть у абитуриента, поступающего в наш университет, намного превосходит школьную программу, ее не хватает, это точно. Я с 10 класса занималась с репетиторами, и я считаю, что, если выбирать профессию врача, собственного желания недостаточно. Школьная программа вообще не охватывает всего, и школьные учителя все доносят без особого интереса. Без помощи родителей, их опыта и знаний ничего бы не получилось (женщина, стаж 3 года).

Здесь не было никаких отличий от того, как готовятся к поступлению в выбранный вуз и не члены профессиональных династий: родители

нашли репетиторов, а кто-то и сам выступил в данном качестве, и поступающие занимались по профильным предметам за 1–2 года до поступления. Ну и, конечно, эксперты отметили помощь и поддержку родителей.

Высказывания, составляющие следующий тематический блок, раскрывают проблематику обучения экспертов в медицинских вузах и участие в этом семьи. К этому блоку относятся следующие высказывания:

– Обсуждала свои учебные работы с родственниками (женщина, стаж 35 лет);

– После третьего курса обсуждала какие-то темы с мамой, это помогало (женщина, стаж 12 лет);

– Я постоянно обсуждала свою учебу с родителями, потому что первые три курса приходила с большими глазами, кидала сумку и говорила, что не вернусь туда больше. Завтра меня не будите, но сама вставала в 6 утра и ехала на пары. Я высказывала все: как мне тяжело, что меня раздражает, что мне не нравится, я приходила и обсуждала это. Родители – моя поддержка, они подавали мне пример (женщина, стаж 5 лет);

– Мы с подружкой (она тоже из семьи врачей) делали научную работу, используя данные из клиник, где работают мои и ее родители. Потом опросили своих родителей в качестве экспертов. Получилось качественное исследование на тему эмоционального выгорания врачей (женщина, стаж 3 года);

– Помогала дочери во время учебы, она ассистировала, смотрела, училась и, выпускаясь, уже что-то знала (женщина, стаж 23 года);

– Когда я училась в институте, после второго курса папа взял меня с собой на операцию, я тогда ассистировала, несмотря на то, что еще было рановато. Но тем не менее прошло все хорошо, успешно, и я очень этим гордилась (женщина, стаж 17 лет);

– Мне оказывалась психологическая поддержка, потому что учеба в мединституте достаточно сложна. Когда я не могла сдать экзамен с первого раза, то очень переживала, в истерике звонила папе, бабушке, плакала, говорила, что у меня не получится, что я не смогу сдать. А они меня успокаивали, говорили, что все будет нормально. Даже как-то я очень сильно расстраивалась, и они мне говорят: может бросишь? А я говорю: нет, надо учиться до конца, я буду врачом. Я хочу быть врачом, это мое желание (женщина, стаж 17 лет);

– Важна поддержка именно тех людей, кто когда-то это прошел, потому что очень тяжело учиться. Ты сидишь, не отрываясь от учебника день и ночь, я никогда бы не подумала,

что можно вот так сидеть над учебником, и день, и ночь. Я помню, что ложилась в 6 утра, а вставала в 11. Спала какой-то промежуток до 11 и снова учила. И если бы не поддержка родителей и похлопывание папы по спине «Да ладно, я тоже через это прошел» как реакция на мои слезы. Я говорю: «Пап, я не могу больше», а он: «Все это проходили, не ты первая, не ты последняя, все ты сдашь». И, наверное, эти слова очень нужны были, и мои родители очень мне помогли, потому что сами через это прошли. Папа говорит: «Было трудно, но я не плакал, и ты справишься, я в тебя верю». Именно так я все и выдержала (женщина, стаж 3 года).

В этом блоке эксперты отмечают сильную поддержку родителей, которая помогла им преодолеть все сложности в учебе, которых, если судить по их высказываниям, хватало с избытком. Эксперты акцентируют сложность обучения в медицинских вузах, но помощь родителей состояла не в том, чтобы облегчить сдачу экзаменов своим детям через имеющиеся личные связи, а в консультационной, практической и психологической поддержке. Так, эксперты во время учебы обсуждали какие-то содержательные вопросы с родственниками, получая профессиональные консультации и разъяснения по предметам, ассистировали своим родителям у них на работе, нарабатывая практический опыт, ну и просто получали сочувствие и поддержку в психологическом плане. Причем, что важно, от людей, кто все это прошел сам, испытал и выдержал. И теперь верит в то, что это сможет выдержать и его ребенок, вселяя в него этой верой уверенность в своих силах, и дает толчок к преодолению всех трудностей. Для экспертов особенное значение имело и то, что за поддержкой стояли не просто слова сочувствия, а личный опыт, полное понимание того, с чем пришлось столкнуться ребенку. Это придавало всем словам родителей особенный вес и значимость.

Что интересно, на следующем жизненном этапе, а именно поиска работы и трудоустройства, родители экспертов практически не участвовали. Только один эксперт отметил, что отец помог с устройством на работу чисто информативно – узнал у главврача, что есть такая вакансия, и довел информацию до дочери (женщина, стаж 5 лет). Остальные все отметили, что справились с этим самостоятельно.

На этом тематические блоки, раскрывающие различные автобиографические факты экспертов в привязке к роли в их жизни семьи как профессиональной династии, заканчиваются. Далее будут тематические блоки, раскрывающие отношение экспертов к профессиональным династиям вообще, хотя и это отношение осно-

вано на их личном жизненном опыте. Начнем с тематического блока, где они оценивают свою семью с точки зрения сформированности в их семье династии. К этому блоку относятся следующие высказывания:

– Нет, наверное, второе поколение (сын) – это еще не династия, это сын пошел за отцом, даже не за отцом, а по другой специальности. У сына не было интереса к медицине при поступлении, он не думал, что потом станет врачом. Интерес появился уже в процессе обучения (мужчина, стаж 26 лет);

– Я не готов сказать, что у нас выстроилась династия, возможно, сын смотрел на меня (мужчина, стаж 50 лет);

– Династия у нас в третьем поколении. Бабушка – медсестра, мама – ортостоматолог, отец работал главным врачом и педиатром, старший брат – главный врач, я – главный врач, племянник учится в медицинском университете (мужчина, стаж 20 лет);

– Она сформировалась с нами и еще с родственниками, у нас больше 10 человек, такая большая сформированная интересная династия, мне нравилось, что она есть (женщина, стаж 35 лет);

– Да, мама очень востребована, постоянно просят приехать именно ее (женщина, стаж 10 лет);

– Да, потому что дочь, как и я, пошла на стоматолога, она очень довольна, ей нравится (женщина, стаж 23 года);

– Да, и я испытываю какую-то гордость (мужчина, стаж 27 лет);

– Да, у нас практически 90% родственников все врачи – родители, дяди, тети, более старшее поколение – все врачи (мужчина, стаж 3 года);

– Да, так как в профессии были и мама, и бабушка с дедушкой (женщина, стаж 20 лет);

– Да, у нас два представителя поколения – это родители-врачи и мы с братом (женщина, стаж 5 лет);

– Да, у меня отец – врач, сын – кардиолог и сноха – врач-терапевт, а может быть, и внучка будет врачом. У нее есть такие мысли, что она будет врачом в третьем поколении, продолжит династию (женщина, стаж 44 года);

– Да, бабушка, дедушка, мама, папа, все врачи (женщина, стаж 5 лет);

– Да, я третье поколение, ну и наши дети (у меня две сестры) – это уже четвертое поколение. Мы – медицинская династия, и ко всему прочему у нас, мне кажется, семья была пропитана таким духом медицины, что, как бы, и не знали других профессий (женщина, стаж 17 лет);

– Да, потому что мы все врачи – мама, бабушка и я. Лечим уже, можно сказать много

поколений пациентов. Много уважения и от коллег, и от пациентов. Это важно – признание. Каждый из нас в своем деле. Мой опыт скромнее, но они этим горят. Я испытываю гордость, потому что могу назвать себя членом династии (женщина, стаж 12 лет);

– Да, потому что все началось с бабушки, потом папа и я, собственно. Я считаю, что я все смогла именно благодаря моим родителям, их поддержке, поддержке бабушки, которая говорила: «Лер, поможем знаниями, все, что непонятно, объясним». И эти знания, опыт, который передавался не только в университете, но и в моей семье, мне очень помогли, поэтому я считаю, что да, это династия врачей (женщина, стаж 3 года);

– В нашей семье зарождающаяся династия, потому что моя специальность отличается от маминой (женщина, стаж 5 лет).

Лишь два эксперта не посчитали, что в их семье сложилась профессиональная династия. Но в этих двух случаях эксперты являлись зачинателями династий, в качестве второго поколения которых выступали их сыновья. То есть на себе влияние династии они не смогли прочувствовать. Все остальные эксперты, будучи одним из поколений семейной династии врачей, уверенно оценили свои семьи как сформированные профессиональные династии, причем многие из них выразили гордость и радость, что принадлежат к этим династиям. В качестве доказательства того, что династия сложилась, приводились примеры наполненности разных поколений династии членами семьи (где-то даже до 90% родственников были врачами), а также как признак сформированной династии приводился факт передачи опыта и знаний старшим поколением младшему, признания ценности их труда другими людьми.

Что интересно, именно выяснение того, как эксперты понимают суть профессиональной династии, что делает семью профессиональной династией, стало основой следующего тематического блока высказываний. В этом блоке эксперты давали свои ассоциативные определения профессиональной династии в ответах на вопрос: «Какие ассоциации у Вас вызывают слова «профессиональная династия»?» К этому блоку мы отнесли следующие высказывания экспертов:

– Наличие нескольких представителей родственников в разных поколениях семьи – это то, что выстраивает династию. Но династии не надо выстраивать. Абсолютно пошлое дело своего сына или внука «толкать», я должен ему ПОМОЧЬ. Есть династичность, а есть кумовство (мужчина, стаж 50 лет);

– Ассоциация с этим – опыт, истина и семья, позитивные ассоциации (женщина, стаж 20 лет);

– Это, прежде всего, традиции, их соблюдение, одинаковые взгляды на профессиональную деятельность. Я считаю, это важно для формирования династии (женщина, стаж 5 лет);

– Первое, что приходит на ум, – это моя семья. А вообще, это минимум два представителя данной профессии в роду, причем два поколения представителей данной специальности. Если будет больше, то еще лучше (женщина, стаж 5 лет);

– Ассоциация – это наша семья и врачебная специальность. Я думаю, что династия – это не столько про призвание, сколько про приверженность определенной профессии. Поэтому необходимо наличие нескольких представителей, которые сохранили в династии преданность данной профессии (мужчина, стаж 20 лет);

– Это когда из поколения в поколение передается данная профессия (женщина, стаж 10 лет);

– Наличие родственников в разных поколениях в одной профессии (женщина, стаж 20 лет);

– Династия – это то, что передается из поколения в поколение (женщина, стаж 17 лет);

– Каждое поколение лучше предыдущего, более современный взгляд, новые технологии, обсуждения, помощь друг другу, консультации, пополнение багажа знаний через межпоколенческое общение (женщина, стаж 23 года);

– Передача из поколения в поколение всех семейных знаний, опыта (женщина, стаж 12 лет);

– Это когда в детстве видишь, как родители, другие родственники работают, примерно всю эту кухню уже представляешь (мужчина, стаж 27 лет);

– В первую очередь, это необходимость нести почетное звание, что я из семьи стоматологов, потому что большинство преподавателей могут знать моих родителей и начинают сравнивать или говорить, что ты по протекции. И начинаешь активнее себя проявлять и доказывать, что я все сама, а не из-за родителей (женщина, стаж 3 года);

– Я считаю, что династию определяет особое уважение коллег и признание людей (женщина, стаж 44 года);

– Представляется какое-то генеалогическое древо (мужчина, стаж 3 года).

В большинстве случаев эксперты отмечали главным признаком профессиональной династии наличие нескольких поколений, работающих в одной профессии, преемственность. К этому дополнительно предлагались передача знаний и опыта от поколения к поколению, передача традиций, взаимопомощь, признание и особое уважение коллег, преданность профес-

сии, а также гордость за принадлежность к династии и ответственность перед ней, нежелание подвести своих родных. Династия по своей сути четко отграничивалась экспертами от «кумовства» и протекционизма.

Следующий тематический блок содержал высказывания, в которых эксперты давали свое понимание важности профессиональных династий, их значения для профессионального развития. К этому блоку относятся следующие высказывания:

– Династии не важны для развития в профессии вообще (мужчина, стаж 26 лет);

– Важна не династия, а то, как построена система работы, нету в династии решающего фактора, я не верю в династийность (мужчина, стаж 50 лет);

– Для меня династия – это, прежде всего, помощь, когда я могу обратиться и найти ответ, поскольку у нас смежные специальности – хирургия (женщина, 35 лет);

– Династия важна. У меня есть подруга, у которой и мама, и папа стоматологи. Ей было легче в каких-то моментах, на этапе учебы и первых шагов в профессии. Главное в династии – это передача ценностей и опыта, потому что ценности – это то, что изначально в нас закладывается с детства. Если доктор приходит домой, он разговаривает о работе, и ты все это слышишь и воспринимаешь (женщина, стаж 5 лет);

– Главное в династии – это передача профессиональных ценностей в семье (женщина, стаж 10 лет);

– После работы можно обсудить все ситуации, когда люди работают в одной области, они подсказывают друг другу, знания дополняются (женщина, стаж 23 года);

– Династии играют положительную роль в выборе профессии, чужой человек не расскажет все так, как родной (мужчина, стаж 27 лет);

– Династия – это очень важно, потому что ты понимаешь, куда идешь, и у тебя нет никаких розовых иллюзий, все максимально осознанно (женщина, стаж 21 год);

– В профессии врача очень важно, когда человек понимает, куда идет, потому что очень многие уходят после первого курса. Они не выдерживают той же анатомии, вида трупов. Это далеко не все выдерживают. А когда у тебя дома эти атласы по анатомии, прекрасно понимаешь, что это такое, что тебе все это предстоит пройти (женщина, стаж 21 год);

– Очень важно определиться в начале и серьезно подумать о своем пути, потому что те, кто идет в медицину, должны иметь определенный набор черт характера, не все могут рабо-

тать в медицине. Но те, кто пошел по династии, более осознанно делали выбор в пользу медицинской профессии, они знали, куда и на что идут, что это нелегкий труд, но они, действительно, хотят этим заниматься, потому что знали и могли оценить адекватно все минусы и плюсы этой профессии. А более осознанный выбор приводит, как правило, к лучшему результату. Все это подтверждается в общении с другими членами династий (мужчина, стаж 20 лет);

– Династии важны в тех профессиях, где передаются специальные знания, этические принципы, поэтому главное в династии – это передача знаний в семье о той профессии, которой владеют родители (женщина, стаж 20 лет);

– Династии в любой профессии важны – они передают знания и опыт. Главное в династии врача – это передача положительного опыта работы предыдущих поколений (женщина, стаж 12 лет);

– Династии важны в работе медиков для передачи опыта. Даже слушая домашние разговоры получаешь много информации. А самое главное – это передача профессиональных ценностей (женщина, стаж 44 года);

– В династии важен микроклимат в семье, атмосфера поддержки. В этой атмосфере мы передаем свой опыт. Я рассказываю дочери все, что знаю, когда она этим интересуется. Что не знаю, почитаю, расскажу. У нас атмосфера создана такая, что мы не понимаем, как можно быть другими какими-то специалистами (женщина, стаж 17 лет);

– Династии очень важны, но больше именно в культурном плане. Передать именно отношение к долгу, к врачеванию как ценности – это важно. А передавать как некий чемоданчик или какой-то крест – это глупо. Думаю, династии важны во всех профессиях. А если говорить о коррупции, то да, такое есть, но это дискуссионный вопрос. Я считаю, что если нет коррупционной составляющей, то династии полезны. Если они создают здоровую правильную атмосферу, то это здорово (мужчина, стаж 20 лет);

– Династии важны, потому что младшее поколение всегда будет равняться на старшее. И чем выше задало планку старшее поколение, тем сильнее младшие будут стараться ее преодолеть и стать еще лучше. В нашей профессии это большой плюс. Кроме того, в современном обществе есть тенденция выхода на первый план материальных ценностей, а старшее поколение нас учит быть более лояльным, более добрым к людям, чем нынешнее поколение (женщина, стаж 5 лет);

– Медицина – это несколько закрытая и пугающая для стороннего человека специальность,

поэтому те, кто в нее погружены, объясняют все детям на своем примере, рассказывают про специальность и, конечно, заинтересовывают. Я думаю, большую роль играют именно родители-врачи для профессионального мировоззрения детей. Поэтому так много врачебных династий. А их на самом деле много, как и их ярких представителей (мужчина, стаж 20 лет);

– Очень важна передача знаний из поколения в поколение. У кого-то нет возможности пойти и посмотреть, как работает врач, а у меня есть возможность. Я могу прийти к папе, постоять за его спиной, посмотреть, как он работает, как налаживает контакт с пациентом. Элементарно, даже как папа заполняет карточки, потому что ведение документации – это очень важно. И, наверное, вот эти лайфхаки жизни родителей очень пригождаются, то же «вареники помазать». Не все так работают. Даже если ты что-то на занятиях не понял, ты придешь, спросишь, тебе это дома объяснят доступно, покажут и даже нарисуют (женщина, стаж 3 года).

Лишь два эксперта посчитали профессиональные династии не имеющими значения для профессионального развития – это как раз те самые зачинатели династий (продолжают их сыновья), которые сами не имели в своем жизненном опыте существования в атмосфере семьи-династии. Все остальные эксперты уверенно заявили о важности профессиональной династии для развития в профессии. Прежде всего, это опыт и знания, которые передаются поколениями, взаимопомощь, возможность спросить, проконсультироваться у профессионалов, большая профессиональная информированность. Причем не только в плане профессиональных знаний, но и житейских, отсутствие «розовых очков», точное знание, с чем придется столкнуться в будущем. Это помогает осознанно сделать выбор профессии. Кроме опыта, очень важна передача ценностей, лежащих в основе профессии, этический, культурный аспекты, воспитание профессионального мировоззрения.

Следующий тематический блок содержит высказывания экспертов о том, что положительного дает профессиональная династия своим членам, в чем «плюсы» принадлежности к профессиональной династии. Он во многом содержательно является развитием предыдущего блока. К данному блоку принадлежат следующие высказывания:

– Мне очень нравится, что можно семейно сделать заключение, если человек заболел, это так комфортно. Мне очень нравилось, что я из династии, и в школе были династии, и в институте, и мы общались, и всегда на первое место

это себе ставили, ну вот нравилось и все, что мы из династии (женщина, стаж 35 лет);

– Встречалась со многими членами других династий, они могли рассказать, погордиться, помочь в чем-то, например, дать какие-то книги, которые им оставили родители, записи, лекции, у некоторых из династии выпускались методические руководства, и это очень помогло, мы, медики, этим обменивались (женщина, стаж 35 лет);

– На кафедре многие являются членами династий. Они отличаются наличием возможности получения расширенной информации, так как дома есть вся необходимая литература, плюс советы родственников. Но тут есть сложность – как не посрамить честь семьи (женщина, стаж 20 лет);

– В любом случае у тебя есть поддержка, ты всегда можешь спросить, о чем-то посоветоваться. Врач тебя всегда поймет, не надо что-то объяснять, например, почему такая усталая, это эмоциональная поддержка, это всегда сближает, когда люди занимаются каким-то общим делом, комфортно в психологическом плане, когда тебя понимают. Такая эмоциональная разрядка очень важна, чтобы было где черпать силы и не выгореть, идти дальше. Думаю, в любой профессии такое единение очень важно (женщина, стаж 21 год);

– Все свои первые 18 лет я это видела, я это смотрела (работу врача), у меня кругозор в этом плане развит. И, действительно, в университете на занятиях я часто понимала, о чем речь, заранее. Например, на 1-м курсе у нас спрашивал преподаватель по ортодонтии, кто что знает, и я начала как-то так уверенно отвечать, и он говорит: «А Вы что, ассистировали?» Я ответила, что нет. А сама думаю: ничего себе, мне 18 лет, а про меня уже думают, что я ассистировала. Все-таки не зря я сюда пошла (женщина, стаж 3 года);

– Династийность влияет на карьерный рост и профессиональную реализацию (женщина, стаж 10 лет);

– Во врачебной специальности много династий, я общался с их представителями достаточно плотно. Поэтому могу точно сказать, что влияние династий на карьерный рост сомнительно, хотя допускаю, что такое есть. А вот для профессиональной ориентации молодого поколения – это однозначно работает очень хорошо. Кроме того, члены профессиональных династий отличаются большей ответственностью, понимают, что не сами по себе, а имеют некоторую историю, и поэтому идут уже с оглядкой, не хотят позорить, потому что гордятся своей династией, как и я (мужчина, стаж 20 лет);

– Я знаю многих членов династий, моя подруга однокурсница – врач в пятом поколении, и сын у нее тоже врач. Преимущество профессиональных династий в том, что человек, растя в семье, все невольно впитывает, эти дети находятся в этой среде, в этом поле. И поддержка их была бы не лишней, потому что они знают эту профессию. Это не то, что человек только что поступил и не знает, кем он будет, как он там. А они хорошо представляют свое будущее (женщина, стаж 44 года);

– Я считаю, в династийности нет преимуществ для карьерного роста и профессиональной реализации. Это большой миф. Все говорили в университете, когда узнали, что мама врач: «Да тебе все там легко». Нет, мне приходилось еще тяжелее, когда преподаватели узнавали, что моя мама врач, то пытались с меня, студентки, спросить столько, сколько знает врач с большим стажем. И постоянно сравнивали. Естественно, что я не дотягиваю, но и упасть в грязь лицом себе позволить не могла. И это большое постоянное напряжение (женщина, стаж 5 лет).

Практически все эксперты признали важность профессиональных династий для развития в профессии. Начиная с выбора профессии, который делается осознанно, с открытыми глазами, со знанием подводных камней и проблем, а значит, является более ответственным и устойчивым. Далее, в учебе студенты из династий лучше осваивают материал, поскольку они более информированы и имеют возможность проконсультироваться у профессионалов, наблюдать за их работой и даже ассистировать. Как специалисты они владеют не только конкретными знаниями о профессии, но у них еще и складывается система профессиональных ценностей в результате воспитания в семье профессионалов, а также формируются необходимые для врача черты характера. Кроме того, психологическая поддержка в семье, общение с близкими по духу людьми помогает твердо стоять на ногах в выбранной профессии, а в дальнейшем избежать профессионального выгорания, который свойственен профессии врача. В целом же, хотя на карьерный рост, как считают эксперты, принадлежность к династии не влияет, но на развитие в профессии оказывает большое влияние.

В следующем тематическом блоке содержатся высказывания, в которых эксперты дают свой взгляд на то, что влияет на продолжение профессиональных династий и появление новых, должно ли государство их как-то поддерживать. К этому блоку относятся следующие высказывания:

– Сейчас династии, наверное, уходят. Я вообще не вижу династий сейчас, условия для них ушли. Сейчас люди думают: позволит ли эта профессия выжить или нет? Может, кто-то бы и хотел, но не тянет, образование достаточно непростое, это должен быть интерес к медицине (мужчина, стаж 26 лет);

– Сейчас мало кто может похвастаться медицинской династией, в последнее время как-то не модно стало быть врачом, потому что очень много факторов мешают это сделать. В первую очередь, поступить очень тяжело, высокие баллы, стоимость обучения тоже не всегда по силам. Некоторые ребята, с которыми я училась, доучились до третьего курса и взяли академический отпуск, потому что им нечем платить и они не могут справиться, они параллельно работают, зарабатывают на учебу, а нужно ходить на все пары, потому что за пропуски отчисляют. Вот и не всегда удается совмещать работу и учебу. Было бы здорово, если бы как-то поощрялось, что родители профессионально сориентировали ребенка в своей профессии и еще одна ячейка общества будет нести звание врача, потому что очень тяжело учиться и морально, и физически (женщина, стаж 3 года);

– На становление династии влияют культурные условия. Но это творческий процесс, в него не надо вмешиваться (мужчина, стаж 50 лет);

– Государство никак не влияет. Семья – вот главный катализатор для того, чтобы династии продолжались (женщина, стаж 21 год);

– Не думаю, что на воспроизводство профессиональных династий должно как-то влиять государство, скорее это должна быть сама семья. Династия – это прежде всего семья. Если в семье есть традиции, то все будет хорошо с династией. С другой стороны, нужно отмечать, нужно выделять династии, и это было бы здорово, но строить на этом государственную политику не считаю правильным. Поддержку молодых поколений при поступлении тоже считаю излишней. Барьер прохождения в профессию и так невысокий, потому что системе не хватает медицинских кадров. Нужно ли этот барьер еще более понижать? Человек должен, во-первых, заслужить медицинскую профессию, во-вторых, он должен стремиться. Должны приходить люди мотивированные. Это выглядело бы двояко, если рассматривать предоставление льготных мест для представителей династий. Здесь скорее более важна психологическая поддержка родителей, когда родители заинтересованы в том, чтобы их дети вошли в эту профессиональную группу. Здесь многое зависит от мотивации.

Когда и дети, и родители заинтересованы в том, чтобы попасть в медицину. Кроме того, у них изначально больше информированности, они ближе к профессии, поэтому и так чаще туда попадают, чем дети со стороны (мужчина, стаж 20 лет);

– Мне кажется не должно быть преимуществ у членов династии, потому что не обязательно у хорошего хирурга будет сын с золотыми руками, может быть наоборот, и у него будет больше привилегий, но в чем? В устройстве на работу, в поступлении в медицинский институт, в сдаче экзаменов? Я считаю, это неправильно. Есть сарафанное радио, есть рекомендации, разговоры, общение между людьми, как сейчас, так и должно быть. Не должно на какой-то официальный уровень выходить (женщина, стаж 5 лет);

– Вот если бы династичность поддерживалась государством, то только как признание многодетных семей и матерей. Примерно такая же должна быть ассоциация, потому что, если это государство признает и поддерживает, и как-то поощряет, это будет хорошо. Потому что, когда мы приходим в медицину, нам очень тяжело (женщина, стаж 17 лет).

В вопросе о влиянии на воспроизводство профессиональных династий мнения разделились. Ряд экспертов считают, что династии уходят в прошлое из-за неблагоприятных условий для их развития. Другие говорят, что имеют значение только культурные условия, но государство тут ни при чем, главное – это семья, которая прививает младшим поколениям необходимые морально-этические ценности, мотивацию продолжить династию. Поддержка государства здесь лишняя. Но некоторые все же считают, что поддержка государством профессиональных династий нужна, но не в плане каких-то преференций, например при поступлении, а в плане общественного признания ценности и заслуг профессиональных династий перед обществом. Ну а кто-то хотел бы и преференции получить, поскольку они заслужены тяжелым трудом членов династии.

К вопросу о воспроизводстве профессиональных династий тесно примыкает следующий тематический блок высказываний, в которых эксперты дают свое отношение к продолжению профессиональной династии в своих детях. К этому блоку относятся следующие высказывания:

– Сын подавал документы в разные вузы, и так случайно получилось, что подошли в медицинский (мужчина, стаж 26 лет);

– Дети выбрали другое, но я не настаивала, довольна их выбором, раз им нравится (женщина, стаж 35 лет);

– Я была бы рада, если бы дети стали врачами, не думаю, что целесообразно указывать ребенку, чем он должен заниматься. У меня нет такого, что только врачом, чтобы династия не прервалась, пусть они занимаются тем, что им нравится. Главное – взаимопонимание в семье, чтобы ребенку хотелось идти той же дорогой, что и родители (женщина, стаж 20 лет);

– Не хотела бы, чтобы дети работали в моей профессии, но перечить ребенку не буду (женщина, стаж 10 лет);

– Сегодня я бы не хотела, чтобы мой ребенок стал врачом. Надеюсь, через 10 лет все изменится (женщина, стаж 12 лет);

– Я своих детей в медицину не пуцу, просто категорически не пуцу. Наверное, потому что мои родители всю жизнь на двух работах работают. Сколько их помню, они всегда работали на полставки и еще где-то. Это и по объему тяжело, и по здоровью, да и морально: ответственность за людей – это сложно. Не всегда для меня медицина была какой-то розовой, не было романтических представлений, что это легко и интересно (женщина, стаж 21 год);

– Дочь закончила тот же факультет, практикующий стоматолог, и это был ее выбор (женщина, стаж 23 года);

– Буду помогать определиться в выборе, но ребенок должен сам определиться, косвенно могу показать преимущества своей профессии (женщина, стаж 20 лет);

– Я всегда рассказывал детям про специальность, но никогда не настаивал, решающим должно быть мнение ребенка. В результате старшая дочка хочет пойти в медицину. Но рассказывая о профессии, я не настаивал на ее непременно выборе. Я против того, чтобы детей категорично загоняли именно в эту профессиональную сферу, поскольку если нет внутреннего интереса, то и не будет человек успешен в профессии, из него ничего хорошего не получится. Но раз дочка сама захотела, то я буду помогать, а самому категорично настаивать – я против этого, медицина не та специальность, которую можно из-под палки полюбить или зайти в неё (мужчина, стаж 20 лет);

– Особо выбора, как бы, и не было, само так вышло, потому что детская хирургия уже была близка, да и места оставались бюджетные по этому направлению, разговаривали с ним (сыном) о специализации. Было бы неплохо, если бы при поступлении учитывалось членство в профессиональной династии (мужчина, стаж 27 лет);

– Я думаю, что, если мои дети не будут проявлять каких-то желаний яростно быть, например, юристом или еще кем-то, я, пожа-

луй, отдам предпочтение медицине и буду их готовить заранее (женщина, стаж 3 года);

– Мой сын врач, я довольна его профессиональным выбором, я хотела, чтобы он работал в этой профессии. Он защитил в 27 лет кандидатскую по кардиологии (женщина, стаж 44 года);

– У меня одно время дочь говорила, что хочет стать сценаристом, писать книги. Я говорю, что никто этого не запрещает, вот и Булгаков, и Чехов были врачами. И ты можешь закончить мединститут и параллельно к работе врачом писать книги. Она сказала, что не сможет это делать. Почему? Ну, говорит, ты работаешь, и у тебя совсем нет времени на что-то другое. То есть никаких иллюзий нету, она знает, что это тяжело. Но я надеюсь, что дочь все-таки будет врачом, потому что ей это интересно (женщина, стаж 17 лет).

Фактически, эти высказывания демонстрируют процесс воспроизводства профессиональных династий в его конкретном выражении. Из 13 экспертов – авторов данных высказываний у четверых дети уже стали медиками, у одной, наоборот, дочь ушла в другую профессию, трое не хотят, чтобы дети трудились так же тяжело, как и они сами, остальные пятеро не хотели бы давить и настаивать и даже будут помогать при необходимости, но довольны будут таким выбором детей только двое. Исходя из этих данных, можно сказать, что большинство из этих конкретных профессиональных династий нашего исследования уже продолжены или будут продолжены, хотя и не без проблем.

Выводы

Результаты анализа данных позволяют сделать следующие выводы относительно роли профессиональной династии в профессиональной ориентации членов врачебных династий в современной России.

1. Отношение к профессии врача в семье династии начинает формироваться с раннего детства под воздействием особой атмосферы в семье, через восприятие образа жизни и поведенческих образцов близких людей, воспринимаемых как лидеры мнений первичной группы в процессе социализации. Это отношение играет в дальнейшем значимую роль в процессе выбора профессии.

2. Отношение к профессии врача во врачебных династиях начинает формироваться с эмоционального компонента (перенос эмоциональных чувств любви, уважения и благодарности к своим родным на их профессию, эмоциональные позитивные детские впечатления от посещения мест работы родителей). Затем к ней

подключается когнитивный компонент (пребывание в профессиональной среде родных и их коллег с постоянными разговорами на профессиональные темы, чтение специальной литературы, имеющейся в доме). Наполнение этих двух компонентов содержанием ведет сначала к неосознанному выбору профессии как подражание значимому поведенческому образцу, желание порадовать близких людей. Все это происходит на фоне восприятия этой профессии как единственной досконально знакомой и близкой, в то время как другие профессии воспринимаются как нечто неизведанное и этим пугают. Затем по степени нарастания качественного и количественного информативного заполнения когнитивного компонента наступает время явного проявления волевого компонента: профессиональный выбор становится осознанным, поскольку все накапливающееся знание о различных сторонах профессии, как позитивных, так и негативных, делает выбор все более осознанным и устойчивым. Ведь на глазах нет «розовых очков», и это оберегает от излишних разочарований. Процесс выбора профессии переходит в конкретные шаги подготовки к вступительным экзаменам, выбору конкретного вуза, упорная учеба, несмотря на все сложности. Кроме того, выбор профессии становится ответственным, является следствием чувства ответственности перед своими родными и близкими, нежелания их огорчить или подвести.

3. На всех этапах член династии ощущает постоянную поддержку родных, как практическую (консультации, советы, ассистирование и просто наблюдение за их работой), так и психологическую. Последняя особенно ценна, так как исходит от людей близких по духу, уже испытавших все, что проходит сейчас их ребенок, поэтому понимающих его, как никто другой. Это еще больше вселяет в него уверенность и делает его выбор еще более устойчивым.

4. Важный элемент формирования профессионального мировоззрения – это передача в семье, кроме опыта и знаний, системы ценностей морально-этического плана, необходимых для дальнейшей профессиональной деятельности. То есть формируется не только профессионализм, но и профессиональная культура. Это тоже усиливает устойчивость выбора, поскольку нормирует дальнейшую жизнь в профессии, убирая определенное количество проблем с пути, которые могли бы негативно повлиять на устойчивость выбора.

5. Следует отметить, что при переходе к осознанной стадии волевого компонента отношения к профессии (к моменту осознанного выбо-

ра профессии) доминирующую роль играет именно эмоциональный компонент этого отношения, поскольку, даже имея в когнитивном компоненте достаточное количество негативной информации о профессии врача (трудности учебы, тяжелая и морально и физически работа, неприглядные стороны вроде препарирования трупов), тем не менее выбор делается в пользу этой профессии.

Мы можем заключить, что профессиональные династии играют значимую роль в воспроизводстве профессиональной группы врачей. Но речь идет скорее именно о качественном воспроизводстве, поскольку члены династий более мотивированы на тяжелый труд, начиная с упорной и добросовестной учебы, а также больше информированы, всегда могут получить профессиональный совет и поддержку, профессиональная культура и этика впитывается ими с «младых ногтей». Все это является хорошими предпосылками и основой овладения профессией молодым поколением врачебных династий на высоком уровне и стремления их к постоянному самосовершенствованию и добросовестному выполнению своих профессиональных обязанностей, поскольку соответствующие поведенческие образцы, причем значимые для них, у них перед глазами на протяжении всей жизни с самого детства.

Список литературы

1. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36–46.
2. Мансуров В.А., Иванова Е.Ю., Колесникова Е.М. [и др.] Профессиональные династии как социальный ресурс и социально-культурный капитал: направления исследования // Россия реформирующаяся. 2022. № 20. С. 149–175.
3. Мансуров В.А., Валиахметов Р.М., Ермолаева Ю.Е. [и др.] Профессиональные династии: воспроизводство профессиональных групп: Монография / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 208 с.
4. Мансуров В.А., Семенова А.В. Династичность как инструмент воспроизводства и развития профессиональных групп в России (на примере профессиональной группы инженерно-технических работников) // В кн.: Профессиональные династии: воспроизводство профессиональных групп: Монография / В.А. Мансуров [и др.]; отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 89–114.
5. Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники / Пер. с англ. и закл. ст. Т.С. Васильевой. М.: КомКнига, 2007. 256 с.

**PROFESSIONAL DYNASTY AS A FACTOR OF REPRODUCTION
OF PROFESSIONAL GROUP OF DOCTORS IN MODERN RUSSIA**

V.A. Mansurov, A.V. Semenova

Institute of Sociology RAS

Since the professional activity of doctors is the most important component of the system responsible for the health of the nation, the solution of acute demographic problems, this professional group can be recognized as basic, and its reproduction is existentially important for ensuring the viability of our society. In this regard, it seems important and relevant to study such a factor in the reproduction of the professional group of doctors as a professional dynasty. This study was conducted by the Sector of Sociology of Professions and Professional Groups of the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences based on a secondary analysis of empirical data from a study of various aspects of the specifics of some professional groups, conducted by the same research staff during 2019–2024. The study was conducted on the basis of a qualitative strategy. Qualitative and quantitative content analysis was used as the main method of data analysis. The purpose of our study was to find out the role of professional dynasties of doctors in the professional orientation of members of these dynasties. As a result of the data analysis, the mechanism of formation of professional worldview within families-dynasties, attitudes towards the choice of the profession of a doctor, the content and mechanism of interaction of various components of this attitude in the context of its impact on the choice of the profession of a doctor, stability, awareness and responsibility of this choice were clarified.

Keywords: professional dynasty, professional group, professional orientation, choice of profession, doctors.

УДК 316.4

DOI 10.52452/18115942_2025_2_155

РОЛЬ СЕМЬИ И МЕСТО РАБОТЫ В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТЕЙ МОСКВИЧЕЙ

© 2025 г.

Г.И. Осадчая, Т.Н. Юдина

Осадчая Галина Ивановна, д.соц.н., проф.; руководитель отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва
osadchaya111@gmail.com

Юдина Татьяна Николаевна, д.соц.н., проф.; главный научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва
ioudinatn@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 02.11.2024**Статья принята к публикации 15.04.2025*

В современных условиях большого города все большую актуальность приобретают вопросы ценностного выбора, с одной стороны, между семьей и семейными обязанностями, с другой – работой. Цель статьи – на основе анализа результатов социологического исследования выявить роль, место семьи и работы в системе ценностей жителей столицы. Методическая стратегия включает анкетный опрос и фокусированное интервью москвичей, проведенные в декабре 2023 г. и в апреле 2024 г. (соответственно).

Выявлено, что в рейтинге ценностей москвичей первые три места занимают: «крепкая семья, дети», «иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты» и «быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать». Обосновано, что в контексте нашего исследования данные ценности представляют собой инструментальные ориентации москвичей как средства достижения целей на определенном этапе жизнедеятельности. Они задают иерархию индивидуальных предпочтений, уровень притязаний в среднесрочной или актуальной перспективе. Раскрыты смыслы выбранных альтернатив, вкладываемых в них информантами.

Доказано, что смыслообразующей ценностью в долгосрочной перспективе, главной жизненной целью/достижением для большинства наших респондентов является создание своей семьи. Показана зависимость создания семьи, брачного статуса, установок на межэтнический брак, репродуктивных установок от возраста респондентов. Выявлены представления о базовых компонентах, по мнению жителей столицы семейного благополучия и социального развития и наиболее приемлемая для респондентов форма взаимоотношений внутри семьи.

Ключевые слова: ценности, семья, работа, москвичи.

Введение

Актуальность. Ценностные системы индивидов и групп имеют динамический, подвижный характер, а в период нестабильности и радикальных перемен могут стать принципиально иными, поэтому их изучение требует специального исследования, особенно при оценивании таких конкретных общественных явлений, как работа и семья. Смысл и научную значимость нашему анализу придает выбор в качестве эмпирического объекта населения Москвы, которое характеризуется огромным человеческим потенциалом, отличается высоким социальным статусом и информированностью, оказывает влияние на мнение россиян. Оценка состояния структуры ценностей позволяет осмыслить происходящие изменения в мировоззрении и образе жизни москвичей.

В исследовании поставлена *цель*: на основе анализа результатов авторского социологическо-

го исследования выявить роль, место семьи и работы в системе ценностей жителей столицы.

**Методология и эмпирическая база
научного исследования**

Изучение ценностей осуществляется специалистами в области социологии, философии, социальной психологии, культурологии. В социологии вопросам рассмотрения сущности понятия «ценность», процессам трансформации ценностей, изучения баланса семьи и работы в структуре ценностей уделено большое внимание многими учеными: Э. Дюркгеймом (Émile Durkheim) [1], который анализирует роль семьи и работы в разных типах обществ; Дж.Г. Мидом (George Herbert Mead) [2], изучавшим, как взаимодействие формирует ценности; Г. Олпортом (Gordon Allport) [3], проанализировавшим, как личный опыт влияет на ценности; Д. Рисменом

(David Riesman) [4], который показал, как социальные изменения влияют на ценностные ориентации; Т. Парсонсом (Talcott Parsons) [5], рассмотревшим семью и работу как функциональные институты; Л. Фестингером (Leon Festinger) [6], объяснившим, как люди справляются с конфликтами между этими ценностями, используя механизмы когнитивного диссонанса; Ф. Хайдером (Fritz Heider) [7], подходы которого помогают понять, как люди достигают баланса между семьей и работой; К. Роджерсом (Carl Rogers) [8], подчеркнувшим важность самоактуализации; М. Розенбергом (Morris Rosenberg) [9], исследовавшим роль самооценки в формировании ценностей; М. Рокичем (Milton Rokeach) [10], предложившим, как ценности (терминальные и инструментальные) формируют приоритеты людей в выборе между семьей и работой.

Работы этих ученых остаются актуальными и ценными для современных исследований для изучения баланса семьи и работы в структуре ценностей, так как дают возможность объяснить механизмы формирования ценностей: как семья и работа становятся важными элементами в структуре ценностей; проанализировать влияние на ценностные ориентации социального контекста: урбанизации, модернизации и других факторов; изучить индивидуальные и групповые различия, в том числе как разные социальные группы воспринимают баланс семьи и работы; предложить практические решения: например, как улучшить программы work-life balance или поддержать семьи в условиях экономических кризисов.

Их базовые идеи стали теоретико-методологической основой исследования, проведенного авторами статьи.

В современной научной литературе в России анализируются различные теоретические подходы к изучению проблем ценностей [11–16]; ряд работ посвящены процессам трансформации ценностей [17–21]. Результаты эмпирических исследований, характеризующие систему ценностей в условиях глобальных вызовов, отражены в работе М.М. Назарова «Ценностные ориентации и глобальные вызовы» [22]; анализ приоритетов ценностей в контексте экономических и социальных изменений проведен С.В. Мареевой в работе «Ценностные ориентации и представления среднего класса о желаемом векторе развития страны» [23]; анализ влияния различных факторов на систему ценностей представлен в работах И.Г. Кузиной, А.В. Винокуровой «Социальные и личностные факторы трансформации ценностных ориентаций семьи в современном российском обществе» [24],

Т.В. Фомичёвой, В.И. Катаевой «Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики» [25], Е.В. Миронец «Ценностные ориентации молодежи в условиях современного города и урбанизационных процессов» [26], А.М. Алмакаевой, Е.А. Настиной «Базовые ценности и практики социального участия в России» [27].

Необходимо также отметить работы, исследующие баланс между традиционными и современными ценностями. Это в первую очередь работы Г.В. Леонидовой, К.А. Устиновой, А.Н. Гордиевской «Исследование ценностей населения с традиционными и современными взглядами» [28], Н. Афанасова «О современности и своевременности традиционных ценностей» [29], Л. Басовой «Традиционные ценности: понятие и смыслы» [30].

Следует отметить исследования, посвященные трансформации системы трудовых ценностей [31–33] и семейных ценностей [34–38]. Также необходимо обратить внимание на работы, посвященные анализу представлений о балансе между семейными и профессиональными обязанностями, приоритетами между семьей и работой (Г.В. Белехова, А.Л. Ивановская «Удовлетворенность балансом труда и семьи: взгляд работающих женщин (региональный аспект)», Т.О. Разумова, А.Б. Алёшина, М.А. Серпухова «Баланс семья–работа в условиях изменений качества трудовой жизни» [39; 40], в том числе в ценностных представлениях мужчин и женщин (О.Б. Савинская «Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве» [41].

Анализ публикаций позволяет утверждать, что ценностные представления о соотношении семьи и работы в групповом сознании россиян находятся во внимании ряда исследователей, но актуальность социологического изучения баланса между семьей и работой в структуре ценностей москвичей остается недостаточно изученной и по-прежнему важной из-за высокой динамичности трансформации ценностей под влиянием социальных, экономических, политических и культурных изменений, связанных с современными вызовами, таких как удаленная работа, гибридные форматы занятости; уникальности Москвы как мегаполиса, который характеризуется особыми социально-экономическими условиями, которые создают особый контекст для изучения баланса семьи и работы и которые динамично влияют на ценностные ориентации жителей; пересмотра традиционных представлений о разделении ролей в семье и на работе; перемен на рынке труда, таких как рост гиг-экономики, фриланса и удаленной работы,

влияющих на представления о балансе семьи и работы, а также практической значимости для государства, бизнеса и общества. Новые исследования позволят не только обновить данные, но и предложить решения для современных вызовов Москвы.

Объектом исследования выступают ценности человека как индивидуальное отношение к культурным историческим нормам страны, обобщенным целям и средствам их достижения. На уровне отдельно взятых индивидов измерение ценностей показывает отношение к социальным институтам, социальным процессам, нормам взаимодействия и консолидации общества. Предметом – конкретные общественные явления: работа и семья в системе личностных ценностей населения г. Москвы.

Рассматриваются ценности, с одной стороны, как значимость конкретного вида жизнедеятельности группы в актуальной перспективе, инструментальные ориентации как средства достижения среднесрочных целей, с другой – как экзистенциальные, связанные с осмыслением своего бытия, с нахождением смысла жизни в долгосрочной перспективе. Полагаем, что предельно широкие ценности общества, социальных групп и индивидов – здоровье, свобода, равноправие, достоинство, справедливость могут выполнять регулятивную, прогностическую функцию ориентира поведения только тогда, когда становятся его личной ценностью. Под ценностью работы мы понимаем убеждения, основным содержанием которых является система отношений к профессии и готовность в ней самореализоваться, проявить свои способности и таланты.

Под семейными ценностями – совокупность представлений, которые влияют на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия, духовно-нравственные ориентиры, определяющие целенаправленный процесс создания идеальной семьи. К ним мы относим любовь, уважение, целомудрие, веру, материнство, отцовство, семейный уклад, традиции, обычаи, обряды.

В основе статьи анализ результатов анкетного опроса и фокусированного интервью москвичей. Количественный опрос постоянного населения г. Москвы позволил получить информацию о субъективных мнениях и оценках, о ценностях, определяющих поступки людей в настоящем и будущем. Опрошено по квотной выборке 650 респондентов в Москве в декабре 2023 г. Выборка соответствует территориальной (по округам Москвы) половозрастной структуре

горожан, повторяя свойства и особенности генеральной совокупности.

В качестве признаков отбора и квотирования использованы: гражданство России, проживание на территории определенного округа г. Москвы, пол и возраст. Ошибка выборки – $\pm 3\%$.

Численность населения Москвы на время проведения опроса составляла 13104 тыс. человек¹. Данные по распределению респондентов по округам, полу и возрасту представлены в таблице 1.

Фокусированное интервью москвичей дает возможность раскрыть ценностные смыслы, вкладываемые в них. Опрошено 35 информантов в апреле 2024 г. Признаки отбора: гражданство России, проживание на территории г. Москвы.

Результаты и их обсуждение

Как показывают наши исследования, несмотря на трансформацию семьи и семейных отношений, ценностную переориентацию индивидов на личностную свободу выбора, разрушение советской системы трудовой мотивации, ценности семьи и работы остаются для москвичей базовыми. Среди наиболее важных сторон своей жизнедеятельности респонденты из 12 предложенных альтернатив выбрали 3. Ценности «крепкая семья, дети», «иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты» разделили в рейтинге 1-е и 2-е место; 3-е место заняла позиция «быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать» (см. рис. 1), что созвучно результатам Всемирного обзора ценностей европейских стран [42; 43] и стран-членов Евразийского экономического союза [44]. Очевидно, москвичи, как и весь современный мир, выделяют значимость семьи и работы.

В интервью информанты раскрыли смысл выбранных альтернатив.

Женщина, пенсионерка: *«Семья – это ближний круг, это повседневность, это постоянное какое-то состояние души. То есть это получается, что или источник какого-то счастья каждогодневного человека, или если какие-то трудности и проблемы, то, наоборот, какого-то бремени. Я считаю, что вот эта повседневность, когда она организована в виде семьи, это делает человека защищенным, удовлетворенным и имеющим какой-то смысл»;*

мужчина, руководитель: *«Я думаю, если семьи будут крепкими... Семья – это, скажем, одно семечко. Много крепких семей – это город. Много больших городов – это страна. Если семья крепкая, я думаю, государство сильное бу-*

Таблица 1

Распределение респондентов по округам г. Москвы, полу и возрасту

Округа г. Москвы	Доля жителей, %	Кол-во респон- дентов (чело- век)	Пол		Возраст, лет											
			М	Ж	18 – 19	20 – 24	25 – 29	30 – 34	35 – 39	40 – 44	45 – 49	50 – 54	55 – 59	60 – 64	65 – 69	70 и более
Восточ- ный округ	12.1	79	37	42	2	5	5	7	8	8	7	6	6	7	6	12
Западный округ	11.1	71	33	38	2	4	5	6	8	7	6	6	5	6	5	11
Зелено- градский округ	2.1	13	5	8	-	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	2
Северный округ	9.5	62	29	33	1	4	4	5	7	6	5	5	5	5	5	10
Северо- Восточ- ный округ	11.5	75	35	40	2	5	5	7	9	7	6	6	5	6	6	11
Северо- Западный округ	8.1	52	24	28	1	3	3	5	7	5	4	4	4	4	4	7
Централь- ный округ	6.2	40	19	21	1	2	3	4	5	4	3	3	3	3	3	6
Юго- Восточ- ный округ	11.6	76	35	41	2	4	5	7	8	8	7	8	5	6	6	12
Юго- Западный округ	11.6	76	35	41	2	4	5	7	8	8	7	6	5	6	6	12
Южный округ	14.5	95	44	51	2	6	6	8	11	10	8	8	7	8	7	13
Новомос- ковский округ	1.1	7	2	5	1	1	1	1	1	1	1	0	-	-	-	-
Троицкий округ	0.6	4	2	2	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	1	-
Всего	100	650	300	350	16	39	43	58	74	65	55	54	47	53	50	96

Рис. 1. Что из перечисленного наиболее важно для Вас лично в первую очередь? (подумайте и отметьте только три главных для Вас варианта ответа)

дет. Все начинается с воспитания, все выходит из семьи»;

женщина, домохозяйка: «Семья, потому что это основа и смысл жизни, это святое».

мужчина, квалифицированный рабочий: «Видеть результат своей работы очень важно для меня. Через работу я реализую свои таланты и потенциал»;

Рис. 2. Что из перечисленного наиболее важно для Вас лично в первую очередь? (подумайте и отметьте только три главных для Вас варианта ответа)

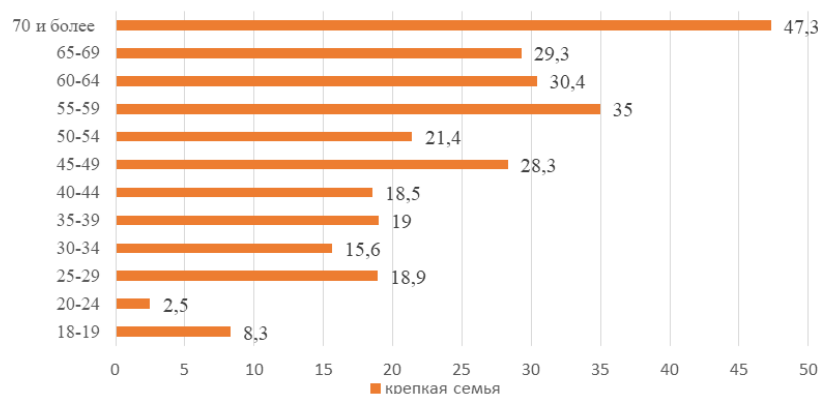

Рис. 3. Распределение ответов респондентов по возрасту, выбравших позицию «крепкая семья» при ответе на вопрос «Что из перечисленного наиболее важно для Вас лично в первую очередь?»

мужчина, руководитель: «Иметь интересную работу, то есть это то, чем тебе придется заниматься, чтобы зарабатывать на жизнь. А то, что ты сам хочешь выбрать, и это тебе, помимо денежного удовольствия, приносит еще и удовлетворение. Соответственно, в этом я могу полностью себя раскрыть, показать свои какие-то имеющиеся способности»;

мужчина, студент: «Быть богатым человеком. В нашем мире без денег ты никто и ничто, как правило. Можно как угодно к этому относиться, что это слишком материалистический подход. Но без этого, к сожалению, никуда»;

женщина, фрилансер: «Быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать. Об уровне дохода, то, наверное, для меня условный уровень дохода, при котором я буду чувствовать себя богатым человеком, это, наверное, ну, два миллиона рублей в месяц, я думаю, где-то так».

Как показывает анализ, такая иерархия ценностей детерминирована потребностями, ресурсами и жизненным опытом личности. В группе респондентов, выбравших интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты, ядро (54%) составляют опрошенные в возрасте от 20 до 49 лет. В ней в 2 раза выше доля молодых людей в возрасте 20–39 лет по сравнению с ориентированными на семью и

детей, больше тех, кто имеет высшее образование, работает или работает и учится. В группе респондентов, выбравших позицию «крепкая семья, дети», большинство опрошенных в возрасте 45–70 лет (70%), а «быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать» – в возрасте 20–44 года. Отметим: ценности «крепкая семья, дети» и «иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты» чаще (на 6–9 п.п.) выбирали женщины. «Быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать», чаще выбирали мужчины (на 11 п.п.) (см. рис. 2).

Чем старше респонденты, тем чаще они выбирали позицию «крепкая семья, дети» (см. рис. 3).

Чем выше уровень образования, тем чаще респонденты выбирали интересную работу.

Мы можем утверждать, что рассмотренные в этом контексте ценности конкретных видов деятельности москвичей представляют собой инструментальные ориентации, как средства достижения целей на определенном этапе жизнедеятельности. Они задают иерархию индивидуальных предпочтений, уровень притязаний в среднесрочной или актуальной перспективе.

Главной же ценностью в долгосрочной перспективе, главной жизненной целью/достижением для большинства наших респондентов (82,4%) является создание своей семьи (да, пол-

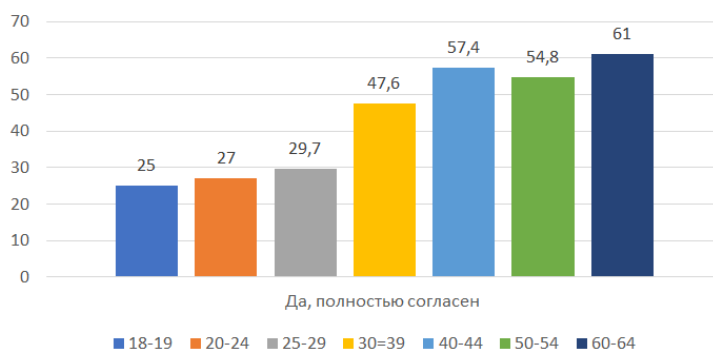

Рис. 4. Согласны ли Вы с утверждением что создание своей семьи является главной жизненной целью/достижением? Да, полностью согласен (% от опрошенных)

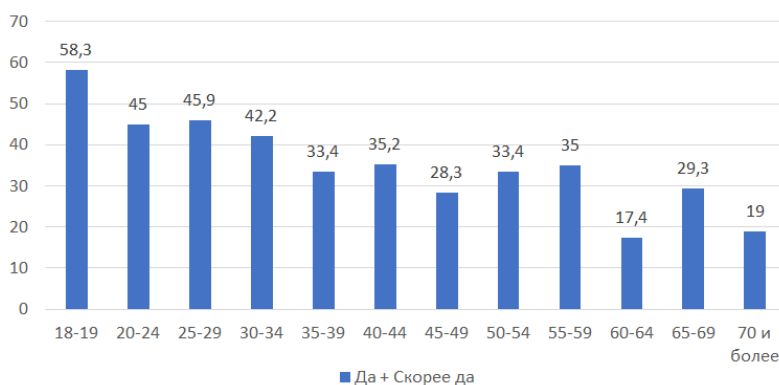

Рис. 5. Рассматриваете ли Вы для себя возможность вступления в межнациональный брак? (% от опрошенных в зависимости от возраста)

ностью согласен – 46.8%; скорее да, чем нет – 35.6%). Высокий рейтинг семьи в системе ценностей москвичей для 92% подчеркивает важность семейных традиций и обычаев (очень важны – 72.8%; скорее важны – 23.2%). С возрастом значимость создания семьи растет (см. рис. 4).

По данным наших исследований, в момент опроса 20.5% респондентов были холосты (не замужем), 53.7% состояли в официально зарегистрированном браке, 7.5% проживали в «гражданском браке» (сожительство), 7.7% – разведены, 10.6% – вдовцы/вдовы.

Более 70% опрошенных в возрасте до 25 лет не состояли в браке, в группе 26–30 лет таких – 62.2%, а в интервале 31–35 лет – 31.1%. И только после 35 лет – нашли себе пару – 17.5%.

Несмотря на негативное влияние роста конфликтности на почве межэтнических отношений на межэтническую брачность [44–49]², 32.5% москвичей допускают вступление в межнациональный брак. Молодые москвичи продемонстрировали более толерантное отношение к межэтническим бракам: 48% в возрасте от 18 до 34 лет допускают возможность подобных союзов для себя (см. рис. 5).

Сегодня в обществе присутствуют различные представления о базисных основах семей-

ной жизни, которые порой не совпадают с концептуальным основанием стратегии государственной семейной политики в России, в которой основным выступает положение о необходимости возрождения традиционной модели семьи и семейных ценностей [50]. Это происходит из-за того, что принимаемые законодательными и исполнительными органами власти меры, направленные на поддержку института семьи, порой не опираются на доказательные результаты эмпирических исследований. Для выработки эффективной семейной политики необходимо учитывать это многообразие мнений населения, в том числе в региональном разрезе. Так, по мнению жителей столицы, наибольшую значимость имеют такие базовые компоненты семейного благополучия и социального развития, как «взаимная любовь» – 59.4%, «взаимное уважение» – 54.3%, «взаимная поддержка супругов» – 44.4%, «сохранение верности партнеру» – 30.2%, «согласие супругов по всем ключевым вопросам» – 30.3%. А наиболее приемлемая для респондентов форма взаимоотношений внутри семьи – когда супруги равны, все вопросы решаются совместно – 55.2% и муж является главой семьи, сам принимает основные решения – 35.8%. Респонденты в возрасте 18 –

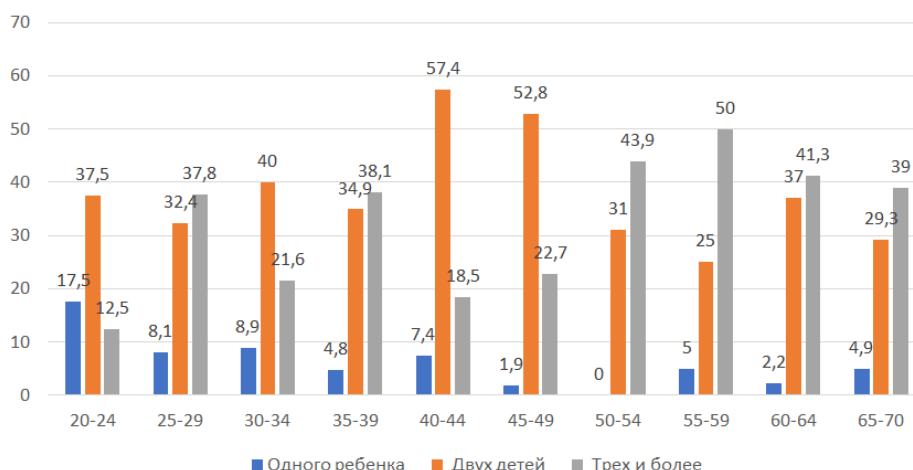

Рис. 6. Сколько детей Вы хотели бы иметь в течение Вашей жизни? (% от опрошенных)

49 лет чаще выбирали позицию «когда супруги равны, все вопросы решаются совместно» (6 из 10) и женщины (на 20 п.п. по сравнению с мужчинами). Позицию «когда муж является главой семьи, сам принимает основные решения» чаще выбирали мужчины (на 16,6 п.п.).

Для опрошенных москвичей характерна малодетная семья с одним или двумя детьми (один ребенок – 25,6%, двое детей – 30,9%). Трех и более детей имеют 14,6%. Репродуктивные установки респондентов выше реальных значений. Хотели бы иметь 1–2 детей – 58,4%, трех и более – 32,7%. Причем женщины чаще ориентированы на двухдетную семью (женщины – 42,8%, мужчины – 31,8%), а мужчины – на многодетную (женщины – 27,8%, мужчины – 38,8%).

Желаемые репродуктивные установки респондентов превышают их реальные показатели (см. рис. 6).

Такое несовпадение реального и желаемого количества детей можно интерпретировать целым рядом факторов, которые сделали повседневную жизнь наших респондентов далекой от идеальной ситуации: это состояние здоровья, материальные и жилищные проблемы, отсутствие подходящего партнёра, неустроенность личной жизни, поздние браки [51]. При этом вызывает озабоченность, что 17,5% опрошенных молодых москвичей в возрасте 20–24 года не хотели бы вообще иметь детей. Чем старше респонденты, тем репродуктивные установки выше. На наш взгляд, это можно назвать «утраченными возможностями» (см. табл. 2).

Заключение

Как показало исследование, для москвичей высока значимость семьи и работы. Ценности «крепкая семья, дети», «иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты» разделили в рейтинге 1-е и 2-е ме-

сто, 3-е место заняла позиция «быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать». Такая иерархия ценностей детерминирована потребностями, ресурсами и жизненным опытом личности. В группе выбравших интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты, выше доля респондентов в возрасте от 20 до 49 лет, тех, кто имеет высшее образование, работает или работает и учится. В группе респондентов, выбравших позицию «крепкая семья, дети», большинство опрошенных в возрасте 45–70 лет (70%), а «быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать» – в возрасте 20–44 года. Ценности «крепкая семья, дети» и «иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты» чаще выбирали женщины. Чем старше респонденты, тем чаще они выбирали позицию «крепкая семья, дети». Чем выше уровень образования, тем чаще респонденты выбирали интересную работу. «Быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать», чаще выбирали мужчины. Рассмотренные в этом контексте ценности конкретных видов деятельности москвичей, с нашей точки зрения, представляют собой инструментальные ориентации, как средства достижения целей на определенном этапе жизнедеятельности. Они задают иерархию индивидуальных предпочтений, уровень притязаний в среднесрочной или актуальной перспективе.

Главной жизненной целью/достижением для большинства наших респондентов является создание своей семьи. Высокий рейтинг семьи в системе ценностей москвичей подчеркивает важность для каждого семейных традиций и обычаев. Однако реальный брачный статус свидетельствует о позднем вступлении в брак. К 30 годам 38% опрошенных состояли в официально зарегистрированном браке или проживали в «гражданском браке» (сожительство).

Таблица 2

Сколько детей респонденты хотели бы иметь в течение жизни, по возрастным группам
(% от опрошенных по группам)

Вариант ответа	Возраст респондентов, лет											
	18 – 19	20 – 24	25 – 29	30 – 34	35 – 39	40 – 44	45 – 49	50 – 54	55 – 59	60 – 64	65 – 69	70 и более
1. Не хотел(а) бы иметь детей	0.0	17.5	8.1	8.9	4.8	7.4	1.9	0.0	5.0	2.2	4.9	2.7
2. Одного ребенка	58.3	27.5	18.9	28.9	20.6	13.0	15.1	26.2	20.0	15.2	24.4	14.9
3. Двух детей	25.0	37.5	32.4	40.0	34.9	57.4	52.8	31.0	25.0	37.0	29.3	33.8
4. Трех детей	0.0	10.0	27.0	13.3	33.3	11.1	17.0	31.0	27.5	19.6	24.4	23.0
5. Трех и более детей	0.0	2.5	10.8	8.9	4.8	7.4	5.7	11.9	22.5	21.7	14.6	18.9
6. Затрудняюсь ответить	16.7	5.0	2.7	0.0	1.6	3.7	7.5	0.0	0.0	4.3	2.4	6.8
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Несмотря на изменение образа семьи у современных молодых людей, по мнению жителей столицы, наибольшую значимость имеют такие базовые компоненты семейного благополучия и социального развития, как «взаимная любовь», «взаимное уважение», «взаимная поддержка супругов», «сохранение верности партнеру», «согласие супругов по всем ключевым вопросам». А наиболее приемлемая для респондентов форма взаимоотношений внутри семьи – когда супруги равны, все вопросы решаются совместно.

Отметим: чаще выбирали позицию «когда супруги равны, все вопросы решаются совместно» респонденты в возрасте от 18 до 49 лет и женщины. Позицию «когда муж является главой семьи, сам принимает основные решения» чаще выбирали мужчины. Несовпадение реального и желаемого количества детей можно интерпретировать целым рядом факторов, которые сделали повседневную жизнь наших респондентов далекой от идеальной: это состояние здоровья, материальные и жилищные проблемы, отсутствие подходящего партнёра, неустроенность личной жизни, поздние браки.

Примечания

1. Федеральная служба государственной статистики. Оценка численности постоянного населения (тысяч человек). URL: [77.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Оценка%20численности%20постоянного%20населения%20\(на%2001.01.2023%20г.\).htm](https://77.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Оценка%20численности%20постоянного%20населения%20(на%2001.01.2023%20г.).htm) (дата обращения: 14.10.2024).

2. Мукомель В.И. Межэтнические отношения в России: вызовы и перспективы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 117–135; Тишков В.А. Этничность и миграция в современной России // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 24–35; Дроби-

жева Л.М. Этническая идентичность и межэтнические браки в России // Этнографическое обозрение. 2015. № 3. С. 45–58; Флоринская Ю.Ф. Межэтнические браки в России: тенденции и последствия // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 55–65; Kalmijn M. Intermarriage and Homogamy: Causes, Patterns, Trends // Annual Review of Sociology. 1998. 24. P. 395–421; Qian Z., Lichter D.T. Social Boundaries and Marital Assimilation: Interpreting Trends in Racial and Ethnic Intermarriage // American Sociological Review. 2007. 72 (1). P. 68–94.

Список литературы

- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991a. 1991.
- G.H. Mead. Mind, self and society. Chicago, 1934. P. 135–144, 164–178, 192–200.
- Allport G.W. Personality: A psychological interpretation. New York: Holt, Rinehart, & Winston, 1937.
- Riesman D., Glaser N., Danney R. Lonely crowd. The study of American character. New York, 1950.
- Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. Glencoe: Free Press, 1955. P. 10–26.
- Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Речь, 2000. 320 с.
- Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. N.Y., 1958.
- Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: «Прогресс», 1994.
- Rosenberg M. 1965, Society and the adolescent self-image, Princeton University Press, Princeton NJ.
- Рокич М. Природа человеческих ценностей // Свободная пресса. 1973. № 5. С. 20–28.
- Максименко А.А. Социологическая интерпретация понятия «ценность» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 284–291.
- Бурукина О.А. Перспективные подходы к исследованию ценностей в междисциплинарной парадигме // Философская мысль. 2023. № 12. С. 1–20.
- Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 89–105.

14. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–23.
15. Корж Н.В., Щанина Е.В. Сравнительная характеристика ценностных ориентаций разных поколений россиян // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2016. № 1 (37). С. 143–152.
16. Ярычев Н.У. Система ценностных ориентаций в разрезе поколений // Евразийский научный журнал. 2016. № 2. (февраль). DOI: 10.17223/17267080/72/3. URL: <https://journalpro.ru/articles/sistema-tsennostnykh-orientatsiy-v-razreze-pokoleniy/> (дата обращения: 19.05.2024).
17. Ковалев В.В. Трансформация ценностей в российском обществе: новые вызовы и старые стереотипы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 1. С. 29–33.
18. Магун В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44–58.
19. Башкирова Е.И. Трансформация ценностей российского общества // Полис. Политические исследования. 2000. № 6. С. 51.
20. Дубровин В.Л. Трансформация ценностей в сегодняшней реальности на примере кино- и сериального контента // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 2. С. 65–72.
21. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Трансформация системы трудовых ценностей занятого населения // Социально-трудовые исследования. 2022. 46 (1). С. 164–176.
22. Назаров М.М. Ценностные ориентации и глобальные вызовы // Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году: Монография / Н.В. Березина, И.Я. Богданов, Н.М. Великая [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 341–359.
23. Мареева С.В. Ценностные ориентации и представления среднего класса о желаемом векторе развития страны // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 55–63.
24. Кузина И.Г., Винокурова А.В. Социальные и личностные факторы трансформации ценностных ориентаций семьи в современном российском обществе // Вестник Дальневосточного государственного технического университета. 2009. № 1 (1). С. 156–173.
25. Фомичёва Т.В., Катаева В.И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. 2 (212). С. 80–84.
26. Миронец Е.В. Ценностные ориентации молодежи в условиях современного города и урбанизационных процессов: Автореф. дис. ... к. соц. н. Майкоп, 2004.
27. Алмакаева А.М., Настина Е.А. Базовые ценности и практики социального участия в России // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 56–67.
28. Леонидова Г.В., Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Исследование ценностей населения с традиционными и современными взглядами // Проблемы развития территории. 2017. Вып. 5 (91). С. 88–106.
29. Афанасов Н. О современности и своевременности традиционных ценностей // 2024. Patria. 1 (1). Р. 30–49.
30. Баева Л. Традиционные ценности: понятие и смыслы // Patria. 2024. 1 (3). Р. 8–22.
31. Ретивина В.В. Трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2019. Т. 29. № 1. С. 57–63.
32. Ретивина В.В. Трансляция трудовых ценностей и установок в современной семье // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 1/40. С. 171–179.
33. Фомичева Т.В. Ценность работы для современных россиян (по результатам кросс-культурных исследований) // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 136–141.
34. Безнощенко Е.А. Семья в системе ценностных установок современного общества // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2010. № 4. С. 54–58.
35. Холин Н.Д. Ценность семьи в понимании российской молодежи: теоретический анализ трансформации понятия // Казанский педагогический журнал. 2019. № 1. С. 209–112.
36. Кучмаева О.В., Кучмаев М.Г., Петрякова О.Л. Трансформация института семьи и семейные ценности // Вестник славянских культур. 2009. № 3 (13). С. 20–29.
37. Антонов А.И., Борисов В.А. Кризис семьи и пути его преодоления. Научный доклад. М.: АН СССР, Институт социологии. 1990.
38. Гуриева С.Д., Юмкина Е.А., Васина Е.А., Кузнецова И.В. Ценностные ориентации в семье: социально-психологический анализ // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 3. С. 38–59.
39. Белехова Г.В., Ивановская А.Л. Удовлетворенность балансом труда и семьи: взгляд работающих женщин (региональный аспект) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 1. С. 209–222. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.11.
40. Разумова Т.О., Алёшина А.Б., Серпухова М.А. Баланс семья-работа в условиях изменений качества трудовой жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 3. С. 24–37.
41. Савинская О.Б. Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. 16 (2). Р. 142–167.
42. 2017–2021 World Values Survey wave 7 master survey questionnaire. URL: <https://lcsr.hse.ru/en/news/381215652.html> (дата обращения: 01.10.2024).
43. Публикации Всемирного обзора ценностей. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 01.10.2024).
44. Осадчая Г.И., Волкова О.А., Юдина Т.Н., Рославцева М.В. Семейные ценности и ролевые установки мигранток из Центральной Азии // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 84–100.
45. Мукомель В.И. Межэтнические отношения в России: вызовы и перспективы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 117–135.

46. Тишков В.А. Этничность и миграция в современной России // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 24–35.
47. Дробижева Л.М. Этническая идентичность и межэтнические браки в России // Этнографическое обозрение. 2015. № 3. С. 45–58.
48. Флоринская Ю.Ф. Межэтнические браки в России: тенденции и последствия // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 55–65.
49. Kalmijn M. Intermarriage and Homogamy: Causes, Patterns, Trends // Annual Review of Sociology. 1998. 24. P. 395–421.
50. Qian Z. & Lichter D.T. Social Boundaries and Marital Assimilation: Interpreting Trends in Racial and Ethnic Intermarriage // American Sociological Review. 2007. 72 (1). P. 68–94.
51. Кучмаева О.В. Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12. № 2. С. 70–82.
52. Репродуктивные установки россиян. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01039/opros02.php> (дата обращения: 01.10.2024).

FAMILY AND WORK IN THE SYSTEM OF VALUES OF MUSCOVITES

G.I. Osadchaya, T.N. Yudina

Institute of Demographic Research RAS

The article describes the features of the author's approach to the analysis of the subject of research, substantiation of the empirical object—the population of Moscow, a review of previous research on the topic. The purpose of the article is, based on the analysis of the results of a sociological study, to identify the role, place of family and work in the value system of residents of the capital, as the leader of the evaluative and value attitude to the social reality of modern Russia. The methodological strategy includes a questionnaire survey and focused interviews of Muscovites conducted in December 2023 and April 2024. (respectively).

It was revealed that in the rating of Muscovites' values, the first three places are occupied by: "A strong family, children", "To have an interesting job that allows you to show your abilities and talents" and "To be a rich man so as not to deny yourself anything", it is justified that in the context of our study these values are instrumental orientations Muscovites, as a means of achieving goals at a certain stage of life. They set the hierarchy of individual preferences, the level of claims in the medium or current term. The meanings of the chosen alternatives put into them by informants are revealed.

It is proved that the meaning-forming value in the long term, the main life goal/achievement for most of our respondents is to create their own family. The dependence of family creation, marital status, attitudes towards interethnic marriage, and reproductive attitudes on the age of the respondents is shown. The ideas about the basic components of family well-being and social development in the opinion of residents of the capital and the most acceptable form of relationships within the family for respondents were revealed.

Keywords: values, family, work, Muscovites.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2025_2_165

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ ВОЗРАСТНОЙ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ

© 2025 г.

Т.Б. Рябова

Рябова Татьяна Борисовна, д.соц.н.; проф.; профессор кафедры социологии и управления персоналом
Санкт-Петербургского государственного экономического университета;
ведущий научный сотрудник
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
riabova2001@inbox.ru

*Статья поступила в редакцию 14.02.2025**Статья принята к публикации 17.04.2025*

Анализируются социальные представления россиян о преемственности поколений в контексте роли возрастной стереотипизации в политике. Исследование основано на данных социологического исследования, проведенного в Санкт-Петербурге, Иванове и Махачкале. В статье показано, что возрастные стереотипы являются фактором оценки гражданами политического поведения и политических предпочтений акторов, принадлежащих к разным возрастным группам. Представления о возрастных особенностях влияют на оценку межпоколенческой трансляции политических ценностей в России: в семье и в обществе в целом. Проанализированы представления информантов о политической преемственности поколений как ценности, а также оценка опасности поколенческого раскола в обществе.

Установлено, что возрастные стереотипы оказывают влияние на социальные представления россиян о факторах преемственности поколений в российском обществе; большинство участников интервью расценивают преемственность поколений как значимый фактор безопасности социума и его развития и используют при обосновании этого возрастные стереотипы; в российском обществе существует запрос на межпоколенческий диалог; различия в социальных представлениях информантов по исследуемому вопросу определяются прежде всего их политическими предпочтениями и в меньшей степени их возрастом и национально-культурной принадлежностью.

Ключевые слова: преемственность поколений, семья, возрастные стереотипы, поколенческий разрыв, общественное мнение в России, политические ценности.

Введение

Преемственность поколений – одна из ценностей, которая согласно указу Президента РФ отнесена к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, – имеет несколько измерений, среди которых важное место занимает политическое. Изменения в политической жизни социума, в политических представлениях и паттернах политического поведения являются необходимыми и неизбежными. Вместе с тем здоровое общество предполагает преемственность важнейших политических ценностей. Особая роль в обеспечении преемственности принадлежит семье: от коммуникации в семье зависят и политическая социализация подрастающего поколения, и необходимый уровень единства общества.

Вопрос о межпоколенческом диалоге неоднократно становился предметом исследований, в том числе социологов; особенности взаимодействия различных поколений в обществе анализировались и как теоретическая проблема [1–4], и

как проблема прикладная: в частности, в проектах российских ученых была изучена проблема преемственности культурного и исторического наследия от поколения к поколению [5–7]. Результаты проекта Российского общества социологов «Культурное наследие и связь поколений» (2022 г.) показали многоаспектность поставленных и решаемых социологами задач. Проблема преемственности поколений затрагивались и в политической науке, внимание было привлечено к использованию маркеров поколений и возраста в процессах мобилизации, легитимации, политики идентичности [8–12]. Целью настоящей статьи является исследование социальных представлений о политической коммуникации различных поколений в контексте возрастной стереотипизации. Как именно влияют возрастные стереотипы, устойчивые, упрощенные, разделяемые в обществе представления о специфике возраста, на оценку межпоколенческого диалога в обществе?

В рамках реализации проекта РНФ было проведено социологическое исследование

«Возраст и власть: возрастная стереотипизация в современной российской политике»¹ (полустандартизированное интервью; $n = 48$, осень 2023 г.) в Санкт-Петербурге, Махачкале, Иванове – городах, которые были отобраны по причине различия их размеров, уровня политической активности, особенностей, связанных с национально-культурными традициями отношения к возрасту. Возраст и пол выступили квотами для отбора информантов; учитывались политические предпочтения участников интервью, они определялись в ходе интервью с помощью открытого вопроса о поддержке политиков, партий, политической идеологии.

На материале результатов социологического исследования мы проанализировали такие вопросы, как содержание и функции возрастных стереотипов, разделяемых информантами, использование маркеров возраста в политике российской идентичности, потенциал дискурса возраста в создании образов врага [8; 12; 13], привлечение возрастных стереотипов (например, представлений о специфике детского возраста) в процессы политической мобилизации [9; 10; 12]. Некоторые результаты этого исследования, которые и представлены в настоящей статье, помогают лучше понять проблему политической коммуникации между различными российскими поколениями. Предметом анализа, таким образом, выступает мнение россиян о преемственности поколений в стране в контексте возрастной стереотипизации.

Вначале мы рассмотрим представления россиян о возрастных различиях, прежде всего тех, которые имеют значение для политической сферы. Далее речь пойдет о том, как представления о возрастных особенностях влияют на оценку межпоколенческой трансляции политических ценностей в России: в семье и в обществе в целом. Наконец, проанализируем, воспринимают ли информанты политическую преемственность поколений как ценность и в какой мере они считают опасным поколенческий раскол в обществе.

Настоящее исследование основано на конструктивистском понимании возраста, акцентирующем социально детерминированный, изменчивый, контекстуально обусловленный характер представлений о возрастных различиях. Релевантными политике выступают скорее «воображаемые», а не реальные поколения (о подходах к интерпретации поколений см. [14; 15; 16], о воображаемых поколениях см. [22; 8]). «Немощные старики» и «неразумные дети», таким образом, являются «воображаемой» реальностью. Объективные различия, которые лежат в основе социальных границ между поко-

лениями, могут при этом преувеличиваться или преуменьшаться; в соответствии с теорией социальных стереотипов происходит гомогенизация группы, являющейся объектом стереотипизации². Такой подход к пониманию поколения дает новый импульс исследованиям возрастной стереотипизации, поскольку позволяет изучать использование в политическом дискурсе таких высказываний, как, например, «инфантильные элиты ЕС», «президент России – единственный взрослый политик» (см. об этом [12]); с их помощью переносят на объект стереотипизации всю сумму значений, приписываемых тому или иному возрасту. Для оценки акторов политики – всех участвующих в политическом процессе – используются характеристики воображаемых поколений. Не менее значимо, что в дискурсе возраста значения поколений постоянно пересоздаются политическими акторами намеренно, в зависимости от их политических целей.

Возрастные различия: политическое измерение

В ходе проведенных нами за последние годы исследований были установлены тенденции влияния возрастных стереотипов (устойчивых, упрощенных, эмоционально окрашенных, разделяемых в обществе представлений о специфике возрастных групп) на отношение к политикам [8; 9]. Наиболее предпочтительным был назван средний/зрелый возраст; именно ему приписывались те характеристики, которые являются атрибутами власти *per se* (сила, самообладание, объективность, реализм, способность договариваться [8; 10]); в меньшей мере этими качествами наделялось старшее поколение политиков и еще в меньшей – молодое; при этом в оценках деятельности политиков и должностных лиц фигурировали не только сами стереотипы молодости, зрелости, старости, но и их составляющие («бесстрашие юности», «опыт старшего поколения»). В контексте настоящей статьи важно, что представления о специфике возраста используются гражданами для характеристики политического поведения и политических предпочтений избирателей, принадлежащих к разным возрастным группам.

Тенденция оценки среднего возраста как наиболее подходящего для принятия политических решений обнаруживает себя в отношении не только политиков, но и избирателей – граждан, которые делают свой выбор на избирательном участке, подписывают петиции, участвуют в работе политических организаций. Такое мнение высказали подавляющее большинство информантов, независимо от их возраста, пола,

региона проживания. При этом аргументация в защиту достоинств среднего возраста используется практически та же, что и при оценке политиков. Люди среднего возраста, по мнению информантов, сохраняя энергичность, активность, инициативность молодости, в то же время приобретают опыт и компетентность. Кроме того, они в состоянии быть выдержанными и уже лишены юношеского максимализма в принятии решений. Они крепко стоят на ногах и встроены в социальные связи, что дает им и дополнительную ответственность, и дополнительные возможности. Важна еще одна характеристика: они способны договариваться и могут пойти на компромисс. Наконец, люди этого возраста, как указала значимая часть опрошенных, могут говорить и с молодежью, и со старшими на их языке.

Что касается преимуществ граждан старшего возраста, то их большинство участников интервью видело в опыте и житейской мудрости; нередко указывалось на наличие свободного времени. Среди достоинств молодежи, влияющих на специфику ее политического поведения, называют энергию и силу, энтузиазм и бесстрашие, гибкость ума, креативность, открытость к обучению.

Однако информанты отмечают и те особенности того или иного возраста, которые, по их мнению, мешают полноценно участвовать в политическом процессе. Граждане старшего возраста нередко наделяются ригидностью мышления, нехваткой жизненной энергии, страхом и нерешительностью, сложностями в коммуникации с молодежью. В свою очередь, бесстрашие молодости, по мнению информантов, легко перерастает в безрассудство, импульсивность – в несдержанность; максимализм – в радикализм; недостаток опыта и компетентности ведет к особой подверженности молодежи чужому влиянию. Отметим, молодежи «инкриминируются» и сложности в диалоге со старшими («они не умеют договариваться»).

Участники интервью отмечали наличие возрастной специфики и в политических ценностях россиян и подчеркивали влияние этого фактора на политические процессы в современной России. Свобода более значима для молодежи – этот тезис не вызвал практически никаких разногласий. Молодежной повесткой, по общему мнению, являются вопросы экологии и борьба за права женщин. Старшие граждане отстаивают традиционные ценности в наибольшей степени. Свободу предпринимательства, хорошие условия для бизнеса, независимость и престиж государства сочли ценностью граждан среднего и старшего возраста (хотя при упоминании свободы предпринимательства нередко возникала

и тема молодежи). Социальную справедливость назвали общей ценностью, но все же, как предполагала значительная часть опрошенных, для молодых это может быть не столь существенно [11]. Заметим, что представления о том, какие ценности разделяет молодежь или иные возрастные группы, иногда совпадают, а иногда и не совпадают с реальными ценностными предпочтениями граждан разного возраста. Опрос ФОМ, проведенный в 2011 г., показывает большую близость ценности справедливости пожилым россиянам, а ценности достатка – молодежи. В опросе ВЦИОМ (февраль 2024 г.) привлекается внимание к тому, что различные возрастные группы вкладывают различное содержание в ценности. Так, молодежь до 25 лет чаще понимает социальную справедливость как создание условий для самореализации, а возрастная группа 35–44-летних – как равный уровень жизни для всех граждан ([23; 24]; см. результаты исследований социологов также в [25]).

Межпоколенческий диалог: преемственность или разрыв?

Важнейший вопрос исследования был связан с интерпретацией гражданами проблемы преемственности поколений в политике: прежде всего политических ценностей (например, таких, как любовь к Родине или народовластие), а также, хотя и в меньшей степени, политических симпатий и паттернов политического поведения. Прежде всего, мы уточнили у респондентов, как обстоит дело с коммуникацией «отцов» и «детей» в их семьях [см. также исследования о роли преемственности в межпоколенческой семье 26].

Большая часть информантов констатировали, что в их собственной семье есть взаимопонимание между близкими людьми; старшие и младшие прислушиваются друг к другу. Особенно часто так говорили опрошенные из Махачкалы; представители старшего поколения высказывали надежду, что они являются авторитетом для своих детей, молодежь тепло отзывалась о старших:

В нашей семье и младшие прислушиваются к старшим. И старшие поколения прислушиваются к молодежи (Райганат, 63 г., Махачкала, «политически индифферентна»);

Среди моих близких мнение старших очень важно (Надирбек, 22 г., Махачкала, «политически индифферентен»).

В меньшей степени подобную позицию разделяли информанты в Санкт-Петербурге и Иванове. Одни представители среднего и старшего поколения лишь констатировали свое несогласие в политических оценках с молодежью, дру-

гие сетовали, что для молодежи их мнение не имеет значения (*Совершенно никакого не имеет! Я говорю, бывает, внуку – ну послушай ты, ну я же жизнь прожила, все это уже видела...* (Илона, 72 г., Санкт-Петербург, «за Путина»)). Молодые информанты чаще ограничивались ответом, что по политическим вопросам советуются со старшими редко.

Характеризуя уровень преемственности поколений в обществе, участники интервью рисовали более сложную картину. С одной стороны, опрошенные практически единодушно ответили на вопрос о том, какое поколение лучше понимает интересы и потребности других – это люди среднего возраста:

Для этого возраста характерна близость с другими возрастными группами. У них, возможно, есть дети, и они понимают молодежь, у них есть и родители, и они понимают потребности своих родителей. Золотая середина (Ирина, 59 л., Санкт-Петербург, «за «Яблоко»).

С другой стороны, ответы на вопрос о том, кто – молодежь или старшее поколение – является авторитетом при принятии решений за кого голосовать, какую оценку дать тому или иному политическому событию, были разные. Лишь небольшая часть опрошенных высказали убеждение в том, что мнение старших о политике значимо для молодежи. Большинство было уверено, что ни мнение молодежи не является значимым для старших, ни мнение старших – для молодых людей: молодежь идет своим путем и ни к кому не прислушивается.

Несовпадение позиции молодежи и старшего поколения объяснялось участниками интервью рядом факторов. Наиболее часто в качестве причины указывалось, что молодежь, в отличие от старшего поколения, пользуется разнообразными источниками информации – так отвечали информанты всех возрастов и политических предпочтений. При этом сторонники либеральной идеологии подчеркивали неизбежность разногласий поколений и утверждали, что в целом подобные разногласия следует оценивать позитивно. Те участники интервью, которые позиционировали себя как сторонники власти, при этом нередко высказывали мнение, что эти разнородные источники информации могут нести реальную опасность, поскольку с их помощью можно манипулировать молодыми людьми.

Для старшего и среднего поколения авторитетно то, что рассказывают по телевизору, и то, что они сами видят... А молодежь в основном авторитетами избирают чуть постарше себя. Эти авторитеты, как инфекции... Где они берут эту информацию? Наверное, с европейских каких-то блогов (Денис, 44 г., Иваново, «за Путина»).

Респонденты старшего возраста, и это примечательно, значительно чаще сообщали, что они сами, а также их ровесники прислушиваются к мнению молодежи о политике. Особую приверженность этой точке зрения демонстрировали участники интервью из Махачкалы:

Старшие поколения прислушиваются [к молодежи], да. Молодые все умные, с образованием (Илона, 72 г., Санкт-Петербург, «за Путина»);

К мнению молодежи, если оно адекватно, нужно прислушаться (Саид, 54 г., Махачкала, «за КПРФ»).

Для уточнения социальных представлений о преемственности поколений в нашей стране мы предложили информантам сравнить ситуацию в России с межпоколенческой коммуникацией в других странах. Значительная часть информантов признались, что плохо представляют себе, как обстоит дело с межпоколенческим диалогом за пределами России; однако отсутствие знаний побуждало их предлагать собственные версии, в которых интерес представляют мнения о том, какими факторами определяется успешность коммуникации между различными возрастными группами в политике.

Один из таких факторов – демографический. Так, говоря о КНР, несколько опрошенных высказали предположение о том, что высокий удельный вес молодежи в населении страны, вызванный высокой рождаемостью, определяет большее внимание к суждениям молодого поколения о политике. Другие информанты, отвечая на вопрос, использовали свои представления о преемственности поколений в странах ЕС. По их мнению, старение населения Евросоюза означает, что оно становится все более однородным в возрастном отношении, и это снижает вероятность серьезных противоречий между поколениями.

Значительно чаще информанты апеллировали к типу политической системы и особенностям политической культуры других стран, хотя одни и те же факторы получали различную интерпретацию. Характеризуя ситуацию в США, одни респонденты отмечали, что преемственность поколений там выше, чем в России, поскольку в условиях демократии люди привыкли выслушивать мнения, отличающиеся от их собственного; другие – ниже, так как для американской культуры характерен индивидуализм, а потому и меньшая зависимость людей друг от друга. Аналогичным образом оценивались страны Евросоюза. Сторонники либеральной идеологии объясняли преемственность поколений в европейских странах свободой слова (*В ЕС проще найти точки соприкосновения разным поколениям, хотя бы потому, что люди могут от-*

крыто выражать свои мнения (Ирина, 59 л., Санкт-Петербург, «за «Яблоко»)). Сторонники же власти постулировали отсутствие взаимопонимания между поколениями в Европе, утверждая, что там «каждый думает сам за себя» (Надирбек, 22 г., Махачкала, «за Путина»).

Характеристики политического строя респонденты привлекают и для оценки преемственности поколений в КНР (В Китае одна государственная идеология, значит, меньше почвы для непонимания (Арина, 59 л., Санкт-Петербург, «за КПРФ»); Там политическое устройство, как в Советском Союзе... Преемственность поколений там есть... все регламентировано и расписано достаточно жестко (Борис, 55 л., Санкт-Петербург, «за Путина»)). Приверженность коммунистической идеологии информанты вспоминали и при оценке межпоколенческого диалога на Кубе (Там Советский Союз (Ольга, 57 л., Иваново, сторонница либеральной идеологии)).

Оценивая преемственность поколений в странах Средней Азии, информанты были достаточно единодушны. Отмечая недостаточность своих знаний ситуации в этом регионе, большинство из них все же выказывали убежденность в том, что эти страны отличает преемственность поколений; среди причин часто назывались сильные позиции ислама и приверженность традициям. Одним из наиболее очевидных проявлений этой преемственности называли nepoтизм, широко распространенный, по мнению участников интервью, в этих культурах.

Что касается Украины, то радикальный разрыв с советским прошлым расценивается информантами и как разрыв между старшим, «советским», поколением и молодежью, ориентированной на Запад: На Украине нет никакого уважения к старшему поколению. Там все уже с развалом Советского Союза ушли в западную культуру (Саид, 54 г., Махачкала, «за КПРФ»).

Преемственность поколений как политическая ценность

Насколько серьезной является проблема межпоколенческого разрыва в современной политике? Часть респондентов отметили, что никаких противоречий между поколениями в политике у нас нет – ни во взглядах, ни в оценках, ни в поведении. Но многие отмечали наличие серьезных разногласий и оценивали эти разногласия как негативный фактор, порождающий проблемы в обществе («разрозненность», «недоверие друг к другу», «нежелание объясняться»):

Сейчас такая пропасть между старшим и младшим поколением, что, конечно... ни о ка-

ком авторитете старших нет и речи (Ксения, 32 г., Санкт-Петербург, «за КПРФ»).

Одна часть опрошенных считают подобные разногласия естественным процессом: конфликт «отцов» и «детей» вечен и неизбежен; когда «дети» повзрослеют, то все будет в порядке (*Потому что бывает, что ...когда ты молод, тебе кажется, что ты лучше знаешь, как надо* (Айшат, 63 г., Махачкала, «за Путина»)). Сторонники власти в качестве причины появления подобных практик нередко называли влияние западной пропаганды или даже усилия западных спецслужб, которые стремятся расколоть общество, в том числе по возрастному признаку; раскол социума по линии поколений представляет собой опасность для страны. Информанты, поддерживающие оппозицию, упрекают власть за то, что она, по их мнению, сама провоцирует недоверие между поколениями [15].

Мы предложили респондентам высказать свою точку зрения в отношении используемого оппозицией мема «Спрячь бабушкин паспорт!», призывающего молодежь ограничить участие в выборах представителей старшего поколения своей семьи, которые якобы всегда поддерживают власть [12]. Большинство опрошенных, причем представители различных возрастных групп, увидели серьезную угрозу для российского общества в самом наличии таких политических практик («может углубить недоверие между поколениями», «может ослабить страну», «привести к расколу», к «нестабильности общества и государства», к «волнениям», к «радикализации молодежи»).

Приведем в заключение мнение двух молодых респондентов различных политических ориентаций, показывающих общую обеспокоенность возможностью углубления противоречий между поколениями:

Ну, конечно, это опасно, потому что все-таки всем нам жить в одной стране, нужно находить общий язык, как бы это порой ни было тяжело (Евгений, 19 л., Санкт-Петербург, «за партию «Новые люди»»);

К разрозненности [приведет]! Народ должен быть более или менее един, потому что иначе это к очень большому каким-то неприятностям может привести... Единство народа – это очень такая важная тема в политике... (Виктория, 18 л., Иваново, «за Путина»).

Заключение

Подводя итоги, заметим, что, как показывает наше исследование, возрастные стереотипы оказывают влияние на представления россиян о преемственности поколений в российском обществе, в том числе и преемственности в политических ценностях.

Возрастные стереотипы являются фактором оценки гражданами политического поведения и политических предпочтений акторов, политиков и избирателей, принадлежащих к разным поколениям. Приоритет отдается среднему/зрелому возрасту; ему приписывались те характеристики, которые являются атрибутами власти *per se* (сила, самообладание, объективность и другие); в меньшей мере этими качествами наделялось старшее поколение политиков и еще в меньшей – молодое; в оценках деятельности политических акторов из разных поколений фигурировали не только сами стереотипы молодости, зрелости, старости, но и их составляющие («бесстрашие юности», «опыт старшего поколения»). Эта тенденция проявляется и в оценках готовности различных поколений к межпоколенческому диалогу, в том числе по политическим вопросам. Граждане среднего возраста лучше понимают потребности других поколений, что обуславливает и их успешность в межпоколенческом диалоге. Представления о возрастной специфике используются в объяснении сложностей в политической коммуникации.

Несмотря на разрыв в ценностях, паттернах взаимодействия, технологической компетентности разных возрастных групп, в российском обществе существует запрос на взаимопонимание поколений – и со стороны молодежи, и со стороны старшего поколения. Взгляды информантов на преемственность поколений в других странах также показывают приоритетность фактора политической организации общества при оценке перспектив межпоколенческого диалога. Различия в социальных представлениях информантов по исследуемому вопросу определяются прежде всего политическими предпочтениями и в меньшей степени их возрастом и национально-культурной принадлежностью. Большинство участников интервью полагают, что преемственность поколений является значимым фактором безопасности социума и его развития, что следует учитывать органам государственного управления в молодежной и информационной политике.

Примечания

1. Интервью осуществлялось силами исследовательского коллектива РГПУ им. А.И. Герцена (Т.Б. Рябова, Л.Л. Клещенко, Е.О. Цалко, О.В. Рябов). За работу с информантами в Дагестане выражаем благодарность У.К. Мутаеву.

2. Закономерности возрастной стереотипизации, как и закономерности социальной стереотипизации в целом, активно исследовались [18–20]; в российской науке проблематика затрагивалась преимущественно в контексте изучения представлений о той или иной возрастной группе [21; 22].

Список литературы

1. Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: НЛЮ, 2005.
2. Stoker L. Reflections on the Study of Generations in Politics // *The Forum: A Journal of Applied Research in Contemporary Politics*. 2014. Vol. 12. № 3. P. 377–396.
3. Козырева П.М., Смирнов А.И. Взаимодействие поколений в современной России: эволюция сближения // *Социологические исследования*. 2021. № 11. С. 49–60.
4. Лебедева Л.Г. Социоинституциональные основы преемственности поколений в современном российском обществе. Дис. ... к.социол.н. Самара, 2017. 161 с.
5. Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Засыпкин В.П. и др. Культурное наследие: от «дедов» к «отцам» и «внукам» // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2023. № 2. С. 18–28.
6. Мансуров В.А., Иванова Е.Ю. Общее и особенное в национально-культурной идентификации современной молодежи на примере студентов различных профилей обучения // *Культурное наследие и связь поколений*. Нижний Новгород, 2023. С. 359–370.
7. Джанджгава Л.Т., Ореховская Н.А. Историческая преемственность духовного опыта поколений в современном российском обществе. Гуманитарные науки // *Вестник Финансового университета*. 2022. № 12 (6). С. 12–18.
8. Рябова Т.Б. Возраст власти? «Воображаемые поколения» и доверие к политикам в социальных представлениях современных россиян // *Комплексные исследования детства*. 2021. Т. 3. № 1. С. 5–13.
9. Клещенко Л.Л. «Поколенческий разрыв» в дискурсе современных российских либеральных медиа // *Комплексные исследования детства*. 2021. № 1. С. 23–37.
10. Рябова Т.Б. Возрастная стереотипизация в современной политике: к постановке проблемы // *PolitBook*. 2024. № 3. С. 6–21.
11. Цалко Е.О. Возрастная стереотипизация ценностей поколений // *PolitBook*. 2024. № 3. С. 83–95.
12. Рябов О.В., Рябова Т.Б. «Спрячь бабушкин паспорт!»: Дискурс возраста как ресурс конструирования образа врага // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2024. № 4. С. 173–183.
13. Рябов О.В. Гендерное измерение национализма: Методологические проблемы исследования // *Вестник Ивановского государственного университета*. 2008. № 3. С. 42–51.
14. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // *Социологические исследования*. 2004. № 10. С. 42–49.
15. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009.
16. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений: Необыкновенный Икс. М.: Синергия, 2019.
17. Дубин Б.В. Поколение: социологические границы понятия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2002. № 2. С. 11–15.

18. Kite M.E., Deaux K., Miele M. Stereotypes of young and old: Does age outweigh gender? // *Psychology and Aging*. 1991. Vol. 6. № 1. P. 19–27.
19. Hinton P. Stereotypes, cognition and culture. Hove: Psychology Press, 2000.
20. Schneider D.J. *The Psychology of Stereotyping*. New York: Guilford Press, 2004.
21. Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // *Социологические исследования*. 2008. № 8. С. 49–55.
22. Старикова М.М. Стереотипы старости и старения // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2011. № 2. С. 43–50.
23. Невечные ценности / ФОМ. 27.06.2011. URL: <https://fom.ru/TSennosti/10032> (дата обращения: 25.01.2025).
24. Социальная справедливость: мониторинг / ВЦИОМ. 24 февраля 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring> (дата обращения: 25.01.2025).
25. Старшее поколение современной России: Международная научно-практическая конференция. 13–14 октября 2021 г. / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021.
26. Саралиева З.Х., Судьин С.А. Многопоколенная семья в фокусе социологических исследований (опыт нижегородских социологов) // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 4. С. 86–95.

THE SUCCESSION OF GENERATIONS IN THE RUSSIANS' SOCIAL VIEWS IN THE CONTEXT OF AGE STEREOTYPING

T.B. Riabova

St. Petersburg State University of Economics
Herzen State Pedagogical University

The article analyzes the social perceptions of Russians about the continuity of generations in the context of the role of age stereotyping in politics. The study is based on the data of sociological research conducted in St. Petersburg, Ivanovo and Makhachkala. The article shows that age stereotypes are a factor in citizens' assessment of political behavior and political preferences of actors belonging to different age groups. Perceptions of age peculiarities influence the assessment of intergenerational transmission of political values in Russia: in the family and in society as a whole. Informants' perceptions of the political continuity of generations as a value, as well as the assessment of the danger of generational split in society were analyzed.

It is established that age stereotypes influence Russians' social perceptions of the factors of generational continuity in Russian society; the majority of interviewees regard generational continuity as a significant factor in the security of society and its development and use age stereotypes to justify it; there is a demand for intergenerational dialog in Russian society; the differences in informants' social perceptions on the issue under study are determined, first of all, by their political preferences and, in particular, by the age stereotypes.

Keywords: generational continuity, family, age stereotypes, generational gap, public opinion in Russia, political values.

УДК 316.3

DOI 10.52452/18115942_2025_2_172

РОЛЬ СЕМЬИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2025 г.

Г.С. Широкалова, Д.В. Шкурин

Широкалова Галина Сергеевна, д.соц.н.; проф.; ведущий научный сотрудник Приволжского филиала
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Н. Новгород
shirokalova@list.ru

Шкурин Денис Вадимович, к.соц.н.; доцент Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
vortexinform@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 10.11.2024**Статья принята к публикации 28.04.2025*

Анализируется роль семьи в процессе включения студенческой молодёжи в структуру трудовых отношений. Объект исследования – студенческая молодёжь России, предмет – взаимосвязь социально-трудовых ориентаций студенчества с родительской семьёй. Цель статьи – выявить роль родительских семей в обеспечении студентов в процессе их подготовки к трудовой деятельности. Представлены результаты онлайн-опроса студентов нижегородских вузов, проведённого в 2024 г. Российским обществом социологов «Семья в современной России: взгляд студенчества», его программа разрабатывалась на основе структурно-функционального анализа, в соответствии с требованиями которого были выделены основные структурные элементы объекта исследования и их функциональные взаимосвязи с семьёй респондентов, а также конкретный исторический анализ, требующий учёта обстоятельств жизни в определённой системе координат.

Теоретические источники и эмпирические данные позволяют сделать вывод, что трансформация социально-экономических отношений в стране оказывает решающее влияние на студента и его родительскую семью, корректируя стратегические жизненные цели и способы решения повседневных проблем. Являясь субъектами рыночных отношений, студенты, несмотря на одинаковый социальный статус, дифференцированы по многим показателям, в их числе выбор учебного заведения, уровень и источники дохода, стратегические цели. Вынужденное включение в трудовую деятельность, обеспечивающую материальную возможность получения образования, ориентация на трудовой старт после окончания вуза, часто не соответствующий профилю получаемой специальности, являются причинами снижения уровня подготовки будущих специалистов, ослабления связи с семьёй и территорией предыдущего проживания. Непоследовательность молодёжной политики государства, в том числе в сфере образования, нивелирует его ценность, ориентирует многих на получение диплома, но не профессиональных компетенций.

Ключевые слова: дифференциация студенческой молодёжи, семья, работа, профессия, социально-трудовые отношения, молодёжная политика.

Введение

Основы государственной молодёжной политики РФ определяют молодёжь как социально-демографическую группу «на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующуюся специфическими интересами и ценностями». Государство обязуется создать условия для её «самореализации ... во всех субъектах Российской Федерации», обеспечить «стимулирование трудовой, образовательной и социальной мобильности» [1, с. 3, 8]. Реализацию этих задач проанализируем на примере студенческой молодёжи.

При дефиниции студенчества особо подчеркивается, что это «...социально-профессиональная группа, характеризующаяся общим видом деятельности – учёбой в высших учебных заве-

дениях, ... самая активная часть молодёжи, для которой свойственно стремление к приобретению особого (элитарного) статуса в обществе» [2, с. 7]. На деле, транзит российского общества к неосословной структуре нивелирует значимость основных характеристик указанной социальной группы, сглаживая границы, отделяющие её от других социальных групп, в том числе не имеющих высшего образования. Обучение в вузе должно прежде всего готовить будущего специалиста к включению в профессиональную деятельность, предполагающую максимальное ознакомление с её различными сторонами, но процессы, протекающие на «стыке» высшей школы и сферы труда, весьма противоречивы. И хотя доля безработных среди имеющих высшее образование в 2023 г. составляла 1.9% (2020 г. – 4%), что меньше, чем в любой другой группе,

выделяемой по уровню образования, среди всех безработных она достигала 21.3% (в 2020 г. – 24.1%) [3, с. 123–125]. Напомним, что «безработными признаются трудоспособные граждане, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней». Все ли выпускники вузов регистрируются в службах занятости, предлагающих лицам без трудового стажа месячное пособие в 1611 рублей [4] и чаще всего малооплачиваемые и непрестижные рабочие места? Вопрос из разряда риторических. Официальные данные о трудоустройстве выпускников тоже относительно: ведь это рейтинговый показатель со всеми вытекающими отсюда для вуза последствиями.

Анализ ученых Российского государственного социального университета выявил «скрытые проблемные зоны трудоустройства ... получивших среднее профессиональное и высшее образование. Основные тренды: трудности при первичном трудоустройстве, связанные с отсутствием подтвержденного опыта работы, разграничение понятий «опыт работы» и «стаж», сложности при трудоустройстве выпускников гуманитарных направлений подготовки, высокая дифференциация заработной платы в зависимости от специальности и региона трудоустройства, барьеры трудоустройства, связанные с возрастом, гендером и другими признаками» [5, с. 178]. Раскроем подтекст фразы «трудности при первичном трудоустройстве, связанные с отсутствием подтвержденного опыта работы». Это означает, что при том уровне стипендии, которую имеет даже успевающий студент-бюджетник, он стоит перед выбором: либо работать, либо учиться. Сокращение полноценных практик, вызванное отказом от специалитета и переходом на бакалавриат, приводит к отсутствию у выпускника практических навыков работы по специальности в процессе учебы. Обеспечение повседневных потребностей требует трудоустройства по объявлениям типа «Подработка студентам. Рассмотрим без опыта в офис. Молодой коллектив. Гибкий график. 1900 руб. за смену». Происходит индивидуализация не только образовательных, но и жизненных траекторий на основе «гибких навыков», позволяющих быстро адаптироваться в ситуациях «риска».

Итак, причина несовпадения «стажа» и «опыта работы» по специальности, близкой к получаемой в вузе, в том, что «...сам процесс обучения требует определенных вложений, не говоря уже о финансовом сопровождении процесса обучения. Как следствие, студенты стано-

вятся наиболее финансово уязвимой группой в социальной структуре, что сказывается как на качестве их обучения, так и на дальнейших трудовых ориентациях» [6, с. 39].

В частности, по данным Skillbox и VK, «ежемесячные расходы 72% студентов не превышают 30 тыс. рублей. 32% опрошенных студентов стараются не выходить за рамки 10 тыс. руб. в месяц, а 14% – 20 тыс. руб. Более 40 тыс. руб. ежемесячно тратят только 11% студентов»; «Основным источником средств для 46% студентов, которые учатся в России, является помощь родителей и близких <...>, и только 15% опрошенных хватает стипендии. Наибольшие затраты приходятся на питание – 29%, жильё – 20%, включая аренду квартиры и коммунальные платежи. Расходы на транспорт составляют 18% от доходов студентов. Отмечается, что подобные траты знакомы в большей степени студентам, которые переехали для очного обучения в другие города. Кроме того, аналитики выяснили, что каждый десятый респондент поступает в университет или продолжает в нём обучение для сохранения места в общежитии» [7].

Заняты студенты в основном в услугоденежных сферах, не требующих профессиональной подготовки, предоставляющих гибкий график работы, причём возможность «чаевых» прямо оговаривается в рекламе работы в организациях по доставке товаров, что формирует моральную готовность к коррупции в будущем на любой должности: «ты мне – я тебе». По данным Росстата, в 1-м квартале 2024 г. «67.7% всего ВВП сегодня создает сектор услуг. Наиболее крупная отрасль этого сектора – оптовая и розничная торговля – 12.4%. Это почти столько же, сколько приходится на всю обрабатывающую промышленность. А по доле в общей занятости в российской экономике торговля даже превосходит всю обрабатывающую промышленность (15.3% против 14.0%)» [8].

Еще один информативный показатель, характеризующий тенденции создания востребованных рабочих мест, – юридическая регистрация организаций: за 2023 г. на первом месте направление «деятельность почтовой связи и курьерская деятельность» (на 53.70% больше регистраций, чем в 2022 г.), на втором – «деятельность по организации и проведению азартных игр и заключению пари, по организации и проведению лотерей» – больше на 47.50% [9].

Объединение высших учебных заведений и концентрация студентов преимущественно в крупных городах усиливает процесс превращения студенчества в одну из многослойных по социальному составу и уязвимых в условиях мегаполиса социальных групп, но их адаптация

в процессе учебы к требованиям городского рынка труда ведёт к «вымыванию» интеллигенции из провинции. Согласимся с Е.Н. Гоголевой: «...у студентов наблюдается разрыв между значимыми социальными подсистемами: материальное положение – образование – занятость. Социальные трансформации, происходящие в российском обществе, обуславливают неустойчивый социально-экономический статус современного российского студента и его маргинальное положение в системе общественного производства» [6, с. 37]. И это при том, что «среди родителей студентов сравнительно немного незанятых (безработных, неработающих пенсионеров, инвалидов и т.д.)», поэтому «социальная структура студенчества по сравнению с социальной структурой общества выглядит как более благополучная, является структурой «улучшенного» типа» [10, с. 252]. Впрочем, «улучшенный тип» требует определения точки отсчета. А она такова: по данным Росстата, «в 2023 году за чертой бедности в России находилось 13.5 млн россиян, или 9.3% населения», имели месячный доход менее 14339 рублей [11].

Окружающая действительность формирует у молодёжи (и не только) менталитет «разбитого окна»: то, что можно другим для достижения пропагандируемого/высокого/желаемого социального статуса, можно и мне. При этом не важны пути/средства достижения целей. В результате, оценивая свое поколение, молодёжь в возрасте 16–24 лет выделяет наиболее характерные отрицательные черты: беспечное отношение к жизни – 52.0%, увлечение спиртными напитками – 41.6%, равнодушие к окружающим людям – 40.1%, нежелание работать – 37.6%, легкомысленность, отсутствие интереса к событиям, происходящим в стране, мире – 27.2%, использование нечестных методов при достижении целей – 26.7%, легкомысленное отношение к семье – 26.7%, увлечение наркотиками – 23.3%, стремление зарабатывать много денег любой ценой – 22.3%, большое количество сексуальных связей – 22.3%, карьеризм – 9.4% [12, с. 131].

Проблемное поле повседневности неизбежно сказывается на особенностях процесса включения студентов в структуру социально-трудовых отношений: достижение «образовательного ценза при приеме на работу, необходимость получения трудового стажа одновременно с обучением как условия интеграции на рынке труда» [6, с. 38].

Материалы и методы исследования

Д.Л. Константиновский, проследив изменения профессиональных ориентаций молодежи

начиная с работ В.Н. Шубкина 1960-х годов до современности и отмечая его вклад как основателя нового направления в социологии образования, а также других авторов, работавших в данном направлении, отмечает необходимость конкретно-исторического анализа предпочтений молодежи, настолько стремительна смена предпочтений. «Важность последних перемен в социальном поведении молодежи в образовании и на рынке труда, о которых всего несколько лет назад и помыслить было бы странно, нельзя недооценивать. В них проявился значимый сдвиг в социальных ориентациях, более того – в настроениях общества» [13, с. 19]. Признавая значимость работ «первопроходцев» в исследовании молодежи, и мы вынуждены отметить, что их работы были выполнены в стране с принципиально иными социально-экономическими отношениями, обеспечивающими бесплатность образования, стипендию, достаточную для покупки продуктов, оплаты общежития, театра, дающей возможность долгосрочного планирования жизни при уверенности в завтрашнем дне. Соответственно, иным был и контингент исследуемых, большинство которых воспитывалось на коллективистских идеалах, в полных семьях, в доверительных отношениях между поколениями. При всей внешней схожести объектов, целей и задач исследования их содержательно-символическое наполнение для ученых и респондентов будет принципиально иным.

В современной социологии молодежи немало исследований самых разных сфер ее жизни. К некоторым из них, наиболее близким по тематике к нашему предмету исследования, мы уже обращались в первой части статьи. Назовем и другие направления: особенности саморегуляции обучающийся молодежи [14], удовлетворенность образованием [15], правовая культура студентов [16], отношение к браку и семье [17].

Информационное общество по определению может быть только обществом риска, поскольку основано на конкуренции способностей/возможностей к постоянной/пожизненной самоактуализации личности в разных сферах через самообразование, в том числе в профессиональной. Отсюда иное отношение к учебе в школе, СПО, вузе как одной из множества ступеней, стремление не к знаниям и компетенциям, а локальным умениям. Социологические исследования прошлого века изучали динамику явления в условиях стабильности, сегодня фиксируется статика «мгновения», поскольку жизнь общества/человека можно сравнить с «полотном импрессиониста», где все зависит от внешних изменчивых условий, «случайности солнечного блика». Это означает не отказ от обращения к

работам коллег, но отбор тех из них, которые работают на аналогичных полях, имея аналогичные/близкие предметы и задачи исследования.

В исследованиях, инициируемых Российским обществом социологов (РОС), объектом являются студенты вузов России, предметом – факторы, определяющие их трудовые стратегии. В основу данной статьи положены результаты эмпирического исследования Российского общества социологов «Семья в современной России: взгляд студенчества. РОС-2024» в вузах всех федеральных округов России. Социологические исследования РОС – инициативные: на основе приглашения РОС, рассылаемого членам РОС и выставляемого на сайте РОС, каждый вуз самостоятельно принимает решение о включении в проект и организации поля, исходя из своих возможностей. Метод сбора первичной информации в данном исследовании – онлайн-анкетирование (с использованием «Яндекс-form»). Формирование общего массива эмпирических данных, его редактирование, обсчет традиционно выполняются Д.В. Шкуриным (Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина), разработчиком программного комплекса Vortex [18, с. 215–216]. Преподаватели вузов, решивших принять участие в анкетировании, просят студентов во время занятий с помощью смартфонов открыть ссылку на анкету на «Яндекс-формах» и ответить на вопросы анкеты. Это позволяет в режиме реального времени отслеживать и корректировать количество опрошенных по вузам через информирование преподавателей. Как и любой метод, этот имеет достоинства (анонимность ответов, что очень ценится студентами, автоматизм обработки информации) и недостатки (стихийность выборки). Организаторы исследования не могут заранее определить параметры итогового массива, поскольку количество респондентов зависит от заинтересованности вузов в информации о своих студентах. Например, в 2024 г. по инициативе Ж.Т. Тощенко в Российском государственном социальном университете опрошено 2456 студентов, а во всем Сибирском федеральном округе – 63 студента. Такая территориальная дифференциация не позволяет откорректировать массив под общероссийскую выборку и обосновывает анализ результатов исходя из представительности отдельных социальных групп студенчества. Всё многообразие признаков, которое характеризует молодежь как объект исследования, создает признаковое пространство, которое «бесконечно велико». Поэтому данная статья ограничивает анализ материальным обеспечением студентов в процессе обучения в вузе. Исследователь имеет жестко стратифицированную выборку

через такие показатели, как социальная группа (студент), федеральный округ, город, вуз, плюс социально-демографические показатели. Таким образом, начиная с уровня федерального округа, выборка формируется в соответствии с требованиями структурно-функциональной методологии.

Как уже указывалось, наш объект изучения – современные студенты вузов, предмет исследования – факторы, определяющие включенность в трудовую деятельность студентов НГЛУ и НГАТУ. Цель – выявление роли родительских семей в обеспечении студентов в процессе их подготовки к трудовой деятельности. Её достижение возможно через решение следующих задач: определение возможностей родительских семей оказывать материальную поддержку студентам; выявление форм материальной помощи родителей студентам; уточнение степени включенности студентов в трудовую деятельность в период учебы; фиксация общих и особенных характеристик материального обеспечения студентов НГЛУ и НГАТУ.

Из общероссийского массива в 9168 человек нами выбраны респонденты двух вузов: Нижегородского государственного лингвистического университета (НГЛУ – 249 чел., из них 89.9% в возрасте от 18 до 21 года; 77.9% девушки) и Нижегородского государственного агротехнологического университета (НГАТУ – 257 чел., из них соответственно 77.1% и 57.6%). Социально-трудовая мобильность студенчества во многом связана с характером и особенностями учреждений высшего образования. Выбор вузов обусловлен положением выпускников на рынке труда, «...свидетельствующем о существенных проблемах в трёх предметных сферах образования: гуманитарные науки, сельское хозяйство, образование и педагогика» [19, с. 8–11].

В НГЛУ малое количество бюджетных мест, высокая стоимость обучения (от 137000 до 176200 руб. на бакалавриате [20], языковая подготовка, дающая возможность (теоретическую и практическую) эмиграции. Профессиональная подготовка в НГАТУ предполагает получение непрестижных для большинства молодежи профессий в системе аграрно-промышленного комплекса, жизнь в сельской местности. Эти «минусы» государство пытается «компенсировать» бюджетным образованием, общежитием, более низким проходным баллом ЕГЭ и стоимостью коммерческого обучения (от 96000 до 105000 руб.) [21].

Результаты исследования

Территориальная дифференциация в структуре занятости, материальной обеспеченности

Таблица 1

**Место жительства студентов в период первичной социализации,
% от опрошенных**

Где вы выросли?	НГЛУ	НГАТУ
В деревне	1.2	2.3
В селе	2.8	10.5
В посёлке городского типа	8.5	14.8
В малом городе (от 10 тыс. до 50 тыс.)	13.7	10.9
В среднем городе (от 50 тыс. до 100 тыс.)	12.8	11.7
В большом городе (от 100 тыс. до 250 тыс.)	12.0	8.2
В крупном городе (от 250 тыс. до 1 млн)	13.3	9.7
В мегаполисе (более 1 млн чел.)	35.7	31.9
Итого ответивших:	100.0	100.0

Таблица 2

Уровень образования родителей, % от опрошенных

Родители	Вуз	Уровень образования						
		Неполное среднее	Среднее	Среднее специальное	Высшее	Учёная степень	Нет родителя	Затрудняюсь ответить
Отец	НГЛУ	2.4	6.8	24.5	51.8	2.4	6.4	5.6
	НГАТУ	2.3	12.5	30.4	40.5	0.8	5.8	7.8
Мать	НГЛУ	1.2	6.8	23.7	61.5	1.2	0.8	4.8
	НГАТУ	1.9	8.6	25.7	54.1	1.2	1.6	7.0

семей, уровне образования и культуры населения, является значимым фактором горизонтальной и вертикальной мобильности молодёжи, поэтому приведем данные о месте жительства студентов в период первичной социализации (табл. 1).

Отличия в долях студентов из мегаполисов незначительны – их около трети, но распределения по другим населённым пунктам фиксируют, что в НГАТУ в три раза больше сельчан и почти в два раза жителей из посёлков городского типа, где образ – жизни ближе к сельскому, чем к городскому. «Базой для построения новой системы взаимодействий служат социальные особенности обучающихся, перенесённые ими из своих социальных слоев (экономическое положение семей, статус родителей и престиж, социально-территориальные и социокультурные особенности)» [2, с. 3].

Конечно, жители городов, и тем более мегаполиса, крайне редко планируют переезд в сельскую местность. Частные ветеринарные клиники, молоко/мясо/хлебокомбинаты, программы по благоустройству и озеленению городских территорий, межеванию земель дают возможность работать по специальности в городах, но не отменяют ориентации на горизонтальную мобильность, в том числе за пределы региона. Напомним и о двух ранее названных

существенных факторах выбора НГАТУ: обучение за счёт бюджета и более низкий проходной балл по ЕГЭ. И хотя работодатели «рассматривают не только профессиональные качества специалистов, но и обращают внимание на диплом вуза, который они окончили, формируя определенную дифференциацию дипломов выпускников» [22, с. 16], объективные причины выбора вуза для селян важнее.

Социальное положение студента (жилищно-бытовые условия, оплата одежды, продуктов, жилья, досуга) во многом определяется социальным положением родительской семьи (место работы, уровень дохода, образования, место жительства). В нашей выборке родители респондентов из НГЛУ имеют значительно более высокий уровень образования (табл. 2).

У студентов НГЛУ доля отцов с высшим образованием выше на 11%, доля матерей – на 8%. Среди отцов почти половина имеют техническое образование (43% – НГЛУ и 46% – НГАТУ), среди матерей наиболее распространено экономическое (23% – НГЛУ и 19% – НГАТУ). Заметная часть респондентов, особенно в НГАТУ, затруднились при ответе на вопрос об уровне образования родителей.

Уровень образования и место жительства позволили родителям обучающихся в НГЛУ занять более статусные позиции: доля в высшей

Таблица 3

**Распределение родительских семей студентов по уровню доходов,
% от опрошенных**

Значения	НГЛУ	НГАТУ
Мы едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты	1.6	2.3
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения	4.0	5.1
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования является для нас проблемой	19.7	19.1
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования. Но затруднительно приобретать действительно дорогие вещи	51.8	56.4
Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки – квартиру, машину, дачу, и многое другое	16.5	9.3
Затрудняюсь ответить	6.4	7.8

Таблица 4

**Ожидаемые студентами виды помощи от родительской семьи,
от опрошенных %**

Какие виды помощи Вы могли бы получить от своей родительской семьи в случае необходимости?	НГЛУ	НГАТУ
Хозяйственно-бытовая помощь	66.7	61.5
Просто взять, не в долг	49.8	35.8
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	49.4	38.1
Решение жилищной проблемы	46.2	40.9
Возможность взять в долг до 100 тыс. руб.	30.5	32.7
Поиск приработков	26.1	24.1
Содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении Ваших проблем	24.1	24.1
Возможность взять в долг свыше 100 тыс. руб.	18.9	16.7
Другое (напишите)	2.0	4.3
Сумма ответов	313.6	278.2

группе по уровню обеспеченности у них значительно выше (табл. 3).

Согласно таблице 3, более двух третей семей принадлежат к среднему и выше уровню достатка. Отметим, что представление об уровне жизни достаточно субъективно: жители провинции, которых больше в НГАТУ, менее притязательны к качеству жизни, а следовательно, завышают его уровень. Заметная часть респондентов (6% – НГЛУ и 7% – НГАТУ) относит свои семьи к малообеспеченным, в которых уже покупка одежды вызывает серьезные затруднения, некоторым денег не хватает даже на продукты. В постсоветское время значительная часть сельчан стала жить «в координатах 4Д» (Дорабатывает, Доживает, Донашивает, Доедает) [23, с. 613–622].

Уровень и образ жизни родительской семьи ориентирует молодежь на высокий доход и показатели успеха, пропагандируемые официальными и неофициальными СМИ России [24, с. 244–245]. В подтверждение этого вывода сошлёмся на закономерность, выявленную В.С. Собкиным и М.М. Смысловой: «У студентов из разных социальных групп отличаются критерии выбора

профессии. Например, для семей с более высоким образовательным уровнем родителей важны престижность и творческий характер труда, из группы с менее высоким уровнем (оба родители без высшего образования) важны размер заработной платы, возможность карьерного роста, хороший коллектив» [25, с. 150]. Не удивительно, что положение респондентов из второй группы по мере приближения к выпуску становится всё более неопределённым.

Среднедушевые доходы за 2-й квартал 2024 г. в Нижегородской области официально составляли 57.3 тыс. рублей – 2.71% стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг [26]. Но если МРОТ в Нижегородской области равен 19242 рублям в месяц (без вычета 13% налога) [27] за 40 рабочих часов в неделю, то среднедушевой доход в 57 тысяч рублей может быть только за счёт средней между «нищими и сверхбогатыми» группами. К месту напомнить: с 2017 г. Росстат подчинен Минэкономразвития РФ.

Значительная часть респондентов проживает с родителями (43% – НГЛУ и 35% – НГАТУ), в студенческом общежитии – 15% студентов

Таблица 5

Источники оплаты образования, % от опрошенных

Кто оплачивает ваше образование?	НГЛУ	НГТУ
Родители оплачивают мою учебу	49.8	3.9
Я обучаюсь бесплатно (на бюджетной основе)	36.6	90.3
Я сам(а) оплачиваю свою учебу	5.2	2.3
Мою учебу оплачивают и родители, и я сам/а	4.8	1.6
Мою учебу оплачивает предприятие, на котором я буду работать/работаю	2.8	1.6

Таблица 6

Источники оплаты студентами одежды, питания, жилья, досуга, % от опрошенных

Кто оплачивает покупку вашей одежды, питание, жильё, досуг?	НГЛУ	НГТУ
И родители, и я	48.2	45.9
Родители/родственники	31.3	15.6
Я сам(а)	16.5	29.9
Супруг(а)	1.2	3.1
Другое	2.8	5.5

НГЛУ и примерно треть студентов НГТУ (30%). Также живут самостоятельно в своей квартире, доме (19% – НГЛУ и 14% – НГТУ), снимают квартиру (19% – НГЛУ и 17% – НГТУ). Очевидно, что у студентов НГЛУ более комфортные условия во время обучения по сравнению со студентами НГТУ.

Большинство студенческой молодёжи рассчитывают на помощь родителей, особенно при решении финансовых, жилищных и медицинских проблем (табл. 4).

Распределение ответов подтверждает, что выбор вуза зависит от ресурсных возможностей семьи. В обеих группах опрошенных практически нет респондентов, отметивших, что их учебу оплачивает предприятие, на котором они будут работать или уже работали (НГЛУ – менее 3%, НГТУ – 2%) (табл. 5). Но, кроме оплаты учёбы, нужны средства на удовлетворение хотя бы минимальных материальных потребностей. Студенты НГТУ, значительная часть которых приехала в Н. Новгород из малых городов и сельских поселений, чаще занимаются самообеспечением (табл. 6). По оценкам работающих студентов НГТУ, в среднем они зарабатывают 25.3 тыс. рублей в месяц, от родных получают 20.3 тыс. рублей. В НГЛУ соответственно 28.2 тыс. рублей и 14.8 тыс.

Обучающиеся в вузах и СПО не получают достаточной государственной поддержки в виде стипендий, что усиливает их социальную уязвимость. В НГЛУ государственная академиче-

ская стипендия для студентов 1-го курса 1-го семестра (бакалавриат, специалитет) составляет 2257 рублей. Если студент закрыл сессию исключительно на пятерки, сумма повышается до 3383 рублей [28]. В НГТУ соответственно 2069 и 3615 рублей [29].

Кроме базовой стипендии, есть финансовая поддержка по разным основаниям. Например, социальная стипендия в НГЛУ, по информации студентов, составляет 7879.5 руб., в НГТУ – 12990.8 руб. Стипендия студентов повышается за счет разных программ: хороших оценок, участия в научной и общественной работе, спортивных мероприятиях. В результате средняя повышенная стипендия в НГЛУ – 4412.2 руб., в НГТУ – 3747.4 руб. Но средний размер стипендии у получающих ее в НГЛУ 3465 руб., в НГТУ – 3925 руб. в месяц, что свидетельствует о малой эффективности стимулирующих практик для роста уровня обеспеченности студентов. На вопрос о виде получаемой стипендии ответили 36.4% респондентов НГЛУ и 89.1% в НГТУ (табл. 7).

Каждый пятый в НГТУ не получает стипендию из-за низкой успеваемости, что является косвенным свидетельством выбора вуза ради «корочек» и необходимости самосодержания. Но в НГТУ больше и тех, кто получает повышенную стипендию.

Не намного отличается стипендия аспирантов: по данным А.Д. Ивановой (Уфимский университет науки и технологий, готовящий инже-

Таблица 7

Стипендиальная обеспеченность студентов, % от всех опрошенных		
Получаете ли Вы стипендию?	НГЛУ	НГАТУ
Да, обычную	11.6	35.8
Да, повышенную	11.6	21.4
Да, социальную	2.4	7.4
Нет, оценки не позволяют	2.4	21.4
Нет. Другая причина	8.4	3.1

неров), «в 2023 г. базовая стипендия была 3873 рубля, президентская – 4500 рублей (300 человек на страну), 14000 рублей для приоритетных направлений (тоже 300 человек)» [30, с. 286]. Размер стипендии, достаточный только для покупки проездного билета на транспорт и/или койко-места в общежитии, – один из показателей того, что государство не заинтересовано в подготовке кадров даже высшей технической квалификации.

Студенческая занятость

«Российская газета» с одобрением отмечает, что «большинство студентов очных отделений планируют совмещать учебу с работой. Вместе с тем, в соответствии с российским законодательством, студентам очных отделений лишь недавно было разрешено совмещать учебу с работой. При этом для них установлена такая же продолжительность рабочего времени, как и для взрослых, 40 часов в неделю. Сокращённая неделя устанавливается только для несовершеннолетних студентов, то есть в основном для учащихся первых курсов» [31].

На наш взгляд, разрешение рабочей недели в 40 часов – это еще один показатель признания государством селекции граждан по имущественному признаку. В ситуации, сложившейся на рынке труда, попытки ускоренного включения студентов в трудовую деятельность объясняются и заинтересованностью бизнеса в дешёвой рабочей силе. Будет ли этот процесс замены учебы работой способствовать развитию человеческого потенциала, экономики России? Это ещё один риторический вопрос. Возражая, нам могут напомнить о заочном обучении работающих в СССР, но сравнение будет некорректно по причине иной организации учебного процесса и отсутствия тех льгот, которые были у заочников в СССР.

Политика государства по обеспечению «механизмов высокопроизводительной занятости молодежи путем создания новых и модернизации существующих рабочих мест, развитие трудовой и проектной активности молодежи

путем совмещения учебной и трудовой деятельности» [1, с. 9] во многом остается декларацией, поскольку вузы лишены возможности отправлять студентов на полноценную практику, а работодатели не желают бесплатно или вообще принимать практикантов, чтобы «не афишировать» нарушения в технологических процессах. Поэтому процесс включения студентов в сферу профессиональной деятельности зависит от «случая» и обусловлен состоянием рынка труда, количеством, структурой рабочих мест для вторичной занятости, начинающейся со студенческой скамьи.

Для исправления ситуации, сложившейся на «стыке» высшей школы и сферы труда, следует, прежде всего, представлять реальное положение дел в экономике страны. «Аналитики «Авито-Работы» провели опрос 7 тыс. респондентов и выяснили, что половина из них работают не по специальности. А из тех, кто все же работает по специальности, у 27% опрошенных профессия полностью связана с полученным образованием, у 23% – частично связана» [32]. Оценить же реальную занятость не представляется возможным. Например, «Российская газета» отмечает: «Среди выпускников педагогических вузов доля работающих по профессии высока. ...Просто многие из них занимаются репетиторством, преподают онлайн и "не доходят" до школ», «Доля выпускников, которые устраиваются на работу по специальности, падает в сферах с низким уровнем зарплат» [33]. Кто способен сосчитать работающих онлайн, их возраст, проверить диплом, не говоря уже о получающих зарплату «в конвертах»? Официально оформленных – проще.

Выдача паспортов подросткам в 14 лет вместо 16 лет обосновывалась тем, что это даст им возможность включения в рынок труда. В настоящее время законодательно разрешено брать на работу и тех, кому нет 14 лет, при условии соблюдения работодателем ряда правил. Мнение респондентов о сроках начала трудовой деятельности представлено в таблице 8.

Студенты НГАТУ в большей степени ориентированы на более раннюю материальную по-

Таблица 8

**Мнение студентов о времени начала трудовой деятельности,
% от опрошенных**

Как Вы считаете, с какого класса школьники/ подростки должны начинать зарабатывать свои собственные деньги?	НГЛУ	НГАТУ
10 – 11 класс	16.9	16.3
8 – 9 класс	7.6	15.2
6 – 7 класс	1.2	5.1
3 – 5 класс	0.0	2.0
Всему свое время	74.3	61.4
Итого ответивших	100.0	100.0

мощь своим семьям, что связано с уровнем материальной обеспеченности их семей и местом жительства: к продаже дикоросов, продукции, выращенной на приусадебных участках, всегда привлекались школьники. Заработок даёт возможность самостоятельного, иногда не контролируемого родителями удовлетворения знаковых/символических потребностей. Кроме того, совмещение трудовой и учебной деятельности облегчает последующее трудоустройство. Вместе с тем этот процесс отрицательно влияет на успеваемость, качество обучения, успешность включения в будущую профессиональную деятельность. В связи с этим представляется убедительным следующий вывод: «...студенческая занятость изначально развивается как конфликтный феномен» [34, с. 71], оценка которого требует всестороннего обсуждения и выверенных решений.

Респонденты НГЛУ и НГАТУ практически одинаково включены в работу и подработки: не работают чуть менее трети, более четверти работают постоянно, столько же временами в течение учебного года, примерно каждый шестой в каникулы.

С.Р. Обручникова отмечает: «Наряду с экономическим положением родительских семей, фактором стабилизации уровня жизни студентов, с одной стороны, и расслоения, с другой, являются дополнительные заработки. Они приобрели настолько массовый характер, что, по сути, можно говорить об изменении образа жизни студенчества, так как наряду с учебной они становятся второй основной деятельностью студенчества» [10, с. 254].

Состояние современного российского рынка труда способствует утрате студентами веры в необходимость получения качественного образования, сокращению усилий, направленных на обучение, и усилению мотивов, связанных с ускоренным вхождением на рынок труда. Свидетельствует об этом и тот факт, что от 15% до 17% от общего числа трудоустроенных выпускников меняют место работы в течение первого

года [22, с. 19]. И это еще один показатель неточности вузовской статистики о трудоустройстве выпускников по специальности.

Желание удачно вписаться в рынок труда, а также надежда (зачастую иллюзорная) на достойный социальный старт определяют миграционные настроения молодежи. После получения образования намерены жить в Н. Новгороде из респондентов НГЛУ – 37%, НГАТУ – 42%. Лишь незначительная часть студентов НГАТУ намерена вернуться в свой родной город/район (9%). Укрепление взаимосвязи между системой образования и провинциальным рынком труда предполагает размещение центров инновационной и экономической активности вне Нижнего Новгорода для аккумуляции в них спроса на квалифицированную рабочую силу, а также поддержку организаций, отвечающих потребностям в сохранении традиций производства, основанного на коллективных началах типа народных предприятий [35, с. 236–244], но работа в этом направлении не системна.

Заключение

Анализ публикаций коллег, изучающих профессиональные траектории российского студенчества, и данных эмпирического исследования позволил выявить роль родительских семей в обеспечении студентов в процессе их подготовки к трудовой деятельности.

Предпочтение профессиональных траекторий на первом этапе в значительной степени определяется родительскими семьями, поскольку экономическое положение молодёжи существенно зависит от материальных возможностей семьи, вынужденной согласовывать перспективные возможности, которые может дать детям высшая школа, и свои экономические и социальные ресурсы. Бюджет студентов включает, прежде всего, средства родителей, но пополняется и за счет постоянной/временной работы.

Выбирая социальный старт, молодёжь учитывает социальный опыт старших поколений.

Широко распространенное ощущение несправедливости в оплате труда, повышенная трудовая нагрузка, ведущая к профессиональному выгоранию, вынужденность смены места работы и профессии из-за банкротства предприятий, отсутствие «идеологемы «картина будущего», которая позволила бы работнику понять индивидуальный смысл своего труда» [36, с. 43] заставляют выбирать стратегию «заботы о себе». Повседневность ведет к отказу от первоначальной профессиональной стратегии и приоритету тактики при выборе линии жизни.

Таким образом, выбор вуза определяется чаще комплексом объективных факторов, а не субъективных желаний. Приоритетность профессий и планы на будущее обусловлены совокупностью обстоятельств, определяющих успешность социального старта. Совмещение учебной и трудовой деятельности корректирует первоначальные планы; основной становится ориентация на рабочие места, позволяющие удовлетворять потребности, являющиеся для молодежи первостепенными.

Результаты нашего исследования свидетельствуют об отсутствии системного подхода в сфере подготовки кадров высшей квалификации как на федеральном, так и региональном уровнях. Соглашаясь с Д.Л. Константиновским, что изменения в сфере образования действительно масштабны (наглядный пример – предпочтение в последние годы СПО высшему образованию), не будем преувеличивать «позитивность ожиданий»: «...можно предполагать, что три важные взаимозависимые компоненты – рынок труда, устремления молодежи и профессиональное образование – будут в большей мере соответствовать друг другу: молодежные ориентации окажутся ближе к потребностям в рабочих местах, а образовательная инфраструктура будет больше ориентирована на удовлетворение нужд национальной экономики» [13, с. 19]. Соответствия названных компонентов нет сейчас и не будет в будущем, хотя бы потому, что последствия развития технологий нельзя детально спрогнозировать. Например, «из 174 профессий, которые классифицирует платформа hh.ru, по итогам 2024 года», самыми дефицитными работниками были дворники, токари, продавцы, кассиры, повара и врачи [37]. Продавцы и кассиры в магазинах увольняются из-за тяжелых условий труда, заданных собственниками торговых сетей, а не из-за отсутствия подготовки таких кадров. В числе 20 наиболее дефицитных специалистов также агрономы и зоотехники. В том же НГАТУ есть факультеты, готовящие и агрономов, и зоотехников, но желающих работать по этим специальностям в деревне – едини-

цы. Отраслевые и региональные диспропорции рынка труда, качества жизни ориентируют молодежь на отказ от первоначальных профессиональных стратегий, а не на учет пожеланий государства, не подкрепленных реальными программами. Смыслы жизни молодежи формируются не столько системой образования, сколько другими акторами, основывающимися на прагматизме.

Список литературы

1. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2024).
2. Измайлова К.А. Социоструктурная характеристика российского студенчества: региональный аспект: Автореф. дис. ... к.соц.наук. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2019. 25 с.
3. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). Стат. сб. / Росстат. М., 2024. 152 с.
4. Пособия по безработице: что это, размер, как оформить / РБК Life. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/63a3497c9a7947279fede882#ede882-contents-p3> (дата обращения: 12.10.2024).
5. Бронникова Е.М., Васютина Е.С., Виноградова М.В. и др. Анализ различных аспектов трудоустройства выпускников – 2021: статистический бюллетень. Монография / Под науч. ред. К.Э. Лайкам, З.Ж. Зайнуллина, А.В. Зотова [и др.]. Российский государственный социальный университет, 2022. 179 с.
6. Гоголева Е.Н. Студенчество в структуре социально-экономических отношений (по результатам социологического исследования) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (77) С. 37–45. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.77.2.015>.
7. Skillbox и VK: треть студентов живет на 10 тыс. рублей в месяц – Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5654478>. 11.11.2022 (дата обращения: 11.10.2024).
8. Катасонов В. «Невидимая рука». URL: <https://rus-lad.ru/news/v-katasonov-nevidimaya-ruka/17.10.2024> (дата обращения: 29.10.2024).
9. Топ-10 самых быстро растущих направлений российского бизнеса – СКБ Контур. URL: https://kontur.ru/press/news/51794-bystro_rastushchie_napravleniya. 24.06.2024 (дата обращения: 02.11.2024).
10. Обручникова С.Р. Социально-экономическое расслоение российского студенчества на примере вузов г. Хабаровска // Вестник ТОГУ. 2015. № 4 (39). С. 251–256.
11. Уровень бедности в России обновил исторический минимум – РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/03/2024/65e854769a7947351c3e3d4d> (дата обращения: 12.10.2024).
12. Лебедева Л.Г. Преемственность поколений: диалектическая связь и социальная динамика: Моно-

графия / Самарский государственный экономический университет. Самара: Изд-во СГЭУ, 2024. 1 CD-R. Систем. требования: Intel 1,3 GHz и более; 256 Мб (RAM); MS Windows 10; AdobeReader; дисковод CD-ROM. Загл. с титул. экрана. № госрегистрации: 0322401542].

13. Константиновский Д.Л. Окно, распахнутое Шубкиным: молодежь в образовании и на рынке труда // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 14–24. DOI: 10.31857/S013216250027363-2.

14. Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. Представления студенческой молодежи о смыслах образования: социокультурные особенности саморегуляции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 1. С. 44–69. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.3.

15. Зборовский Г.Е. Удовлетворенность студентов колледжей и вузов образованием: сравнительный анализ // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. № 4. С. 177–192.

16. Вишневский Ю.Р. Правовая культура российского студенчества // Культурное наследие и связь поколений: Монография / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 241–255.

17. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Рябинская Е.С. Брак и семья студентов в условиях трансформации // Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences. 2022. 15 (1). P. 193–208. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-193-208>.

18. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И. и др. Идеальная семья в представлениях современной студенческой молодежи России (по материалам социологического исследования) // Философия хозяйства. 2024. № 5. С. 215–234. DOI: 10.5281/zenodo.13920366.

19. Емелина Н.К., Рожкова К.В., Рошин С.Ю. и др. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы: Докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 160 с.

20. Платные образовательные услуги – Лингвистический университет. URL: https://lunn.ru/sveden/paid_edu (дата обращения: 12.10.2024).

21. URL: stoimost-obucheniya-99-od-1kurs.pdf; <https://nnsatu.ru/abiturient/pr-k-24-25-bak-spec-mag/stoimost-obucheniya-99-od-1kurs.pdf> (дата обращения: 12.10.2024).

22. Рожков В.Д., Дружинина Е.С. Факторы повышения уровня трудоустройства выпускников вузов на современном рынке труда // Труд и социальные отношения. 2024. Т. 35. № 1. С. 16–24. DOI: 10.20410/2073-7815-2023-35-1-16-24.

23. Широкалова Г.С. Нижегородское село в координатах 4D // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: Материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья / Минобрнауки РФ, ФГБОУ ВО «Марийский государственный универси-

тет» Российское общество исследователей экономической истории, Марийское региональное отделение Российского общества историков-архивистов; [отв. ред. А.Г. Иванов, А.А. Иванов]. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2018. 711 с.

24. Широкалова Г.С. Дефицит кадров как фактор риска для обеспечения продовольственной безопасности // Продовольственная безопасность – важнейшая составляющая национальной безопасности России: Труды Международной научно-практической конференции, посвященной Ветеранам ФГБНУ ФНИЦ ВНИИЭСХ – участникам Великой Отечественной войны 1941–1945 годов / Под ред. А.Г. Папцова, Н.Д. Аварского. М.: ФНИЦ ВНИИЭСХ, 2023. 251 с.

25. Демиденко С.Ю. Образование и профессиональная реализация // Социологические исследования. 2024. № 3. С. 148–152. DOI: 10.31857/S0132162524030137.

26. Рейтинг регионов по доходам населения – 2024. Инфографика / РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20241021/630271231.html>. 21.10.2024 (дата обращения: 12.10.2024).

27. Утвердили МРОТ на 2024 год – таблица по всем регионам / Контур. Экстерн. URL: https://www.kontur-extern.ru/info/47210-mrot_tablica_po_vsem_regionam (дата обращения: 12.10.2024).

28. Приказ о размерах стипендий в НГЛУ. URL: https://lunn.ru/media/sveden/scholarships/317_osd_ot_01.09.2023_o_razmerah_stipendii_nglu.pdf (дата обращения: 12.10.2024).

29. Положение о стипендиальном обеспечении и иных формах материальной поддержки обучающихся ФГБОУ ВО «Нижегородский ГАТУ им. Л.Я. Флорентьева» (редакция по состоянию на 25.09.2024). URL: https://nnsatu.ru/documents/sv/docs/grants/pol_in_yh_form_mat_podd.pdf (дата обращения: 12.10.2024).

30. Широкалова Г.С., Пронина Е.И. Вслух о набравшем (обзор докладов Круглого стола) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 3 (75). С. 284–287. DOI: 10.52452/18115942_2024_3_284 (дата обращения: 12.10.2024).

31. Голова И. Большинство студентов собираются совмещать трудовую деятельность с учёбой // Российская газета – федеральный выпуск. 12.09.2023. № 9373.

32. Опрос: 45% россиян работают не по специальности // Новый проспект. 14 февраля 2024. URL: <https://newprospect.ru/news/aktualno-segodnya/opros-4-5-rossiyan-rabotayut-ne-po-spetsialnosti/> (дата обращения: 12.10.2024).

33. Голова И. Выпускники вузов стали чаще выбирать работу по профессии. URL: <https://rg.ru/2023/09/12/> (дата обращения: 12.10.2024).

34. Гоголева Е.Н., Маркина Н.Л. Социально-экономическое положение студентов (по результатам социологического мониторинга) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 70–77. DOI: 10.26105/SSPU.2021.71.2.003.

35. Широкалова Г.С. Новые формы организации сельской жизни: поиск альтернатив // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, приуроченной к юбилею СГУ им. Питирима Сорокина (26–28 мая 2022 года, г.

Сыктывкар) / Отв. ред. Н.Н. Новикова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. 288 с. DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_236.

36. Карачаровский В.В., Гурулева М.Н. Ловушка мотивации на российском рынке труда // Социологи-

ческие исследования. 2023. № 8. С. 34–46. DOI: 10.31857/S013216250027365-4.

37. По итогам 2024 года в РФ самой дефицитной стала профессия дворника. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22742785> (дата обращения: 22.12.2024).

THE ROLE OF THE FAMILY IN THE PROCESS OF PREPARING STUDENTS FORWORK ACTIVITY

G.S. Shirokalova¹, D.V. Shkurin²

¹The Volga branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

²Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

The article analyzes the role of family in the process of including student youth in the structure of labor relations. The object of the study is student youth of Russia, the subject is the interrelation of socio-labor orientations of students with parental family. The purpose of the article is to identify the role of parental families in providing students in the process of their preparation for labor activity. The results of the online survey of students of Nizhny Novgorod universities conducted in 2024 by the Russian Society of Sociologists "Family in Modern Russia: the Student's View" are presented. The program of the survey was developed on the basis of structural-functional analysis, in accordance with the requirements of which the main structural elements of the object of research and their functional interrelations with the respondents' family were identified, as well as specific-historical analysis, which requires taking into account the circumstances of life in a certain system of coordinates.

Theoretical sources and empirical data allow us to conclude that the transformation of socio-economic relations in the country has a decisive impact on the student and his/her parental family, adjusting strategic life goals and ways of solving everyday problems.

Being the subjects of market relations, students, despite the same social status, are differentiated by many indicators, including the choice of educational institution, level and sources of income, strategic goals. Forced inclusion in labor activity, which provides a material opportunity to receive education, orientation to the labor start after graduation, often not corresponding to the profile of the received specialty, are the reasons for the decrease in the level of training of future specialists, weakening of the connection with the family and the territory of previous residence. The inconsistency of youth policy of the state, including in the sphere of education, levels its value, orienting many people to obtain a diploma, but not professional competencies.

Keywords: differentiation of student youth, family, work, profession, social and labor relations, youth policy.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2025_2_184

«НЕ ТОТ ОТЕЦ, КТО РОДИЛ, А ТОТ, КТО ВСПОИЛ, ВСКОРМИЛ ДА ДОБРУ НАУЧИЛ»: ОБРАЗ ВОВЛЕЧЕННОГО ПРИЕМНОГО ОТЦА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЮНОШЕЙ-СТУДЕНТОВ

© 2025 г.

О.Н. Безрукова, Е.Л. Вержбицкая

Безрукова Ольга Николаевна, к.соц.н.; и.о. заведующая кафедрой социологии молодежи
и молодежной политики Санкт-Петербургского государственного университета
o.bezrukova@spbu.ru

Вержбицкая Евгения Львовна, лаборант-исследователь факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета
zhverzh@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.09.2024

Статья принята к публикации 29.04.2025

На материалах интервью с юношами – студентами вузов Санкт-Петербурга анализируются представления молодых людей о вовлеченном отцовстве в приемных семьях. Раскрываются установки молодых людей в отношении приемного отцовства и родительства в целом; содержание ядра и периферии социальных представлений об образе приемного отца и образе отца кровных детей и динамика этих представлений; факторы микро-, мезо- и макроуровня, определяющие представления юношей о вовлеченном отцовстве в приемных семьях; источники информации молодых людей о специфике реализации отцовской роли, в том числе роли отца приемных детей. Выделены высокий, средний и низкий уровни готовности студентов к приемному отцовству.

Показано, что в представлениях юношей преобладает позитивный образ приемного отца, реализующего практики вовлеченного отцовства. Сделан вывод, что в восприятии студентов роль приемного отца во многом отлична от роли кровного, которая требует большей вовлеченности в воспитание, заботы, ответственности, личностной зрелости, стремления активно взаимодействовать с детьми и понимать их.

Вместе с тем значительная часть юношей имеет средний уровень готовности к приемному отцовству. Предлагаются рекомендации по улучшению привлекательности имиджа вовлеченного приемного отца для студенческой молодежи.

Ключевые слова: родительство, вовлеченное отцовство, традиционное отцовство, замещающая семья, приемное отцовство, студенческая молодежь.

Введение

В современном российском обществе наблюдается депопуляция, в связи с этим принимаются различные меры по ее преодолению, включая пропаганду семейных ценностей и ответственного отцовства, семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что в полной мере соответствует приоритетам Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года [1].

В России постепенно распространяется практика «нового», вовлеченного отцовства, появление которой отвечает насущным запросам общества – необходимости перераспределения внутрисемейных обязанностей между отцом и матерью вследствие возникновения большего числа возможностей самореализации у женщин вне дома, трансформации гендерных стереотипов от преимущественной роли отца как «кормильца», «защитника» семьи до

«наставника» и «друга». Однако реализации российскими мужчинами практик вовлеченного отцовства препятствует множество барьеров, которые имеют специфику в разных группах отцов.

Приемная семья является одним из типов замещающей семьи, существование которой позволяет сглаживать проблему сиротства в стране и выстраивать непрерывные, долговременные, крепкие, эмоционально устойчивые взаимоотношения замещающих родителей и приемных детей. Согласно данным Министерства просвещения РФ, наблюдается тенденция увеличения числа приемных семей: в 2013 г. – 70,1 тыс., в 2023 г. – 85,8 тыс. [2]. При этом от степени вовлеченности отца в воспитательный процесс во многом зависит, насколько успешно пройдет адаптация приемного ребенка в семье, насколько полноценным членом общества он станет в будущем, укрепятся ли его семейные ценности.

Студенческая молодежь, в силу своих социальных и психологических особенностей, ак-

тивно откликается на различные политические, социально-экономические и культурные изменения, происходящие в обществе, открыта к различным вариантам выбора модели родительства. Популяризация вовлеченности в отцовство направлена, прежде всего, на молодежь как динамичную и активную социальную группу.

Проблема исследования заключается в том, что, несмотря на накопленный объем теоретических и эмпирических данных о феномене вовлеченного отцовства, социологические исследования отцовской вовлеченности в приемных семьях в представлениях российской студенческой молодежи не проводились. При этом потребность изучения этой темы обусловлена острым запросом российского государства на продвижение ценности семьи среди населения, особенно молодежи, на усиление отцовской роли в семейной структуре, а также связана с большим количеством вторичных отказов от детей, оставшихся без попечения биологических родителей (2020 г. – 4779 случаев, 2021 г. – 5210, 2022 г. – 5334 [2]).

Цель статьи – выявление представлений юношей – студентов петербургских университетов о вовлеченном отцовстве в приемных семьях. Задачи проведенного исследования, носящего пробный характер, включают анализ установок молодых людей в отношении родительства и приемного родительства; структуры и динамики представлений студентов об образе отца кровного ребенка и образе приемного отца; уровня готовности молодых людей к приемному отцовству; факторов, определяющих содержание представлений молодых людей о родительстве, в том числе приемном.

Методология и эмпирическая база исследования

Исследования зарубежных и отечественных ученых (М.Е. Lamb [3], А.Д. Хьюкинс, R. Palkovitz [4], И.С. Кон [5], Д.В. Мальцева [6], А.Н. Липасова [7], А.Е. Звонарева [8]) показывают, что отцовство изучается как социальный институт и социальные практики. Активно разрабатываются концепции вовлеченного отцовства – выявляются факторы, определяющие выбор модели вовлеченного отцовства (Т.А. Гурко [9], О.Н. Безрукова, В.А. Самойлова [10], Е.Ю. Рождественская [11], А.Л. Янак [12]), компоненты вовлеченного отцовства (М.Е. Lamb [3], R. Palkovitz [13], J. Pleck [14] и др.).

В фокусе внимания ученых находится и замещающее родительство, в том числе приемное. Исследования В.А. Цветкова [15], О.Н. Безруковой, В.А. Самойловой [16], Е.В. Кичаевой,

Т.Н. Черняевой [17] свидетельствуют, что наблюдается постепенное «укоренение» и развитие института приемного родительства, являющегося перспективной формой семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в современных российских условиях. А.Н. Безрукова, О.В. Голубь [18], А.В. Мигунова [19], М.В. Залужная, М.В. Заярная [20] отмечают исключительную важность роли приемного отца в воспитании ребенка и его социализации, в трансформации приемной семьи в эффективный социальный институт. В рамках дискурса о замещающих семьях под приемной семьей, согласно В.А. Цветкову, понимается временная (осуществляемая в соответствии с указанным в договоре о приемной семье сроком) опека (попечительство) над ребенком, профессиональная семейная форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которая подразумевает оплату труда приемных родителей (приемного родителя) и содействие государства в содержании детей [15, с. 7].

Проводятся исследования взглядов студенческой молодежи не только на роль отца в семье в целом, но и на сущность вовлеченного отцовства и специфику реализации практик отцовской вовлеченности (Г.А. Ельникова, М.Г. Давитян, Н.Н. Никулина [21], Н.Ю. Егорова, Е.С. Рябинская [22], Т.А. Гурко [23]). Изучению представлений студентов о приемном родительстве (материнстве) посвящено значительно меньшее число исследований, в основном они анализируются в научных трудах по социальной психологии (М.А. Данилова [24]).

Теоретическая рамка исследования – концепция социальных представлений С. Московичи [25], согласно которой социальные представления необходимо изучать через их структуру и динамику.

Структура социальных представлений о вовлеченном отцовстве в приемных семьях в данном исследовании изучается на основе структурного подхода к социальным представлениям Ж.-К. Абрика (школа Экс-ан-Прованса) [26, с. 15], а также выделения уровней социального представления (когнитивного, эмоционально-оценочного, организационного [27, с. 37–44]) и компонентов отцовской вовлеченности – ценностно-смысловых/мотивационных (ценностные ориентации), когнитивных, этических, аффективных, наблюдаемых поведенческих (практики поведения в отношении партнера и детей, включая приемных) [28, с. 127–128].

Когнитивный уровень социального представления в рамках исследования подразумевает под собой когнитивные и этические компоненты – суждения, установки в отношении ро-

дительства, вовлеченного и приемного отцовства, то есть результат познавательной деятельности человека в виде всей совокупности обработанных и структурированных знаний об объекте представления. Эмоционально-оценочный уровень – аффективные компоненты, то есть эмоции, чувства в отношении детей и родительства.

Организационный уровень социального представления включает центральное ядро (центральную систему) и периферию (периферическую систему: периферическую зону и две «зоны потенциальных изменений») [29, с. 11]. Согласно И.Б. Бовиной, ядро – устойчивый и стабильный элемент социального представления, который связан с коллективной памятью, ценностями и нормами, в наибольшей степени коренящимися в культуре [26, с. 15]. Периферическая система вариативна, и ее изменения указывают на столкновение с новой ситуацией, которое может привести либо к усвоению этих изменений лишь в периферии, либо к изменению центрального ядра и, как следствие, изменению самого представления.

В целях изучения динамики социальных представлений выделяются три их стадии: 1) зарождение; 2) стабилизация; 3) трансформация [26, с. 16–17].

Особое значение для формирования представлений имеет социальный контекст, который предопределяет их содержание [26, с. 8]. Он может быть выражен в факторах микро-, мезо-, макроуровня, значимых для выбора модели отцовской вовлеченности [12, с. 140], в том числе в культурных, экономических, структурных, информационных и институциональных факторах [10, с. 247–250].

Эмпирическую основу исследования составляют материалы социологического исследования, проведенного в феврале–мае 2024 г., посвященного изучению представлений юношей-студентов о вовлеченном отцовстве в приемных семьях и факторов, их определяющих. Проведено 15 интервью с юношами-студентами. Тип выборки – целевая, критерии отбора: 1) мужской пол; 2) возраст 18–22 года; 3) студент петербургского вуза; 4) отсутствие детей; 5) гражданство РФ. Полученные данные анализировались с помощью контент-анализа транскриптов интервью, а также прототипического анализа по П. Вержесу [29, с. 11], который позволил выделить элементы центральной и периферической систем представлений о социальном образе приемного отца и образе отца кровных детей.

Социальный образ приемного отца и отца кровного ребенка

Анализ ответов студентов на вопросы о характере распределения внутрисемейных обя-

занностей между матерью и отцом (как кровных детей, так и приемных) дает основания полагать, что в целом установки молодых людей отличаются в большей степени эгалитарностью, нежели традиционностью. В идеальной модели семьи юношей-студентов обязанности, касающиеся быта (уборка, стирка, глажение, приготовление пищи, мытье посуды), распределяются равномерно между мужчиной и женщиной: *«Нет такого, что что-то в доме делает отец, что-то – мама. Уборка, готовка, стирка и так далее – это все роли мужчины и женщины, которые не делятся, они бесполое абсолютно»* (С., 19 л.¹). В отношении обязанностей по воспитанию детей фиксируется похожая ситуация – превалирует убеждение, что отец должен вовлекаться в воспитание ребенка наравне с матерью: *«С большой ответственностью, с большим пониманием оба родителя должны вносить свой вклад – оба должны интересоваться, ходить вместе на родительские собрания»* (С., 18 л.). Однако к обязанности по материальному обеспечению семьи молодые люди подходят в большей степени с традиционной точки зрения на семейное устройство, будучи убежденными, что мужчина – основной добытчик средств к существованию семьи, который должен получать более высокую заработную плату, чем женщина: *«Я вижу себя рядом с человеком, у которого есть что-то, кроме дома, – с девушкой, которая все-таки тоже работает. Что касается именно финансовых потоков, наверное, есть во мне вот эта консервативная черта, что мне хотелось бы, чтобы больше денег все-таки я приносил в семью»* (С., 22 г.). Содержание этой установки может быть обусловлено воздействием на сознание юношей как истории родительской семьи (трансляции гендерных ролей родителей, где мужчина выступает основным кормильцем семьи), так и гендерных стереотипов.

Анализ ответов юношей на вопрос, какие ассоциации с образом приемного отца и образом отца кровного ребенка у них возникают, показал, что в основном в представлениях молодых людей приемное отцовство, как и отцовство в целом, имеет теплый, положительный оттенок: *«В целом фигура отца ассоциируется у меня с чем-то теплым»* (С., 22 г.), *«Как родители приемные могут быть “холодными”?»* (С., 21 г.). В тех случаях, когда приемный отец представляется «холодным», это, скорее, объясняется следствием отражения негативной информации о приемных семьях и приемных отцах как жестких, третирующих детей, представленной в средствах массовой информации достаточно широко [30], а также распространенного убеж-

дения в том, что у ребенка в новой семье отсутствует доверие к приемному отцу: *«В СМИ очень мало и как-то точно освещается тема приемных семей, и в основном в неких криминальных сводках, когда происходит что-то плохое»* (С., 19 л.), *«Это больше связано с первым восприятием – впоследствии отношения становятся более семейные, и тогда образ становится теплым»* (С., 18 л.).

В представлениях молодых людей приемный отец может вовлекаться в жизнь приемного ребенка в результате: 1) взаимодействия (обучение, общение, поддержка эмоциональности (увлечений, хобби; принятие его таким, каким бы он ни был), совместные занятия (игры, путешествия), поручения (помощь со школьными заданиями, укладывание спать), общие интересы, рутинный уход (участие в бытовых делах семьи), доступность); 2) непрямого заботы (внимание к душевному состоянию, планирование (стратегии воспитания, чем занять), внимание к потребностям); 3) контроля (мониторинг (знает об успеваемости, чем он занят) и принятие решений в отношении ребенка); 4) ответственности за процесс воспитания (за жизнь и здоровье, формирование нравственных ценностных ориентаций – осознание родительских обязанностей); 5) защиты (помощь в налаживании контакта с внешним миром); 6) теплоты и отзывчивости. Те же действия вовлекают в процесс воспитания детей отцов в кровных семьях.

В то же время студенты полагают, что вовлеченные приемные отцы сталкиваются с дополнительными задачами в воспитательном процессе. Во время взаимодействия с ребенком приемный отец должен стремиться наладить с ним контакт и помочь ему преодолеть негативные последствия его жизни вне приемной семьи: *«На ум приходит помощь в избавлении от того, что оставила прошлая жизнь, из плохого. Как будто такие разговоры чаще с отцом происходят. Инициатором, скорее, должен быть он и стараться сгладить все углы»* (С., 21 г.). По мнению юношей, вовлеченный приемный отец может планировать, как помочь ребенку преодолеть психологические травмы при помощи третьих сторон (например, организовать сеансы с психотерапевтом). В процессе общения с приемным ребенком мужчина может стараться укрепить эмоциональную связь с ним, стремясь показать важность ребенка для него и пытаясь быть с ребенком честным. Наконец, если вовлеченный отец кровного ребенка, прежде всего, склонен бессознательно любить своих детей, естественно выражать чувство любви, то вовлеченный приемный отец должен стараться проявлять особую открытость и заботу по отноше-

нию к неродному ребенку, чтобы выстроить с ним благополучные, доверительные взаимоотношения.

Чтобы уточнить содержание представлений об образах приемного отца и отца кровных детей, студентам было предложено назвать по пять ассоциаций в виде слова или словосочетания к каждому из них. Полученные понятия подверглись прототипическому анализу П. Вержеса (рангово-частотному) и категориальному анализу с учетом двух параметров: частоты упоминания каждого понятия информантами и его среднего ранга.

В рамках дихотомии «традиционность – вовлеченность» в отношении образа отца кровных детей у молодых людей твердо укоренившиеся традиционные представления об отцовской роли в семье доминируют над более «новыми» (защитник (6; 4.5)², твердость характера (6; 4.5), кормилец (4; 6.5) против ответственности (4; 6.5), выражения любви (3; 9) и оказания заботы (3; 9)), все из которых прошли стадию стабилизации социального представления и находятся в его ядре. В ядре представлений юношей-студентов об образе приемного отца, напротив, в большей мере представлены компоненты вовлеченного отцовства (ответственность за ребенка (6; 2.5), понимание ребенка – его потребностей, интересов, взглядов (5; 4.5), проявление заботы (4; 6.5) и открытости (3; 10.5)), нежели традиционного отцовства (защита (5; 4.5), материальное обеспечение (3; 10.5), смелость (3; 10.5)).

В периферической системе обоих образов находятся традиционные установки, которые теряют свою значимость, проходя стадию трансформации социального представления, и вступают в противоборство с зарождающимися новыми гендерными нормами. В представлении об образе кровного отца – отец как глава семьи, за которым в критических ситуациях последнее слово (1; 19.5), строгость в процессе воспитания (1; 19.5), проведение свободного времени в «мужских» занятиях – стройка, рыбалка (1; 19.5) против проявлений мягкости (1; 19.5), душевности (1; 19.5) по отношению к детям. В образе приемного отца – твердость характера (2; 15.5), «стройка-рыбалка» (1; 19.5) против душевности – возможности поддержать с отцом беседу (1; 19.5).

Таким образом, на когнитивном и организационном уровнях социальных представлений установки молодых людей о вовлеченности отцов приемных и отцов кровных детей не тождественны. Роль приемного отца во многом отлична от роли кровного, требует большей вовлеченности в воспитательный процесс, лич-

ностной зрелости и готовности взять на себя значительную ответственность за жизнь неродного ребенка, большего проявления заботы, открытости, честности, стремления понять его и активно с ним взаимодействовать.

Уровень готовности молодых людей к приемному отцовству

На основе дифференцирующего вопроса о наличии или отсутствии у юношей-студентов желания стать приемным отцом в будущем были выделены три группы молодых людей, имеющих разный уровень готовности к приемному отцовству.

Высокий уровень готовности характеризуется наличием твердой установки на то, чтобы в будущем стать приемным отцом.

Средний уровень готовности – отсутствует твердая установка стать приемным отцом в будущем, вместе с тем допускается такая возможность при определенных условиях. К их числу относятся: устойчивое и достаточное материальное положение; факторы здоровья (отсутствие биологической возможности иметь кровных детей, в том числе физиологическая неготовность к рождению кровного ребенка (нежелание рожать), стабильное психологическое состояние); личностная зрелость (наличие жизненного опыта и появление готовности взять на себя большую ответственность за жизнь неродного ребенка); факторы взаимоотношений с партнером (отсутствие партнера, с которым хотелось бы создать семью; уверенность в нем; наличие взаимного желания партнеров стать приемными родителями); наличие желания сделать полезное для общества дело; наличие подготовки к приемному родительству (чтение литературы; просмотр видеоматериалов; общение со своими родителями на тему родительства; создание плана в отношении воспитания приемного ребенка); мотивация стать приемным отцом; гибель/недееспособность друзей/родственников, общественная трагедия, вследствие чего ребенок (дети) остался без попечения родителей; наличие благоприятной обстановки для рождения и воспитания ребенка (благоприятное место жительства); завершение обучения в вузе (снижение образовательной нагрузки и появление свободного времени); возможность уделять меньше внимания (воспитание, материальное обеспечение) кровным детям и больше – приемным.

Низкий уровень готовности – отсутствует твердая установка на то, чтобы в будущем стать приемным отцом; допускает, что в целом мог бы им стать, но пока не задумывался о факторах, которые могли бы к этому подтолкнуть.

Юноши-студенты преимущественно отличаются средним уровнем готовности к приемному отцовству: *«Я хочу», наверное, нет, но как и нет установки "я не буду этого делать ни в коем случае". Если будут обстоятельства подталкивать, то да»* (С., 21 г.). В равной степени значительно реже фиксируются высокий и низкий уровни готовности: *«Если честно, я бы хотел себе приемных детей... Прямо не знаю, наверное, больше трех»* (С., 20 л.), *«Какого-то жесткого блока "нет" нет как раз, но и понимания, что "да, точно будет" или "да, я точно могу" я тоже не имею на данный момент. Я вот пытаюсь сейчас в голове сформировать <...> мысли, но не получается»* (С., 21 г.).

На основе полученных в ходе анализа результатов обобщена информация о различиях в когнитивных, ценностно-смысловых, аффективных, этических, поведенческих компонентах вовлеченного отцовства у студентов, имеющих разную степень готовности к приемному отцовству; результаты представлены в таблице.

Если студенты с высоким уровнем готовности к приемному отцовству считают семейные ценности самыми важными в жизни, то для юношей со средним и низким уровнем готовности ценность семьи имеет меньшую значимость (2–3 и ниже 3 приоритетности соответственно).

Анализ когнитивного и этического компонентов представлений о вовлеченном отцовстве демонстрирует, что студенты с высоким уровнем готовности в настоящее время нацелены на создание собственной семьи в будущем, мотивация стать родителем обусловлена необходимостью удовлетворить не только личные потребности в отцовстве (продолжить род, личностно самореализоваться, дальше развить романтические отношения с партнером), но и потребности российского общества (в построении лучшего общества за счет воспитания «достойных» людей, в борьбе с проблемой сиротства): *«Воспитывая ребенка, ты инвестируешь в будущее, то есть в целую страну, в человечество в целом, поэтому очень важно, чтобы ребенок, который у тебя будет, вырос достойным человеком»* (С., 19 л.). Юноши со средним уровнем готовности ориентированы на удовлетворение тех же потребностей, однако среди них находятся как те, кто в настоящее время нацелен на создание в будущем собственной семьи, так и те, кто занимает отстраненную позицию. Студенты с низким уровнем готовности, напротив, в данный момент не нацелены на создание в будущем семьи, при этом мотивация стать родителем скорее связана с удовлетворением личных потребностей (в продолжении рода, личностном развитии –обретении нового жизненного опыта и навыков).

Таблица

**Различия между группами юношей
с разным уровнем готовности к приемному отцовству**

Критерии	Высокий уровень готовности	Средний уровень готовности	Низкий уровень готовности
Готовность стать приемным отцом в будущем	Наличие твердой установки	Отсутствует твердая установка, но предполагает, что может стать приемным отцом в определенных ситуациях	Отсутствует твердая установка, допускает, что в целом мог бы стать приемным отцом, но пока не задумывался об этом
Место семейных ценностей в ценностной иерархии	Первое место	Второе или третье место	Ниже третьего места
Нацеленность в настоящее время на создание собственной семьи в будущем	Нацелен	Нацелен / не нацелен	Не нацелен
Мотивация стать родителем	Удовлетворение личных потребностей и/или потребностей всего общества	Удовлетворение личных потребностей и/или потребностей всего общества	Удовлетворение личных потребностей
Корректность знаний о различиях между видами замещающих семей (усыновлением (удочерением), опекой (попечительством), приемной семьей)	Относительно корректные знания только об усыновлении (удочерении) и опеке	Относительно корректные знания только об усыновлении (удочерении)	Относительно корректные знания только об усыновлении (удочерении)
Удовлетворенность взаимоотношениями с отцом	Не удовлетворен	Удовлетворен / не удовлетворен	Удовлетворен
Отношение к детям в целом	Любит любых детей	Любит любых детей / любит детей выборочно	Любит детей выборочно
Чувства, испытываемые к приемным детям	Печальные (сострадание, жалость)	Печальные (сострадание, жалость) / безразличие	Печальные (сострадание, жалость) / обеспокоенность / непонимание
Практика волонтерства	Активно практикуется на постоянной основе	Активно практикуется на постоянной основе / не практикуется	Практиковалась в прошлом / не практикуется

Если юноши со средним и низким уровнем готовности обладают относительно корректными знаниями о сущности лишь усыновления (удочерения) как одного из видов замещающей семьи, то группа с высоким уровнем готовности – об усыновлении (удочерении) и опеке. В целом молодые люди обладают слабыми, недостоверными знаниями о специфике приемной семьи, которая зачастую отождествляется с усыновлением (удочерением), что не соответствует действительности. Также юноши-студенты обладают нечеткими и неопределенными знаниями о мерах общественной поддержки отцов и при-

емных семей. В представлениях молодых людей меры поддержки преимущественно выражаются материально, а о психологической и информационной помощи юноши осведомлены в гораздо меньшей степени (например, о существовании «Папа-школ», школ приемных родителей).

Результаты исследования показывают, что к своей матери студенты испытывают исключительно теплые, позитивные чувства и эмоции, а к отцу – в континууме от преимущественно позитивных, негативно-позитивных до нейтральных, негативных. В то время как студенты с высокой степенью готовности к приемному от-

цовству в основном не удовлетворены тем, как сложились их взаимоотношения с отцом, а юноши с низкой готовностью, напротив, удовлетворены, в группе молодых людей со средней готовностью встречаются как те, так и другие. По-видимому, это объясняется тем, что юноши, чьи взаимоотношения с отцом не были в должной мере близкими, имеют потребность в том, чтобы дать ребенку, лишенному заботы родителей, ту отцовскую любовь, которой они были лишены.

В то время как молодые люди с высокой степенью готовности любят любых детей, юноши с низкой степенью готовности любят детей в большей степени выборочно (знакомых, воспитанных, определенного возраста), а юношам из группы со средней степенью готовности может быть свойственна любая из этих двух характеристик. Печаль, жалость, сострадание – основные чувства, которые вызывают разговоры о приемных детях во всех группах студентов. Вместе с тем юноши со средней степенью готовности могут относиться к приемным детям с безразличием (причина – недостаточная сформированность отношения к приемным детям, приемному отцовству), а юноши с низкой степенью – с обеспокоенностью за их положение или с непониманием чувств этих детей (причина – недостаток эмпатии).

Анализ аффективного компонента представлений о вовлеченном отцовстве показывает, что противоречивые – позитивные, нейтральные и негативные – оценки взаимодействий с отцом соседствуют с амбивалентным отношением к приемным детям – сочувственным, пессимистическим и безразличным, что, скорее, объясняется развитыми чувствами у одних и отчужденностью и холодностью у других.

Студенты с высоким уровнем готовности имеют альтруистические наклонности, активно и на постоянной основе занимаются волонтерской деятельностью, в том числе направленной на оказание помощи детям. Молодые люди со средним уровнем готовности либо являются волонтерами на постоянной основе, либо никогда не практиковали волонтерство, а юноши с низким уровнем готовности были волонтерами в прошлом или не практиковали вовсе. Таким образом, поведенческий компонент представлений о вовлеченном отцовстве, проявляющийся в наблюдаемых действиях (например, в альтруистической и волонтерской деятельности, включая помощь детям-сиротам и приемным детям), также демонстрирует неравномерную реализацию практик помогающего поведения и готовности к вовлеченному приемному отцовству у разных групп юношей.

Факторы, определяющие представления о родительстве и приемном родительстве

В результате проведенного исследования было выявлено влияние факторов микро-, мезо- и макроуровня на представления молодых людей о родительстве, включая приемное.

К числу микрофакторов относятся: возраст (следствие – личностная незрелость и неготовность к отцовству); ценностные ориентации и место в них ценности семьи; отношение к детям в целом (теплое отношение к любым детям или лишь к определенным); нацеленность на создание собственной семьи в будущем; мотивация стать родителем (удовлетворение личных потребностей, потребностей общества в целом); удовлетворенность качеством взаимоотношений с отцом; отношение к практике волонтерства (степень склонности к альтруизму); недостаточная осведомленность о специфике роли приемного отца, различиях между разными типами замещающего родительства (усыновлением (удочерением), опекой (попечительством), приемной семьей), мерах общественной поддержки отцов и приемных семей.

В качестве факторов мезоуровня выступают: характер распределения обязанностей по материальному содержанию семьи, ведению быта, воспитанию детей в родительской семье; степень профессиональной занятости отца (частое отсутствие отца в детстве и отрочестве студентов как фактор, побуждающий молодых людей выстроить другую модель поведения уже со своими детьми); качество отношений между родителями. В целом молодые люди в определенных аспектах семейного устройства стремятся повторить опыт взаимодействия родителей друг с другом (обязанность по материальному обеспечению семьи), а в других намерены выстроить иную модель поведения партнеров по отношению как друг к другу, так и к детям (бытовые обязанности, обязанности по воспитанию детей, способы решения конфликтов между партнерами).

Выявленные факторы макроуровня имеют культурный генезис и включают: гендерные стереотипы об основополагающей роли отца как «добытчика средств к существованию семьи», а также распространенность эгалитарных гендерных норм в сознании студентов (установка на равенство в отношении распределения обязанностей по ведению быта и по воспитанию детей между женщиной и мужчиной).

Основными источниками информации для юношей-студентов о специфике реализации роли отца, включая приемного, являются: элементы массовой культуры (фильмы, сериалы,

телепрограммы, книги, песни), в том числе интернет-ресурсы (статьи, видеоматериалы, единый портал госуслуг); родители, знакомые, друзья, романтические партнеры, в том числе те, кто был или является сейчас ребенком-сиротой или ребенком, оставшимся без попечения родителей; учебная программа в школе, университете или на частных образовательных курсах.

Заключение

На основании результатов исследования сделан вывод, что юноши – студенты петербургских вузов в большей степени склонны иметь эгалитарные установки в отношении устройства семьи, нежели традиционные; в представлениях молодых людей преобладает позитивный образ приемного отца, реализующего практики вовлеченного отцовства.

В центральной системе представлений юношей-студентов о социальном образе отца кровных детей и образе приемного отца отражены элементы как традиционного («защитник», «кормилец», смелость), так и вовлеченного отцовства (ответственность за воспитательный процесс, забота) – все они прошли стадию стабилизации социального представления. Однако в восприятии молодых людей реализация практик отцовской вовлеченности в большей степени свойственна приемным отцам, нежели кровным. В первом случае элементы «нового» отцовства (в том числе понимание ребенка и особая открытость к нему) доминируют над элементами традиционного, во втором – наоборот.

В периферической системе представлений обоих образах находятся как традиционные (например, занятие традиционно «мужскими» делами – стройкой, рыбалкой), так и более современные взгляды на роль отца в семье (душевность), что свидетельствует о том, что они находятся на стадии активной трансформации, вызванной новыми общественными тенденциями.

При проведении информационной кампании с целью формирования привлекательности образа вовлеченного приемного отца, прежде всего, рекомендуется пропагандировать образ отца, который придерживается демократичного стиля воспитания, проявляет душевность, мягкость в воспитательном процессе, что важно при выстраивании тесного и доверительного взаимодействия между отцом и ребенком. Важно делать акцент на информации о мерах общественной поддержки отцов и приемных семей, деятельности отцовских и родительских объединений (например, «Папа-школы», школы приемных родителей), позволяющих подготовиться к выполнению отцовской роли, специфике суще-

ствующих форм устройства детей в семью (усыновление (удочерение), опека (попечительство), приемная семья) и различиях между ними. Необходимо фокусировать внимание студенческой молодежи на важности роли приемного родителя (значимости преодоления проблемы сиротства в стране, наличии негативных последствий этой проблемы для общества) в целях пробуждения у молодых людей мотивации к приемному отцовству. Следует в большей мере освещать позитивные новости, касающиеся приемных семей. Целесообразно усиливать коллективные представления о значимости семейно-детного образа жизни в современной молодежной культуре с помощью разнообразных источников информации: фильмов, телепрограмм, книг, песен, интернет-ресурсов (информационные, новостные, образовательные статьи и видеоматериалы), учебных программ в образовательных учреждениях (школа, университет) и на частных образовательных курсах.

Обобщая результаты исследования, отметим, что поколению юношей – студентов петербургских вузов в значительной степени свойственны просоциальные, альтруистические установки о поддержке детей в трудных жизненных ситуациях, они готовы помогать детям, нуждающимся в помощи, и рассматривают возможность воспитывать приемных детей в своих будущих семьях как вполне реальную, что подтверждают результаты наших прежних исследований [31]. Полагаем, что ключевое значение для становления отцовской роли в приемных семьях имеет поддержка в обществе культуры «вовлеченного отцовства», позволяющая воспитывать в молодых людях любовь к детям, создавать условия для формирования ценностей и практик заботы о своих и «чужих» детях, укреплять родительский и личностный потенциал.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00770, <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>.

Примечания

1. Здесь и далее С. – студент, возраст.
2. Здесь и далее первое значение – частота встречаемости понятия-ассоциации, второе – его средний ранг.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р. URL: <http://government.ru/docs/all/92699/> (дата обращения: 27.06.2024).
2. Органы опеки и попечительства / Минпросвещения России. URL: <https://edu.gov.ru/activity/statistics/guardianship> (дата обращения: 27.06.2024).

3. Lamb M.E. The Changing Roles of Fathers // In: M.E. Lamb (Ed.). *The Father's Role: Applied Perspectives*. New York, NY: John Wiley, 1986. 461 p.
4. Hawkins A.J., Palkovitz R. Beyond Ticks and Clicks: The Need for More Diverse and Broader Conceptualizations and Measures of Father Involvement // *Journal of Men's Studies*. 1999. Vol. 8. № 1. P. 11–32.
5. Кон И.С. *Мужчина в меняющемся мире*. М.: Время, 2009. 496 с.
6. Мальцева Д.В. Теоретические подходы к изучению отцовства в современной западной социологии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2010. № 5 (99). С. 272–289.
7. Lipasova A. Fatherhood in the Russian Provinces: A Theoretical and Empirical Analysis // *Journal of Social Policy Studies*. 2017. Vol. 15. № 4. P. 629–642.
8. Звонарева А.Е. Теоретико-методологические основы исследования отцовских практик // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 127–134.
9. Гурко Т.А. *Брак и родительство в России*. М.: Институт социологии РАН, 2008. 326 с.
10. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 4 (158). С. 232–272.
11. Рождественская Е.Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 5 (159). С. 155–185.
12. Янак А.Л. Факторная модель отцовской вовлеченности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022. Т. 25. № 4. С. 140–176.
13. Palkovitz R. Reconstructing «Involvement»: Expanding Conceptualizations of Men's Caring in Contemporary Families // In: Hawkins A.J., Dollahite D.C. (Eds.). *Generative Fathering: Beyond Deficit Perspectives*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997. P. 200–216.
14. Pleck J. Paternal Involvement: Revised Conceptualization and Theoretical Linkages with Child Outcomes // In: M.E. Lamb (Eds.). *The Role of the Father in Child Development*. New York: John Wiley & Sons Inc, 2010. P. 58–93.
15. Цветков В.А. Приемная семья как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, по законодательству Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 22 с.
16. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Потенциал успешного родительства в приемных семьях // *Социологические исследования*. 2017. № 11 (403). С. 111–121.
17. Кичаева Е.В., Черняева Т.Н. Аналитика проблемы PR-возможности продвижения позитивного образа приемного родительства // *Специальное образование и социокультурная интеграция*. 2021. № 4. С. 335–343.
18. Безрукова А.Н., Голубь О.В. Теоретико-эмпирический анализ роли отца в приемных семьях // *Приволжский научный вестник*. 2012. № 10 (14). С. 84–91.
19. Мигунова А.В. Приемное отцовство: участие в решении о принятии ребенка в семью на воспитание // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 140–147.
20. Залужная М.В., Заярная М.В. *Социально-педагогическое сопровождение отцов из замещающих семей: теория и практика: Монография*. Ростов-на-Дону: Изд-во ООО «ДГТУ-Принт», 2022. 200 с.
21. Ельникова Г.А., Давитян М.Г., Никулина Н.Н. Особенности родительских стратегий современной студенческой молодежи // *Научный результат. Социология и управление*. 2017. Т. 3. № 1. С. 38–48.
22. Егорова Н.Ю., Рябинская Е.С. Представления студенческой молодежи о роли отца в современной семье // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 99–105.
23. Гурко Т.А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7. № 2 (26). С. 65–80.
24. Данилова М.А. Изучение представлений студентов о приемном родительстве // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2023. Т. 11. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/61PSMN323.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).
25. Moscovici S. *Social Representations. Explorations in Social Psychology*. Cambridge, UK: Polity Press, 2000. 313 p.
26. Бовина И.Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие // *Социологический журнал*. 2010. № 3. С. 5–20.
27. Паутова Л.А. Комплексный подход к исследованию социального представления о стабильности // *Социология: Методология, методы, математические модели*. 2004. № 19. С. 32–65.
28. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. «Продиктовано любовью...»: вовлеченное отцовство в российских семьях, воспитывающих детей с инвалидностью // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 5 (171). С. 122–148.
29. Сашенко Н.П. Структура социальных представлений молодежи о России: проблема идентичности // *Наука. Культура. Общество*. 2020. Т. 26. № 3. С. 8–18.
30. «Пьяный отец с топором кричал: "Где эта тварь? Я ее убью"»: откровения сироты о жизни в приемной семье // 59.ru – новости Перми. URL: <https://59.ru/text/family/2021/05/04/69898586/> (дата обращения: 13.07.2024).
31. Безрукова О.Н. Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика // *Социологический журнал*. 2017. Т. 23. № 1. С. 88–110.

**«IT IS NOT THE FATHER WHO GAVE BIRTH, BUT THE ONE WHO FED,
NOURISHED AND TAUGHT GOODNESS»: THE IMAGE OF AN INVOLVED FOSTER FATHER
IN THE VIEWS OF MALE STUDENTS**

O.N. Bezrukova, E.L. Verzhbitskaya

Saint-Petersburg State University

The article analyses young people's perceptions of involved fatherhood in foster families based on the materials of interviews with young male students of St. Petersburg universities. The research reveals young people's attitudes towards foster fatherhood and parenthood in general; the content of the core and periphery of social perceptions of the image of a foster father and the image of a father of blood children and the dynamics of these perceptions; micro-, me-so- and macro-level factors that determine young men's perceptions of involved fatherhood in foster families; sources of young people's information about the specifics of the implementation of the paternal role, including the role of a father of foster children. High, medium and low levels of students' readiness for foster fatherhood are identified.

It is shown that the positive image of a foster father who implements involved fatherhood prevails in the perceptions of young men. It is concluded that in the students' perception the role of a foster father is in many ways different from that of a blood father: it requires greater involvement in upbringing, care, responsibility, personal maturity, wish to actively interact with children and understand them.

At the same time, a significant proportion of young men have an average level of readiness for adoptive fatherhood. Recommendations are offered to improve the attractiveness of the image of an involved foster father for student youth.

Keywords: parenthood, involved fatherhood, traditional fatherhood, substitute family, foster family, student youth.

УДК 316.334.22

DOI 10.52452/18115942_2025_2_194

ОЦЕНКА РАБОЧИМИ СОВРЕМЕННОГО НАУКОЕМКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ СОСТОЯНИЯ БАЛАНСА ВРЕМЕНИ МЕЖДУ РАБОТОЙ И СЕМЬЕЙ

© 2025 г.

В.Ю. Бочаров

Бочаров Владислав Юрьевич, к.соц.н.; доцент кафедры социологии и культурологии
Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева;
ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург
bocharov@ssau.ru

*Статья поступила в редакцию 18.10.2024**Статья принята к публикации 15.04.2025*

Рассматриваются два взаимосвязанных направления исследований баланса свободного и рабочего времени: work-life conflict и work-family conflict. Приводятся данные анкетного опроса осенью 2023 г. рабочих автоматизированных и неавтоматизированных участков производства современного российского наукоемкого предприятия, свидетельствующие о состоянии социального самочувствия, материального положения и баланса времени между работой и личной жизнью, а также работой и семьей. С опорой методологию социологии жизни делаются выводы о достаточно благоприятном состоянии этих рассмотренных компонентов жизненного мира работников обследованного предприятия по сравнению с данными других исследований. Отмечается слабое влияние уровня автоматизации на состояние баланса рабочего и свободного времени. Обнаруженные различия незначительны и нуждаются в дополнительном исследовании. Среди этих различий можно отметить, что рабочие автоматизированных участков чаще испытывают дефицит времени на развлечения и восстановление сил после работы, тогда как рабочие неавтоматизированных участков чаще отмечают нехватку времени на хобби и увлечения. Даются практические рекомендации по увеличению количества внутрикорпоративных мероприятий, сфокусированных на различных видах внепроизводственной активности рабочих.

Ключевые слова: баланс работы и личной жизни, труд и семья, наукоемкое предприятие, рабочие, социология жизни, дефицит времени, внутрикорпоративные мероприятия.

Введение

В настоящее время баланс между свободным и рабочим временем рассматривается как состояние, при котором человеку удастся успешно сочетать свою профессиональную деятельность, выполняя условия трудового договора или занимаясь самозанятостью, с личной жизнью, удовлетворяя свои потребности в свободном времяпрепровождении, досуге и отдыхе [1]. Главной целью нахождения гармоничного баланса между личным и рабочим временем считается достижение высокого качества жизни как в субъективном, так и объективном аспектах [2].

Анализ темпорального аспекта режима рабочего и свободного времени в зарубежной научной литературе начинается в XX веке с исследований Ф.У. Тейлора [3]. Среди трудов отечественных ученых классическими исследованиями труда и отдыха рабочих считаются книги А.К. Гастева, П.М. Керженцева, О.А. Ерманского, П.А. Попова [4; 5]. Выделяется подход к изучению «бюджета времени», разработанный С.Г. Струмилиным [6]. В последующих

исследованиях советских ученых в 1960–70-х гг. акцент был сделан на том, как режим труда влияет на возможности и виды досуга работников, а также на соотношение между их рабочим и свободным временем [7]. В это же время за рубежом осуществлялись исследования, в которых отмечалась тенденция значительного сокращения ежедневного рабочего времени и увеличения количества свободного, происходившего на фоне роста реальных доходов наемного персонала.

Дальнейшие исследования баланса рабочего и свободного времени, которые велись с начала 1980-х гг., осуществлялись на фоне утраты доминирующей роли стандартной занятости. В этот период стали широко применяться практики гибкой занятости, позволяющие работникам контролировать, в первую очередь, свои рабочие графики и количество рабочего времени [8]. Однако с новыми возможностями возникли и новые сложности, часто связанные с удлинением рабочего времени, что стало причиной растущего дефицита времени для выполнения семейных и родительских обязанностей [9]. К

началу XXI века значительная доля наемных работников оказались вовлечены именно в такие нестандартные, по меркам XX века, режимы работы с «плавающими» графиками рабочих смен и сверхнормативным использованием работодателем рабочего времени наемного персонала [10].

Современные исследования баланса свободного и рабочего времени ведутся, как правило, в рамках двух взаимосвязанных направлений: *work-life conflict* и *work-family conflict* [11]. В исследованиях, посвященных анализу конфликта между работой и личной жизнью (*work-life conflict*), доказываемая связь между наличием конфликта «работа – личная жизнь» и снижением удовлетворенности работой и жизнью [12] и существование прямой связи между величиной рабочего времени и социальным самочувствием работника (в зарубежных исследованиях – *subjective well-being*) [13–15]. Стоит отметить, что опыт наших собственных исследований позволяет утверждать, что баланс рабочего времени и личной жизни может являться основанием для типологизации работников с целью последующего анализа стратегий их трудового поведения [16].

Другое направление исследований – *work-family conflict* – посвящено главным образом анализу взаимного влияния работы и семьи с точки зрения ролевого конфликта между этими сферами, то есть когда время, посвященное требованиям одной роли, затрудняет выполнение требований другой [17]. Исследования, выполненные в рамках этого направления, показывают, что режим рабочего дня существенно влияет на состояние баланса работа – семья [18]. При этом опыт наших собственных исследований свидетельствует, что от 40 до 65% (по разным показателям) занятых в российской экономике сталкиваются с нехваткой свободного времени для удовлетворения семейных и досуговых потребностей [19].

Становление нового технологического уклада производства, характерного для постиндустриальной экономики, обусловило актуальность исследований, посвященных достижению гармоничного баланса между с одной стороны работой, а с другой – личной и семейной жизнью. При этом эмпирические исследования на российских предприятиях, использующих новые наукоемкие технологии производства с широким применением робототехники, цифровых технологий и целых автоматизированных участков производства, только еще начинаются. Одной из задач проведенного нами исследования была оценка состояния баланса рабочего и свободного времени с позиций современных

подходов *work-life conflict* и *work-family conflict*. Относительно этой задачи исследования наша гипотеза состояла в том, что баланс рабочего и свободного времени работников современного наукоемкого предприятия в условиях стабильной стандартной занятости находится в гармоничном состоянии по отношению к высокопрекаризованным секторам экономики (прежде всего сферы услуг). Дополнительно в исследовании выяснялась роль уровня автоматизации рабочей среды в гармоничном состоянии баланса рабочего и свободного времени.

Методология исследования

Методологической основой наших исследований является концепция «социологии жизни», разработанная российским ученым Ж.Т. Тощенко. Ключевым является понятие «жизненный мир», которое описывает область объективно обусловленного и субъективно значимого опыта людей, а также их системы коммуникаций и формы социального взаимодействия, регулируемые ценностными и символическими посредниками [20]. Следуя этой методологии, мы фокусируемся на рассмотрении в совокупном единстве объективных условий и субъективных факторов жизненного мира наемных работников, вступающих в трудовые отношения, признавая важность и взаимное влияние сферы производства и внепроизводственной активности, включающей семейную жизнь работника.

Представленное эмпирическое исследование носило поисковый характер и проведено на одном из российских промышленных предприятий осенью 2023 г. Анонимный анкетный опрос был организован среди работников занятых на автоматизированных («А») и неавтоматизированных («НА») производственных участках этого предприятия. Такая группировка использовалась для проверки гипотезы о влиянии уровня автоматизации на доминирующий тип мотивации работников и другие элементы их жизненного мира [21]. Опрос проводился в офлайн-формате на территории предприятия с целевым отбором, отражающим репрезентативную кадровую структуру по полу, возрасту и категориям работников (подробно о выборке и методах исследования см.: [22]).

Результаты исследования

В период проведения исследования (осень 2023 г.) наблюдались достаточно благоприятные для работников предприятия условия их трудовой жизни, что подтверждалось показате-

Таблица 1

**Оценка работниками изменения своего материального положения в 2023 г.
(в %, по всему массиву опрошенных)**

Группы респондентов	В той или иной мере улучшилось	В той или иной мере ухудшилось	Индекс изменения материального положения (абс. значение)
По производственным участкам			
Работники «А»-участков	65.2	21.7	0.35
Работники «НА»-участков	70.0	17.5	0.38
В целом по массиву опрошенных	67.4	19.8	0.36

Источник: составлено автором на основе анкетного опроса.

Примечания: 1. Остальные респонденты затруднились с ответом. 2. Методика подсчета индекса изменения материального положения основана на придании каждому варианту ответа на поставленный выше вопрос определенного веса от +1.0 до –1.0 (+1.0; +0.5; 0.0; –0.5; –1.0). Его значение может иметь величину от (+1.0) – «стало заметно лучше» до (–1.0) – «стало заметно хуже».

Таблица 2

**Доли работников, испытывающих дефицит свободного времени
(в %, по всему массиву опрошенных)**

Свободного времени скорее или совершенно недостаточно...	Работники «А»-участков	Работники «НА»-участков	В целом по массиву опрошенных
На личную жизнь, любовь	19.6	25.0	22.1
На общение с друзьями	19.6	25.0	22.1
На общение с семьей	15.6	12.8	14.3
На занятия спортом, фитнесом	23.9	25.0	24.4
На приготовление пищи, правильное питание	17.4	15.0	16.3
На хобби и увлечения	21.7	30.0	25.6
На самообразование и саморазвитие	21.7	17.5	19.8
На развлечения	26.1	20.0	23.3
На отдых и восстановление сил после работы	26.1	20.0	23.3
На уход за внешностью	13.3	12.5	12.9

Источник: составлено автором на основе анкетного опроса.

лями хорошего социального самочувствия – сводный индекс +0.41 (индекс социального самочувствия изменяется в пределах от –1.0 (минимальный уровень) до +1.0) [21]. Наблюдалась и позитивная динамика оценок работниками своего материального положения. Вопрос в анкете формулировался следующим образом: «Как изменилось материальное положение Вашей семьи или Ваше, если Вы живете в одиночку, в 2023 году?» Из таблицы 1 видно, что около 2/3 опрошенных работников отметили улучшение своего материального положения, а значение индекса изменения материального положения составило +0.36 (табл. 1).

Полученные в ходе опроса оценки работников относительно состояния баланса их свободного и рабочего времени свидетельствуют, что большинство респондентов не испытывают дефицита времени на общение со своей семьей (об этом сообщили только 14.3% опрошенных). Однако при этом каждый четвертый респондент испытывает нехватку свободного времени для занятий спортом, фитнесом и на «хобби и увлечения». Почти такие же доли опрошенных работников отмечают дефицит времени на развлечения и отдых после работы (по 23.3%), а

также на личные отношения и общение с друзьями (по 22.1%) (табл. 2).

Заключение

Поисковый характер выполненного исследования ограничивает возможность для широких обобщений. Однако если рассматривать ситуацию именно на обследованном предприятии, то проведенное исследование позволяет говорить о достаточно благоприятном состоянии баланса времени между работой и семьей работников обследованного наукоемкого предприятия, особенно если сравнивать с данными наших исследований сферы услуг и технологически слабо модернизированных промышленных производств [19]. При этом влияние уровня автоматизации на состояние баланса рабочего и свободного оказалось слабо выраженным. Обнаруженные различия незначительны и нуждаются в дополнительном исследовании. Например, работники «А»-участков чаще сообщали о дефиците времени на отдых и восстановление сил после работы (по 26.1%), тогда как работники «НА»-участков чаще отмечают нехватку времени на хобби и увлечения (30.0%).

Полученные результаты исследования позволили сформулировать для руководства обследованного предприятия ряд рекомендаций по проведению внутрикорпоративных мероприятий. В их рамках социологами было рекомендовано уделить особое внимание различным видам внепроизводственной активности рабочих. Для этого целесообразно проведение мероприятий развлекательного, спортивного и познавательного характера для совместного проведения работниками досуга. Такие мероприятия могут проводиться как на территории предприятия (организация спортивной площадки, кружков по интересам), так и организованным выездом в учреждения культуры. При невозможности обеспечить достаточный объем финансирования таких мероприятий за счет средств предприятия целесообразно привлечь к такой работе профессиональные союзы. В некоторых случаях, когда посещение культурно-развлекательного мероприятия не может быть обеспечено в массовом порядке (высокие финансовые затраты, производственная необходимость и т. п.), билеты на него могут служить дополнительным бонусом поощрения за хорошую работу и активное участие в производственной жизни.

Публикация подготовлена на основе научно-исследовательской работы, проведенной работниками Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва в 2023 г. в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Список литературы

1. Бочаров В.Ю. Баланс свободного и рабочего времени // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/balans-svobodnogo-i-rabochego-vremeni-6ea61c?v=8555796>. (дата обращения: 02.10.2024).
2. Рождественская Е.Ю. Концепция баланса жизни и труда: уроки европейской социальной политики и российские перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 4. С. 439–454.
3. Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента: Пер. с англ. М.: Контроллинг, 1991. 104 с.
4. Гастев А.К. Как надо работать. М.: Экономика, 1972. 478 с.
5. Научная организация труда и управления / Под общ. ред. ак. А.Н. Щербаня. М.: Экономика, 1965. 429 с.
6. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982. 471 с.
7. Пруденский Г.А. Проблемы рабочего и вне рабочего времени. М.: Наука, 1972. 334 с.
8. Kalleberg A.L. Nonstandard employment relations: Part-time, temporary, and contract work // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. P. 341–365.
9. Bulanda R.E., Lippmann S. Wrinkles in parental time with children: work, family structure, and gender // Michigan Family Review. 2009. Vol. 13. Issue 1. P. 5–20.
10. Presser H.B. Working in a 24/7 economy: Challenges for American families. New York: Russell Sage Foundation, 2005. 267 p.
11. Бочаров В.Ю. Концепция баланса работы и личной жизни как основание для типологии стратегий трудового поведения рабочей молодежи // Социально-трудовые исследования. 2020. № 39 (2). С. 113–129. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129.
12. Chung H. & van der Lippe T. Flexible working, work–life balance, and gender equality: Introduction // Social Indicators Research. 2020. Vol. 151. P. 365–381. DOI: 10.1007/s11205-018-2025-x.
13. Моспан А.Н. Взаимосвязь баланса между работой и личной жизнью с демографическими и трудовыми характеристиками личности и ее субъективным благополучием // Организационная психология. 2014. Т. 4. № 3. С. 95–107.
14. Esenaliev D., Ferguson N.T.N. The impact of job quality on wellbeing: Evidence from Kyrgyzstan // Social Indicators Research. 2019. Vol. 144. P. 337–378. DOI: 10.1007/s11205-018-1998-9.
15. Chandola T., Booker C.L., Kumari M., Benzeval M. Are flexible work arrangements associated with lower levels of chronic stress-related biomarkers? A study of 6025 employees in the UK household longitudinal study // Sociology. 2019. Vol. 53. Issue 4. P. 779–799. DOI: 10.1177/0038038519826014.
16. Бочаров В.Ю. Баланс работы и личной жизни как основание типологического анализа трудового поведения // Качество занятости наёмных работников и самозанятых в России / Отв. ред. Г.Р. Баймурзина, Р.М. Валиахметов; ФНИСЦ РАН, УУНиТ; РОС. М.: ФНИСЦ РАН. 2023. С. 7–14.
17. Greenhaus J.H., Collins K.M., Shaw J.D. The relation between work–family balance and quality of life // Journal of Vocational Behavior. 2003. Vol. 63. P. 510–531. DOI: 10.1016/S0001-8791(02)00042-8.
18. Bison I., Scalcon A. From 07.00 to 22.00: A dual-earner couple's typical day in Italy. Old questions and new evidence from social sequence analysis // Sequence Analysis and Related Approaches, Life Course Research and Social Policies. 2018. № 10. P. 241–257. DOI: 10.1007/978-3-319-95420-2-14.
19. Гаврилюк Т.В., Гаврилюк В.В., Бочаров В.Ю., Сотков О.Л. Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса: Коллективная монография / Под ред. Т.В. Гаврилюк. М.: Флинта, 2020. 408 с.
20. Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.
21. Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В., Иванов Д.Ю. и др. Факторы трудовой мотивации работников предприятий аэрокосмического кластера в условиях цифровизации и роботизации // Семиотические исследования / Semiotic studies. 2023. Т. 3. № 4. С. 100–113. DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-100-113.
22. Бочаров В.Ю. Дифференциация трудовых отношений на современном наукоемком предприятии (опыт case-study) // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 54–65. DOI: 10.31857/S0132162524050042.

**MODERN HIGH-TECH ENTERPRISE WORKERS ASSESS THE STATE
OF WORK-FAMILY BALANCE****V.Yu. Bocharov**

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

In this article two interrelated areas of researching the balance between free and working time: “work-life conflict” and “work-family conflict” are considered. The article presents the data of a questionnaire survey conducted in the fall of 2023 among workers in automated and non-automated production areas of a modern Russian high-tech enterprise, indicating the state of workers' social well-being, their financial situation and the time balance between work and personal life, as well as between work and family. Using the methodology of the sociology of life, conclusions are made about a fairly favorable state of these considered components of the life world of workers of the surveyed enterprise in comparison with the data of other studies. A weak influence of the automation level on the state of the balance of work and free time is noted. The discovered differences are insignificant and require further research. Among these differences, it can be noted that workers in automated areas more often experience a lack of time for entertainment and recovery after work, while workers in non-automated areas more often report a lack of time for hobbies and interests. Practical recommendations for increasing the number of internal corporate events focused on various types of non-production activities of workers are given.

Keywords: work-life balance, work and family, high-tech enterprise, workers, sociology of life, time deficit, corporate events.

УДК 316; 159.9.07

DOI 10.52452/18115942_2025_2_199

СЕМЬЯ ИЛИ КАРЬЕРА: ОБРАЗЫ СЕМЕЙНОЙ И РАБОТАЮЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МОЛОДЕЖИ

© 2025 г.

Н.В. Вараева

Вараева Надежда Валерьевна, к.психол.н.; доцент кафедры психологии развития личности
Нижегородского государственного университета им. Лобачевского
Nadezhda@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 03.02.2025**Статья принята к публикации 15.04.2025*

Рассматривается содержание и особенности образов семейной и работающей женщины в представлениях российской студенческой молодежи в контексте репродуктивных установок и карьерных планов будущих женщин. Содержание социально-перцептивных образов изучалось при помощи методики СОЧ(И) – Собираемый образ человека (иерархический) В.Л. Ситникова. В исследовании приняли участие 70 девушек-студенток из двух вузов Нижнего Новгорода. Эмпирическое исследование подтвердило гипотезу о различии содержания образов семейной и работающей женщины. Работающая женщина представляется уставшей, а семейная – ассоциируется с образом домохозяйки, не выбирающей за пределы дома. Наиболее привлекательным выступает образ бизнесвумен, ассоциирующийся со свободой, успехом и богатством, что приводит к ориентации девушек на построение карьеры до момента создания семьи и отодвигает материнство на более поздние сроки.

Ключевые слова: репродуктивное поведение женщин, женская занятость, социально-перцептивные образы, семейная женщина, работающая женщина, образ Я.

Введение

Интенсивные изменения, характерные для современной реальности, дали женщинам новые перспективы развития. Технологический прогресс, цифровизация и связанное с этим перераспределение социальных ролей и функций в современном обществе открывают все больше возможностей для профессиональной и карьерной самореализации женщины. Женщины становятся все более социально активными, инициативными и независимыми. «Итогом века XX и стартовыми позициями начала XXI века стала женщина эмансипированная, образованная, поллитатусная и многоролевая, способная к солидаризации в защите своих социальных интересов, динамичная и инновационно чувствительная» [1, с. 7]. Это проявляется как в самовосприятии женщины, ее идентичности, так и в выборе социальных ролей, что затрагивает такие жизненно важные сферы, как создание семьи и материнство. Конкуренция рождения ребенка с другими этапами жизненного цикла женщины сдвигает возраст вступления в родительство к более поздним срокам и нередко приводит к снижению числа детей в целом [2, с. 362]. Тенденция снижения числа детей на одну женщину и повышения среднего возраста материнства проявляется во многих развитых странах [2, с. 361]. В России после недолгого роста

рождаемости вновь наблюдается снижение репродуктивного поведения женщин [3, с. 26].

Современная женщина, в большинстве случаев, совмещает роли жены, матери, хозяйки дома и специалиста в трудовом коллективе. Уровень занятости женщин 20–49 лет, имеющих детей до 18 лет, составляет 80.2% [4]. За последние годы среди женщин появилось большое количество самозанятых, «работающих на себя». В 2020-х гг. среди индивидуальных предпринимателей и самозанятых доля женщин составляет около 43%. Женщины возглавляют около 40% коммерческих предприятий. Доля женского предпринимательства в социальной сфере достигла 90%, в сфере услуг – 58% [5, с. 9].

С позиции ролевых функций и ожиданий семейная и работающая женщина – это разные модели. Ожидания работодателей и клиентов продиктованы потребностями и задачами выполняемой деятельности и соответствуют занимаемой должности. В семье мужчины ожидают от жены поддержания эстетической и психотерапевтической функции супружества, а также выполнения родительско-воспитательной функции [6]. Эти представления связаны не только с потребностями текущего времени, они «прописаны» в культурных кодах, социальных и гендерных стереотипах в виде ролевых моделей и обобщенных социально-перцептивных образов.

Образ есть предвосхищенный результат любой программы поведения или деятельности. Обобщенные образы являются ориентирами для оценки окружающих людей и самого себя. В.Л. Ситников показывает, что образ «не только фиксирует представления о природе человека, но и содержит нормативные элементы, указывая на предназначение, смысл жизни человека, на некие конкретные образцы личности, достойные подражания» [7]. Обобщенные социально-перцептивные образы отражают общекультурные традиции и стереотипы, новые смыслы нового времени, личный опыт субъекта, его потребности, качества и переживания [8]. Готовность соответствовать этим образам и моделям определяет путь социализации и само-реализации девушек в социуме.

Современное поколение юношей и девушек, свободное от многих социальных практик прошлого, по-новому воспринимает идеи о равноправии полов [9, с. 16]. Молодежь легко и охотно впитывает новый тренд современности на успешность, активно пропагандируемый в рекламе и средствах массовой информации. Наиболее привлекательным становится социально преуспевший человек, «причем эта успешность является результатом личного брендинга: формирования красивого, стройного, ухоженного тела, поддержания здорового образа жизни, соблюдения правильного питания и т. д.» [10, с. 48]. И если для становления мужчины этот образ, в целом соответствующий представлениям о мужской реализации, не несет противоречий, то при социализации девушки и женщины он провоцирует ролевой конфликт, ставящий под угрозу как ее идентичность, так и социальную реализацию в таких жизненно важных сферах, как создание семьи, материнство и трудовая деятельность. Трудности совмещения женской занятости и материнства особенно проявляются у ориентированных на карьеру женщин с высшим образованием [2, с. 371]. В связи с этим представляется актуальным исследование образов работающих и семейной женщины в представлении студенческой молодежи. Цель исследования – изучение содержания и особенностей образов семейной и работающей женщины в системе других представлений у девушек 18–22 лет.

Проверялись гипотезы: 1) образы семейной и работающей женщины имеют разное содержание; 2) образ Я девушек включает в себя элементы этих образов.

Теоретические основы и методы исследования

В социологических исследованиях активно рассматривается проблема репродуктивного

поведения женщин [2; 11], в том числе имеющих трудовую занятость. Наиболее предпочитаемой в России XX–XXI вв. была и остается семья с двумя детьми. Добровольная бездетность не является желательным сценарием ни для мужчин, ни для женщин [12]. Однако установка на двухдетную модель семьи в фактических условиях не всегда реализуется [2]. Причины ухода от многодетной семьи и снижения рождаемости авторы исследований видят в росте женской занятости и повышении образовательного уровня, в связи с изменением ценностно-смысловой структуры личности, с одной стороны, и в особенностях государственной политики, декларативно поощряющей рождение детей при отсутствии механизмов, упрощающих совмещение трудовой деятельности и ухода за ребенком, – с другой. Время, проведенное женщиной в декретном отпуске, снижает ее профессиональные навыки и конкурентоспособность на рынке труда практически так же, как безработица. Несмотря на рост социальной поддержки женщин с детьми на уровне государственных программ, уязвимость женщины с детьми на рынке труда сохраняется [3, с. 30]. Кроме того, в настоящее время возраст возможного рождения ребенка постоянно увеличивается, что позволяет женщинам откладывать планирование семьи на более поздние сроки.

Неменьший интерес представляют исследования занятости и деловой активности женщин. В исследовании Г.В. Турецкой были выделены три типа работающих женщин, связанных с типами деловой активности: инновационный, профессиональный и вынужденный. «Инновационный» тип характеризуется высокой степенью самостоятельности, ответственности, напряженности, наличия риска и управленческих ролей на фоне высокой эмоциональной вовлеченности в работу. Представительницы двух других групп, как правило, имеют статус наемных работниц и, проявляя стремление к повышению своего делового статуса, не готовы к росту напряженности и риска работы [13].

Семья в большей степени является ценностью у вынужденно активных и инновационно активных женщин, и у всех трех групп ценность семьи превышает ценность работы. Интересно, что большее количество семейных женщин с детьми оказалось в группе инновационно активных (75% респонденток замужем и 79% – имеют детей). В двух других выборках количество женщин, имеющих семью, составляет 55–56%.

Оценка степени реализованности жизненных планов респонденток в отношении семьи и работы показала, что инновационно активные женщины оценивают выше обе эти сферы. При

этом средняя по выборке оценка степени реализованности в работе и у инновационно активных, и у профессионально активных женщин на 0.5 балла выше оценки реализованности в семье, тогда как вынужденно активные женщины выше оценивают свою реализацию в семье [13, с. 71].

Анализ стратегий преодоления ролевой перегрузки в этих трех группах показал, что в работе все женщины на первое место ставят стратегию «суперженщины» (стремление работать много и тяжело, чтобы идеально выполнить все задачи). Доминирующие стратегии дома имеют ряд различий, но у всех женщин среди доминирующих отмечена стратегия отсекаания (избегание дополнительных обязанностей, менее значимых для личности) [13, с. 72].

Таким образом, работающая женщина, независимо от сферы деятельности, по-прежнему сохраняет ценность семьи и материнства. Социальная роль замужней женщины в России престижна [14, с. 112]. Однако, выкладываясь на работе, женщина вынуждена экономить свои ресурсы дома. Это нередко порождает чувство вины в связи с недостаточным вниманием по отношению к близким, детям, выполнению своих хозяйственных функций [13, с. 69]. При этом инновационно активная женщина, женщина-предприниматель, выглядит и ощущает себя более успешной и реализованной во многих жизненных сферах, включая семью и трудовую деятельность или бизнес. Это может порождать иллюзию более легкого пути достижения благополучия при выборе приоритета карьеры, особенно в сфере индивидуального предпринимательства, без учета личностных качеств и особенностей женщин, добившихся успеха в профессии или бизнесе. Тогда как женщины «инновационного» типа в значимых личных отношениях склонны приуменьшать свои деловые качества и стремятся к большему проявлению женских качеств. «Вынужденно активные» женщины, наоборот, стараются максимально продемонстрировать свои деловые навыки в сфере межличностного взаимодействия [13, с. 71].

В другом исследовании показаны три основных детерминанта погружения женщины в занятость:

1) «семейный неденежный приоритет», когда семейные задачи (быть женой, матерью и т.п.) являются основной ценностью;

2) «моральные или материальные издержки» выхода на работу, когда в семье хватает денег на закрытие семейных потребностей либо женщина не видит экономической выгоды (затраты на няню для детей примерно равны потенциальной оплате труда);

3) «любовь к работе или трудоголизм», когда профессиональная самореализация является абсолютным жизненным приоритетом.

Аналогичные выборы видов погружений в занятость 80% интервьюированных хотели бы видеть и у своих дочерей, чтобы те повторили сценарий матери [4].

Сопоставление групп женщин по типу деловой активности и по детерминантам погружения в занятость позволяет предположить, что женщины инновационного типа при построении карьеры руководствуются своей потребностью в социальной реализации и им действительно нравится то, что они делают, любят свою работу. Вынужденно активные женщины выбирают меньшую занятость и только в том случае, если этот доход является необходимым в семейном бюджете, они меньше всего ориентированы на карьеру и чаще выбирают роль домохозяйки; желание работать у таких женщин часто носит декларативный характер. Профессионально активные женщины оказываются самой нестабильной группой, так как их выбор в пользу работы детерминирован сложной системой ценностей, установок и стереотипов. Именно к ним больше всего применимо утверждение Н.Л. Пушкиревой, что женщина, которой не удалась профессиональная карьера, нередко утешается наличием семьи и детей [14]. Можно предположить, что эта группа наиболее подвержена воздействию социальных изменений и именно она формирует стереотип работающей женщины в представлении молодого поколения.

Однако вышеперечисленные исследования не рассматривают взаимосвязь выбора женщины в пользу семьи или карьеры с ее субъективной картиной мира на уровне образов-представлений, идеалов и самоидентичности. Авторы социологических исследований отмечают значимость ценностной ориентации личности и показывают механизмы формирования ценностей на уровне государственной политики. Но имеет значение и другой механизм формирования ценностных предпочтений, связанный с родовыми сценариями и процессом идентификации.

Идеальный образ женщины в нашей стране в различные исторические периоды претерпевал многократные и значительные изменения. Исторически русская женщина всегда воспринималась как домохозяйка, мать и хранительница очага. Все содержание фольклорных произведений было направлено на разведение жизненных перспектив мальчиков и девочек. Благодаря фольклору закреплялась и гендерная асимметрия в определении женского (дом) и мужского (внедомашняя жизнь) жизненного пространства. Вне зависимости от трудностей, смены женских и мужских ролей в крестьянском мире старались избегать [15, с. 25]. В советский

период в качестве «правильной» модели жизненной стратегии женщин выступает сочетание профессионального труда и материнства [9, с. 9]. Формируется образ трудящейся женщины, в своей социальной реализации равной мужчине. В период революции и Великой Отечественной войны женщины успешно осваивают мужские социальные роли, закрывая рабочие места ушедших на фронт мужчин. Образ хранительницы очага трансформируется в образ женщины-героини, которая по-прежнему остается хранительницей тыла как символа дома, что отражено, например, в песне «Катюша». С приходом перестройки женщинам снова начали возвращать их «истинное предназначение», увеличивая время на ведение домашнего хозяйства и воспитание детей [9, с. 14]. Таким образом, представление о женском идеале в нашей стране развивалось поступательно, неоднократно смещаясь с социальной реализации на внутрисемейную и обратно, приобретая каждый раз новые оттенки.

«Современная женщина, в силу необходимости, активно осваивает те виды деятельности, которые традиционно ей были малодоступны либо не поощрялись. А это, в свою очередь, потребовало активизации и переоценки системы ценностей, выбора новых жизненных ориентиров» [16, с. 68]. Многие девушки стремятся получить высшее образование, рассчитывая таким образом обеспечить себе более успешную социальную реализацию. При этом исследования показывают, что высокий уровень образования современных женщин не оказывает заметного влияния на их уровень благосостояния и карьеру, так как остается нерешенной проблема двойной занятости женщин на работе и дома и бытовой загруженности. В будние дни женщина тратит на ведение домашнего хозяйства 2,4 часа ежедневно, мужчина – 53 минуты, в выходные дни 4,3 и 2,3 часа соответственно [9, с. 15]. Дилемма «карьера или ребенок» для молодых россиянок в современных условиях стала весьма распространенной [11, с. 8].

Н.Л. Пушкарева приводит в своей статье данные С. Хьюлет, показывающие, что в США почти половина женщин с высоким заработком (49%) не имеют детей. Чем больше преуспевает женщина, тем меньше вероятность выйти замуж и иметь детей [14, с. 117]. Тогда как исследование Г.В. Турецкой на российской выборке показало, что среди женщин с высокой деловой активностью (работающих свыше 60 часов в неделю) и высокой степенью самостоятельности и ответственности на работе 75% замужем и 79% имеют детей. Однако образ успешной женщины все же имеет больше сходств с мужскими обра-

зами [17] и во многом противоположен образам женственности и счастливой женщины. В российском обществе сохраняется общая воспитательная установка, что девочке придется быть более обремененной заботами о семье и детях, чем ее спутнику жизни [14, с. 106].

Было проведено эмпирическое исследование системы социально-перцептивных образов в представлениях студенческой молодежи. Целью исследования было изучение содержания и особенностей образов семейной и работающей женщины в системе других представлений у девушек 18–22 лет. Выборку составили студентки 1-го и 2-го курсов двух вузов Нижнего Новгорода: ННГУ им. Н.И. Лобачевского и Московского гуманитарно-экономического университета, общее число респондентов 70 человек. Система социально-перцептивных образов изучалась при помощи методики СОЧ(И) – Собираемый образ человека (иерархический) В.Л. Ситникова [7], адаптированной к целям исследования. Рассматривались следующие образы: современная женщина, семейная женщина, жена, мать, домохозяйка, работающая женщина, бизнесвумен (женщина-предприниматель), образ Я, Я в будущем. Испытуемых просили описать предложенные категории таким образом, чтобы тот, кто будет читать, легко догадался, о ком идет речь. Ответы могут представлять собой односложные синонимы, ассоциативные образы или развернутые определения. Затем студентов просили оценить записанные ими характеристики как положительные, отрицательные или нейтральные. Обработка результатов осуществлялась методом контент-анализа. По сравнению с прямыми опросами косвенное изучение системы представлений молодежи позволяет выявить скрытые бессознательные установки, определяющие будущий выбор самореализации. По результатам исследования со студентами были организованы дискуссии об особенностях различных образов, причинах и возможных последствиях такого восприятия себя и женских социальных ролей.

Результаты и обсуждения

По результатам исследования получилось, что семейная женщина – это в первую очередь любящая и заботливая мать и хозяйка дома (см. таблицу 1). Наибольшее количество совпадений характеристик выявлено в образах семейной женщины и домохозяйки. Пересечения этих образов присутствуют в ответах 100% испытуемых (30,8% характеристик в образе). Наличие однородных характеристик также характерно для следующих пар образов: семейная

Таблица 1

Частота использования различных характеристик в описаниях женских образов, %

Слова	Семейная женщина	Жена	Мать	Домохозяйка	Работающая женщина	Бизнесвумен	Образ Я	Соврем. жен.
Забота, заботливая	60.6	39.4	63.6	36.4	3.0	–	25.5	26.6
Мать, мама, материнство	39.4	18.2	18.2	21.2	6.1	–	–	10.8
Любовь, любящая	60.6	51.5	66.7	21.2	–	–	17.0	16.6
Хозяйка, хозяйственная, домохозяйка	39.4	30.3	9.1	24.2	–	–	3.8	16.6
Уют, создает уют	21.2	39.4	9.1	15.2	3.0	–	4.3	7.2
Роды, беременность	3.0	3.0	33.3	–	–	–	–	1.5
Жена, замужем	18.2	33.3	9.1	6.1	–	–	–	5.8
Женщина	15.2	36.4	27.3	15.2	9.1	6.1	–	2.3
Ответственная	18.2	9.1	36.4	3.0	39.4	36.4	25.5	18.0
Дом, домашняя	39.4	15.2	12.1	42.4	3.0	6.1	–	2.3
Семейная	51.5	36.4	30.3	60.6	9.1	6.1	–	13.7
Успешная	–	3.0	–	–	18.2	42.4	–	7.9
Богатая, обеспеченная	–	3.0	–	–	12.1	39.4	–	4.6
Собственный заработок	–	–	–	–	45.5	18.2	–	10.1
Уставшая	24.2	–	12.1	27.3	48.5	3.0	4.3	3.8
Трудолюбие	6.1	3.0	9.1	18.2	39.4	27.3	6.4	7.2
Мало времени, спешит	9.1	–	–	3.0	36.4	9.1	4.3	0.8
Готовит еду	27.3	21.2	12.1	57.6	–	–	6.4	8.6
Дети	63.6	21.2	54.6	–	–	–	–	8.6

Таблица 2

Использование одинаковых характеристик в образах

	Работ./Домохоз.	Работ./Сем.	Домохоз./Сем.	Работ./Жена	Домохоз./Жена	Сем./Жена	Работ./Мать	Домохоз./Мать	Сем./Мать	Жена/Мать	Работ./БизнВ.	Домохоз./БизнВ.	Сем./БизнВ.	Жена/БизнВ.	Мать/БизнВ.
Чел., %	63.6	69.7	100	39.4	66.7	87.9	51.5	75.8	87.9	90.9	90.9	36.4	48.5	36.4	42.4
Ср. кол-во слов	1.2	1.2	3.7	0.7	1.7	2.3	0.8	1.6	2.6	2.3	2.4	0.5	0.7	0.5	0.6

женщина – жена, семейная женщина – мать, жена – мать, работающая женщина – бизнесвумен (см. таблицу 2). Пересечения образов работающей и семейной женщины встречаются не во всех ответах; у 30.1% испытуемых эти образы не содержат ни одной общей характеристики. В среднем общие характеристики для этих

образов составляют 2.5 слова, что косвенно подтверждает первую гипотезу исследования.

Основными характеристиками работающей женщины оказались: усталость, наличие собственного заработка и ответственность (см. таблицу 1). Такие характеристики, как «заботливая», «любящая», «хозяйственная», «материн-

Таблица 3

Количество положительных и отрицательных характеристик в образах

	Семейн. жен	Жена	Мать	Домохоз.	Работ. жен	Бизнесвумен	Образ Я
+	474	415	525	404	425	553	515
–	131	65	93	183	208	82	153
Разность +/-	343	350	432	221	217	471	362
Среднее значение	5.0	5.1	6.3	3.2	3.1	6.8	5.3

ство», отсутствуют в описании работающей женщины. Она не рождает детей и не готовит еду.

Анализ количества положительных и отрицательных характеристик в образах показывает, что наиболее привлекательным для респондентов оказался образ женщины-предпринимателя (бизнесвумен) (см. таблицу 3). Наименее позитивными оказались примерно в равной степени образы работающей женщины и домохозяйки. Во время обсуждения девушки единодушно высказались, что работающая женщина представляется им уставшей, так как она вынуждена много работать и потом еще заниматься домашними делами. Домохозяйка же представляется запертой в своем доме и лишенной таким образом свободы. По мнению испытуемых, быть работающей женщиной тяжело, а домохозяйкой скучно. Преодоление этих неблагоприятных факторов девушки видят в образе женщины-предпринимателя, которая сама организует собственную жизнь и обладает как материальной, так и психологической свободой, что в целом соответствует результатам социологических исследований. Главным маркером, выделяющим образ женщины-предпринимателя, выступает ее успешность, однако обоснования успешности, которые девушки приводили в ходе дискуссии, в основном сводятся к свободе действий женщины в этой роли. Фактор усталости, приписываемый работающей женщине, отсутствует в описаниях женщины-предпринимателя. Представляется, что этот образ в сознании девушек несколько романтизирован в силу рекламы и искусственно создается блогерами-предпринимателями с целью продажи своих услуг и товаров. С другой стороны, приведенные в теоретической части работы исследования показывают, что женщины-предприниматели, действительно, ощущают себя более успешными по сравнению с женщинами, работающими по найму. Но они преуспевают и в личной жизни, включая семейную сферу и материнство.

Настораживает, что количество пересечений в описаниях образов бизнесвумен и жены, бизнесвумен и матери критически мало (в среднем 0.5 и 0.6 слова соответственно). С образом семейной женщины общие характеристики встре-

чаются у 48.5% респондентов (в среднем – 0.7 общих слова), с образом матери – у 42.4% (в среднем это 0.6 общих слова). За различными ролевыми портретами может скрываться установка на предпочтение успешной женщины-предпринимателя по сравнению с традиционными женскими ролями матери и жены. Косвенно это проявляется в малом количестве упоминаний материнства при описании себя в будущем. Девушки уделяют больше внимания описаниям социальной сферы и профессиональной реализации. Их мечты больше связаны с возможностью путешествовать и заниматься любимым делом, чем с такими бытовыми составляющими и женскими навыками, как «вкусно готовить», «проводить время с детьми».

Это может приводить к целому ряду последствий: откладыванию создания семьи и рождения ребенка на более поздний возраст, что уже происходит по статистике, отказу работать в системе государственных учреждений и попыткам организации самозанятости, что довольно сложно в молодом возрасте и часто превращается в поиск «легкой работы» со свободным графиком или «блогерство»; и, наконец, проявлению конфликта идентичности при попытке соединения карьеры и семейной реализации, что было показано в одном из предыдущих исследований [18].

Образ современной женщины имеет мало пересечений со всеми представленными в исследовании образами. Наибольшее число пересечений с образом семейной женщины, что подтверждает результаты социологических исследований о престижности для женщины создания семьи. Однако наиболее типичные описания современной женщины – ухоженная, красивая, интеллектуальная, постоянно развивающаяся и независимая – больше соответствуют стереотипу успешности, косвенно проявляющемуся (хотя и через другие характеристики) в описании женщины-предпринимателя.

Образ Я девушек содержит много индивидуальных характеристик и не типологизирован (разные девушки описывают себя отлично друг от друга). В образе Я перечисляются предпочтения, описания отдельных черт своей внеш-

ности. Наиболее часто встречающимися являются характеристики: добрая, красивая, заботливая, ответственная, жизнерадостная, ленивая. Малое количество совпадений характеристик образа Я с другими образами, предположительно, говорит о том, что девушки еще не представляют себя в этих ролях (жены, матери, семейной или работающей женщины). Существуют исследования, показывающие, что с возрастом женщины демонстрируют чуть более высокие репродуктивные намерения, чем когда они находились в возрасте 18–25 лет [2, с. 365].

Важно отметить, что эта тенденция сильнее проявляется у студенток ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Девушки из другого вуза чаще упоминают создание семьи и заботу о детях среди характеристик себя в будущем. Возможно, это связано с выбором более престижного вуза именно как этапа карьерного роста, но это предположение нуждается в дополнительной проверке.

Образ себя в будущем содержит значительно больше положительных характеристик по сравнению с реальным Я. У некоторых испытуемых все характеристики образа Я в будущем помечены как положительные. Это говорит об оптимистичном отношении молодежи к своему будущему. Более детальный анализ образов себя в будущем показал, что описание перспективного Я (Я через 10 лет и Я через 20 лет) тоже имеет мало пересечений с другими образами и больше указывает на свою индивидуальность в собственном восприятии. Однако можно выявить и некоторую тенденцию. Девушкам свойственна активная позиция относительно собственной жизни и стремление соответствовать идеалу успешности, что соответствует современным гендерным стереотипам. Во многих ответах сделан акцент на «любимой работе», совмещении работы и хобби, успешной реализации в профессии. Описание семейной жизни чаще появляется в образе «Я через 20 лет», тогда как профессиональная самореализация больше представлена в описании себя через 10 лет. Возможно, девушкам видится более реальным осуществить профессиональную самореализацию сразу после окончания учебы, чтобы потом, утвердившись в жизни и почувствовав себя увереннее, создавать семью и рожать детей. Такую позицию испытуемые высказывали в ходе дискуссии после выполнения исследования. Анализ социологических исследований показывает заинтересованность молодых женщин до 25 лет в гибком графике работы, чтобы у них появилась возможность сочетать работу и материнство [12]. Возможно, если это условие будет выполнено, готовность создавать семью и рожать детей в более раннем возрасте вернется.

Заключение

Проведенный теоретический и эмпирический анализ показывает, что большинство российских женщин вынуждены совмещать материнство с занятостью на работе. Образы семейной и работающей женщины имеют мало общего в представлении студенческой молодежи. Семейная женщина представляется девушкам домохозяйкой, привязанной к дому и находящей радости в любимом муже и детях. Работающая женщина описана как уставшая, имеющая собственный заработок и ответственная. Наиболее позитивным представляется образ женщины в бизнесе, так как она свободна в своем выборе и не поглощена рутинной. Она представляется девушкам успешной и богатой; и качества, которые этому способствуют, это трудолюбие и ответственность. Через другие характеристики это направленность на успех проявляется и в описании современной женщины. Можно предположить, что образ успешной женщины-предпринимателя в представлении девушек несколько романтизирован, что может приводить к нереалистичной оценке возможностей построения карьеры и откладывания на более поздние сроки семьи и материнства. Традиционное представление о женской идентичности как о женственности, а в ролевом отношении – супружестве и материнстве находит отражение и в современном контексте. Женщины-предприниматели оказываются инициативными не только в карьерном вопросе, но они более успешны и в личной жизни, включая материнство. Причем в отношениях с близкими людьми успешные женщины склонны не демонстрировать своих деловых качеств, отдавая предпочтение женским. В образах себя в будущем девушки больше уделяют внимания описанию социальной реализации в любимой работе, творчестве и путешествиях (в образе Я через 10 лет). В более далекой перспективе (Я через 20 лет) появляются характеристики, связанные с семейным положением и воспитанием детей. Причем у студентов из коммерческого вуза таких характеристик больше по сравнению со студентками государственного университета. Девушки видят для себя обе возможности, но профессиональное и карьерное развитие ставят раньше по времени, отодвигая семью и материнство на более поздние сроки. Возможно, эта тенденция изменится, если у девушек появится больше возможностей совмещать работу и материнство за счет гибкого графика, частичной занятости и других условий.

Список литературы

1. Силласте Г.Г. Социальные транзиты и формирование нового гендерного порядка // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 2. С. 3–16.
2. Тындык А.О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 10. № 3. С. 361–376.
3. Великая Н.М., Князькова Е.А. Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 5. С. 25–37.
4. Черных Е.А. Женщины с семейными обязанностями на российском рынке труда: особенности трудового поведения и совершенствование политики занятости // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 2. С. 14–36.
5. Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н. Социальный статус женщин в российском обществе (1992–2022) // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 4. С. 3–19.
6. Ожигова Л.Н., Лупенко Н.Н. Особенности межличностных отношений и ролевых ожиданий личности в браке // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2017. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mezhlichnostnyh-otnosheniy-i-rolvyh-ozhidaniy-lichnosti-v-brake> (дата обращения: 15.09.2024).
7. Ситников В.Л. Образ ребенка (в сознании детей и взрослых). СПб.: Химиздат, 2001.
8. Вараева Н.В. Образ современного человека в представлениях российской молодежи // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2023. Т. 8. № 3 (31). С. 110–145.
9. Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н. Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900–2020) // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 1. С. 3–21.
10. Благородова Е.А. «Личный брендинг»: потребительская идентичность в культуре постмодернизма // *Вестник славянских культур*. 2018. Т. 49. С. 41–50.
11. Силласте Г.Г. Институт семьи и смена моделей репродуктивного поведения россиян в условиях формирования нового социогендерного порядка и страновой демографической среды // *Цифровая социология*. 2024. Т. 7. № 2. С. 4–12.
12. Захаров С.В., Чурилова Е.В. Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2019. № 3–4 (129). С. 69–89.
13. Турецкая Г.В. Деловая активность женщин и семья // *СоцИс*. 2001. № 2. С. 67–73. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/02-2001/010Turetskaya.pdf> (дата обращения: 30.01.2025).
14. Пушкарева Н.Л. «Нелегко говорить об этом»: женщины-ученые о влиянии научных занятий на их личную и семейную жизнь // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2014. № 3. С. 105–119.
15. Пушкарева Н.Л. Критическое переосмысление проблемы преемственности поколений и необходимость гендерного образования // *Женщина в российском обществе*. 2003. № 1–2. С. 23–31.
16. Кенжеева З.Е. Образ современной женщины: социокультурный аспект // *Вестник Астраханского государственного технического университета*. 2007. № 5 (40). С. 66–72.
17. Вараева Н.В. Счастье и успешность в системе социально-перцептивных образов современных женщин // *Человек и общество в противоречиях и согласии: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-теоретической конференции, Нижний Новгород, 24 ноября 2022 года*. Н. Новгород: ИП Гладкова О.В., 2022. С. 170–175.
18. Вараева Н.В. Феноменология женственности и женская идентичность в современном социуме // *Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления*. М.: Институт психологии РАН, 2020. С. 359–372.

FAMILY OR CAREER: IMAGES OF A MARRIED AND WORKING WOMAN IN THE REPRESENTATION OF YOUNG PEOPLE

N.V. Varava

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article discusses the content and peculiarities of images of a married and working woman in the representations of Russian students in the context of reproductive attitudes and career plans of future women. The content of socio-perceptual images was studied using the «Collective image of a person (hierarchical)» technique (V.L. Sitnikov). The study involved 70 female students from two universities of Nizhny Novgorod. Empirical research has confirmed the hypothesis about the difference in the content of images of a married and a working woman. A working woman is characterized as tired, while a married woman is associated with the image of a stay-at-home mother who does not leave the house. The most attractive image is a businesswoman, associated with freedom, success and wealth, which leads to the orientation to career before starting a family, and pushes motherhood to a later date.

Keywords: reproductive behavior of women, female employment, socio-perceptual images, family woman, working woman, self-image.

УДК 316.654

DOI 10.52452/18115942_2025_2_207

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ О СЕМЬЕ И СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЯХ

© 2025 г.

Н.И. Дунаева, О.А. Барина, Ю.Ф. Курзюкова

Дунаева Наталья Ивановна, к.психол.н.; доц.;
руководитель Центра социально-психологического сопровождения студентов,
доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
nataliadunaeva468@yandex.ru

Барина Ольга Алексеевна, психолог Центра социально-психологического сопровождения студентов
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
olga.valesco@yandex.ru

Курзюкова Юлия Фёдоровна, психолог Центра социально-психологического сопровождения студентов
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kurzyuk22@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 06.11.2024**Статья принята к публикации 22.04.2025*

Рассматриваются проблема ценностного отношения к семейным ценностям и представления о модели семьи современной молодежи. Проблема семьи и семейных ценностей в студенческом возрасте занимает особое место в научном сообществе, так как наблюдаются тенденции, направленные на деформацию института семьи и разрушение традиционных ценностей, которые могут негативно сказываться на молодом поколении. Представлены результаты опроса, позволяющие проследить образ модели семьи и ценностного отношения к семье современных студентов. Результаты исследования констатируют, что для большинства студентов семья играет ключевую роль в их жизни и рассматривается как основа личностного развития, источник эмоциональной поддержки и стабильности. Однако отмечается тенденция, указывающая на снижение значимости института семьи для определенной категории студентов, амбивалентность по поводу перспектив заключения брака: с одной стороны, они выражают неопределенность в отношении вступления в брак, с другой – не исключают такую возможность в будущем.

Ключевые слова: студенты, семейные ценности, семейные отношения, психология семьи, образ модели семьи, центр социально-психологического сопровождения студентов.

Введение

Современная молодежь, вступая во взрослую жизнь, сталкивается с рядом трудностей. В юношеском периоде возникает необходимость самостоятельно принимать ответственные решения, сепарироваться от родителей, выстраивать интимно-личностные отношения с другими, при этом формируются собственное мировоззрение и личностные установки. Поиск партнера для создания брачно-семейных взаимоотношений тоже является неотъемлемой частью жизни для многих юношей и девушек.

Анализ современных исследований показывает, что молодые люди и девушки все чаще затрудняются сделать выбор, что является следствием роста уровня неопределенности в жизни, вызывающего беспокойство и сомнения (Т.В. Кузнецова, А.И. Мунавирова, А.А. Реан, Н.В. Сацук, Д.А. Толмачев) [1–3].

Ряд авторов делают акцент на демографическом кризисе, являющемся следствием упадка

рождаемости, снижению продолжительности и качества жизни, формируя тем самым запрос на необходимость стабилизации социально-экономического положения семьи и предоставления поддержки молодым семьям. Несмотря на многообразие всех факторов, которые провоцируют кризис семьи, основополагающим, как считают современные авторы, является смещение акцентов в сфере жизненных приоритетов семьи на карьеру и независимость [4].

Проблемы семейных ценностей и института семьи рассматриваются на государственном уровне. Это находит отражение в следующих нормативно-правовых документах: Концепция семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года; законопроект «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи» от 2020 г.; проведении Всероссийских молодежных проектов, реализуемых с 2021 г., в которых появился раздел «Укрепление семейных ценностей». Помимо внедрения государствен-

ных программ, направленных на поддержку молодых семей, все чаще современные авторы делают акцент на необходимости изучения проблемы ценностного отношения к семье молодежи, так как традиционные ценности подвергаются трансформации и изменениям. Для некоторых молодых людей характерны упадок семейных ценностей [5], искаженный образ семьи и социальных ролей в семье [6], формирование неэффективных стереотипов, приводящие к неконструктивному межличностному взаимодействию в семье [7; 8].

Анализ современной научной литературы показывает, что существует множество работ, посвященных исследованию изменений семейных ценностей и ориентаций. Согласно эмпирическим данным, полученным в ходе исследования Т.А. Гурко, наблюдается тенденция противоречивого сочетания консервативных установок, привитых родителями, и либеральных норм построения модели собственной семьи. Автор отмечает, что наблюдается приверженность к новым практикам устройства частной жизни, происходит смена двойных стандартов между полами [9]. Ж.В. Чернова и Л.Л. Шпаковская также делают акцент на возросшем количестве противоречивых и амбивалентных тенденций относительно супружеских и родительских ролей [10]. О.Н. Безрукова отмечает, что родительское сознание молодежи отличается неоднородностью и противоречивостью. С одной стороны, родители в большей мере придерживаются традиционных установок о том, что дети являются главным жизненным предназначением, связанным с моральным долгом перед обществом и государством. С другой стороны, подростки чаще представляют деторождение как автономный выбор, не зависящий от долга перед обществом или государством [11].

В настоящее время остро стоит проблема создания специальных условий и социально-психологической поддержки современных студенческих семей. Именно со студенческой молодежью связывают надежды на решение демографических проблем. Т.К. Ростовская в своей работе обращает внимание на то, что студенческая группа наименее защищена с точки зрения создания специальных условий для жизнедеятельности студенческой семьи, что является немаловажными мотивационными механизмами для создания семьи [12].

Особую тревогу вызывает тот факт, что студенты попадают под влияние деструктивного контента, наблюдается тенденция, направленная на разрушение традиционного института семьи, искажение представлений о семейных отношениях, что, несомненно, влияет на глу-

бинные установки и убеждения. Например, в настоящее время растет количество сообществ, подобных «Мужскому государству» (запрещенное на территории РФ экстремистское движение), продвигающих идеи, пропагандирующие искаженные семейные ценности, которые находят отклик среди некоторых студентов, поддерживающих и разделяющих идеи женоненавистничества и радикальных высказываний, касающихся института семьи.

Проведенный нами аналитический обзор литературы показывает рост научного интереса к вопросу ценностного отношения к семье студентов, построению модели будущей семьи [13–16]. Это подтверждается частотой запросов на тему трудностей в процессе выстраивания интимно-личностных взаимоотношений среди студентов.

В 2019 г. в Нижегородском государственном университете был создан Центр социально-психологического сопровождения студентов при факультете социальных наук, целью которого является поддержание психологического здоровья студентов. Специалистами Центра был разработан диагностический инструментарий, направленный на выявление трудностей социально-психологической адаптации и способов выхода из трудных жизненных ситуаций.

За 2019–2024 гг. ежегодное тестирование прошли 14 000 студентов всех факультетов и направлений подготовки. 2335 студентов приняли участие в психокоррекционных мероприятиях, направленных на снятие тревожного состояния, семинарах-тренингах, ориентированных на формирование нравственных и семейных ценностей, нахождение ресурсов и развитие жизнестойкости и сопротивляемости личности в трудных жизненных ситуациях.

Следует отметить, что за данный период психологами Центра было проведено 3102 консультации по проблемам межличностной коммуникации, социально-психологической адаптации, психоэмоционального напряжения. Из общего количества консультаций – 26% по вопросам как возникших трудностей взаимоотношения в родительской семье, так и трудностей построения романтических отношений с противоположным полом.

Каждая такая консультация проходит сугубо по индивидуальному сценарию и ряду запросов, однако чаще всего студенты обращаются с запросами: «Не могу найти девушку/молодого человека...»; «Сложно обращаться с девушками/юношами, не понимаю, как знакомиться»; «Конфликтую со своим партнером, мы не сходимся во взглядах и ценностях...», «Негативный семейный опыт мешает построению отно-

Рис. 1. Распределение ответов студентов о роли семьи в современном обществе, в %

Рис. 2. Распределение ответов студентов о ценностях и установках, которые они хотели бы передать будущим поколениям

шений...», «Не могу отпустить обиду на родителей...». Студенты нередко не только затрудняются в выборе партнера для построения будущих отношений, но и испытывают трудности в формулировании своего личного взгляда на роль семьи в современном обществе.

Эмпирическая база

Нами было организовано эмпирическое исследование, целью которого является изучение отношения современных студентов к семье и семейным ценностям. Была разработана анкета, содержащая следующие блоки вопросов: социально-демографический, представление о модели семейных отношений в современном мире, отношение к разводу, мотивы создания семьи и формы ее организации, роль и модель родительской семьи. Всего в исследовании приняли участие 373 студента нижегородских вузов (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, НИУ РАНХиГС, ННГАСУ). Из них 76.7% девушек и 23.3% юношей. Возрастную группу составили: 76.9% в возрасте от 18 до 20 лет, 19.6% участников – от 21 года до 25 лет, 1.9% участников в возрасте от 26 до 30 лет и 1.6% участников старше 30 лет. Большинство респондентов (95.4%) не состоят в бра-

ке, 3.2% участников женаты или замужем, 1.3% участников находятся в разводе. Статистическая обработка данных осуществлялась в программе Microsoft Excel и SPSS Statistics 27.

Результаты и обсуждение результатов

Обратимся к полученным данным. На вопрос «Как бы Вы оценили роль семьи в современном обществе?» большинство студентов – 73.2% – ответили, что семья является основой общества, обеспечивает поддержку и стабильность жизни. Негативно о роли семьи в современном мире отозвались только 4% опрошенных студентов – семья является источником стресса и конфликтов из-за различных взглядов, мешает саморазвитию (рис. 1).

Большинство опрошенных студентов (32.7%) отметили, что хорошо относятся к модели семейных отношений своих родителей и в своей настоящей и будущей семье хотели бы использовать такие же ролевые модели поведения; 28.7% участников тоже отметили хорошее отношение к семейным устоям родительской семьи, однако для своей нынешней или будущей семьи хотели бы использовать иную модель семейных отношений.

Рис. 3. Распределение ответов студентов об отношении к созданию своей семьи в будущем

Рис. 4. Распределение ответов студентов о наиболее важных факторах для поддержания комфортного климата в семье

Из опыта своей родительской семьи студенты отмечают умение заботиться о близких и поддерживать их в трудные моменты (16.7%), честность и ответственность перед другими (13.5%), умение находить радость в простых моментах, семейные традиции и уважение к старшим (по 10.6%), уважение к людям (10.5%) как наиболее значимые и важные ценности и установки, которые они хотели бы передать следующему поколению (рис. 2).

Большинство опрошенных студентов – 65% отметили, что семья является для них очень важной ценностью, что они мечтают о ней и планируют создать ее в ближайшие годы. Не уверены в создании семьи, но не исключают для себя такой возможности в будущем 29% участников. Думают, что семейная жизнь не подходит для них, или предпочитают жить одни и не рассматривают семейную жизнь как приоритет для себя – по 3% (рис. 3).

Оптимальной (81.5%) формой семейной организации для построения хороших отношений студенты выделили демократичную форму, при которой важные решения принимаются сообща либо принятие решений распределяется на членов семьи в зависимости от талантов и способностей каждого; 1.6% отметили форму организации семьи, в которой наблюдается стремление

партнеров делегировать решение важных вопросов друг другу.

Среди факторов, которые могут способствовать поддержанию комфортного климата в семье, студенты отметили взаимопонимание и уважение между партнерами (28.3%), способность разрешать конфликтные ситуации и принимать компромиссы (18.8%), финансовую и материальную защищенность семьи (15.6%) и грамотно выстроенную коммуникацию в семье (13.5%). Как наименее значимый фактор (0.5%) – поддержка со стороны общества (рис. 4).

Половина всех респондентов отметили, что в модели современной семьи должно быть два ребенка. Следует отметить, что почти треть студентов (28%) считают, что наличие детей в семье необязательно. На наш взгляд, это связано с тем, что долгие годы пропагандировались идеи «чайлдфри» (движение запрещено в РФ), ребенок воспринимался как помеха при реализации собственной траектории развития. Другие же связывали с нежеланием брать ответственность за ребенка, с опасениями за свое здоровье и физическую привлекательность в случае неблагоприятных родов. Это подтверждается обращениями студентов разобраться с данной проблемой на консультациях у психологов Центра. Лишь часть опрошенных студентов

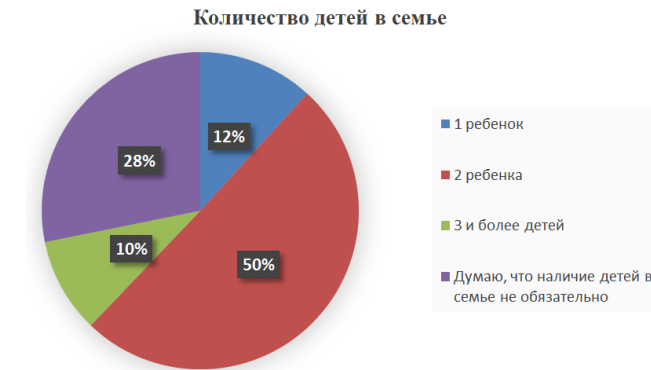

Рис. 5. Распределение ответов студентов о количестве детей в семье

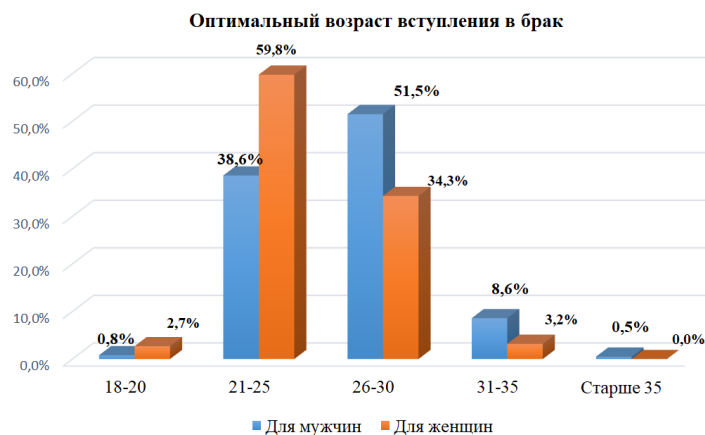

Рис. 6. Распределение ответов студентов об оптимальном возрасте вступления в брак

(10%) полагают, что в современной семье должно быть 3 более детей (рис. 5).

Большинство студентов – 75.6% отметили, что до серьезных отношений или брака можно иметь разных партнеров, однако затем необходимо хранить друг другу верность; 20.1% опрошенных считают, что партнер у каждого должен быть один и на всю жизнь. За различные формы свободных отношений, когда верность не соблюдается одним или несколькими партнерами, выступили 4.3% опрошенных.

59% опрошенных студентов положительно относятся к сожительству до брака и считают, что пара обязана пожить вместе определенное время, чтобы убедиться в прочности своих отношений. Наименьшее количество респондентов – 7.5% оценили совместное до брака проживание скорее отрицательно.

Полученные данные свидетельствуют, что оптимальный возраст для вступления в брак женщин – от 21 года до 25 лет, а для мужчин – между 26 и 30 годами. Наименее подходящий, по мнению респондентов, возраст вступления в брак у мужчин и женщин – старше 35 лет (рис. 6). Больше половины студентов (59.2%) нейтрально относятся к заключению брака во время обучения в вузе, 22.3% респондентов относятся положительно, а 18.5% опрошенных считают,

что в первую очередь необходимо дождаться окончания учебы до вступления в брак.

Рассматривая основные мотивы вступления в брак, респонденты выделяют: любовь между партнерами (29.9%), скорое рождение ребенка (16.6%) и желание уйти от одиночества (11.4%). Наименее значимый мотив – долженствование, то есть чувство долга или сострадания по отношению к партнеру или семье (рис. 7). Таким образом, студенты не готовы создавать семью, основываясь на мотивах «долженствования» или «случайности». Почти треть респондентов отмечают, что готовы к вступлению в брак в случае взаимной любви между партнерами.

Чтобы создать семью, партнеры должны иметь постоянную работу и доход, собственное жилье (37.7% и 29.5% опрошенных соответственно). Одобрение выбора партнера родителями наименее важно: этот фактор как достаточный для создания семьи выбрали лишь 3.9% (рис. 8).

Треть студентов (33.5%) считают измену супружеской верности достаточной для развода. Достаточным основанием для развода, считают студенты, могут быть коммуникативные проблемы в паре (16.6%), нежелание одного из супругов иметь ребенка (12.6%) и различия в характерах (12%).

Мотивы вступления в брак в современном обществе, по мнению студентов

Рис. 7. Распределение ответов студентов о мотивах вступления в брак

Условия, достаточные для создания семьи, по мнению молодежи

Рис. 8. Распределение ответов студентов об условиях, достаточных для создания семьи

Причины, достаточные для развода

Рис. 9. Распределение ответов студентов о причинах, достаточных для развода

Проблемы, связанные с уходом за ребенком, и финансовые трудности в семье как достаточные для развода отметили только 3.2% и 4.8% соответственно (рис. 9).

Также на вопрос «Интересно было бы Вам пройти курс практических занятий или лекций по грамотному выстраиванию партнерских отношений?» большинство респондентов – 74.7% ответили, что им было бы это интересно и желательно в виде совмещенного формата (47.6%) – объединения практических занятий и лекционного материала.

Таким образом, эмпирические данные проведенного исследования свидетельствуют о том, что для большинства студентов семья является важной ценностью, которая рассматривается как основа, обеспечивающая стабильность и

поддержку. Респонденты склонны выбирать нуклеарную модель семьи, отношения в которой построены на любви и доверии.

Заключение

Результаты эмпирического исследования демонстрируют особую важность института семьи для большинства студентов. Преобладающая часть респондентов акцентируют внимание на ключевой роли семьи в их жизни как фундаментальной ценности и приоритетной жизненной цели. Семья рассматривается как основа личностного развития, источник эмоциональной поддержки и стабильности, важный ориентир в достижении жизненных целей и построении благополучного будущего.

Тем не менее отмечается тенденция, указывающая на снижение значимости института семьи для определенной категории студентов. Они амбивалентны по поводу перспектив заключения брака: с одной стороны, неопределенность в отношении вступления в брак в будущем, с другой – не исключают такую возможность. Часть респондентов отдают предпочтение альтернативным формам отношений, которые, по их мнению, могут быть более подходящими и соответствовать их жизненным целям и ценностям, чем традиционная семейная жизнь. Все это обуславливает необходимость дальнейшего изучения и проведения коррекционно-профилактических мероприятий психологами Центра в рамках данной проблемы.

Результаты проведенного исследования могут быть применены психологами Центра для разработки групповых мероприятий для социально-психологического обучения студентов, включающих в себя тренинги по семейной тематике, которые будут способствовать формированию у студентов более осознанного и критического отношения к представлениям о семье, семейных ценностях и способах регулирования внутрисемейных конфликтов; разработки информационных материалов, методических рекомендаций, включая буклеты и памятки-рекомендации для студентов по разрешению трудных ситуаций внутри семей и выстраиванию партнерских отношений. В рамках индивидуальных консультаций результаты исследования позволят психологам Центра выстроить и скорректировать свои подходы, а также подобрать наиболее эффективные методы социально-психологической поддержки студентов.

Список литературы

1. Кузнецова Т.В., Мунавирова А.И., Толмачев Д.А. Характеристика семейных ценностей среди студентов вузов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1. С. 81–83.
2. Реан А.А. Отношение молодежи к институту семьи и семейным ценностям // Национальный психологический журнал. 2016. № 1 (21). С. 3–8.
3. Сацук Н.В. [и др.] Кризис представлений о семейных ценностях у современной молодежи // Universum: психология и образование: Электрон. научн. журн. 2020. № 7 (73). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/9822> (дата обращения: 10.11.2024).
4. Чезганова В.О., Волкова Д.В. Молодежь как особая группа отношения к семейным ценностям // Лучшая студенческая статья 2018: Сб. ст. XVII Междунар. науч.-исслед. конкурса (25 ноября 2018 г., г. Пенза). Ч. 3 / Отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Пенза, 2018. С. 168–170.
5. Акутина С.П. Современная студенческая семья в многомерном пространстве общества: ценностный аспект // Социальная среда и социальная политика: новые подходы и инновационные технологии: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Экон-Информ, 2019. С. 138–141.
6. Айгумова З.И. Семейные ценности современной молодежи (на примере исследования студентов педагогического университета) // Проблемы современного образования. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-tsennosti-sovremennoy-molodezhi-na-primere-issledovaniya-studentov-pedagogicheskogo-universiteta> (дата обращения: 19.08.2024).
7. Зайцева О.Ю. Современная молодежь, ее взгляд на семью и семейные ценности // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. № 11 (59). С. 82–85.
8. Белоусова Н.С., Юдина Н.А. Соотношение ценностных ориентаций и субъективного качества жизни молодежи: Монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. унта, 2017. 88 с.
9. Гурко Т.А., Мамиконян М.С. Установки студентов в брачно-семейной сфере и отношениях между полами // Вестник Института социологии. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovki-studentov-v-brachno-semei-noi-sfere-i-otnosheniyah-mezhdu-polami> (дата обращения: 25.12.2024).
10. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodye-vzroslye-supruzhestvo-i-roditelstvo-diskursivnye-predpisaniya-i-praktiki-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 25.12.2024).
11. Безрукова О.Н. Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика // Социологический журнал. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-detei-i-roditelstva-mezhpokolencheskaya-dinamika> (дата обращения: 17.02.2025).
12. Ростовская Т.К. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей (итоги всероссийского межвузовского исследования) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-studencheskoy-semimotivatsiya-i-zhiznennye-strategii-chlenov-molodyh-studencheskih-semey-itogi-vserossiyskogo> (дата обращения: 25.12.2024).
13. Говорухин Г.Э., Андросова И.С. Семья как ценность и семейные ценности в российском обществе (социологическое исследование семейных ценностей студентов КНАГТУ) // Ученые записки. Комсомольского-на-Амуре гос. технич. ун-та. 2015. Т. 2. № 3 (23). С. 71–81.
14. Зимовина О.А., Аветян Э.Ю. Исследование ценностных отношений девушек к семье // Гуманизация образования. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-tsennostnyh-otnosheniy-devushek-k-semie> (дата обращения: 20.10.2024).
15. Халикова Г.А., Мазурчук Е.О., Мазурчук Н.И. Актуальное состояние ценностного отношения к

семье у студентов // Педагогическое образование в России. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnoe-sostoyanie-tsennostnogo-otnosheniya-k-semie-u-studentov> (дата обращения: 25.10.2024).

16. Хохлова О.М. Семейные ценности в период духовного кризиса в современном российском обществе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 31. С. 661–665.

MODERN STUDENTS' IDEAS ABOUT FAMILY AND FAMILY VALUES

N.I. Dunaeva, O.A. Barinova, Y.F. Kurzyukova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article examines the problem of value attitude to family values and ideas about the family model of modern youth. The problem of family and family values at the student age occupies a special place in the scientific community, as there are trends aimed at deforming the institution of the family and destroying traditional values, which can negatively affect the younger generation. The results of the survey are presented, which make it possible to trace the image of the family model and the value attitude towards the family among modern students. The results of the study state that for most students, the family plays a key role in their lives and is considered as the basis of personal development, a source of emotional support and stability, however, there is a tendency indicating a decrease in the importance of the institution of the family for a certain category of students. They express ambivalence about the prospects of marriage: on the one hand, they express uncertainty about getting married in the future, on the other hand, they do not exclude such a possibility in the future.

Keywords: students, family values, family relations, family psychology, the image of a family model, the center for socio-psychological support of students.

УДК 316.346.32-053.9

DOI 10.52452/18115942_2025_2_215

ДОМАШНИЙ ТРУД И ЗАБОТА О СЕМЬЕ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПОЖИЛЫХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН: ОСОБЕННОСТИ, БАРЬЕРЫ И РЕСУРСЫ

© 2025 г.

Т.С. Киенко, Ю.Н. Плахотнюк

Киенко Татьяна Сергеевна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры социальных технологий
Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
tskienko@sfedu.ru

Плахотнюк Юлия Николаевна, преподаватель кафедры социальных технологий
Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
pozdnikova@sfedu.ru

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024**Статья принята к публикации 21.04.2025*

Целью статьи является поиск особенностей вовлеченности в домашний труд и заботу о семье пожилых мужчин и женщин, а также связей этих особенностей с социальной активностью и самооценками. Эмпирической базой исследования стали дневники времени ($N 117$) и данные анкетного опроса ($N 520$) людей в возрасте старше 60 лет. Судя по данным опроса, большинство пожилых мужчин и женщин предпочитают сохранять автономию, сами заботятся о себе и проявляют заботу о близких. Женщины чаще вовлечены в формы социально-бытовой, культурно-досуговой, образовательно-развивающей и общественной деятельности, а мужчины активнее в политической и трудовой сферах. Пожилые женщины чаще оказывают социально-бытовую и моральную поддержку окружающим и получают помощь от своей семьи, а мужчины больше вовлечены в оказание финансовой помощи другим. Анализ дневников времени показал, что женщины тратят больше времени на повседневные дела и заботу о семье, а мужчины – на формальный труд. Виды домашнего труда часто распределяются на «женские» и «мужские», но распределение дел и времени на них связано с семейным статусом. Расходы времени женщин выше в будни, а мужчин – в выходные дни. То есть занятость мужчин в формальном труде препятствует их участию в домашних делах и заботе о семье, вытесняет из неформальных семейных практик. Мужчины склонны к совместной социальной и неявным формам заботы о семье, которые рассматриваются как потери времени, а не домашний труд. Мужчины в целом ниже оценивают свою активность, хотя вовлечены в разные ее формы. Таким образом, обременение пожилых женщин повседневными делами и обязательствами заботы о семье может рассматриваться не только как социальный барьер, но и как социальный ресурс, фактор более высокой вовлеченности в социальные практики и более высокой самооценки своего участия. В то же время вытеснение мужчин из семейных дел в силу формальной занятости ведет к снижению социальной и внутрисемейной активности и ее самооценок. В целом домашний труд и забота о семье могут рассматриваться не только как социальный барьер, но и как социальный ресурс человека, особенно в старшем возрасте.

Ключевые слова: мужчины и женщины старшего (пожилого) возраста, социальное участие, социальная активность, домашний труд, забота о семье.

Введение

В жизни человека значимое место занимает домашний труд, в частности забота о семье. Традиционно – это преимущественно женская сфера активности, хотя в эгалитарных семьях мужчины делят домашний труд с женщинами. Исследователи расценивают заботу о семье как барьер для социального участия и самореализации женщин. Уход за детьми и супругами отнимает ресурсы и ограничивает активность женщин в других сферах [1]. Особенно остро эта проблема должна была бы касаться женщин пожилого возраста, так как, по данным некоторых исследований, с возрастом роль домашнего

труда растет [2; 3]. Ввиду этого гендерные неравенства затрат и вклада в домашний труд должны приводить ко все большей загруженности стареющих женщин дома и все большей их социальной пассивности, и исключению из внешних, публичных активностей. Тем более это ожидаемо с учетом более низкого статуса пожилых женщин как в сравнении с мужчинами, так и с женщинами более молодого возраста. Ведущая исследовательница старения И.А. Григорьева даже предложила красочную метафору о том, что пожилые женщины шагают «вниз по лестнице возраста и гендера» [4].

В ряде стран так и происходит: например, в Шри-Ланке мужчины значительно активнее

женщин [5]. Исследователи из Китая дают противоречивые данные: Ч. Юин и Ц. Цзин обнаружили, что у пожилых китайских женщин показатели участия ниже, чем у мужчин, разрыв увеличивается с возрастом и отягощается низким экономическим статусом и проживанием с детьми [6]. Однако Г. Сяо и Ю. Фанг говорят о сложной структуре факторов социального участия пожилых китайцев, где гендерные различия связаны с возрастом, экономическим, семейным и иными статусами, в итоге женщины активнее мужчин в одних сферах, но пассивнее в других [7]. Исследования в Сингапуре дополняют нелинейность связей между полом и социальным участием пожилых людей этническими различиями [8]. Некоторые авторы выделяют «мужские» и «женские» формы активности, например японские женщины чаще участвуют в группах по интересам, культурных группах и клубах пожилых людей, а мужчины – в добровольческих, спортивных группах, местных общественных ассоциациях и оплачиваемой работе [9]. Австралийские исследования показывают два разных профиля активности в старшем возрасте – вовлеченные и обладающие потенциалом женщины (чаще сельские) и изолированные мужчины с высокими потребностями в помощи и заботе, проживающие в городах [10]. Канадские исследования сообщают, что оба пола демонстрируют примерно одинаковые показатели участия в старости [11]. То есть, гендерные особенности социальной активности пожилых мужчин и женщин варьируют в зависимости от культурных, экономических, социальных факторов. Более того, противоречивые данные демонстрируют изменчивость представлений о мужских и женских ролях, стратегиях старения, амбивалентность и подвижность гендерных неравенств.

В России женщины активнее мужчин [12] как в сфере социального, так и гражданского участия [13]. При этом они раньше выходят на пенсию, а значит, должны быстрее «разъединяться» с обществом. Но этого не происходит. Более того, соотношение численности мужчин и женщин свидетельствует о гендерном дисбалансе, стремительно растущем по мере старения населения, и оно тоже не в пользу мужчин [14]. Возникает вопрос, почему пожилые российские женщины остаются активными и живут дольше, несмотря на очевидные риски их вытеснения из социальных практик в силу занятости заботой о семье. В поисках объяснений этого противоречия мы решили направить свое внимание на изучение особенностей домашнего труда, заботы о себе и своей семье пожилых российских мужчин и женщин, а также на особенности их социального участия и самооценок социальной активности.

Домашний труд и забота о семье: гендерные и возрастные аспекты

К видам домашнего труда относят заботу о близких (воспитание и уход за детьми, внуками, пожилыми родственниками, супругами и другими членами семьи) и ведение домашнего хозяйства: работы в доме (приготовление пищи, уборка, уход за одеждой, ремонт своими силами, изготовление кустарно-ремесленных изделий для личного пользования), на земле, в сфере услуг (торговля, бытовые, коммунальные и др. услуги) [2]. Несмотря на трансформации ценностей и гендерных стереотипов, в России мужчины заняты хозяйством в меньшей степени, чем женщины: «средний» мужчина в 2011 г. выполнял 3.7 вида домашнего труда, а «средняя» женщина – 5.7 [3]. Однако данные, собранные более десятилетия назад, нуждаются в ревизии с учетом современных российских реалий. М.А. Малкова и Я.М. Рощина отметили, что на распределение домашних обязанностей в домохозяйствах влияет набор ресурсов супругов (образование, профессия, доходы), место проживания (город – сельская местность), их доход (чем ниже доход семьи, тем больше времени тратится на домашний труд); затраты времени и распределение домашнего труда различаются у одиноких и семейных людей, зависят от наличия, числа и возраста детей в семье, необходимости ухода за другими членами семьи. Среди домохозяйственных стратегий М.А. Малкова и Я.М. Рощина выделяют патриархальную, эгалитарно-минимальную, огородническую, заботливую (уход за детьми), эгалитарно-традиционную и повседневно-минимальную. В гендерном разрезе эти стратегии приобретают «мужские» (минимально-домохозяйственный – «минималисты-мастера» и хозяйственный – «мастера») и «женские» черты («домохозяйки», «минималисты-домохозяйки», «воспитатели», «огородники») [3].

Домашний труд женщин занимает больше времени и имеет для них большее значение, но мужчины несколько «переоценивают» затраты женщин, а женщины склонны занижать затраты своих партнеров; тем не менее мужчины на протяжении всей жизни остаются потребителями трансфертов времени, а женщины до глубокой старости производят трансфертов времени больше, чем потребляют, обеспечивая потребности в домашних услугах не только детей и пожилых, но и мужчин [15]. Это может препятствовать их занятости, вступлению в брак, снижать качество жизни [16]. При этом неравное распределение объема домашнего труда воспринимается российскими мужчинами и жен-

щинами как справедливое, а его оценки и удовлетворенность своим вкладом связаны с ценностями (традиционными или эгалитарными), а не затратами как таковыми [17].

Исследователи сообщают, что с возрастом роль домашнего труда растет. Чем старше человек, тем больше в его жизни занимает домашний труд и забота о семье [2; 18]. Особенно это касается женщин: чем они старше, тем больше заняты в домашнем хозяйстве, за исключением лиц старше 80 лет [3]. Это может быть связано с трансформацией ролей и статусов, сокращением внешних социальных контактов и ростом роли неформального семейного окружения для пожилых людей. В то же время современные исследования сообщают о «серьезной эволюции роли мужчин, чьи гендерные практики традиционно находились вне внутреннего домашнего труда» [19]. Социологи старения отмечают трансформации траекторий старения женщин, неопределенность представлений о «порогах старости», тенденции «инфляции возраста» [20], расширенной взрослости или «отложенного старения» в современной России [21]. Стремительные изменения стратегий старения российских мужчин и женщин старших возрастов определяют интерес к теме настоящего исследования.

Цель, методология и методы

Цель данной статьи – выявление особенностей вовлеченности в домашний труд и заботу о семье пожилых мужчин и женщин и связей этих особенностей с их социальной активностью и самооценками. Цель достигается путем выявления особенностей расходов времени на формы домашнего труда, заботы о себе и своей семье пожилых мужчин и женщин, а также сопоставления этих данных с вовлеченностью в другие формы социального участия в старшем возрасте и самооценками своей активности. Гипотезой является предположение о том, что домашний труд и забота о семье не только отнимают продуктивное время жизни (прежде всего женщин) или создают препятствия для социального участия и самореализации человека, но также обладают преимуществами, открывают определенные возможности и ресурсы, которые положительно влияют на вовлеченность в практики социального участия и самооценки в старшем возрасте.

Реализация цели опирается на эмпирическую базу, собранную в ходе выполнения проекта «Социальное участие людей старшего возраста в российских регионах в постпандемический период», поддержанного Российским научным

фондом. Первое направление исследования проходило в форме анкетного опроса пожилых людей в возрасте от 60 до 98 лет в мае–сентябре 2023 г. на территории разных муниципальных образований Ростовской и Свердловской областей силами ученых ЮФУ и УрФУ (методика разработана Т.С. Киенко). Выборка включала 1472 респондента (стратификация по полу, возрасту и месту проживания), затем из нее были отобраны по квотам 520 респондентов (квотирование по семейному статусу и условиям проживания: по 25% лиц, состоящих в супружестве и проживающих с супругами; живущих в семьях детей, внуков и иных родственников; одиноко проживающих у себя дома; проживающих в социальных стационарах). В структуре квотной выборки из 520 респондентов 312 женщин и 208 мужчин в возрасте от 60 до 91 года, 132 жителя сельской и 388 городской местности.

Второе направление исследования включало сбор и анализ дневников времени мужчин и женщин в возрасте от 60 до 93 лет, проживающих в Ростовской области. Пожилые мужчины и женщины заполняли дневники самостоятельно с опорой на инструкции и шаблоны (оригинальная методология разработана д.филос.н., профессором ЮФУ Л.А. Штомпель на основе авторской интерпретации отечественных и зарубежных традиций исследования времени [18; 22; 23]). Предлагалось заполнять дневники времени в течение трех дней, фиксируя все свои активности каждые 15 минут. После заполнения участникам исследования предлагалось проанализировать свои затраты времени и дать им оценку, провести рефлексию «насыщенности» времени [24, с. 8], придать «времени видимую... форму» [25, с. 10]. В феврале – мае 2023 г. было собрано 117 дневников времени, из них 23 оформлены мужчинами и 94 женщинами, в том числе 44 человека проживают в мегаполисе, крупнейших, крупных и больших городах, 56 – в средних и малых городах и 17 – в поселках и сельской местности. По статусу занятости все являются пенсионерами, из них 29 работающих (7 мужчин и 22 женщины). Проживают с супругами 43 человека, самостоятельно – 22, в семье родных, детей и внуков – 17, остальные не указали своего семейного статуса и условий проживания.

Результаты и их обсуждение. Самооценки социальной активности и участие в разных видах деятельности пожилых жителей Дона и Урала

По итогам анкетного опроса доля работающих людей старше 60 лет в составе респонден-

Таблица 1

Самооценка трудового участия респондентов в разрезе пола, занятости, семейного статуса и условий проживания, %

	Ежедневно	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Несколько раз в год	Раз в несколько лет	Никогда
Пол						
Мужчины	24	15	16	10	11	24
Женщины	27	16	18	10	8	21
Занятость						
Работают	55	23	13	4	3	2
Не работают	17	14	18	12	12	28
Семейный статус и условия проживания						
Одинок	22	19	18	9	15	17
С супругом	37	16	12	12	7	15
С семьей детей, внуков	28	20	16	8	10	19
В соц. сервисе	17	7	23	10	6	37
Всего	26	25	17	10	10	22

тов составила 23%; работающих женщин меньше (20%), чем мужчин (27%). При этом 78% опрошенных утверждают, что вовлечены в трудовую деятельность (вопрос «Назовите виды деятельности, в которых вы принимаете участие» предусматривал выбор из перечня видов деятельности (в т.ч. «Трудовая деятельность») и оценку частоты участия в диапазоне от «ежедневно» до «никогда», см. табл. 1), из них четверть (26%) ежедневно, шестая часть – несколько раз в неделю (16%), столько же – несколько раз в месяц (17%), десятая часть – редко (10%), пятая часть – никогда (22%). То есть большинство пожилых людей считают трудом свои повседневные дела, домашний труд, заботу о себе и своих близких. Женщины несколько чаще заняты ежедневным трудом, чем мужчины (27% к 24%). Доля тех, кто никогда не занимается трудовой деятельностью, составляет пятую часть пожилых женщин и почти четверть мужчин (табл. 1). Значительно более весомое значение, чем пол, имеет занятость, семейный статус и условия проживания. Так, работающие ожидаемо чаще вовлечены в трудовое участие ежедневно (55%) и несколько раз в неделю (23%) в сравнении с неработающими (17% и 14%).

Семейные вовлечены в формальный труд чаще (40% живущих с детьми и внуками и 36% живущих с супругами), чем одиноко проживающие пожилые люди (22%); жители социальных стационаров работают. В трудовые практики всех форм и видов постоянно вовлечены 53% живущих с супругами (ежедневно 37% и несколько раз в неделю 16%), 48% живущих с детьми и внуками (28% и 20% соответственно), 41% одиноко проживающих дома (22% и 19%) и лишь 24% жителей социальных сервисов (17% и 7%) (табл. 1).

Пожилые женщины оценивают себя как активные чаще (46%), чем мужчины (36%), в том числе в социально-бытовой сфере (ежедневно и несколько раз в неделю участвуют 55% женщин и 42% мужчин), культурно-досуговой (39% женщин и 27% мужчин), образовательно-развивающей (32% и 27% соответственно) и общественной деятельности, работе клубов, сообществ (30% и 21%). Однако участие в спортивно-оздоровительной, политической и трудовой деятельности значимых различий по полу не имеет, мужчины даже немного активнее в политической сфере и в формальной трудовой занятости.

Большинство пожилых мужчин и женщин ежедневно самостоятельно заботятся о себе (86%) и регулярно проявляют заботу о других, но в первую очередь помогают членам своей семьи, далее друзьям, затем соседям и в последнюю очередь членам сообществ или посторонним людям. Женщины значимо чаще вовлекаются в оказание моральной и социально-бытовой помощи и ухода, а мужчины – финансовой (табл. 2). По другим видам статистически значимых различий нет.

Однако ввиду специфики нашей квотной выборки мы видим различия в разрезе семейного статуса и условий проживания. Так, поддержку всех видов членам своей семьи чаще других оказывают пожилые люди, живущие с детьми и внуками; далее, с существенным отрывом, следуют проживающие с супругами, после одинокие, жители социальных стационаров ожидаемо почти не вовлечены в семейные формы заботы. При этом неожиданностью для исследователей оказалось, что мужчины реже получают помощь и поддержку от членов своей семьи (38%) в сравнении с женщинами (52%).

Таблица 2

Вовлечение респондентов в разные виды помощи членам своей семьи, %						
Пол	Ежедневно	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Несколько раз в год	Раз в несколько лет	Никогда
Финансовая (материальная)						
Мужчины	17	14	19	19	6	24
Женщины	14	13	24	22	11	15
Физическая, трудовая						
Мужчины	16	14	18	13	9	30
Женщины	19	14	16	16	11	25
Техническая						
Мужчины	11	13	21	12	12	32
Женщины	12	13	17	16	14	28
В организации досуга, отдыха, творчества						
Мужчины	8	9	20	14	13	36
Женщины	10	10	21	17	14	27
В обучении и развитии						
Мужчины	9	14	17	9	11	41
Женщины	9	20	17	10	14	31
Моральная						
Мужчины	30	14	18	9	6	23
Женщины	36	20	17	8	7	12
Социальная-бытовая						
Мужчины	13	13	18	8	11	37
Женщины	20	17	15	12	12	25

Зато ожидаемо чаще помощь от своих семей получают семейные люди, живущие с детьми и внуками (64%) и супругами (60%), реже одиноко проживающие (46%) и крайне редко жители стационарных социальных учреждений (14%).

Забота о семье и домашний труд пожилых мужчин и женщин: результаты анализа дневников времени

Сопоставим эти результаты с расходами времени на заботу о семье и домашний труд пожилых жителей Ростовской области, отраженными в дневниках времени. Женщины имеют больше повседневных дел, чем мужчины, и посвящают им на полтора часа больше среднесуточного времени в будни и на час в выходные (табл. 3). В том числе пожилые женщины тратят вдвое больше времени на приготовление пищи, чем мужчины.

Некоторые хозяйственно-бытовые задачи переносятся на конец недели и отнимают у женщин значительно больше времени, чем у мужчин (в среднем на полчаса в выходные дни и на три четверти часа в будни). Зато работа вне дома у женщин в среднем в сутки отнимает 1 час 14 минут, а у мужчин втрое больше (3 часа 48 минут). Это позволяет предположить, что трудоустроенные пожилые мужчины работают в режиме полной занятости, а женщины – неполной. Но и на хобби мужчины в среднем тратят вдвое больше времени, чем женщины, при том что досуговые практики отнимают пример-

но одинаковое среднесуточное время у тех и других (около 4 часов, из них более 2 часов и мужчины, и женщины тратят на просмотр ТВ).

Пожилые женщины больше времени тратят на заботу о семье (в частности, уделяют время внукам), особенно в будние дни. Мужчины на семейную заботу тратят в целом меньше времени, но их вклад существеннее в выходные дни. Женщины дольше гуляют и пьют чай; мужчины дольше едят и чаще смотрят фильмы онлайн. Мужчины чаще читают в будние дни, а женщины – в выходные. Расходы времени на «социальность» примерно равны (около 2 часов в выходные и полутора в будни), но мужчины активнее в выходные. Нет больших гендерных различий во времени на личное общение с членами семьи, но пожилые женщины немного чаще встречаются с друзьями и коллегами (мужчины, судя по всему, это делают в рабочее время). К тому же женщины ведут телефонные разговоры с близкими регулярно (около 20 минут в сутки), а мужчины – в основном в выходные (среднесуточное время 33 минуты, но в будни только 8 минут). При этом мужчины несколько больше времени тратят на уход за домашними животными и общение в социальных сетях в сравнении с женщинами.

Любопытно, что расходы «потерянного», «непродуктивного» времени мужчин выше, чем женщин. Так, мужчины больше времени проводят в ожидании, вдвое больше тратят на поездки в транспорте (40 минут в выходные и 32 минуты в будни) в сравнении с женщинами (17 и

Таблица 3

**Распределение среднесуточного времени на домашний труд и заботу о семье мужчин и женщин,
часы и минуты¹**

Категория	Итого	Женщины в выходные	Женщины в будни	Мужчины в выходные	Мужчины в будни
Вид активности	Сводные данные				
1. Повседневные дела	13:01	14:31:11	12:42	12:53	11:58
<i>Сон (общее кол-во)</i>	8:21	9:05	7:41	8:35	8:01
<i>Ночные пробуждения (короткие)</i>	0:01	0:03	0:01	0:00	0:00
<i>Бессоница, процесс засыпания</i>	0:01	0:02	0:00	0:03	0:00
<i>Личная гигиена</i>	0:42	0:44	0:42	0:44	0:39
<i>Зарядка/пробежка/тренировка/ гим-настика / йога</i>	0:08	0:08	0:09	0:06	0:08
<i>Посещение врача, лечебные процедуры</i>	0:09	0:09	0:12	0:07	0:08
<i>Приём пищи</i>	1:26	1:22	1:16	1:25	1:41
<i>Приготовление пищи</i>	0:45	1:04	1:00	0:31	0:26
<i>Хозяйственная работа по дому (уборка, мытьё посуды и пр.)</i>	1:24	1:50	1:37	1:19	0:51
2. Забота о членах семьи	0:12	0:12	0:18	0:13	0:05
3. Работа	1:19	0:00	1:28	0:00	3:48
4. Религиозная деятельность (молитвы, посещение храма)	0:04	0:13	0:02	0:00	0:01
5. Образование	0:00	0:00	0:00	0:00	0:00
6. Хобби	0:46	0:37	0:28	1:04	0:56
7. «Социальность»	1:50	2:03	1:28	2:23	1:24
8. Досуг	4:00	4:07	3:49	4:16	3:50
9. Непродуктивное время	1:42	1:36	1:26	2:03	1:43
10. Общественно полезная деятельность	0:01	0:00	0:01	0:03	0:00

19 минут соответственно), немного чаще ходят по делам пешком и даже совершают покупки лично и онлайн. Женщины отдают предпочтение готовке, уборке, стирке, садоводству. Мужчины же склонны выполнять виды домашнего труда, которые традиционно считаются «мужскими» (уборка во дворе, ремонтные работы, колка дров). Участие в жизни церкви принимают женщины и крайне редко мужчины, зато, как выясняется, они возят туда своих жен (а также в другие места – на работу, по магазинам). Женщины больше времени проводят помогая внукам в учебе, но при этом на учебу, спорт, творческие кружки возят внуков мужчины либо пожилые супруги вместе.

Интересное наблюдение: жизнь в супружестве синхронизирует домашний труд пожилых супругов. Так, пожилые женатые мужчины затрачивают на выполнение домашних дел такой же объем времени, как и пожилые замужние женщины (приготовление пищи, уборка, покупка продуктов, уход за домашними животными). Мужчины чаще всего вовлечены в «совместную социальность», осуществление повседневных дел вместе со своими женами, расширенными семьями: прогулки и поездки с супругой (в гости, по магазинам, к детям), совместный просмотр телепередач, чтение книг, газет, приготовление и прием пищи. Кроме того, значительное время тратится на заботу о супруге («отвез жену в .../ забрал жену из магазина,

церкви, работы») и о семье «между делом» («поход в магазин, пока жена в церкви»). То есть расходы времени на поездки и ожидание часто на самом деле являются временем заботы о семье, но мужчины свой вклад не замечают.

Живущие в супружестве и в составе расширенных семей мужчины и женщины уделяют примерно одинаковое количество времени детям и внукам («отвезти/забрать внука из сада»), обсуждению общих дел и планов («беседа о прошедшем дне, обсуждение планов на следующий день»). Семейные пожилые мужчины и женщины часто выполняют эти дела вместе, в равной мере участвуют в заботе о младших членах семьи, обсуждении планов на день, в выездных мероприятиях, совместных праздниках, прогулках, хозяйственно-бытовой жизни семьи. Пожилые женщины склонны к организации семейных дел, требующих взаимного участия (чаще иницируют утренние и вечерние разговоры, планирование совместного досуга и отдыха, формы моральной и физической заботы о других членах семьи, соседях и других людях, звонки близким и дальним родственникам), а семейные мужчины участвуют в совместных делах, отвечая на предложения жен. Отметим также, что автор этой методологии профессор Л.А. Штомпель в результате анализа дневников времени приходит к выводу не только о гендерных различиях, но и о существенном разрыве «между средними показателями по ряду видов

активности (хозяйственная работа по дому; общественно полезная деятельность; занятия с внуками и т.д.) и индивидуальными способами структурировать время», что приводит ее к выводу «о необходимости выстраивания разных моделей аллокации (распределения) времени пожилыми людьми» [23, с. 148].

Заключение

Итак, судя по данным опроса, в старшем возрасте большинство пожилых людей считают трудом повседневные дела, домашний труд, заботу о себе и своей семье. Подавляющее большинство как пожилых мужчин, так и женщин стремятся к автономности, сами заботятся о себе, достаточно плотно вовлечены в заботу о своих близких. Можно отметить некоторые гендерные особенности заботы о других: женщины активнее мужчин в сферах социально-бытовой и моральной поддержки, мужчины активнее в трудовой сфере и чаще помогают другим финансово. И те, и другие прежде всего нацелены на ближайшее окружение как главный объект заботы. При этом женщины в старшем возрасте выше оценивают свою социальную активность, чаще принимают участие в широком спектре деятельности как в своей семье, так и вне ее; не только оказывают, но и чаще получают помощь от своей семьи.

Судя по анализу дневников времени, пожилые женщины тратят больше времени на повседневные дела, общение и заботу о других, а мужчины – на формальный труд. Домашний труд, семейные коммуникации и забота о семье воспринимаются женщинами как работа (эти виды деятельности реализуются особенно плотно в будни), а мужчинами – как свободное от работы время (участие активизируется в выходные дни). Женщины отдают предпочтение «женским» видам домашнего труда, а мужчины – «мужским». В повседневных практиках мужские виды и формы активности тяготеют к трудовым сферам, спорту, политике, а женские – к культурно-досуговым, образовательно-развивающим, помогающим практикам. В этом мы обнаруживаем влияния гендерных стереотипов, которые предписывают женщинам семейные роли и заботу о других. Мужчинам больше «к лицу» роль добытчиков, карьерные цели и трудовая деятельность как «серьезная», «мужская», нежели коммуникативная или помогающая активность. Особенности затрат времени на домашние дела, общение и заботу о семье в будни и выходные подтверждают, что занятость мужчин формальным трудом вытесняет, отчуждает, исключает их из неформальных семейных прак-

тик. Возможно, это влияет и на самооценку своей активности. Так, мужчины в целом ниже оценивают свою социальную активность, хотя вовлечены в разные ее формы; по ряду форм и видов активностей затраты времени мужчин и женщин равны, а расходы времени мужчин на «социальность», в том числе семейные коммуникации, не меньше, а в выходные даже больше, чем у женщин. У мужчин также выявлена склонность к «совместной социальности» (прежде всего у живущих в супружестве) и неявным формам заботы о семье, которые рассматриваются ими как потери времени, а не домашний труд. Замечено, что самооценки активности и гендерная специфика распределения времени связаны с семейным статусом.

Полагаем, что если в молодом и зрелом возрасте затраты женщин на семейную заботу и другие виды домашнего труда отвлекают от лично значимых активностей, выступают ограничителями трудовых, потребительских, досуговых практик, самореализации и карьерного продвижения, то в старшем возрасте, напротив, могут давать преимущества. В старшем возрасте формальные роли исполняются реже; значительная доля взаимодействий реализуется в кругу семьи, ближайших родственников, соседей, друзей и институтов заботы [10; 21; 23]; мобильность снижается. Опыт заботы о других, решения семейных проблем, контактов с образовательными, медицинскими, культурно-досуговыми учреждениями и прочие повседневные активности придает женщинам большую социальность, вовлекает их в различные сети. В пожилом возрасте это может становиться преимуществом женщин, позволяет быть вовлеченными и сглаживать одиночество [26], в то время как мужчины подвергаются большим рискам изоляции [27]. Роль «посредника» во взаимодействиях семьи с другими институтами и группами дает возможность занимать выгодную позицию в системе социальных отношений, использовать ресурсы ближних и дальних групп, «сильных» и «слабых» связей, что приводит нас к выводу о потенциале теорий «структурных дыр» Рональда Бёрта [28] и «силы слабых связей» Марка Грановеттера [29] для анализа данной темы. В то же время вытеснение мужчин из семейных дел в силу формальной занятости на протяжении жизни ведет к снижению их активности в других сферах. При этом женщины нагружены семейной заботой в рамках традиционных моделей, но мужские практики домашнего труда остаются еще более закрытыми и недооцененными, в том числе гендерно нежелательными. Забота о семье мужчин остается невостребованной, это привилегия

женщин. Мужчины остаются получателями трансфертов заботы, их оценки собственного вклада в домашний труд и семейную заботу ниже, снижаются и претензии на получение ответной помощи со стороны своей семьи.

Гендерные различия и связанный с ними образ жизни в юности и зрелости с предписанными мужскими и женскими ролями и «желательными» видами домашнего труда, семейной заботы и других форм социального участия в процессе взросления и старения сужают возможности выбора альтернатив. По мере накопления опыта, преимуществ и неравенств на протяжении жизни мужчины все больше отдаляются от шансов стать социально активными, коммуницировать с окружением, выполнять семейные роли помогающих, друзей своих детей и внуков. Это становится не столько личным выбором, сколько итогом множества выборов, которые были сделаны на протяжении жизни и в значительной мере обуславливались жизненными обстоятельствами, институциональными возможностями и гендерными предписаниями. Таким образом, обременение пожилых женщин повседневными делами и обязательствами заботы о семье может рассматриваться не только как социальный барьер, но и как социальный ресурс, фактор более высокой вовлеченности и более высоких самооценок своего участия и вклада. Также отметим, что, несмотря на высокие риски бедности, одиночества российских женщин перед лицом старости, большая часть предложений активного долголетия со стороны государства, социальных служб, СОНКО, культурно-досуговых учреждений, семейных, соседских и даже потребительских практик ориентирована на пожилых женщин. Для пожилых мужчин предлагается меньше приемлемых форм и видов социального участия как в публичных и формальных практиках, так и в неформальном пространстве жизни собственной семьи. Это требует дальнейшего анализа трансформаций гендерных ролей в обществе и их динамики с возрастом.

Авторы выражают признательность доктору социологических наук Марии Владимировне Певной и коллективу кафедры СиТГМУ УрФУ за помощь в сборе и анализе данных опроса, а также доктору философских наук, профессору ЮФУ Людмиле Александровне Штомпель за разработку оригинальной методологии исследования дневников времени и вклад в выполнение научного проекта.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00134 (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>) в Южном федеральном университете.

Примечание

1. В таблице 3 расходы на повседневные дела приведены с детализацией, в отличие от других видов активностей, которые представлены в обобщенном виде.

Список литературы

1. Rozanova J., Keating N., Eales J. Unequal social engagement for older adults: constraints on choice // Canadian Journal on Aging / La Revue canadienne du vieillissement. 2012. № 31 (1). P. 25–36. DOI: 10.1017/S0714980811000675.
2. Караханова Т.М. Домашний труд как потребительская деятельность // Вестник Института социологии. 2014. Т. 1. № 8. С. 108–130.
3. Малкова М.А., Рошина Я.М. Типологический анализ домашнего труда в современной российской семье // Мир России. Социология. Этнология. 2011. Т. 20. № 1. С. 147–166.
4. Григорьева И.А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 5–18. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.1>.
5. Marsh C., Agius P.A., Jayakody G. et al. Factors associated with social participation amongst elders in rural Sri Lanka: A cross-sectional mixed methods analysis // BMC Public Health. 2018. № 18. Article 636. DOI: 10.1186/s12889-018-5482-x.
6. Yuying Z., Jing C. Gender differences in the score and influencing factors of social participation among Chinese elderly // Journal of Women & Aging. 2021. № 34 (4). P. 537–550. DOI: 10.1080/08952841.2021.1988313.
7. Ye L., Xiao J., Fang Y. Heterogeneous trajectory classes of social engagement and sex differences for older adults in China // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. № 17 (22). Article 8322. DOI: 10.3390/ijerph17228322.
8. Ang S. Social participation and mortality among older adults in Singapore: does ethnicity explain gender differences? // The Journals of Gerontology: Series B. 2018. № 73 (8). P. 1470–1479. DOI: 10.1093/geronb/gbw078.
9. Tomioka K., Kurumatani N., Hosoi H. Age and gender differences in the association between social participation and instrumental activities of daily living among community-dwelling elderly // BMC Geriatrics. 2017. № 17 (1). Article 99. DOI: 10.1186/s12877-017-0491-7.
10. Siette J., Berry H., Jorgensen M. et al. Social participation among older adults receiving community care services // Journal of Applied Gerontology. 2021. № 40 (9). P. 997–1007. DOI: 10.1177/0733464820938973.
11. Naud D., G  n  reux M., Alauzet A. et al. Social participation and barriers to community activities among middle-aged and older Canadians: Differences and similarities according to gender and age // Geriatrics and Gerontology International. 2021. № 21 (1). P. 77–84. DOI: 10.1111/ggi.14087.
12. Полтавская М.Б. Социальная активность граждан «третьего возраста»: гендерный аспект (на примере г. Волгограда) // Logos et Praxis. 2018. Т. 17. № 2. С. 48–64.

13. Колпина Л.В. Гражданская активность населения старшего поколения на местном уровне // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 293–308. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.14>.
14. ФСТС. Официальная статистика. Население. Распределение населения по возрастным группам [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPPrJRXLUFoewruFGA8RG3gj67s8oAD6U3cHFicP1O6JJG-7foYRLt5fQe_IvXl1lozL_JfLhhg56xdRmla10JYTysouY1d6ea5U4UPb6tlrH6drKzzTLzG78HsL8CDs9k2Oy7ewwqKjng9A%3D%3D%3Fsign%3DgK2BhnuYR7oJHqfjlp9ERDjkqJCrp66KIOeAQnkwonE%3D&name=demo14.xlsx&nosw=1 (дата обращения: 15.05.2024).
15. Калабихина И.Е., Шайкенова Ж.К. Оценка трансфертов времени внутри домохозяйств // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 4. С. 36–65.
16. Riley L.D., Bowen C.P. The sandwich generation: Challenges and coping strategies of multigenerational families // *The Family Journal*. 2005. № 13 (1). P. 52–58.
17. Макаренцева А.О., Бирюкова С.С., Третьякова Е.А. Представления мужчин и женщин о затратах времени на работу по дому // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 97–114. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.06.
18. Патрушев В.Д. Изменения в условиях жизни и бюджете времени пенсионеров // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 242–245.
19. Натсак О.Д. Гендерное распределение домашнего труда в тувинских семьях // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 1 (44). С. 79–90. DOI: 10.18799/26584956/2022/1/1144.
20. Григорьева И.А., Сизова И.Л. Траектории старения женщин в современной России // Мир России. 2018. Т. 27. № 2. С. 109–135. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135.
21. Grigoryeva I., Parfenova O., Vidasova L. Factors influencing social participation of older people in Russia: study of practices of delayed ageing // *Changing Societies & Personalities*. 2024. № 8 (1). P. 14–36. DOI:10.15826/csp.2024.8.1.261.
22. Штомпель Л.А., Штомпель О.М. Многомерность времени в хронотопе города для россиян «третьего возраста» // Научная мысль Кавказа. 2023. № 3 (115). С. 22–29. DOI: 10.18522/2072-0181-2023-115-22-29.
23. Штомпель Л.А. Время пожилых: возраст жизни или дожития? // Социальное участие людей старших возрастов в российских регионах: Коллективная монография / Под ред. Т.С. Киенко. Ростов-на-Дону: Печатная лавка, 2024. С. 131–148.
24. Артемов В.А. Эскиз социологической концепции социального времени // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 3–9.
25. Шубрт И. Концепция социального времени в социологии – перспективный подход или теоретический тупик? // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 3–11.
26. Park N.S., Jang Y.R., Lee B.S. et al. The mediating role of loneliness in the relation between social engagement and depressive symptoms among older Korean Americans: do men and women differ? // *The Journals of Gerontology: Series B*. 2013. № 68 (2). P. 193–201. DOI: 10.1093/geronb /gbs062.
27. Katagiri K., Kim J.H. Factors determining the social participation of older adults: a comparison between Japan and Korea using EASS 2012 // *PLoS One*. 2018. № 13 (4). Article e0194703. DOI: 10.1371/journal.pone.0194703.
28. Burt R.S. Structural Holes and Good Ideas // *American Journal of Sociology*. 2004. № 110. P. 349–399.
29. Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties // *American Journal of Sociology*. 1973. № 78. P. 1360–1380.

HOUSEHOLD WORK AND FAMILY CARE IN THE STRUCTURE OF SOCIAL ACTIVITY OF OLDER MEN AND WOMEN: FEATURES, BARRIERS AND RESOURCES

T.S. Kienko, Yu.N. Plahotniuc

Southern Federal University

The aim of the article is to find the features of involvement in housework and family care of older men and women, as well as the relationship of these features with social activity and self-esteem. The empirical basis of the study was time diaries (*N* 117) and survey data (*N* 520) of people over 60 years old. Judging by the survey data, most older men and women prefer to remain autonomous, take care of themselves and show care for loved ones. Women are more often involved in forms of social and everyday life, cultural and leisure, educational and developmental and public activities, and men are more active in the political and labor spheres. Older women more often provide social and domestic support, moral support to others and receive help from their family, and men are more involved in providing financial care for others. Analysis of time diaries showed that women spend more time on everyday affairs and family care, and men on formal work. Types of housework are often divided into "women's" and "men's", but the distribution of chores and time for them is associated with marital status. Women spend more time on weekdays, and men spend more time on weekends. That is, men's employment in formal work prevents them from participating in household chores and caring for the family, and displaces them from informal family practices. Men are inclined to joint sociality and implicit forms of caring for the family, which are viewed as a waste of time rather than household chores. Men generally rate their activity lower, although they are involved in various forms of it. Thus, the burden of older women with everyday chores and family care obligations can be viewed not only as a social barrier, but also as a social resource, a factor of higher involvement in social practices and higher self-esteem of their participation. At the same time, the displacement of men from family affairs due to formal employment leads to a decrease in social and intra-family activity and self-esteem. In general, housework and caring for the family can be viewed not only as a social barrier, but also as a social resource of a person, especially at an older age.

Keywords: older (elder) men and women, social participation, social activity, domestic work, family care.

УДК 316.346.2; 316.334.2
DOI 10.52452/18115942_2025_2_224

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ОПЛАТЕ ТРУДА В РФ

© 2025 г.

А.И. Соснило, В.В. Гайдамака

Соснило Андрей Игоревич, к.и.н.; доц.; доцент Университета ИТМО, Санкт-Петербург
a_sosnilo@mail.ru

Гайдамака Валерия Вячеславовна, магистр Университета ИТМО, Санкт-Петербург
gaydamakalera@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.09.2024

Статья принята к публикации 28.04.2025

Анализируется неравенство в оплате труда по половым и возрастным признакам в Российской Федерации. Цель исследования – проведение оценки зависимости оплаты труда по половому и возрастному признакам в России, сопоставление данных из разных источников и выявление факторов, влияющих на разрыв в оплате труда. *Материалы и методы:* представлен обзор современных исследований по вопросам полового неравенства в РФ, использованы данные ВЦИОМ, МОТ, Росстата, данные по метаисследованию публикаций по тематике разрыва в оплате труда по половозрастным признакам. Проведён корреляционный анализ, изучена зависимость доли мест, занимаемых женщинами в государственных учреждениях, на примере Федерального Собрания РФ и индекса предпринимательской активности женщин в РФ в 2015–2023 гг. Показано, что развитие человеческого капитала в любой стране тесно взаимосвязано со справедливым распределением общественных доходов. Полученные *результаты* свидетельствуют о неоднородности доходов сотрудников мужского и женского пола в России. В рамках исследования проведена оценка динамики активности женщин в сфере предпринимательства в 2014–2023 гг., проанализирована динамика представительства женщин в органах государственного управления на примере Федерального Собрания РФ в указанные годы. *Выводы.* Авторы выявили, что различие в уровне оплаты труда имеет тенденцию к увеличению с ростом возраста сотрудников. Исследование позволило оценить текущие тенденции влияния гендерного фактора на заработную плату занятых. Приведена оценка факторов формирования необъясненной части гендерного разрыва.

Ключевые слова: гендерное неравенство, оплата труда, доходы, социологический опрос, человеческий капитал, половая дискриминация.

Введение

В последние десятилетия разрыв в оплате труда между мужчинами и женщинами во многих странах мира значительно уменьшается, при этом доля женщин, занимающих руководящие должности, увеличивается. Российское руководство тоже на протяжении последних лет принимает ряд мер поддержки, направленных на снижение любой дискриминации сотрудников по полу. При этом Министерство труда РФ оценивает разрыв заработной платы в среднем на 30% по половому признаку в пользу мужчин [1]. Разница в оплате труда между сотрудниками разного пола изменяется и в географическом измерении в зависимости от конкретных рассматриваемых регионов. Авторы приходят к выводу, что применяемая исследователями методика подсчёта может существенно влиять на значение в разрыве оплаты труда между женщинами и мужчинами. *Цель исследования* состоит в проведении оценки зависимости оплаты труда по половому и возрастному признакам в России, сопоставления различных данных и выявлении факторов, влияющих на разрыв в оплате труда.

Состояние проблемы. Количественный анализ оплаты труда проводился в конце 50-х гг. и представлен в трудах Дж. Минцера [2]. Дж. Минцер и С. Полачек проводили сопоставление эффектов отражения стажа в размере оплаты труда мужчин и женщин, состоящих в браке и холостых (разведённых) [3]. G.S. Becker проводил анализ проблематики разрыва оплаты труда во взаимосвязи с развитием человеческого капитала [4]. Превалирующую долю работ, исследующих гендерный разрыв в оплате труда, составляют публикации, проведённые на основе статистического анализа [2–4]. Современные исследователи, например А. Ощепков, приходят к выводу, что на необъяснённой части разрыва в оплате труда сказываются личные качества и качество образования [5].

Помимо статистических оценок гендерного неравенства, которые приводятся И.И. Елисеевой, М.П. Декиной [6], ряд авторов предприняли попытку выявить факторы, определяющие различия в заработной плате женщин и мужчин (Т.И. Лейман [7], Д.С. Константинова, М.М. Кудаева [8]). И.А. Герасимова, Е.В. Герасимова используют в исследовании неравенства про-

странственно-временной подход [9]. Е.А. Мосакова [10] и Ю.Б. Епихина, Н.С. Воронина, С. Мэй, Ш. Гун [11] сравнивают положение дел в России, Японии и Китае и делают вывод, что разрыв в оплате в РФ и Китае находится на схожем уровне, но имеет различные причины. В Китае чаще всего отличия в оплате труда связаны с более высоким уровнем образования, а не полом.

Ряд исследователей отмечают, что после 2011 г. наметилась тенденция сокращения различий в сфере оплаты труда мужчин и женщин, к 2015 г. гендерный разрыв составил 27.4% [12].

НИУ ВШЭ регулярно проводит лонгитюдное исследование домохозяйств РМЭЗ – мониторинг экономического положения и здоровья населения [13]. На основе проанализированных данных исследования с 1994 по 2018 г. А. Ощепков формулирует гипотезу, в соответствии с которой такие экономические факторы, как специфика отраслей, разделение по профессиональному признаку, семейное положение, различия человеческого капитала не могут объяснить около 70% разрыва в заработной плате мужчин и женщин. По оценкам исследователя, наибольшую часть разницы в оплате труда (около 30%) составляет распределение сотрудников по отраслям и профессиям с разным уровнем заработных плат. Человеческий капитал и количество рабочих часов, вырабатываемых сотрудниками, по мнению автора, могут дать объяснение ещё около 20% разрыва [5].

Статья включает в себя несколько разделов. В первом указываются использованные источники и методы, включая межстрановое сравнение; во втором раскрываются полученные результаты; в заключении приводятся полученные в ходе исследования выводы.

Материалы и методы

Авторы данного исследования провели анализ различных источников статистической информации, использован метод корреляционного анализа в целях оценки силы взаимосвязей, медианный и модальный уровни заработной платы мужчин и женщин. Авторами проведен социологический опрос методом анонимного анкетирования респондентов. Выборка ограничена наёмными сотрудниками в возрасте от 18 до 65 лет, проживающими в Санкт-Петербурге, совокупностью 144 чел. (72 мужчины и 72 женщины). В исследовании использованы такие основные источники информации: данные Федеральной службы государственной статистики и информационной системы ЕМИСС; ежегодные доклады о состоянии рынка труда и заработных плат, которые выпускает Международная орга-

низация труда. По данным МОТ, разрыв в оплате составляет 15.6% по стандартному расчету и 18.8% с корректировкой по факторам. В РФ данные значения составили 22.9% и 24.9% [14]. Вместе с тем в проведенном метаанализе публикаций, посвященных межполовому разрыву в оплате труда, для РФ получены большие значения: необъясненный гендерный разрыв в оплате труда варьирует в широком диапазоне значений: от 5.3% до 69.9%, при среднем значении 37.3%.

50% оценок приходится на интервал 27.6%–46.2%, а модальное значение межполового разрыва составило около 37.6% [15]. В целях определения текущего положения РФ в достижении показателей, зафиксированных в Целях устойчивого развития (ЦУР), подготовлен Добровольный национальный обзор (ДНО), который можно найти в открытом доступе на сайте Росстата. В соответствии с данными обзора, к 2019 г. в РФ уровень участия женщин в объеме всей рабочей силы составил 55.4%. Данные об уровне занятости женщин в докладе ООН показали более низкую долю – 52.9% [16].

Помимо данных ООН, представляет интерес проведение сравнения объема разрыва в оплате труда в РФ и США, как крупнейшей экономики мира. В качестве эмпирических данных исследования по США были использованы результаты современных социологических исследований: ежегодный опрос American Community Surveys (ACS) [17].

Для оценки параметров парной регрессии было определено оценочное уравнение регрессии (на основе выборочных данных), имеющее вид $y = a \cdot e^{bx} + \epsilon$, где ϵ_i – наблюдаемые значения (оценки) ошибок, a и b – искомые оценки параметров α и β регрессионной модели.

Сила связи между признаками оценивается по шкале Чеддока: $0.1 < \eta < 0.3$ – связь слабая; $0.3 < \eta < 0.5$ – умеренная; $0.5 < \eta < 0.7$ – заметная; $0.7 < \eta < 0.9$ – высокая; $0.9 < \eta < 1$: весьма высокая, где η рассчитывается по формуле:

$$\eta = \sqrt{\frac{\sum (\bar{y} - y_x)^2}{\sum (y_i - \bar{y})^2}}$$

В РФ Центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) для оценки уровня благосостояния граждан используется индекс социального самочувствия населения, который отображают результаты телефонных опросов, проводимых во всех субъектах РФ относительно личной и общественной жизни. Это было взято за основу для демонстрации экономического благополучия населения. Ниже представлены результаты сравнительного анализа данных РФ и США, а также приводится сопоставление с данными по одному из регионов РФ.

Таблица 1

Динамика WBI (Women Business Index) в 2015–2023 г. [18]

Год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Значение индекса WBI	55.9	59	69	69.4	69.4	60.1	71.1	69.8	73.7

Таблица 2

Динамика доли мест, занимаемых женщинами в Федеральном Собрании РФ [20]

Год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Доля, %	12.4	14.4	14.4	16.2	16.4	16.7	16.5	17.2	17.9	18.3

Результаты

Дополнить понимание данных разрыва в оплате труда можно сведениями о предпринимательском потенциале и активности женщин. С этой целью были использованы материалы Аналитического центра НАФИ и общественной организации «Опора России». Организации с 2015 г. проводится составление индекса предпринимательской активности женщин в России на основе WBI (Women Business Index), который направлен на оценку текущей величины благоприятствования развития деловой и социальной среды для женщин в области предпринимательства. Используя значения индекса, была проанализирована его динамика в 2015–2023 гг., свидетельствующая о существенном улучшении социальной среды для реализации женского предпринимательского капитала, что в перспективе может способствовать в том числе снижению гендерного разрыва в доходах (табл. 1).

По статистическим данным, представленным в ЕМИСС, объём времени, который затрачивается женщинами на неоплачиваемые виды работы, в основном по дому, а также уходу за членами совместного хозяйства и близкими, существенно выше – 18, против 7.8 среди мужчин [19].

В ходе исследования проведена оценка взаимосвязи данных о предпринимательской активности женщин и доли мест, занимаемых женщинами в органах государственного управления, на примере Федерального Собрания РФ. В таблице 2 представлены данные о динамике доли мест, занимаемых женщинами в Федеральном Собрании РФ в 2014–2023 гг. В данном аспекте можно также наблюдать существенную положительную динамику по увеличению числа женщин в Федеральном Собрании.

На примере Федерального Собрания РФ и величины значений индекса предпринимательской активности женщин в РФ в 2015–2023 гг. было построено уравнение парной регрессии, параметры которого оценены методом наименьших квадратов. При помощи оценочного уравнения, описанного в первом разделе, бы-

ло получено следующее значение показателя силы связи:

$$\eta = \sqrt{\frac{10,775}{14,62}} = 0,858$$

Величина индекса корреляции двух рядов данных, которая составила 0.858, может свидетельствовать о наличии сильной связи значений. Данная взаимосвязь может быть объяснена текущими положительными сдвигами и происходящими социальными трансформациями, улучшением места и роли представительниц женского пола в управлении и бизнесе.

Из данных таблицы 3 можно сделать вывод, что в целом число женщин на руководящих должностях является существенным и близко к 50%. Полученные результаты нельзя трактовать наличием прямой взаимосвязи. Общество является нелинейной системой, и на процессы трансформации влияют множество факторов. Наличие взаимосвязи можно объяснить усилиями, предпринимаемыми органами исполнительной власти, по увеличению числа женщин в составе органов госуправления. Политическая сфера в России была традиционно более закрытой для женщин, поэтому в процентном отношении существенно отстаёт. Если говорить о предпринимательской активности и доле руководителей-женщин, то ситуация существенно лучше. Среди руководителей дискриминации женщин не наблюдается в численном выражении, их доля составляет около 50%, но интерес представляет и дальнейший анализ разницы в доходах.

Динамика доли за приведенные три года колеблется в пределах от 48.5% до почти 50%, однако непрерывного роста не наблюдается, при этом в сравнении с начальными значениями ситуация незначительно улучшилась.

По данным, приведённым в национальном добровольном обзоре о ходе реализации достижения показателей в области устойчивого развития на период до 2030 г., представленность женщин в органах власти в РФ находится на достаточно высоком месте. В структуре административных городов России женщины занимают 27.6% должностей, в советах городов – 18.5%. В

Таблица 3

Динамика доли женщин на руководящих должностях [21]

Год	2017	2019	2021
Значение, %	48.5	49.7	48.97

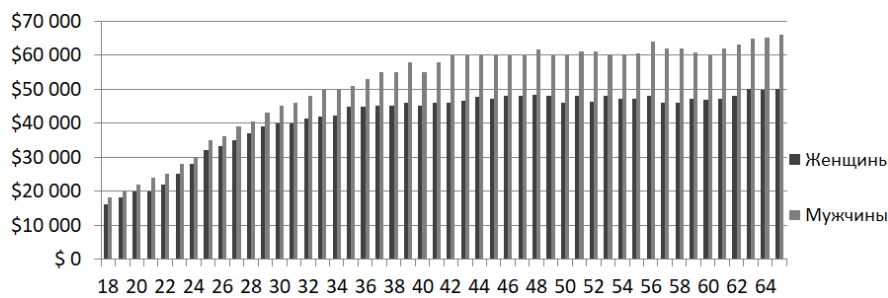

Рис. 1. Средний доход по возрасту и полу в США [17]

целом женщин среди руководителей городов – 23.1% [22].

Подводя итоги анализа аспектов женской предпринимательской активности и руководства, можно отметить, что в целом Россия входит в лидирующую группу стран по количеству женщин, занимающихся предпринимательской деятельностью и являющихся руководителями (3-е место в мире по доле женщин на руководящих позициях) [22].

По данным компании «Хедхантер», доля женщин, занимающих управленческие должности, возросла с 37% в 2021 г. до 40% в 2024 г. По информации компаний, женщины занимали более 70% должностей директоров и руководителей HR-отделов, 60% позиций глав юридических департаментов и более 50% – директоров отделов маркетинга, рекламы и финансовых директоров. По данным сервиса Superjob, женщины занимают 73% должностей руководителей отделов персонала, 57% всех позиций директоров по рекламе и PR, а также 51% финансовых директоров. Наиболее высокая доля женщин-руководителей в сфере искусства – 61%. На втором месте – образовательные учреждения – 60%, на третьем – медицина и фармацевтика – 59%, в розничной торговле – 57%, в сфере услуг для населения – 55%.

Тем не менее доля женщин-СЕО в крупных корпорациях остаётся относительно небольшой, около 6% (по данным издания «Коммерсант»), женщины чаще занимают должности среднего звена, а также руководящие должности в малом и среднем бизнесе. Текущие тенденции в РФ указывают на постепенное улучшение ситуации, особенно в определенных секторах экономики [23].

Необходимо отметить, что проблема межполюсового разрыва в заработной плате типична для всех стран мира. В целях сопоставления представим данные самой крупной экономики мира

– США (рис. 1). На приведённой диаграмме представлены различия между средними заработными платами мужчин и женщин различного возраста в США в месяц.

Можно сделать вывод о наличии существенного разрыва в заработной плате по гендерному признаку на различных этапах карьеры (по возрасту). В 30–40 лет разница в доходах сильно возрастает, что может быть объяснено перерывами в карьере женщин на время декретного отпуска. В соответствии с проведёнными авторами расчётами модальная заработная плата женщин составила 48 000\$, медианная – 46 000\$. Индекс корреляции заработных плат разных гендеров в США составляет 0.9925, индекс детерминации составил ≈ 0.9851 при средней ошибке аппроксимации $\approx 2.5684\%$. Полученные значения могут отражать наличие общих причин формирования показателей заработных плат мужчин и женщин в двух странах. Неравенство в уровне доходов достигает своего максимума в возрасте 56 лет и составляет примерно 16 100 долларов, или 25%.

На основе приведённых в таблице 4 данных можно проанализировать динамику числа человек с доходами ниже величины МРОТ в 2013–2023 гг. в РФ.

Приведённые данные показывают снижение числа малообеспеченных граждан России с 2013 по 2023 г. на 2 млн чел., при этом распределение по половым группам, приведённое в таблице 5, демонстрирует больший процент женщин среди малоимущего населения РФ.

Сопоставимые и достаточно стабильные показатели, вероятно, можно интерпретировать наличием у мужчин и женщин собственности, позволяющей покрывать минимальные потребности для жизни и получать дополнительно достаточно низкие доходы.

В 2023 г. заработная плата составила 74854 руб. в среднем за год по данным Росстата

Таблица 4

Численность населения с доходами ниже размера МРОТ в 2013–2023 гг. [24]

Год	Количество чел. с доходами ниже МРОТ		Размер МРОТ руб. в месяц
	млн чел.	в % от общей численности населения	
2013	15.5	10.8	7306
2014	16.3	11.3	8050
2015	19.6	13.4	9701
2016	19.4	13.2	9828
2017	18.9	12.9	10088
2018	18.4	12.6	10287
2019	18.1	12.3	10890
2020	17.7	12.1	11300
2021	16.0	11.0	11653
2022	14.3	9.8	13919
2023	13.5	9.3	19242

Таблица 5

Распределение численности малолетнего населения по полу, % [25]

Пол	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Мужчины	28.1	27.8	26.8	26.7	26.2	25.9
Женщины	30.8	30.4	29.6	28.4	27.9	27.8

Источник: Росстат (Прим. автора: более поздняя статистика не публиковалась).

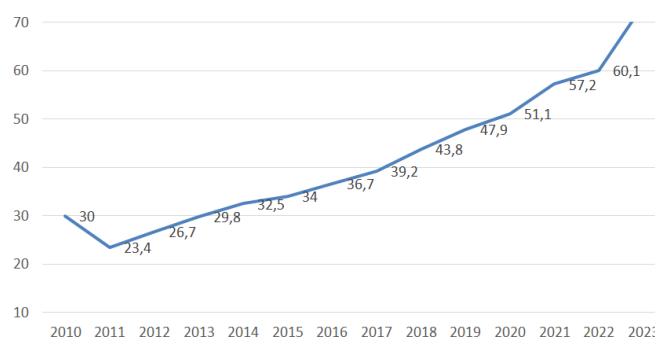

Рис. 3. Динамика среднего размера заработной платы в тыс. руб. в мес. в 2010–2023 гг., в постоянных ценах [27]

[26]. В последние годы интерпретация официальной статистики в Российской Федерации стала вызывать множество вопросов. Например, рост заработных плат был зафиксирован по результатам опроса работодателей, вместо чётких данных ФНС о размере доходов граждан в соответствии с данными формы 2НДФЛ.

Помимо статистических данных отечественных источников в исследовании для оценки текущей ситуации были использованы данные всемирного экономического форума (World Economic Forum), в рамках форума публикуется доклад «Индекс гендерного разрыва» (The Global Gender Gap Index). По его значениям составляется рейтинг стран мира.

Данный индекс показывает величину неравенства в доходах между полами более чем в 100 странах мира. Исследователи проводят анализ по четырнадцати различным переменным по таким критериям: возможности и экономическое участие, возможности в карьере, доступность образования и здравоохранения, обеспечение политических прав. Чем ближе показате-

тель страны к единице, тем лучшим считается положение женщин в конкретной стране.

За последнее десятилетие позиции России в данном рейтинге медленно улучшались. В 2012–2021 гг. наблюдалось как снижение, так и повышение позиций страны в рейтинге, сегодня показатели РФ близки к уровню 2010 г. Начиная с 2014 г. позиции США в рейтинге существенно сокращались и практически вернулись к уровню 2009 г., но с 2018 г. начали улучшаться и существенно выросли в 2022 г. (табл. 6). На основе представленных выше данных был рассчитан коэффициент корреляции между показателями в рейтинге США и РФ по годам, который составил 0.587062 и может свидетельствовать о наличии общих причин возникновения разрыва в оплате труда в двух странах. По шкале Чеддока, используемой для оценки силы связи, данная величина коэффициента относится к средней. Коэффициент Фехнера может принимать значения от -1 до $+1$; $K_f = 1$ свидетельствует о возможном наличии прямой связи. Для показателей стран коэффициент Фехнера стати-

Таблица 6

**Сравнение позиций РФ и США в индексе гендерного разрыва в оплате труда в 2006–2022 г.
(Global Gender Gap Index rankings) [29]**

Год	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
РФ	0.6770	0.6866	0.6994	0.6987	0.7036	0.7037	0.6980	0.6983
США	0.7042	0.7002	0.7179	0.7173	0.7411	0.7412	0.7373	0.7392
Год	2014	2015	2016	2017	2018	2020	2021	2022
РФ	0.6927	0.694	0.691	0.696	0.701	0.706	0.708	Искл. из доклада в 2022 г.
США	0.7463	0.740	0.722	0.718	0.720	0.724	0.763	0.769

стически значим. Значение коэффициента составляет 1.

По сравниваемым параметрам демонстрируется наличие прямой взаимной связи между показателями двух стран, что может отражать глобальные экономические циклы, а также общую взаимозависимость разных стран в современной экономической системе. В целом можно сделать вывод, что изменение позиций стран в данном рейтинге в значительной степени отражает динамику гендерного неравенства. Для более эффективного развития человеческого капитала необходимо предпринимать усилия по снижению разрыва в уровне оплаты труда, расширению представительства женщин в политической сфере, решению вопросов социальной направленности, разрешении острых общественных проблем. К третьей по значимости составляющей вклада в объём разрыва в оплате труда, после отраслевого и профессионального разделения труда, а также уровня и набора компетенций сотрудников, отдельные исследователи российского рынка труда относят влияние таких личностных факторов, как брак и наличие детей [15]. Выполнение семейных обязанностей негативно влияет на размер заработной платы женщин [30]. Исследователи гендерной психологии отмечают, что мужчины больше интересуются профессиями, требующими использования физической силы и высокого риска для жизни, работы с различными техническими устройствами и механизмами, в большей мере интересуются научными исследованиями и областью изобретений. При этом отмечается большая склонность женщин к выбору профессий, задействованных в офисах, дизайне и формировании эстетики, оказании помощи социально незащищённым группам населения [35]. В вопросах оплаты труда тоже есть существенные психологические различия, обосновывающие гендерный разрыв. Женщины существенно больше ценят стабильность оплаты труда, нежели её размер. Для многих женщин стабильный оклад важнее, чем высокие, но негарантированные бонусы [31]. Схожие выводы получают и другие исследователи, которые от-

мечают, что женщины меньше ценят деньги, меньше готовы конкурировать и идти на риск. Часть женщин имеют низкую самооценку, меньше проявляют такое качество, как самоуверенность [8]. По мнению ряда исследователей-женщин, успех в личных и профессиональных отношениях невозможно совмещать. У части женщин возникает внутреннее чувство вины перед семьёй, что может приводить к отказу от карьерных целей. Мужчины и женщины по-разному воспринимают свою профессиональную деятельность и удовлетворяют за счёт неё разные потребности [9], что приводит к достижению разных результатов. В существенной степени на самореализацию женщин влияет наличие несовершеннолетних детей. Женщины, у которых нет детей, в большей степени погружаются в работу, тогда как у мужчин это различие проявляется в меньшей степени. Ряд авторов приходят к выводам о существенной значимости личностных качеств в значении необъяснённой части разрыва оплаты труда обоих полов (8%) [32]. Часть работ посвящена анализу влияния на уровень оплаты труда таких личных качеств, как открытость, добросовестность, экстраверсия, согласность, невротизм, как двигателей по карьерной лестнице [6]. Все перечисленные психологические аспекты, безусловно, оказывают как прямое влияние на размер оплаты труда, так влияют и опосредованно через выбор области деятельности, профессии, эффективность самореализации в профессиональной сфере, самой внутренней мотивации развития в карьере, что также сказывается и на итоговых размерах доходов.

Заключение

Данные, полученные в ходе проведения исследования, подтверждают, что диспропорция в оплате труда в РФ наличествует как по признакам пола, так и по возрасту. Месячная оплата труда начинает снижаться с ростом возраста после определённых границ. Чем старше становится человек, тем больше в среднем может снижаться его средняя заработная плата. При этом

оплата труда мужчин падает быстрее, чем женщин. К 50–55 годам оплата труда мужского пола падает на 15%, а в более зрелом возрасте люди теряют 22% от смежного возрастного периода.

В отличие от РФ в большинстве развитых стран рост доходов мужчин приходится на 45–59 лет. Результаты исследования показали, что наибольшие заработки приходятся на категорию в границах от 30 до 40 лет. Схожие результаты были получены и другими исследователями, которые отмечали максимальные доходы в группе 30–34 года, а с увеличением возраста происходило плавное снижение заработной платы с нарастающим ускорением по мере приближения к пенсионному возрасту [33].

По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, в пенсионном возрасте разница в доходах становится наиболее явной. Доходы женщин начинают снижаться на 16%, а после 70 лет на 20%. В сравнении с США, такого сильного роста в разрыве доходов не наблюдается, там разрыв составляет лишь на 2.5%. Из-за демографического кризиса доля россиян, вышедших на заслуженный отдых, будет увеличиваться с каждым годом. Сегодня она составляет 25% от общего числа населения, и аналитики считают, что к 2030 г. увеличится до 28% [34]. Одновременно возрастает и число пенсионеров, продолжающих работать после выхода на пенсию (среди мужчин число работающих пенсионеров выросло с 17% до 29%, а среди женщин – с 31% до 54%). В 2023 г. количество таких лиц достигло 5.73 млн чел, против 5.38 млн годом ранее. Общее число работающих пенсионеров в 2024 г. составляло 7.87 млн человек [35]. Несмотря на большой опыт старшего поколения, работодатели платят данным сотрудникам меньше, так как считают таких работников менее эффективными. В ближайшие 10 лет доля таких сотрудников продолжит возрастать, а в условиях недостатка рабочей силы в России и исторически крайне низкого уровня безработицы (2%) дискриминация в уровне оплаты труда может усилить дефицит высококвалифицированных сотрудников.

Список литературы

1. Беляева Л.А. Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 83–100.
2. Mincer J. Investment in human capital and personal income distribution // Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66. № 4. P. 281–302. URL: https://www.jstor.org/stable/1827422?seq=1#page_scan_tab_contents. (дата обращения: 10.04.2024).
3. Mincer J., Polachek S. Family Investments in Human Capital: Earnings of Women // Journal of Political Economy. 1974. Vol. 82. № 2. P. 76–108. URL: https://econpapers.repec.org/article/ucpjpolec/v_3a82_3ay_3a1974_3ai_3a2_3ap_3as76-s108.htm. (дата обращения: 10.04.2024).
4. Becker G.S. Human Capital, Effort, and the Sexual Division of Labor [Электрон. ресурс] // Journal of Labor Economics. 1985. Vol. 3. № 1. P. 33–58. URL: https://econpapers.repec.org/article/ucpjlabec/v_3a3_3ay_3a1985_3ai_3a1_3ap_3as33-58.htm. (дата обращения: 10.04.2024).
5. Oshchepkov A. Gender pay Gap in Russia: Literature Review and New Decomposition Results // T. Karabchuk, K. Kumo, K. Gatskova, E. Skoglund (eds.) Gendering Post-soviet Space: Demography, Labour Market and Values in Empirical Research. Springer Publishing Company, 2021. P. 211–233.
6. Елисеева И.И., Декина М.П. Статистический анализ гендерного неравенства оплаты труда в современной России // Статистика и экономика. 2019. Т. 16. № 5. С. 85–93.
7. Лейман Т.И. Некоторые причины гендерного разрыва в оплате труда // Академический вестник. 2012. № 3 (21). С. 81–87.
8. Константинова Д.С., Кудяева М.М. Дискриминационные различия в заработной плате в России // Дискуссия. 2019. № 1(92). С. 38–46.
9. Герасимова И.А., Герасимова Е.В. Неравенство денежных доходов населения России (пространственно-временной подход) // Мир России. Социология. Этнология. 2014. Т. 23. № 2. С. 38–74.
10. Мосакова Е.А. Гендерная дискриминация на рынке труда России и Японии // Информационное общество. 2017. № 6. С. 11–16.
11. Епихина Ю.Б., Воронина Н.С., Мэй С., Гун Ш. Гендерное неравенство в оплате труда в России и Китае: сравнительный анализ // Власть. 2021. Т. 29. № 6. С. 208–217.
12. Николаев И., Марченко Т., Точилкина О. Гендерный разрыв в оплате труда // Общество и экономика. 2018. № 2. С. 59–79.
13. НИУ ВШЭ. Лонгитюдное обследование домохозяйств РМЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rims/> (дата обращения: 09.04.2024).
14. Global Wage Report 2022-23 – Chapter 4 Wage inequality and the gender pay gap in the context of the COVID-19 crisis and rising price inflation. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_862690.pdf (дата обращения: 10.04.2024).
15. Рощин С.Ю., Емелина Н.К. Метаанализ гендерного разрыва в оплате труда в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 26. № 2. С. 213–239.
16. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте Целей Развития Тысячелетия. Доклад ООН. М., 2010. 135 с.
17. Current Population Survey, Annual Social and Economic (ASEC) Supplement: Table PINC-05: Work Experience in 2018–People 15 Years Old and Over by Total Money Earnings in 2018, Age, Race, Hispanic Origin, Sex, and Disability Status. URL: <https://www.census.gov/programs-surveys/acs> (дата обращения: 01.05.2024).
18. WBI (Women Business Index). URL: <https://womanopora.ru/projects/index-predprinimatelskoy-aktivnosti-zhenshchin/> (дата обращения: 09.04.2024).

19. ЕМИСС. Доля времени, затрачиваемого на неоплачиваемые работы по дому и труд по уходу за членами домохозяйства и семьи. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59802> (дата обращения: 09.04.2024).
20. ЕМИСС. Доля мест, занимаемых женщинами в Федеральном собрании РФ. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58477> (дата обращения: 09.04.2024).
21. ЕМИСС. Доля женщин на руководящих должностях. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58672> (дата обращения: 09.04.2024).
22. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf?ysclid=lh6tuct3z73363424> (дата обращения: 09.04.2024).
23. В России доля женщин-руководительниц выросла до 40% // Inc. – журнал для предпринимателей. URL: <https://incrussia.ru/news/v-rossii-dolya-zhenshhin-rukovoditelnykh-vyroslo-do-40/> (дата обращения: 13.12.2024).
24. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 10.01.2024).
25. Распределение численности малоимущего населения по возрастно-половым группам // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 10.01.2024).
26. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике Российской Федерации в 1991–2024 гг. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 09.01.2025).
27. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике Российской Федерации в 1991–2020 гг. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries?print=1 (дата обращения: 10.04.2024).
28. Петростат. URL: <https://petrostat.gks.ru/storage/mediabank/ZR091940.pdf> (дата обращения: 01.04.2024).
29. The Global Gender Gap Report 2016. URL: http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report2017/?doing_wp_cron=1526073649.7157220840454101562500 (дата обращения: 01.04.2024).
30. Мигранова Л.А. Заработная плата в России и в мире: сравнительный анализ // Народнонаселение. 2018. Т. 21. № 3. С. 52–67.
31. Weichselbaumer D., Winter-Ebmer R. A Meta-analysis of the International Gender Wage Gap // Journal of Economic Surveys. 2005. Vol. 19. P. 479–511.
32. Груздев А.В. Прогнозное моделирование в IBM SPSS Statistic и R: Метод деревьев решений. М.: ДМК Пресс, 2016. 276 с.
33. Гимпельсон В.Е., Зинченко Д.И. Цена возраста: заработная плата работников в старших возрастах. Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 42.
34. Гериатр Минздрава ожидает, что пожилые люди составят 25% населения РФ к 2030 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/951803> (дата обращения: 01.07.2024).
35. Число работающих пожилых россиян выросло. URL: <https://lenta.ru/news/2024/05/28/chislo-rabo-tayuschiy-pozhilyh-rossiyan-vyroslo/> (дата обращения: 01.04.2024).

GENDER INEQUALITY IN LABOR REMUNERATION IN RUSSIA

A.I. Sosnilo, V.V. Gaidamaka

ITMO University, St. Petersburg

Inequality in labor remuneration by gender and age in the Russian Federation is analyzed. The aim of the study is to assess the dependence of labor remuneration by gender and age in Russia, to compare data from different sources and to identify factors affecting the wage gap. Materials and methods: a review of modern research on gender inequality in the Russian Federation is presented, data from ARCSPO, ILO, Rosstat, data on meta-research of publications on the topic of gender and age pay gap are used. The correlation analysis was carried out, the dependence of the share of seats occupied by women in public institutions on the example of the Federal Assembly of the Russian Federation and the index of women's entrepreneurial activity in the Russian Federation in 2015–2023 was studied. It is shown that the development of human capital in any country is closely interrelated with the fair distribution of public income. The results obtained indicate the heterogeneity of incomes of male and female employees in Russia. The study assessed the dynamics of women's activity in entrepreneurship in 2014–2023, analyzed the dynamics of women's representation in public administration on the example of the Federal Assembly of the Russian Federation in these years. Conclusions. The authors revealed that the difference in the level of labor remuneration tends to increase with the increase in the age of employees. The study allowed assessing the current trends in the influence of the gender factor on the wages of the employed. An assessment of the factors of formation of the unexplained part of the gender gap is given.

Keywords: gender inequality, labor remuneration, income, sociological survey, human capital, gender discrimination.

УДК 316.4

DOI 10.52452/18115942_2025_2_232

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ АСПИРАНТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУСИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ С РАБОТОДАТЕЛЯМИ)

© 2025 г.

Н.В. Рыбаков, Н.А. Ходеева, Б.И. Бедный

Рыбаков Николай Валерьевич, к.соц.н.; доцент Центра исследований науки
и развития аспирантского образования

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
rybakov-nv@phd.unn.ru

Ходеева Надежда Александровна, аспирант Центра исследований науки
и развития аспирантского образования

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
nadya_hodeeva@mail.ru

Бедный Борис Ильич, д.ф.-м.н.; проф.; руководитель Центра исследований науки
и развития аспирантского образования

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
bib@unn.ru

Статья поступила в редакцию 28.04.2025

Статья принята к публикации 13.05.2025

Повышение эффективности подготовки высококвалифицированных инженеров-исследователей для наукоемких секторов экономики становится необходимым условием для решения государственных задач в сфере технологического развития. Это стимулирует создание новых форм подготовки кадров высшей научной квалификаций в аспирантуре. Индустриальная (производственная) аспирантура может стать эффективной формой взаимодействия между академическим сектором и промышленностью, позволяющей интегрировать ключевых стейкхолдеров в общую научно-технологическую повестку страны. В настоящее время остаются неизученными мнения представителей высокотехнологичных компаний о возможности и целесообразности реализации программ индустриальной аспирантуры. В нашем исследовании мы предприняли попытку восполнить этот пробел и найти ответы на следующие вопросы: 1) заинтересованы ли компании в развитии индустриальной аспирантуры? 2) какую помощь и поддержку они готовы оказывать аспирантам? 3) какие риски и проблемы могут возникать при совместной подготовке кадров высшей научной квалификации для индустрии?

Ключевые слова: индустриальная (производственная) аспирантура, аспирантура, кадры высшей квалификации, работодатели, наукоемкий сектор экономики, фокус-группа.

Постановка задачи

Аспирантура играет важную роль в подготовке специалистов не только для науки и высшей школы, но и для высокотехнологичных отраслей экономики. Всё больше выпускников российских аспирантур, имеющих учёную степень, выбирают неакадемическую карьеру. Например, согласно эмпирическим данным [1], 25% аспирантов, специализирующихся в технических науках, совмещают проведение диссертационных исследований с работой на предприятиях реального сектора экономики. Вместе с тем подготовка российских аспирантов, нацеленных на трудоустройство в производственной сфере, ведется по тем же программам, что и тех, кто планирует научную или научно-педагогическую деятельность. Этот обстоятельство снижает эффективность аспирантуры, поскольку требования к компетенциям выпускни-

ков в академических организациях и на промышленных предприятиях, как правило, сильно различаются [2].

За рубежом разнообразие карьерных траекторий выпускников докторских программ привело к диверсификации самих программ обучения, в частности к появлению различных моделей практико-ориентированной аспирантуры [2]. Одной из таких моделей является индустриальная (производственная) аспирантура, в основе которой лежит тесное взаимодействие университетов и частных компаний в подготовке исследователей, ориентированных на решение задач индустриального партнера. В рамках программ индустриальной аспирантуры темы исследований и разработок определяются производственными задачами компании, при этом сама диссертационная работа, выполненная «на рабочем месте», должна соответствовать как академическим, так и производственным критериям [3].

В последние годы в российских академических кругах активно обсуждаются перспективы развития индустриальной аспирантуры [1, с. 4–7]. В конце 2024 года министр науки и высшего образования анонсировал пилотный проект производственной аспирантуры, который будет реализован рядом российских вузов совместно с предприятиями «Ростеха» по приоритетным областям наук: микроэлектроника, электронная компонентная база, приборостроение, двигателестроение, авиастроение¹. Предложенная инициатива свидетельствует не только об интересе государства к подготовке исследовательских кадров для индустрии, но и сигнализирует о значимости этого вопроса для наукоемких компаний. Индустриальная аспирантура может стать важным инструментом, обеспечивающим сопряжение между академическим сектором и промышленностью, уникальной площадкой, где объединятся образовательные, научные и производственные аспекты создания инноваций в научно-технической сфере.

Ранее нами проведены количественные оценки распространенности в России практико-ориентированных диссертационных работ в области технических наук и показана востребованность «индустриальных» траекторий в среде аспирантов [1]. Однако полученные данные в большей степени отражают мотивацию самих аспирантов-практиков в обучении в аспирантуре и получении ученой степени. При этом вопросы заинтересованности российских работодателей из реального сектора в кадрах высшей научной квалификации, а также их готовность проектировать и реализовывать совместно с вузами аспирантские программы остаются практически не изученными.

В недавней работе [8] дана оценка востребованности и статуса учёной степени на неакадемическом рынке труда со стороны индустриальных компаний. На основе результатов интервью с представителями индустриальных компаний авторы приходят к выводу, что «учёная степень на неакадемическом рынке труда не выступает ценностным ресурсом, конкурентным преимуществом и не наделяет своего обладателя отличительными чертами, способными обеспечить и гарантировать его профессиональный статус и карьерное продвижение» [8, с. 162]. Действительно, в более ранних работах (см., например, [9]) установлено, что критерии оценки профессиональных достижений исследователей, работающих в академической и неакадемической сферах, в некоторых аспектах существенно различаются. Для практиков ключевую роль при оценке их труда играют такие факторы, как заработная плата, опыт практического

применения инновационных решений и результатов исследований, опыт управления научно-исследовательскими проектами, внедрение результатов, креативность/инновационность работы. Однако ряд показателей «академической» производительности, в частности научные публикации и ученая степень, также относятся к критериям успешной карьеры для исследователей, работающих в неакадемическом секторе [9]. Такой вывод во многом согласуется с результатами более ранних социологических исследований, в которых выпускники аспирантуры естественно-научных направлений отмечали значение полученной ими ученой степени для профессионального и карьерного развития [10]. Таким образом, мы имеем во многом противоречивые данные о роли аспирантского образования и ученой степени в инновационном секторе экономики. В связи с этим следует отметить, что вопрос о значении индустриальной аспирантуры для бизнеса не может быть редуцирован исключительно к оценке статуса учёной степени на неакадемическом рынке труда. Цели индустриальных аспирантских программ значительно шире и выходят за рамки задачи повышения социального статуса сотрудников в связи с их «производством в кандидаты наук» [6].

Мнения работодателей в отношении реализации совместно с университетами индустриальных программ аспирантуры в российском контексте практически не изучены. Задача настоящей работы заключалась в том, чтобы частично устранить этот пробел и получить ответы на следующие вопросы:

- 1) заинтересованы ли компании в развитии индустриальной аспирантуры?
- 2) какую помощь и поддержку они готовы оказывать аспирантам?
- 3) какие риски и проблемы могут возникать при совместной подготовке кадров высшей научной квалификации для индустрии?

Данные и методы

Для решения поставленных задач мы воспользовались двумя массивами данных.

1. Материалами авторских фокус-групповых интервью с руководителями высшего и среднего звеньев ряда крупных компаний, которые специализируются в IT-разработках или для которых IT-направление является одним из ключевых в деятельности (из них: научно-производственное предприятие, входящее в состав госкорпорации (далее – Компания 1 ФГ); российская компания, от лица которой в интервью участвовал ее основатель и собственник (далее – Компания 2 ФГ); две международные

компаний, имеющие представительства в России (далее – Компания 3 ФГ, Компания 4 ФГ)).

Выбор ИТ-компаний для проведения фокус-групповых интервью обусловлен тремя обстоятельствами. Во-первых, в России наблюдается высокий дефицит специалистов в сфере информационных технологий. Во-вторых, аспиранты и молодые сотрудники ИТ-компаний менее активны в отношении защит диссертаций [11], что приводит к дефициту исследовательских кадров как на академическом, так и неакадемическом рынках труда. В-третьих, успешные выпускники аспирантуры, защитившие диссертации в области информационных технологий, чаще, чем представители других технических специальностей, проводят свои исследования не на производстве, а на университетских кафедрах и в лабораториях академических институтов [1]. Последнее обстоятельство косвенно указывает, что ИТ-компании слабо заинтересованы в обучении собственных сотрудников в аспирантуре. Именно по этой причине было важно выявить мнения именно ИТ-компаний о потенциале программ индустриальной аспирантуры и о готовности сотрудничать с университетами в рамках подобных проектов.

Перед проведением фокус-группы участникам была представлена подробная информация об авторской концепции индустриальной аспирантуры, ее характерных особенностях, отличиях от академической аспирантуры. Гайд для проведения интервью состоял из трех основных блоков: 1) знакомство (информация об участнике и организации, которую он/она представляет); 2) установки/интерес в отношении развития программ индустриальной аспирантуры; 3) мнения об организационных формах сотрудничества университета и компаний в рамках индустриальной аспирантуры.

2. Материалами дискуссии в рамках круглого стола «Индустриальная аспирантура в России: исследовательские перспективы и практические кейсы», организованного на III Томском форуме «Преобразование образования»² (далее – круглый стол). В ходе круглого стола исследователи (в том числе авторы настоящей статьи), представители университетов и производственных компаний обсудили успешные кейсы, вызовы и барьеры внедрения модели индустриальной аспирантуры в России. Среди представителей реального сектора экономики активное участие в обсуждении принимали сотрудники одной из госкорпораций (руководитель подразделения, далее – Компания 1 КС), руководитель научно-производственного объединения (далее – Компания 2 КС), а также руководитель университета (далее – Университет КС).

Проведение фокус-группового интервью и обсуждение на круглом столе сопровождались видеозаписями, которые были транскрибированы с использованием технологий распознавания голоса и проверены в ручном режиме для исправления возможных неточностей. При обработке текстов использовалась стратегия тематического анализа. Единицей анализа выступали отдельные высказывания участников. При анализе полученных материалов мы выделили ключевые темы во взаимодействии университетов с предприятиями-партнерами в рамках программ индустриальной аспирантуры:

- заинтересованность компаний в развитии индустриальной аспирантуры;
- тематики диссертационных исследований «индустриальных» аспирантов;
- контингент обучающихся и возможные масштабы подготовки по программам индустриальной аспирантуры;
- меры поддержки и софинансирование со стороны индустриальных партнеров;
- потенциальные проблемы при совместной подготовке аспирантов.

Заинтересованности компаний в развитии индустриальной аспирантуры

В публичном поле отмечается острая нехватка в реальном секторе экономики высококвалифицированных кадров, обладающих исследовательскими компетенциями и способных создавать инновационные наукоемкие технологии. Особенно чувствительной в отношении дефицита таких специалистов является ИТ-сфера. В ходе фокусированного интервью представители ИТ-компаний выразили заинтересованность во взаимодействии с университетами для адресной подготовки аспирантов под собственные запросы. Большинство из них аргументировали интерес тем, что в их компаниях имеются научно-исследовательские направления, по которым требуются кадры с исследовательскими компетенциями: «... Так как в нашей компании большинство задач исследовательские, а не чисто программистские, нам нужны люди, которые ближе к науке и которые, кроме программного кода, могут еще и придумать, разработать какой-то алгоритм, идею, метод, подход. А как показывает практика, все-таки люди, обучающиеся в аспирантуре, они уже больше на эти задачи нацелены» (Компания 3 ФГ); «...большая доля проектов, которые выполняет, по крайней мере, моё подразделение или головной институт, они связаны с наукоемкими вещами, в которых важны компетенции людей, которые приобретены при защите диссертации» (Компания 1 ФГ).

Представители некоторых компаний отмечали, что в их штате есть сотрудники, которые обучаются в аспирантуре или уже имеют ученую степень. Наличие таких людей, по мнению опрошенных, повышает качество человеческого капитала компании. В некоторых организациях наличие ученой степени, как и в академическом секторе, является формальным условием для карьерного продвижения и занятия определенных позиций: «У нас тоже были мысли делать такие [программы. – Прим. авт.] с двойным научным руководством. <...> Наша компания одна из самых продвинутых в этом плане – у нас порядка 50 процентов людей, кто обучается в аспирантуре, либо кто уже получил степень» (Компания 3 ФГ); «Моя задача как руководителя подразделения создавать условия для продуктивной работы своих сотрудников и показывать перспективы. <...> Одним из элементов этой перспективы является профессиональный рост. <...> В нашей компании выше определенного грейда, при условии, что человек не защищен, подняться невозможно. <...> Нельзя назначить на позицию ведущего научного сотрудника человека, который не имеет степени. <...> Индустриальная аспирантура позволяет снять эти барьеры» (Компания 1 КС).

В некоторых случаях наличие в штате аспирантов или сотрудников с ученой степенью позволяет компаниям участвовать в исследовательских проектах, финансируемых государством. Представитель одного из работодателей обосновал заинтересованность в сотрудниках, имеющих ученые степени, прежде всего коммерческими соображениями: «Мы капиталисты и в большей степени бизнесмены, чем ученые. В некоторых грантовых программах, где мы запрашиваем финансирование и выполняем бизнес-проекты, существуют определенные требования к команде проекта, компетенциям кадров и их опыту в IT-сфере. Поэтому наличие в команде кандидатов наук, вероятнее всего, помогло бы нам для участия в таких грантовых программах. <...> Ну и в целом понятно, что коллеги, которые заканчивают аспирантуру, как правило, всегда наиболее прокачаны, с точки зрения научной проблематики» (Компания 2 ФГ).

Таким образом, IT-компании в целом заинтересованы в совместных с университетами программах индустриальной аспирантуры, позволяющих укрепить их исследовательский капитал и повысить научный уровень бизнес-проектов.

Тематика диссертационных исследований

По мнению всех участников интервью, диссертационные исследования аспирантов, обу-

чающихся по совместным индустриальным программам, должны соответствовать прагматичным целям компании и выполняться по тематикам, направленным на решение перспективных и текущих прикладных задач: «Реализовать, может, в виде мини-проектов. Цель такая, чтобы это была работа, действительно полезная для компании, с нашим экспертом и с научным руководителем от университета» (Компания 3 ФГ). Некоторые представители круглого стола, обмениваясь опытом успешной подготовки кадров высшей квалификации для индустрии, сообщили, что именно так и организовано обучение: «Работа над темами, которые дает индустриальный партнер, это ядро всего. То есть работы, над которыми трудятся аспиранты целевой аспирантуры, которую мы реализуем в своем университете, это 100% тематики, которые дает индустриальный партнер. Это не тематики, которые родились в отрыве от индустрии, от прикладных задач...» (представитель Компании 2 КС).

Несмотря на то, что в центре диссертационных проектов индустриальных аспирантов проблематика конкретных высокотехнологичных компаний, роль университетов в реализации программ также остается важной. Представители университетов в работе с аспирантами из промышленности являются проводниками академической исследовательской культуры, более фундаментальной по своему научному содержанию, нежели исследовательская культура прикладных бизнес-проектов. Соединение двух культур (предпринимательской и академической) в концепции индустриальной аспирантуры позволяет аспирантам-практикам в ходе научной работы углублять свои исследовательские и методологические компетенции, обогащать практику теорией, обеспечивать фундаментальность исследования [12]. Такая интеграция позволяет решать и достаточно конкретную проблему при оформлении диссертационных работ аспирантов из промышленности – обеспечение надлежащей «академической упаковки» диссертаций [13, 7]. Перечисленные теоретические соображения подтверждаются результатами настоящего исследования. Так, участники интервью отметили, что при проведении диссертационных исследований по тематикам компании помощь, которую могут оказать университеты, ценна и полезна: «Человек работает в какой-то организации, выполняет конкретный проект и готов в этот проект внести научную составляющую. Фактически, он приносит тематику, а университет дает возможность по этой тематике развернуться в научном плане. В этом контексте универси-

теты, вне всякого сомнения, полезны» (представитель Компании 1 ФГ); «Так как у нас R&D-подразделение, у нас есть и поисковые работы, и продуктовая деятельность, наработки научные есть, нет ресурсов для того, чтобы их оформлять <...> Мы получаем продукт, мы его внедряем, и нужно наши научно-технические отчеты, которые в рамках этих процессов формируются, преобразовать в хорошую диссертацию для того, чтобы представить ее в [диссертационный. – Прим. авт.] совет, а это целая большая работа, этим заниматься некому в моем коллективе <...> Вуз нам дает возможность <...> привить ребятам культуру в части поисковых работ, оформления этих работ, [наладить. – Прим. авт.] коммуникацию с научным сообществом, это плюс. От этого коллектив получит только преференции» (представитель Компании 1 КС).

При этом один из участников отметил трудности при планировании аспирантских исследований, так как большинство исследовательских проектов в их организации тематически «недиссертателы»: «В рамках нашей компании это достаточно проблематично, потому что мы занимаемся больше проектной деятельностью, чем научной. И у нас в большинстве случаев научная составляющая достаточно низкая» (представитель Компании 2 ФГ). Проблема выбора и согласования тем диссертационных работ аспирантов в рамках индустриальных треков была отмечена и на круглом столе представителем академического сообщества. Подбор темы, которая бы отвечала современным диссертационным критериям и удовлетворяла практический интерес компании, является нетривиальной задачей: «Еще один важный вопрос – это вопрос тематик. Я очень рад [за коллег, представивших кейсы. – Прим. авт.], что тематики, которые там есть, ими есть кому руководить в университете, потому что этот мэтчинг не очевиден. Это очень серьезная проблема. Я подозреваю, что не так просто мы здесь можем достичь синергии» (представитель Университета КС).

Контингент обучающихся на индустриальных программах

Набор обучающихся на индустриальные аспирантские программы потенциально может проходить по двум трекам: 1) университеты отбирают лучших абитуриентов на программы с дальнейшим трудоустройством на позиции в компании-партнеры; 2) компании-партнеры рекомендуют (направляют) собственных сотрудников для обучения в индустриальной аспиран-

туре [14]. Работодатели оценили оба маршрута как перспективные. Участники интервью единогласно высказались о том, что сотрудники их компаний заинтересованы в обучении в аспирантуре и подобные практики уже имеются: «Возможно, здесь выстрелит история, когда сотрудник уже работает в компании и хочет защитить кандидатскую диссертацию» (представитель Компании 2 ФГ); «Это была бы интересная возможность для сотрудников, которые работают в компании. У нас есть такие прецеденты сейчас» (представитель Компании 4 ФГ). Некоторые участники интервью заявили о заинтересованности в привлечении к решению исследовательских задач компании не только своих сотрудников, но и мотивированных выпускников специалитета и магистратуры – потенциальных кандидатов для трудоустройства: «Это может быть и вновь поступивший аспирант, знакомый или незнакомый нам, но тематика его исследования должна коррелировать с нами, выбираться по согласованию с компанией. <...> У нас сейчас имеются два пути, они, скажем, немножко разные. Первый путь – молодых аспирантов компания «затачивает» под себя: подготовку диссертации, дальнейшее трудоустройство. Второй – мы открываем платную аспирантуру для сотрудников компании. <...> Вторая идея, она не нова, многие вузы ее практикуют. Я хотел от имени компании [название компании. – Прим. авт.] уточнить, что нам интересны оба варианта, и надо пробовать. Мы готовы отдельно это обсуждать» (представитель Компании 3 ФГ).

Учитывая ограниченность ресурсов российских частных компаний для вложения в перспективные инновационные направления развития и венчурные проекты, представители работодателей весьма осторожно высказывались о потенциальном масштабе реализации программ индустриальной аспирантуры. Большинство участников интервью сошлись на том, что подготовка по таким программам должна быть штучной и адресной: «Не очень много людей, конечно. Скажем, несколько человек, «топовых» (представитель Компании 3 ФГ); «У нас есть сейчас отдельно направление, которое мы выделяем по продуктовой разработке, где мы будем делать свои продукты, а не вести деятельность по заказной разработке. Но этот юнит относительно небольшой. И, конечно же, там пригодятся кандидаты наук – люди, которые могут вести R&D. Если говорить о количестве, это несколько человек, это не десятки» (представитель Компании 2 ФГ).

Меры поддержки и софинансирование со стороны индустриальных партнеров

Участники затруднялись прогнозировать участие компаний в софинансировании программ индустриальной аспирантуры, считая это вопросом, требующим детального обсуждения и анализа. Представитель одной из компаний выразил готовность в пилотном режиме опробовать эффективность вложения денежных средств в такие программы: *«У нас есть определенные бюджеты, которые мы направляем на обучение и профессиональную подготовку кадров. У нас интерес есть, но, чтобы однозначно сказать, соглашусь с коллегами, нам надо внутри это проанализировать. На данный момент я могу сказать, что мы можем протестировать это как гипотезу, понять, насколько этот инструмент будет рабочим, и соответственно, какой профит он будет давать»* (представитель Компании 2 ФГ).

Рассматривая меры поддержки, которые предприятия готовы оказывать обучающимся в аспирантуре, участники отмечали, что *«кандидатом быть модно и почетно – это дает определенные надбавки»* (представитель Компании 2 ФГ). Один из участников сообщил, что у них на предприятии само по себе направление сотрудника в аспирантуру – это уже поддержка. При этом защита кандидатской диссертации предполагает и вполне конкретное материальное стимулирование: *«Мы рекомендуем человека в аспирантуру. Он приходит в университет с тематикой либо отделения, либо головного института. А это означает, что он уже в эту тематику погружен и ее выполняет. И, фактически, он ее так бы и выполнял – была бы аспирантура, не было бы аспирантуры. Аспирантура в этом случае дает человеку стимул, что через 3–4 года он защитит диссертацию. Это достаточно хороший стимул сотруднику заниматься этой тематикой и еще одна возможность удерживать человека в нашей компании. <...> На сегодняшний день мы выплачиваем 10 окладов за защиту кандидатской диссертации»* (представитель Компании 1 ФГ).

Участники круглого стола сообщили, что при подготовке кадров высшей квалификации под запросы индустриальных партнеров компании, как правило, оплачивают расходы, связанные с материально-техническим оснащением для проведения исследования, а аспиранты получают заработную плату: *«Мы готовим инженера-исследователя, инженера-разработчика по заказу в том смысле, что тема его исследования, прикладная база, база материально-техническая – все привязано к конкретному*

предприятию. И предприятие оплачивает создание этой инфраструктуры. Как правило, они все [аспиранты. – Прим. авт.] трудоустроены на долю ставки и получают заработную плату» (представитель Компании 2 КС).

Потенциальные проблемы при совместной подготовке аспирантов

Как отмечалось выше, в работе фокус-группы принимали участие и научно-педагогические работники университета, которым была предоставлена возможность высказаться по всем вопросам интервью и ответам представителей индустриальных компаний. Они отметили, что и компании, и университет заинтересованы в защитах диссертаций своими сотрудниками, поэтому данное направление необходимо развивать. Вместе с тем различия в целевых ориентирах университетов и предприятий реального сектора экономики могут провоцировать сложности при реализации программ индустриальной аспирантуры. Академические сообщества стремятся распространять результаты своих исследований посредством их скорейшего опубликования, в то время как коммерческий сектор исследований и разработок заинтересован в обеспечении и сохранении конфиденциальности в отношении результатов исследований и потенциала их коммерциализации. Подобное противоречие является одним из важнейших в разворачивающихся дискуссиях о проблемах реализации программ индустриальной аспирантуры [3; 12; 13].

Университетские профессора, опираясь на собственный опыт научного руководства аспирантами, работающими за пределами университета, кроме проблем обеспечения коммерческой тайны, отметили проблемы «удержания» и «закрепления» аспирантов на предприятии и дефицита времени для подготовки публикаций и текста диссертации. Комментируя эти суждения, представители компаний отметили, что организации, заинтересованные в привлечении высококвалифицированных кадров, обладают механизмами их удержания и закрепления в компании: *«Коммерческие компании умеют привязывать вложенные деньги к мотивации, чтобы человек дольше находился в компании. <...> Я знаю, что такая практика есть, если человек идет на обучение, то обговариваются некоторые пени и штрафы в случае, если он покидает компанию, например он должен вернуть вложенные деньги»* (представитель Компании 2 ФГ).

Представители академических кругов, участвовавшие в работе круглого стола, к числу

возможных барьеров в развитии индустриальной аспирантуры отнесли фактор дегармонизации института аспирантуры и института присуждения ученых степеней. В частности, они отметили чрезмерную жесткость действующих сегодня в России требований к оформлению результатов диссертационного исследования: *«Интерес к индустриальной аспирантуре со стороны бизнеса есть. R&D давно уже не только в академии, а на площадке многих достойных компаний. <...> Компании интересуют результат, в первую очередь. Это продуктивный результат, технологии и так далее. Они готовы брать человека, который этот результат достиг <...> Но [чтобы защитить диссертацию. – Прим. авт.] надо публиковать определенное количество статей, еще и «кирпич» написать ... Бизнесу это зачем? Компании это не интересует. И вот это главный разлом, который сейчас существует в институциональной системе подготовки научных кадров и выдачи научного результата в Российской Федерации»* (представитель Университета КС).

Выводы

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Работодатели в целом положительно оценивают перспективы развития программ аспирантуры, направленных на адресную подготовку кадров высшей квалификации для наукоемких предприятий.

2. Предприятия заинтересованы в специализации с ученой степенью, способных разрабатывать передовые технологии и предлагать инновационные решения в научно-технической сфере.

3. Темы диссертационных работ практико-ориентированных аспирантов должны определяться перспективными исследовательскими задачами предприятий.

4. Работодатели заинтересованы в наличии «двух входов» на индустриальные программы аспирантуры: 1) привлечение на программы штатных сотрудников своих предприятий, 2) привлечение на программы талантливых выпускников специалитета и магистратуры, нацеленных на трудоустройство в компаниях-партнерах.

5. Вопрос участия предприятий в софинансировании программ индустриальной аспирантуры требует тщательной проработки и анализа.

6. Выявлены две существенные проблемы на пути реализации совместных программ аспирантуры. Во-первых, это противоречие между академической и предпринимательской культурами: университеты традиционно нацелены на создание и распространение новых дисципли-

нарных знаний, а бизнес – на коммерциализацию результатов исследований и разработок, которая предполагает ограничение свободного обращения научных знаний. Во-вторых, в условиях быстро меняющихся технологических запросов и необходимости реализации краткосрочных проектов выбор тем для диссертационных исследований, которые были бы интересны для компаний и обладали бы значительной научной ценностью («диссертательностью»), становится непростой задачей.

В заключение отметим, что выявленные в нашей работе мнения работодателей в целом свидетельствуют об их заинтересованности в развитии программ индустриальной аспирантуры. Позиции работодателей по конкретным вопросам организации таких программ согласуются с ключевыми положениями, предложенными в концептуальной модели развития индустриальной аспирантуры в России [14].

Примечания

1. См. например: Ростех поддержал инициативу Минобрнауки о создании производственной аспирантуры / Интерфакс – Высшее образование в России. URL: <https://www.interfax-russia.ru/academia/news/rosteh-podderzhal-iniciativu-minobrnauki-o-sozdanii-proizvodstvennoy-aspirantury> (дата обращения: 02.01.2025).

2. См. подробнее: Преобразование образования. URL: <https://io.tsu.ru/preobrazovanie-obrazovania> (дата обращения: 20.01.2025).

Список литературы

1. Бедный Б.И., Рыбаков Н.В., Ходеева Н.А. К вопросу о востребованности профессиональной аспирантуры в России: анализ данных о защитах диссертаций в технических науках // Вопросы образования. 2023. № 4. С. 25–54. <https://doi.org/10.17323/vo-2023-16712>.

2. Jones M. Contemporary Trends in Professional Doctorates // Studies in Higher Education. 2018. Vol. 43. № 5. P. 814–825. <https://doi.org/10.1080/03075079.2018.1438095>.

3. Compagnucci L., Spigarelli F. (2024): Industrial doctorates: a systematic literature review and future research agenda // Studies in Higher Education. 2024. 11 Jun. DOI: 10.1080/03075079.2024.2362407.

4. Бедный Б.И. Об индустриальной аспирантуре (комментарий к статье) // Высшее образование в России. 2017. № 10 (216). С. 122–124.

5. Тесленко В.А., Мельников Р.М. Перспективы развития индустриальной аспирантуры в России // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 5. С. 157–167. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-5-157-167>.

6. Бедный Б.И., Рыбаков Н.В., Ходеева Н.А. Практико-ориентированные аспирантские программы и профессиональные степени: анализ зарубежно-

го опыта // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 3. С. 70–81. DOI: 10.15826/упра.2021.03.028.

7. Бедный Б.И., Бекова С.К., Рыбаков Н.В. и др. Профессиональная аспирантура: мировой опыт и российский контекст // Высшее образование в России. 2021. № 10. С. 9–21. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-9-21.

8. Иванченко О.С., Сыч В.В. Востребованность и статус учёной степени на неакадемическом рынке труда: региональный кейс // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 1. С. 151–167. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-1-151-167.

9. Shmatko N., Katchanov Y., Volkova G. The value of PhD in the changing world of work: Traditional and alternative research careers // Technological Forecasting & Social Change. 2020. 152. 119907. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.119907>.

10. Бедный Б.И., Остапенко Л.А., Серова Т.В. Выпускники аспирантуры естественно-научного профиля на рынке труда // Университетское управ-

ление: практика и анализ. 2014. № 3 (91). С. 67–73.

11. Бедный Б.И., Миронос А.А., Рыбаков Н.В. Как российская аспирантура выполняет свою главную миссию: наукометрические оценки // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 10. С. 9–24.

12. Bernhard I., Olsson A.K. University-Industry Collaboration in Higher Education: Exploring the Informing Flows Framework in Industrial PhD Education. Informing Science // The International Journal of an Emerging Transdiscipline. 2020. 23. P. 147–163.

13. Kihlander I., Nilsson S., Lund K. et al. Planning Industrial PhD Projects in Practice: Speaking both 'Academia' and 'Practitioners' // ICED 11 – 18th International Conference on Engineering Design – Impacting Society Through Engineering Design. 2011. 8. P. 100–109.

14. Бедный Б.И., Рыбаков Н.В., Ходеева Н.А. Концептуальные основы развития индустриальной аспирантуры в национальной системе подготовки научных кадров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 2 (74). С. 173–185.

ON THE PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL POSTGRADUATE EDUCATION (BASED ON A FOCUSED INTERVIEW WITH EMPLOYERS)

N.V. Rybakov, N.A. Khodeeva, B.I. Bednyi

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Improving the efficiency of training highly qualified research engineers for knowledge-intensive sectors of the economy is currently becoming a necessary condition for solving state problems in the field of technological development. This stimulates the creation of new forms of training highly qualified scientific personnel in postgraduate studies. Industrial (production) postgraduate studies can become an effective form of interaction between the academic sector and industry, allowing to integrate key stakeholders into the general scientific and technological agenda of the country. At present, the opinions of representatives of high-tech companies on the possibility and feasibility of implementing industrial postgraduate programs remain unstudied. In our study, we attempted to fill this gap and find answers to the following questions: 1) are companies interested in developing industrial postgraduate studies? 2) what assistance and support are they willing to provide to postgraduate students? 3) what risks and problems may arise during joint training of highly qualified scientific personnel for industry?

Keywords: industrial postgraduate education, postgraduate study, highly qualified personnel, employers, knowledge-intensive sector of the economy, focus group.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 372.881.111.1

DOI 10.52452/18115942_2025_2_240

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» В ФОРМИРОВАНИИ СПОСОБНОСТЕЙ ВЫПУСКНИКОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

© 2025 г.

Н.В. Барыбина, Р.Е. Булат

Барыбина Наталья Викторовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургского государственного морского технического университета
natalyakarbar@yandex.ru

Булат Роман Евгеньевич, д.пед.н.; доц.; профессор кафедры педагогики и педагогических технологий
Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина
bulatrem@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 28.12.2024**Статья принята к публикации 29.04.2025*

Рассматривается проблема формирования у обучающихся образовательных организаций высшего образования готовности к межкультурному взаимодействию и деловой коммуникации в условиях реализации требований ФГОС ВО 3+-. Её актуальность и значимость обусловлена нарастающей ролью межкультурного диалога в условиях глобализации, что требует пересмотра подходов к преподаванию дисциплины «Иностранный язык». Доказывается, что существующая практика преподавания чаще всего ограничивается развитием базовой языковой компетенции, что не соответствует требованиям универсальных компетенций УК-4 и УК-5. Представлены результаты направленного на выявление текущего состояния формирования готовности к межкультурному взаимодействию и деловой коммуникации констатирующего эксперимента, проведённого посредством опроса педагогических работников, реализующих дисциплину «Иностранный язык», в различных регионах России на основе онлайн-платформы Google Forms. Выявлен уровень исходной подготовки обучающихся, а также приоритеты в дальнейшем применении педагогических технологий. Анализ данных показал, что большинство педагогов сосредоточены на формировании базовых языковых навыков, в то время как задачи подготовки к межкультурному взаимодействию и деловой коммуникации остаются второстепенными. Лишь 27,8% респондентов используют технологию CLIL, а игровые технологии и Case Study применяются менее чем у половины педагогов. Кроме того, низкий исходный уровень языковой подготовки у значительной части обучающихся затрудняет их профессионально ориентированное обучение. Результаты исследования подтверждают, что дисциплина «Иностранный язык» нуждается в корректировке целей и содержания для соответствия требованиям ФГОС ВО 3+- и современных условий деятельности выпускников. Рекомендуется расширение применения инновационных технологий, таких как CLIL и Case Study, а также усиление работы с обучающимися с низким уровнем подготовки. Внедрение сформулированных рекомендаций позволит более эффективно формировать готовность выпускников к профессиональной деятельности в условиях межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, деловая коммуникация, иностранный язык, ФГОС ВО 3+-, CLIL, Case Study, игровые технологии.

Введение

Актуальность развития способностей к коммуникации и межкультурному взаимодействию у выпускников образовательных организаций высшего образования (далее – ОО ВО) в современных условиях подчёркивается открытостью государственной внешней политики России и наметившимися мировыми тенденциями в повышении роли межкультурного диалога. Так, 18 сентября 2024 года на третьей встрече ка-

федр ЮНЕСКО стран-членов БРИКС+ была отмечена высокая значимость научных исследований, направленных на развитие межкультурной компетентности, социальной ответственности, а также на межкультурный диалог. Практическая реализация многостороннего научно-образовательного сотрудничества в рамках сессии была отражена в расширении межуниверситетского партнерства стран-членов БРИКС+ [25]. Вместе с тем значимость межкультурного взаимодействия отмечалась и в сентябре 2024 года

на X Санкт-Петербургском международном форуме объединённых культур, в рамках которого собравшиеся министры культуры стран БРИКС подчеркнули заинтересованность в развитии межкультурных проектов [2].

Высокая значимость развития у современных выпускников ОО ВО способностей к коммуникации и межкультурному взаимодействию закреплена и в Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС ВО 3++) по всем направлениям подготовки бакалавриата в виде требований к результатам освоения образовательных программ (далее – ОПОП ВО). Так, среди универсальных компетенций выпускников следует отметить необходимость формирования:

- способности осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном и иностранном языках (УК-4);
- способности воспринимать межкультурное многообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контексте (УК-5) [3].

При этом следует подчеркнуть, что, несмотря на статус универсальных, данные компетенции имеют ключевое значение для дальнейшей эффективной профессиональной деятельности выпускников. Так, в январе 2024 года на кейс-сессии «Лаборатория межкультурных коммуникаций» в рамках проведения XII Евразийского Ивент Форума на площадке Санкт-Петербургской торгово-промышленной палаты было отмечено, что «вопросы коммуникации и межкультурного взаимодействия в системе международных промышленных отношений представляются одними из наиболее сложных, но при этом способствуют повышению эффективности обмена информацией и успешности заключения контрактов» [4]. При этом следует констатировать, что в условиях развития международного сотрудничества способности к коммуникации и межкультурному взаимодействию приобретают высокую значимость в профессиональной деятельности выпускников не только в узкоспецифических внешнеполитических и внешнеэкономических областях, но и по широкому спектру инженерно-технических направлений подготовки.

Вместе с тем в формировании УК-4 и УК-5, по нашему мнению, дисциплине «Иностранный язык» до сих пор отводится пассивная роль. Анализ ОПОП ВО показал, что чаще всего вклад дисциплины «Иностранный язык» разработчики учебных планов ограничивают формированием УК-4. При этом, т.к. в её содержании об иностранных языках речь идёт лишь частично, приоритет в формировании способности

осуществлять деловую коммуникацию отдаётся другим дисциплинам (деловые коммуникации, делопроизводство и документооборот, русский язык и культура речи и др.), совместно с которыми осуществляется формирование УК-4.

Более того, при планировании формирования способностей к межкультурному взаимодействию (УК-5) разработчиками учебных планов, как правило, потенциал дисциплины «Иностранный язык» игнорируется, а предпочтение отдаётся таким дисциплинам, как история, культурология, философия и др. Сложившаяся позиция разработчиков учебных планов находит вполне логичное отражение (с административной точки зрения) в целевых установках рабочих программ дисциплины (РПД) «Иностранный язык».

В результате разработка индикаторов и дескрипторов по дисциплине «Иностранный язык» не связывается с её возможностями в формировании способностей выпускников к межкультурному взаимодействию. Поэтому дальнейшая разработка её содержания, подчиняясь заданным целевым установкам, фокусируется преимущественно на языковых средствах и формировании общелингвистических навыков. Так, анализ РПД «Иностранный язык» нескольких инженерно-технических направлений подготовки по направлению 26.03.02 «Кораблестроение, океанотехника и системотехника объектов морской инфраструктуры» в разных ОО ВО показал, что дидактические единицы, определяющие их содержание, в основном направлены на лингвистические аспекты, что ограничивает возможности для полноценного формирования заданных ФГОС ВО 3++ способностей к эффективному профессиональному взаимодействию в условиях межкультурного диалога.

Видимо, поэтому и на практике преподавание дисциплины «Иностранный язык» зачастую сосредоточено исключительно на развитии базовых языковых навыков, оставляя аспекты формирования готовности к деловой коммуникации и к межкультурному взаимодействию на втором плане. Другими словами, педагогические усилия профессорско-преподавательского состава направлены на развитие языковых компетенций, а формирование у выпускников УК-4 и УК-5 рассматривается лишь как дополнительный эффект, а не как системообразующая целевая установка. В результате возникает противоречие между междисциплинарным характером формирования у выпускников УК-4 и УК-5, требуемых ФГОС ВО 3++, и неполностью раскрытым потенциалом дисциплины «Иностранный язык» в достижении выпускниками результатов освоения ОПОП ВО.

Таким образом, решение проблемы наиболее полного формирования у обучающихся способностей к межкультурному взаимодействию и деловой коммуникации мы видим в раскрытии потенциала дисциплины «Иностранный язык» за счёт уточнения её целевой установки и дальнейшего преобразования её содержания, а также применяемых педагогических форм, средств и приёмов.

В связи с этим целью нашего исследования является раскрытие потенциала дисциплины «Иностранный язык» в формировании готовности выпускников к межкультурному взаимодействию и деловой коммуникации. Для достижения цели в рамках нашего исследования были сформулированы следующие задачи:

- выявить теоретические основы формирования готовности выпускников к межкультурному взаимодействию и деловой коммуникации на иностранном языке;
- установить наиболее эффективные педагогические подходы к формированию у обучающихся готовности к межкультурному взаимодействию и деловой коммуникации;
- разработать рекомендации по уточнению целей и задач и совершенствованию структуры и содержания дисциплины «Иностранный язык», а также применяемых педагогических средств, форм и приёмов в соответствии с такими планируемыми результатами освоения ОПОП ВО, как УК-4 и УК-5.

Обзор литературы

Научные работы, посвящённые вопросам межкультурного взаимодействия и деловой коммуникации, подчеркивают необходимость их интеграции в образовательные программы, однако многие из них ограничиваются рассмотрением теоретических аспектов, недостаточно углубляясь в вопросы практической реализации в образовательном процессе. Работы Е.В. Бурлаковой [5], Л.Н. Ваулиной [6] и Л.И. Колесник [7] доказывают, что для эффективного взаимодействия в международной среде у выпускников должны быть развиты способности к межкультурному взаимодействию, что требует как языковых, так и культурных компетенций. Однако эти исследования фокусируются на общей подготовке, не рассматривая интеграцию таких навыков в дисциплине «Иностранный язык».

Большинство исследователей, включая Б.Г. Солдатов [8] и Х.Х. Кианибарфоруши [9], рассматривают межкультурную коммуникацию как важную часть образовательного процесса, позволяющую обучающимся адаптироваться к многоязычной среде и взаимодействовать с

представителями различных культур. Тем не менее термин «межкультурная коммуникация» в их работах часто используется как синоним межкультурного взаимодействия и деловой коммуникации, что не отражает различий в этих понятиях. В частности, деловая коммуникация требует специализированных навыков, позволяющих эффективно взаимодействовать в профессиональной среде, что делает необходимым её отдельное включение в образовательные программы.

Н.К. Кубанева [10] и Е.Ю. Косицкая [11], в свою очередь, акцентируют внимание на значимости межкультурной коммуникации для успешного профессионального развития, однако авторы не устанавливают чёткого различия между базовой межкультурной коммуникацией и деловой коммуникацией в контексте профессионального взаимодействия на иностранном языке. Скорее всего, это и является причиной того, что разработчики РПД нередко ориентируются только на лингвистические аспекты, оставляя формирование УК-4 и УК-5 не основным, а дополнительным результатом.

Исследования Л.К. Раицкой [12], Е.Л. Кудрявцевой [13], Т.А. Дмитренко [14] и Ю.Ю. Рыбасовой [15] подчёркивают роль лингвокультурных и социальных факторов в межкультурной коммуникации, рассматривая их как ключевые аспекты для формирования межкультурного взаимодействия. При этом Л.К. Раицкая подчёркивает необходимость овладения обучающимися деловой коммуникацией, однако её работа не касается реализации этой задачи на уровне дисциплины «Иностранный язык» [12]. Наряду с этим данные исследования делают акцент на общей культурной подготовке, не затрагивая специфики межкультурного взаимодействия, требующего глубоких языковых и культурных знаний.

Р.Г. Белянский [16] и О.И. Якушина [17] акцентируют внимание на важности создания условий для межкультурного взаимодействия, ориентированного на социальные и профессиональные навыки. Их исследования подтверждают, что культурные различия, порой неочевидные, требуют адаптации как методов преподавания, так и структуры дисциплин, включая «Иностранный язык». Однако они не раскрывают в достаточной мере механизмов интеграции данных компетенций в языковую подготовку, что оставляет потребность в дальнейших исследованиях и переосмыслении педагогической практики в ОО ВО.

Кроме того, работы Г.С. Оксентюк [18], А.С. Снежковой [19] и В.А. Харитоновой [20] выделяют особую роль деловой коммуникации

для подготовки обучающихся, способных взаимодействовать на международном уровне. Исследователи описывают необходимость профессионально ориентированного преподавания языков, которое должно включать обучение деловой коммуникации, но их исследования не предлагают практических подходов к структурной интеграции межкультурного взаимодействия в дисциплине «Иностранный язык».

Некоторые авторы, такие как Н.Ю. Невраева [21] и Ю.С. Корсакова [22], рассматривают формирование межкультурной компетентности как неотъемлемую часть подготовки обучающихся в ОО ВО, особенно в контексте глобализации и усиливающихся культурных обменов. Однако их исследования фокусируются на общих аспектах межкультурного взаимодействия, что приводит к недостаточному вниманию к деловой коммуникации в образовательных программах.

Результаты работы Г.А. Сургутской [23], Н.В. Багичевой [24] и А.В. Сельковой [25] подчёркивают актуальность использования инновационных педагогических технологий для формирования у обучающихся готовности к деловой коммуникации и межкультурному взаимодействию. Они делают акцент на применении ролевых и деловых игр, а также Case Study, как на инструментах, способствующих приобретению профессиональных навыков, но эти методы пока недостаточно интегрированы в дисциплину «Иностранный язык».

Таким образом, анализ научных публикаций по теме исследования указывает на важность межкультурного взаимодействия и деловой коммуникации для успешной профессиональной деятельности выпускников ОО ВО. Однако в большинстве случаев акцент смещается в сторону общей межкультурной коммуникации. Так, обзор научных работ подтвердил сделанный в наших предыдущих исследованиях вывод в том, что при применении понятий «деловая коммуникация», «межкультурная коммуникация» и «межкультурное взаимодействие» учёные ещё не пришли к единому мнению [26]. В результате наблюдается определённая расплывчатость границ данных понятий, а сами понятия зачастую используются как синонимы. Поэтому в дальнейшем целесообразно придерживаться формулировок, зафиксированных в ФГОС ВО 3++.

Вместе с тем исследования в области совершенствования содержания дисциплины «Иностранный язык» доказывают её педагогический ресурс в формировании у выпускников способностей к межкультурному взаимодействию и к деловой коммуникации. Поэтому на практике целесообразно не ограничиваться формировани-

ем языковой компетенции и направить структуру и содержание дисциплины «Иностранный язык» на формирование УК-4 и УК-5. Данный вывод позволяет утверждать актуальность и научную новизну исследований, направленных на выявление и развитие специфики деловой коммуникации и межкультурного взаимодействия в рамках дисциплины «Иностранный язык».

Методология

Целью эмпирической части исследования являлось подтверждение выдвинутых предположений в теоретической части в том, что в рамках реализации ОПОП ВО дисциплина «Иностранный язык» преимущественно направлена на развитие лингвистических навыков обучающихся, что не в полной мере соответствует целевым установкам ФГОС ВО 3++ в формировании у выпускников УК-4 и УК-5. При этом осуществлялся поиск практических решений, способствующих более полному развитию у обучающихся готовности к деловой коммуникации и межкультурному взаимодействию в период освоения дисциплины «Иностранный язык».

Констатирующий эксперимент проводился в форме анонимного онлайн-опроса. Опрос был организован на платформе Google Forms, ссылка на анкету и инструкция к её заполнению были размещены в профессиональных сообществах кафедр иностранных языков в социальной сети «ВКонтакте», а также направлены представителям кафедр иностранных языков напрямую. В исследовании были изучены мнения 72 респондентов из различных регионов Российской Федерации, которые являлись педагогическими работниками кафедр иностранных языков ОО ВО, реализующих ОПОП ВО по направлениям подготовки 260000 «Техника и технологии кораблестроения и водного транспорта».

Большинство респондентов имели значительный педагогический стаж (более 10 лет) и высокую квалификацию (40% – специалисты, 28.6% – кандидаты наук, 14.3% – магистры). Среди опрашиваемых также были представители инженерных кафедр, преподающие технику перевода.

Результаты

Анализ данных опроса среди педагогических работников кафедр иностранных языков ОО ВО позволил выявить ключевые тенденции и факторы, влияющие на процесс формирования у обучающихся готовности к межкультурному взаимодействию и деловой коммуникации.

Таблица 1

Цели респондентов при преподавании дисциплины «Иностранный язык»

Цели	Количество респондентов	Процент
Формирование иноязычной компетенции	40	55.56
Освоение устной коммуникации в профессиональной сфере	40	55.56
Освоение письменной коммуникации в профессиональной сфере	30	41.67
Формирование готовности к деловой коммуникации и межкультурному взаимодействию	28	38.89
Освоение навыков научно-технического перевода	28	38.89

Таблица 2

Применяемые педагогические технологии

Педагогические технологии	Количество респондентов	Процент
Метод проектов	40	55.56
ESP (English for Specific Purposes – английский для специальных целей)	36	50
Игровые технологии	34	47.2
CLIL (Content and Language Integrated Learning – предметно-языковое интегрированное обучение)	20	27.8
Case Study (Технология конкретных ситуаций)	20	27.8

В первую очередь нами были выявлены мнения респондентов об основных целях преподавания ими дисциплины «Иностранный язык». Данные опроса показали, что на практике многие педагогические работники устанавливают приоритеты, лишь частично соответствующие ФГОС ВО. В частности, в 55.56% случаев целью преподавания дисциплины является развитие базовой иноязычной компетенции, включая освоение устной и письменной коммуникации в профессиональной сфере. Лишь 38.89% педагогических работников ориентируют свои учебные занятия на формирование готовности к межкультурному взаимодействию и деловой коммуникации (табл. 1).

Эти данные свидетельствуют о том, что многие педагогические работники, зачастую сосредотачиваясь на общих языковых навыках, не уделяют должного внимания задачам, которые определены ФГОС в виде планируемых результатов обучения. В результате цели и содержание проведения занятий по дисциплине «Иностранный язык», ориентированные на развитие базовой иноязычной компетенции, не в полной мере соответствуют приоритетам, установленным планируемыми результатами освоения дисциплины в целом.

Таким образом, результаты опроса показали, что педагогические работники недостаточно учитывают актуальные требования ФГОС и цели, которые они устанавливают для дисциплины «Иностранный язык», в меньшей степени способствуют подготовке обучающихся к межкультурному взаимодействию и деловой коммуникации, что необходимо для успешной профессиональной деятельности выпускников.

Вместе с тем анализ опроса выявил, что при преподавании иностранных языков педагогические работники чаще всего отдают предпочтение методу проектов и технологии ESP (English for Specific Purposes – английский для специальных целей). При этом технология CLIL (Content and Language Integrated Learning – предметно-языковое интегрированное обучение), позволяющая эффективно интегрировать обучение языку с профессиональными дисциплинами, используется лишь 27.8% респондентов. Важным дополнением являются игровые технологии, такие как решение ролевых задач и деловые игры, благодаря которым становится возможным смоделировать профессиональные ситуации и развивать навыки межкультурного взаимодействия и деловой коммуникации. Также значительную роль играет технология Case Study, способствующая развитию готовности анализировать реальные деловые ситуации, что усиливает подготовку обучающихся к работе в межкультурной среде (табл. 2).

Результаты исследования подтвердили, что метод проектов, ESP и игровые технологии наиболее предпочтительны среди респондентов, тогда как CLIL и Case Study, эффективные для формирования навыков межкультурного взаимодействия и деловой коммуникации, используется реже, что ограничивает возможности дисциплины «Иностранный язык».

Наряду с этим, согласно полученным данным, одной из основных трудностей, с которой сталкиваются педагогические работники, является низкий исходный уровень языковой подготовки обучающихся. Опрос показал, что около 30% абитуриентов поступают в ОО ВО с недо-

Таблица 3

Исходный уровень владения иностранным языком обучающимися

Уровень владения иностранным языком	Количество респондентов	Процент
Нулевой	7	10
Начальный	14	20
Средний	29	40
Высокий разговорный	7	10
Высокий профессиональный	7	10

Таблица 4

Предполагаемые результаты обучения дисциплине «Иностранный язык»

Предполагаемые результаты обучения дисциплине «Иностранный язык»	Количество респондентов	Процент
Готовность взаимодействовать в иноязычной среде	40	55.6
Умение читать научно-технические тексты	38	52.78
Умение вести деловую переписку	38	52.78
Умение вести переговоры	30	41.67
Владение иностранным языком не ниже разговорного уровня	22	30.56

статочным уровнем владения иностранным языком, что значительно усложняет формирование у них компетенций, связанных с межкультурным взаимодействием и деловой коммуникацией (табл. 3).

Недостаточный исходный уровень владения языком требует от педагогических работников дополнительных усилий и ограничивает возможности полноценного освоения дисциплины «Иностранный язык» в рамках подготовки к межкультурному взаимодействию и деловой коммуникации.

Проведенный нами опрос позволил выделить основные результаты обучения дисциплине «Иностранный язык» в ОО ВО. Наибольшее число педагогических работников (55.6%) отметили, что основными результатами обучения они считают готовность обучающихся к взаимодействию в иноязычной среде, в том числе умение читать научно-технические тексты на иностранном языке, умение вести деловую переписку, умение вести переговоры на иностранном языке (табл. 4).

Таким образом, экспериментальные данные подтвердили наличие до сих пор не реализованного большинством респондентов потенциала дисциплины «Иностранный язык» в формировании у обучающихся готовности к деловой коммуникации и межкультурному взаимодействию на иностранном языке. При этом была установлена взаимосвязь между осознанностью респондентами планируемых результатов, целей и задач дисциплины с применяемыми ими педагогическими технологиями при проведении учебных занятий. Поэтому мы считаем, что уточнение целевых установок в РПД дисциплины «Иностранный язык» способно привести к качественному преобразованию содержания учебных занятий, направленному на формирование УК-4 и УК-5.

Интерпретация полученных результатов

Данные, полученные в ходе опроса, были проанализированы в соответствии с результатами изучения содержания более 100 РПД «Иностранный язык», реализуемых в 10 различных ОО ВО как обязательный компонент подготовки специалистов (п. 2.2 ФГОС ВО). Особое внимание уделялось степени отражения в программах универсальных компетенций УК-4 и УК-5, определяющих готовность обучающихся к деловой коммуникации и межкультурному взаимодействию. Рассматривались тематические блоки, методики преподавания, используемые педагогические технологии, а также заявленные результаты обучения. Такой подход позволил выявить степень соответствия РПД заявленным целям и требованиям ФГОС ВО 3++.

При этом было выявлено, что во всех РПД задачи охватывают не только развитие языковых навыков, но и формирование УК-4, предусмотренной ФГОС ВО 3++. УК-4 («способность осуществлять деловую коммуникацию») реализуется через развитие навыков написания деловых писем, резюме, тезисов докладов и профессиональной устной речи. Однако зачастую РПД не предусматривают моделирования реальных деловых ситуаций, что ограничивает подготовку обучающихся к профессиональной коммуникации в международной среде. На наш взгляд, использование технологий ESP (English for Specific Purposes) позволило бы более целенаправленно развивать навыки профессионального общения, включая работу с технической и деловой документацией, а также ведение переговоров.

Таким образом, несмотря на частичное включение элементов формирования УК-5 в содержание дисциплины «Иностранный язык», её потенциал в формировании готовности к

межкультурному взаимодействию остаётся недостаточно реализованным, особенно в профессиональном контексте. Наряду с изучением национальных традиций, обучающимся необходимо осваивать стратегии эффективного взаимодействия в многоязычной деловой среде, что требует дополнения РПД тематическими блоками, ориентированными на моделирование профессиональных ситуаций. Для этого целесообразно внедрять педагогические технологии, интегрирующие языковую подготовку с межкультурной коммуникацией, что позволит формировать у обучающихся комплексные навыки взаимодействия в международном контексте. Метод Case Study моделирует реальные ситуации делового взаимодействия, позволяя анализировать культурные различия и адаптировать стратегии коммуникации с учётом национальных особенностей [27–29]. Метод проектов развивает навыки совместной работы в межкультурных командах, формируя умение находить решения в условиях различий языковых и культурных кодов [30–33]. Симуляции переговоров способствуют отработке стратегий делового общения, формированию гибкости речевых тактик и толерантности к стилям коммуникации различных культур [34, 35]. Игровые технологии, включая ролевые и деловые игры, позволяют моделировать профессиональные ситуации и приближать обучение к реальным условиям [36–39]. Технология CLIL (Content and Language Integrated Learning) интегрирует изучение профессионального содержания и иностранного языка, создавая условия для осознания межкультурных различий в профессиональной среде [40–42]. Кроме того, применение методов критического мышления, таких как анализ кейсов, дискуссии и дебаты, развивает способность оценивать информацию, выявлять стереотипы и адаптировать коммуникативные стратегии в межкультурной среде [43, 44]. Комплексное применение указанных методов устраняет разрыв между языковой подготовкой и реальными требованиями профессиональной деятельности, способствуя формированию готовности обучающихся к межкультурному взаимодействию и деловой коммуникации.

Таким образом, сопоставление данных, полученных в ходе опроса, с результатами анализа более 100 РПД дисциплины «Иностранный язык» подтвердило предположение в том, что качественное преобразование целей, содержания учебных занятий и применяемых педагогических технологий в соответствии с планируемыми результатами в виде УК-4 и УК-5 возможно и целесообразно посредством уточнения целевых установок в самих РПД.

Заключение

Результаты проведенного опроса педагогических работников ОО ВО выявили значительные расхождения между требованиями ФГОС 3++ и фактическими целями преподавания дисциплины «Иностранный язык». Согласно ФГОС 3++, дисциплина должна способствовать формированию универсальных компетенций, т.е. готовности к межкультурному взаимодействию и деловой коммуникации. Однако данные опроса показывают, что большинство педагогических работников ориентируются на развитие базовых языковых навыков, таких как устная и письменная профессиональная коммуникация, при этом формирование навыков, связанных с межкультурным взаимодействием и деловой коммуникацией, не занимает приоритетных позиций.

Наряду с этим основное внимание в ОО ВО уделяется английскому языку, который преподается у 63.89% респондентов, в то время как другие языки, такие как немецкий, французский, испанский, португальский, и русский как иностранный остаются значительно менее охваченными. Это ограничивает межкультурные возможности обучающихся, снижая их потенциальную готовность к взаимодействию в многоязычной среде.

Несмотря на то, что некоторые педагогические работники применяют прогрессивные педагогические технологии, такие как ролевые и деловые игры, технологию Case Study и CLIL (предметно-языковое интегрированное обучение), их использование пока остается ограниченным. Эти технологии, в особенности игровые и Case Study, эффективно моделируют реальные профессиональные ситуации, способствуя развитию навыков межкультурного взаимодействия и деловой коммуникации, но, согласно результатам опроса, лишь 47.2% респондентов применяют игровые технологии, ориентированные на достижение этой цели. Технология CLIL, позволяющая интегрировать обучение языку с освоением профессиональных дисциплин, используется лишь 27.8% педагогических работников, несмотря на её высокий потенциал для интеграции иноязычной подготовки с профессионально ориентированным обучением. Эти данные указывают на необходимость более целенаправленного внедрения педагогических технологий, акцентирующих внимание на межкультурном взаимодействии и деловой коммуникации, для соответствия требованиям ФГОС 3++.

Кроме того, анализ исходного уровня владения иностранным языком среди первокурсников показал, что около 30% обучающихся име-

ют недостаточный уровень иноязычной коммуникативной компетенции для дальнейшего формирования УК-4 и УК-5. Это требует от педагогических работников дополнительных усилий для компенсации базовых языковых навыков, что затрудняет сосредоточение на задачах, связанных с межкультурным взаимодействием и деловой коммуникацией.

В результате проведенного исследования можно заключить, что существует очевидная необходимость корректировки целей дисциплины «Иностранный язык» и более целенаправленного внедрения педагогических технологий, соответствующих современным требованиям ФГОС 3++. На основании полученных данных рекомендуются следующие направления для дальнейшего исследования.

1. Пересмотр программных целей дисциплины «Иностранный язык». Программы должны акцентировать внимание на задачах формирования готовности к межкультурному взаимодействию и деловой коммуникации, что отражает актуальные требования ФГОС и повышает значимость данных компетенций для профессиональной подготовки обучающихся.

2. Расширение многообразия преподаваемых иностранных языков. Преподавание дополнительных иностранных языков (немецкого, французского, испанского и других) позволит обучающимся лучше подготовиться к работе в многоязычной и многокультурной среде, что повысит их готовность к эффективному межкультурному взаимодействию.

3. Широкое применение педагогических технологий, ориентированных на деловую коммуникацию и межкультурное взаимодействие. Игровые технологии, такие как ролевые и деловые игры, технология Case Study, а также CLIL, должны быть активнее внедрены в учебный процесс для выполнения основных требований ФГОС 3++ к выпускникам.

4. Создание поддерживающих материалов для подготовки обучающихся с разным уровнем владения языком. Для эффективного включения обучающихся с низким исходным уровнем владения языком в программу следует разработать учебные пособия и методические рекомендации, способствующие их ускоренной адаптации.

Таким образом, дальнейшее совершенствование РПД, расширение многообразия преподаваемых языков и внедрение эффективных педагогических технологий позволят дисциплине «Иностранный язык» более полно отвечать задачам, поставленным ФГОС 3++, и повысить её роль в подготовке обучающихся к деловой коммуникации и межкультурному взаимодействию на иностранном языке.

Авторы выражают глубокую признательность рецензентам за внимательное прочтение текста статьи, конструктивные замечания и рекомендации, способствовавшие повышению её научного уровня. Особая благодарность выражается анонимным рецензентам за их объективный подход и ценную обратную связь, позволившие внести уточнения в исследование. Кроме того, авторы выражают признательность своим коллегам за ценные комментарии и поддержку на этапе сбора и анализа данных. Их экспертное мнение помогло обогатить исследование дополнительными перспективами и уточнить выводы, представленные в статье.

Список литературы

1. Межкультурный диалог и партнёрство [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: <https://unesco.ru/news/межкультурный-диалог-и-партнерство-3/> (дата обращения: 13.12.2024).
2. Влияние межкультурной коммуникации на общество [Электронный ресурс] // Смотрим. Официальный сайт. URL: <https://smotrim.ru/article/4139003> (дата обращения: 13.12.2024).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриата по направлению подготовки 26.03.02 «Кораблестроение, океанотехника и системотехника объектов морской инфраструктуры». Утвержден 26.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://fgosvo.ru/upload/files/FGOS%20VO%203++/Bak/260302_B_3_31082020.pdf (дата обращения: 15.09.2023).
4. Межкультурную коммуникацию в современном мире обсудили на полях XII Евразийского ивент-форума [Электронный ресурс] // Единая Россия. Официальный сайт. URL: <https://spb.er.ru/activity/news/mezhkulturnuyu-kommunikaciyu-v-sovremenno-mire-obsudili-na-polyah-xii-evrazijskogo-ivent-foruma> (дата обращения: 13.12.2024).
5. Бурлакова Е.В., Качалова С.М., Замышляев Е.И. Профессиональная подготовка специалистов к условиям межкультурного взаимодействия // Человек. Общество. Наука. 2022. Т. 3. № 2. С. 12–21. DOI: 10.53015/2686-8172_2022_3_2_12.
6. Ваулина Л.Н. Обучение на протяжении всей жизни в процессе межкультурной коммуникации в профессиональной сфере // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. Т. 18. № 4. С. 179–183.
7. Колесник Л.И., Осипова Н.Н., Трофименко М.П. Иностранный язык как средство профессиональной подготовки конкурентоспособного специалиста в условиях современного вуза (на примере аудирования) // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-4. С. 101–105.
8. Солдатов Б.Г., Солдатова Н.В. Формирование профессиональной готовности студентов к межкультурной коммуникации как педагогическая проблема // Вестник Московского государственного областного

го университета. Серия: Педагогика. 2020. № 3. С. 40–49. DOI: 10.18384/2310-7219-2020-3-40-49.

9. Кианибарфоруши Х.Х. Межкультурная коммуникация и ее роль в подготовке иностранных учащихся неязыковых // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития: Материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19 окт. 2023 г. / Под ред. Т.Н. Мельниковой (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2023. С. 118–121.

10. Кубанева Н.К. О некоторых особенностях обучения межкультурной коммуникации в иноязычном профессиональном образовании студентов // Актуальные проблемы профессионального образования: цели, задачи и перспективы развития: Материалы 17-й Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 23 апреля 2019 года. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2019. С. 229–235.

11. Косицкая Е.Ю., Пашина Ю.С. Аспекты делового общения в рамках иноязычных // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Материалы Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых, Грозный, 19 апреля 2019 года / Под ред. П.Х. Альмурзаева. Грозный: Чеченский государственный университет, 2019. С. 68–71.

12. Раицкая Л.К. Формирование иноязычной компетентности студентов в курсе деловой коммуникации на иностранном языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 11-2. С. 217–220.

13. Кудрявцева Е.Л., Платонова Э.Е. Особенности обучения иноязычному деловому общению в коммуникативной ситуации // Научный поиск в сфере современной культуры и искусства: Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава Белорусского государственного университета культуры и искусств, Минск, 25 ноября 2021 года / Редколл.: Н.В. Карчевская (пред.) [и др.]. Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2022. С. 478–481.

14. Дмитренко Т.А. Профессиональная подготовка специалистов в сфере межкультурных коммуникаций в условиях обновления языкового образования // Наука и школа. 2015. № 6. С. 95–99.

15. Рыбасова Ю.Ю. Формирование гражданской и культурной идентичности студенческой молодежи в процессе изучения курса «Культура и межкультурное взаимодействие в современном мире» // Формирование общероссийской гражданской идентичности как фактор противодействия идеологии экстремизма в образовательной среде: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 25 февраля 2016 года. Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Информационно-технологический центр», 2016. С. 146–150.

16. Белянский Р.Г. Межкультурное обучение иностранному языку как неотъемлемая часть при формировании навыка межкультурной коммуникации // Теория и практика инновационных технологий в АПК: Материалы Междунар. науч. конф., Воронеж, 20–28 марта 2023 года. Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2023. С. 222–226.

17. Якушина О.И. Культурное взаимодействие и перспективы реализации межкультурной коммуникации // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 6. С. 51–59. DOI: 10.21453/2311-3065-2017-5-6-51-59.

18. Оксентюк Г.С. Принципы формирования готовности магистров к деловому межкультурному взаимодействию // Вестник ЧелГУ. 2013. № 26 (317). С. 114–116.

19. Снежкова А.С. Лингводидактический аспект формирования мотивации учащихся к межкультурному взаимодействию // Инновационная наука. 2021. № 12-1. С. 56–60.

20. Харитонов В.А., Якимина И.И. Формирование межкультурной коммуникативной компетентности студентов в деловом общении на иностранных языках // Иностранные языки в школе и вузе: международный семинар-практикум: Сборник научных трудов по материалам Международного семинара-практикума, Саранск, 25 ноября 2016 года. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева, 2017. С. 74–79.

21. Nevraeva N.Yu., Kusarbaev R.I., Demakova G.A. [et al.] Culture and communication as fundamentals of intercultural interaction // Baltic Humanitarian Journal. 2021. Vol. 10. № 2 (35). P. 135–138. DOI: 10.26140/bgj3-2021-1002-0036.

22. Корсакова Ю.С. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку в современных условиях // Актуальные проблемы образования и воспитания: интеграция теории и практики: Материалы Национальной контент-платформы, Мичуринск, 12 декабря 2019 года / Под ред. Г.В. Коротковой. Мичуринск: Мичуринский государственный аграрный университет, 2019. С. 20–21.

23. Сургутскова Г.А., Сорока Ю.В. Теоретические положения интегрированного подхода к межкультурному профессиональному взаимодействию // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 4.

24. Багичева Н.В., Старкова Д.А. Межкультурные проекты как средство формирования универсальных компетенций студентов // Педагогическое образование в России. 2019. № 9. С. 13–21. DOI: 10.26170/po19-09-02.

25. Селькова А.В. Формирование опыта межкультурного взаимодействия у студентов в условиях поликультурной среды современного вуза // Актуальные вопросы образования. 2020. Т. 1. С. 100–104. DOI: 10.33764/2618-8031-2020-1-100-104.

26. Булат Р.Е., Барыбина Н.В. Значение понятий «коммуникация» и «межкультурное взаимодействие» как целевая установка формирования содержания дисциплины «Иностранный язык» // Иностранный язык в профессиональной сфере: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Е.В. Николаевой. В 2 ч. Ч. 1. Теоретическая и прикладная лингвистика. Образовательные технологии в преподавании иностранного языка. М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2025.

27. Астахова И.О. Метод case-study как эффективная технология профессионально-ориентирован-

ного обучения студентов иностранным языкам // Вестник индустрии гостеприимства: Научный сборник. Вып. 4. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 30–32.

28. Пересунько Е.А. Метод кейс-стади в сфере профессиональной иноязычной коммуникации [Электронный ресурс] // Научно-издательский центр «Открытое знание». URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/metod-kejs-stadi-v-sfere-professionalnoj-inoazyachnoy-kommunikatsii.html> (дата обращения: 15.02.2025).

29. Якушкина О.С. Современные методы обучения иностранному языку в профессионально-ориентированном образовании (метод «case study», метод технического перевода) // Актуальные вопросы изучения иностранного языка в вузе: Материалы Всероссийской научно-методической конференции, Рязань, 20 февраля 2019 года. Рязань: Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, 2019. С. 101–106.

30. Григорьева-Голубева В.А., Барыбина Н.В. Оценка эффективности использования метода проектов в процессе обучения иностранным языкам // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2019. № 4. С. 108–117.

31. Езерская Ж.И. Реализация задач иноязычной профессионально ориентированной подготовки студентов посредством применения метода проектов // Преподавание иностранных языков в поликультурном мире: традиции, инновации, перспективы: Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Минск, 22 марта 2024 года. Минск: Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка», 2024. С. 73–76.

32. Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Модель интеграции коммуникативно-проектной технологии в обучение иноязычной публичной речи будущих инженеров // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2023. № 61. С. 175–190. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-175-190.

33. Ковригина А.И. Методы формирования навыков межкультурной коммуникации у студентов неязыкового колледжа и вуза // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 102-1. С. 36–39. DOI: 10.18411/tmio-10-2023-10.

34. Васючкова О.И., Коваленок Т.В. О гибких навыках, приобретаемых в ходе профессионального иноязычного общения // Образование. Культура. Общество: Сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 28 апреля 2020 года. СПб.: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2020. С. 16–19. DOI: 10.37539/ECS290.2020.74.28.002.

35. Файзиева Г.В. Профессионально-ориентированный иностранный язык как модуль компетентностной модели подготовки будущего специалиста в вузе // Гуманитарные исследования. Педагогика и

психология. 2024. № 19. С. 61–68. DOI: 10.24412/2712-827X-2024-19-61-68.

36. Михайлов А.Н., Симеонова Н.М. Деловая игра в формировании познавательной активности студентов технического университета // Педагогическое образование и наука. 2013. № 6. С. 72–75.

37. Триус Л.И. Игры в обучении профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции у студентов в лингвистическом вузе на примере английского языка // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 307–313.

38. Цыренжапова С.Д. Интерактивные методы обучения иностранному языку как средство развития межкультурной компетенции будущих специалистов // Лингвистические и методологические аспекты в преподавании иностранных языков: Сборник научных статей / Отв. Ред. Б.В. Соктоева. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2016. С. 55–60.

39. Чиликина Е.С. Роль игровых технологий при формировании межкультурной компетенции студентов // Интерактивность как катализатор развития вузов: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Москва, 20 апреля 2023 года. М.: Издательство «Перо», 2023. С. 193–219.

40. Барыбина Н.В. История возникновения и развития концепции предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL) // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 67-3. С. 53–58. DOI: 10.18411/lj-11-2020-94.

41. Белова Л.А., Заседателева М.Г., Быстрай Е.Б., Штыкова Т.В. Подготовка будущих учителей к межкультурному профессиональному взаимодействию с использованием технологии CLIL // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 4. С. 9–16. DOI: 10.25588/CSPU.2018.33.4.001.

42. Невраева Н.Ю., Кабанов А.М., Савельева Н.Х., Божко Е.М. Программа подготовки студентов к межкультурному взаимодействию в условиях предметно-языковой интегрированной среды // Современный ученый. 2019. № 6. С. 40–45.

43. Зудина А.И. Технология развития критического мышления как эффективное средство формирования коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза при обучении иностранному языку // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 108–110. DOI: 10.26140/anip-2019-0803-0027.

44. Иванова Г.Н. Применение современных педагогических технологий в процессе преподавания иностранного языка на неязыковых факультетах университета // Modern Science. 2021. № 12-2. С. 220–224.

45. Опрос педагогических работников кафедр иностранных языков образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс] // Google Forms. URL: https://docs.google.com/forms/d/1O6OSr6EUyzAssbuvn0dtuOD_4nOnykSEcO2DJxPkDgc/viewform?edit_requested=true (дата обращения: 13.12.2024).

**THE PEDAGOGICAL POTENTIAL OF THE DISCIPLINE «FOREIGN LANGUAGE»
IN DEVELOPING GRADUATES' ABILITIES FOR INTERCULTURAL INTERACTION****N.V. Barybina¹, R.E. Bulat²**¹Saint Petersburg State Marine Technical University²Pushkin Leningrad State University

In the article, the issue of developing readiness for intercultural interaction and business communication among students of higher education institutions (HEIs) is addressed in the context of implementing the Federal State Educational Standard of Higher Education (FSES HE 3++). The importance of this task is determined by globalization and the growing role of intercultural dialogue, which necessitate a revision of approaches to teaching the discipline "Foreign Language." The current teaching practice is often limited to developing basic language competence, which does not align with the requirements of universal competencies UC-4 and UC-5.

To assess the current state of readiness for intercultural interaction and business communication, an anonymous survey was conducted among 72 educators teaching the discipline "Foreign Language" in various regions of Russia. The research methodology involved the use of the Google Forms online platform. The survey questions focused on analyzing teaching priorities, the use of pedagogical technologies, and the initial language proficiency of students.

Data analysis revealed that most educators focus on developing basic language skills, while tasks related to preparation for intercultural interaction and business communication remain secondary. Only 27.8% of respondents use the CLIL methodology, and less than half of the educators employ game-based technologies and Case Studies. Moreover, the low initial language proficiency of a significant number of students complicates their professionally oriented learning.

The results of the study confirm that the discipline "Foreign Language" requires adjustments in its goals and content to meet the requirements of the FSES HE 3++. It is recommended to expand the application of innovative technologies such as CLIL and Case Studies, as well as to enhance support for students with low proficiency levels. Implementing these changes will enable more effective development of graduates' readiness for professional activities in the context of intercultural interaction.

Keywords: intercultural interaction, business communication, foreign language, Federal State Educational Standard of Higher Education (FSES HE 3++), CLIL, Case Study, game-based technologies.

УДК 378.046.4

DOI 10.52452/18115942_2025_2_251

ВОЗМОЖНОСТИ УЧЕБНОГО КУРСА «ВЕРОЯТНОСТЬ И СТАТИСТИКА» ДЛЯ РАЗВИТИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

© 2025 г.

Г.А. Воробьев, Т.П. Фомина

Воробьев Григорий Алексеевич, к.т.н.; доцент кафедры информатики,
информационных технологий и защиты информации
Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
vorobjev_g_a@mail.ru

Фомина Татьяна Петровна, к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры математики и физики
Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
fomina_t_p@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 19.03.2025**Статья принята к публикации 28.04.2025*

Цель исследования состоит в обосновании необходимости расширения понимания приемов формирования функциональной математической грамотности школьников, развития и поддержки интереса к проектно-исследовательской деятельности в рамках курса «Вероятность и статистика» и влияния на этот процесс предметно-ориентированного курса повышения квалификации педагогов. Для учителя задача формирования функциональной математической грамотности является одной из основных, работа по реализации которой предполагает привлечение большого перечня научных и методических материалов с использованием соответствующего инструментария. Одним из решений данной проблемы являются курсы повышения квалификации учителей математики, цель которых – формирование у педагогов целостного понимания возможностей развития математической грамотности школьников при работе по новым ФОП и ФГОС. В статье обсуждаются структура и содержание разработанных курсов по использованию возможностей предмета «Вероятность и статистика» в рамках развития математической грамотности школьников. Также раскрывается роль предлагаемых заданий, для иллюстрации приведены некоторые примеры. В процессе исследования применялись такие методы, как анализ, обобщение, проектирование, моделирование, которые позволили раскрыть возможности школьного предмета «Вероятность и статистика» в контексте формирования математической грамотности школьников.

Ключевые слова: функциональная математическая грамотность, обучение математике, курсы повышения квалификации учителей математики, проектная деятельность.

Введение

Всестороннее распространение информационных технологий, которое влияет на увеличение многообразия связей внутри современной науки и общества в целом, порождая изменчивость самого общества, требует и модернизации школьного образования в соответствии с потребностями общества и времени. Этот тезис нашел отражение в федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС), в нём обозначена необходимость и важность трансформаций.

Человеку требуется адаптироваться к динамично изменяющимся условиям действительности, чтобы реализовать себя как субъекта. Для этого ему необходимо обладать способностями к активному участию в реальной жизни и способностями к изменению и развитию самого себя [1, 2]. Растёт роль функциональной грамотности, так как это «способность человека решать стандартные жизненные задачи в различных сферах жизни и деятельности на основе

прикладных знаний» [3, с. 27]. Функциональная грамотность вряд ли возможна без математической грамотности. По словам А.А. Леонтьева, математическая грамотность – это способность человека использовать приобретённые знания для решения широкого диапазона прикладных задач в различных сферах деятельности, общения и социальных отношений [4].

В исследовании PISA (Programme for International Student Assessment, международная программа по оценке образовательных достижений учащихся) математическая грамотность определяется как «способность индивидуума проводить математические рассуждения и формулировать, применять, интерпретировать математику для решения проблем в разнообразных контекстах реального мира» [5].

Выделяются следующие компоненты математической грамотности:

– применение математических понятий и фактов, использование методов рассуждений, выполнение вычислительных операций;

- интеграция материала из разных математических разделов, требующихся для решения прикладной задачи;

- математические размышления, требующие обобщения и интуиции.

Это всё требует акцентирования внимания на прикладном характере математики.

Требуемый уровень математической грамотности можно получить при умелом, грамотном и продуктивном сочетании различных образовательных технологий [1, 6–8].

Так, Е.Е. Алексеева в своем исследовании [9] обосновывает необходимость разработки специальных заданий, которые образуют систему контекстных функциональных заданий. Методические особенности описываются через содержание деятельности при выполнении заданий, выделяются уровни сложности контекстных заданий в зависимости от содержания задачи и действий при их выполнении, а также уровни дифференцирования трудностей в зависимости от уровня обучения учащихся.

Проблема подготовки педагогических кадров с учетом приоритетов образовательной системы в настоящее время находится в центре внимания многих исследователей [3, 6, 7, 10]. Например, О.В. Тумашева отмечает, что в настоящее время актуальным образовательным результатом выступает функциональная грамотность обучающихся. В связи с этим значимость профессионализма педагогических кадров, готовых и способных формировать ее, высока. Первым шагом к решению данного вопроса, по мнению автора, становится разработка модели подготовки учителей, как в рамках вузовской подготовки, так и в системе послевузовского повышения квалификации [11].

Указанное обосновывает необходимость разработки специальной стратегии работы с учителями математики при организации урочной и проектной деятельности, консолидации их с работой в системе дополнительного образования, в том числе реализации межпредметных связей, прежде всего с информатикой. По нашему мнению, такая работа может осуществляться в рамках учебной дисциплины «Вероятность и статистика», она в этом случае должна включать в себя дополнительный дидактический материал с использованием соответствующего методического обеспечения.

Таким образом, цель исследования заключается в обосновании необходимости расширения понимания приемов формирования функциональной математической грамотности школьников, развития и поддержки интереса к проектно-исследовательской деятельности в рамках курса «Вероятность и статистика» и влияния на

этот процесс предметно-ориентированного курса повышения квалификации (КПК).

Исходя из цели исследования можно выделить некоторые его основные задачи:

- анализ специфики формирования и оценки математической грамотности;

- выявление роли и места предмета «Вероятность и статистика» в формировании функциональной грамотности;

- диагностика компонентов предметных и методических компетенций, требующихся педагогам;

- формирование структуры и содержания КПК «Возможности учебного курса «Вероятность и статистика» для развития математической грамотности школьников»;

- формирование выводов по результатам проведения курса повышения квалификации;

- создание сетевого сообщества учителей вероятности и статистики с целью непрерывного совершенствования профессиональных компетенций.

Теоретико-методологические подходы

Методологической основой исследования являются идеи субъектно-деятельностного подхода и в том числе субъектно-средового подхода, которые применяются для формирования сетевой профессиональной среды, направленной на непрерывное развитие квалификации преподавателей новой школьной дисциплины. Общенаучные методы (анализ, обобщение) позволяют выделить различные аспекты проблемы формирования математической грамотности обучающихся и подходы к ее разрешению. Специальные методы (системный и структурно-функциональный подходы, моделирование) используются для разработки КПК в соответствии с требованиями современного образования.

Результаты

Учитывая важность и актуальность проблемы формирования математической грамотности обучающихся, наличие регионального компонента в рамках выделения часов на математическую грамотность, было решено в помощь учителю математики организовать курсы повышения квалификации на базе ФГБОУ ЛПГУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского «Возможности учебного курса «Вероятность и статистика» для развития математической грамотности школьников». Форма обучения – заочная с применением дистанционных образовательных технологий. Срок освоения программы – 108 ч. Цель: формирование у педагогов целостного

понимания возможностей развития математической грамотности школьников при работе по новым ФОП и ФГОС.

Программа направлена на развитие понимания приёмов формирования функциональной математической грамотности школьников, развитие и поддержку интереса к проектно-исследовательской деятельности в рамках курса «Вероятность и статистика», знакомство с различными подходами к решению вероятностно-статистических задач, что позволит существенно расширить кругозор и сферу интересов учителя, а также облегчит процесс профориентации.

Структура курса:

Модуль 1. Математическая грамотность и её компоненты. Промежуточная аттестация в форме компьютерного тестирования;

Модуль 2. Методические аспекты изучения элементов математической статистики в школе. Промежуточная аттестация в форме компьютерного тестирования;

Модуль 3. Возможности вероятностных разделов курса для развития математической грамотности. Промежуточная аттестация в форме компьютерного тестирования;

Модуль 4. Формирование компонентов математической грамотности, связанных с использованием ИКТ в изучении курса. Промежуточная аттестация в форме компьютерного тестирования и выполнения проекта.

Итоговая аттестация проводится в форме компьютерного тестирования.

На занятиях демонстрируется спектр средств и форм развития компетенций математической грамотности: использование различного рода заданий, которые позволяют обогащать социальный опыт обучающихся и учат принимать обдуманные решения, применение проектных заданий, использование вычислительных возможностей компьютера, продуктивное применение современных возможностей искусственного интеллекта.

Рассмотрим некоторые средства и формы обучения в контексте развития математической грамотности.

В процессе проведённого анализа были выявлены определенные структурные элементы формирования функциональной математической грамотности в рамках изучения предмета «Вероятность и статистика» и аспекты их реализации:

- получение исходных компетенций для освоения вероятности и статистики (решение простых комбинаторных задач при освоении математики в урочной и внеурочной деятельности, в предметных олимпиадах; знакомство со статистической информацией в разнообразных сферах деятельности человека), начальная школа;

- формирование функциональной грамотности при изучении вероятности, знакомство с различной статистической информацией, 4–7 классы;

- освоение базовых предметных компетенций в рамках изучения дисциплины (определённым итогом является выполнение соответствующих заданий ОГЭ), 7–9 классы;

- совершенствование функциональной грамотности в сфере вероятности и статистики (итог, выполнение заданий ЕГЭ), 9–11 классы;

- выполнение проектных работ статистической направленности, 9–11 классы.

Большую роль при формировании функциональной грамотности играют соответствующие задания, в том числе практико-ориентированные. Вначале проанализируем некоторые виды вероятностных заданий на формирование математической грамотности.

1. Задания на представление практических текстовых задач в терминах теории вероятностей.

1.1. Каждый миллионный посетитель выставки-форума «Россия» получает приз. Как можно охарактеризовать события «А. получил приз» и «А. не получил приз»? (противоположные события)

1.2. На олимпиаде школьникам предложены 5 заданий на вероятность случайных событий. Каждый участник соревнования мог выполнить от нуля до пяти заданий. Как можно назвать все шесть рассматриваемых случаев? (полная группа событий).

2. Комплексные задачи

4 ноября 2023 года в 75-м павильоне ВДНХ открылась Международная выставка-форум «Россия». 89 регионов Российской Федерации представили достижения, традиции и обычаи своей территории и населения. Липецкая область не стала исключением. Помогите организаторам ответить на следующие вопросы:

Задание 1. Каждый регион на выставке занимает свою позицию. В Центральный федеральный округ входят 18 регионов, для каждого из которых на выставке выделена отдельная позиция. Сколькими различными способами можно составить список этих регионов по позициям? Какова вероятность того, что позиции Липецкой, Воронежской и Тамбовской областей окажутся рядом?

Задание 2. Праздничные мероприятия в рамках выставки-форума начались 13 декабря 2023 года в Московском Кремле. Государственный Кремлевский дворец рассчитан на 6000 зрителей. Представителям Липецкой области было выделено 500 мест. Сколькими способами можно разместить группу из 498 человек, которые представляют 12 различных организаций (табл.)? Ка-

Таблица

Распределение мест по организациям

Номер организации	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Количество человек	30	28	52	18	56	39	61	41	24	58	45	46

кова вероятность того, что представители двух определенных организаций окажутся рядом?

Задание 3. Школьники технологического класса ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского также приглашены на выставку-форум. Экскурсии проходят в строгом порядке (по парам). В поездку отправились 9 девушек и 12 юношей. Сколькими способами можно выбрать из них четыре пары (в паре один юноша и одна девушка)? Какова вероятность того, что Илья и Дмитрий окажутся среди выбранных? Подразумевается, что в экскурсии участвует один Илья и один Дмитрий.

Комментарий к заданию

Анализируемое задание соответствует следующим планируемым результатам обучения: «Подсчёт количества выборок», «Решение одношаговых задач на классическую вероятность», «Поиск, анализ, оценка информации, интерпретация данных, применение данных при поиске решения».

Требования, соответствующие перечисленным результатам обучения, формулируются в задачах неявно. В первом задании учащемуся требуется порассуждать. Анализируя задание, школьник понимает, что требуется вычислить, воспользоваться справочной информацией и сделать обоснованный вывод о ложности предположения.

При выполнении второго задания рассматривается применение в практической ситуации базового навыка вычислять количество сочетаний. Подобные задания важны для применения на занятиях, так как на практике многие школьники теряют дополнительные условия, не пользуются справочной информацией.

Анализируя последнее из перечисленных заданий, учащийся тренируется определять истинность утверждений, опираясь на данные, доказывать свою точку зрения. Целесообразно предлагать комментировать ход рассуждений (отвечать на вопросы: «Почему утверждение истинное/ложное?», «Как это доказать?», «Как определить количество искомых вариантов?») Конечно, возможны и другие формулировки вопросов). Предложение уменьшит вероятность ошибок, связанных с неточными расчетами, неправильным использованием данных.

3. Работа по предупреждению типичных ошибок в изучении базовых тем курса

В двух коробках лежали белые и красные шары, причём в первой коробке на четыре белых шара приходилось три красных, а во второй коробке на три белых шара – два красных. Все шары высыпали в одну ёмкость, из которой не глядя собираются вынуть один случайный шар. Три школьника делают прогнозы. Первый: «Шар окажется красным с вероятностью $5/12$ ». Второй: «Шар будет красным с вероятностью $8/19$ ». Третий: «Вероятность того, что шар красный, равна $16/35$ ». Кто из школьников может оказаться прав? В какой ситуации?

Комментарий к заданию

Обсуждаются условия проведения эксперимента. Возможен сразу ответ, что первый школьник прав. Но поскольку в условии задачи не сказано, сколько шаров в коробках, то нужно рассмотреть возможные ситуации: 1) $4б + 3кр$ и $3б + 2кр$; 2) $8б + 6кр$ и $3б + 2кр$; 3) $4б + 3кр$ и $6б + 4кр$; и т.д.

При обсуждении этих вариантов выясняется, что правы могут быть первый и второй школьники.

4. Организация групповой работы школьников при анализе наиболее сложных тем и вопросов курса

В обновленном ФГОС ООО особое внимание уделяется организации обучения, которое способствует развитию коммуникативных универсальных учебных действий, опыта совместной деятельности у обучающихся.

Можно выделить следующие методы активного проблемно-ситуационного анализа, основанные на обучении путем выполнения заданий-ситуаций, направленных на получение учащимися практических компетенций: кейс-метод, деловая игра, занятие-конференция и другие.

Слушателям предлагались проектные задания, например исследовательский анализ данных. Нужно было провести предобработку и анализ данных по самостоятельно выбранной теме. Предполагалось, что можно в готовом виде получить данные из открытых источников (список ресурсов прилагался) или провести опрос с применением web-технологий (например, «Яндекс-форм») и обработать результаты с помощью Excel или Pandas. Перечисленное позволит учителям организовать такую работу со школьниками более плодотворно.

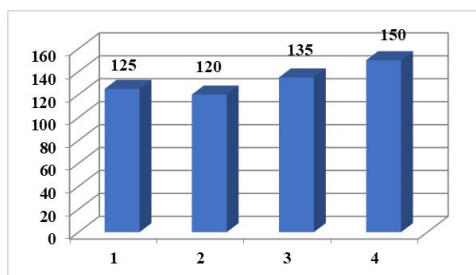

Рис. Диаграмма, отражающая рост девочек в сантиметрах

5. Использование ИКТ для формирования функциональной грамотности становится всё более важно, не является исключением работа по воспитанию математической грамотности. Объём потребляемой учащимися информации возрастает, увеличивается доля наглядных данных. Соответственно, требуется увеличение воздействия на зрительную память школьников. В рамках КПК слушателям были предложены серии эффективных мультимедийных презентаций. На основе имеющихся вариантов слушатели в рамках практической работы должны были разработать свои мини-проекты.

Выделим некоторые возможности применения ИКТ для развития элементов математической грамотности:

- использование средств визуализации для фиксации логических умозаключений;
- работа с таблицами, используемыми для систематизации информации, выявления существенных признаков изучаемых явлений, событий. Данные объединяются в матрицы (таблицы, дата-фреймы), средствами которых реализуется наглядный сравнительный анализ;
- использование сетевого общения одноклассников для обсуждения задания, способов его решения.

По завершению курсов слушатели проходят итоговое тестирование в личном кабинете на образовательной онлайн-платформе университета <https://www.lspu-online.ru/>

Предлагаемый тест состоит из 20 заданий (вопросы с единичным и множественным выбором). Вопросы оценивают сформированность умений и навыков интерпретировать понятия, устанавливать связи, рассуждать, оценивать ситуации, знать источники получения информации и средства ее представления и обработки, использовать приёмы и современные методы обучения.

Приведем примеры некоторых заданий.

1. Математическая грамотность – это

- а) способность человека определять и понимать роль математики в мире, высказывать хорошо обоснованные математические суждения и использовать математику так, чтобы удовлетво-

рять потребности, присущие созидательному, заинтересованному и мыслящему гражданину;

- б) способность человека мыслить математически, формулировать, применять и интерпретировать математику для решения конкретных задач;

- в) способность человека определять и понимать роль математики в мире.

2. На развитие какого умения направлено следующее задание:

На диаграмме указан рост четырех девочек. Имена девочек на диаграмме не указаны. Известно, что Маша – самая высокая, Аня – самая маленькая, а Даша выше Тани. Какой рост у Тани?

- а) нахождение информации из диаграммы;

- б) установление связей;

- в) установление связей, рассуждение.

3. Какие подходы используются для составления заданий, предназначенных для формирования и оценки математической грамотности?

- а) учащимся предлагаются контекстуальные, практические проблемные ситуации, разрешаемые средствами дисциплины «Вероятность и статистика»;

- б) введение в проблему представляет собой вводный текст мотивирующего характера, который содержит избыточную информацию;

- в) структура задания включает описание ситуации, к которой предлагаются связанные с ней вопросы.

4. Какие компоненты математической грамотности развиваются при выполнении кейс-заданий?

- а) установление связей и интеграция материала из разных математических разделов;

- б) математические рассуждения, требующие обобщения и интуиции;

- в) решение задач методом математического моделирования.

5. ИКТ в проектно-исследовательской деятельности позволяют:

- а) решать задачи;

- б) конструировать задачи;

- в) комплексно решать и конструировать задачи;

- г) знакомиться с информационными ресурсами.

Таким образом, при обучении курсу «Вероятность и статистика» требуется использовать различные методы и подходы, которые способствуют продолжению формирования и развития компонентов математической грамотности школьников.

Современное образование многоаспектно, не является исключением и освоение курса «Вероятность и статистика». В рамках анализируемого курса повышения квалификации педагогов рассматривались вопросы внедрения стохастиче-

ской линии в систему дополнительного образования, как по математическим, то инфокоммуникационным профилям. Проводился анализ специфики задач по комбинаторике, теории вероятностей и математической статистике, предлагаемых на олимпиадах, в том числе региональных.

Заключение

Актуализация проблемы формирования математической грамотности обучающихся связана с направленностью современного образования на использование получаемых знаний в реальной жизни и будущей профессии. Процесс формирования математической грамотности может быть организован в различных формах: на уроках, в системе дополнительного образования, в проектно-исследовательской деятельности, деловой игре, в других ситуациях с использованием иных форм. Применяемый математический аппарат наполняется для учащихся практическим смыслом, что повышает их мотивацию, стимулирует познавательный интерес и желание к изучению математики как эффективного средства выполнения практико-ориентированных заданий.

В рамках исследования выявлена существенная роль предмета «Вероятность и статистика» в формировании функциональной грамотности учащихся. Компетенции, приобретаемые при изучении дисциплины, находят применение в других школьных предметах.

Вследствии того, что отдельная дисциплина «Вероятность и статистика» стала изучаться в школе недавно, требуется соответствующее повышение квалификации учителей с акцентом на выявленные в процессе исследования «слабые места» в подготовке педагогов.

Сформированный КПК «Возможности учебного курса «Вероятность и статистика» для развития математической грамотности школьников» апробирован на практике и получил одобрение профессионального сообщества учителей математики.

Проведенные курсы показали заинтересованность педагогов, преподающих новую дисциплину. Предложенный в рамках анализируемого КПК методический инструментарий уже широко применяется на уроках. По мнению слушателей курсов, в результате использования предложенных дидактических материалов познавательная деятельность учащихся активизируется, что, несомненно, является положительным моментом. Становится больше школьников, которые изъявляют желание участвовать в олимпиадах по теории вероятностей и разрабатывать проекты по темам предмета.

По итогам проведения КПК выявлена необходимость формирования сетевого сообщества учителей вероятности и статистики с целью непрерывного совершенствования профессиональных компетенций. Функционирование сообщества реализовано средствами мессенджера «Телеграм».

В рассматриваемой предметной области представляется перспективной и полезной интеграция различных подходов к развитию математической грамотности школьников и соответствующей подготовки педагогов.

Список литературы

1. Валеев И.И. Функциональная математическая грамотность как основа формирования и развития математической компетенции // Бизнес. Образование. Право. 2020 № 4 (53). С. 353–360.
2. Седлева Е.А., Фомина Т.П. Реализация практико-ориентированного подхода при изучении теории вероятностей и математической статистики // Актуальные проблемы естественных, математических, технических наук и их преподавания: Сборник научных трудов. Липецк, 2023. С. 170–174.
3. Перминова Л.М. Минимальное поле функциональной грамотности (из опыта С.-Петербургской школы) // Педагогика. 1999. № 2. С. 26–29.
4. Леонтьев А.А. Педагогика здравого смысла. Избранные работы по философии образования и педагогической психологии / Сост., предисл., коммент. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2016. 528 с.
5. PISA 2015 Assessment and Analytical Framework: Science, Reading, Mathematics, Financial Literacy and Collaborative Problem Solving. Revised edition. Paris: Publishing, 2017. P. 65–80.
6. Васильева Р.Л., Тяглова Е.Г. Формирование математической грамотности на уроках (из опыта работы творческой группы учителей Красноярского края): Методические рекомендации. Красноярск, 2022. 94 с.
7. Расташанская Т.В., Сергеева Т.Ф., Шабанова М.В., Попов М.С. Развитие математической грамотности на основе предметного и межпредметного содержания: Методическое пособие для учителя. М.: ФГАОУ ДПО «Академия Минпросвещения России», 2021. 49 с. file:///C:/Users/user/Downloads/ПРОГРАММЫ%20ПК%20кафедры%202024/matematiceskaya-gramotnost.pdf
8. Рослова Л.О., Краснянская К.А., Квитко Е.С. Концептуальные основы формирования и оценки математической грамотности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1. № 4 (61). С. 58–79.
9. Алексеева Е.Е. Методика формирования функциональной грамотности учащихся в обучении математике // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-2. С. 10–15.
10. Воробьев Г.А., Фомина Т.П. Сетевые модели и цифровые технологии в повышении квалификации учителей математики // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2023. № 2 (55). С. 92–101.

11. Тумашева О.В. Готовность будущего учителя к формированию функциональной грамотности обучающихся // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 3 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gotovnost-buduschego-uchitelya-kformirovaniyu-funktsionalnoy-gramotnosti-buchayuschih>.
12. Банк заданий. Математическая грамотность // Официальный сайт ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО». URL: <http://skiv.instrao.ru/bank-zadaniy/matematiceskaya-gramotnost/>.
13. Купrienko E.I., Sergeeva T.F. Методические материалы по обучению курсу «Вероятность и статистика» в 7–11 классах для педагогов, внедряющих обновленные ФГОС ООО и ФГОС СОО. М., 2023. 21 с. URL: <https://iro22.ru/wp-content/uploads/2023/10/metodicheskie-materialy-verojatnost-i-statistika.pdf>
14. Математическая грамотность: Сб. эталонных заданий. Вып. 1. Ч. 1: Учеб. пособие для общеобразоват. организаций / Под ред. Г.С. Ковалевой, Л.О. Рословой. М.: СПб.: Просвещение, 2021. 80 с.
15. Математическая грамотность: Сб. эталонных заданий. Вып. 1. Ч. 2: Учеб. пособие для общеобразоват. организаций / Под ред. Г.С. Ковалевой, Л.О. Рословой. М., СПб.: Просвещение, 2021. 140 с.

THE POSSIBILITIES OF THE TRAINING COURSE «PROBABILITY AND STATISTICS» FOR THE DEVELOPMENT OF MATHEMATICAL LITERACY OF SCHOOLCHILDREN

G.A. Vorobyov, T.P. Fomina

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky

The purpose of the study is to substantiate the need to expand the understanding of methods for the formation of functional mathematical literacy in schoolchildren, to develop and support interest in design and research activities within the framework of the Probability and Statistics course and the impact on this process of a subject-oriented teacher training course. For teachers, the task of forming functional mathematical literacy is one of the main ones, the work on the implementation of which involves the involvement of a large list of scientific and methodological materials using appropriate tools. One of the solutions to this problem is advanced training courses for mathematics teachers, the purpose of which is to provide teachers with a holistic understanding of the possibilities for developing mathematical literacy in schoolchildren when working under the new Federal Educational Standards and the Federal State Educational Standard. The article discusses the structure and content of the developed courses on using the possibilities of the subject «Probability and statistics» in the framework of the development of mathematical literacy of schoolchildren. The role of the proposed tasks is also revealed, and some examples are provided to illustrate how to solve the problem. In the course of the research, such methods as analysis, generalization, design, modeling were used, which allowed us to reveal the possibilities of the school subject «Probability and Statistics» in the context of the formation of mathematical literacy of schoolchildren.

Keywords: functional mathematical literacy, teaching mathematics, advanced training courses for mathematics teachers, project activities.

УДК 372.853

DOI 10.52452/18115942_2025_2_258

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА ШКОЛЬНОГО ФИЗИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

© 2025 г.

И.В. Гребенев, А.А. Малятина

Гребенев Игорь Васильевич, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры кристаллографии и экспериментальной физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
grebenev@phys.unn.ru

Малятина Алёна Алексеевна, аспирант Института аспирантуры и докторантуры
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
alyonam78@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 03.04.2025**Статья принята к публикации 29.04.2025*

Анализируются современные тенденции экспериментальной основы школьного физического образования. Анализ литературы указывает на возрастающую роль цифровых образовательных ресурсов и цифровых лабораторий в организации учебного процесса по физике. Целью работы является создание перспективной методики применения демонстрационного и лабораторного экспериментов вместе с современными цифровыми средствами обучения. В статье описан вариант завершённого фрагмента учебного процесса по применению уравнения Менделеева–Клапейрона для изотермического процесса, в ходе которого в единстве применяется демонстрационный эксперимент, лабораторная работа с цифровым оборудованием и вариативный виртуальный эксперимент учащихся как объект их самостоятельной работы. Предложено при проведении виртуальной работы опираться на результаты практических исследований учащихся для придания физической обоснованности алгоритмам виртуальных работ. Определено, что важным преимуществом виртуальных работ является возможность варьирования условий проведения, что существенно дополняет возможности реальной лабораторной работы и демонстрации. Результат виртуального исследования служит объектом для применения уравнения Менделеева–Клапейрона на этапе обобщения и систематизации знаний. Сделан вывод, что для того, чтобы демонстрационный эксперимент стал эффективным инструментом обучения, необходимо интегрировать его в более широкий деятельностный контекст, который включает в себя теоретические основы, практические задания, обобщение, систематизацию и обсуждение полученных результатов при использовании виртуальных лабораторных работ.

Ключевые слова: демонстрационный эксперимент, виртуальный эксперимент, цифровые образовательные ресурсы, цифровые лаборатории, школьное физическое образование.

Постановка научной проблемы

Демонстрационный эксперимент в обучении физике служит в первую очередь источником нового содержания, основой для организации и мотивации познавательной деятельности обучающихся. Критерием эффективности учебных демонстраций для учащихся является их способность четко и кратко излагать и применять полученные знания, что, в свою очередь, требует умения обобщать информацию, формировать правильные выводы, которые имеют применимость за границами увиденного [1]. Однако, как показывает мировой опыт, даже на высоких уровнях образования учащиеся сталкиваются с трудностями в формулировке адекватных и содержательных выводов на основе увиденного в эксперименте [2]. Часто они ограничиваются поверхностным повторением результатов или делают недостаточно информативные заключения, что свидетельствует о малой глубине по-

нимания изучаемых явлений. Н.А. Менчинская писала о двух взаимосвязанных процессах — усвоении и применении знаний. Она отмечала, что о подлинном усвоении знаний можно судить лишь на основе того, умеет ли учащийся применять их при решении различных задач [3].

Поэтому для полноценного усвоения содержания эксперимент в уроке не должен ограничиваться только визуальным восприятием; необходимо развивать на его основе практические умения учащихся, чтобы они могли в ходе собственной деятельности полностью усвоить понятия, законы, проявления которых они наблюдают. Согласно современным дидактическим воззрениям, под содержанием образования понимается опыт деятельности учащихся [4]. Поэтому содержание, которое учитель планирует для усвоения в ходе эксперимента, должно быть направлено не только на демонстрацию явлений, но и на активное вовлечение учеников в процесс познания. По мнению В.В. Майера,

опыты должны быть не только средством наглядности, но и способом экспериментального исследования изучаемых явлений [5]. Для обеспечения применения знаний, полученных в ходе наблюдения демонстрационных экспериментов, необходимы специальные действия, направленные на выработку прочных умений, связей между новыми знаниями и определенными элементами старых знаний.

Одним из таких средств является лабораторный эксперимент, который переводит знания в умения пользоваться ими для решения практически важных предметных задач с приобретением соответствующих инструментальных умений. Важную функцию применения знаний для решения практических и псевдопрактических заданий выполняют также занятия по решению задач. К ним в последнее время все чаще добавляется и виртуальный эксперимент [6, 7]. Названные формы учебной деятельности должны образовывать единый учебный процесс, дополняя преимущества и компенсируя неизбежные методические недостатки каждого из них.

Теоретико-методологические подходы

Под виртуальным лабораторным экспериментом будем понимать метод исследования физического процесса с применением совокупности аппаратных и программных средств, обеспечивающий возможность обучающемуся изменять отдельные параметры и фиксировать полученные результаты физического явления (процесса) на компьютере [6]. Такой формат обучения делает работу в виртуальной среде не пассивным восприятием информации, а активным поиском и осмыслением, что значительно углубляет понимание и развивает навыки самостоятельного исследования. Интеграция демонстрационных экспериментов с практическими заданиями, включая виртуальные лаборатории, способствует более полному формированию актуальных знаний и умений [7].

Одним из ключевых показателей развитого теоретического мышления является способность учащегося к моделированию физических процессов и явлений. Так как моделирование – важнейший метод познания в физике, его активное использование в обучении не только углубляет понимание предмета, но и развивает исследовательские навыки: формулирование гипотез, их проверку и анализ [7]. Таким образом, целенаправленная работа с моделями становится эффективным инструментом формирования теоретического мышления школьников.

Положительный эффект применения виртуального эксперимента в сочетании с реальным

доказан в исследовании О.В. Иванчук и Е.В. Плащевой, выявивших достоверные сдвиги в уровнях сформированности у учащихся умений творческого типа, самостоятельного поиска при проведении проектных работ [8]. Тем самым подтверждается роль виртуального эксперимента не как источника новых знаний, но объекта самостоятельной деятельности учащихся. Также в ряде работ показано, что применение цифровых лабораторий и виртуальных работ приводит к значительному сокращению времени на расчеты, проверку и обработку результатов, организации более эффективной отработки типовых умений [9].

Вопрос о балансе между виртуальным и натурным экспериментом в естественно-научном образовании обсуждается исследователями с момента появления информационно-коммуникационных технологий. В.Г. Разумовский справедливо отмечал: «объектом изучения естественных наук является реальный, а не виртуальный мир, и в школе нужно изучать не только модели явлений, но, прежде всего, сами явления и на этой основе обучать школьников моделированию как методу познания» [10, с. 180]. Среди профессиональных физиков компьютерные симуляции эксперимента также вызывают неприятие. Утверждается, что лабораторные работы учащиеся должны выполнять исключительно с использованием реального оборудования [9]. Эти возражения основаны на том существенном обстоятельстве, что в виртуальных работах уже заложен некоторый алгоритм, реализующий изучаемую теорию. «На компьютере мы можем увидеть только то, что сами же заложили в программу, а это отнюдь не экспериментальный, а теоретический уровень изучения физики, не дающий нового объективного знания» [11, с. 5]. Однако для учащихся этот факт скрыт, и субъективно они проводят эксперимент, исследуя объект и получая новое для них знание. Если работа проводится после успешного выполнения реального лабораторного эксперимента, то учащийся может доверять теории, лежащей в основе алгоритма имитационного эксперимента. В результате ученики получают опыт выхода за пределы своих прежних знаний, расширяя круг действий с усваиваемым содержанием.

Существует и другая крайняя точка зрения: «...натурный эксперимент будет практически полностью вытеснен из образовательного процесса» [12, с. 5], вызванная тем, что современные технологии предоставляют виртуальному эксперименту возможности, значительно превышающие те, что доступны в рамках школьного натурального эксперимента. Он позволяет моделировать сложные процессы, варьировать пара-

метры, проводить исследования, недоступные в реальной лаборатории.

В любом случае интерактивные виртуальные модели лабораторных экспериментов создаются и весьма востребованы в педагогической практике. Является актуальной для анализа в этой связи проблема дидактического назначения виртуальных моделей школьного физического эксперимента и их места в учебном познании [13–15].

Мы исходим из утверждения, что наиболее эффективным подходом становится их следующее сочетание: натурный эксперимент сохраняет связь с реальностью, обосновывая модель своими результатами, а виртуальный расширяет границы познания, позволяя глубже понять физические закономерности и освоить моделирование как ключевой инструмент науки.

Актуальной методической проблемой является формирование обобщенной методики включения виртуальных экспериментов в единый учебный процесс, обеспечивающий единство познавательной деятельности учащихся в ходе реального и виртуального этапов учебного процесса [16, 17].

Наибольшей продуктивностью обладает такой вариант учебного процесса, который сочетает преимущества традиционных и виртуальных методов, позволяя учащимся, например, сначала наблюдать демонстрационный эксперимент, выполнить реальное исследование, а затем анализировать его результаты с помощью программного обеспечения для модификации условий и обобщения полученных или имитированных данных. В этом случае выигрыш заключается в полноте проверяемого, реализуемого знания. Каждый реальный эксперимент проходит в узких рамках частного набора условий, широкая вариативность условий затруднена или невозможна в условиях школьной лаборатории и ограниченного времени. Виртуальный же эксперимент не имеет таких ограничений и позволяет реализовать изученную теорию в широком диапазоне данных.

Данные, представленные в педагогической литературе, показывают, что интеграция реальных работ с виртуальными открывает новые возможности в организации завершенного образовательного процесса, поскольку виртуальная лабораторная работа развивает критическое мышление учащихся, формирует навыки и умения получать, обобщать и использовать информацию, полученную практическим путем [18].

Современная цифровизация образования развивается в двух направлениях: использование готовых электронных образовательных ресурсов (ЭОР) и работа с цифровыми лабораториями (ЦЛ). Первое направление включает виртуальные модели, интерактивные учебные пособия и анимации, помогающие учащимся осваивать теоретический материал. Второе предполагает практическое взаимодействие с цифровыми измерительными комплексами, упрощающими обработку результатов, что способствует развитию исследовательских навыков. Совмещение этих подходов открывает новые возможности в обучении физике. Использование цифровых лабораторий помогает сформировать начальные умения и представления о методах исследования физических явлений и процессов, в то время как электронные образовательные ресурсы позволяют применить знания, полученные на практике, моделировать реальные эксперименты и проводить анализ получаемых данных. Такой подход может не только повышать уровень понимания предмета, но и способствовать развитию у учащихся навыков научного исследования, применения своих знаний на практике.

Рассмотрим реализацию такого комбинированного подхода на примере изучения законов идеальных газов, и в частности закона Бойля–Мариотта. Фундаментальной основой этой темы является уравнение Менделеева–Клапейрона $PV = (m/\mu)PR$. Однако обратим внимание, что никаких экспериментальных или квазиэкспериментальных обоснований этого соотношения в школьной практике не предусмотрено. И это совершенно понятно – чересчур много варьируемых параметров оно содержит. Поэтому для экспериментальной проверки его редуцируют до изотермического или изобарического процессов, содержащих лишь два взаимосвязанных параметра, в частности давление и объем $PV = \text{const}$ для изотермы.

Первым этапом в экспериментальном исследовании при подтверждении справедливости этого закона проводится фронтальный демонстрационный эксперимент (рис. 1).

Его качественные результаты не могут считаться полным исследованием выполнения закона, поэтому учащимся следует выполнить собственную лабораторную работу. Для лабораторных исследований в «докомпьютерную эру» предлагался вариант работы с погружением стеклянной трубки в воду (рис. 2).

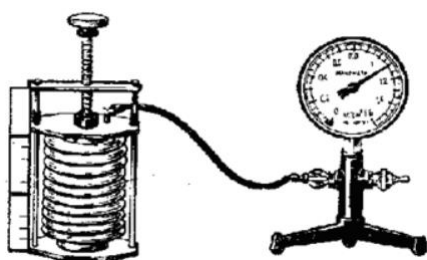

Рис. 1. Экспериментальное подтверждение закона Бойля–Мариотта [19, с. 110]

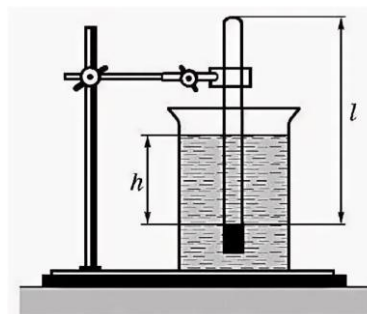

Рис. 2. Вариант лабораторной работы для подтверждения закона Бойля–Мариотта [20, с. 36]

№	p, Па	V, мл	V, м³	pV, Па·м³
1	100000	30	0,00003	3
2	119000	25	0,000025	2,975
3	146000	20	0,00002	2,92
4	120000	25	0,000025	3
5	100000	30	0,00003	3
6	86000	35	0,000035	3,01
7	76000	40	0,00004	3,04
8	68000	45	0,000045	3,06
9	61000	50	0,00005	3,05
10	68000	45	0,000045	3,06
11	76000	40	0,00004	3,04
12	87000	35	0,000035	3,045
13	100000	30	0,00003	3
PV =				3,015 ± 0,116
Все значения входят в интервал				

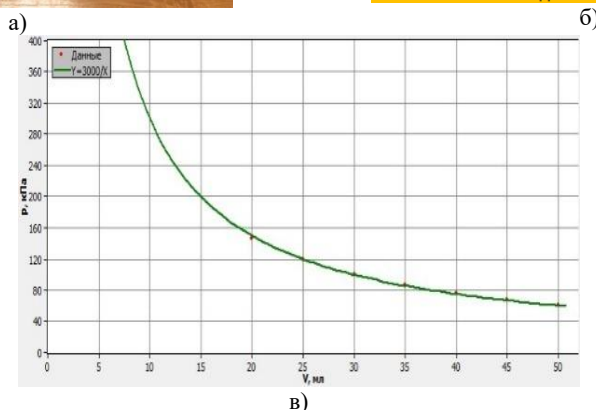

Рис. 3. а) вид установки с датчиком абсолютного давления и шприцем из лабораторного набора компании «Научные Развлечения»;
б) таблица данных с обработанными результатами;
в) график зависимости $p(V)$ по полученным данным

Малый набор полученных чисел и большая относительная погрешность результатов в этой работе также не удовлетворяют критериям полноценного экспериментального исследования. Однако в современной школе имеются различные цифровые лаборатории, снабженные сосудами переменной емкости и датчиками давления. Применение цифровых лабораторных работ действительно превосходит стандартные измерительные приборы по точности и удобству обработки данных. Они позволяют минимизировать погрешности, мгновенно фиксировать результаты и работать с более широким диапазоном параметров. За учителем остается творчество в интерпретации получаемых чисел и установле-

нии нужных соотношений и закономерностей. В нашем случае наличие цифровой лаборатории позволяет учащимся провести достаточно точные измерения и продемонстрировать справедливость изучаемого закона в собственной практической деятельности (рис. 3).

В чем недостаток большинства реальных лабораторных работ? В ограниченности вариативности условий их выполнения. Каждый реальный эксперимент проходит в узких рамках частного набора условий, широкая вариативность условий затруднена или невозможна в условиях школьной лаборатории и ограниченного времени. В данном случае масса газа, температура и состав его не могут быть изменены.

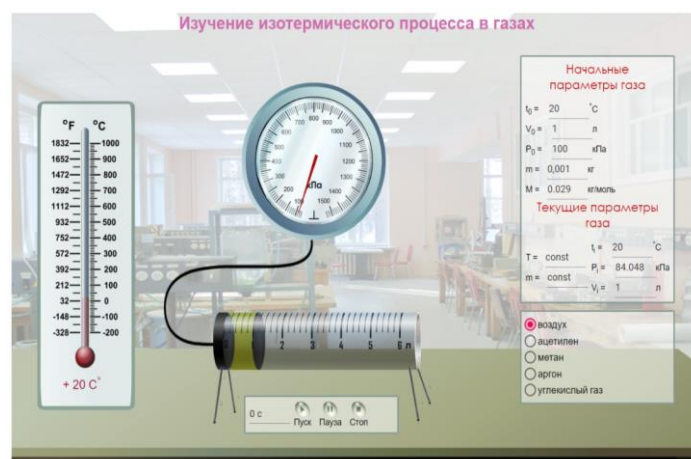

Рис. 4. Интерфейс виртуальной лабораторной работы

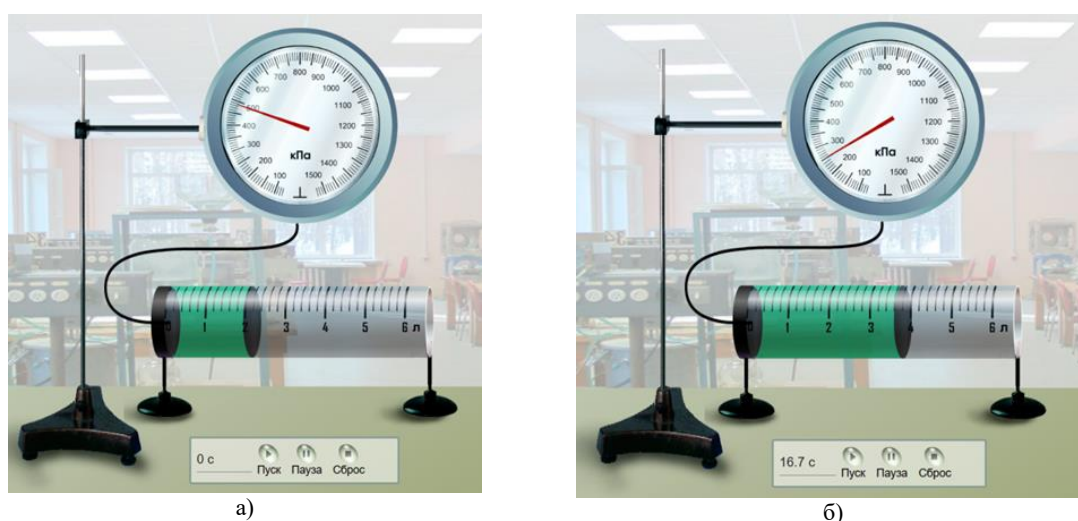

Рис. 5. Изменение параметров газа: а) в начале эксперимента; б) в середине эксперимента

Виртуальный эксперимент не имеет таких ограничений и позволяет реализовать изученную теорию в широком диапазоне данных. Эту вариативность можно достичь организацией виртуальных работ в качестве домашнего задания, где учащиеся смогут не только наблюдать за аналогичными экспериментами, но и проводить их в симуляционном режиме, получая возможность изменять параметры и наблюдать за результатами своих исследований. Главной особенностью такого проведения эксперимента является то, что они позволяют учащимся провести анализ физических явлений, которые трудно или невозможно воспроизвести в условиях школьной лаборатории.

В нашем учебном процессе при изучении закона Бойля–Мариотта мы используем соответствующую виртуальную лабораторную работу, предлагаемую в комплексе efizika [21].

Виртуальная модель включает интерактивные элементы, которые делают эксперимент не просто расчётным, а действительно наглядным и динамичным. Учащиеся могут в реальном

времени наблюдать, как изменяется объем газа в сосуде, и отслеживать, как на это реагирует манометр. Движение стрелки манометра визуализирует изменения давления, позволяя лучше понять взаимосвязь между параметрами (рис. 4).

В качестве самостоятельного исследования каждому учащемуся предлагается установить свое значение температуры или изменить газ в сосуде, повторить исследование и построить изотерму в тех же координатах. Следует отметить, что программа выстроена так, что при изменении одного из параметров, например объема газа, остальные автоматически корректируются в соответствии с уравнением Менделеева–Клапейрона (рис. 5). Для объяснения полученных чисел учащимся придется самостоятельно обратиться к этому уравнению, что и является одной из целей учителя.

Для проведения виртуального эксперимента, представленного на рис. 5, мы выбрали метан в качестве исследуемого газа, установив начальную температуру $t = 100$ °C и начальный объем 2 литра. Виртуальная лаборатория предоставля-

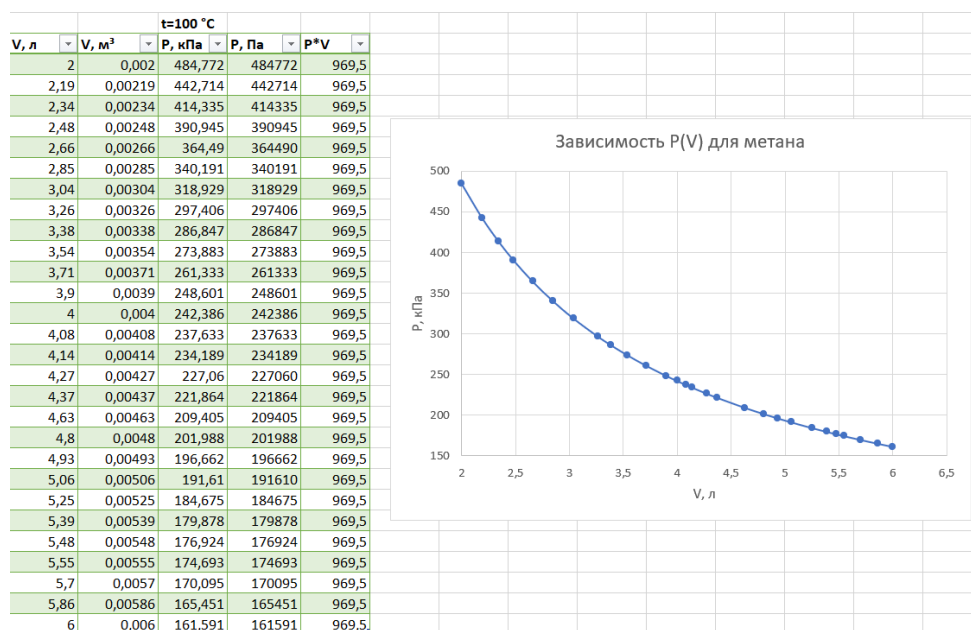

Рис. 6. Результаты обработки виртуального эксперимента

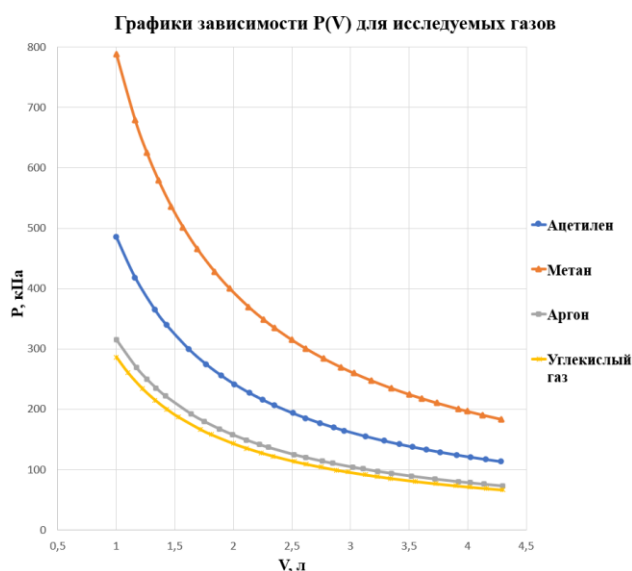

Рис. 7. Обобщающий результат виртуального эксперимента

ет удобный функционал: можно запускать процесс, приостанавливать его в нужный момент и фиксировать значения давления и объема газа. Возможность ставить эксперимент на паузу особенно важна, так как учащиеся могут вручную регистрировать промежуточные данные, строить графики и находить закономерности, что делает исследование более осмысленным. Такой подход приближает виртуальный опыт к реальному научному исследованию, где важно не только получить конечный результат, но и понять, как исследователь приходит к нему.

В результате эксперимента получилась идеальная изотерма — зависимость давления от объема полностью соответствует закону Бойля—

Мариотта (рис. 6). В отличие от реального эксперимента, где на графике могут появляться отклонения из-за погрешностей измерений, теплообмена с окружающей средой или инерционности процесса, виртуальная лаборатория исключает внешние факторы, позволяя увидеть чистую теоретическую зависимость.

Имеющиеся данные на странице виртуальной лабораторной работы позволяют перейти к построениям изотерм для различных газов или температур, масс, причем различным группам учащихся даются различные варианты данных. На рис. 7 приведены результаты самостоятельной работы учащихся при выполнении виртуального эксперимента с разными газами одина-

ковой массы и температуры. Дидактическая функция виртуального эксперимента состоит в данном случае в многократном повторении его с варьированием условий и характеристик исследуемого явления с целью формирования необходимого объема данных для их последующей систематизации и обобщения. Различие в построенных изотермах следует объяснить на следующем уроке в ходе совместной учебной деятельности, исходя из уравнения Менделеева–Клапейрона. Таким образом реализуется элемент осмысления результатов самостоятельных исследований и рефлексии при организации индивидуализированного учебного процесса [22, 23].

Следует отметить, что в методическом подходе, реализуемом в большинстве учебных пособий, уравнение Менделеева–Клапейрона не опирается на эксперимент при своем выводе, а является следствием уравнений молекулярно-кинетической теории. Поэтому имитация его экспериментальной проверки может быть отдельно организована учителем при обсуждении результатов самостоятельной работы учащихся на следующем уроке в виде решения нескольких задач по данным из графика рис. 7. Таким образом организуется важный этап рефлексии, проверки истинности наших теоретических концепций.

Заключение

К сожалению, роль учебного физического эксперимента в школе продолжает падать. В этих условиях виртуальный эксперимент, при разнообразных оценках его значимости, играет важную методологическую роль, подчеркивая место эксперимента в системе физического знания. Конечная цель любого метода или приема обучения – организовать познавательную деятельность учащихся с представленным содержанием. В отличие от реальных экспериментов виртуальная работа позволяет сделать это в широком диапазоне данных, задавая одновременно целесообразный сценарий работ.

Приведенный нами пример показывает, каким образом создается система экспериментов, в которой демонстрационный эксперимент интегрируется в более широкий деятельностный контекст, включающий в себя теоретические основы, практические задания, обобщение, систематизацию и обсуждение результатов, полученных при проведении виртуальных лабораторных работ.

Будущее методики обучения физике, видимо, связано с комплексным характером учебных экспериментов, сочетанием реальных и виртуальных видов лабораторных работ и демонстраций. Нами приведен фрагмент учебного

процесса с использованием демонстрационного эксперимента, лабораторной работы с применением цифрового оборудования и виртуальной лабораторной работы, в котором каждый вид деятельности вносит свой вклад в полное усвоение учебного содержания.

Список литературы

1. Наумчик В.Н., Саржевский А.М. Наглядность в демонстрационном эксперименте по физике: (Эргоном. подход). Минск: Изд-во БГУ, 1983. 96 с.
2. Wieman C.E., Holmes N.G. Measuring the Impact of an Instructional Laboratory on the Learning of Introductory Physics // *American Journal of Physics*. 2015. **83**. P. 972–978. URL: <https://doi.org/10.1119/1.4931717> (дата обращения: 21.03.2025).
3. Менчинская Н.А. Проблемы учения и умственного развития школьника: Избр. психол. тр. / [Ред.-сост. и авт. вступ. ст., с. 7–30, И.С. Якиманская]; АПН СССР. М.: Педагогика, 1989. 218 с.
4. Усольцев А.П., Шамало Т.Н. Наглядность и ее функции в обучении // *Педагогическое образование в России*. 2016. № 6. С. 91–99.
5. Майер В.В., Сауров Ю.А. Экспериментирующее мышление в методике обучения физике // *Физика в школе*. 2018. № 7. С. 3–11.
6. Богатырева Ю.И., Шахаева Д.В. О применении виртуального эксперимента по физике в основной школе // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2016. № 7 (228). Вып. 29. С. 191–197.
7. Макарова О.Е. Использование компьютерных моделей при изучении раздела «Молекулярная физика» в средней школе: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2013. 180 с.
8. Иванчук О.В., Плащевая Е.В. Виртуальный эксперимент как метод активизации познавательной деятельности при изучении физики // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2023. Т. 11. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/21PDMN223.pdf>
9. Антонова Д.А., Оспенникова Е.В. Учебные компьютерные симуляции физического эксперимента // *Современные проблемы науки и образования*. 2021. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31217> (дата обращения: 24.12.2024).
10. Разумовский В.Г. Проблемы теории и практики школьного физического образования: Избранные научные статьи / Сост. Ю.А. Сауров. М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2016. 196 с.
11. Кожевников Н.М. Демонстрационные эксперименты по общей физике: Учеб. пособие. СПб.: Лань, 2016.
12. Филанович А.Н., Повзнер А.А. Виртуальный физический эксперимент: Учебное пособие. Екатеринбург: УрФУ, 2013. 272 с.
13. Григорьев С.Г., Гриншкун В.В. Образовательные электронные издания и ресурсы. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. 98 с.
14. Ким В.С. Виртуальные эксперименты в обучении физике: Монография. Уссурийск: Изд. Филиала ДВФУ в г. Уссурийске, 2012. 184 с.

15. Методические рекомендации к интерактивным виртуальным лабораторным и практическим работам по предметам, изучаемым на углубленном уровне основного общего образования. Физика. М.: ИСРО РАО, 2021. 55 с.
16. Васильева И.А., Осипова Е.М., Петрова Н.Н. Психологические аспекты применения информационных технологий // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 80–88.
17. Дворецкая А.В. Основные типы компьютерных средств обучения // Народное образование. 2006. № 2. С. 159.
18. Афанасьева Е.В., Гафнер С.Л. Методика использования виртуального физического эксперимента при обучении физике // Научный лидер. 2024. № 4 (154).
19. Шахмаев Н.М., Шилов В.Ф. Физический эксперимент в средней школе. М.: Просвещение, 1989.
20. Фронтальные лабораторные работы: Метод. пособие / Сост.: Т.В. Краснякова, Е.Г. Чернобай, И.В. Жихарев; Гос. учрежд. «Луган. нац. ун-т им. Тараса Шевченко». Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ им. Тараса Шевченко», 2012. 69 с.
21. Девяткин Е.М., Хасанова С.Л., Чиганова Н.В. Комплекс электронных лабораторных установок по общей физике // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24956> (дата обращения: 21.03.2025).
22. Гергова И.Ж., Коцева М.А., Ципинова А.Х. и др. Виртуальные лабораторные работы как форма самостоятельной работы студентов // Современные наукоемкие технологии. 2017. № 1. С. 94–98. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=36562> (дата обращения: 23.03.2025).
23. Шнейдер Е.М., Богданова М.В. Из опыта применения виртуальных лабораторных работ в практике изучения блока естественнонаучных и общеинженерных дисциплин // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-12. С. 2724–2727. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37554> (дата обращения: 23.03.2025).

INFORMATION SUPPORT OF SCHOOL PHYSICS EXPERIMENT

I.V. Grebenev, A.A. Malyatina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article analyzes modern trends in the experimental basis of school physical education. An analysis of the literature indicates the growing role of digital educational resources and digital laboratories in the organization of the educational process in physics. The purpose of the work is to develop a promising methodology for the use of demonstration and laboratory experiments together with modern digital teaching tools. The article describes a variant of the completed fragment of the educational process on the application of the Mendeleev–Clapeyron equation for the isothermal process, during which a demonstration experiment, laboratory work with digital equipment and a variable virtual experiment of students as an object of their independent work are used in unity. It is proposed to rely on the results of practical research of students to give physical validity to the algorithms of virtual works when conducting virtual work. It is determined that an important advantage of virtual work is the ability to vary the conditions of work, which significantly complements the possibilities of real laboratory work and demonstration. The result of virtual research serves as an object for the application of the Mendeleev–Clapeyron equation at the stage of generalization and systematization of knowledge. It is concluded that in order for a demonstration experiment to become an effective learning tool, it is necessary to integrate it into a broader activity context, which includes theoretical foundations, practical tasks, generalization, systematization and discussion of the results obtained using virtual laboratory work.

Keywords: demonstration experiment, virtual experiment, digital educational resources, digital laboratories, school physics education.

УДК 378

DOI 10.52452/18115942_2025_2_266

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СТРУКТУРА И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

© 2025 г.

А.А. Жакиенова

Жакиенова Алия Амангельдиновна, аспирант
Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул
gakienova@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 08.03.2025**Статья принята к публикации 22.04.2025*

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования подготовки учителей в педагогических вузах. Так как выбор педагогом содержания образования, методов работы, стратегий взаимодействия и профессиональной траектории зависит от его профессионально-ценностных установок (ПЦУ), целью исследования определили комплексный анализ понятия и структуры ПЦУ, условий их формирования в процессе профессиональной подготовки. Теоретическую основу исследования составляют труды в области философии образования, педагогики и психологии, а также концепции диспозиционной регуляции поведения и гуманистической психологии. Эмпирическая часть исследования включала опрос 154 студентов и 71 преподавателя Павлодарского педагогического университета. Анализ ответов показал, что большинство респондентов рассматривают ПЦУ как совокупность значимых ценностей, убеждений и норм, определяющих осознанный выбор целей, мотивов и стратегий поведения. Их формирование в учебном процессе обеспечивается через лекции, практические занятия, дискуссии, педагогические задачи и тренинги. В ходе исследования понятие ПЦУ было уточнено: это динамическая и целостная система личностно значимых ценностей, убеждений и принципов, которая определяет отношение и готовность педагога к осуществлению профессиональной деятельности. В структуре ПЦУ 4 компонента: смысловой, эмоционально-ценностный, поведенческий и регулятивный. Для эффективного формирования ПЦУ необходим комплексный подход, включающий аксиологически ориентированную образовательную среду, рефлексивную практику, супервизию и практическое погружение в профессию.

Ключевые слова: профессионально-ценностные установки, профессионально-ценностные ориентации, гуманистическая направленность, ценности, убеждения, принципы, личностное развитие, профессиональная идентичность, мотивация к деятельности, самоактуализация.

Введение

Современная парадигма образования ставит перед педагогикой задачу не только формирования у обучающихся системы знаний и компетенций, но и содействия их личностному становлению, ориентированному на саморазвитие, творчество и социальную адаптацию. Ключевая роль в этом процессе принадлежит учителю, который, обладая особыми личностными качествами и системой ценностей, создает в классе атмосферу доверия, поддержки и совместного поиска. Именно он обеспечивает условия, способствующие раскрытию потенциала обучающихся, развитию их нравственно-этических качеств и социальной ответственности.

Одним из определяющих факторов эффективности педагогической деятельности становится **ценностный компонент**, или более конкретно – профессионально-ценностные установки (ПЦУ). В условиях постоянной модернизации образования и смены социально-культурных ориентиров ПЦУ выступают свое-

образным «компасом», позволяющим будущему педагогу не утрачивать ориентировку в стремительно меняющемся профессиональном пространстве. Сосредоточение внимания на **профессионально-ценностных установках**, а не просто на «ценностных ориентациях», обусловлено тем, что ПЦУ представляют собой более глубокий уровень личностной регуляции, интегрирующий ценности, убеждения и установки, направленные на конкретную профессиональную деятельность. При этом ПЦУ, будучи тесно связаны с личностными свойствами будущего учителя, имеют выраженный аксиологический и социально-психологический характер, что делает их целенаправленное формирование одной из важнейших задач системы педагогического образования. Несмотря на наличие исследований, в которых освещаются проблемы ценностных ориентаций, **специфика ПЦУ** – их сущность, структура и условия формирования – до сих пор не получила достаточного отражения в научном дискурсе.

Актуальность темы определяется необходимостью совершенствования подготовки учи-

телей в педагогических вузах, где при прочих равных условиях именно ценностные установки педагога оказывают решающее влияние на то, как он представляет содержание образования, выбирает методы работы, выстраивает отношения с учениками и коллегами, формирует свою профессиональную траекторию.

Гипотеза исследования заключается в следующем: если ПЦУ являются основой подготовки педагогов, имеют свою структуру, в соответствии с которой можно определить необходимые условия для их формирования, то ПЦУ будут базовым компонентом, который необходимо формировать параллельно со знаниями и компетенциями, что в итоге обеспечит более высокий уровень подготовки педагогов.

Целью настоящего исследования является **комплексный анализ понятия**, уточнение определения профессионально-ценностных установок, определение структуры, а также выявление условий, необходимых для формирования ПЦУ в процессе профессиональной подготовки.

Для достижения указанной цели в работе ставятся следующие **задачи**: 1) проанализировать существующие в научной литературе подходы к определению ПЦУ и выявить их отличия от смежных понятий, в частности от профессионально-ценностных ориентаций; 2) провести эмпирическое исследование, направленное на выявление понимания ПЦУ среди преподавателей и студентов педагогических специальностей; 3) на основе полученных данных сформулировать определение ПЦУ; 4) определить структуру ПЦУ; 5) охарактеризовать условия, обеспечивающие их эффективное формирование.

Методология

Теоретико-методологическую основу работы составили исследования в области философии образования, педагогики, педагогической и социальной психологии, а также теория установок (Д.Н. Узнадзе, Ш. Надирашвили, И. Гомелаури), концепции диспозиционной регуляции поведения (В.А. Ядов), гуманистической психологии (А. Маслоу), педагогической аксиологии (В.А. Сластенин).

Теоретической основой исследования стали работы И.Ф. Исаева, Е.И. Ерошковой, А.Н. Косолапова, И.С. Скляренко, Р.Р. Садекова, А.Н. Косолапова, М.Н. Киреева, Е.Н. Коренева, М.К. Шнарбековой, Е.И. Васильевой, Т.Е. Зерчаниновой, А.С. Никитиной, О.Н. Калиновской, Л.А. Ларионовой и других авторов, которые исследовали профессионально-ценностные установки. Важным методологическим принципом

выступил аксиологический подход, позволяющий рассмотреть профессиональную деятельность учителя в контексте ее ценностных оснований, личностно ориентированный подход, направленный на развитие личности как учителя, так и обучающегося.

Анализ понятий «установка» и «ценностные ориентации» осуществлялся с опорой на философские и психологические словари и энциклопедии (Л. Ланге, Ш. Надирашвили, М. Розенберг, Л. Фестингер). В работе использовались методы контент-анализа научных публикаций, обобщения и систематизации данных.

Эмпирическая часть исследования включала опрос 154 студентов и 71 преподавателя на базе НАО «Павлодарский педагогический университет» с помощью Google Forms. Предварительно до начала опроса от участников было получено согласие на участие в исследовании. Среди опрошенных участниц было больше, чем участников: из 71 преподавателя (69%) женщин, из 154 студентов – 101 65.6% человек – девушки. Среди респондентов ППС было больше преподавателей в возрасте от 30 до 60 лет (78.9%), с педагогическим стажем от 20 лет и более (67.6%). Возраст большинства студентов, принявших участие в опросе, – от 21 до 25 лет (44.2%). Участвовали студенты с 1 по 4 курс, но больше всего было студентов 3–4 курсов – по 40 человек (26%).

Результаты исследования и их обсуждение

Научное знание постоянно развивается, формулировки понятий уточняются, дополняются с течением времени. Понятия формируются на основе системы обобщенных мыслей, выделенных по общим, специфичным знаниям. Для фиксации и уточнения, обозначения смысла понятия, термина, слова дают определение. Они облегчают понимание, дают точное и четкое выражение смысла, структурируют информацию и содействуют единому употреблению в языке, поэтому мы также задались целью определения значения понятия «профессионально-ценностная установка».

Для определения понятия профессионально-ценностных установок мы решили изучить словарное значение слова «установка». По запросу было выдано 28 определений понятия «установка» в словарях, энциклопедиях различного направления: философии, социологии, педагогики, конфликтологии, педагогической психологии, психологии труда и другие.

Анализируя значения слова «установка», можно определить, что родовым понятием является значение «готовности» или «предраспо-

ложенности» к определенной активности. Установка регулирует поведение и деятельность субъекта, связана с его внутренним состоянием и психофизиологическими реакциями, зависит от потребности субъекта и объективной ситуации для её удовлетворения, базируется на эмоциональном или ценностном отношении к объектам или ситуациям, обеспечивает устойчивый и целенаправленный характер действий.

Согласно информации, представленной в Философском энциклопедическом словаре [1, с. 708], явление установки было открыто в 1888 году немецким психологом Л. Ланге и обозначает «состояние готовности, предрасположенности субъекта к определенной активности в определенной ситуации». Теорию установок разработал психолог Д.Н. Узнадзе, который экспериментально доказал, что общепсихологическая готовность индивида в определенной ситуации направлена на реализацию потребности индивида, если же ситуации для удовлетворения потребности повторяются, то готовность фиксируется – закрепляется. На первом этапе формируется актуальная установка, при повторении действий установка становится фиксированной. По Д.Н. Узнадзе установка основывается на прошлом опыте индивида, зависит от воздействия внешних обстоятельств и регулирует отношения индивида с окружающей средой.

Дальнейшее изучение установки социальными психологами по отношению личности к условиям деятельности (Ш. Надирашвили, И. Гомелаури, Ф. Хайдер, С. Аш, М. Розенберг, Л. Фестингер) выявило сложную иерархическую структуру установки, которая состоит из когнитивных (смысловых), эмоциональных, поведенческих (готовность к действию) аспектов предрасположенности к восприятию социальных объектов, отношению и поведению в социальных ситуациях.

Исследуя концептуально-семантическую основу структуры установки с точки зрения историко-ретроспективного подхода, В.А. Болотова под установкой понимает «состояние готовности субъекта к определенной деятельности или активности, которая обусловлена такими факторами, как потребностями субъекта и объективной ситуацией» [2]. В структуре установки выделяет следующие виды установок: 1) сформированные на основе жизненных потребностей элементарные установки; 2) социальные установки, обусловленные с оценкой ситуаций и объектов; 3) определяющие направленность личности базовые социальные установки; 4) система ценностных ориентаций. Эта структура сделана на основе уровневой системы диспозиций, представленной В.А. Ядовым в работе «Само-

регуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция». По В.А. Ядову диспозиция – это результат «столкновения» потребности индивида с ситуацией, условиями, в которых эта потребность может быть удовлетворена. Систему ценностных ориентаций В.А. Ядов относит к высшему диспозиционному уровню, объясняя это тем, что этот уровень отвечает за высшие социальные потребности личности в саморазвитии и самовыражении, основанные на мировоззрении субъекта, которое формируется в конкретных исторических условиях общества [3].

Если же обратиться к определению понятия «ценностные ориентации», то оно используется в значении направленности личности на определенную деятельность, определяемой интересами кого или чего-либо. Этот термин был введен Т. Парсонсом для определения ситуации, когда субъект должен выбрать линию поведения при наличии собственного мнения, но в соответствии с теми нормами, которые действуют в обществе.

Как отмечает Н.В. Корж в своей публикации, «ценностные ориентации выступают содержательной стороной, подсистемой, компонентом направленности личности, которая наряду с ценностными ориентациями включает желания, интересы, склонности, идеалы, убеждения, мировоззрение. Ценностные ориентации определяют социальные установки личности, являются основаниями для социальных установок» [4, с. 331].

«Ценностные установки образуют систему ценностных ориентаций личности», так считает Г.С. Салистая [5, с. 260]. Под ценностной установкой она понимает явление, которое определяется как готовность к действию и выражается в отношении к обществу и деятельности. Возникновение установки зависит от потребности субъекта и наличия ситуации, в которой эта потребность может быть удовлетворена. Формирование установки происходит на основе имеющегося опыта. Установки регулируют деятельность человека и представляют собой иерархию следующих компонентов: когнитивного, аффективного и поведенческого.

Этого же мнения придерживаются Ж.Х. Кендирбекова, М.Т. Баймуканова, В.В. Боброва, З.Я. Олексюк, которые считают, что ценностные ориентации «отражают стремление субъекта к овладению какой-либо ценностью» и «преломление его в своем поведении» [6]. Направляют же деятельность человека социальные установки, которые формируются в процессе социализации. Авторы считают, что на основе социальных установок формируется более сложная система ценностных ориентаций.

Н.А. Самойлик, изучая проблему подготовки специалиста, соответствующего требованиям современности, отмечает, что основой профессионального и личностного развития личности является ценностная сфера человека, которая проявляется в профессионально-ценностных ориентациях. Профессионально-ценностные ориентации исследователь рассматривает как отдельный «самостоятельный психологический феномен, образующий многоуровневую структуру, представляющую собой систему устойчивых представлений личности, характеризующую ее отношение к профессиональной деятельности как значимой» [7, с. 1]. В структуре профессионально-ценностных ориентаций автор выделяет три взаимосвязанных и взаимообусловленных компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Когнитивный компонент отвечает за смысловую составляющую профессиональной деятельности, содержит информацию о профессии и включает ценности-знания и ценности-отношения. В структуре эмоционального компонента выделяют ценности-цели и ценности-результат. Ценности-качества и ценности-умения лежат в основе поведенческого компонента и способствуют реализации личности в профессиональной деятельности.

Взаимосвязи установки и ценностной ориентации в своей работе «Педагогическая аксиология» отмечает А.В. Кирьякова и считает, что установки человека проявляются через ценностные ориентации, так как ценностные ориентации воздействуют на все стороны психики индивида, который по-своему переживает социальные ценности [8].

Рассматривая существующие положения о ценностных ориентациях, определяем, что существуют три подхода к определению понятия: первое – ценностные ориентации служат основой для формирования установок личности; второе – на основе социальных установок формируются ценностные ориентации; третье – ценностные ориентации – это отдельный психологический феномен.

Переходя к профессионально-ценностным установкам, в изучаемых материалах научных публикаций представлены определения в работах исследователей И.Ф. Исаева, Е.И. Ерошениковой, И.С. Складенко, Р.Р. Садекова, А.Н. Косолапова, М.Н. Киреева, Е.Н. Коренева, М.К. Шнарбековой, Е.И. Васильевой, Т.Е. Зерчаниновой, А.С. Никитиной, О.Н. Калиновской, Л.А. Ларионовой.

Как «личностное новообразование, выражающееся в сформированности устойчивых ценностных ориентаций, убеждений, рефлексивной направленности, эмоционального благополучия

и творческого потенциала личности и обеспечивающее продуктивную педагогическую деятельность» профессионально-ценностные установки определяют И.Ф. Исаев и Е.И. Ерошеникова [9, с. 45], А.Н. Косолапов, М.Н. Киреев, Е.Н. Коренев [10, с. 204].

И.С. Складенко под профессионально-ценностными установками курсанта понимает «целостное динамическое состояние его личности, характеризующее его внутренней готовностью, предрасположенностью к осуществлению правоохранительной деятельности с ориентацией на ее значимые характеристики, определяющие ее эффективность, идеал, нормы и эталоны должного в профессиональном поведении» [11, с. 337].

Р.Р. Садеков в своих работах дает такое же определение профессионально-ценностной установке, как и И.С. Складенко: «целостное динамическое состояние субъекта профессиональной деятельности, определяемое его готовностью к осуществлению профессиональной деятельности с ориентацией на значимые характеристики деятельности, определяющие ее эффективность, идеал, нормы и эталоны должного в профессиональном поведении» [12, с. 75].

М.К. Шнарбекова, Е.И. Васильева, Т.Е. Зерчанинова, А.С. Никитина, проводя сравнительный анализ среди молодежи Казахстана и России на установление условий, определяющих формирование и развитие ценностей, под профессионально-ценностными установками понимают «предрасположенность молодежи к определенной модели поведения в сфере образования и рынка труда, формируемую на основе взаимодействия индивидуальных особенностей и влияния окружающей среды для достижения своих целей» [13, с. 188].

О.Н. Калиновская, Л.А. Ларионова, изучая особенности установки на профессиональную деятельность студентов гуманитарных специальностей, определяют, что под профессионально-ценностной установкой авторы понимают «целостное динамическое состояние субъекта в профессиональной деятельности, определяемое его готовностью к осуществлению профессиональной деятельности, с ориентацией на ее значимые характеристики, определяющие ее эффективность, идеал, нормы и эталоны должного в профессиональном поведении». На основе проведенного исследования авторы считают, что определяющим в профессиональной ценностной установке является мотивация, которая отличает студентов разных специальностей [14, с. 2].

Анализируя эти определения, можно выделить два положения, одно из которых определяется как личностное новообразование субъекта, второе – как динамическое состояние личности,

оба положения связаны с состоянием личности субъекта, но первое выражается через сформированные устойчивые ценностные ориентации, второе – через готовность/предрасположенность к деятельности, и в целом профессионально-ценностные установки направлены на эффективную профессиональную деятельность.

Исходя из вышеизложенной информации понимаем, что положения, используемые авторами в определении понятия «профессионально-ценностные установки» было сформулировано И.Ф. Исаевым, Е.И. Ерошенковой, А.Н. Косолаповым, М.Н. Киреевым, Е.Н. Корневым на основе использования высшего диспозиционного уровня – ценностных ориентаций из структуры установок.

Исследователи И.С. Складенко, Р.Р. Садеков, М.К. Шнарбекова, Е.И. Васильева, Т.Е. Зерчанникова, А.С. Никитина в своем определении профессионально-ценностных установок отталкиваются от родового понятия «готовности/предрасположенности» к определенной деятельности.

Ценностные установки и ценностные ориентации мы рассматриваем в рамках профессиональной деятельности. Что из них первично и является основополагающим?

В психолого-педагогической литературе, как правило, используется понятие профессиональной установки как формы проявления психологической установки в профессиональной деятельности. Профессиональные установки – это с разным уровнем осознания психологические новообразования, которые систематизируют психологическую систему человека и способствуют его самоорганизации. Профессиональные установки педагога/педагогические установки – это основа профессионального сознания учителя, которая показывает его готовность к педагогической деятельности, сохраняет устойчивый характер ее протекания. Н.И. Гуслякова, Т.И. Васильева. предположили, что профессиональные установки педагога взаимообусловлены его ценностями, т.е. у педагогов с положительным типом установок выше уровень адекватности восприятия учащихся и наоборот [15, с. 46].

Согласно их представлениям «педагогическая установка – это базовый механизм профессионального сознания будущего учителя, который направляет профессиональную педагогическую деятельность, обеспечивает устойчивый целенаправленный характер ее протекания и выражает степень готовности к ее осуществлению». Они выделяют следующие свойства педагогических установок: во-первых, готовность индивида к профессиональной деятельности обусловлена мотивом личности; во-вторых, она зависит от степени развития профессионального

сознания и опыта деятельности, вследствие чего имеет разное содержание; в-третьих, она зависит от степени отождествления себя с другими педагогами и способствует их профессиональному самоопределению.

Давая определение профессионально-ценностной установке педагога, в которой имеется вторая составляющая понятия – профессиональные ценности, рассмотрим определение, данное А.С. Андрияшиной: «...осознаваемую и разделяемую педагогом систему ценностей, представлений, отношений, связанных с профессией, определяющую общую направленность педагогической деятельности, а также выбор путей и средств овладения знаниями, умениями, которые необходимы для оптимального выполнения профессиональных функций» [16, с. 206].

В.А. Сластенин [17, с. 125–127] профессиональные ценности педагога определяет как педагогические ценности и представляет их как нормы, которые регулируют педагогическую деятельность, и как систему, которая связывает общественное мировоззрение и деятельность педагога. По уровню существования выделяет социальные, групповые и личностные педагогические ценности. Систему ценностей личности представляет как систему ценностных ориентаций, которая состоит из ценностей, связанных с признанием личности как педагога в социуме; ценностей, обеспечивающих потребность в общении и эмоциональной связи; ценностей, ориентированных на саморазвитие и реализацию индивидуальности; ценностей личностной и профессиональной самореализации; ценностей профессиональной стабильности и материального положения.

С точки зрения гуманистической психологии Абрахама Маслоу, изложенной в его работе «Мотивация и личность», ценности играют важную роль в жизни человека, придавая его деятельности глубокий смысл и внутреннюю мотивацию [18, с. 108]. Они выступают связующим звеном между базовыми потребностями личности и её стремлением к высшим уровням развития. На начальных этапах становления личности человек сосредоточен на удовлетворении дефицитарных потребностей, таких как безопасность, принадлежность и уважение. Однако по мере их удовлетворения он переходит к ориентации на бытийные ценности (В-ценности), такие как истина, добро, красота и справедливость. Эти ценности становятся движущей силой процесса самоактуализации, способствуя личностному росту и развитию.

Анализируя определения различных авторов о профессиональных ценностях, можно сделать

вывод, что исследователи рассматривают систему ценностей как ключевой механизм, регулирующий и направляющий профессиональную деятельность педагога. Педагогические ценности формируют убеждения, принципы и профессиональную позицию учителя, определяют его отношение к профессии и являются важным условием для профессиональной самореализации и личностной самоактуализации педагога.

В профессиональной деятельности педагога бытийные ценности играют особую роль. Учитель, как носитель нравственно-этических идеалов, оказывает значительное влияние на формирование жизненной позиции учащихся. Руководствуясь в своей работе ценностями гуманизма, доброты и стремления к истине, педагог не только способствует формированию у обучающихся базового доверия к миру и интереса к познанию, но и сам достигает более высокого уровня личностного роста. Педагогические ценности становятся опорой для учителя, помогая ему выходить за рамки рутинных обязанностей и превращать педагогический труд в процесс профессиональной и личностной самореализации.

Возвращаясь к вопросу, что первоначально – ориентации или установки и как они взаимосвязаны, на основе вышеуказанного и собственных смыслов считаем, что оба эти понятия между собой тесно связаны и играют ключевую роль в подготовке педагога, но между ними есть и определенные различия.

Основываясь на определении Т. Парсонса о ценностных ориентациях как ситуациях, когда субъект должен выбрать линию поведения, в соответствии с теми нормами, которые действуют в обществе, можно сделать предположение о том, что профессионально-ценностные ориентации можно рассматривать как целенаправленный и осознанный выбор, который педагог делает в своей профессиональной деятельности в соответствии с ценностными установками. Профессионально-ценностные ориентации в отличие от профессионально-ценностных установок более динамичны, меняются в зависимости от ситуации и проявляются в конкретных решениях и действиях, к ним можно отнести ориентацию на ценностный, гуманистический подход в преподавании, выбор актуальных курсов повышения квалификации, ориентацию на творческий подход и другие.

Профессионально-ценностные установки относительно постоянны, проявляются в поведении и деятельности педагога, показывая его готовность действовать в соответствии с принципами и личными убеждениями, сформированными на основе личного опыта, влияния окру-

жающей среды, воспитания, образования, регулируемые педагогическими ценностями. К профессионально-ценностным установкам можно отнести: установку на развитие личности обучающегося, установку на индивидуальный подход в обучении, установку на профессиональную ответственность и другие.

Разница проявляется в том, что профессионально-ценностные установки являются основой, фундаментом, убеждениями, тем, во что педагог безусловно верит, а профессионально-ценностные ориентации – это то, как поступает педагог исходя из своих убеждений, установок. Так же профессионально-ценностные установки являются основой профессионально-ценностных ориентаций, они тесно взаимосвязаны и влияют друг на друга, ориентации, в свою очередь, могут корректировать и укреплять установки.

С целью определения педагогических ценностей, изучения понимания профессионально-ценностных установок педагогами и студентами, условий формирования ПЦУ проведенный с преподавателями и студентами на базе НАО «Павлодарский педагогический университет» опрос позволил выявить основные компоненты ПЦУ, значимые ПЦУ среди ППС и студентов и формы и методы их формирования в учебном процессе.

По вопросу: «Пожалуйста, опишите, что вы понимаете под профессионально-ценностными установками педагога, и как они, на ваш взгляд, влияют на образовательный процесс?» – были получены данные, по которым был проведен контент-анализ ответов преподавателей и студентов. Процесс анализа состоял из нескольких этапов: предварительное знакомство с ответами, выделение смысловых единиц, кодирование и подсчет частотной встречи различных категорий.

Обе группы респондентов отмечают, что профессионально-ценностные установки играют важную роль в подготовке педагогов. Главной составляющей профессионально-ценностных установок считают морально-этические качества педагога, такие как гуманность, ответственность, честность, порядочность, справедливость. Важными для педагога, по обоюдному мнению, являются глубокое знание предмета, профессиональные компетенции, профессионализм. Любовь к детям, уважение к ученикам, гуманистическая направленность педагога выделяются как основные профессионально-ценностные установки.

Исходя из того, что студенты и преподаватели находятся в разных позициях и преподаватели имеют больше профессионального опыта, прошли соответствующую подготовку, то они говорят о профессионально-ценностных установках как о системе ценностей, убеждений и

ориентиров, определяющих отношение педагога к профессии, учащимся и образовательному процессу в целом. Студенты, в свою очередь, чаще описывают профессионально-ценностные установки как конкретные качества и принципы, которыми должен обладать педагог.

Из предложенных утверждений, которые наиболее точно отражают понимание профессионально-ценностных установок, 40.3% студентов и 49.3% преподавателей выбирают утверждение, что профессионально-ценностные установки – это совокупность значимых ценностей, убеждений и норм, формирующих готовность к осознанному выбору целей, мотивов и стратегий поведения.

Анализ ответов преподавателей и студентов показывает, что для формирования профессионально-ценностных установок в учебном процессе чаще используются пять основных форм и методов организации учебного процесса: лекции, практические занятия, дискуссии, педагогические задачи и тренинги.

Лекции служат главной формой для передачи основных теоретических знаний о педагогических ценностях и формирования первых представлений о профессионально-ценностных установках. Практические занятия особенно ценятся студентами за возможность решать реальные педагогические задачи, а преподавателями – за развитие профессиональных навыков и углубление понимания ценностной базы будущей профессии. Дискуссии способствуют росту критического мышления и осмыслению ценностных позиций. Решение педагогических задач, связанное с практическими занятиями, погружает студентов в реальные или смоделированные профессиональные ситуации, позволяя глубже прорабатывать ценностные установки. Тренинги, хотя и менее распространены, помогают формировать коммуникативные навыки, развивают эмпатию и позволяют отрабатывать разные модели педагогического поведения.

Таким образом, совокупное использование лекций, практических занятий, дискуссий, педагогических задач и тренингов не только передаёт знания, но и способствует развитию у будущих учителей рефлексивного отношения к профессии, критического мышления и устойчивых профессионально-ценностных установок.

На основе проанализированного и вышеизложенного мы решили пересмотреть определение понятия. **Под профессионально-ценностными установками понимаем динамическую и целостную систему личностно значимых ценностей, убеждений и принципов, которая определяет отношение и готовность педагога к осуществлению профессиональной дея-**

тельности, включая его отношение к профессии, ученикам, коллегам и образовательному процессу в целом.

Мы используем целостную систему личностно значимых ценностей, как указывают в своей работе С.А. Кремень, Ф.М. Кремень [19, с. 80], потому что ценности – это основа формирования профессиональной идентичности, когда на основе общечеловеческих ценностей формируется личностная система ценностей будущего педагога, которая в процессе обучения в вузе проявляется в конкретных педагогических ситуациях путем выбора студентом ценностных отношений и действий в соответствии с ценностями. Чем выше степень принятия профессиональных ценностей, тем больше возможностей у будущего педагога в реализации их в педагогической деятельности. Ценности – это со временем, под влиянием различных факторов изменяемая категория, следовательно, если она лежит в основе профессионально-ценностных установок, то она может изменяться и развиваться, то есть это динамическая система.

В определении мы не делаем акцент на осознание внутренней позиции и наличие готовности, потому что осознание и наличие готовности – это результат сформированной системы ценностей, фундамента, на котором все строится. Ценности лежат в основе смысловой структуры личности и определяют, что для человека является значимым, важным, но они не могут объяснить, почему человек поступает так или иначе, для этого необходимы убеждения, которые это объясняют. Реализуются убеждения в поведении человека при помощи принципов-правил, по которым человек действует, основываясь на убеждениях. То есть ценности отвечают на вопрос: «что важно?», убеждения – «почему это важно?», принципы – «как действовать?». Эта система формируется в сознании педагога и развивается на протяжении профессиональной деятельности педагога под влиянием личного опыта, педагогического образования, социально-культурных факторов и индивидуальных особенностей.

Как подчеркивает И.В. Фролов, ценностное отношение к действительности является неотъемлемой частью человеческого сознания, которое формируется через осмысление и интерпретацию окружающего мира. В педагогической деятельности это проявляется в том, что ценности педагога влияют на его выбор методов обучения, стиль общения с учениками и подходы к решению профессиональных задач. «Именно ценность представляет собой «катализатор» человеческой активности, неразрывно соединяя долженствование с желанием, императив – с

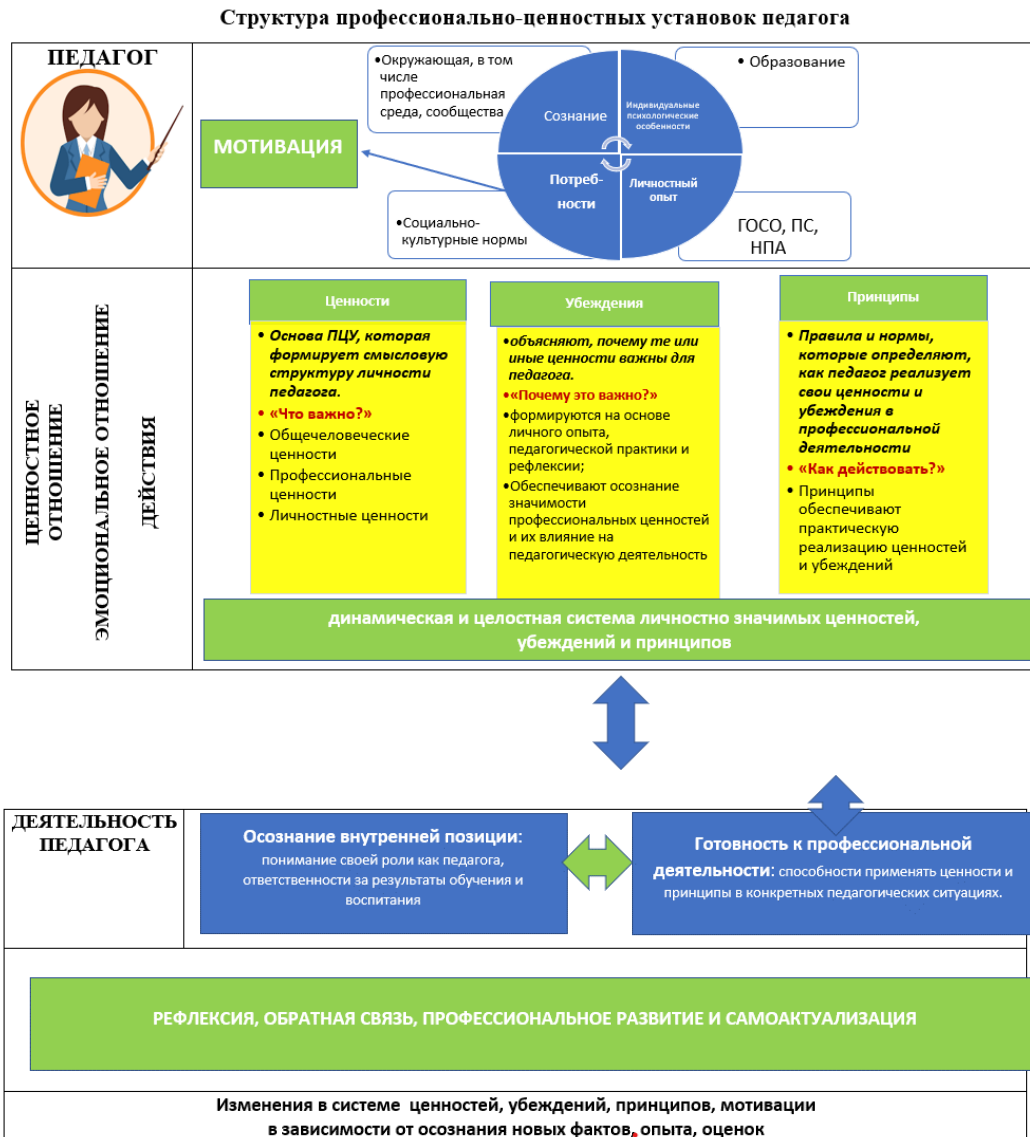

Рис.

собственным стремлением индивидов. Жизненные смыслы или ключевые ценности субъекта отвечают на вопрос: «во имя чего» совершается данная деятельность» [20, с. 371].

Исходя из определения понятия «профессионально-ценностные установки» и проанализированной информации полагаем, что структурно профессионально-ценностные установки педагога (рис.) представляют собой систему, в которой личностные особенности (сознание, потребности, личностный опыт, индивидуальные черты) тесно связаны с внешними факторами (ГОСО, профессиональный стандарт, социально-культурные нормы, окружающая среда, профессиональное сообщество, полученное и получаемое образование) и, находясь под их влиянием, вместе формируют основу для развития ценностей, убеждений и принципов педагога.

В центре структуры ПЦУ находится **смысловой компонент**, который представляет

общий вектор педагогической деятельности: «ценности – убеждения – принципы». Ценности отражают, что педагог считает наиболее важным и значимым в своей работе. Убеждения объясняют, почему эти ценности являются приоритетными, формируя внутреннюю логику и обоснование. Принципы переводят ценности и убеждения в конкретные правила поведения, указывая, как именно действовать в различных педагогических ситуациях.

Вторым, важным связующим элементом в системе ПЦУ выступает **эмоционально-ценностный компонент**: сфера, где учитель не просто следует определённым нормам, но и эмоционально воспринимает происходящее, сопереживает ученикам и дает оценку событиям. Эмоционально-ценностный компонент придаёт личностное значение происходящему.

Третий, **поведенческий компонент** состоит из двух взаимосвязанных подкомпонентов:

1) осознание внутренней позиции и готовность к деятельности и 2) практическая реализация самой педагогической деятельности. Осознание внутренней позиции является результатом интеграции эмоционально-ценностных отношений и принципов в целостную установку, где педагог чётко осознаёт свою роль, ответственность и профессиональную миссию. Готовность к деятельности выступает внешним проявлением глубинных ценностно-эмоциональных предпосылок, определяя стабильность и последовательность в поступках. Педагогическая деятельность, реализуемая через конкретные педагогические действия, в свою очередь, демонстрирует, как педагог реализует принятые ценности и убеждения в реальных условиях – при решении различных профессиональных задач: в выборе содержания, стиле общения с детьми и коллегами и др. В этой системе эмоционально-ценностные отношения и конкретные педагогические действия связаны напрямую: педагог не только глубже понимает профессиональные ситуации, но и воплощает свои ценностные установки в реальной практике, а действия отражают, как именно педагог реализует ценности и принципы в профессиональной деятельности.

Четвертым компонентом системы ПЦУ является **регулятивный компонент**, основанный на рефлексии, обратной связи, профессиональной самоактуализации. Рефлексия обеспечивает систематический анализ собственных действий, эмоциональных реакций и ценностей в ходе практической деятельности. Обратная связь позволяет педагогу оценить результаты своих поступков и эмоциональную составляющую взаимодействия. Процессы рефлексии и обратной связи поддерживают динамику ПЦУ: анализируя свои результаты и получая оценки со стороны, педагог при необходимости пересматривает или развивает собственные ценности и подходы. Благодаря этому ПЦУ остаются «живой» системой, способствующей постоянному росту профессионализма и личностной самоактуализации, а также формирующей устойчивую готовность учителя к эффективной педагогической деятельности.

Для формирования ПЦУ необходимо организовать рефлексивную практику, предполагающую анализ кейсов, самоанализ и получение обратной связи от преподавателей и однокурсников. Существенную роль играет супервизия. Супервизия в контексте педагогической профессии представляет собой особую форму профессиональной поддержки, в ходе которой более опытный педагог (супервизор) оказывает методическую, консультативную и рефлексивную помощь будущему педагогу. Супервизия

может включать разбор конкретных педагогических ситуаций, обсуждение сложностей в работе с учениками, анализ методических подходов, а также оценку личных затруднений и эмоциональных реакций педагога. Цель супервизии – способствовать более осознанному и эффективному выполнению профессиональных задач, повышать качество взаимодействия с учащимися и создавать условия для непрерывного профессионального роста и саморазвития учителя.

Эффективное формирование ПЦУ у будущих учителей требует комплексного и целенаправленного подхода, который предполагает сочетание аксиологических и психологических знаний с практическими формами обучения и систематической рефлексией. Для этого в учебные планы целесообразно включить в дисциплины темы, ориентированные на педагогику ценностей и профессиональную этику, а также проектно-исследовательские модули, дающие возможность разрабатывать и оценивать программы формирования ценностных установок у школьников и отслеживать собственную динамику ценностей. Углубление личностно-профессиональных позиций будущих учителей обеспечивается взаимодействием с опытными наставниками, анализом реальных педагогических ситуаций и участием в рефлексивных площадках и дискуссионных клубах. Дополнительно рекомендуется вести «Портфолио ценностей» или дневник рефлексии, где студенты фиксируют и осмысливают критические ситуации, влияющие на становление их ценностной системы.

Заключение

Таким образом, в результате проведённого исследования было уточнено понятие ПЦУ как динамической и целостной системы личностно значимых ценностей, убеждений и принципов, определяющих готовность и отношение педагога к профессиональной деятельности. Выделенная структура ПЦУ включает смысловой (ценности, убеждения, принципы), эмоционально-ценностный (отношения и действия), поведенческий (осознание внутренней позиции и готовность к деятельности) и регулятивный (рефлексия и обратная связь) компоненты. Формирование данной системы происходит под влиянием внешних факторов (образовательные стандарты, социально-культурные нормы, требования профессии) и личностных особенностей будущего учителя (мотивация, опыт, индивидуальные черты, эмоции).

Для эффективного формирования ПЦУ в педагогическом вузе необходима реализация си-

стемы мер, включающих аксиологически ориентированную образовательную среду, рефлексивную практику, систему супервизии, проектную деятельность, практическое погружение в профессию и учёт нормативно-правовых требований к педагогам. Такая комплексная модель обеспечивает у будущих учителей глубокое понимание педагогических ценностей, укрепляет их профессиональную идентичность и создает основу для самоактуализации. Целостная система ПЦУ, как «внутренний компас», формирует гуманистическую направленность учителя, устойчивую профессиональную позицию и готовность к постоянному совершенствованию, обеспечивая качество подготовки педагогов.

Список литературы

1. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.
2. Болотова В.А. Концептуально-семантический подход к понятию «Установка» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 9. С. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualno-semanticheskij-podhod-k-ponyatiyu-ustanovka> (дата обращения: 27.01.2025)
3. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расш. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
4. Корж Н.В. Проблема ценностей и установок в социологии // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2011. № 3. С. 327–332.
5. Салистая Г.С. К определению понятия «ценностная установка» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7. № 2 (23). С. 256–262.
6. Кендирбекова Ж.Х., Баймуканова М.Т., Боброва В.В., Олексюк З.Я. Ценности, ценностные ориентации, установки в системе приобщения личности к этническому и общечеловеческому в культуре // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1.
7. Самойлик Н.А. Структурно-функциональная модель профессионально-ценностных ориентаций личности // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4. № 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/16PDMN216.pdf> (дата обращения: 26.01.2025).
8. Кирьякова А.В. [и др.]. Педагогическая аксиология: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2022. 283 с. (Высшее образование: Бакалавриат). DOI: 10.12737/17294.
9. Исаев И.Ф., Ерошенкова Е.И. Профессионально-ценностная установка будущего специалиста: от сущности к технологии формирования // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalno-tsennostnaya-ustanovka-buduschego-spetsialista-ot-suschnosti-k-tehnologii-formirovaniya1> (дата обращения: 26.01.2025).
10. Косолапов А.Н., Киреев М.Н., Коренев Е.Н. Компоненты профессионально ценностной установки будущих специалистов // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komponenty-professionalno-tsennostnoy-ustanovki-buduschih-spetsialistov> (дата обращения: 26.01.2025).
11. Складенко И.С. Проектирование педагогической системы формирования профессиональных ценностных установок у будущих сотрудников ОВД // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-pedagogicheskoy-sistemy-formirovaniya-professionalnyh-tsennostnyh-ustanovok-u-buduschih-sotrudnikov-ovd> (дата обращения: 26.01.2025).
12. Садеков Р.Р., Складенко И.С. Формирование профессиональных ценностных установок физической культуры у курсантов образовательных организаций МВД России // Полицейская деятельность. 2018. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-professionalnyh-tsennostnyh-ustanovok-fizicheskoj-kulturny-u-kursantov-obrazovatelnyh-organizatsiy-mvd-rossii> (дата обращения: 26.01.2025).
13. Шнарбекова М.К., Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е., Никитина А.С. Сравнительный анализ профессионально-ценностных установок молодежи России и Казахстана в образовательном пространстве // Интеграция образования. 2023. Т. 27. № 2. С. 186–207. DOI: 10.15507/1991-9468.111.027.202302.186-20.
14. Калиновская О.Н., Ларионова Л.А. Профессиональные ценностные установки у студентов гуманитарных специальностей // Молодежный вестник ИргТУ. 2016. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8483> (дата обращения: 31.01.2025).
15. Гусякова Н.И., Васильева Т.И. Педагогическая установка и её роль в становлении и развитии профессионального сознания будущего учителя // Вестник ЮУрГГПУ. 2008. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-ustanovka-i-eyo-rol-v-stanovlenii-i-razviti-professionalnogo-soznaniya-buduschego-uchitelya> (дата обращения: 06.02.2025).
16. Андриянина А.С. Формирование профессиональных ценностей у будущих педагогов: проблемы и решения // Педагогическое образование в России. 2013. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-professionalnyh-tsennostey-u-buduschih-pedagogov-problemy-i-resheniya> (дата обращения: 08.02.2025).
17. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 576 с.
18. Маслоу А. Мотивация и личность: [пер. с англ.]. 3-е изд. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
19. Кремень С.А., Кремень Ф.М. Ценностные основания выбора педагогической профессии // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-osnovaniya-vybora-pedagogicheskoy-professii> (дата обращения: 11.02.2025).
20. Фролов И.В. Место и роль ценностей в жизни личности и общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2002. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-tsennostey-v-zhizni-lichnosti-i-obshchestva> (дата обращения: 23.02.2025).

**PROFESSIONAL VALUE SYSTEM OF FUTURE TEACHERS:
DEFINITION, STRUCTURE AND CONDITIONS OF FORMATION**

A.A. Zhakayenova

Altai State Pedagogical University

The relevance of the study is due to the need to improve the training of teachers in pedagogical universities. Since the teacher's choice of educational content, methods of work, interaction strategies and professional trajectory depends on his professional value systems, the purpose of the study was to comprehensively analyze the definition of the concept and structure of the PVS, the conditions for their formation in the process of professional training. The theoretical basis of the study is made up of works in the field of philosophy of education, pedagogy and psychology, as well as the concept of dispositional regulation of behavior and humanistic psychology. The empirical part of the study includes a survey of 154 students and 71 teachers of Pavlodar Pedagogical University. The analysis of the responses showed that most respondents consider the PVS to be a set of significant values, beliefs, and norms that determine the conscious choice of goals, motives, and behavior strategies. The formation of PVS in the educational process is ensured through lectures, practical classes, discussions, pedagogical tasks and trainings. Also, the concept of the PVS was clarified to be a dynamic and holistic system of personally significant values, beliefs and principles that determines the teacher's attitude and readiness to carry out professional activities. The PVS has 4 components: semantic, emotional-value, behavioral, and regulatory. For the effective formation of the PVS, a comprehensive approach is needed, including an axiologically oriented educational environment, reflective practice, supervision and practical immersion in the profession.

Keywords: professional-value systems, professional-value orientations, humanistic focus, values, beliefs, principles, personal development, professional identity, motivation for activity, self-actualization.

УДК 37.036.5

DOI 10.52452/18115942_2025_2_277

ОБУЧЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ ЭЛЕМЕНТАМ 3D-МОДЕЛИРОВАНИЯ И АДДИТИВНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2025 г.

Н.И. Наумкин, М.А. Святкина

Наумкин Николай Иванович, д.пед.н.; проф.; профессор Национального исследовательского
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, Саранск
naumn@yandex.ru

Святкина Марина Анатольевна, педагог дополнительного образования
ЦДОД «ДНК им. академика Е.М. Дианова»
Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва,
Саранск
svyatkina@list.ru

*Статья поступила в редакцию 08.03.2025**Статья принята к публикации 22.04.2025*

Рассматриваются особенности обучения школьников 3D-моделированию в системе дополнительного образования с его развитием и реализацией на основе использования аддитивных технологий в образовательном процессе. Такое обучение организовано на основе использования проектного метода, который способствует развитию творческого и критического мышления у обучающихся и формированию у них проектных компетенций, которые повышают эффективность развития творческого и инженерного мышления, а также систематизируют проектную деятельность в центре дополнительного образования детей «Дом научной коллаборации им. академика Е.М. Дианова» ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва». Основной целью исследования являлось создание методики обучения школьников 3D-моделированию и аддитивным технологиям в системе дополнительного образования. В ходе исследования была разработана такая методика обучения вышеуказанным элементам, представленная системой заданий на проекты, алгоритмом их реализации и примерами практико-ориентированного проектирования различных технических объектов. Эта методика рассматривается авторами также и как средство формирования и развития у детей в том числе и технических способностей – одного из основных элементов будущих компетенций в инновационной инженерной деятельности. Также в статье приведены упражнения для развития творческого и нестандартного мышления обучающихся.

Ключевые слова: обучение, формирование, 3D-моделирование, аддитивные технологии, проектная деятельность, дополнительное образование, инновационная деятельность.

Введение

Современная общеобразовательная школа не в состоянии в полной мере обеспечить формирование у обучающихся всех востребованных у них компетенций, появление которых обусловлено быстро меняющимся материальным и виртуальным миром. В этих условиях система дополнительного образования создаёт условия для непрерывного образования посредством реализации как основных, так и различных дополнительных образовательных программ. Дополнительное образование детей направлено на формирование и развитие творческих способностей детей, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, а также на организацию их свободного времени. Такое образование детей обеспечивает

их адаптацию к жизни в обществе, профессиональную ориентацию, а также выявление и поддержку детей, проявивших выдающиеся способности [1], за счет обеспечения и формирования у них новых компетенций, навыков и умений, также помогающих выбору профессии и формированию индивидуальной траектории обучения. Для этого, в соответствии с содержанием национального проекта «Образование», открываются новые центры дополнительного образования и направления для школьников, для реализации федеральных проектов: «Современная школа», «Успех каждого ребёнка», «Поддержка семей, имеющих детей», «Цифровая образовательная среда», «Учитель будущего», «Молодые профессионалы», «Социальные лифты для каждого», «Экспорт образования», «Новые возможности для каждого», «Социальная активность». Все они направлены на повышение качества образования в общественных

организациях, расширение возможностей обучающихся в освоении не только учебных предметов, но и программ дополнительного образования, как естественно-научной, так и технической направленности [2].

С учетом вышеизложенного гипотеза исследования такова: если организовать дополнительное обучение школьников (проектной деятельности, 3D-моделированию, 3D-печати и др.) на университетских площадках, обладающих уникальными возможностями и высокотехнологичной инфраструктурой, то это обеспечит эффективное формирование у них новых компетенций, навыков и умений, в том числе технических способностей – элементов способностного компонента компетентности в инновационной инженерной деятельности (КИИД) [3], также помогающих их выбору профессии и формированию индивидуальной траектории обучения.

В связи с этим основной целью исследования было создание методики обучения школьников взаимосвязанным 3D-моделированию и аддитивным технологиям в системе дополнительного образования. Для достижения этой цели решались задачи: анализ потенциальных возможностей Дома научной коллаборации им. академика Е.М. Дианова (ДНК) для обучения школьников; разработка востребованных у школьников дополнительных образовательных программ (ДОП); разработка методики реализации ДОП; реализация методики обучения ДОП и анализ полученных результатов.

Методы и организация исследования

Технологии 3D-моделирования и аддитивные технологии одни из самых востребованных и популярных не только в отраслях промышленности, архитектуры, медицины, но и в образовании, используются как инструмент развития и формирования творческого критического мышления у обучающихся, а также получения навыков и умений в рамках проектной работы, в том числе при работе со школьниками.

В условиях дефицита инженерных кадров вопрос ранней профориентации детей и подготовки их к инженерным специальностям становится важной задачей наравне с освоением информационных технологий [4].

С развитием трёхмерного моделирования развивается и направление аддитивные технологии (АТ). Их развитие идёт рука об руку, дополняя и расширяя возможности друг друга. АТ – это процесс изготовления деталей, который основан на создании физического объекта по электронной геометрической модели путём послойного добавления материала. АТ также

могут быть использованы для реализации проектов для изготовления опытной модели, для испытания или реализации прототипа на производстве или материализации различных идей школьников.

Изготовление прототипов (макета или полноценного изделия) с использованием оборудования 3D-принтера способствует развитию воображения и инженерного мышления, отвечая на вопрос: как устроено оборудование, почему и как работает? 3D-принтер работает на основе созданной цифровой модели, реализуя ее с разбиением по слоям, например с помощью программы Ultimaker Cura. Самое распространённое и популярное послойное наплавление пластиковой нити – это печать пластиком (ABS, PLA и другие) [4, 5].

Самое простое применение для знакомства школьников с таким оборудованием – это печать уже готовых моделей объектов, которые можно позаимствовать на просторах Интернета; для последующего, более сложного уровня обучения можно самостоятельно разработать цифровую модель в программах трёхмерного моделирования или онлайн-средах.

Для приобретения этих навыков и формирования других сопутствующих компетенций реализуется проектная деятельность со школьниками, основной задачей которой является получение ими востребованных навыков через решение практической проблемы. При этом реализация такого образовательного подхода завершается практическим результатом в виде проекта, его описания, представления и защиты (инновационный подход) [3]. Проектная деятельность возможна во всех образовательных программах и для всех возрастных категорий школьников [6].

Проектная деятельность успешно решает учебные и воспитательные задачи. Через создание проектов учащиеся могут продемонстрировать свою индивидуальность и собственное видение ситуации, выдвигая гипотезы и выбирая способы достижения цели. В ходе работы над проектом у учеников развивается творческая самореализация, сила воли, находчивость и целеустремлённость благодаря гибкой модели организации учебного процесса [7].

В процессе работы над проектом формируется и развивается мышление, происходит приобретение навыков и умений, таких как поиск оригинального способа решения проблемных задач, целеполагание, выдвижение и проверка гипотез, объективное оценивание собственного результата, коммуникативная работа в коллективе, самостоятельность при выполнении этапов работы [5, 3].

В психологии творческое мышление рассматривается как один из видов мышления, отличительной характеристикой которого является создание нового продукта и когнитивные «новообразования» в ходе самой мыслительной и познавательной деятельности по созданию этого продукта. Существуют множество различных упражнений для развития творческого и нестандартного мышления, которые нужно использовать при проектной работе с детьми, например: «Игра в ассоциации», «Мозговой штурм», «Креативность», «Аббревиатуры», «Необычный подход», «Метод фокальных объектов», «Методика SCAMPER», «ТРИЗ», «Метод «6 шляп мышления» и др. Также существуют разные методики для развития творческого мышления, например методика Торренса [9].

Каждый проект начинается с проблемы, которую надо решить. Это может быть потребность в новом продукте или услуге или добавление некоторых функций для удобного использования инновационного продукта [10].

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим подробности использования проектного метода. Такой проект «Город Будущего» реализован с использованием метода мозгового штурма, синтеза новых свойств и других методов, опробован очно и дистанционно на «Интеллектуальных каникулах» со школьниками 6–8 классов в Центре дополнительного образования детей «Дом научной лаборатории им. академика Е.М. Дианова» (далее – ЦДОД «ДНК им. академика Е.М. Дианова») ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва».

При работе над проектом дети разрабатывали «Город Будущего» по следующему алгоритму последовательной реализации кейсов:

1. *Знакомство.* Рассмотрение тем архитектуры и ее стилей, градостроительства, развития технологий и формулирование требований к основным этапам при работе над проектом: анализ территории градостроительства и современных технологий в электронных ресурсах, а также понимания, как люди представляли будущее 120 лет назад, знакомство с направлением 3D-моделирование, изучение интерфейса и возможностей онлайн-программы Tinkercad;

2. *Коллективный разум.* Мозговым штурмом определились критерии города (название, установление правил и принципов города, планировка улиц, технологии, определение требований к «Городу Будущего» и др.). Разрабатывались новые решения и креативные концепции. Генерация максимального количества разнообразных идей и командное обсуждение результа-

тов. В ходе обсуждения все идеи заносились в таблицу и определялись ответственные по выполнению объектов города. Затем происходило создание 3D-объектов города в онлайн-программе Tinkercad;

3. *Подведение итогов* осуществлялись в форме выступления по отдельным объектам архитектуры города и сборки всего города с защитой коллективной работы или публичного доклада с презентацией (видеороликами) [9]. На рисунке 1 изображён готовый проект «Город Будущего».

Если рассматривать более сложную программу трехмерного моделирования, такую как «Компас-3D», требующую знаний межпредметных дисциплин (математика, геометрия, черчение), под руководством преподавателя проектирование становится более простым и понятным. При реализации этой программы в ЦДОД «ДНК им. академика Е.М. Дианова» разработчик образовательной программы выделяет 4 этапа, что позволяет школьникам охватить как можно больше нижеперечисленных навыков.

1. *Основы инженерной графики.* Позволяет на этом этапе изучить основные правила черчения, применяя на практике карандаш и линейку, выполняя задание на бумаге, а также развивать мелкую моторику рук у детей.

2. *Карандаш не нужен.* В этом кейсе школьники изучают правила оформления электронного чертежа, что позволяет наглядно показать развитие технологий в области инженерной графики.

3. *Использование полученных навыков и знаний* позволяет формировать трёхмерные объекты по чертежам. При этом развивается пространственное мышление и воображение у детей.

4. *Итоговый проект.* На этом этапе наглядно можно увидеть, как школьники овладевают знаниями и навыками программы «Компас-3D» при подготовке творческого проекта на тему «Умные гаджеты». Ребёнок, выполняя роль изобретателя, учится смотреть и видеть, что вокруг него существует огромное количество самых разнообразных задач и объектов. Использование методов для поиска новых идей, таких как «Мозговой штурм», «Метод фокальных объектов», «Методика «SCAMPER», помогает школьникам легко встраиваться в проектную работу и делать процесс работы более увлекательным и интересным. Проектные умения также включают умение ставить цели, планировать деятельность, осуществлять практическую деятельность, контроль, оценку и умение презентовать результат этой деятельности [11]. Эти проекты можно реализовать как в трёхмер-

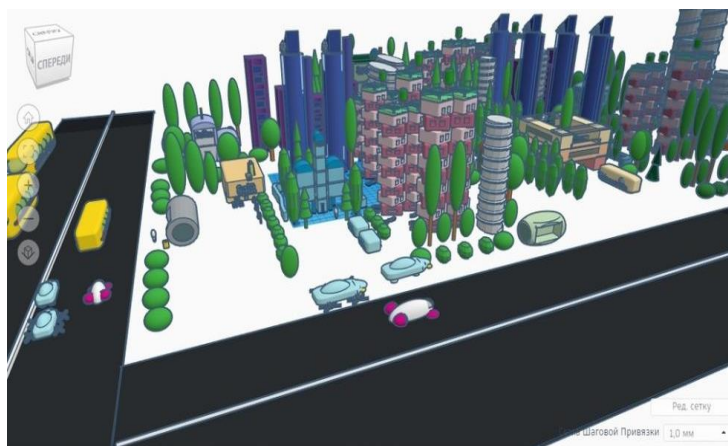

Рис. 1. Проект «Город Будущего»

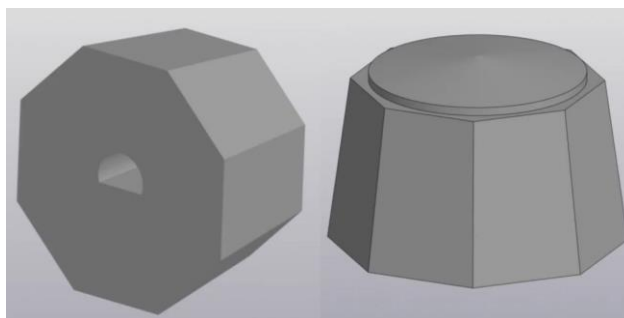

Рис. 2. 3D-модель ручки для радиоприёмника в программе «Компас-3D»

ной графике, так и в реальности, распечатать на 3D-принтере.

Ниже рассмотрим алгоритм реализации проекта в ЦДОД «ДНК им. академика Е.М. Дианова» «Разработка прототипа от цифровой модели до ручки радиоприёмника для Музейного комплекса МГУ им. Н.П. Огарёва». Кейсами для реализации этого проекта являются:

1. *Теоретический этап.* Изучение истории радиоприёмника, в том числе его внешнего состояния (какие были ручки от производителя и другие элементы);

2. *Практический этап*

2.1. *Проведение измерений.* Изучение методов измерения и средств измерения для получения размеров необходимых элементов, обработка результатов измерения (знакомство и получение навыков работы с измерительными инструментами, такими как штангенциркуль, и знакомство с наукой о метрологии);

2.2. *Цифровая модель.* На этом этапе создаётся цифровая трёхмерная модель (рис. 2, в нашем случае модель создавалась в программе «Компас-3D») для печати с помощью 3D-принтера (подготовка оборудования к печати по цифровой модели). На этом этапе обучающиеся получают навыки работы на 3D-принтере, обработки цифровой модели;

3. *Заключительный этап.* Обработка распечатанной модели на 3D-принтере. На этом этапе

обучающиеся получают знания и навыки обработки поверхностей, знакомятся с основами материаловедения;

3.1. *Установка ручки на радиоприёмник.*

Помимо проектной работы на занятиях по 3D-моделированию проводится также внеурочная деятельность по подготовке и участию детей в конкурсах, как по результатам практической работы, так и творческой. Это способствует развитию их активной жизненной позиции, ответственности, инициативности, самостоятельности и также саморазвитию. Мотивацией к участию в конкурсах служит желание обучающихся максимально реализовать свои возможности (получить документ об участии/победе для расширения портфолио, завести новые знакомства, заявить о себе в средствах массовой информации, развить способности ораторского искусства и другие). На рисунке 3 представлены некоторые результаты участия обучающихся и их руководителя ЦДОД «ДНК им. акад. Е.М. Дианова» в различных конкурсах.

Обучение школьников элементам 3D-моделирования и аддитивным технологиям в системе дополнительного образования позволяет сформировать и развить знания и навыки в удобное для них время и в любом возрасте. Эффективность описанного обучения по направлению 3D-моделирования в ЦДОД «ДНК им. ака-

Рис. 3. Дипломы за участие школьников в конкурсах

Таблица

Основные показатели эффективности обучения

Наименование дополнительной программы обучения	Количество обучившихся	Количество поступивших в образовательные учреждения		Продолжают обучение, в том числе самостоятельно	
		Общее количество	Инженерные направления	В школе	Самостоятельно
Моделирование и проектирование в среде «Компас 3D», 72 часа	32	5	3	27	10
Моделирование в среде «Компас 3D», 144 часа	150	10	5	140	60
Итого	182	15	8	167	70

демика Е.М. Дианова» за 5 лет работы, подтверждается данными, представленными в таблице.

Заключение

Таким образом, на основании проведения исследования можно сделать следующие выводы.

1. При реализации общеобразовательных программ для школьников в системе дополнительного образования ЦДОД «ДНК им. акад. Е.М. Дианова» ФГОБУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» обучающиеся приобретают такие компоненты компетенций, как способность к обработке и анализу информации по своей теме проекта; способность изучения и закрепления знаний компьютерной программы для реализации трёхмерного изображения разработки; развитие творческого, нестандартного и пространственного мышления, а также навык работы с размерами объектов. Это способствует развитию основных компонентов инженерных навыков и знаний, которые могут пригодиться им в будущем не только при реализации себя в инженерных специальностях, но и в жизни в целом.

2. При создании различных проектов осуществляется знакомство обучающихся с различными отраслями науки, профессиями и/или специальностями, которые необходимы для

общества и государства. Благодаря этому реализуется важный этап в жизни каждого школьника – выбор профессии, что способствует удовлетворённости будущей работой.

3. 3D-моделирование и аддитивные технологии – одни из самых молодых технологий, набирающих популярность в разных отраслях промышленности и в образовании и продолжающих развиваться, появляются новые оборудование и программное обеспечение. В дополнительном образовании школьники могут приобрести и познакомиться с основами этих технологий благодаря реализации проектной деятельности.

4. 3D-моделирование и аддитивные технологии – универсальные инструменты для организации обучения школьников учебным предметам и другим дисциплинам дополнительного образования, а также инструменты визуализации для наглядного представления о том, как выглядят в трёхмерном объёме различные промышленные и другие объекты.

5. В данной статье представлено содержание кейсов для обучения технологиям 3D-моделирования и печати, которые систематизируют, организуют и облегчают процесс обучения и формирования у школьников основных начальных знаний в инженерной деятельности.

Количественные показатели эффективности обучения школьников свидетельствуют о том, что они продолжают обучение самостоятельно и применяют сформированные умения в своих школьных проектах, что также способствует их выбору будущих инженерных направлений подготовки в вузах.

Список литературы

1. Андреева Е.Б. Система управления образовательными программами в условиях региональной системы дополнительного образования детей // Управление образованием: теория и практика. 2022. № 2 (48). С. 141–147. DOI: 10.25726/n1959-6720-1436-s.
2. Латыпов Р.Т., Ручкин А.В., Самухина Е.Ю., Шлевкова Т.В. Основные направления развития муниципальной системы образования туринского городского округа в условиях реализации национального проекта «Образование» // Заметки ученого. 2020. № 5. С. 107–117 [Текст: электронный. Лань: электронно-библиотечная система]. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/321527> (дата обращения: 13.11.2024).
3. Бобровская Е.А., Наумкин Н.И., Купряшкин В.Ф., Шекшаева Н.Н. Разработка педагогической модели подготовки студентов национальных исследовательских университетов к инновационной деятельности при комплексном обучении этой деятельности // Интеграция образования. 2015. Т. 19. № 2 (79). С. 39–47.
4. Зеленцов В.В., Щеглов Г.А. Опыт интеграции CAD-технологий и 3D-печати в учебном плане подготовки инженеров // Открытое образование. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-integratsii-cad-tehnologiy-i-3d-pechati-v-uchebnom-plane-podgotovki-inzhenerov> (дата обращения: 09.10.2024).
5. Будзинская О.В., Шейнбаум В.С. Институциональное обеспечение непрерывного инженерного образования // Высшее образование в России. 2018. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnoe-obespechenie-neprepryvnogo-inzhenernogo-obrazovaniya> (дата обращения: 09.10.2024).
6. Фаритов А.Т. Технология 3D-прототипирования во внеурочной деятельности учащихся основного общего образования // Школьные технологии. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-3d-prototipirovaniya-vo-vneurochnoy-deyatelnosti-uchaschihsya-osnovnogo-obshchego-obrazovaniya> (дата обращения: 28.09.2024).
7. Шаццло В.А., Негматов Л.Н. Формирование проектного мышления в подготовке специалистов по работе с молодежью: взаимодействие НКО и образовательных институтов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. № 1. С. 30–36 [Текст: электронный. Лань: электронно-библиотечная система]. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/355805> (дата обращения: 13.11.2024).
8. Мачкарина Т.С. Сущность национального проекта «Образование» // Столыпинский вестник. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-natsionalnogo-proekta-obrazovanie> (дата обращения: 10.12.2024).
9. Брагин А.В., Святкина М.А. Технологии для развитие творческого мышления у обучающихся 3D-моделированию в проектной деятельности // Центры ДНК. Наука, образование, кадры: Материалы I Всероссийской информационно-практической конференции, Нижний Новгород, 12–13 мая 2022 года / Сост. М.С. Пискунова, О.В. Кондрашина, А.В. Кадомцева. Н. Новгород: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2022. С. 41–47.
10. Максимова О.К. Инновационные методы сотрудничества при организации проектной деятельности // Мировая наука. 2024. № 2 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-metody-sotrudnichestva-pri-organizatsii-proektnoy-deyatelnosti-1> (дата обращения: 13.11.2024).
11. Святкина М.А., Наумкин Н.И., Каграманова З.Х., Абушаева З.Х. Особенности обучения школьников работе в графическом редакторе «Компас-3D» // Физико-математическое и технологическое образование: проблемы и перспективы развития: Материалы IX Международной научно-методической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения доктора педагогических наук, профессора, Почетного профессора МПГУ С.Е. Каменецкого, Москва, 01–02 марта 2023 года. М.: Московский педагогический государственный университет, 2023. С. 242–247.

TRAINING SCHOOLCHILDREN IN ELEMENTS OF 3D MODELING AND ADDITIVE TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL EDUCATION

N.I. Naumkin, M.A. Syatkina

National Research Mordovia State University

This article discusses the features of teaching schoolchildren 3D modeling in the system of additional education with its development and implementation based on the use of additive technologies in the educational process. Such training is organized based on the use of the project method, which contributes to the development of creative and critical thinking in students and the formation of project competencies in them, which increase the effectiveness of the development of creative and engineering thinking, and also systematize project activities in the center for additional education for children "House of Scientific Collaboration named after Academician E. M. Dianov" of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State University named after N. P. Ogarev". The main objective of the study was to create a methodology for teaching schoolchildren 3D modeling and additive technologies in the system of additional education. In the course of the study, such a methodology for teaching the above-mentioned elements was developed, presented by a system of assignments for projects, an algorithm for their implementation and examples of practice-oriented design of vari-

ous technical objects. This method is also considered by the authors as a means of forming and developing children's technical abilities, including those of the main elements of future competencies in innovative engineering activities. The article also provides exercises for developing students' creative and non-standard thinking.

Keywords: training, formation, 3D modeling, additive technologies, project activities, additional education, innovative activities.

УДК 37.022

DOI 10.52452/18115942_2025_2_284

УСЛОВИЯ ОБУЧЕНИЯ ЭВРИСТИЧЕСКИМ МЕТОДАМ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

© 2025 г.

М.А. Родионов, В.А. Бородина

Родионов Михаил Алексеевич, д.пед.н.; проф.; заведующий кафедрой информатики и методики обучения информатике и математике Пензенского государственного университета; профессор кафедры гуманитарных дисциплин Пензенского казачьего института технологий (филиал) МГУТУ им. К.Г. Разумовского
do7tor@mail.ru

Бородина Валерия Александровна, магистрант кафедры информатики и методики обучения информатике и математике Пензенского государственного университета
valeriabor19@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 01.04.2025**Статья принята к публикации 30.04.2025*

Статья посвящена проблемам, связанным с формированием исследовательской деятельности школьников в процессе освоения базовых и продвинутых математических курсов, в том числе при подготовке к математическим олимпиадам. На основе теоретических данных обосновывается необходимость целенаправленного поэтапного обучения эвристическим методам в ходе организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся при изучении математики, в частности для формирования готовности к проведению исследований на относительно высоком уровне автономии к моменту завершения школьного образования. Данный тезис обосновывается на примере метода моделирования и преобразования математических объектов, который может проявляться в учебном процессе как способ получения «неожиданной» интерпретации задачной ситуации, имеющий эвристическую подоплеку. Соответствующее преобразование исследуемой математической конфигурации позволяет значительно упростить ее структуру и сделать более явными ее свойства.

Определяя основу поэтапного обобщения метода моделирования и преобразования математических объектов в разрезе школьной математической вертикали, авторы представляют в тексте соответствие между разделами элементарной математики, изучаемыми математическими объектами и формальными способами их преобразований, изучаемыми в школе.

Реализация представленного подхода к формированию исследовательской деятельности школьников требует соблюдения комплекса специальных условий обучения, среди которых можно указать: условие непрерывности обучения эвристическим методам; условие восхождения к ситуации прикладного исследования; условие открытости в обучении эвристическим методам; условие адекватного формата обучения. Раскрывается мысль о том, что целесообразная интеграция актуализации эвристических методов с процессом организации учебно-исследовательской деятельности при изучении математики в долгосрочной перспективе способствует их переносу в смежные области знаний и превращает в личностно значимые инструменты, используемые обучающимися осознанно, самостоятельно и творчески для решения проблем, сопряженных с учебным познанием.

Ключевые слова: математическая задача, учебно-исследовательская деятельность, эвристические методы решения задач, условия обучения эвристическим методам, подготовка школьников к математическим олимпиадам.

Введение

Произошедшие в конце XX – начале XXI в. изменения в характере отечественного образования – в его направленности, целях, содержании – все более явно ориентируют его на интенсивное совершенствование форм поисковой деятельности обучающихся, развитие самостоятельности, освоение элементов творчества в практической деятельности. Одним из стратегических векторов отечественного образования

становится подготовка выпускника, готового самостоятельно осваивать новые знания, получать интеллектуальные продукты деятельности, решать возникающие при этом проблемы.

Исследовательская деятельность и способы ее формирования в настоящее время остаются малоизученными вопросами. В практике общеобразовательной школы организация учебно-исследовательской работы направлена на знакомство обучающихся с процедурой научного исследования: в ходе учебно-исследовательской

Рис. Результаты опроса педагогов Пензенской области

деятельности школьники вырабатывают навыки самостоятельной работы с научной литературой, обучаются методике обработки данных, их анализу, составлению отчета о результатах исследования. Несмотря на масштаб проделанной работы, обучающиеся выпускных классов продолжают испытывать затруднения в проведении самостоятельных учебных исследований, о чем свидетельствуют результаты опроса педагогов Пензенской области (рис.).

Результаты проведенного опроса позволили выявить не только состояние проблемы, но и одну из ее основных первопричин – фрагментарный характер организации учебно-исследовательской деятельности, связанный с высокой содержательной плотностью учебных планов и (нередко) избыточным объемом учебной нагрузки педагогов. В школе для формирования исследовательских умений используются лишь отдельные, несистемно выстроенные способы; работа педагогического коллектива по формированию исследовательской деятельности обучающихся не скоординирована.

Другая, менее очевидная причина сниженной эффективности процесса формирования исследовательской деятельности школьников видится нам в смещении акцентов в реальном образовательном процессе с опыта познавательной, творческой деятельности на опыт репродуктивной деятельности. Проектирование учебно-исследовательской работы не предусматривает полной учебной автономии, но и обеспечивает формирование нестандартных способов решения проблем, сопровождающих «кризис» исследовательского поиска – эвристическим методам. Этот фактор препятствует

формированию готовности обучающихся к проведению самостоятельных исследований на этапе завершения школьного образования.

Одним из направлений реализации учебно-исследовательской деятельности обучающихся при изучении математики является подготовка школьников к математическим олимпиадам. При подготовке школьников к математическим олимпиадам эвристические методы, побуждающие к креативному решению нестандартных (творческих, исследовательских) задач, формируются спонтанным образом, с опорой на практический опыт и долей удачи. Но это экстенсивный путь, не регулируемый в достаточной мере. Эффективность применения эвристических методов в учебных исследованиях во многом достигается через осознанное, поэтапное усвоение особенностей их функционирования в соответствующей предметной области. Другими словами, организация учебно-исследовательской деятельности обучающихся, в частности в рамках подготовки школьников к математическим олимпиадам, должна включать целенаправленное обучение эвристическим методам как способам «открытия» знаний, решения нестандартных (в самом общем смысле) задач. Такое включение требует соблюдения специальных условий обучения эвристическим методам в процессе непрерывного, интегративного формирования исследовательской деятельности обучающихся на уровне школьного образования.

Цель настоящего исследования состоит в разработке и теоретическом обосновании комплекса педагогических условий обучения эвристическим методам, обеспечивающих их интеграцию с процессом организации учебно-

исследовательской деятельности обучающихся в рамках базовых и продвинутых математических курсов, в том числе при подготовке к математическим олимпиадам.

Методологический аппарат работы

На данный момент единого подхода к определению понятия «исследовательская деятельность» не сложилось. В.А. Сластенин рассматривает исследовательскую деятельность как вид учебной деятельности, направленный на самостоятельное (в большей степени) освоение школьниками субъективно новых знаний, практических способов действий [1]. А.В. Хуторской в понятие «исследовательская деятельность» включает совокупность личностных характеристик обучающихся, предопределяющих ее направленность, например «мотивацию и позицию исследователя, его ценностные ориентации» [2]. Е.А. Маркова, характеризуя исследовательскую деятельность как вид деятельности, обуславливающей формирование интегральных личностных характеристик обучающихся в процессе самостоятельного открытия знаний, подчеркивает ее развивающий характер и направленность на подготовку обучающихся к продолжению образования [3]. Согласно Т.А. Чернецкой, исследовательская деятельность обучающихся – это совокупность действий, обеспечивающих мотивационное и активное вхождение обучающихся в процесс учебного познания, в ходе которого они исследуют объективно новую для себя проблему [4].

Вышеприведенный анализ различных подходов к рассмотрению сущности понятия «исследовательская деятельность» позволил нам согласиться со следующей трактовкой: *исследовательская деятельность обучающихся – это учебная деятельность по развитию системы научных и практических знаний обучающихся с преимущественно самостоятельным применением для этого методов научного познания.*

Анализ теоретических источников по проблеме организации учебно-исследовательской деятельности показал, что в педагогической науке имеются необходимые теоретические предпосылки ее решения. Методологическая основа учебного исследования строится на идеях Л.С. Выготского о взаимосвязи обучения и развития, теории проблемно-развивающих методов М.И. Махмутова, И.Я. Лернера. Проблемы организации учебно-исследовательской деятельности весьма подробно раскрываются в работах Д.Б. Богоявленской, В.Л. Вишневской и других ученых [5, 6].

Учебно-исследовательская деятельность обучающихся при изучении математики выходит за

рамки образовательного процесса и может быть организована не только в процессе проведения учебных экспериментов или выполнения проектных работ на уроке, но и рамках внеурочной деятельности по математике (в частности, при подготовке к математическим олимпиадам на кружковых, факультативных или элективных занятиях) [7]. Формирование исследовательской деятельности обучающихся происходит в процессе решения творческих, исследовательских задач с заранее неизвестным решением и предполагает наличие основных этапов, характерных для исследования в научной сфере: 1) постановку проблемы; 2) изучение теории, посвященной данной проблематике; 3) подбор методик исследования и практическое овладение ими; 4) сбор собственного материала, его анализ и обобщение; 5) научный комментарий; 6) собственные выводы [8].

Работа над такими задачами способствует формированию вариативных моделей, или ориентиров учебно-поисковой деятельности, называемых эвристическими методами [7]. Данная группа методов многие годы разрабатывалась ведущими педагогами-математиками (М.Б. Балк, И.И. Ильясков, Ю.М. Колягин, В.Б. Милушев, Д. Пойя, Л.М. Фридман, М.Ю. Шуба [9–13]).

Эвристические методы основаны, как известно, на интуиции, творческом подходе к решению проблем. Они помогают осуществить перенос имеющихся знаний в новую ситуацию, взглянуть на проблему «иначе», раскрыть ее неявную смысловую подоплеку и зафиксировать неочевидные отношения и закономерности, открыть новые возможности использования известных свойств объектов задачи [14]. Благодаря этому происходит преодоление основной трудности, «конфликта» задачи, и обучающийся интуитивно приближается к верному решению.

В настоящее время, как утверждает И.И. Ильясков, действительно различных по содержанию эвристических методов насчитывается немногим более тридцати [10]. К ним относятся, в частности, прочно закрепившиеся в практике работы учителей математики методы: 1) решение сходной задачи; 2) решение обратной задачи; 3) разбиение задачи на части; 4) выдвижение любых гипотез; 5) замена терминов определениями и др.

Многие из известных методов получают новую интерпретацию или дальнейшее обобщение. Так, в 2017 году В.Н. Клепиков на основе обобщения эвристических методов, выделенных И.И. Ильясковым и др., описал такие методы: 1) моделирование и преобразование математического объекта; 2) переход математического объекта в другое измерение; 3) выявление

и гармонизация частей и целого математического объекта; 4) сопряжение в математическом объекте конечного и бесконечного [15].

Обобщенный характер предложенных В.Н. Клепиковым методов открывает широкие возможности для обеспечения непрерывности процесса формирования исследовательской деятельности и совершенствования математической культуры обучающихся. Выделенные методы обладают мощным развивающим потенциалом, поэтому, на наш взгляд, в ходе организации учебно-исследовательской работы необходимо уделять особое внимание знакомству обучающихся с этой группой методов. Соответственно, существует потребность в разработке специальных способов, или условий обучения эвристическим методам, способствующих формированию исследовательской деятельности обучающихся на уровне школьного образования. Этим объясняется цель настоящего исследования.

Характеристика содержания

Процесс формирования исследовательской деятельности обучающихся – сложный, многоуровневый процесс, который должен включать в себя комплекс действий по обучению эвристическим методам, удовлетворяющих определенным условиям.

1. Условие непрерывности обучения эвристическим методам – структура метода должна разворачиваться начиная с начальной и до старшей школы, обогащаясь новым содержанием. Раскроем данное условие более подробно.

Подготовка к систематическому обучению эвристическим методам начинается уже в начальной школе, с выработкой основных умений работы над задачей. К ним относятся: 1) анализ условия (выделение данных и искомого, выявление основной трудности (конфликта) задачи); 2) моделирование (перевод фабулы на математический язык, символическое или графическое толкование задачи); 3) поиск плана решения (подведение под алгоритм или предписание, сведение к ранее решенной задаче, использование феномена догадки); 4) реализация найденного плана, оформление решения; 5) истолкование полученного решения (обратный перевод); 6) проверка решения (решение другим способом, составление и решение обратной задачи) [16].

Здесь следует отметить, что степень эвристичности предпринимаемых действий не связана с объективной сложностью задачи – она зависит от того, известны ли обучающимся методы ее решения (правила, алгоритмы). В том случае когда задача не сводится к известному

алгоритму (т.е. является по существу нестандартной), в процессе поиска плана ее решения эвристические методы применяются неосознанно, по указанию педагога, либо возникают в решении задачи стихийно, сопровождаясь «инсайтом» [17].

Так, одним из эвристических методов, знакомство с которым в неявном виде начинается в начальной школе, является *метод моделирования и преобразования математического объекта*, предложенный В.Н. Клепиковым. Этот метод основан на идее оптимальной трансформации объекта задачи с целью выявления его свойств [15]. Использование метода моделирования и преобразования математического объекта основано на а) рассмотрении всех возможных вариаций существования объекта; б) переконструировании объекта (дополнении проясняющими деталями, переносе части объекта, комбинировании объектов или их частей и др.). Его применение в решении задач развивает воображение, пространственное и логическое мышление.

В начальной школе обучающиеся могут познакомиться с одной из концептуальных граней метода моделирования и преобразования математического объекта – *идеей оптимального комбинирования математических объектов (их частей)*. Она «пронизывает» нестандартные задачи следующих видов: а) задания на арифметические действия; б) задания на поиск наиболее быстрого способа вычислений и др. Проиллюстрируем эти виды задач примерами:

1А (Балаян Э.Н. Лучшие олимпиадные и занимательные задачи по математике). Составить три арифметических примера на три разных действия, причем в эти примеры должны по одному входить все цифры: 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

Например, $7 + 1 = 8$; $9 - 6 = 3$; $4 \cdot 5 = 20$ [18].

Решение:

$$1) 8 - 7 = 1; \quad 3 + 6 = 9; \quad 20 : 4 = 5;$$

$$2) 8 - 1 = 7; \quad 6 + 3 = 9; \quad 5 \cdot 4 = 20;$$

$$3) 1 + 7 = 8; \quad 9 - 3 = 6; \quad 20 : 5 = 4.$$

Возможны и другие решения.

2А. *Гениальный трюк юного Гаусса*. На уроке математики учитель, рассчитывая подольше занять учеников, дал им задачку: *найти сумму чисел от 1 до 100*. Дети принялись считать, и только один из них кое-что заметил и быстро получил верный ответ. Этим учеником был Карл Гаусс, знаменитый немецкий математик. Как он это сделал? Попробуйте и вы найти способ легко решить эту задачу [19].

Ответ: 5050.

Способ решения. Суммы чисел «крайних» чисел в ряду от 1 до 100 равны 101: $(1 + 100) + (2 + 99) + \dots + (50 + 51)$. Поскольку всего чисел

100, то таких пар 50. Значит, необходимо умножить 101 на 50.

Решение таких задач предполагает выбор из всех возможных комбинаций объектов единственно верной (удовлетворяющей условию). Предпринимая попытки найти верное решение, обучающиеся воспринимают перестановки и сочетания объектов как нечто само собой разумеющееся; педагог не фокусирует их внимание на идее решения. На данном этапе обучающиеся не осуществляют рефлексии деятельности и не анализируют принцип решения, т.е. процесс решения задачи завершается проверкой решения и формулировкой вывода (ответа).

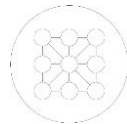
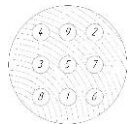
По мере возрастания степени обученности (измеряемой степенью автоматизма применения вышеперечисленных приемов) и приобретения начального опыта решения нестандартных задач естественным образом возникает потребность в его упорядочивании. Последнее требует более целенаправленного обучения эвристическим методам.

К моменту перехода в основную школу обучающиеся достигают определенного уровня математического развития, достаточного для работы с абстрактными понятиями и сложными проблемами, требующими многоступенчатого решения. На этом уровне заложенные в начальной школе знания и умения должны получить свое дальнейшее развитие. Эвристические методы (и их составляющие), которые применялись ранее в неявном виде, теперь должны быть подвергнуты более глубокому осмыслению и анализу в процессе решения ряда нестандартных задач, в особенности задачах незнакомых, субъективно новых видов.

Например, в 5–6 классах идея оптимального комбинирования математических объектов может получить свое развитие в задачах следующих видов: а) задания на расстановку чисел в фигуре, магические квадраты; б) задания на перестановки цифр; в) криптарифмы, или числовые ребусы, и др. Приведем примеры олимпиадных задач для 5–6 классов, на основе которых можно подвести обучающихся к «переоткрытию» (уже управляемому), анализу и осмыслению этой идеи.

1В. *Цифры профессора Баффлера.* В клетках игрового поля разместить цифры от 1 до 9 так, чтобы сумма в каждом ряду (по вертикали, горизонтали и диагонали) была равна 15.

Ответ:

Закономерность решения. В центральной клетке должно располагаться число (назовем его n), которое является средним арифметическим между числами, расположенными в соседних крайних клетках. Тогда сумма в каждом ряду и диагоналях равна $2n + n$.

Замечание. С обучающимися целесообразно обсудить такие вопросы: В чем секрет рассмотренной головоломки? Возможно ли это повторить с другим набором чисел?

2В (Перельман Я.И. Занимательная алгебра). Тремя двойками, не используя знаков арифметических действий, записать наибольшее число [20].

Ответ: 2^{22} .

Пояснение. Нужно рассмотреть всевозможные варианты расположения двоек: 222 , 22^2 , 2^{22} , $(2^2)^2$. Несложно заключить, что наибольшее число – 2^{22} .

Замечание. С обучающимися целесообразно обсудить такие вопросы: будет ли работать тот же принцип для четырех двоек? Для трех девяток?

3В. *Пример-криптарифма* («Квант», 1993 г., №11–12). Замените буквы цифрами так, чтобы одинаковым буквам соответствовали одинаковые цифры и математическое равенство было верным [7].

$$\begin{array}{rcccccc} & Д & Р & А & М & А \\ + & Д & Р & А & М & А \\ \hline Т & Е & А & Т & Р & \end{array}$$

Ответ:

$$\begin{array}{rcccccc} & 1 & 8 & 9 & 6 & 9 \\ + & 1 & 8 & 9 & 6 & 9 \\ \hline 3 & 7 & 9 & 3 & 8 & \end{array}$$

Замечание. В этом примере перебор цифр осуществляется уже не столько интуитивно, сколько с использованием математических рассуждений, разворачиваемых на основе опыта проведения вычислительных операций.

Обоснование решения. Так как в третьем столбце сумма двух A равна A , то либо $A = 0$, либо $A = 9$ (вследствие переноса единицы из предыдущего сложения). Но $A \neq 0$ (иначе $P = 0$, а это разные буквы). Значит, $A = 9$. При этом $P = 8$, $E = 7$. M должна дать перенос единицы, поэтому либо $M = 5$, либо $M = 6$. Но $M \neq 5$ (иначе $T = 1$, но это невозможно вследствие переноса единицы из предыдущего сложения). Значит, $M = 6$. Тогда $T = 3$, $D = 1$.

На первый взгляд вышеприведенные задачи не связаны между собой, но это не так. Их объединяет *общий подход к решению*: чтобы решить задачу, нужно рассмотреть всевозможные ситуации различных конфигураций математического объекта, «отталкиваясь» от заданных

наперед условий [21]. Выделение и обсуждение этой идеи, то есть собственно обобщение решенных задач, является необходимым условием обеспечения рефлексивного (осознанного) овладения методом моделирования и преобразования математического объекта.

После открытия идеи метода необходимо обеспечить последовательное овладение обучающимися действиями, входящими в его структуру (исследовательские единицы действия), которое осуществляется при решении специальных заданий.

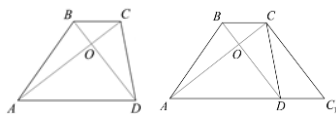
По мере углубления предметных знаний может производиться открытие все новых составляющих эвристического метода, что будет способствовать его концептуальному переосмыслению и переносу на новый, более высокий уровень [22]. Так, в 7–9 классах, в процессе изучения планиметрии, школьники могут познакомиться с «новыми» составляющими метода моделирования и преобразования математического объекта. К ним относятся, в частности, следующие идеи (приемы): а) дополнительное построение; б) временное игнорирование отношений; в) фрагментация, или разбиение геометрической фигуры на проявляющиеся части; г) подключение вспомогательной части объекта и др. Открытие этих идей целесообразно организовать на основе планиметрических задач, решение которых «наталкивает» на следующие умозаключения: чертеж «взывает» к дополнительному построению; ключевой элемент фигуры «скрывается в лесу» второстепенных; некоторые элементы фигуры нужно подвергнуть преобразованию и т.д.

Интересным способом организации «открытия» близких по смыслу приемов, таких как дополнительное построение и фрагментация, является проведение сравнительного анализа подходов к решению двух или нескольких задач. Приведем примеры таких задач.

1С. В трапеции ABCD диагонали взаимно перпендикулярны. Их длины равны 15 и 10. Найдите площадь трапеции.

Решение. Проведем через точку C прямую, параллельную BD. На пересечении этой прямой с AD отметим точку C₁. Тогда площадь трапеции ABCD равна площади прямоугольного треугольника ACC₁:

$$S_{ABCD} = \frac{1}{2} \cdot AC \cdot BD = \frac{1}{2} \cdot 15 \cdot 10 = 75.$$

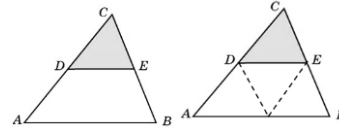

Ответ: 75.

2С. В треугольнике ABC проведена средняя линия DE. Площадь треугольника ABC равна 100. Найдите площадь трапеции ADEB.

Решение. Проведем еще две средние линии и в результате получим четыре равных треугольника, три из которых образуют искомую фигуру. Их площади составляют четверть площади исходного треугольника. Тогда площадь искомой фигуры составляет три четверти площади треугольника ABC:

$$S_{ABCD} = \frac{3}{4} \cdot S_{ABC} = \frac{3}{4} \cdot 100 = 75.$$

Ответ: 75.

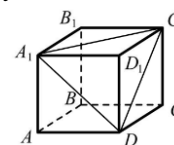
Замечание. С обучающимися целесообразно обсудить такие вопросы: в чем сходство решенных задач? В чем отличие? Обратите внимание на фокусировку применяемого способа к геометрической фигуре.

Необходимо, чтобы школьники заключили, что в первой задаче построения «выходили» за исходный чертеж, а во второй выполнялись «внутри» него. Здесь целесообразно обозначить не только названия реализованных в процессе решения приемов, но и подчеркнуть их общность, то есть выделить связь между ними — оба приема относятся к способам трансформации математических объектов, о которых был начат разговор ранее.

Открытие все новых составляющих метода готовит к целостному восприятию вводимого метода и его переносу в пространство, на геометрические тела (индуктивный подход).

В старших классах выделенные идеи (составляющие) эвристических методов продолжают уточняться и получают интерпретацию в пространстве. Например, идея фрагментации встречается в такой знаменитой задаче для 10–11 классов: найдите угол между двумя диагоналями граней куба, имеющими общий конец [23].

Решение. Проведем диагональ еще одной грани куба и получим равносторонний треугольник. Поэтому искомый угол равен 60°.

Ответ: 60°.

Дальнейшее развитие возможностей метода моделирования и преобразования математического объекта происходит на основе обобщения планиметрических задач, а также решения задач следующих видов: а) получение проекций объекта (его частей); б) преобразование объекта с

использованием параллельного переноса, симметрии, гомотетии; в) построение сечений тел методом внутреннего проектирования, методом следов; г) применение векторного метода и др.

Таким образом, условие непрерывности обучения эвристическим методам решает проблему фрагментарности организации учебно-исследовательской деятельности, формирует целостное восприятие изучаемых методов, обеспечивает их прочное усвоение и – в долгосрочной перспективе – включение в систему исследовательских действий индивида, отвечающих за расширение области доступного знания на каждом новом уровне.

2. Условие восхождения к ситуации прикладного исследования – структура метода должна постепенно приближаться к структуре прикладной задачи.

Работа с «идеальными» математическими моделями закладывает прочный фундамент для овладения эвристическим методом. Но чтобы перейти на качественно новый уровень овладения методом и приблизиться к ситуации прикладного исследования, необходимо «оттолкнуться» от них в сторону «неидеальной», более сложной действительности. Поэтому в вопросе формирования исследовательской деятельности школьников посредством обучения их эвристическим методам особое значение имеет развитие способности обучающихся осуществлять перенос изученных эвристических методов (их составляющих) во все более сложные, приближенные к жизни ситуации [8].

Для этого обучающимся может быть предложена подборка практико-ориентированных задач, сводящихся к математическому моделированию. Построенная математическая модель должна «отсылать» к тем, на основе которых ранее производилось открытие (усвоение) концептуальной идеи метода, «намекая» на ее применение [24].

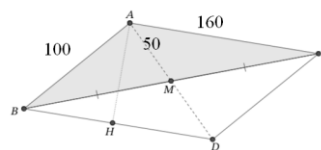
Содержание практико-ориентированных задач может варьироваться в зависимости от возрастных особенностей, интересов и способностей обучающихся. Предлагаемые задачи могут иметь как стандартную, так и нестандартную структуру (неопределенное условие, избыточные, недостаточные или противоречивые данные). При их решении целесообразно рассматривать несколько способов решения и оценивать степень рациональности того или иного варианта. Полученные в ходе решения результаты требуют оценки с позиций здравого смысла и существующих ограничений на величины.

Ниже предлагаются примеры практико-ориентированных задач, решаемых с использованием метода моделирования и преобразования математического объекта.

1D. Участок. Границы участка отмечены межевыми знаками A , B и C . Известны расстояния: от A до B – 100 м, от A до C – 160 м, от A до середины BC – 50 м. Найдите площадь участка (в метрах).

Ответ: 4800.

Пояснение. Задача сводится к вычислению площади треугольника ABC с использованием дополнительного построения (удвоения медианы AM). Для этого вычисляется площадь равнобедренного треугольника BAD и доказывается равенство площадей пар треугольников, получаемых разбиением параллелограмма его диагоналями.

2D (ГИА-2012. Математика. Тренировочная работа № 3. 1 вариант). Лестница соединяет точки A и B , расстояние между которыми равно 25 м. Высота каждой ступени равна 14 см, а длина – 48 см. Найдите высоту BC (в метрах), на которую поднимается лестница.

Ответ: 7.

Пояснение. В задаче используется идея разбиения объекта на проявляющие части: профиль каждой ступени имеет форму прямоугольного треугольника, катеты которого – известные по условию высота и длина ступеньки. Чтобы вычислить высоту лестницы, потребуется найти гипотенузу одного из таких треугольников и количество ступеней.

Полезно будет решить обратную задачу: Лестница соединяет точки A и B и состоит из 50 ступеней. Высота каждой ступени равна 28 см, а длина – 45 см. Найдите расстояние между точками A и B (в метрах).

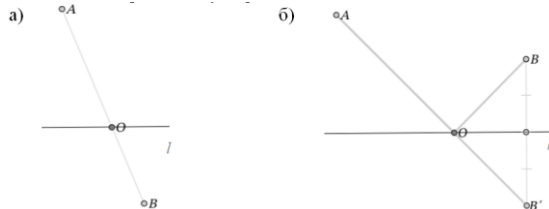
Ответ: 26,5.

3D. Дорога. На прямой сельской дороге l требуется указать место автобусной остановки так, чтобы сумма расстояний от нее до дачных домов A и B была наименьшей.

Замечание. Рассмотрите два случая: а) дома расположены по разные стороны от дороги; б) дома расположены по одну сторону от дороги.

Пояснение. В данной задаче используется идея подключения вспомогательной части объекта. Даны две точки A и B и прямая l . Нужно попасть из точки A в точку B , пройдя через некоторую точку O на прямой l . Как известно,

кратчайшее расстояние между двумя точками задает отрезок; значит, в том случае когда дачные дома расположены по разные стороны от дороги, задача сводится к построению точки пересечения O отрезком AB прямой l . Во втором случае нужно построить точку B' , симметричную точке B относительно l , отрезок AB' будет равен ломаной AOB .

Сближение структуры эвристического метода со структурой практико-ориентированной задачи происходит за счет интеграции сформированных предметных знаний со *специальными* умениями, необходимыми для работы с конкретным предметным содержанием, и *эвристическими* (стратегическими) умениями, связанными с применением эвристических методов в процессе решения исследовательских задач. Этот процесс включает в себя адаптацию эвристических методов (их идей) к конкретному классу прикладных задач и отдельным этапам их решения (анализ состояния проблемы, выдвижение гипотез и предположений, выработка стратегии решения, коррекция стратегии решения) и чаще всего основан на приобретенном опыте работы над нестандартной задачей.

Применение эвристических методов в решении практико-ориентированных задач дает возможность минимизировать перебор вариантов возможных путей решения или получить вероятностное решение, то есть решение, требующее проверки (на основе чувственных или опытных данных, с использованием дедуктивных рассуждений и др.).

В соотнесенности с задачами организации учебно-исследовательской работы обучающихся процесс обучения применению эвристических методов в решении практико-ориентированных задач можно считать неотъемлемым условием подготовки обучающихся к самостоятельной исследовательской деятельности.

3. Условие открытости в обучении эвристическим методам – обеспечение возможности дальнейшего обобщения метода на материале элементарной или высшей математики, других предметов естественно-научного цикла.

Целенаправленное обучение эвристическим методам в процессе многолетнего изучения математики должно способствовать последова-

тельному формированию и гибкой перестройке мыслительных механизмов, являющихся своеобразными стимуляторами и ориентирами учебно-поисковой деятельности. Иными словами, эвристические методы должны прочно закрепляться в операционную систему индивида, сливаясь с его динамическими стереотипами деятельности. Соответственно, в процессе формирования исследовательской деятельности обучающихся особое значение имеет обеспечение обобщения каждого изучаемого эвристического метода. К возможным стратегиям обеспечения возможности обобщения изучаемых эвристических методов мы относим следующие.

а) *Линейная подача* – развитие представлений обучающихся об эвристическом методе параллельно с углублением и расширением предметных знаний; организация переноса эвристического метода во все более сложные, приближенные к реальной жизни проблемные ситуации. Эта стратегия подробно раскрыта выше, при описании условий непрерывности и систематичности обучения эвристическим методам и постепенного сближения структуры эвристического метода со структурой прикладной задачи.

б) *Преодоление изоляции 1* – включение эвристических методов в различные связи и логические отношения с различными темами и разделами математического курса (на материалах элементарной или высшей математики). Так, рассматриваемый метод моделирования и преобразования математических объектов, как следует из рассмотренных выше примеров, находит приложения в арифметике, планиметрии, стереометрии. Но что насчет других разделов элементарной и высшей математики? Понятие математического объекта охватывает широкую область объектов, определяемых и изучаемых в математике, а трансформация объекта как процесс преобразования включает в себя широкий класс утвердившихся в математической науке способов преобразований объектов, и мы с уверенностью можем утверждать, что этот метод находит приложения в каждом из них.

Рассмотрим пример высокого уровня сложности, подтверждающий возможность обобщения метода моделирования и преобразования математического объекта в процессе переноса его в другие разделы элементарной математики, в данном случае – в раздел тригонометрии.

1Е. *Геометрия в тригонометрии*. Докажите:
$$\sin \frac{2\pi}{2025} + \sin \frac{4\pi}{2025} + \dots + \sin \frac{4048\pi}{2025} = 0.$$

Таблица

**Метод моделирования и преобразования математических объектов
в разрезе школьной математической вертикали**

№	Раздел школьной математики	Изучаемые математические объекты	Способы преобразования математических объектов
1	Арифметика	Числа	Арифметические действия; возведение в степень; извлечение корня
2	Алгебра (как обобщение арифметики)	Числовые функции, алгебраические выражения, уравнения, неравенства, функции	Тождественные преобразования выражений; равносильные преобразования уравнений, неравенств; преобразования графиков функции
3	Геометрия (планиметрия)	Фигуры на плоскости	Движения; гомотетия; подобие
4	Геометрия (стереометрия как обобщение планиметрии)	Фигуры в пространстве	Движения; гомотетия; подобие
5	Тригонометрия	Тригонометрические функции, выражения, уравнения, неравенства	Преобразования графиков функций; тождественные преобразования тригонометрических выражений; равносильные преобразования уравнений, неравенств
6	Элементы математического анализа	Функции, пределы, производные, интегралы	Способы дифференцирования; способы интегрирования
7	Теория вероятностей и статистика	Случайные события, статистические данные	Способы вычисления вероятностей событий, статистических данных; преобразования способов представления данных
8	Элементы математической логики и теории множеств	Множества и отношения, логические операции	Эквивалентные преобразования; тождественные преобразования логических выражений

Доказательство. Заметим, что точки пересечения сторон углов величиной $\frac{2\pi t}{2025}$ ($t = 0 \dots 2024$) с единичной окружностью являются вершинами правильного 2025-угольника. Ординаты его вершин совпадают со значениями синусов углов $\frac{2\pi t}{2025}$.

Рассмотрим сумму радиус-векторов с концами в вершинах правильного 2025-угольника. Так как при повороте на угол $\frac{2\pi}{2025}$ вокруг начала координат набор векторов не меняется, не меняется и вектор, равный их сумме. Значит, суммой радиус-векторов является нулевой вектор. Следовательно, сумма ординат вершин правильного 2025-угольника равна нулю.

Заметим, что учтенная в сумме ордината угла $\frac{2\pi t}{2025}$ ($t = 0$) не повлияет на ответ, т.к. $\sin 0^\circ = 0$.

Пояснение. Рассматриваемый метод побуждает взглянуть на задачу «иначе», абстрагируясь от правил преобразования тригонометрических выражений. Вместо этого за основу берется геометрический способ определения тригонометрических функций: синус (косинус) угла α как ордината (абсцисса) точки, полученной поворотом точки (1; 0) вокруг начала координат на угол α . Такой подход существенно облегчает доказательство равенства.

Можно сказать, что в приведенной задаче метод моделирования и преобразования математических объектов проявляется как способ получения объектом задачи «неожиданной» интерпретации. Последующее преобразование объекта позволяет значительно упростить его структуру и сделать более явными его свойства.

Чтобы заложить базис, обеспечивающий основу обобщения метода моделирования и преобразования математических объектов в разрезе школьной математической вертикали, установим наиболее общее соответствие между разделами элементарной математики, математическими объектами и формальными способами их преобразований, изучаемыми в школе (табл.).

Замечание 1. Включенный в таблицу перечень математических объектов и способов их преобразования не является исчерпывающим. В задачах могут использоваться комбинации объектов и их преобразований.

Замечание 2. Таблица не включает в себя разделы высшей математики, поскольку в них применяются обобщения, расширения элементарных понятий.

Замечание 3. Демонстрируя связь между структурными составляющими метода моделирования и преобразования математического объекта, мы стремимся также показать его связь с формальными (неэвристическими) методами решения задач.

в) *Преодоление изоляции 2* – включение эвристических методов, изучаемых локально (вне связи с формальными (неэвристическими) и другими эвристическими методами), в единую систему действий индивида на основе анализа с точки зрения рациональности и целесообразности в решении задач, сопоставления возможностей, выявления областей пересечения и др. Например, метод моделирования и преобразования математических объектов в решении задач зачастую «сотрудничает» с методом выявления и гармонизации частей и целого математического объекта. Этот метод заключается в разъединении целостного объекта на составляющие части или, наоборот, соединении выделенных частей, для вычленения связи «целое – часть». Описанный факт демонстрирует рассмотренная выше задача 2С: в решении задачи осуществлялось разбиение исходного объекта на проясняющие части, и устанавливалась связь между частями и целым.

Вычленение связи эвристических методов (их составляющих) по мере накопления опыта применения нетривиальных подходов в решении задач стимулирует образование сложной динамической системы действий, составляющие которой органически взаимодействуют и дополняют друг друга при решении актуальных проблем познания. Усвоенные эвристические методы как исследовательские единицы, с одной стороны, формируют и укрепляют связи между различными темами, разделами математического курса, с другой – способствуют непрерывному расширению области доступного знания.

г) *Преодоление изоляции 3* – включение эвристических методов в различные связи и логические отношения со смежными курсами.

Эвристические методы как таковые не являются собственно математическими – они имеют универсальный, надпредметный характер и могут распространяться на нестандартные задачи вообще, то есть любые проблемы, связанные с познанием и преобразованием окружающего мира. Соответственно, их изучение может охватывать не только курс математики, но и весь цикл естественно-научных дисциплин. Тогда можно сказать, что обучение эвристическим методам в процессе изучения математики закладывает основу для их дальнейшего концептуального переосмысления, обобщения и готовит к переносу в смежные области знания в старших классах.

4. Условие адекватного формата обучения

Обучение эвристическим методам должно предполагать особый формат взаимодействия между участниками образовательного процесса (эвристическая беседа, мозговой штурм, разви-

тие темы задачи и т.д.). Так, естественным продолжением в обучении эвристическим методам в старших классах может стать *кейс-метод*. В основу составления кейсов может быть заложен либо содержательный аспект взаимосвязи между задачами, либо деятельностный (на основе деятельности по их решению). В то время как в содержательном отношении получены весьма значительные результаты, деятельностно-процессуальная сторона вопроса исследована далеко не в полной мере. Другими словами, получаемые в школе на разных предметах знания и умения тесно взаимосвязаны, но специфика школьного курса, и в первую очередь его насыщенность, не позволяет в полной мере раскрыть перед обучающимися эту особенность.

Реализация кейс-метода предусматривает определенную последовательность действий: 1) анализ кейса (выделение основной проблемы, взаимосвязанных факторов); 2) определение цели и ограничений; 3) выдвижение любых гипотез; 4) анализ гипотез (с точки зрения соответствия цели и ограничениям); 5) выбор гипотезы и построение плана решения; 6) реализация полученного плана решения; 7) подведение итогов, выдвижение новых проблем.

Здесь подчеркнем, что кейс-метод основан на личностно ориентированном подходе в обучении, соответственно, его включение в образовательный процесс должно подразумевать возможность одновременной реализации нескольких индивидуальных образовательных траекторий. Проектирование индивидуальных образовательных траекторий может осуществляться через варьирование различных форматов организации учебной деятельности школьников. Так, на начальном этапе работы с кейсом предпочтителен фронтальный формат, в рамках которого педагог организует анализ кейса, вычленение одной или нескольких прикладных задач (проблем) и намечает совместно со школьниками возможные направления их последовательной (или «разветвленной») трансформации.

Затем, добровольно распределяясь по отдельным направлениям, обучающиеся уже в групповом формате получают возможность самореализации при исследовании выбранной (интересующей в большей степени) проблемы. По ходу работы группы отчитываются о выполнении циклов заданий, предлагая свои гипотезы для дальнейшего исследования. Производимая работа должна периодически сопровождаться проигрыванием выигрышных и ошибочных ситуаций, связанных с организацией процесса решения, анализом выдвигаемых гипотез. При этом специальное внимание педагогом должно уделяться осознанному применению школьни-

ками усвоенных эвристических методов в решении актуальных задач познания.

На заключительном этапе работа должна осуществляться в статусе индивидуальных проектов, предполагающих осознанный «выход» за рамки изученного ранее материала за счет формулировки и доказательства более «продвинутых» утверждений. В зависимости от уровня подготовки обучающегося итоговый результат может представлять собой систему прикладных задач различного объема и качественного наполнения.

«Послойная» организация работы в ходе реализации кейс-метода создает пространство свободного выбора направлений работы для обучающихся, имеющих разные области интересов, самого разного уровня подготовки.

Таким образом, в процессе формирования исследовательской деятельности школьников эвристические методы должны рассматриваться не как отдельные инструменты, а как неотъемлемая часть образовательного процесса. При таком подходе эвристические методы перестают быть чем-то навязанным извне и образуют «естественный» инструментарий решения нестандартных (в самом общем смысле) задач.

Заключение

Сделаем некоторые выводы.

В процессе формирования исследовательской деятельности обучающихся особое внимание следует уделять обучению эвристическим методам, обеспечивающим реализацию учебно-исследовательской работы. Процесс обучения эвристическим методам, спроектированный с учетом цели и задач реализации учебно-исследовательской деятельности, должен способствовать непрерывному «приращению» исследовательских умений и соответствующей «знаниевой» базы школьников и отвечать особым условиям.

В работе была теоретически обоснована необходимость таких условий обучения эвристическим методам, как: 1) условие непрерывности и систематичности, характеризующее развитие представлений обучающихся о структуре метода по мере развития предметных знаний; 2) условие восхождения к ситуации прикладного исследования, подразумевающее плавное сближение структуры метода со структурой прикладной задачи; 3) условие открытости, заключающееся в обеспечении возможности обобщения метода на каждом новом, более высоком уровне обученности; 4) условие адекватного формата обучения. Описанные условия детерминируют базис подготовки обучающихся к самостоятельной исследовательской деятельности на различных этапах обучения математике в школе.

В качестве дальнейшего направления исследования в рассматриваемом ракурсе мы рассматриваем разработку модели развивающей образовательной среды, обеспечивающей естественную интеграцию эвристических методов с содержанием математического курса и смежными дисциплинами, обеспечивающую активизацию исследовательского потенциала обучающихся в учебном процессе.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-20417, <http://rscf.ru/project/25-28-20417/>

Список литературы

1. Ворсина Е.А. Анализ современных теоретических подходов к определению исследовательских компетенций // Вестник университета. 2012. № 8. С. 222–226.
2. Хуторской А.В. Компетенции в образовании: опыт проектирования: Сборник научных трудов. М.: Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК», 2007. 327 с.
3. Маркова Е.А. Структура учебно-исследовательской деятельности учащихся 5–6 классов в процессе обучения математике. Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2014. С. 160–167.
4. Чернецкая Т.А., Родионов М.А. Интерактивные творческие среды как средства формирования у школьников элементов математической деятельности исследовательского характера // Информатика и образование. 2014. № 3 (252). С. 36–41.
5. Киреева Е.А., Воистинова Г.Х. Исследовательская и проектная деятельность учащихся в реализации ФГОС // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12 (2). С. 160–162.
6. Родионов М.А., Храмова Н.Н. Деятельностно-процессуальный подход к обучению школьников поиску пути решения математических задач (методологические предпосылки и примеры реализации): Учебно-методическое пособие для студентов и учителей математики. Пенза: ПГПУ, 2007. 132 с.
7. Лихтарников Л.М. Числовые ребусы и способы их решения (Для учащихся начальной школы) / Оформл. С. Григорьева. СПб.: Лань, МИК, 1996. 125 с.
8. Бородина В.А., Родионов М.А. Формирование исследовательской компетентности школьников посредством обучения эвристическим методам решения задач // Проблемы и перспективы развития педагогических наук в условиях глобализации: Материалы Международной научно-практической конференции (11–18 октября 2024 г.). Худжанд: Худжандский государственный университет им. академика Бободжана Гафурова, 2024. Т. 1. С. 191–194.
9. Балк М.Б., Балк Г.Д. Математика после уроков: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1971. 463 с.
10. Ильясов И.И. Система эвристических приемов решения задач. М.: Российский открытый университет, 1992. 140 с.
11. Пойя Д. Математическое открытие. Решение задач: основные понятия, изучение и преподавание. М.: КомКнига, 2010. 450 с.

12. Фридман Л.М., Турецкий Е.Н. Как научиться решать задачи: книга для учащихся старших классов средней школы. 3-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1989. 192 с.
13. Шуба М.Ю. Учим творчески мыслить на уроках математики: Пособие для учителей общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2012. 224 с.
14. Гетманская Е.В. Эвристический метод: генезис и современное функционирование // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 2. С. 261–267.
15. Клепиков В.Н. Эвристические методы решения задач в современной школе // Школьные технологии. 2017. № 3. С. 49–56.
16. Родионов М.А., Макаров Ю.А. Психология мотивации учебной деятельности: Учебное пособие. Пенза: Изд-во ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2004. 186 с.
17. Родионов М.А., Пичугина П.Г. Содержательные-методические особенности организации процесса поиска решения геометрических задач на основе целенаправленной актуализации эвристических схем // Геометрия и геометрическое образование: Сборник трудов Всероссийской научно-методической конференции «Геометрическое образование в современной средней и высшей школе». Тольятти: Изд-во ТГУ, 2012. С. 237–241.
18. Балаян Э.Н. Лучшие олимпиадные и занимательные задачи по математике: 5–6 классы. Ростов н/Д: Феникс, 2019. 274 с.
19. Математика. 5 класс: Учебник для общеобразовательных организаций: в 2 ч. Ч. 1 / [Н.Я. Виленкин и др.]. 37-е изд., стер. М.: Мнемозина, 2019. 167 с.
20. Перельман Я.И. Занимательная алгебра. М.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1955. 184 с.
21. Rodionov M., Velmisova S. Construction of Mathematical Problems by Students Themselves // Proceedings of the 34th Conference on Applications of Mathematics in Engineering and Economics (AMEE '08); American Institute of Physics (Melville, NY 11747 USA). AIP Conf. Proc. Issue Date: October 30, 2008. V. 1067. P. 221–228. URL: <http://proceedings.aip.org/proceedings>.
22. Бородина В.А., Родионов М.А. Преемственность обучения школьников эвристическим методам решения задач // Научно-методический журнал «Школьные технологии». 2024. № 5. С. 35–43.
23. Математика: алгебра и начала математического анализа, геометрия. Геометрия. 10–11 классы: учеб. для общеобразоват. организаций: базовый и углубл. уровни / [Л.С. Атанасян и др.]. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 2019. 287 с.
24. Бородина В.А., Родионов М.А. Проблема преемственности обучения школьников приемам творческого мышления в курсе математики // Проблемы подготовки учителей математики, информатики и предметов естественно-научного цикла: Сборник статей участников Международной научно-методической конференции (19–20 ноября 2024 г.). Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2024. С. 119–123.

CONDITIONS FOR TEACHING HEURISTIC METHODS IN THE PROCESS OF FORMING STUDENTS' RESEARCH ACTIVITIES

M.A. Rodionov, V.A. Borodina

Penza State University

The article is devoted to the problems associated with the formation of research activities of schoolchildren in the process of mastering basic and advanced mathematical courses, including in preparation for mathematical Olympiads. Based on theoretical data, the need for targeted training in heuristic methods in the course of organizing the educational and research activities of students in the study of mathematics is substantiated, in particular, to form readiness to conduct research at a high level of autonomy by the time of completion of school education.

The idea is traced that the integration of heuristic methods with the process of organizing educational and research activities in the study of mathematics in the long term contributes to their transfer to related areas of knowledge and turns them into personally significant tools used by students consciously, independently and creatively to solve problems associated with educational cognition.

The authors emphasize that the implementation of the presented approach to the formation of research activities of schoolchildren requires compliance with a set of special conditions for teaching heuristic methods. This thesis is supported by the development and theoretical justification of interrelated conditions for teaching heuristic methods that determine the basis for preparing students for independent research activities at various stages of teaching mathematics at school.

Keywords: development of research activities, educational and research activities, heuristic problem-solving methods, conditions for teaching heuristic methods, math Olympiad training for school students.

УДК 378.4

DOI 10.52452/18115942_2025_2_296

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В АТОМНОЙ ОТРАСЛИ С УЧЕТОМ АКТУАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ КУРСОВ ОРГАНИЗАЦИЙ ОТРАСЛИ ДПО

© 2025 г.

А.В. Солнцев, И.В. Гребенев, Д.Е. Любашевский

Солнцев Андрей Владимирович, проректор-директор Нововоронежского филиала

АНО ДПО «Техническая академия Росатома»

AVISolntsev@rosatom.ru

Гребенев Игорь Васильевич, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры кристаллографии
и экспериментальной физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
grebenev@phys.unn.ruЛюбашевский Дмитрий Евгеньевич, д.ф.-м.н.; доц.; профессор кафедры ядерной физики
Воронежского государственного университета
dima_physicist@mail.ru*Статья поступила в редакцию 13.03.2025**Статья принята к публикации 24.04.2025*

Рассматривается возможность интеграции программ дополнительного профессионального образования в образовательные программы вузов для подготовки специалистов атомной энергетики. Предлагаются ключевые механизмы, направленные на совершенствование образовательного процесса и формирование у студентов необходимых компетенций, отвечающих современным требованиям высокотехнологичного производства. Особое внимание предполагается уделить внедрению инновационных методик обучения, обеспечивающих практико-ориентированную подготовку кадров.

Ключевые слова: подготовка кадров, атомная отрасль, атомная энергетика, термогидравлическое оборудование, неразрушающий контроль, автоматизированные системы управления, АСУ ТП, безопасность атомных объектов, образовательные курсы, инженерная подготовка, профессиональные компетенции.

Введение

На современном этапе перед Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» стоят амбициозные задачи, направленные на укрепление позиций России в глобальной и национальной атомной энергетике. В настоящее время корпорация активно реализует проекты по строительству 22 энергоблоков атомных электростанций (АЭС) в семи странах, что свидетельствует о высоком уровне международного сотрудничества и экспансии российских ядерных технологий. Доля зарубежных контрактов в структуре выручки «Росатома» уже составляет 50%, подчеркивая растущую экономическую значимость международных проектов. В рамках долгосрочной стратегии развития корпорации запланировано увеличение доли атомной генерации в общем энергобалансе Российской Федерации до 25% к 2042 году. Для достижения этой цели потребуются ввод в эксплуатацию 42 новых энергоблоков, что существенно повысит объемы выработки электроэнергии на основе мирного атома.

Однако для успешной реализации этих стратегических планов перед корпорацией встает

важнейшая задача – привлечение высококвалифицированных специалистов. Прогнозы свидетельствуют о необходимости в ближайшие годы подготовить свыше 370 000 специалистов [1], обладающих компетенциями в области атомной энергетики, материаловедения, радиационной безопасности и смежных областях. Одной из проблем является демографическая ситуация в России, где с 2016 года наблюдается устойчивая естественная убыль населения, что также затрудняет восполнение кадрового потенциала [2]. Прогнозы Министерства труда РФ указывают на возможный дефицит рабочей силы в стране к 2030 году на уровне 2.4 млн человек, что окажет влияние и на атомную отрасль.

Дополнительной проблемой является несоответствие навыков выпускников вузов реальным требованиям высокотехнологичных предприятий. Исследования показывают, что 88% молодых специалистов, впервые выходящих на рынок труда, испытывают дефицит необходимых компетенций, что затрудняет их успешную интеграцию в профессиональную среду. Это подтверждается результатами исследований, согласно которым лишь 25.3% выпускников обладают необходимыми профессиональными

навыками, а 34.5% не имеют достаточного уровня компетенций в области работы на высокотехнологичных производствах [3].

Для решения этих проблем важную роль в подготовке квалифицированных кадров играет Воронежский государственный университет (ВГУ), который активно участвует в подготовке специалистов для атомной отрасли в рамках консорциума опорных университетов Госкорпорации «Росатом». ВГУ и Техническая академия «Росатома» продолжают плодотворное сотрудничество, предоставляя студентам уникальную возможность получить качественное образование и практический опыт на ведущих объектах атомной энергетики. В результате этого сотрудничества была проведена масштабная модернизация магистерской программы по направлению 14.04.02 «Ядерная физика и технологии» с целью интеграции актуальных знаний и технологий, необходимых для работы в атомной отрасли [4].

Цель настоящего исследования – разработка новых учебных модулей, ориентированных на практическую подготовку будущих специалистов, таких как «Методы разрушающего и неразрушающего контроля оборудования», «Электрическое оборудование АЭС», «Термогидравлическое оборудование АЭС» и «Автоматические системы управления технологическим процессом на АЭС». Планируется создание новых учебных модулей на основе учебных материалов, реализуемых в составе актуальных программ ДПО для действующих специалистов отрасли. При этом основным акцентом модернизации должно стать создание практико-ориентированных образовательных программ, позволяющих студентам освоить передовые технологии и методы работы, используемые на атомных станциях [5]. Такая модернизация образовательных программ будет важным шагом на пути к гармонизации образовательных стандартов и профессиональных стандартов отрасли.

Методы внедрения курсов и практическая направленность

Совершенствование образовательных программ путем включения в них таких специализированных дисциплин, как «Методы разрушающего и неразрушающего контроля», «Термогидравлическое оборудование АЭС», «Электрическое оборудование АЭС» и «Автоматизированные системы управления технологическими процессами на АЭС», является стратегически важным элементом подготовки высококвалифицированных кадров для атомной отрасли. Освоение данных курсов не только позволяет

студентам глубоко понимать теоретические основы функционирования ядерных энергетических установок, но и формирует у них комплекс практических компетенций, критически необходимых для обеспечения безопасной и эффективной эксплуатации атомных электростанций. Программы и учебные материалы специализированных дисциплин разработаны на основе современных технологических решений, внедряемых в отрасль.

Дисциплина «Электрическое оборудование АЭС» ориентирована на изучение принципов работы электрических систем атомных электростанций, включая генераторы, трансформаторы и распределительные устройства. Освоение этой дисциплины позволяет студентам эффективно работать с системами электроснабжения, обеспечивая надежность функционирования энергетических объектов. Кроме того, приобретенные знания и навыки способствуют развитию профессиональных компетенций в области эксплуатации, технического обслуживания и модернизации электротехнического оборудования, что в конечном итоге повышает уровень безопасности и устойчивости энергетической инфраструктуры атомных станций.

Разработка специализированных учебных модулей, которые включают как теоретические, так и практические занятия, предоставляет студентам полноценное представление о различных аспектах работы на АЭС [6]. Практические занятия реализуются с использованием тренажеров, макетов и компьютерных систем обучения, имеющихся в распоряжении Технической академии «Росатома». Эти курсы охватывают важнейшие технологические и инженерные задачи, связанные с эксплуатацией и контролем состояния оборудования, а также с автоматизацией процессов, что способствует созданию комплексной базы для дальнейшего профессионального роста. Современные подходы к инженерному образованию подчеркивают значимость формирования проектно-конструкторской компетентности, включающей когнитивные, операционально-деятельностные и рефлексивные компоненты [7].

Применение проектного обучения в подготовке инженерных кадров способствует развитию системного мышления, критического анализа и способности к разработке оптимальных технических решений. Интеграция цифровых технологий в процесс обучения позволяет студентам не только решать теоретические задачи, но и выполнять практические проекты на основе имитационного моделирования, что способствует их лучшей адаптации к производственным условиям [8]. Как показано в современных

исследованиях, проектно-конструкторская деятельность формирует навыки многовариантного моделирования, прогнозирования и оптимизации технологических процессов. В частности, в рамках изучения дисциплины «Методы разрушающего и неразрушающего контроля» студенты осваивают не только традиционные методы диагностики, но и осуществляют проектирование цифровых моделей контроля дефектов материалов. В рамках курса студенты изучают методы визуального, измерительного, вихретокового и радиографического контроля, что позволяет им диагностировать потенциальные неисправности в материалах и оборудовании. Включение лабораторно-проектных практикумов позволяет обучающимся адаптировать теоретические знания к реальным условиям эксплуатации АЭС [9]. Стажировки на действующих атомных станциях и сотрудничество с Технической академией «Росатома» предоставляют студентам уникальную возможность работать с реальным оборудованием и применять знания на практике в условиях, приближенных к реальной эксплуатации.

Курс «Термогидравлическое оборудование АЭС» охватывает важные аспекты работы с теплообменными процессами и гидравлическими системами, которые являются основой функционирования атомных станций. В дополнение к классическим лабораторным исследованиям студенты осваивают инженерно-графические методы анализа, что позволяет им разрабатывать и оценивать эффективность теплообменного оборудования посредством современных цифровых симуляционных платформ [7]. Данный подход соответствует актуальным требованиям инженерного образования, акцентирующим внимание на цифровизации проектных решений, включая внедрение CAD-систем, цифровых двойников и технологий виртуальной реальности для моделирования процессов на АЭС [8].

В рамках профессиональной подготовки студенты осваивают фундаментальные принципы теплопередачи и функционирования теплообменных устройств, что формирует у них способность к расчету и проектированию систем, обеспечивающих эффективную передачу тепла в разнообразных эксплуатационных условиях. Глубокое изучение теплообменного оборудования и насосных агрегатов позволяет будущим специалистам разрабатывать решения, направленные на оптимизацию тепловых процессов и обеспечение устойчивой работы атомных электростанций. Существенную роль в образовательном процессе играют лабораторные занятия, в ходе которых студенты получают практический опыт проектирования, наладки и экс-

плуатационной диагностики теплообменных аппаратов и насосных установок. Такой формат обучения способствует развитию прикладных компетенций, необходимых для работы с технологическими системами атомной энергетики.

Дисциплина «Автоматизированные системы управления технологическими процессами на АЭС» играет важную роль в подготовке специалистов, способных эффективно работать с высокотехнологичными системами управления и мониторинга. В процессе обучения студенты работают с программными комплексами автоматизированного проектирования (CAD) и системами цифрового двойника, что способствует интеграции знаний о технологических системах с навыками цифрового моделирования. Данный формат обучения формирует у будущих специалистов способность к эффективному проектированию, настройке и оптимизации автоматизированных систем управления технологическими процессами АЭС. Использование современных инженерных цифровых инструментов, таких как 3D-моделирование и автоматизированное проектирование, позволяет будущим инженерам-атомщикам разрабатывать и анализировать работу оборудования в условиях, максимально приближенных к реальной эксплуатации [8].

Преподавание на стыке теории и практики, использование современных методов диагностики и управления в реальных условиях помогает студентам приобрести знания и навыки, которые позволят им быть успешными и востребованными специалистами в области атомной энергетики [10].

Ожидаемые результаты и влияние на подготовку кадров

Процесс интеграции дисциплин «Методы разрушающего и неразрушающего контроля», «Термогидравлическое оборудование АЭС», «Электрическое оборудование АЭС» и «Автоматизированные системы управления технологическими процессами на АЭС» в образовательные программы высших учебных заведений является ключевым фактором повышения качества подготовки специалистов для атомной отрасли. Эти курсы направлены на формирование у студентов не только прочной теоретической базы, но и практических компетенций, необходимых для эксплуатации ядерных установок, обеспечения их безопасного функционирования и проведения технологического мониторинга.

Выпускники, изучившие курс «Методы разрушающего и неразрушающего контроля», приобретают углубленные знания в области современных методик диагностики состояния мате-

риалов и оборудования, что играет критически важную роль в обеспечении надежности и устойчивости эксплуатации атомных электростанций. Владение методами визуального, измерительного, вихретокового и радиографического контроля позволяет им своевременно выявлять дефекты конструктивных элементов и предотвращать возможные аварийные ситуации. Освоение этих технологий в ходе лабораторных занятий и производственных практик на действующих энергоблоках формирует у будущих специалистов уверенность в работе с диагностическим оборудованием, применяемым на атомных станциях. Таким образом, комплексная подготовка в рамках указанных дисциплин способствует формированию профессиональных компетенций, соответствующих высоким требованиям отрасли и обеспечивающих высокий уровень безопасности и эффективности работы ядерных объектов.

Дисциплина «Термогидравлическое оборудование АЭС» обеспечивает выпускников фундаментальными знаниями и практическими навыками, необходимыми для работы с системами теплообмена и гидравлики атомных электростанций. Изучение механизмов теплопередачи и функционирования теплообменных аппаратов формирует у студентов способность к разработке и модернизации инженерных решений, направленных на повышение эффективности работы ядерных энергоблоков. Освоение принципов функционирования насосных установок и трубопроводных систем позволяет будущим специалистам обеспечивать надежную циркуляцию теплоносителей, минимизировать потери энергии и поддерживать бесперебойную работу технологического оборудования. Благодаря изучению методов проектирования, моделирования и эксплуатации термогидравлических систем выпускники курса приобретают компетенции, необходимые для решения широкого спектра инженерных задач в области атомной энергетики.

Курс «Электрическое оборудование АЭС» направлен на формирование у студентов глубоких знаний о функционировании электроэнергетических систем атомных электростанций. В рамках дисциплины изучаются принципы работы генераторов, трансформаторов, распределительных устройств, а также особенности схем электроснабжения ядерных объектов. Освоение данного курса позволяет будущим специалистам уверенно работать с электротехническим оборудованием, обеспечивая его надежную эксплуатацию и бесперебойное энергоснабжение ключевых узлов атомных станций.

Особое внимание в процессе обучения уделяется вопросам диагностики, технического

обслуживания и модернизации электрооборудования, что способствует развитию компетенций, критически важных для обеспечения безопасности и устойчивости энергетической инфраструктуры АЭС. Благодаря изучению современных технологий управления и защиты электрических систем выпускники получают практические навыки, необходимые для эффективной работы в атомной отрасли.

Освоение дисциплины «Автоматизированные системы управления технологическими процессами на АЭС» позволяет студентам углубленно изучить современные принципы функционирования и проектирования автоматизированных систем управления (АСУ) ядерных объектов. В ходе обучения будущие специалисты осваивают алгоритмы работы систем мониторинга, диагностики и управления технологическими процессами, что обеспечивает их готовность к эксплуатации высокотехнологичных комплексов атомных станций. Владение методами настройки и оптимизации автоматизированных систем позволяет выпускникам университета не только обеспечивать стабильную и безопасную работу ЯЭУ, но и разрабатывать инновационные подходы к повышению их эффективности. Комплексная подготовка в рамках данных дисциплин формирует у студентов широкий спектр необходимых для профессиональной деятельности в атомной энергетике компетенций. Выпускники, овладевшие принципами термогидравлического проектирования и автоматизированного управления, обладают наилучшей конкурентоспособностью на рынке труда в области эксплуатации, технического обслуживания и модернизации атомных электростанций.

Заключение

Интеграция в учебную программу высших учебных заведений дисциплин «Методы разрушающего и неразрушающего контроля», «Термогидравлическое оборудование АЭС», «Автоматизированные системы управления технологическими процессами на АЭС», «Электрическое оборудование АЭС» имеет стратегическое значение в вопросах подготовки кадров высокой квалификации для атомной энергетики. Эти дисциплины обеспечивают качественное знание студентами не только теоретических основ, но и практических компетенций, необходимых для безопасной и эффективной эксплуатации установок.

После прохождения обучения по курсам обучающиеся получают не только необходимый набор теоретических знаний и навыков, но и обширный практический опыт. Это значительно усиливает их позиции на рынке труда, повыша-

ет их конкурентоспособность и обеспечивает успешное трудоустройство. Такая подготовка специалиста имеет стратегическое значение для обеспечения стабильной работы атомной энергетики, исходя из важности обеспечения высокого качества обслуживания атомных станций и их безопасности в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. «Форбс». Росатом и экосистема: от ядерной энергетики до атомной медицины [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/special/rosatom-ecosystem/> (дата обращения: 20.02.2025).
2. На работу приглашаются: Росатом открыл вакансии для молодых специалистов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2024/10/29/narabotu-priglasaiutsia.html> (дата обращения: 20.02.2025).
3. Андреева Т.А. Уровень подготовки выпускников вузов в соответствии с образовательными стандартами и требования руководителей крупных промышленных предприятий: сравнительный анализ // Экономика и управление. 2017. № 12 (146). С. 70–75.
4. ТехАкадемия Росатома. Выстраиваем образовательную экосистему: Росатом продолжает модернизацию образовательных программ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosatomtech.ru/media/news-article/tehakademiya-vistraivaem-obrazovatelnuyu-ekosistemu/> (дата обращения: 20.02.2025).
5. ТехАкадемия Росатома. Переход к атомным технологиям IV поколения требует опережающей подготовки персонала. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosatomtech.ru/media/news-article/perehod-k-atomnim-tehnologiyam-iv-pokoleniya-trebuuet-operezhayushey-podgotovki-personala/> (дата обращения: 20.02.2025).
6. Руденко В.А., Томилин С.А., Бекетов В.Г. Подготовка квалифицированных кадров для зарубежных АЭС как фактор обеспечения безопасности в области использования атомной энергии // Глобальная ядерная безопасность. 2017. № 1 (22). С. 78–84.
7. Вялкова О.С. Формирование проектно-конструкторской компетентности будущих инженеров в образовательном процессе вуза: Дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2021. 290 с.
8. Каменев Р.В. Организационно-педагогическое обеспечение подготовки бакалавров профессионального обучения к использованию высоких технологий: Дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2017. 185 с.
9. Осипова С.И., Ерцкина Е.Б. Формирование проектно-конструкторской компетентности студентов – будущих инженеров в образовательном процессе // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 14. С. 154–160.
10. Руденко В.А. и др. К вопросу об эффективных практиках подготовки кадров для реализации экспортноориентированной стратегии ГК «Росатом» // Глобальная ядерная безопасность. 2019. № 1 (30). С. 124–135.

IMPROVEMENT OF EDUCATIONAL PROGRAMS FOR PERSONNEL TRAINING IN THE NUCLEAR INDUSTRY, TAKING INTO ACCOUNT CURRENT TRAINING COURSES OF THE INDUSTRY'S APE ORGANIZATIONS

A.V. Solntsev¹, I.V. Grebenev², D.E. Lyubashevsky³

¹ The Novovoronezh branch of Rosatom Technical Academy

² Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

³ Voronezh State University

The paper examines the possibility of integrating additional professional education (APE) programs into the educational programs of universities for training specialists in the nuclear power industry. Key mechanisms aimed at improving the educational process and developing students' necessary competencies that meet the modern requirements of high-tech production are proposed. Particular attention is expected to be paid to the introduction of innovative teaching methods that ensure practice-oriented training of personnel.

Keywords: personnel training, nuclear industry, nuclear power engineering, thermohydraulic equipment, nondestructive testing, automated control systems, automated process control systems, nuclear facility safety, educational courses, engineering training, professional competencies.

УДК 37.02

DOI 10.52452/18115942_2025_2_301

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЧЕВОК ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ ВЫЖИВАНИЯ ПРИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРЕМИСТСКИХ УГРОЗАХ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

© 2025 г.

О.В. Цвентарная

Цвентарная Олеся Владимировна, к.пед.н.; врач-психотерапевт
ООО «НИИ педиатрии и неврологии «Дети Индиго», Челябинск
kovchel08@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 26.12.2024**Статья принята к публикации 28.04.2025*

Угрозы террористического и экстремистского характера являются серьезной угрозой безопасности в настоящее время. Необходимо обеспечивать безопасность детей, для этого с дошкольного возраста важно формировать навыки выживания при столкновении с реальными опасностями террористического толка. Воспитатели во многих субъектах Российской Федерации занимаются с детьми в рамках курса «Технология спасения жизни». Именно этот практический опыт описан в статье. Речевки (говорение вслух) – это прием, который помогает активировать когнитивные центры и включить осознанность в момент стресса. Именно это помогает ребенку действовать безопасно так, чтобы минимизировать угрозы в контексте сохранения жизни и здоровья своей и окружающих в момент нахождения, участия в чрезвычайной ситуации. Это явление изучено в контексте спорта. Автор статьи использует речевки для формирования у детей старшего дошкольного возраста паттернов безопасного поведения и включения навыка в стрессовой опасной ситуации. В статье подробно рассмотрены теоретические и практические аспекты использования в дошкольной педагогике речевок для формирования, закрепления и активации (включения, запуска) у детей навыков выживания в чрезвычайных ситуациях террористического и экстремистского характера.

Ключевые слова: речевки, навыки выживания, чрезвычайные ситуации, дети дошкольного возраста, технология спасения жизни, террористические и экстремистские угрозы.

Введение

Вопросы социальной безопасности представляют собой важные направления для разработки новых подходов и практик. Актуальной проблемой является борьба с терроризмом, экстремизмом как социальными угрозами.

Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определено, что «достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение следующих задач: профилактика экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи». Мы считаем, что профилактика экстремизма берет начало в ценностях человека, привитых с первых лет жизни, поэтому проводить ее необходимо с дошкольного возраста.

Образование играет все более важную роль в обеспечении безопасности и устойчивого развития общества и государства. Специалисты считают его основной превентивной мерой в национальной безопасности, «механизмом

формирования у подрастающего поколения сознательного и ответственного отношения к вопросам личной безопасности, безопасности окружающих людей, природы, государства» (Н.А. Едимская, М.А. Котик, Л.А. Михайлов, И.А. Щеголев). Образование также рассматривается как способ изменить ментальность человека (Б.С. Гершунский) и общества, устранить функциональную безграмотность в отношении окружающей среды и социума (О.А. Фельдман).

Потребность в безопасности при террористических и экстремистских угрозах играет ключевую роль в развитии ребенка и является обязательным условием его нормального психологического и физического роста. В системе образования первостепенными задачами являются сохранение жизни и здоровья детей, а также обучение их безопасному и ответственному поведению.

Необходимо организовать специальные тренировки для детей, направленные на развитие навыков безопасного поведения в случае террористической и экстремистской угрозы. Это должно стать обязательным компонентом образования, чтобы каждый ребенок имел необходимые навыки для собственной безопасности. В

рамках таких программ и курсов рекомендуем проводить симуляции чрезвычайных ситуаций и обучать детей основным правилам эвакуации, скрытия и т.д.

Адекватные действия для самоспасения, соответствующие складывающейся ситуации, существенно повышают шансы на выживание. Но, как известно, в стрессовой ситуации мозг многое «забывает», в этот момент «остаются» только закрепленные навыки и рефлексy. В момент стресса, в чрезвычайной ситуации дети не вспомнят правила и беседы: нужно закрепить самые главные действия как в теле, так и в виде речевых конструктов, речевок, кричалок и т.д. Это простые и понятные инструкции себе о том, как действовать. Регулярные учебные тренировки в детских садах и школах дают возможность детям на практике применить навыки, закрепить их. Такие тренировки должны быть организованы с учетом возрастных особенностей детей и проводиться в игровой форме.

Цель статьи – описать возможности речевок (говорения вслух) как средства формирования навыков выживания при террористических и экстремистских опасностях у детей дошкольного возраста.

Методология

В качестве теоретических методов использованы: анализ научной литературы, метод педагогической интерпретации и обобщения, метод педагогического моделирования, анализ и обобщение педагогического опыта, рефлексия собственного опыта. В качестве эмпирических методов использованы: наблюдение за педагогическим процессом использования речевок на занятиях и при повторении, беседа с педагогами по результатам использования речевок (говорения вслух) как средства формирования навыков выживания.

Итак, чтобы определить место статьи среди других работ по данной тематике необходимо изучить проблему совладания человека в чрезвычайных ситуациях. Проблема совладания в ситуациях стресса и опасности становится актуальной в контексте глобальных вызовов современного общества (Т.Н. Банщикова) [1]. Вопросы саморегуляции человека в стрессе и способность эффективно справляться с негативными эмоциями и трудностями, возникающими во время стрессовых ситуаций, для обеспечения собственной безопасности рассматриваются разными учеными (З.А. Ярмиева, Н.Ю. Ланцевская, А.Ф. Машарина, С.Л. Соловьева, Е.Е. Анциферов, О.В. Бубновская и др.) [2–7]. Ученые исследуют проблему стрессовых реакций у детей, возможности саморегуляции при столкновении с чрезвычайными обстоятельствами [8–10].

Существуют исследования, которые описывают следующий феномен: люди в стрессовых ситуациях используют общение с самими собой вслух в качестве стратегии саморегуляции и реализации адекватного целенаправленного поведения. Данный феномен описан в иностранной литературе. Так, Дж.Э. Миллер сформулировал концепцию «говорения себе вслух». Он обнаружил, что активное говорение может помочь людям вспомнить и организовать информацию, а также облегчить стрессовые ситуации. М.К. Хатчинсон и К. Моултон провели исследование, которые поддерживают идею, что общение вслух с собой положительно влияет на производительность и регуляцию эмоций; А. Хатжигеоргиадис и др. рассматривают влияние говорения вслух на спортивную производительность [11]; Ф. Раси и А. Морин исследуют регуляцию поведения через говорение себе вслух и обсуждают, как разные типы самодialogа могут влиять на эмоциональные и когнитивные процессы [12]; П.Б. Перрин исследует связь между говорением себе вслух и физическим, эмоциональным и познавательным аспектами стресса; П.К. Олес рассматривает связь между внутренним голосом, стрессовым самодialogом и психическим здоровьем [13].

Процесс говорения себе вслух (в том числе использования мантр и аффирмаций) во время стресса и его влияние на мозг являются сложными. Ученые считают, что активация речевых областей мозга включает взаимодействие между двигательными и вербальными системами. Это может помочь в организации мыслей и фокусировке внимания на конкретной задаче или стратегии решения проблемы во время стресса. Говорение себе вслух может активировать механизмы саморегуляции, включая контроль над эмоциональным состоянием и поведением. Когда мы говорим себе вслух, мы можем делать более рациональные оценки ситуации, перефокусироваться на конкретные задачи и управлять своими эмоциями. Обращение к себе, прием «речь для себя», известно и широко используется в практике психологов, в тренингах по управлению стрессом.

Явление говорения себе у детей является предметом изучения в научном сообществе. Научные исследования показывают, что использование мантр или аффирмаций может снизить уровень стресса, улучшить концентрацию и повысить уверенность в себе. Например, многие спортсмены используют мантры, чтобы справиться со стрессом и улучшить свою производительность. Они могут повторять фразы, которые напоминают им о важности концентрации, уверенности в себе и контроле над сво-

ими действиями. А. Бангерт и С. Донохью исследовали говорение мантр у детей-спортсменов во время успешных и неуспешных выступлений в плавании [14]; А. Гаджигеоргиадис и др. исследовали влияние самодialogа у детей на мыслительные процессы и выступления по водному поло [15]; Д. Амадо и др. исследовали связь между самодialogом и соревновательной тревожностью у спортсменов [16]; Б. Циммерман и А. Китсантас сравнивали практики самодисциплины и саморегуляции у учащихся музыкальных, танцевальных и спортивных секций [17].

Исследования по развитию регуляции эмоций у детей и взрослых показывают эффективность саморегуляции и умения управлять стрессом в опасных ситуациях. Эффективность мантр, аффirmаций и других форм «обращения к себе» индивидуальна. Некоторым детям помогает повторение слов или фраз, которые связаны с их целями или мотивацией, в то время как другим полезнее фокусироваться на дыхании или других физических ощущениях. Также важно отметить, что говорение ритмичных речевок несет в себе эмоциональное и когнитивное значение, поэтому они должны быть позитивными и мотивирующими.

Нейробиологический подход к изучению этого процесса включает использование таких методов, как функциональная магнитно-резонансная томография и электроэнцефалография. С помощью этих методов исследователи могут наблюдать активацию различных областей мозга во время говорения себе вслух и связывать ее с когнитивными и эмоциональными процессами. Однако данная область исследования еще развивается, и более точное понимание процессов в головном мозге во время говорения себе вслух требует дальнейших исследований.

Таким образом, исследования психологических и нейробиологических аспектов данного вопроса показывают, что активация речевых областей мозга может помочь в регуляции эмоциональных и когнитивных процессов.

Опираясь на исследования ученых, на данные нейрофизиологии, биологии, психологии, мы констатируем, что проговаривание для себя вслух или внутренней речью ритмичных речевок, повторяющихся фраз во время стресса может быть полезным для реализации безопасных действий, для выживания ребенка в чрезвычайной ситуации.

Результаты

Преодоление стресса обеспечивается за счет использования имеющихся ресурсов личности (Н.А. Растокин) [18]. И одним из таких ресурсов у ребенка в опасности является возможность проговаривания главных действий для спасе-

ния. Речевка – небольшой ритмически организованный текст различного содержания, состоящий из простых слов. Речевки должны звучать коротко, звонко, четко, они легко запоминаются и просто воспроизводятся даже в стрессовой ситуации. Речевки придают сплоченность, подбадривают детей, создают положительный настрой. Разберем особенности речевок для формирования навыков выживания и реализации детьми безопасного поведения в чрезвычайных ситуациях.

Когда дети проговаривают для себя и про себя ритмичные речевки с главными действиями, это позволяет переключить внимание с негативных мыслей или эмоций на более позитивные, спасительные, ситуативно адекватные и целенаправленные. Итак, говорение себе ритмичных рифмованных речевок в чрезвычайной ситуации может быть полезным средством саморегуляции у детей и помочь запустить стратегию безопасного поведения, то есть выполнение действий для самоспасения, для выживания в опасности.

Приведем оригинальные результаты. Рассмотрим подробнее, чем отличается применение в педагогической практике бесед и правил от использования речевок, на примере внедрения курса «Технология спасения жизни». «Технология спасения жизни» – курс, созданный на стыке наук: психотерапии и педагогики с учетом физиологии и психологии детей дошкольного возраста. Это помогло разработать максимально эффективные приемы, в том числе речевки, для сформирования и закрепления навыков спасения. Цель курса – сформировать у детей навыки практического выживания при пожаре и задымлении, стрельбе в здании, нахождении в заложниках, спасательном штурме, обнаружении подозрительного предмета, тем самым дать им шанс остаться в живых. Занятия в рамках курса включают в себя прослушивание аудиотреков с речевками для различных типов чрезвычайных ситуаций.

В рамках знакомства с правилами безопасности мы предлагаем правила, подходящие для использования детьми старшего дошкольного возраста. Педагог зачитывает детям правило, а далее все вместе обсуждают его важность и применимость. Данные правила согласуются с рекомендациями МЧС РФ и НАК РФ.

Разберем пример того, как педагог рассказывает детям о самых важных правилах поведения при нахождении в заложниках, – правила применимы как при чрезвычайных ситуациях террористического характера, так и при похищении ребенка.

Приведем примеры правил поведения ребенка, которые может использовать педагог при прохождении темы о нахождении в заложниках.

1. Будь рядом со своим воспитателем или с другим твоим знакомым взрослым, постарайся не разлучаться с ним.

2. Настройся на долгое ожидание. Спасателям нужно время, чтобы освободить тебя. Они не теряют ни минуты, но должны все предусмотреть. Если ты оказался в заложниках, знай: ты не один, спасатели спешат к тебе на помощь. Если есть возможность, держись подальше от дверей и окон.

3. Постарайся помечтать: вспоминай свои любимые книги, мультфильмы, загадки и стихи. Подумай о том, что спасатели уже спешат на помощь.

4. Будь внимателен, постарайтесь запомнить приметы бандитов, отличительные черты лиц, одежду, имена, клички, шрамы, о чем они разговаривают – запоминай.

5. Не раздражай бандитов: не кричи, не плачь, не возмущайся. Не вступай в споры. Помни: этим ты спасаешь себя и окружающих. Неожиданное твоё движение, прыжки или шум могут повлечь жестокость от бандитов, а это опасно не только для тебя, но и для других.

6. Можно кратко сообщить, что тебе нужен врач, что-то болит.

7. Ничего не используй против бандитов, даже игрушечное оружие.

8. Если тебе угрожают пистолетом, надо выполнять требования бандита и ждать, когда придут спасатели.

9. Ничего не делай, пока не получишь разрешения от террористов. На любое действие (сесть, встать, попить, сходить в туалет) спрашивай разрешение.

10. Не выделяйся из массы других людей.

11. Внимательно посмотри: куда ты сможешь быстро спрятаться, если прибегут спасатели и начнется перестрелка? Заметь для себя укромное безопасное место, где тебя не заметят бандиты.

Правила и беседы помогают только обозначить основные ориентиры поведения детей для спасения. Для выживания в чрезвычайной ситуации нужны конкретные действия, а не описание того, чего делать не следует. Непосредственно в стрессовой ситуации правила невозможно вспомнить. Воспроизводится только то, что сформировано в виде навыка и прочно закреплено на моторном уровне в теле.

Авторы курса «Технология спасения жизни» записали своими голосами главные действия, которые важно «впечатать» в память. Это те слова и действия, которые нужно повторять (в том числе нашептывать себе) во время выполнения подвижных упражнений в смоделированных опасных ситуациях. Ритмичные рифмован-

ные речевки с рифмой действия помогают закреплять у детей навыки самоспасения в опасных ситуациях. Речевки помогают детям «запомнить» и закрепить в навык главные действия для выживания в чрезвычайных ситуациях.

Впервые в мире речевки для формирования навыков выживания созданы автором совместно со спасателями и реализованы на занятиях с детьми дошкольного возраста. Опишем подробнее пример речевки, используемый педагогами на занятиях с детьми. Приведем примеры авторской речевки для спасательных действий при нахождении в заложниках. Речевка, ориентирующая на действие, звучит так: «С бандитом? Сиди, жди, мечтай и наблюдай». Разберем смысловые установки каждого слова.

«С бандитом?» – суть опасной ситуации, нахождение рядом с бандитом, с террористом, с незнакомцем.

Далее перечисляются конкретные действия, то, что ребенок должен в этой ситуации делать.

«Сиди» – то есть спокойно находишься на месте, не бегай.

«Жди» – думай о спасателях, жди, они уже спешат на помощь, родители тоже уже помогают тебе, скоро все будет хорошо.

«Мечтай» – это вариант погружения в фантазийный мир, отвлечение от текущей стрессовой нетипичной ситуации, это саморегуляция в стрессе.

«Наблюдай» – действие, которое рекомендовано спецслужбами для того, чтобы запомнить признаки бандитов, кроме того, само по себе наблюдение это действие, которое может отвлечь ребенка от переживаний.

Эти авторские находки и формулировка речевок являются оригинальными. Приведенные примеры ярко иллюстрируют существенную разницу между правилами и речевками: беседы о правилах поведения ориентируют детей на размышление, обсуждение, а речевка предполагает стремительное осуществление конкретных действий для спасения в стрессовой ситуации. А в чрезвычайной ситуации для выживания важно действовать оперативно и целенаправленно.

К занятиям по курсу «Технология спасения жизни» в аудиоформате представлены пять треков с речевками и ритмом. Так, например, в речевке «С бандитом? Сиди, жди, мечтай и наблюдай» использовался ритмичный side stick на малом барабане. Это мягкий звук с обода барабана, по настроению он мягкий, тихий, спокойный, равновесный, каким и должен быть сам ребенок при нахождении в заложниках, чтобы спастись. Для создания ритма в каждой речевке мы использовали разные музыкальные инструменты, для создания у детей еще более прочных

ассоциативных связей между опасностью и верными действиями для спасения.

Опишем уникальный педагогический опыт использования речевок как средства формирования навыков выживания при террористических и экстремистских опасностях у детей дошкольного возраста.

Речевка всегда предполагает многократное повторение. Поэтому дети сначала повторяли речевки вместе с голосами актеров в записи, далее со своим педагогом, а потом под ритм повторяли сами. Важно, что в процессе закрепления навыка выживания каждый ребенок повторял речевку с конкретными соответствующими ей действиями. Так происходило закрепление стратегии поведения в виде навыка на моторном уровне. Речевка становилась той «пластинкой», которая запечатлилась в памяти детей для спасения жизни в опасности.

Дети, которые занимались по курсу, слушали речевки в исполнении разных людей: педагогов, родителей, с разными интонациями. Педагоги отмечают, что были подобраны удобные варианты речевок для восприятия конкретным ребенком.

Двигательно-речевые тренировки навыков выживания в смоделированных педагогом «опасных» ситуациях выполнялись ежедневно в течение месяца по каждой из тем курса. Реализовать это было просто, учитывая, что такое упражнение занимало несколько секунд и гармонично развивало как когнитивные, так и двигательные функции детей, закрепляло навык спасения. Это повышает шансы ребенка на спасение в чрезвычайной ситуации.

Для оценки эффективности использования речевок для формирования навыков выживания мы использовали метод педагогического наблюдения. Педагоги, реализующие с детьми занятия по безопасному поведению, предлагали ребятам использовать речевки для помощи себе при реализации действий. Другими словами, кроме образа и его движений (действий для спасения), детям предлагалось помочь себе проделать нужные действия проговаривая речевку вслух. Критерием эффективности применения речевок мы считаем повышение автономности ребенка в вопросах безопасного поведения в чрезвычайной ситуации, более уверенное ситуативное использование детьми навыков выживания. Например, при задымлении дети шептали себе предложенную речевку «пожар, нос прикрывай, быстро выбегай», повторяя ее многократно в течение прохождения по эвакуационному маршруту. По наблюдениям педагогов, от 80 до 95% детей стали постоянно использовать речевки для помощи себе (по

наблюдениям за проведением тренировок в детском саду (Муниципальное автономное дошкольное образовательное учреждение «Детский сад № 99 г. Челябинска») в 2023–2025 гг. Педагоги отметили, что если ранее именно взрослый руководил действиями детей в ситуации спасения, эвакуации, то с речевками дети стали более самостоятельными, автономными. Мы, как авторы, считаем это важнейшим достижением – самостоятельность детей при спасении в различных чрезвычайных ситуациях. Что особенно ярко можно наблюдать в ситуации обнаружения бесхозного предмета, когда именно дети быстрее взрослого замечают потенциально опасный предмет (в т.ч. колюще-режущие предметы в парках, на прогулочных территориях). Важно, что дети и без непосредственного руководства со стороны взрослого поступают верно, безопасно. Речевки усиливают собственные возможности детей. Как показывают наблюдения педагогов, речевки помогают детям эффективно выполнять правильные действия для спасения.

Выводы

Мы можем сделать вывод о том, что проговаривание для себя вслух или внутренней речью ритмичных речевок как повторяющихся фраз во время стресса件зно для саморегуляции и для реализации безопасных действий, навыков для выживания ребенка в чрезвычайной ситуации.

Мы считаем, что важно изучать данный вопрос далее, внедрять речевки в педагогический процесс. Многие современные угрозы требуют формирования навыков безопасности, а речевки являются одним из средств как формирования, так и закрепления навыков самоспасения у детей при террористических и экстремистских угрозах.

Подводя итог разговору о безопасности детей при угрозах террористического и экстремистского толка, мы делаем следующие важные заключения. Неопределенность всегда была частью человеческой жизни, однако существование факторов террористических и экстремистских угроз требует особого внимания к вопросам безопасности ребенка перед лицом растущих опасностей. Можно утверждать, что неопределенность, связанная с террористическими и экстремистскими угрозами, является категорией, актуальной в наше время, поэтому формирование навыков, способных обеспечить безопасность, становится залогом безопасного будущего ребенка. Мы убеждены, что педагоги и психологи способны обеспечить устойчивое поведение и эмоциональное благополучие детей даже в условиях террористических и экстремистских угроз.

Список литературы

1. Банщикова Т.Н., Соколовский М.Л., Тегетаева Ж.Р. Осознанная саморегуляция как ресурс преодоления стресса и достижения субъективного благополучия: этнорегиональная специфика // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. № 1. С. 19–42.
2. Анциферов Е.Е. Личностные факторы, влияющие на эффективность совладания со стрессом // Вестник науки. 2023. №. 9 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-factory-vliyayuschie-na-effektivnost-sovladaniya-so-stressom> (дата обращения: 17.01.2025).
3. Бубновская О.В. Влияние саморегуляции на совладание и психологическую безопасность студенчества // Психология саморегуляции в контексте актуальных задач образования (к 90-летию со дня рождения О.А. Конопкиной). 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-samoregulyatsii-na-sovladanie-i-psihologicheskuyu-bezopasnost-studenchestva> (дата обращения: 17.01.2025).
4. Ланцевская Н.Ю. Сущность психологической саморегуляции и ее роль в педагогической деятельности // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-psihologicheskoy-samoregulyatsii-i-ee-rol-v-pedagogicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 17.01.2025).
5. Машарина А.Ф. Представление о саморегуляции в отечественной психологии // Педагогика и психология образования. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-o-samoregulyatsii-v-otechestvennoy-psihologii> (дата обращения: 18.01.2025).
8. Соловьева С.Л. Рецензия на монографию «Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени» / Под ред. Зинченко Ю.П., Моросановой В.И. // Медицинская психология в России. 2021. № 4. С. 1–17.
7. Ярмиева З.А. Стресс и его особенности. Способы и приемы психической саморегуляции // Экономика и социум. 2016. № 11-1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stress-i-ego-osobennosti-sposoby-i-priemy-psichicheskoy-samoregulyatsii> (дата обращения: 17.01.2025).
8. Васильева И.В. Оценка стрессовой реакции детей и родителей на сообщения об акте терроризма // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. № 4 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-stressovoy-reaktsii-detey-i-roditeley-na-soobscheniya-ob-akte-terrorizma> (дата обращения: 18.03.2025).
9. Спиридонова С.Б., Карпушова О.А., Шубина А.С. Психолого-педагогические особенности детей, переживших военные действия, и их учет в работе педагога // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-osobennosti-detey-perezvivshih-voennye-deystviya-i-ih-uchet-v-rabote-pedagoga> (дата обращения: 18.03.2025).
10. Точиева М.М., Цечоева Р.Х. Формирование эмоциональной регуляции ребенка в стрессовых ситуациях // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-emotsionalnoy-regulyatsii-rebenka-v-stressovyh-situatsiyah> (дата обращения: 18.03.2025).
11. Hatzigeorgiadis A., Zourbanos N., Galanis E., Theodorakis Y. Self-Talk and Sports Performance: A Meta-Analysis // Perspect. Psychol. Sci. 2011. Jul. **6** (4). P. 348–356.
12. Racy F., Morin A. Relationships between Self-Talk, Inner Speech, Mind Wandering, Mindfulness, Self-Concept Clarity, and Self-Regulation in University Students // Behav. Sci. (Basel). 2024. Jan. **14** (1). P. 55.
13. Oles P.K., Brinthaup T.M., Dier R., Polak D. Types of Inner Dialogues and Functions of Self-Talk: Comparisons and Implications // Frontiers in Psychology. 2020. Frontiers Media SA. 2020. March. Vol. 11.
14. Bangert A., Donohue S.E. Self-talk during successful and unsuccessful performance: A qualitative analysis of competitive swimmers' thoughts // The Sport Psychologist. 2004. **18** (3). P. 221–240.
15. Hatzigeorgiadis A. Self-talk in the swimming pool: The effects of self-talk on thought content and performance on water polo tasks // Journal of Applied Sport Psychology. 2009. **21** (4). P. 395–408.
16. Amado D., Maestre M., Montero-Carretero C. et al. Associations Between Self-Determined Motivation, Team Potency, and Self-Talk in Team Sports // J. Hum. Kinet. 2019. Nov. 70. P. 245–259.
17. Zimmerman B.J., Kitsantas A. Comparing students' self-discipline and self-regulation practices across music, dance, and sports // Journal of Research in Music Education. 2014. **62** (1). P. 68–81.
18. Растокин Н.А., Загреддинова О.О., Ореховская Е.В. Воздействие стресса на соревновательную деятельность спортсмена и способы саморегуляции // Инновационная наука. 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-stressa-na-sorevnovatelnyuyu-deyatelnost-sportsmena-i-sposoby-samoregulyatsii> (дата обращения: 17.01.2025).

CHEATS AS A MEANS OF FORMING SURVIVAL SKILLS IN TERRORIST AND EXTREMIST DANGERS IN PRESCHOOL CHILDREN

O.V. Tsvetnaya

LLC «NII of Pediatrics and Neurology «DETI INDIGO» of Chelyabinsk

Terrorist and extremist threats are a serious threat to security today. It is necessary to ensure the safety of children; for this, from preschool age it is important to develop survival skills when faced with real terrorist dangers. Teachers in many regions of the Russian Federation work with children as part of the “Life Saving Technology” course. It is this practical experience that is described in the article. Speeches (speaking out loud) are a technique that helps activate cognitive centers and turn on awareness in times of stress. This is what helps the child act safely in such a way as to minimize threats in the

context of preserving the life and health of himself and those around him while he is in or participating in an emergency situation. This phenomenon has been studied in the context of sports. The authors of the article use chants to form patterns of safe behavior in senior preschool children and to activate the skill in a stressful dangerous situation. The article examines in detail the theoretical and practical aspects of using chants in preschool pedagogy to form, consolidate and activate (activate, launch) survival skills in children in emergency situations of a terrorist and extremist nature.

Keywords: chants, survival skills, emergency situations, preschool children, life-saving technology, terrorist and extremist threats.

**ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 2 (78)

2025

Главный редактор
д.э.н., проф. С.Н. Яшин

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. ~~29~~**4**. Усл. печ. л. ~~25~~**5**. Тираж 100 экз. Заказ № 292/25.
Дата выхода в свет: 30.06.2025
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет